ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Материалы международной научной конференции,
3–5 апреля 2025 г.

Текстовое электронное издание

Санкт-Петербург
2025

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

LEISURE IN EVERYDAY LIFE: HISTORY AND MODERNITY

IN TWO VOLUMES
VOLUME 1

Materials of the international scientific conference,
April 3–5, 2025

Text electronic edition

St. Petersburg
2025

УДК 94(470):379.8
ББК 63.3(2)+77
Д70

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор В. А. Веременко (отв. ред.),
кандидат исторических наук, доцент В. О. Левашко,
кандидат исторических наук А. Е. Жукова,
кандидат исторических наук О. А. Семёнова,
кандидат филологических наук С. В. Степанов

Д70 **Досуг в повседневной жизни: история и современность = Leisure in everyday life: history and modernity:** материалы международной научной конференции, 3–5 апреля, 2025 г.: в 2 т. Т. 1 / ответственный редактор В. А. Веременко. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2025. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: ПК (AMD, Intel, 1,5 ГГц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-8290-2248-8 (т. 1)
ISBN 978-5-8290-2247-1

В сборнике представлены доклады международной научной конференции (3–5 апреля 2025 г.) по актуальным вопросам досуга в повседневной жизни в истории повседневности. Среди авторов – ведущие ученые, специалисты-практики и начинающие исследователи в области истории и социальных наук из Российской Федерации и зарубежья.

Материалы сборника могут представлять интерес для преподавателей вузов, учителей, организаторов образования, а также для научных работников, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами истории современного состояния досуговых практик и отдыха в России и мире.

УДК 94(470):379.8
ББК 63.3(2)+77

© Авторы, 2025
© Ленинградский государственный университет (ЛГУ) имени А. С. Пушкина, 2025

ISBN 978-5-8290-2248-8 (т. 1)
ISBN 978-5-8290-2247-1

Содержание

ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТЕОРИЯ И ИСТОЧНИКИ

И. Г. Чугаева
Досуг как социально-культурное явление 16
А. Е. Воробьева
Досуговая активность личности: психологическое определение и типологии 20
С. Н. Травкин
Монета и досуг в Средние века и Новое время на территории Восточной Европы 25
М. К. Акользина
Источниковая база для изучения культуры повседневности населения провинциальных городов в первой половине XIX в.: ресурсы регионального архива (по материалам Государственного архива Тамбовской области) 28
Т. Ф. Власов
Личные фонды как источник для историко-антропологических исследований повседневности 32
М. В. Аксенова
Повседневность путешествия в травелогах Н. И. Греча 36
Т. А. Ильевцев
Информационный потенциал переписок об устройстве увеселений в России второй половины XIX в. 40
С. В. Перекрестова
Потеха и дело: следы чтения в учебных книгах для детей и юношества 44
Е. В. Бурлуцкая
Детская досуговая повседневность в письмах юных читателей журнала «Путеводный огонек» (1904–1908 гг.) 49
Т. В. Левицкая
Юмор на страницах журнала «Циклист» (1895–1904) 56
Е. Н. Крылова
Досуг и отдых на страницах столичных периодических изданий Российской империи начала XX в. 61
Н. А. Мозохина
Коллекционирование открыток как форма досуга жителей Российской империи на примерах из произведений писателей – современников Серебряного века 65
А. В. Степанов
Художественное кино русского Серебряного века как зеркало повседневной жизни 70
М. Ю. Петербургский
Досуг политических ссыльных Вологды начала XX в. в дневниках агентов наружного наблюдения 74
М. Г. Шендерюк
Досуговые практики русского зарубежья на рекламных страницах «Иллюстрированной России» 79
Е. В. Никуленкова
Роман В. Н. Астрова «Круча» как источник по истории повседневности 83

Ю. О. Куренкова
Журналы «Пионер» и «Костер» как источники
о досуге советских школьников периода «оттепели» 88
А. Д. Попова
Образ сельского клуба в советском кинематографе
и письмах граждан 1950–70-х гг. 93
И. В. Рочева, В. А. Тушканова
Культурный досуг жителей Удорского района Коми АССР в 1980-е гг.
в отражении районной газеты 98
К. А. Вихрова
Безделье как протест: досуговые практики персонажей Ричарда Линклейтера.....103
А. А. Круталевич, Е. Ю. Михеева
Инскрипты как источник изучения повседневности
(на примере книжного собрания Т. В. Ильиной
в фонде научной библиотеки ГМЗ «Петергоф»).....106
Т. Н. Самарина
Репрезентация повседневности исполнительниц восточного танца
в материалах журнала «Ориенталь» (2005–2014 гг.).....111

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Н. С. Нижник
Праздник как средство социальной интеграции и маркер
социальной стратификации российского общества в XVIII в. 116
А. А. Кальсина
Деятельность Пермского губернского земства и Пермского губернского комитета
попечительства о народной трезвости по организации досуга крестьянского
и городского населения Пермской губернии в начале XX в. 121
Е. В. Дианова
Организация летнего детского отдыха в Олонецкой губернии в 1918–1920 гг. 127
Н. Н. Кабытова
Организация досуга сельских жителей российской провинции в 1920-е гг. 131
Е. В. Жбанкова
Досуг советских трудящихся в 1920-е гг. 139
И. В. Сидорчук, С. А. Данилова
К вопросу о границах нормы и аномалии в досуге советских горожан 1920-х гг. 144
Т. П. Тетеревлева, Е. Е. Шурупова
«Перевоспитание заключенных трудом и культурным отдыхом»:
досуг в структуре повседневности Соловецкого лагеря
особого назначения 1920-х гг. 149
В. В. Коровин, Р. В. Коровин
О роли клубной работы в организации досуга курских железнодорожников
(конец 1920-х – 1930-е гг.).....153
Е. А. Головин
Организация летнего отдыха детей железнодорожников
в первое послевоенное десятилетие 158

Н. В. Хомякова
Организация досуга советских школьников
в первое послевоенное десятилетие (по материалам Южного Урала) 163
П. С. Потапенко
О практике организации досуга курских ветеранов в послевоенные годы 168
С. А. Душкин
Об организации досуга молодых участников
послевоенного восстановления Курска 172
Ф. К. Ярмолич
Досуг человека и советское общество 1950–1960-х гг. 177
О. Д. Попова
Письма граждан «во власть» в конце 1950-х гг. как отражение представлений
о нормах и аномалиях провинциальной досуговой деятельности 182
В. П. Брендель, З. З. Мухина
Поисковое движение как форма досуга молодежи 187
Е. Е. Кононова
Советский досуг (1985–1991 гг.) 191

ДОСУГ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Т. М. Гусева
Повседневный быт пленных офицеров наполеоновской армии
в уездных городах Пензенской губернии 196
Т. Ю. Шестова
Формы досуга пермяков в 1919 г.
(по материалам газеты «Свободная / Современная Пермь») 200
Н. Л. Крылова
В короткие часы досуга. Русская эмиграция «первой волны» в Северной Африке 206
Н. В. Ларин
Повседневность и досуг детей беженцев в условиях эвакуации в Рязани
в период Первой мировой войны (по материалам детских приютов) 210
В. О. Левашко, Д. В. Исаев
«Сошлись мы вечером…»: досуговые занятия краснофлотцев
Краснознамённого Балтийского флота в преддверии
и в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. 215
Р. Р. Хисамутдинова
Досуговая повседневная жизнь фронтовиков
в годы Великой Отечественной войны 224
С. А. Бачевская
Партизанский досуг в период Великой Отечественной войны
(на примере территории Ленинградской области) 231
Ю. Н. Красникова
Повседневная жизнь и досуговая деятельность сельского населения
тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 235
И. А. Эмирханов
Общественно-культурные аспекты повседневной жизни населения
провинциального города в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
(по материалам города Махачкала) 241

А. В. Чуриков
Стратегии выживания эвакуированных специалистов
на Южном Урале (1941–1945 гг.) 245
М. Л. Рогацкина
«Досуг» в оккупированном Смоленске (1941–1943 гг.)
по материалам архива историка-краеведа Л. В. Котова 250
Я. С. Аленичева
Работа и быт служащих театра им. К. П. Воскобойника,
созданного на оккупированной территории Брянской области
в период Великой Отечественной войны 255
А. К. Гагиева
Досуг студентов средних специальных учебных заведений Коми АССР
в 1941–1945 гг. 262
Н. Д. Козлов
Досуг детей в советском тылу в годы Великой Отечественной войны
в отечественной историографии 267
М. Д. Кирчанов
Организация досуга воспитанников Ленинградского Нахимовского
военно-морского училища в 1944–1955 гг. 271
И. И. Иноземцев
Досуговые мероприятия и их влияние на повседневную жизнь населения
Ленинградской области в 1945–1951 гг. 276
А. В. Гусев
Спортивно-массовая работа в Вооруженных силах СССР
и ее роль в повышении уровня физической подготовленности
и организации досуга военнослужащих 280

ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

В. В. Шевцов
Досуг и будни в культуре «верхов» и «низов»
дореволюционного российского общества 284
А. Г. Фот
Досуг приходского православного духовенства
во второй половине XIX – начале XX столетия 289
Л. Н. Пивоварова
Традиционные формы досуга крестьян Центрально-Черноземных губерний
в дни церковных престольных праздников 294
Е. В. Годовова
Досуг в повседневной жизни казачьих станиц
(вторая половина XIX – начало XX в.) 300
Н. А. Кириков
Досуг чиновников Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. 306
В. В. Карпова
Досуг сельского учителя в России на рубеже XIX–XX вв. 310
А. В. Синева
Досуг рабочих ленинградской фабрики «Скороход»
в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. 316

Н. В. Тихомиров
Досуг студентов КУНМЗ по материалам университетской печати.....320
К. С. Барабанова
Советские гельминтологи в качестве исследователей повседневности
во второй половине 1920-х гг. в Сибири 325
А. В. Петряева
Студенческая повседневность: досуг будущих инженеров в 1960–1980-е гг.
на примере Курского политехнического института 328
Л. Н. Блошенкова
Художественная самодеятельность рабочих ПО «Комигазпром»
как вид досуговой практики в 70-е гг. XX в. 333
Ю. М. Павленко
Учительские клубы как форма проведения досуга педагогов СССР
в конце 1980-х – начале 1990-х гг. 337
Д. В. Щукин, А. А. Рябова
Трансформация идентичности: культурные течения и субкультуры
в пространстве повседневности России 1990-х гг. 341

СТОЛИЧНАЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ДОСУГОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

И. Р. Соколовский
Запретные развлечения: «зернь» в Сибири XVII в. 346
В. И. Белошеева
Визиты и званые обеды как элементы домашнего досуга в воспоминаниях
столичного дворянства конца XVIII – первой половины XIX в. 350
В. В. Бавыкин
Досуг непривилегированного населения Санкт-Петербурга
первой половины XIX в. 356
М. А. Виноградова
Особенности организации досуга душевнобольных Санкт-Петербургской
городской больницы Святого Пантелеймона в 1897–1904 гг. 360
К. В. Купченко, Д. К. Купченко
Библиотечная деятельность в малых городах Смоленской губернии
в XIX – начале XX в. как форма досуга провинциальной повседневности 365
К. А. Тишкина, Т. В. Тишкина
«Народные библиотеки-читальни им. А. В. Потаниной» в Иркутске 370
Е. П. Баринова
Ресторанные заведения в досуговых практиках жителей российской провинции
во второй половине XIX – начале XX в. 374
Е. Н. Морозова
Новые формы досуга: вокзалы как акторы городской
российской повседневности (конец XIX – начало XX в.) 381
С. В. Степанов
Общественные собрания и культурно-просветительские организации
в городах Петербургской губернии на рубеже XIX – начала XX в. 386
Д. А. Мельникова
Тотализатор в Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в. 392

Т. И. Трошина
Традиция «дачного отдыха» в провинциальном городе
(на примере Архангельска в первой половине XX в.).....397
О. А. Рашитова
Досуг жителей провинциального Ямбурга в начале XX в.....401
А. В. Шуршикова
Досуг нижегородцев в первые годы нэпа
(по материалам периодической печати) 406
И. М. Трень
Организация культурно-досуговой деятельности в Инстербурге (Черняховске)
и Черняховском районе в послевоенные годы.....411
Е. В. Пахомова
Столичные артисты на оренбургской целине в первые годы ее освоения.....416
Н. С. Байкалов
Организация досуга жителей молодых городов Забайкалья
во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.....421
Ю. Н. Варфоломеева
Поэтическое творчество как форма досуга в молодых городах Забайкалья
(на примере г. Северобайкальска) 426

Сведения об авторах 431

Contents

EVERYDAY LEISURE: THEORY AND SOURCES

I. G. Chugaeva
Leisure as a socio-cultural phenomenon 16
A. E. Vorobieva
Personal leisure activity: psychological definition and typologies 20
S. N. Travkin
Coin and leisure in the Middle Ages and Modern Time in Eastern Europe 25
M. K. Akolzina
Source base for studying everyday life culture of the provincial cities' population in the first half of the 19th century: regional archive resources (based on the materials of the State Archive of the Tambov region) 28
T. F. Vlasov
Personal funds as a source for historical and anthropological studies of everyday life 32
M. V. Aksyonova
Travel everyday life in travelogues of N. I. Grech 36
T. A. Ilyevtsev
The information potential of correspondence on the entertainment organization in Russia in the second half of the 19th century 40
S. V. Perekrestova
Pleasure and business: traces of reading in educational books for children and youth 44
E. V. Burlutskaya
Children's leisure daily life in the letters of young readers of the magazine "Guiding Light" (1904–1908) 49
T. V. Levitskaya
Humor in the « Cyclist» magazine (1895–1904) 56
E. N. Krylova
Leisure and recreation on the pages of the capital periodicals of the Russian Empire of the early 20th century 61
N. A. Mozokhina
Collecting postcards as a form of leisure for Russian Empire residents on the examples from the works of contemporary writers of the Silver Age 65
A. V. Stepanov
Art cinema of the Russian Silver Age as a mirror of everyday life 70
M. Yu. Peterburgsky
Leisure time of Vologda political exiles of the early 20th century in the diaries of surveillance agents 74
M. G. Shenderyuk
Leisure activities of Russian emigrants on the advertising pages of the magazine "Illustrated Russia" 79
E. V. Nikulenkova
V. N. Astrov's novel "Krucha" as a source on the history of everyday life 83
Yu. O. Kurenkova
"Pioneer" and "Koster" magazines as sources about the leisure time of Soviet schoolchildren during the "Thaw" period 88

A. D. Popova
The image of the village club in Soviet cinema and citizens' letters of the 1950s – 70s 93
I. V. Rocheva, V. A. Tushkanova
Cultural leisure of the Udora district residents in the Komi ASSR
in the 1980s reflected in the local newspaper 98
K. A. Vikhrova
Slacking as protest: the leisure practices of Richard Linklater's characters 103
A. A. Kroutalevitch, E. Y. Mikheeva
Inscriptions as a source of studying everyday life (based on T. V. Ilyina book collection
in the Scientific Library of the Peterhof State Museum-Reserve) 106
T. N. Samarina
Everyday life representation of belly dancers in "Oriental" magazine (2005–2014) 111

POWER AND SOCIETY

N. S. Nizhnik
The holiday as a means of social integration and marker of social stratification
of Russian society in the 18th century 116
A. A. Kalsina
The activities of Perm Provincial Zemstvo and Perm Provincial Committee
for the guardianship of national sobriety in organizing leisure activities for the peasant
and urban population of Perm province in the early 20th century 121
E. V. Dianova
Organization of summer children's recreation in the Olonetsk province in 1918–1920 127
N. N. Kabytova
Organization of leisure activities of rural residents of Russian province in the 1920s 131
E. V. Zhbankova
Leisure of Soviet workers in the 1920s 139
I. V. Sidorchuk, S. A. Danilova
On the issue of the boundaries of norm and anomaly in the leisure of Soviet
urban population of the 1920s 144
T. P. Teterevleva, E. E. Shurupova
"Re-education of prisoners through labor and cultural recreation":
leisure in the everyday life of the Solovki special purpose camp in the 1920s 149
V. V. Korovin, R. V. Korovin
On the role of club work in the leisure organizing for Kursk railway workers
(late 1920s – 1930s) 153
E. A. Golovin
Organization of summer holidays for children of railway workers
in the first post-war decade 158
N. V. Khomyakova
Leisure of Soviet schoolchildren in the first post-war decade
(based on the materials of the Southern Urals) 163
P. S. Potapenko
On the practice of organizing leisure activities for Kursk veterans
in the post-war years 168

S. A. Dushkin
On the organization of leisure activities for young participants of the post-war reconstruction of Kursk....172
F. K. Yarmolich
Human leisure and Soviet society in the 1950s – 1960s....177
O. D. Popova
Letters from citizens "to the authorities" in the late 1950s as a reflection of ideas about the norms and anomalies of provincial leisure activities....182
V. P. Brendel, Z. Z. Mukhina
The search movement as a form of youth leisure....187
E. E. Kononova
Soviet leisure (1985–1991)....191

LEISURE IN EXTREME EVERYDAY LIFE

T. M. Guseva
Everyday life of captured officers of the Napoleonic army in the district towns of the Penza province....196
T. Yu. Shestova
Leisure activities of Perm residents in 1919 (based on materials from the newspaper Svobodnaya / Sovremennaya Perm)....200
N. L. Krylova
In short leisure hours. Russian emigration of the "first wave" in North Africa....206
N. V. Larin
Daily life and leisure of refugee children in the evacuation conditions in Ryazan during the First World War (on the materials of orphanages)....210
V. O. Levashko, D. V. Isaev
"We met in the evening...": leisure activities of the Red Banner Baltic Fleet sailors on the eve to and during the Soviet-Finnish War of 1939–1940....215
R. R. Khisamutdinova
Leisure everyday life of front-line soldiers during the Great Patriotic War....224
S. A. Bachevskaya
The partisan leisure during the Great Patriotic War (on the example of the Leningrad region)....231
Yu. N. Krasnikova
Everyday life of the rural population of the USSR rear areas during the Great Patriotic War (1941–1945)....235
I. A. Emirkhanov
Socio-cultural aspects of everyday life of the population of a provincial town during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on materials of the Makhachkala city)....241
A. V. Churikov
Survival strategies of evacuated specialists in the Southern Urals (1941–1945)....245
M. L. Rogatskina
"Leisure" in occupied Smolensk (1941–1943) based on the archive of local historian L. V. Kotov....250

Ya. S. Alenicheva
Work and life of employees of the Voskoboynik Theater, created in the occupied territory of the Bryansk region during the Great Patriotic War.....255
A. K. Gagieva
Leisure activities of students of secondary specialized educational institutions of the Komi ASSR in 1941–1945 262
N. D. Kozlov
Leisure of children in the Soviet rear during the Great Patriotic War in Russian historiography.....267
M. D. Kirchanov
Organization of leisure activities for pupils of the Leningrad Nakhimov Naval School in 1944–1955.....271
I. I. Inozemtsev
Leisure activities and their impact on the daily life of the Leningrad Region population in 1945–1951.....276
A. V. Gusev
Mass sports work in the Armed Forces of the USSR and its role in the increasing of the physical fitness level and organizing leisure time for military personnel 280

LEISURE IN EVERYDAY LIFE OF INDIVIDUAL SOCIAL GROUPS

V. V. Shevtsov
Leisure and weekdays in the culture of social elite and lower classes in the pre-revolution Russian society.....284
A. G. Fot
Leisure of the parish Orthodox clergy in the second half of the 19th – early 20th century 289
L. N. Pivovarova
Traditional forms of leisure for peasants of the Central Chernozem provinces during church patronal holidays 294
E. V. Godovova
Leisure in the daily life of the Cossack villages (second half of the 19th – early 20th century).....300
N. A. Kirikov
Leisure of officials of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries.....306
V. V. Karpova
Leisure of the village teacher in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries 310
A. V. Sineva
Leisure of workers of the Leningrad factory “Skorokhod” in the late 1920s – first half of the 1930s.....316
N. V. Tikhomirov
Leisure of KUNMZ students based on the materials of the university press 320
K. S. Barabanova
Soviet helminthologists as researchers of everyday life in the second half of the 1920s in Siberia.....325

A. V. Petryaeva
Student daily life: leisure of future engineers in the 1960s – 1980s
on the example of Kursk Polytechnic Institute 328
L. N. Bloshenkova
Amateur artistic activity of Komigazprom workers as a type
of leisure practice in the 1970s.....333
Yu. M. Pavlenko
Teachers' clubs as a form of leisure activities for teachers
in the USSR in the late 1980s and early 1990s 337
D. V. Shchukin, A. A. Ryabova
Transformation of identity: cultural trends and subcultures in everyday life
in Russia in the 1990s.....341

CAPITAL AND PROVINCIAL LEISURE LIFE

I. R. Sokolovsky
Forbidden entertainment: "zern'" in 17th century Siberia.....346
V. I. Belosheeva
Visits and invited dinners as a home leisure in the memories of the capital nobility
in the late 18th – first half of the 19th centuries 350
V. V. Bavykin
Leisure time for the underprivileged population of St. Petersburg
in the first half of the 19th century.....356
M. A. Vinogradova
Features of the organization of leisure activities for the mentally ill
at the St. Petersburg City Hospital of St. Panteleimon in 1897–1904 360
K. V. Kupchenko, D. K. Kupchenko
Library activity in small towns of the Smolensk province
in the 19th – early 20th centuries as a form of leisure in provincial everyday life.....365
K. A. Tishkina, T. V. Tishkina
"A. V. Potanina People's Libraries and Reading Rooms" in Irkutsk 370
E. P. Barinova
Restaurant establishments in the leisure practices of Russian provincial residents
in the second half of the 19th – early 20th centuries.....374
E. N. Morozova
New forms of leisure: railway stations as actors of Russian urban everyday life
(late 19th – early 20th centuries).....381
S. V. Stepanov
Public meetings and cultural and educational organizations in the cities
of the St. Petersburg province at the turn of the 19th – early 20th centuries.....386
D. A. Melnikova
The totalizator in the Russian Empire in the last quarter
of the 19th – early 20th century 392
T. I. Troshina
The tradition of "dacha recreation" in a provincial city
(on the example of Arkhangelsk in the first half of the 20th century).....397
O. A. Rashitova
Leisure time of provincial Yamburg residents in the early 20th century.....401

A. V. Shurshikova
Leisure of Nizhny Novgorod residents in the early years of the NEP (based on the materials of the periodical press) 406
I. M. Tren'
Organization of cultural and leisure activities in Chernyakhovsky district in the post-war years 411
E. V. Pakhomova
Metropolitan artists on the Orenburg virgin land in the early years of its development 416
N. S. Baikalov
Leisure activities organization of residents in Transbaikalian young cities and towns during the second half of the 1980s – early 1990s 421
Yu. N. Varfolomeeva
Poetry writing as a form of leisure in the young towns of Transbaikalia (case-study of Severobaikalsk)..... 426

About Authors 431

ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТЕОРИЯ И ИСТОЧНИКИ

И. Г. Чугаева

Досуг как социально-культурное явление

В статье проведен философский анализ понятия досуга, выделены его сущностные характеристики. Сделан вывод, что досуговая деятельность осуществляется в результате осознанного, свободного выбора человека, отражает ценностные основы бытия человека в мире. Досуг является показателем свободы человека от обусловленности существования, характеризуется потребностью человека в самоосуществлении. Досуг необходим человеку для удовлетворения потребности в познании себя в условиях свободного от работы времени. Досуг имеет социальный характер, характеризуется осознанной включенностью субъектов в деятельность различных образовательных, оздоровительных, общественно-политических или гражданских институтов.

The article provides a philosophical analysis of the concept of leisure, highlights its essential characteristics. It is concluded that leisure activities are carried out as a result of a conscious, free choice of a person, reflects the value foundations of human existence in the world. Leisure is an indicator of a person's freedom from the conditionality of existence, characterized by a person's need for self-fulfillment. Leisure is necessary for a person to satisfy the need for self-knowledge in conditions of free time from work. Leisure has a social character, characterized by the conscious involvement of subjects in the activities of various educational, recreational, socio-political or civil institutions.

Ключевые слова: бытие человека в мире, свободное время человека, ценностно-смысловая наполненность досуговой деятельности, самоосуществление человека, социальный характер досуговой деятельности.

Key words: the existence of a person in the world, the free time of a person, the value-semantic fullness of leisure activities, self-fulfillment of a person, the social nature of leisure activities.

В общественных науках досуг определяется как свободное от работы время. В период становления социологии (конец XIX – начало XX в.) «свободное время» отождествлялось с нерабочим периодом в целом. Позднее под «досугом» стала пониматься лишь та часть свободного от работы времени, которая оставалась за вычетом из него всех необходимых непреложных затрат (на сон, уход за детьми, занятие домашним хозяйством), т. е. оказывалась свободной в собственном смысле этого слова. Сейчас внерабочее время включает в себя период, связанный:

- с подготовкой к работе на производстве;
- удовлетворением физиологических потребностей;
- с домашним трудом и другими бытовыми потребностями;
- собственным свободным временем (досугом).

Собственно свободное время (досуг) предоставляет человеку возможность заниматься разнообразной деятельностью по своему усмотрению, удовлетворять свои интересы и потребности. Досуг является возможностью для самовыражения, самосовершенствования, средством погружения человека в культуру. Это личная среда жизни человека, шанс поиска нового, развитие границ возможного. Именно способ распоряжения своим свободным временем характеризует особенности человека, направленность личности как систему устойчиво характеризующих человека побуждений, т. е. то, что человек хочет, к чему стремится, так или иначе понимая мир, общество и др.

К. Маркс, характеризуя предметно-преобразовательную сущность человека, отмечает, что преобразование природы через труд является родовой сущностью человека. Труд – это «процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [1, с. 159]. В этом состоит самоутверждение человека как сознательного существа. В процессе труда человек сам преобразует себя, свои способности и возможности.

В отличие от животных, человек трудится и производит различные продукты, будучи свободным от физических потребностей, в то время как животное всецело подчинено им: «Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в чём непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда, как человек производит универсально; оно (животное) производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит, даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от неё; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты» [2, с. 233]. По К. Марксу, предметно-преобразовательный характер, универсальность труда как способность прилагать к каждому предмету присущую ему меру, свобода от непосредственно физической потребности делают труд всеобщим, сущностным законом человеческого бытия. Таким образом, труд должен быть свободным от отчуждения (продукт труда должен принадлежать самому человеку) и должен быть всеобщим, так как именно в процессе труда человек приобретает свою человеческую сущность и воспроизводит саму жизнь, для которой необходимо осуществлять данную деятельность. Труд должен быть творческим, самодеятельным. Цель труда заключается не в производстве материальных благ, а наоборот, производство материальных благ является основой для самодеятельности.

Философ приходит к понятию общественного труда как добровольного занятия, выражающего социальную необходимость, направленного на поддержание общих ценностей. Таким образом, по К. Марксу, общественный труд даст возможность увеличения материальных благ, сокращения рабочего времени, увеличения свободного времени для всех членов общества.

Тенденцию к сокращению рабочего дня мы наблюдаем в современном обществе, правда она пробивает себе дорогу в превратной форме. Вместо создания свободного времени для творческой деятельности всех членов общества, она увеличивает резервную армию труда, с одной стороны, а с другой – создаёт широкий слой праздной публики, которая желает потреблять, ничего не производя. Это явление, порой приобретающее асоциальные формы, связано с антиобщественной деятельностью, а порой и с преступностью.

Значит, можно сделать предположение о том, что сокращение рабочего времени не является основным условием, ведущим к духовному производству человека, к свободе человека, к его самосовершенствованию. Таким образом, мы приходим к необходимости обратиться к понятиям свободы и творчества.

В. Франкл говорит в своей работе «Борьба за смысл» о том, что «быть человеком – значит быть направленным на что-то или кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или богу, которому он служит» [3], т. е. для человека необходимо найти смысл своего существования. При этом смысл не может быть дан человеку извне, он должен быть найден самим человеком. Попытка же навязать человеку смысл свелась бы к морализированию.

В современном обществе изобилия, большинство людей страдают от неосознанности и бессмысленности своего существования. Возникает состояние «экзистенциального вакуума», непонимания себя, заброшенности, неудовлетворенностью жизнью. Общество потребления – это общество с пониженными требованиями, которое лишает людей напряжения в борьбе за ценности жизни. Люди, лишенные напряжения, склонны к тому, чтобы создавать его и это может принимать либо здоровые формы (спорт, волонтерство и т.п.), либо нездоровые (алкоголь, наркотики, вандализм и т.п.).

Свобода ли это?

Здоровое напряжение необходимо человеку для душевного благополучия, для его направленности в жизни, и он может переживать данное состояние в процессе осознания себя в этом мире. Соответственно можно сделать предварительный вывод, что для свободы человека надо «быть в мире» (М. Хадеггер), т. е. находиться в отношении к чему-то или к кому-то иному [4].

По В. Франклу, человеческая свобода – это свобода выбора отношений, своей позиции к реальным социальным явлениям. Свобода заключается в том, чтобы быть свободным от условий, от диктата складывающихся жизненных обстоятельств, когда человек не свободен от условий, но он свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не обусловливают человека полностью. От него – в пределах его ограничений – зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям. Он может также подняться над ними и таким образом открыться и

войти в человеческое измерение. Определяя свободу человека как способность быть в отношения к чему-либо или к кому-либо, занять свою позицию, т. е. иметь свою систему ценностей и приоритетов, важно, что человек сам выстраивает эту иерархию, творчески их перерабатывая. Ценности претворяются в продуктах материальной и духовной деятельности человека, его творчестве (научном, техническом, художественном).

Так, В. Франкл определяет свободу как духовность человека: «человек как духовное существо не только сталкивается с тем, что он противостоит миру (как внешнему, так и внутреннему), но и занимает позицию по отношению к нему. Человек всегда может как-то «относиться», как-то «вести себя» по отношению к миру. В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному психофизическому внутреннему миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке. Духовная личность – это то в человеке, что всегда может возразить!» [5, с. 111]

Таким образом, концепция самореализации человека возможна только при условии свободы человека и осмысленности своего выбора, своей деятельности. Так мы приходим к понятию деятельности. Деятельность – это ценностно-наполненная форма общественно-исторического бытия людей, целенаправленное преобразование ими природной и социальной действительности. Деятельность человека всегда осознанна, ценностно значима, творчески исполнена.

Данная форма бытия невозможна без заботы о себе, понимания себя, самопознания, что в свою очередь, возможно в досуговой деятельности. Досуговая деятельность – осознанная активная деятельность человека, направленная на удовлетворение потребностей в познании собственной личности и окружающего мира, осуществляемая в условиях свободного от работы времени.

Следует различать досуговую деятельность и отдых. Отдых – это проведение некоторого времени без обычных занятий, работы, служащий для восстановления сил и снятия усталости.

Таким образом, мы определяем досуг как социокультурное явление, так как он характеризует человека как субъекта, деятельность которого является результатом его свободного выбора, отражающего его личную систему ценностных ориентаций и жизненных приоритетов. Данная деятельность субъекта имеет социальный характер и не противоречит правилам человеческого общежития, деятельности, обычаям, традициям отдельных лиц и общества в целом. Досуг имеет социальный характер, характеризуется осознанной включенностью субъектов в деятельность различных образовательных, оздоровительных, общественно-политических или гражданских институтов. Досуг является необходимым для реализации своих творческих способностей, активизации процесса самопознания, самопонимания в деятельности. Досуг определяется заботой о себе, которую совершает человек для удовлетворения своих физических, умственных, эмоциональных потребностей. Досуг необходим человеку для самоопределения в системе социально-личностных отношений.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал Т. 1. URL: https://fictionbook.ru/static/trials/00/17/23/00172324.a4.pdf?ysclid=m33ynxsnt9938526432 (дата обращения: 05.11.2024).
2. Маркс К. Социология: сборник. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 430 с.
3. Франкл В. В борьбе за смысл. URL: https://royallib.com/read/frankl_viktor/v_borbe_za_smisl.html#0 (дата обращения: 05.11.2024).
4. Хайдеггер М. Бытие и время. URL: https://royallib.com/read/haydegger_martin/bitie_i_vremya.html#0 (дата обращения: 05.11.2024).
5. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с. URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Франкл_Человек.pdf (дата обращения: 05.11.2024).

А. Е. Воробьева

Досуговая активность личности: психологическое определение и типологии*

В статье обозначена проблема недостаточной изученности досуга в психологии. Досуговая активность понимается как социальная активность. Предлагаются определения досуговой активности. Рассмотрены психологические типологии досуга.

The problem of insufficient study of leisure in psychology is outlined. Leisure activity is understood as social activity. Definitions of leisure activity are proposed. Psychological typologies of leisure are considered.

Ключевые слова: психология досуга, досуговая активность, социальная активность, определение досуга, типы досуга.

Key words: leisure psychology, leisure activity, social activity, leisure definition, leisure types.

Тема досуга в психологии долгое время сводилась к отдыху или безделью [1], основной акцент исследований делался на трудовой сфере. Досуг изучался в его отдельных формах (например, за период 2002–2011 гг. (по данным из каталога РГБ на 30.07.2023), было написано 60 диссертаций по игровой активности детей (либо дошкольников, либо подростков с компьютерной аддикцией) и только четыре – по игровой активности взрослых (также компьютерной). Слабая изученность досуга отмечается разными авторами [1; 2].

Психологические функции досуга до сих пор не определены, нет и психологической классификации видов досуговой активности, как нет и единого подхода к его изучению. В психологических словарях определение досуга отсутствует.

* Работа выполняется по Госзаданию 0138-2024-0018 «Индивидуальные и групповые психологические механизмы консолидации российского общества в условиях геополитического кризиса».

Основываясь на анализе литературы [3–6], досуг понимается нами как вид деятельности, не связанный с получением материальной выгоды, направленный на получение позитивных эмоций в процессе выполнения этой деятельности и достижение субъективно значимого результата, а также характеризующийся отсутствием обязательств перед третьими лицами и свободой выбора и прекращения этого вида деятельности [7]. Некоторые виды досуга (групповые) могут предполагать определенные социальные обязательства (например, соблюдение графика репетиций, приобретение согласованного с руководителем костюма и реквизита, планирование свободного времени для совместных поездок и т.п.). Наши исследования показывают, что досуг не всегда оказывается связан с позитивными эмоциями [8], но все же, включаясь в досуговую активность, человек ожидает получить именно их.

Согласно классификации А. С. Моисеева, основополагающими сферами жизни, в которых реализуется социальная активность, являются: работа, семья, значимые отношения с другими людьми, досуг [9].

В предлагаемой Р. М. Шамионовым с соавторами анкете для изучения социальной активности выделяется досуговая, а также ряд других видов социальной активности, которые, с точки зрения авторов, к ним не относятся: альтруистическая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная [1]. Это связано с тем, что досуговая активность понимается авторами в узком смысле: как активность, направленная на себя, развлечение: «путешествия; отдых на природе, в парках; походы в театры, кино; просмотр передач и видео по ТВ или на YouTube; чтение книг, журналов, других источников развлекательной информации; компьютерные игры; посещение фитнесс-клубов, оздоровительных центров, салонов красоты; занятие в спортивных секциях; уличный спорт; шопинг; хобби; отдых в кафе, ресторанах; отдых в обществе друзей, единомышленников, интересных людей» [1, с. 7], она «не предусматривает формирования мотивов помощи и пользы для общества» [10, с. 33]. В более поздних работах авторы дополняют этот перечень, а затем методами математической статистики укрупняют группировку видов активности и в досуговую активность включают спортивно-оздоровительную, семейно-бытовую и культурно-массовую [11].

Таким образом, рядом авторов (А. С. Моисеев, Р. М. Шамионов, А. В. Григорьев) выделяется такой вид социальной активности, как активность в сфере досуга (или досуговая активность), но лишь в назывном плане.

Мы не можем согласиться с определением досуговой активности по Р. М. Шамионову с соавторами, потому что досуг – это не только отдых, развлечения и саморазвитие, но и волонтерство [12], участие в работе общественных и политических организаций, хотя последний вид досуга действительно менее распространенный [13]. С нашей точки зрения, практически все перечисленные выше виды социальной активности относятся к досуговой.

Обозначенное различие в понимании места и содержания досуговой активности, как нам кажется, обусловлено разными исходными посылами авто-

ров. Исследователи, которые рассматривают социальную активность только как просоциальную и самодетерминированную, направленную на активное преобразование среды, а досуговую активность – как развлечение, направленное на себя, исходят из воспитательной, педагогической традиции понимания досуга и социальной активности. Те же авторы, которые рассматривают социальную активность в широком смысле – как взаимодействие с социальной средой (также понимаемой в широком смысле), а досуговую активность – как свободно инициируемую и прекращаемую деятельность, как правило, не связанную с какими-либо обязательствами, направленную на получение позитивных эмоций и любого субъективно значимого результата, исходят из традиций социологии и психологии труда, задающих дихотомию жизненных сфер личности «труд-досуг». Таким образом, эти подходы не должны рассматриваться как взаимоисключающие, они имеют право на сосуществование.

Классификация, предложенная в 1974 г. Дж. Невлингером, исходит из психологического типа личности и делит всех людей на две группы: ориентированных на активный интеллектуальный досуг и ориентированных на активный социальный досуг [по: 14]. Недостатком этой классификации является отсутствие типов досуга, не предполагающих активности. М. Чиксентмихайи с соавторами выделяет также два типа досуга: расслабляющий (например просмотр телевизора) и переходный, или серьезный (например занятия спортом) [15]. Достоинством этой типологии является присутствие категории активного досуга, но всего два вида досуговой активности – это очень упрощенное деление. Разделить формы досуга на активные и пассивные не так просто: например, прогулки в парке могут рассматриваться, с одной стороны, как умеренная физическая активность, а с другой – как пассивное взаимодействие с миром флоры [16].

М. Г. Рагеб выделяет шесть видов досуга: массмедиа, социальный, внедомашний, спорт, культурный досуг, хобби [17]. Однако он не дает четкого объяснения, как были сформированы эти категории (только упоминает, что 41 досуговое занятие было собрано из разных источников). М. Л. Кальтабиано путем факторного анализа сгруппировала 83 досуговых занятия, типичных для региона проведения исследования (Австралия), в три категории с точки зрения их полезности для снятия стресса: активный спорт на улице, социальный досуг, культурный хобби-досуг [18]. С. Е. Исо-Ахола подразделяет стили досуга на активный и пассивный [19].

А. Пассмор, используя «Опросник досуга» [20], разделяет досуговую активность на три вида: активный (целенаправленный, например занятие спортом), социальный (например встречи с друзьями) и «тайм-аут», т. е. расслабляющий, пассивный (например просмотр телевизора) [21].

Й. Ивасаки с соавторами [22], основываясь на работах М. Г. Рагеба [17], Р. Маннел и Д. А. Кляйбер [23], предлагают выделять семь видов досуга: физически активный (например спорт, фитнес); социальный (например встречи с друзьями, свидания, посещение вечеринок); расслабляющий (например прослушивание музыки, чтение, просмотр телевидения, размышления); внедомаш-

ний отдых (например пеший туризм, гребля на каноэ, рыбалка, прогулки, посещение зоопарка); культурный досуг (например, посещение концерта, балета, театра, музея); хобби (например живопись, рисунок, гончарное дело, фотография, шитье, флористика); туристские поездки (например путешествие, посещение фестивалей).

Культурный досуг, с нашей точки зрения, не сводим к другим видам (активный, социальный, расслабляющий), так как он предполагает «холодный» тип социальности, по Л. Плурду [24], предполагающий поддержание дистанции и тишины, что не свойственно социальному досугу. Также этот вид досуга не предполагает полного расслабления, подобно «тайм-ауту», хотя эстетические переживания от взаимодействия с объектами культуры и могут способствовать релаксации. Культурный досуг не предполагает высокой активности и целенаправленности, хотя субъект досуговой активности и может формулировать для себя какую-то цель.

Смыслы досуга в целом и отдельных его видов могут быть различными, так например, с помощью просмотра телевизора можно: 1) развлечься, избежать скуки, забыть о проблемах; 2) быть в курсе событий, получать информацию и советы; 3) узнавать о социальных проблемах, чувствовать сопричастность персонажам и ведущим; 4) идентифицировать или сопоставлять себя с другими людьми [25]. Таким образом, любое жесткое группирование досуговых занятий будет в той или иной мере спорным. Оптимальным представляется определение принадлежности конкретного досугового занятия в жизнедеятельности конкретного человека к одному из видов досуговой активности при помощи специального опросника.

Досуговая активность в психологии рассматривается как один из видов социальной активности. Досуговую активность предлагается определять как свободно инициируемую и прекращаемую деятельность, как правило, не связанную с какими-либо обязательствами, направленную на получение позитивных эмоций и любого субъективно значимого результата. В узком смысле досуговая активность трактуется как активность, направленная на себя, на развлечение. Психологическое определение досуговой активности является дискуссионным и находится на этапе становления.

Психологические типологии досуга разных авторов предлагают выделять от двух до семи видов досуга. При этом основания для группирования не всегда объясняются авторами. Любое жесткое группирование досуговых занятий в той или иной мере спорно.

Список литературы

1. Психология социальной активности молодежи / под ред. Р. М. Шамионова. М.: Перо, 2020. 382 с.

2. Грачев А. А. Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 15–24.

3. Hills P., Argyle M. Musical and religious experiences and their relationship to happiness // Personality and Individual Differences. 1998. № 25. Pp. 91–92.

4. Holder M. D., Coleman B., Sehn, Z. L. The contributions of active and passive leisure to children’s well-being // Journal of Health Psychology. 2009. № 14(3). Pp. 378–386.

5. Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 1990. 332 с.

6. Caldwell L., Faulk M. Adolescent leisure from a developmental and prevention perspective // Positive leisure science: From subjective experience to social contexts / Ed. by T. Freire. New York: Springer, 2013. Pp. 41–60.

7. Воробьева А. Е., Акбарова А. А. Социально-психологические типы досуговой активности как показатели ведущей функции досуга в современных условиях // Современные проблемы социальной психологии и социальной работы: XV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 17 апреля 2020 г. / науч. ред. В. В. Горшкова. СПб.: СПбГУП, 2020. С. 129–131.

8. Воробьева А. Е., Акбарова А. А. Социально-психологические типы досуговой активности пожилых людей (на примере жителей московского региона) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 1(46). С. 89–99.

9. Моисеев А. С. Психологические типы социального самоопределения российского среднего класса (на выборке московского региона): дис. … канд. психол. наук. М., 2011.

10. Шамионов Р. М., Григорьева М. В. Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 26–41. DOI: 10.17223/17267080/74/2

11. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 124–141. DOI: https://doi.org/10.17759/sps.2022130108

12. Стеббинс Р. А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.

13. Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.

14. Батнасунов А. С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи: дисс… канд. социол. наук. Ставрополь, 2004.

15. Kleiber D. A., Larson R., Csikszentmihalyi M. The experience of leisure in adolescence // Journal of Leisure Research. 1986. № 18. Pp. 169–176.

16. Нартова-Бочавер С. К., Мухортова Е. А., Ирхин Б. Д. Взаимодействие с миром растений как источник позитивного функционирования человека // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 151–169. URL: https://doi.org/10.17759/cpp.2020280209

17. Ragheb M. G. Interrelationships Among Leisure Participation Leisure Satisfaction and Leisure Attitudes // Journal of Leisure Research. 1980. № 2. Pp. 138–149.

18. Caltabiano M. L. Measuring the similarity among leisure activities based on a perceived stress reduction benefit // Leisure Studies. 1994. №13. Pp. 17–31.

19. Iso-Ahola S. E. A psychological analysis of leisure and health// Work, leisure and well-being / Ed. by J.T. Haworth. London: Routledge, 1997. Pp. 131–144.

20. Passmore A., French D. A model of leisure and mental health in Australian adolescents // Behavior Change. 2000. № 17. Pp. 208–221.

21. Passmore A. The occupation of leisure: Three typologies and their influence on mental health in adolescence // Occupation, Participation, and Health. 2003. № 23. P. 76.

22. Iwasaki Y., Mannell R. C., Smale B. J., Butcher J. Contributions of leisure participation in predicting stress coping and health among police and emergency response services workers// Journal of Health Psychology. 2005. №10 (1). Pp. 79–99. DOI: 10.1177/1359105305048557

23. Mannell R. C., Kleiber D. A. A social psychology of leisure. State College, PA: Venture Publishing, 1997. 556 p.

24. Plourde L. Cat Cafes, Affective Labor, and the Healing Boon in Japan// Japanese Studies. 2014. V. 34. № 2. Pp. 115–133. DOI: 10.1080/10371397.2014.928183

25. Murray J. P., Kippax S. From the early window to the late night show: international trends in the study of television’s impact on children and adults // Advances in Experimental Social Psychology. 1979. № 12. Pp. 253–320.

С. Н. Травкин

Монета и досуг в Средние века и Новое время на территории Восточной Европы

Монеты в Средние века и Новое время выполняли различные функции. Это подтверждается характером нумизматических находок. Некоторые монеты были результатом коллекционирования. Они относились к быту, а не экономики. В статье приведено несколько примеров подобных нумизматических материалов.

The coin performed various functions in the Middle Ages and modern times. This is confirmed by the nature of the numismatic finds. Some coins were the result of collecting. They related to everyday life, not economics. The article provides several examples of such numismatic materials.

Ключевые слова: досуг, коллекционирование, монета, нумизматика, Восточная Европа.

Key words: leisure, collecting, coins, numismatics, Eastern Europe.

Повседневная жизнь населения включает в себя культуру досуга. Необходимо отметить, что многие стороны повседневности не привлекали авторов письменных источников, так как они были слишком обычными и понятными для современников, но со временем многие «незаметные» мелочи были утеряны. Единственным свидетельством прошлого в этом случае остаются только вещественные источники. При этом некоторые достаточно утилитарные вещи могли приобрести в быту весьма нестандартные способы использования.

Типичным примером подобной ситуации были нумизматические находки.

Монета выполняла ряд функций в жизни общества. Она играла важную роль не только в экономике, но и в политике, культуре и повседневной культуре. Особенно характерным подобное разнообразие функций было на ранних этапах истории человечества, в том числе в Средние века и Новое время, т. е. в доиндустриальную эпоху. В условиях слабого развития производительных сил любую вещь старались использовать с максимальной эффективностью и сразу по нескольким направлениям.

Территория Восточной Европы была типичным примером подобной ситуации. Достаточно скромное количество письменных источников о повседневной истории региона увеличило значение вещественных находок. В частности, многие особенности использования монет отразились преимущественно в нумизматических находках и результатах археологических раскопок [1, с. 78–89; 2, с. 374–400].

Именно характерные черты той или иной группы нумизматических находок позволяют судить об использовании данной монеты или тезаврации.

Среди нумизматических материалов Средних веков и Нового времени есть малочисленная группа монет, которая отражает одну из особенностей досуга и психологии людей этой ранней исторической эпохи.

Большинство денежных знаков демонстрируют экономические отношения и культурную ситуацию периода своего использования. В этом случае денежные знаки образуют группу находок, единых во времени и пространстве. Однако есть редкие монетные находки, которые явно не соответствуют времени или географии своего использования.

Приведем некоторые примеры подобных нумизматических находок.

В 1845 г. в Киеве был обнаружен клад из 200 медных монет. Большинство из них относилось к мусульманским чеканкам XIII в., однако самая старшая чеканка была выпущена в Бухаре в 148 г. Хиджры (765 год от Рождества Христова) [3, с. 13]. Клад датирован по младшим монетам. Ранняя монета явно была изолирована от основного состава тезаврации.

Хронологический разрыв между основной массой нумизматических материалов со старшим денежным знаком составил примерно 500 лет. Особо необходимо подчеркнуть, что тезаврация состояла из медных номиналов, которые имели малую реальную и номинальную стоимость

В 1897 г. возле села Редь-Черешновец в Бессарабской губернии (в настоящее время Республика Молдова) был найден клад из 4 437 серебряных и биллоновых монет. Основная часть находки состояла из чеканок XVI и начала XVII в. По младшей монете время сокрытия тезаврации датируется 1618 г. Однако в составе клада присутствовала одна серебряная монета, выпущенная в Римской империи в IV столетии [4, с. 58, 166–167]. Римские денарии достаточно широко обращались на землях между Днестром и Прутом, но появление данного экземпляры в кладе через полтора тысячелетия после его выпуска явно было вызвано особыми причинами внеэкономического характера.

В 1967 г. на острове Пэкуйул луй Соаре (на нижнем Дунае) обнаружен клад из 42 медных номиналов. Время сокрытия комплекса – начало XVI столетия, но одна из монет относится к чеканкам Римской империи IV столетия [5, с. 253–277]. Находка медной римской монеты в тезаврации на берегу Дуная после тысячелетнего перерыва между датой чеканки и сокрытием клада весьма интересна с точки зрения использования античных монет. Однако экономический характер ее использования вызывает определенные сомнения.

Подобные находки встречаются не только на юге Восточной Европы, но и на северо-западе России, где римские денарии в античную эпоху не получили столь широкого распространения, как в Причерноморье.

В 1913 г. на территории современного Гатчинского района был обнаружен клад XII в. из 1 850 серебряных номиналов, в который входила одна серебряная монета римского императора Гордиана III (238–244 гг. правления) [6, с. 45].

В погребении XI в. возле деревни Удрай (в бассейне реки Луга) были найдены 11 серебряных монет, в том числе одно серебряное галльское подражание римскому денарию I века н. э. [7, № 210, с. 120].

В этих случаях римские серебряные номиналы обнаружены совместно со средневековыми чеканками и вне зоны массового обращения античных чеканок на рубеже эр.

Интересную проблему представляют византийские монеты IX–X вв., обнаруженные в южном Приладожье.

О. И. Богуславский предположил, что они появились в результате походов князя Владимира Святославича (978–1015) на Византийскую империю. Особенности использования данной категории археологических материалов он связал с распространением христианства [8, с. 59–61]. Фактически данная группа монет выступала своеобразными сувенирами религиозного характера.

Похожие находки «сувенирного» содержания с уникальными для своего времени монетами встречались на северо-западе России и в нумизматических материалах, сокрытых в более позднее время.

В 1908 г. вблизи Сестрорецка был найден клад, сокрытый в начале XVIII столетия. Эта тезаврация включала в себя одну деньгу Ивана III (1462–1505), две деньги Ивана IV (1533–1584) и 77 номиналов Петра I (1682–1725) [9, с. 233 № 26]. Все монеты имели относительно малое достоинство и низкую ценность. Разрыв между старшими и младшими элементами клада составлял более ста лет. Данная лакуна оставалась абсолютно чистой от чеканок XVII в.

В Санкт-Петербурге в процессе раскопок памятника на берегу реки Охты среди русских чеканок была найдена медная монета Франции, выпущенная в XVIII столетии [10, с. 84–85].

На основании рассмотренных нумизматических материалов можно сделать вывод о том, что на территории Восточной Европы в Средние века и начале Нового времени в домашней повседневности использовали монеты в качестве памятных знаков и своеобразных сувениров.

Подобная ситуация, вероятно, была связана с общей тенденцией в использовании необычных вещей, когда отдельные монеты, клады и коллекции были тесно связаны между собой [11].

Данная проблема возникла по мере развития не только денежного обращения, но и коллекционирования нумизматических и археологических материалов. Однако первые признаки «коллекционного» использования монет на землях Восточной Европы, в том числе России, можно проследить уже в период Средневековья. Монета постепенно вошла не только в экономику, но и в повседневный досуг населения рассматриваемого региона.

Список литературы

1. Потин В. М. Монета в быту, обычаях и верованиях Руси X–XVII вв. // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л.: Государственный Эрмитаж, 1982. С. 78–89.

2. Шувалов П. В. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические Вести. 1999. № 6. С. 374–400.

3. Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб.: АН, 1910. 148 с.

4. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. 190 с.

5. Isacescu E. Un alt tezaur monetar gasit la Pacuiul lui Soare (j. Constanta) // Studii si cerceteri de numizmatica. Bucuresti. 1975. V. 6. P. 253–257.

6. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. Археология СССР. М.: Издательство АН СССР, 1961. 114 с.

7. Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.

8. Богуславский О. И. О находках византийских монет в южном Приладожье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1990. ТД НПК. Вып. 3. С. 59–61.

9. Соболев В. Ю. Клады и случайные находки на территории Санкт-Петербурга // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 г. Труды Санкт-Петербургской Археологической экспедиции СПбГУ. Т. 1 / ред. коллегия А. В. Виноградов, А. А. Ковалев, Е. Р. Михайлова. СПб.: Издательство Петербургского университета, 2005. С. 228–237.

10. Сорокин П. Е., Травкин С. Н. О находке французской монеты при раскопках Ниеншанца // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва – Пущино: 22–26 апреля 2013 г. Тезисы докладов / отв. ред. И. В. Ширяков. М.: Триумф принт, 2013. С. 84–85.

11. Потин В. М. Монеты, клады, коллекции. СПб.: Искусство, 1993. 304 с.

М. К. Акользина

Источниковая база для изучения культуры повседневности населения провинциальных городов в первой половине XIX в.: ресурсы регионального архива (по материалам Государственного архива Тамбовской области)

В статье рассмотрены возможности регионального архива по изучению основных аспектов повседневной жизни населения в провинциальном российском городе аграрного региона в дореформенный период. Проанализированы источники, отложившиеся в фондах Государственного архива Тамбовской области, позволяющие изучить особенности быта, хозяйство и домашний обиход, структуру питания, жилище, праздничную культуру провинциальных горожан первой половины XIX в.

The article considers the possibilities of a regional archive for studying the main aspects of the daily life of the population in a provincial Russian city of an agrarian region in the pre-reform period. The author analyzes the sources deposited in the funds of the State Archive of the Tambov region, which make it possible to study the peculiarities of everyday life, household and household use, nutrition structure, housing, festive culture of provincial townspeople of the first half of the XIX century.

Ключевые слова: провинциальный город, культура повседневности, досуг, региональный архив, источниковая база.

Key words: provincial city, culture of everyday life, leisure, regional archive, source base.

История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [1, с. 38], комплексное исследование этой реальности (жизненного мира людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события).

Изучение истории повседневности представляет собой комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни представителей разных социальных слоев, включая эмоци-

ональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова «повседневность» – будничность, ежедневность, обыденность – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, непримечательно и происходит каждодневно изо дня в день.

По мнению современных исследователей, повседневность, включающая обыденную деятельность человека и ее осознание, может быть представлена как процессы взаимодействия индивидуума с действительностью и его субъективной интерпретации. Образ жизни как присвоение личностью социальных норм и условий своего существования, а также реализация самого человека в этих нормах и условиях, и попытка их трансформации может пониматься как механизм взаимодействия индивида и окружающего мира. Результатом этого взаимодействия являются: ментальность – совокупность социально-психологических установок; быт – уклад жизни и самоидентификация – осознание принадлежности к какому-либо социуму. Эти феномены в своей совокупности образуют стиль и имидж – образ человека, формирующийся у него самого или возникающий у внешних наблюдателей в результате восприятия тех или иных его характеристик [2, с. 7].

Внимание исследователей истории повседневности сосредоточено на изучении жизненных условий людей различных социальных слоев, психологических и эмоциональных реакций людей на события. Объектами истории повседневности являются малоизученные сюжеты, игравшие значительную роль в развитии исторических событий (проблемы семьи, быта, жилищных условий, образования, проведения досуга и т. д.). Таким образом, история повседневности – это история быта, материальная и культурная среда и событийная история, влияние тех или иных событий и процессов на повседневный быт людей.

С точки зрения современных исследователей, фокусируя свое внимание на жизни обычных людей, история повседневности обращается к изучению условий жизни обывателя, его жизненных проблем и способов их решения. В то же время она напрямую связана с историей ментальностей, т. е. с исследованием общественного сознания, норм, стереотипов, представлений, ценностей того или иного общества. Таким образом, предметом изучения истории повседневности является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах.

Проблематика истории повседневности весьма обширна, наряду с другими аспектами включает в себя изучение праздничной культуры и форм досуга [3, с. 178–179].

В настоящее время значительное число работ отечественных историков – это анализ повседневной жизни горожан в XVIII в. или пореформенное время [4–6]. Однако исследованию культуры повседневности городского торгово-промышленного населения в дореформенный период в первой половине XIX в. уделяется незначительное внимание, почти исключительно в контексте повседневной культуры горожан или истории повседневности, как правило, в столицах, губернских центрах, в нечерноземных городах России, на Урале и в

Сибири [7–10]. Поэтому особенности повседневной жизни горожан в провинциальных городах Тамбовской губернии в первой половине XIX в. требуют специального рассмотрения [11].

Исследователю повседневной жизни провинциальных горожан в первой половине XIX в. предстоит кропотливая работа с архивными источниками, часто случайными находками. Прямых источников для изучения культуры повседневности населения провинциальных городов в первой половине XIX в. в Государственном архиве Тамбовской области не выявлено. Вещественных свидетельств, особенно относящихся к первой половине XIX в., не сохранилось. Поэтому нами использованы источники, содержащие косвенные сведения о повседневной жизни жителей провинциального уездного города XIX в. Это неопубликованные источники – делопроизводственные документы государственных учреждений и органов городского самоуправления, прежде всего, судебно-следственные материалы, использующиеся учеными-историками для изучения городского населения [12] (протоколы городовых магистратов, обывательские книги; маклерские книги, книги о взысканиях по векселям [13], дела о введении наследников в наследство, дела о семейных разделах), документы фискального учета (ведомости о состоящих в уездных городах купцах, списки купцов), документы статистического учета и административного учета (ревизские сказки, городовые обывательские книги), документы церковного учета (метрические книги, исповедные росписи), содержащие сведения о повседневной жизни жителей провинциального уездного города XIX в., отложившиеся в фондах Государственного архива Тамбовской области [14]. Например, в фонде 16 «Козловская городская дума» можно найти сведения о быте горожан в делах о семейных разделах. Дела о семейно-имущественных разделах отложились в фонде 67 «Тамбовская палата гражданского суда». В делопроизводственной документации городовых магистратов в фондах 140, 141 и 142 содержится достаточное количество дел для изучения культуры повседневности представителей городских сословий. Это описи имущества, составленные представителями администрации при расследовании уголовных преступлений (кража, грабеж, поджог), конкурсного производства, частными лицами в случае совершения сделок купли-продажи, завещания, бракосочетания (брачное обязательство, перечень приданого), взыскания долга, написания заемных писем, векселей, контрактов, закладных и др. документов.

О предметах домашнего обихода, продуктах питания и предметах роскоши дают представление, например, перечни грузов, поставляемых в провинциальный город Моршанск по реке Цне [12; 15, л. 75–92].

О городской застройке XIX в. мы можем узнать из чертежей и рисунков местных и столичных архитекторов. Сведения о домах горожан сохранились в документах об их продаже. В обширной коллекции документов фонда 29 «Тамбовская губернская чертежная» находятся сведения о перестройке городов, планы и описания домов провинциальных горожан. Материалы о частных домах находятся в фонде 46 «Строительное отделение Тамбовского губернского правления» [16].

Возможности регионального архива не ограничиваются коллекциями аутентичных источников. В библиотеке Государственного архива Тамбовской области есть и опубликованные источники. Так, важным источником по истории городской повседневности XIX в. являются Памятные книжки Тамбовской губернии (например, в Памятной книжке на 1879 г. речь идет о жизни горожан на примере г. Кадом), содержащие описание обычаев, упоминания застолий, правила проведения обрядов: например, как и в каких условиях рожали женщины, как и кто выбирал имя ребенку, как проходили свадьбы, что клали невесте в приданое, как проходили поминки, что на них готовили. В свою очередь «Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год» [17, с. 230], содержит информацию о мастерах, которые изготовляли предметы гардероба.

Информацию о жизни горожан Тамбовской губернии можно найти в материалах периодической печати, также размещенных в библиотеке ГАТО. Представляют интерес статьи в газете «Тамбовские губернские ведомости» (с 1838 г.). В публикациях встречаются сведения о праздновании Масленицы, Рождества, свадьбы [18, № 1, 13, 21]. Также мы можем узнать, как горожане проводили свободное время – ходили в театры или на танцевальные вечера. Встречаются и такие заметки – «польза лука», «антисептическое действие кофе», «польза употребления воды» [19, № 116, 121]. Газеты дают нам самое прямое представление о жизни горожан, поскольку в них собраны сведения, советы или истории, относящиеся непосредственно к жителям Тамбовщины. Газета «Тамбовские губернские ведомости» также дает нам краткие сведения об предметах одежды [18, № 27].

Сведения о повседневной жизни горожан Тамбовской губернии XIX в. представлены в работах И. И. Дубасова, «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии» [20, 21, № 20, 22, № 38].

Список литературы

1. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: перевод. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.

2. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Оренбург, 2011.

3. Бирюкова А. Б. Повседневная жизнь поволжских городов первой половины XIX в. (По архивным и опубликованным источникам) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 178–186.

4. Каменский Л. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2019. 403 с.

5. Бурлуцкая Е. В. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв.). Оренбург, 2020. 472 с.

6. Орлова В. Д. Отражение в городском пространстве процесса модернизации городского досуга в конце XIX – начале XX в.: по материалам города Тамбова // Вестник ТГУ. 2014. Вып. 5 (133). С. 131–137.

7. Глаголева О. Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой пол. XIX в. Тула: ИРИ "Ритм", 1993. 208 с.

8. Кобозева З. М. «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 38–45.

9. Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2006. 308 с.

10. Никитина Н. В., Купченко К. В. Повседневность малых городов российской провинции конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Смоленской губернии). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. 176 с.

11. Акользина М. К. Праздничная повседневность горожан Тамбовской губернии в XIX веке // История государства через историю провинции: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции «История государства через историю провинции: проблемы и перспективы развития» (к 90-летию образования Курской области) (4–5 апреля 2024 г.), проведенной в рамках Года семьи, учрежденного указом Президента Российской Федерации, приуроченной к 90-летию образования Курской области / сост. О. В. Пыжова, отв. ред. Е. С. Кравцова. Курск: КГМУ, 2024. С. 6–12.

12. Акользина М. К. Культура повседневности купечества провинциальных городов Тамбовской губернии в первой половине XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 181. С. 156–163.

13. Акользина М. К. Источниковая база для изучения предпринимательской деятельности провинциального купечества первой половины XIX в.: ресурсы региональных архивов (по материалам Государственного архива Тамбовской области) // Тульский научный вестник: Серия История. Языкознание // 2022. № 4 (12). С. 23–31.

14. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 142.

15. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 38а.

16. ГАТО. Ф. 29; Ф. 46.

17. Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов: тип. Тамб. губ. правл, 1868. Таблица X. О числе ремесленников в городах Тамбовской губернии.

18. Тамбовские губернские ведомости. 1885.

19. Тамбовские губернские ведомости. 1873.

20. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т, 1993. 443 с.

21. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1888. № 20.

22. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1893. № 38.

Т. Ф. Власов

Личные фонды как источник для историко-антропологических исследований повседневности

В статье рассматривается потенциал личных фондов в историко-антропологических исследованиях повседневности с фокусом на изучении бытовых практик, ценностных ориентаций и социальных взаимодействий. На основе анализа фондов Государственного архива Псковской области, содержащих личные дела интеллигенции XX в., демонстрируется методологический подход к реконструкции жизненного мира представителей интеллигентской среды региона. Исследование показывает, как личные документы – письма, дневники, фотографии, записные книжки – дополняют и обогащают традиционные исторические источники, раскрывая информацию о семейных отношениях, материальной культуре и психологических аспектах жизни. Иллюстрируются возможности качественного анализа для историко-антропологических исследований и подчеркивается значение личных фондов как источника для понимания субъективного опыта и сложных социальных процессов.

The article is devoted to the analysis of the potential of personal collections in historical and anthropological studies of everyday life, focusing on the study of everyday practices, value orientations and social interactions. Based on the analysis of the funds of the State Archive of the Pskov Oblast, containing personal files of the twentieth-century intelligentsia, the methodological approach to reconstructing the life world of representatives of the intelligentsia in the region is demonstrated. The study shows how personal documents – letters, diaries, photographs, notebooks – complement and deeply enrich traditional historical sources, revealing information about family relations, material culture and psychological aspects of life. The analysis illustrates the potential of qualitative analysis for historical and anthropological research and highlights the importance of personal collections as a source for understanding subjective experience and complex social processes.

Ключевые слова: личные фонды, повседневность, историческая антропология, Псковская область, интеллигенция.

Key words: personal funds, everyday life, historical anthropology, Pskov region, intellectuals.

Историко-антропологический подход к изучению прошлого, ориентированный на анализ жизненного мира обычных людей, предполагает глубокое погружение в повседневность, исследование бытовых практик, социальных взаимодействий и ценностных ориентаций. Традиционные исторические источники, такие как официальная документация, статистические данные и периодическая печать, хотя и необходимы для понимания общественных процессов, часто ограничены в своем потенциале для реконструкции субъективного опыта и интимных аспектов жизни простых людей. Они предоставляют в основном информацию о коллективных явлениях, оставляя за рамками исследования множество индивидуальных историй, тонких нюансов повседневности и субъективных переживаний.

Личные фонды, хранящиеся в государственных архивах, представляют собой уникальный источник, позволяющий преодолеть эти ограничения. Они содержат материал, насыщенный информацией о личном опыте, позволяя исследователю не только описывать исторические события, но и понимать, как они отражались в жизни конкретных людей. Письма, дневники, записные книжки, фотографии и другие документы из личных фондов дают доступ к информации, которая не могла быть отражена в официальных источниках. Они раскрывают семейные истории, ценностные ориентации, способы взаимодействия в социуме, бытовые практики и множество других аспектов повседневной жизни.

Ряд исследователей обращается к проблематике анализа и использования личных фондов в современной историографии. Так, Н. А. Тимошина в статье «Значение архивных документов личного происхождения в исследовании истории развития культуры Кировско-Апатитского региона» [1] демонстрирует практическое применение личных фондов для реконструкции культурных процессов в конкретном регионе, подчеркивая их ценность для историко-культурных исследований. Е. М. Бурова в работе «Терминология в сфере работы с документами личного происхождения» [2] обращает внимание на важ-

ность терминологической точности при работе с данным типом источников, что необходимо для обеспечения научной корректности исследований. О. В. Медведева [3] анализирует вопросы архивного хранения и организации личных фондов, подчеркивая их роль как неотъемлемой части архивного наследия. Эти работы, хотя и фокусируются на разных аспектах использования личных фондов, в целом подтверждают их потенциал для глубокого исторического анализа, дополняя традиционные исторические источники и расширяя наши представления о прошлом.

В нашем случае мы анализируем возможности использования личных фондов Государственного архива Псковской области (далее – ГАПО) для реконструкции повседневности псковской интеллигенции в XX в., в частности период 1960–1970-х гг. Выбор данной социальной группы оправдан тем, что представители интеллигенции часто вели более детальную документацию своей жизни, оставляя после себя богатый архивный материал, подходящий для историко-антропологических изысканий. Исследование показывает, как анализ личных фондов позволяет выйти за пределы традиционных исторических подходов и предложить более полное и многогранное понимание жизни людей в прошлом. В качестве эмпирической базы исследования выбраны личные фонды ряда представителей псковской интеллигенции 1960–1970-х гг., хранящиеся в ГАПО и содержащие обширный материал личного происхождения. В дальнейшем будут рассмотрены отдельные фонды, представляющие ценный материал: Л. И. Малякова – поэта и прозаика, С. О. Давтяна – заслуженного учителя РСФСР, почетного гражданина города Пскова, С. А. Иванова – доктора исторических наук, преподавателя Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова, П. А. Николаева – кандидата исторических наук, профессора, ректора Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова. Данные личные фонды позволяют проследить индивидуальные траектории жизни и выявить специфику повседневности различных представителей интеллигентской среды Псковской области.

Изучение этих фондов, включающее качественный анализ письменных (письма, дневники, записные книжки, заметки и т.д.) и визуальных (фотографии, открытки) источников, позволяет выйти за пределы традиционной исторической реконструкции и проникнуть более детально в субъективный опыт и социальные взаимодействия представителей данной социальной группы.

В первую очередь отметим аспект раскрытия бытовой культуры/материальной культуры. Изучение писем и дневников представителей псковской интеллигенции 1960–70-х гг. может свидетельствовать о разной степени материально достатка [4, л. 6–9]. Отдельно отметим, что при интерпретации данных необходимо учитывать хронологический контекст и возрастные особенности авторов источников. Материальное благосостояние представителей интеллигенции демонстрировало значительную корреляцию с занимаемой должностью и профессиональным статусом [5; 6]. Так, уровень жизни лиц, занимающих административные позиции (например ректоров) [7], существенно превышал уровень жизни представителей профессорско-преподавательского состава или учителей средних учебных заведений.

На примере ряда документов можно проследить определенные экономические трудности даже в период относительной стабилизации после сталинской эпохи. Эти данные коррелируют с общими тенденциями советской экономики того времени, но также позволяют выявить специфические особенности быта интеллигенции Псковской области [8]. Материал из личных фондов (интерьеры квартир, предметы быта) служит ценным дополнением к письменным источникам, позволяя реконструировать материальную культуру и понять ее взаимосвязь с социальным статусом и жизненными условиями. Важно отметить, что анализ предметов быта позволяет выявить не только уровень материального благополучия, но и культурные предпочтения и ценностные ориентации интеллигенции.

Исследование эпистолярного наследия позволяет реконструировать модели семейной коммуникации и межличностных взаимодействий в среде интеллигенции как внутри профессионального сообщества, так и за его пределами [9–11]. Данный анализ способствует углубленному пониманию социальных и культурных факторов. Частная переписка демонстрирует специфику взаимоотношений между коллегами, особенности взаимодействия с государственными структурами, а также стратегии публичного самопредставления [12, л. 2–24] и дискурсивные практики, используемые в рамках публичных выступлений [13; 14].

Особую ценность представляет рассмотрение ценностных ориентаций и отношения к власти. Анализ личных фондов позволяет выявить неоднородность ценностных ориентаций псковской интеллигенции. Очевидно, что абсолютная лояльность советской власти не была универсальной нормой. Наряду с явной поддержкой существующего строя [15; 16] в определенной части личных записей можно обнаружить скрытую критику и недовольство отдельными аспектами советской реальности, но оно подано достаточно в мягкой форме, например в виде бюрократии при подаче документов в структуры и т.п. Важно отметить, что это недовольство часто выражалось косвенно, в форме иронии, сатиры или содержалось между строк. Анализ этих тонких нюансов требует активного привлечения методов герменевтики и понимания контекста времени. Этот аспект требует дальнейшего исследования и сопоставления с другими источниками. С другой стороны, подобная тематика часто затрагивает противоположное отношение [17], в дневниках и записях фигурирует аспект патриотичности [18], духовного воспитания и уважения к Родине, как правило, в большинстве случаев [19; 20].

В заключение следует отметить, что комплексный анализ личных фондов Государственного архива Псковской области, относящихся к 1960–1970-м гг., значительно обогащает наше понимание повседневности псковской интеллигенции. Использование историко-антропологического подхода, включающего качественный анализ как письменных, так и визуальных источников, позволило выйти за пределы традиционных исторических реконструкций, сосредоточенных на официальных документах и макросоциальных процессах. Изучение личной переписки, дневников, писем, заметок, фотографий раскрывает сложную взаимосвязь между материальными условиями, семейными отношения-

ми, личной коммуникацией и ценностными ориентациями представителей интеллигенции.

Комбинация письменных и визуальных источников позволяет создать более полную картину жизни, в нашем случае интеллигенции того времени, подчеркивая необходимость междисциплинарного подхода в исторических исследованиях для адекватного понимания субъективного опыта человека в конкретном историческом контексте. Личные фонды в историко-антропологических исследованиях позволяют расширить представление о роли конкретной личности, взаимодействии с другими субъектами, формировании её ценностных ориентаций и социальной идентичности в контексте широких исторических процессов, выходя за рамки традиционных историографических подходов, ориентированных преимущественно на анализ официальных документов и макросоциальных тенденций.

Список литературы

1. Тимошина Н. А. Значение архивных документов личного происхождения в исследовании истории развития культуры Кировско-Апатитского региона // Труды Кольского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 9. № 2-13. С. 10–15.
2. Бурова Е. М. Терминология в сфере работы с документами личного происхождения // История и архивы. 2017. Т. 9. № 3. С. 29–44.
3. Медведева О. В. Фонды личного происхождения как объект архивного хранения // Вестник Томского государственного университета. 2022. Т. 27. № 4. С. 1098–1107.
4. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф.Р.-2956. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАПО. Ф.Р.-2956. Оп. 1. Д. 58.
6. ГАПО. Ф.П.-9734. Оп. 1. Д. 23.
7. ГАПО. Ф.9837. Оп. 1. Д. 111.
8. ГАПО.Ф.Р.-2956. Оп. 1. Д. 61.
9. ГАПО. Ф.Р.-2956. Оп. 1. Д. 70.
10. ГАПО. Ф.Р.-269. Оп. 1. Д. 8.
11. ГАПО. Ф.Р.-269. Оп. 1. Д. 45.
12. ГАПО. Ф.П.-9734. Оп. 1. Д. 25.
13. ГАПО. Ф.П.-9734. Оп. 1. Д. 26.
14. ГАПО. Ф.9837. Оп. 1. Д. 61.
15. ГАПО. Ф.Р.-2956. Оп. 1. Д. 19.
16. ГАПО. Ф.Р.-2956. Оп. 1. Д. 36.
17. ГАПО. Ф.Р.-269. Оп. 1. Д. 11.
18. ГАПО. Ф.Р.-269. Оп. 1, Д.34.
19. ГАПО. Ф.П.-9734. Оп. 1. Д. 53.
20. ГАПО. Ф.9837. Оп. 1. Д. 56.

М. В. Аксенова

Повседневность путешествия в травелогах Н. И. Греча

Представление образа нового мира через повседневность традиционно для травелога. В то же время сама рутина и обыденность Другого для путешественника является объектом познания, что придает ей черты уникальности и экстраординарности. В статье показано, как через повседневность реализуется оппозиция путешественник-Другой, характерная для травелогов в целом, и особенно для произведений Н. И. Греча, стремившегося в своих литера-

турных путешествиях предоставить читателю как можно более полную и детальную картину жизни в зарубежных городах. Документальная природа травелога сочетается с картиной чувственных ощущений путешественника, что вместе создает индивидуальный образ рецепции Другого.

Introduction of the new world via its everyday life is typical for travel writing. At the same time the routine life and ordinariness are the object of cognition for the traveller, which attributes them the features of uniqueness and extraordinarity. The article demonstrates how everyday life helps to realize the opposition of the traveller and the Other, typical for travel writing in general and especially for works of N. I. Grech who aimed at creating as complete and detailed picture of foreign city life as possible. The documentary nature of a travelogue is combined with the picture of the traveller's sensations and all that creates an individual image of the reception of the Other.

Ключевые слова: травелог, повседневность, Н. И. Греч, литературное путешествие, образ Другого.

Key words: travelogue, everyday life, N. I. Grech, literary travel, image of the Other.

Девятнадцатое столетие по праву считается золотым веком как путешествий, так и литературы путешествий. Причиной тому множество факторов, среди них в первую очередь технический прогресс и развитие средств путешествия, а также социальные перемены в обществе, позволившие отправиться в путь более широкому кругу людей: литераторам, чиновникам, художникам, праздным ценителям нового.

Травелог, даже литературный, выполняет документальную функцию – показывает читателю общество, страну, обычаи такими, какими их увидел или хотел увидеть автор. Повседневность становится увлекательным сюжетом, а бытовые мелочи – интереснейшими деталями. Именно отстраненность, дистанцирование придает картине повседневной жизни особое значение. Читателя от описываемого места отделяют версты, а зачастую также и годы. Исследование рутины, которая нам недоступна, превращается в исследование далекого Другого. Чужая повседневность удивляет, пугает, притягивает и вызывает массу других эмоций.

О. Когеану отмечает, что сдвиг от объективного к субъективному в литературе путешествий наметился еще в XVII в., когда выделяется особый тип повествования, где путешественник и его личный уникальный опыт выходят на первый план [1]. Действительно, близость травелога как жанра эго-тексту определяет его субъективность, особый фокус путешественника, в поле зрения которого попадает многое, но в первую очередь то, что относится лично к нему. В русской литературе наиболее широкую и объемную картину жизни в других странах представил Н. И. Греч, литератор, публицист, издатель, служивший также чиновником и часто бывавший за границей как со служебными поручениями, так и в личных целях. Его перу принадлежат романы «Поездка в Германию» (1831) и «Чёрная женщина» (1834), литературные путешествия «28 дней за границею, или Действительная поездка в Германию, 1835» (1837), «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (1839), «Письма с дороги по Герма-

нии, Швейцарии и Италии» (1843), «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (1847).

Описывая свои впечатления от европейских городов, он стремился воссоздать как можно более полную картину жизни в них, скрупулезно и точно фиксируя время закрытия местной биржи, обычаи на балах, традиции церемонии награждения почетных граждан, устройство больниц и тюрем. Обычное и даже скучное течение жизни города, зафиксированное на страницах дневника или писем путешественника, приобретает черты необычайного и экстраординарного, так как и сам путешественник, и его адресат-читатель не входят в круг повседневного.

Как правило, травелог Греча начинается с описания судна, на котором он плывет, и компании, его окружающей. Дорога на пароходе занимала несколько дней, и общество проводило время так, как если бы это был один долгий салон: декламировали стихи, играли на фортепиано, находили общих знакомых. Такая жизнь мало чем отличалась от праздных дней дома, однако предвкушение встречи с неординарным (Другим) придавало самым обычным занятием оттенок удивительного.

Ожидание экзотического в другой стране порой принимает нелепые формы. В «Поездке в Германию» попутчик героя безмерно удивлен: «Дмитрий Сергеевич! Да скоро ли мы въедем в Пруссию? Далеко ли она от таможни?» – «Мы уже в Пруссии», – отвечал я. – «Помилуйте, что это за Пруссия! Здесь трава такая же зеленая, как в России, а в Пруссии она должна быть красная!» – «Что за вздор!», – сказал я: «С чего ты взял эту глупость?» [2, с. 2]. Выясняется, что собеседник Дмитрия пришел к выводу о красной стране, глядя на карту, где территория Российской империи имела зеленый цвет, а Пруссии – красный. Он утешается объяснением, что Пруссия – союзник, а потому зеленая трава там в порядке вещей. В этом нарочито комическом эпизоде видно желание путешественника найти сходство с неизвестным Другим, а готовность сблизиться с ним возникает только после обнаружения такого сходства (союзники – зеленая трава).

Помимо светских элегантных вечеров, где гости шутят, ведут изысканные беседы и музицируют, Греч представляет читателям реальную картину повседневной жизни города. Он отправляется на биржу, которая с открытием наполняется купцами, торговцами, огромное помещение кажется невероятно тесным от наплыва людей. Автор объезжает дома призрения, изучает устройство мостов, технических приспособлений, осматривает гостиницы и экипажи. В другой стране бытовые особенности и мелочи из повседневного становятся предметом особого любопытства: Греч упоминает и скидки на семейные билеты на пароход, и особое устройство детских колясок, которые нянька везет впереди себя, а не тащит сзади. В Германии в театре дамы достают спицы и вяжут, в английский театр впустят лишь тех, кто одет во фрак. Немецкие парки закрываются на ночь, а французские улицы изобилуют нелепыми афишами.

Однако любое описание города начинается с обрисовки его пространства: дома в Лондоне низкие, улицы узкие, или, наоборот, тесные невысокие комнат-

ки в Гамбурге. Часто предоставлены и временные характеристики: «Мы приехали сюда вчера к обеду, и остановились в Hotel de St. Petersbourg, Под Липами» [2, с. 18]. Не последнее место в пространстве травелога занимает решение практических вопросов: как ехать и на чем, взять ли кучера или продолжить путь на омнибусе, в какой гостинице остановиться. И тогда, и сейчас, несмотря на существенное развитие как транспорта, так и гостиниц, эти бытовые задачи путешественника определяют его повседневность. «Представился вопрос: как ехать далее, по экстрапочте, в дилижансе или с лон-кучером?» [3, с. 33].

Греч комментирует состояние трактиров, услужливость лакеев, удобство комнат, давая читателям многочисленные практические советы. Досягаемая реальность, окружающая путешественника, выходит на первый план, становясь значимым контекстом его поездки, в то время как цель его зачастую совсем другая – увидеть те или иные достопримечательности, познакомиться с городом и горожанами.

Путешественник погружен в кокон повседневности, который представляет собой сплетение множества факторов: состояние дорог, стоимость и доступность гостиниц, дружелюбие или враждебность непосредственных соседей по экипажу, хорошо или плохо приготовленный ужин в трактире, погода, музыка, доносящаяся с улиц. Все эти детали могут казаться незначительными, однако в итоге они имеют решающее значение. Например, Греч, проезжая по одной из дорог, уже знакомой ему, пишет: «Я уже описывал эту дорогу в моих Письмах с дороги по Германии (ч. 1, с. 64), и теперь не стану повторять прежнего. Скажу только, что в нынешний раз эта сторона, вообще одна из самых неинтересных в Германии, показалась мне гораздо лучше прежнего: причиною этому была ясная погода. Без солнца Божьего и Сицилия покажется Камчаткой» [3, с. 34]. Определяющее значение для образа страны имеют мельчайшие бытовые детали: от медленных лошадей до улыбчивого лакея. В «Поездке в Германию» путешественник пишет: «Путешествие наше идет скучно, но благополучно. Сторона здесь ужасная: песок и ели. Ниммерзат есть начало бесконечного песку. Лошади тащатся медленно, коляска едва движется. Иванов не просыпается; Афанасий спит, сидя на козлах; я блаженствую в одиночестве... Здесь, в Фридеберге, находимся мы в идиллическом мире» [2, с. 14]. Идиллический мир, которым предстает немецкий город, – всего лишь совпадение нескольких факторов, а не он сам. Тем не менее именно чувственные переживания путешественника становятся важнее, чем какие-либо другие характеристики нового пространства.

Проза будней Другого и повседневность Другого – это все те реально познаваемые обстоятельства, которые окружают путешественника. Часто травелог акцентирует внимание на субъективно переживаемых физических ощущениях – температура, вкус, звуки, краски. Более внимательный путешественник добавит к этому и темпоральные характеристики – ритм и продолжительность процессов города и общества, их сменяемость, цикличность, длительность. Повседневность Другого становится образом Другого для путешественника, таким образом подменяя его самого, что ставит под сомнение вопрос о возможности познания Другого в принципе. Однако, погружаясь в

чужие будни и следуя ритму жизни в исследуемом городе, путешественник меняется и сам. Греч неоднократно на страницах своих путешествий писал, что в Англии он немного англичанин, а в Германии ведет себя как немец.

Не только среда влияет на путешественника, но и он своим появлением и жизнью в городе оказывает некоторое влияние на то место, куда отправился. Организуются обеды, вечера, прогулки, назначаются визиты, которых бы не было, не посети он город. Рутина путешественника становится особым случаем для города или его знакомых, а рутина города, в свою очередь, становится экстраординарным и поэтическим для путешественника.

Познание друг друга через повседневность делает возможным диалог между путешественником и Другим, предоставляя огромное поле для узнавания, удивления, возмущения, сравнения. Такой диалог обогащает обе стороны, позволяя исследовать и свою собственную идентичность, что представляет собой главный интерес любого путешествия.

Список литературы

1. Cogeanu O. What makes travel literature? // The International Journal of Humanities and Social Studies. 2014. Vol. 2, issue 6. P. 348–350.

2. Греч Н. И. Поездка в Германию: Ром. в письмах. Письма Д. С. Мстиславцева к А. И. Левадину в Рязань. Роман в письмах: Ч. 1. СПб.: Издано Николаем Гречем, 1831. 240 с.

3. Греч Н. И. Парижские письма с заметками о Дании, Голландии и Бельгии. СПб.: Мартынов, 1847. 592 с.

4. Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. 252 с.

5. Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 2. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. 286 с.

6. Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 3. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839. 144 с.

Т. А. Ильевцев

Информационный потенциал переписок об устройстве увеселений в России второй половины XIX в.

В статье констатируется, что исследователи досуга в России XIX в. пользуются в основном источниками личного происхождение и периодикой. В противовес чему предлагается использовать бюрократическую переписку об устройстве увеселений в Российской империи. Описывается, какие органы вели эту переписку. Дается краткий обзор типам встречаемых документов. Делается вывод об источниковом потенциале этой переписки и предлагается конкретная возможность уже исторических исследований.

The article states that researchers of leisure in Russia in the 19th century mainly use personal sources and periodicals. In contrast, it is proposed to use bureaucratic correspondence on the organization of entertainment in the Russian Empire. It describes which agencies conducted this correspondence. A brief overview of the types of documents encountered is given. A conclusion is made about the source potential of this correspondence and a specific opportunity for historical research is proposed.

Ключевые слова: бюрократическая переписка, досуг, информационный потенциал источника, Россия второй половины XIX века, столичный досуг.

Key words: bureaucratic correspondence, leisure, information potential of the source, Russia of the second half of the 19th century, leisure of capitals.

Досуг, отдых, праздники, развлечения – эти виды человеческой деятельности обычно противопоставляются работе, потому очень часто исследователи предпочитают использовать для раскрытия этих тем источники личного происхождения или периодическую печать, особенно для России XIX в., поскольку для этого периода источниковая база куда скуднее XX в. Однако информационный потенциал этих видов исторических источников более сфокусирован на необычных происшествиях, так как авторы дневников, мемуаров и писем воспроизводят наиболее запомнившиеся моменты жизни, а журналистам нужно привлечь внимание читателя чем-то интересным для коммерческого успеха [1, с. 343–344]. Из-за этого типичные и более рутинные развлечения могут оставаться в тени, не говоря уже о том, что авторы источников не могли поучаствовать во всех праздничных событиях своей эпохи.

Представляется важным обратиться также к государственному делопроизводству, которое достаточно хорошо сохранилось до наших дней (применительно к рассматриваемому периоду). Вопрос досуга мало касался исполнительной власти Российской империи, задевая её косвенно в вопросах государственной экономии и внутренней безопасности [2, с. 687], но по структуре архивных дело можно обнаружить, что уже во второй половине 1860-х гг. в Управлении московского генерал-губернатора формируется представление об устройстве «зрелищ и увеселений» как об отдельной задаче, это видно из названий дел [3, л. 3 об.–117 об.].

Нельзя сказать, что эти материалы ранее не использовались. В книге «Праздный день, досужий вечер» С. Ю. Малышева разбирает культуру русского провинциального города на примере Казани, в том числе по делам канцелярии местного губернатора [4, с. 180], что позволило получить сведения о регулярных вечерах, клубных собраниях, «обедах по подписке» и иных досуговых мероприятиях, а также о спорах, которые возникали вокруг некоторых видов досуга [4, с. 150–151, 163]. Закон требовал согласования увеселений с правительством (губернатором или генерал-губернатором) и полицией [5, с. 53–61], но в реальности переписка не ограничивается этими инстанциями. Отличительной чертой подобных переписок в обеих столицах является вовлечение в них театральных контор, которые были одновременно и государственными учреждениями, и коммерческими организациями. Закон защищал права и прибыли театральных контор, обязывая всех иных организаторов публичных увеселений согласовывать мероприятия и их даты с конторами императорских театров [5, с. 57–61], таким образом, позволяя конторам контролировать конкурентов.

Стоит подробней остановиться на театральных конторах. Санкт-Петербургская и Московская конторы императорских театров вошли в состав Министерства императорского двора при его образовании и структурно долж-

ны были подчинятся Дирекции императорских театров [6, стлб. 67–68]. Однако в действительности вместо трех, существуют только два фонда: Московской конторы императорских театров в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) ф. 659 и Дирекции императорских театров в Российском государственном историческом архиве (РГИА) ф. 497. Причем это объединение не результат позднейшего переформирования фондов, а прямое следствие того, что Дирекция и Санкт-Петербургская контора реально были одной делопроизводственной инстанцией, несмотря на существование отдельных угловых штампов [7, л. 95, 198]. Контора никогда не входила с рапортами к дирекции, а на бланке Дирекции императорских театров расписывались по случаю и сам директор, и управляющей конторой [7, л. 81–82, 95–95 об.].

Если эти акторы в переписках ожидаемы исходя из опубликованного законодательства, то вовлечение в них напрямую министра императорского двора в некоторых случаях не столь очевидно. В силу высочайшего запрета от 2 апреля 1862 г., который на данный момент известен только по разъяснениям в делопроизводстве [8, л. 70; 9, л. 2–3], частные организаторы благотворительных увеселений (которых было немало) вынуждены были регулярно входить в переписку с министром, чтобы тот запросил согласие императора.

Таким образом, регулярные дела с перепиской об организации увеселений откладываются в фондах: полиции и правительства (губернатора или генерал-губернатора), в столицах вовлекаются театральные конторы, а в некоторых случаях и Министерство императорского двора. Однако отдельные казусы вовлекают в переписку дополнительных акторов, которые обычно не занимаются вопросами разрешения увеселений, но иногда имеют право пресечь их. Часто встречаются, например, III Отделение Собственной Его Величества канцелярии и Министерство внутренних дел в случаях, когда дело касается возможного спонсирования антиправительственной деятельности за счет благотворительных мероприятий; все ведомство Министерства народного просвещения (министр, попечитель учебного округа, ректор университета), когда дело касается студентов; IV Отделение Собственной Его Величества канцелярии в вопросах организации благотворительности в пользу учреждений под покровительством императрицы Марии.

Регулярные (ежегодные) дела обычно весьма объемны. Если самые ранние могут быть еще маленькими – около 50 листов, то в середине 1870-х они могут насчитывать более 500 листов, а к концу этого десятилетия такие дела начинают делить на тома. Есть два наиболее типичных вида бумаг в этих делах: первый – прошение организатора, второй – ответ инстанции на этот запрос. Прошение организатора в контексте исследований досуга интересно тем, что в нем указываются имя и социальный статус организатора (встречаются специфические самоидентификации типа «профессоров магии»), вид мероприятия, его дата, могут быть еще адрес, программа и цель проведения. Ответ инстанции (в делах обычно сохраняется черновик, а чистовики могут быть найдены в делах других органов в случае переписки) включает обычно разрешение или запрет, причем иногда прописывается разрешение с уточнением, или запрет с

мотивацией. Впрочем, иногда в общие тома дел о зрелищах и увеселениях попадают бумаги из казусных переписок.

Казусные переписки более индивидуальны. Они могут содержать документы о цензуре, рапорты и донесения о том, как прошло то или иное мероприятие [10, л. 406–407], предложения по вопросам надзора за увеселениями [10, л. 269], споры о необходимости взимания денег с некоторых мероприятий [11]. Наиболее уникальным в этом плане, вероятно, будут: приглашение Александру II посетить мероприятие с ответной императорской резолюцией [12, л. 4], спор о принадлежности варшавских театров к Министерству двора, который развернулся в министерской канцелярии прямо на бланке «доклада министру» [13, л. 62] и проблема, связанная с необходимостью отапливать помещение со слоном [14, л. 323–323 об.].

Информационный потенциал таких бумаг в первую очередь, конечно, сосредоточен вокруг работы самих государственных учреждений, так как делопроизводственные документы – это прямой результат их работы. В контексте исследования досуга эти документы позволяют, во-первых, выяснять наличие законодательных норм, которые не были в числе прочих опубликованы в собраниях законов. Во-вторых, переписка предоставляет широкий материал о наличии самых разных развлечений, например, из необычного можно упомянуть фехтовальный турнир [15, л. 34], показ крестьянина с волосатым лицом [16, л. 35–40], празднование дня Седана [15, л. 220], демонстрирование быка-гиганта [14, л. 225]. В-третьих, главным преимуществом данной делопроизводственной переписки перед источниками личного происхождения и периодикой является формально обязательное составление этих бумаг, что в перспективе позволяет (как минимум для обеих столиц) проводить статистический анализ в структуре городского организованного досуга, а наличие переписки в разных фондах позволяет восполнять лакуны, если отдельные акторы вели документацию недостаточно полно. В-четвертых, сфера досуга была не слишком хорошо законодательно регулирована, это порождало межведомственные конфликты, описание которых позволяет получить дополнительные сведения об условиях проведения досуговых мероприятий. Хочется отметить, что часть описываемых дел попадала в руки исследователя единожды, что указывает на возможность исследований слабоизученного материала.

Список литературы

1. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685, [3] с.

2. Общее учреждение министерств // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание Первое. Т. XXXI. 1810–1811. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 686–719.

3. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 24.

4. Малышева С. Ю. Праздный день, досужий вечер: культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М.: Academia, 2011. 191 с.

5. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: (Св. зак. т. 14, изд. 1857): доп. и изм. по Продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М.: Тип. Т. Рис, 1872. VIII, 159 с.

6. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1871 год. Часть 1. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1870. 646 стлб., 94 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 16. Внутр. оп. 241/1257. Д. 4.
8. РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Внутр. оп. 244/1260. Д. 8.
9. РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Внутр. оп. 243/1259. Д. 6.
10. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 25. Д. 2173.
11. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 25. Д. 1540.
12. РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Внутр. оп. 242/1258. Д. 2.
13. РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Внутр. оп. 246/1262. Д. 15.
14. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 25. Д. 1006.
15. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 25. Д. 2174.
16. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 2985.

С. В. Перекрестова

Потеха и дело: следы чтения в учебных книгах для детей и юношества

В статье рассматриваются маргиналии и вложения, оставленные детьми в учебных книгах. Разбираются конкретные экземпляры. Анализ полученного материала позволяет предложить классификацию следов работы детей с учебной книгой, выделить их уникальные черты, определить соотношение между легкомысленным отношением к печатной продукции и изучением учебного материала. Статья построена на материалах Отечественного и Славянского фондов основного хранения БАН конца XVIII – первой половины XX в.

The article observes marginalia and attachments left by children in educational books. Particular books are examined. Analysis of the material provides the opportunity to propose a classification of traces of children's work with educational books, to highlight their unique features, and to determine the correlation between frivolous attitude to printed products and study of educational material. The article is based on the materials of the Russian and Slavonic collections of the main storage of the RASL from the end of the 18th up to the first half of the 20th centuries.

Ключевые слова: пометы, записи, рисунки, вложения, маргиналии, дети.

Key words: marks, notes, drawings, attachments, marginalia, children.

Академичный статус учебных книг не спасал их от воздействия тяги детей, подростков, молодых людей к творчеству. Это дает возможность поставить вопрос о том, какое отношение их чтение имело к детскому досугу.

Говоря о творческом духе детей, мы имеем в виду высокую вероятность встретить на страницах учебных книг не только учебные, но и декоративные пометы. Попадались книги с иллюстрациями, раскрашенными карандашами разных цветов, но не среди учебных материалов. В них видим более утилитарный подход к их украшению. В «Иллюстрированной энциклопедии реальных знаний» иллюстрации раскрашены только красным [1, с. 233, 564 и др.]. В «Родном слове» и «Детском мире» К. Д. Ушинского для декорирования иллю-

страций и вовсе использовались основные письменные принадлежности учившегося ребенка: простой карандаш и черные чернила.

На полях и в тексте книг есть кляксы, что вполне ожидаемо от учебных книг, независимо от того, работал ребенок прямо с ними или держал их рядом с тетрадями. Неаккуратные пятна черных чернил также можно заметить на некоторых иллюстрациях – на месте глаз, носов и других частей тела изображенных на страницах героев [2, с. 4, 29; 3, с. 54, 56–58 и др.]. Склонность к вандализму считается характерной чертой обращения детей с книгой, будь то желание порвать страницы или дополнить иллюстрации пугающими деталями («безглазые принцессы», «оскаленные лица») [4; 5, с. 49]. Однако в случае экземпляров книг К. Д. Ушинского можно говорить о более мирной, но не менее детской попытке раскрасить темные в природе части тела животных. Желание добавить красок оказалось присуще и советскому ученику 10 класса: на страницах учебника по минералогии и геологии можно обнаружить штриховку, с вниманием к деталям, к выделению теней и т. д. [6, с. 17–18].

Самым распространенным сюжетом рисунков в учебных – и не только – книгах можно назвать портреты: фигуры в полный рост, бюсты, «головки». В «Детском мире» мы вообще видим женские ноги, точнее, несколько попыток изобразить нижнюю часть портрета, от подола юбки до ботинок [3, форзац; 7, нахзац]. Оплечные портреты, «головки», фигуры в полный рост встречаем на страницах «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского [8, с. 245, 274; 9, с. 376], в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского и т. д. [10, нахзац].

Записи – следы чтения менее декоративные и более деловые, в большей мере присущи не только детям, но и взрослым, и потому не предполагающие, казалось бы, наличия детской специфики. На самом деле это не совсем так. Обратимся к владельческим надписям. Именно в учебных книгах мы сталкиваемся с соседством разных фамилий, часто с вычеркиванием всех, кроме последней: как правило, здесь идет речь о смене временного владельца книги, скорее всего хранившейся в учебной библиотеке, бывшей нужной ребенку лишь в течение одного года [11, тит. л.; 12, тит. л.]. Другую особенность детских автографов демонстрирует их неоднократное повторение. В экземпляре «Слова о полку Игореве», видимо использовавшегося для изучения этого произведения в школе, владельческая надпись ученика 7 класса В. Петрова помещается в правом верхнем углу титульного листа. Этого оказалось недостаточно, и мы видим ее еще дважды, причем в куда менее лаконичном и куда более нарядном варианте [13, форзац, тит. л.]. Еще чаще автограф воспроизводится в советском учебнике по минералогии. На форзаце, относительно часто использовавшемся для размещения владельческих надписей в разных книгах и в разные эпохи, и на верхней крышке переплета он зачеркнут, целые ряды аналогичных надписей на одной из страниц, прямо между абзацами, а также на нахзаце, остались нетронутыми. Надписи сделаны и печатными, и письменными буквами, в том числе с переходом в декоративный росчерк, «съедающий» окончание слова [6, верхняя крышка пер., форзац, с. 11, нахзац]. Неоднократное повторение владельческих надписей, нередко на нехарактерных для их расположения местах, исполнен-

ных в разных вариантах, в том числе с большим количеством декоративных элементов, позволяет говорить об этих надписях не столько как о проявлении вандализма или как о закреплении указания на владельческую принадлежность книг, сколько как об отработке детьми написания своих фамилий, разработке дизайна красивой подписи – автографа.

Теоретически в учебных книгах пометы и маргиналии как следы чтения должны быть напрямую связаны с текстом книг, с заданиями, которые в них предлагаются, или хотя бы со школьными предметами или университетскими дисциплинами, для преподавания которых они использовались. Однако на самом деле среди них могли быть записи, не имеющие никакой связи с текстом, но отражающие дух эпохи, как «Ильич» в школьном учебнике 1930-х гг. [6, с. 15]. Иные записи отражают процесс использования книги для обучения, но не тем вещам, о которых в ней говорится. Так, с «Детским миром» в руках изучали не только родную речь, но и французский язык, причем втиснутые между фрагментами печатного текста слова на французском языке не являются переводом расположенных по соседству печатных слов на русском языке [3, с. 5, 8; 7, с. 6, нахзац]. По букварю, казалось бы, учили буквы (их мы видим на полях), но букварь на словенском, а буквы не особенно похожи на латиницу, которая используется в этом языке; судя по рядам цифр на внутренней стороне обложки, книжка пригодилась и для их изучения. Если с цифрами все понятно, то с буквами нужно быть осторожными. Во-первых, их, скорее всего, писали дети, которые еще только начинали осваивать свой язык, во всяком случае, язык письменный, к тому же писали они, вполне вероятно, не очень уверенно. Во-вторых, на внутренней стороне обложки можно увидеть, вероятно, имена (к примеру, «lotty»), для написания которых использовались буквы с большим количеством «завитушек» и петелек, точно как те, больше похожие на греческие или, в некоторых случаях, на кириллицу, которые оказались на полях букваря [14, с. 2–3 обл., с. 6, 11 и др.]. Если слова на внутренней стороне его обложки действительно были именами, причем именами детей, его изучавших, их можно назвать еще одним подвидом детских владельческих и даже читательских надписей: имя без фамилии («Анастасія») можно увидеть и на нахзаце экземпляра «Детского мира», бывшего, однако, не владельческим, а библиотечным [7, нахзац]. В букваре также можно заметить простенькие рисунки [14, с. 2–3 обл.].

Нужно сказать, что отличить детские записи от рисунков не всегда просто, исследователю нужно учитывать, что на них могла воздействовать фантазия детей, и обращаться к ней самому. К примеру, на нахзаце немецкой грамматики можно увидеть изображение, одновременно напоминающее цветок, человечка и буквицу «А», нарядно украшенную, как и положено [15, нахзац]. Впрочем, в книгах можно встретить и записи, имеющие связь если не непосредственно с текстом книги, то с процессом обучения по ним: списки рекомендованной литературы [9, с. 347; 16, тит. л.], определения терминов и т. д [13, авантит.; 16, с. 1]. Скажем также о менее типичных, но весьма интересных примерах записей такого рода. На форзаце учебника по юриспруденции, содержащем большое

количество следов его использования для подготовки к экзамену, можно увидеть запись о дате экзамена и полученной оценке [17, форзац]. На свободном листе форзаца пособия по древним языкам помещена даже не запись, а целая заметка, посвященная произнесению и написанию цифр [18, свободный л. форзаца]; очевидно, ребенок собирал в книге всю нужную ему информацию, связанную с ее предметом, дополняя ее теми правилами, которые не были в ней разобраны.

Конечно, на станицах учебных книг можно заметить и следы изучения их материала, их использования по назначению. Свидетельствующие об этом маргиналии содержат в себе мало уникального, сколько-нибудь отличающего их от тех, что оставляли в книгах взрослые люди. Однако поскольку сдача экзаменов по большей части является частью жизни именно детей, мы можем обратить на них в нашей работе особое внимание. Об использовании книг для подготовки к экзаменам могут говорить разбивка текста на фрагменты, вычеркивание фрагментов, рукописная рубрикация отрывков, в особенности путем указания на полях номеров экзаменационных билетов [19, с. 3–10 и др.; 16, с. 4, 123 и др.]. Что до выполнения домашнего задания, то пометы не всегда однозначно указывают на то, что ребенок работал с книгой, делая уроки, однако можно привести пример экземпляра, в котором было обнаружено говорящее об этом вложение: пострадавший при неловком вырывании из тетради листок с домашней работой по латыни или латинской литературе в учебной хрестоматии по «Метаморфозам» Овидия [20].

Разбирая уникальные черты детских маргиналий и пытаясь привести их в систему, мы вовсе не призываем зацикливаться на работе по их рубрикации и навешивании ярлыков свидетельств детского вандализма или, напротив, исключительно вдумчивого отношения к книге. Практически ни один из типов помет или записей в той или иной книге, о которых мы говорили или еще скажем, не является в ней единственным. В «Иллюстрированной энциклопедии реальных знаний» мы видим не только раскрашенные иллюстрации, но и пометы: знаки «+», подчеркивание и пр., а также закладки-регистры [1, с. 29, 233 и др.]. В «Родном слове» и «Детском мире» можно заметить не только разорванные страницы, кляксы, исчирканные суперэкслибрисы на крышках переплетов, рисунки и пр., но и пометы (отчеркивание, знаки «+» и пр.), выделение заголовков (в основном скорее «декоративное», что, впрочем, может быть связано с тем, что заданные фрагменты выделял творческий ребенок), определение границ фрагментов, вложения-закладки (как, впрочем, и гербарий) [2, с. 45, 52 и др.; 3, с. 3, 81, 108 и др.]. В «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского соседствуют портреты, академичные пометы и записи [8, с. 45–46, 245 и др.], в учебнике по минералогии – отработка написания автографа, раскрашенные иллюстрации, записи не по теме – и подсчеты, схемы и пр [6, с. 11, 13 и др.]. На форзаце и нахзаце катехизиса для детей можно увидеть неловкие, неумело выведенные буквы – одиночные и в алфавитной последовательности, возможно также цифры («8»), а может быть узоры, нанесенные карандашом и чернилами, относительно связные записи (необязательно это были имена юных владельцев,

среди записей есть те, что похожи на фамилию автора; ее же необязательно переписывали с осознанием того, что это такое – ее могли копировать в декоративных целях или для пробы пера – подобно тому, как копируют рисунки). Записи (отдельные символы) и рисунки (в частности крестик) есть и на страницах. Также мы видим молитвы, написанные совершенно другим, относительно взрослым почерком (вовсе не рукой, как мы бы сейчас сказали, дошколенка), да еще и на разлинованном листе. Лист мог быть приклеен на нахзац и после того, как она побывала в руках малышей: начала текста на листе нет, зато текст имеется и на его оборотной стороне [21, форзац, свободный л. форзаца, свободный л. нахзаца, нахзац и др.]. Эта изданная в XVIII в. книга прошла долгий путь, и теперь сложно сказать, использовалась ли она непосредственно в учебных целях, или же ребенок собирал в ней нужную для изучения слова божьего информацию, но не использовал саму книгу как тетрадь, или лист с молитвами был наклеен в чисто реставрационных целях, писал ли молитвы, повзрослев, тот же ребенок, что учил на нахзаце алфавит. В другом издании, сочетающем в себе учебный материал, молитвы и познавательные тексты, чуть более позднем букваре, помет нет, только неаккуратно разрезанные листы и закладка с рукописным текстом (оборванный с трех сторон листок). Закладка была обнаружена на странице с текстом «Отче наш» [22, с. 32–33]. Мы уверены, что это неслучайно – эту молитву, как мы знаем, заучивали уже в детстве.

Завершить статью мы бы хотели рассказом об экземпляре из другой эпохи, сочетающем в себе самые разные рукописные дополнения, большую часть из тех, о которых мы говорили. Речь идет о владельческом конволюте учебников по бухгалтерии. В нем можно увидеть многократное повторение автографа («Бекаревич»), «декоративное» выделение заголовков и номеров страниц, переписывание одного и того же слова, причем с разным начертанием некоторых элементов, рисунки (простые геометрические фигуры, более сложные и нарядные «построения» вокруг нескольких соединенных точек, цветы и даже кошки). Они сочетаются с подчеркиваниями, стрелками на полях, записями с рабочими терминами и пр [23, форзац, свободный л. форзаца, с. V, 159 и др.; 24, с. VII, 18–19, 129, свободный л. нахзаца и др.]. Более того, кошки и прочие украшения нанесены теми же писчими инструментами и тем же почерком, в случае записей, что и следы чтения. Это говорит о том, что учебник не был для Бекаревич случайной книгой, использовавшейся в качестве «холста» для рисунков и пр. – она использовала его по назначению, осваивала изложенный в учебнике курс, оставляя декоративные и учебные маргиналии параллельно. То же самое нужно сказать и о других разобранных выше книгах. Декоративные маргиналии, таким образом, являются органической частью следов бытования учебной книги в руках детей, подростков, юношей и девушек. Наносились ли они на страницы от скуки (в конце концов, речь идет о работе с учебниками, а не чтении любимых книг в уютном кресле), в ходе размышлений над прочитанным, были ли неосознанным проявлением тяги к прекрасному и т. д., но их нельзя считать проявлением детьми сугубо потребительского отношения к печатному изданию.

Список литературы

1. Иллюстрированная энциклопедия реальных знаний. М.: И. Д. Сытин, 1907. 648 с.
2. Ушинский К. Д. Родное слово. Год первый. 3-е изд. СПб.: Ф. С. Сущинский, 1866. 108 с.
3. Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия. Ч. 1. 10-е изд. СПб.: И. И. Глазунов, 1870. 272 с.
4. Казакова О. Ю., Королев А. М. Междисциплинарное исследование маргиналий школьных учебников истории XIX – начала XXI в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 1 (26). С. 45–51.
5. Зачем ребенок портит книги. URL: https://vseodetyah.com/psihologiya/vospitanie-rebenka/zachem-rebenok-portit-knigi (дата обращения: 19.10.2024).
6. Потемкин М. П., Малинко В. В. Минералогия и геология. 3-е изд. М.: УЧПЕДГИЗ, 1936. 176 с.
7. Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия. Ч. 2. 10-е изд. СПб.: И. И. Глазунов, 1870. 383 с.
8. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Ч. 1. СПб.: В. Безобразов и Ко, 1910. 292 с.
9. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 2. СПб.: В. Безобразов и Ко, 1913. 513 с.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. 2-е изд. М.: Московская Синодальная тип., 1906. 465 с.
11. Фан-дер-Флит [А. П.] Волнообразное движение. СПб.: Куприн, 1893. 256 с.
12. Фан-дер-Флит [А. П.] Звук. СПб.: Фомин, 1893. 24 с.
13. Игорь князь Северский. 6-е изд. СПб.: Б. и., 1881. 144 с.
14. ABC Bukvize: sa te, kateri shelijo slovenske Zherke posnati inu brati se navuzhiti. S. l., 1820. 20 s.
15. Вуяновский С. Нѣмєцкаѧ грамматіка. Вена: при І. Курцъбєкѣ, 1772. 595 с.
16. Кареев Н. И. Учебная книга Новой истории. 7-е изд. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1906. 358 с.
17. Чебышев-Дмитриев А. П. Уголовное судопроизводство. СПб.: б. м., б. г. 689 с.
18. Грамматический разбор затруднительных греческих слов из Четвероевангелия, составленный в пользу юных любителей греческого языка. М.: Университетская тип., 1837. 93 с.
19. Фридман М. И. Конспект лекций по науке о финансах. Вып. 1. СПб.: б. м., б. г. 194 с.
20. Избранные басни из «Метаморфоз» Овидия. 2-е изд. М.: братья Салаевы, 1872. 170 с.
21. Japel J. Ta velki catekismus s' praşhanjami, inu odgovormi sa ozhitnu, inu possebnu podvuzhenje te mladoşti v' zessarşkih krajlevih duschelah. Ljubljana: F. Egerju, 1779. 152 s.
22. Соларич П. Букварь славєнскїй трїазбучный. Млетки: Ѳєодосїа, 1812. 142 с.
23. Викторова О. И. Учебник двойной бухгалтерии (старший курс). 3-е изд. Пг.: А. И. Белокопытов, 1917. 279 с.
24. Викторова О. И. Учебник двойной бухгалтерии (элементарный курс). 5-е изд. Пг.: А. И. Белокопытов, 1918. 220 с.

Е. В. Бурлуцкая

Детская досуговая повседневность в письмах юных читателей журнала «Путеводный огонек» (1904–1908 гг.)

В статье анализируеся переписка юных читателей и редакции журнала «Путеводный огонек», издаваемого в Москве с 1904 по 1918 г. для детей 8–12 лет. В своих письмах дети описывали свои ежедневные занятия, просили совета в отношении каких-либо затруднительных жизненных вопросов, сообщали о своих радостях и печалях. Значительный тираж журнала и широкая география переписки позволяют рассматривать изложенные в ней факты в

качестве обобщенной картины детской повседневности. Особенно детально в детских письмах описывались разнообразные формы досуга, который, судя по сосредоточенной в письмах информации, имел ярко выраженный образовательный и воспитательный характер.

The article is devoted to the analysis of correspondence between young readers and the editorial staff of the magazine "Guiding Light", which was published in Moscow from 1904 to 1918 for children aged 8-12 years. In their letters, the children described their daily activities, asked for advice on difficult life issues, and reported on their joys and sorrows. The magazine was published in large circulation and had a wide geography of correspondence. Therefore, the facts presented in the letters can be considered a generalized picture of children's daily life. The various forms of leisure were described in particular detail in children's letters. The leisure time of the children, which was described in the letters, had a pronounced learning and educational character.

Ключевые слова: повседневность, детство, досуг, детские журналы, «Путеводный огонек».

Key words: daily life, childhood, leisure, children's magazines, "Guiding light".

Анализ переписки редакций детских журналов со своими юными подписчиками попадал в сферу внимания исследователей довольно редко [1–3]. Однако и современные ученые, и педагоги прошлого признавали за этим эпистолярным наследием важную роль в деле детского воспитания и изучения педагогического опыта прошлого, поскольку переписка отображала самые разнообразные вопросы детской жизни. Как отмечал в своем исследовании В. Русаков, эта переписка давала педагогам возможность «заглянуть в мало известный им и еще менее понимаемый ими мир детской души, мир детских интересов» [1, с. 14].

В восьмом номере «Путеводного огонька» за 1904 г. редактор и издатель журнала А. А. Федоров-Давыдов, открывая новый раздел «Наша переписка», сообщал читателям о том, что редакция будет стремиться отразить в нем «насколько возможно более, неподкрашенную, не выдуманную, а самую истинную жизнь наших подписчиков, со всеми ее повседневными мелочами, с радостями и огорчениями» [4, с. 236]. Редактор просил своих читателей писать «о том, что вы видите и слышите вокруг себя; что поражает ваше внимание; пишите о том, в чем сомневаетесь и что хотите узнать. Отражайте … в ваших письмах жизнь свою без всяких прикрас…» [5, с. 81].

Именно «истинная» детская повседневность, зафиксированная юными подписчиками журнала в письмах в редакцию, позволяет обратиться к такой сфере детской повседневности, как досуг. В своих сообщениях дети 8–12 лет (а именно для такой аудитории предназначался журнал) рассказывали о том, чем они занимаются в свободное время, каким занятиям посвящают свои дни. Аудитория, участвующая в переписке с редакцией, может быть в основном отнесена к категории городской интеллигенции. Журнал детям выписывали, как правило, родители или близкие родственники (в редких случаях – учителя или наставники), которые, скорее всего, выписывали и для себя какую-то прессу. Иначе говоря, взрослые в семье были людьми читающими. Семьи имели возможность потратить три рубля на подписку, а значит, это были семьи достаточ-

но обеспеченные. Были проанализированы годовые подборки журнала за пять лет – с 1904 по 1908 г. Подписчиками «Путеводного огонька» были жители самых разных российских губерний, поэтому упоминаемые в переписке виды детского досуга могут считаться универсальными общероссийскими вариантами детских развлечений.

К наиболее распространенному виду детского досуга можно отнести уход за домашними животными – котятами, щенками, кроликами, морскими свинками, рыбками, птичками, черепашками. Татьяна Дегтярева из Оренбурга сообщала, что она «взяла себе котика и назвала его “Мурка”, сшила ему постель» [6, с. 544]. Таня Прокофьева писала, что у нее «есть собака “Дианка” и кошка “Мумочка”» [5, с. 81]. У Лели Ковачевой жили «три кролика: Серка, Пушка и Душка [5, с. 85]». Верочка Курнатовская рассказывала о целом домашнем зоопарке: «У меня есть три собаки, две кошки, семь птиц, одна лягушка, которая показывает погоду, и четыре рыбы» [5, с. 82]. Надя Кос сообщала, что у них в доме обитали «1) три собаки; 2) два зайца; 3) кролик; 4) ежик…; 5) два мал. попугая; 6) 10 канареек; 7) один оранж-бек… [вероятно, попугай – Е.В] ужился в одной клетке с канарейками; 8) семь золотых рыбок; 9) шесть черепах; 10) 1 ящерица [7, с. 464]». «У Виктора Рукевича имелся «черный скворец, говорящий пять слов: “хочу”, “давай”, “ах-ти”, “ужас”, “есть”». А у его брата, живущего в Рыбинске, дома жил зеленый попугай, «говорящий слова: “не учись”, “очень рад”, “merci” и др.» [5, с. 83]. Даже лисы [8, с. 211] оказывались среди домашних животных.

Многие ребята писали, что у них в домашнем хозяйстве имелись куры, цыплята, индюки [9, с. 2], лошади, козы и коровы [10, с. 412], а у Нины Григорьевой, живущей в г. Пенджикент (совр. Таджикистан), был даже ишак [11, с. 313].

Уход за домашними животными, действительно, был одним из самых распространенных видов детского досуга. О нем довольно часто упоминалось в семейной переписке. Так, например, в письме Александра Дмитриевича Дегтярева, представителя оренбургской купеческо-мещанской династии, дочери Кате (апрель 1908 г.) говорилось следующее: «...Каждый день выходи на двор кормить курочек с петушком не забудь покормить и васька с макбеткой…» [12, с. 44]. А в письме, адресованном еще одной юной жительнице Оренбурга, Нане Дроздовой, одна из родственниц сообщала: «Дорогая Нана! …Я очень скучаю без тебя, Жакуля и Попочка [вероятно, попугайчики – Е. Б.] тоже, и все спрашивают, где Нана? Чищу я птичек одна, нет Наны, кот. мне помогала, вот когда приедешь в Тулу, то опять будем чистить вместе» [13, с. 40]. Забота о домашних животных приучала детей быть внимательными к нуждам «братьев меньших», учила добросердечию, ответственности и любви.

Очень часто в детских письмах содержались просьбы придумать питомцам какие-нибудь имена. Сам редактор, А. А. Федоров-Давыдов, отвечая на вопросы своих читателей, сообщал: «У меня есть собака, мопс “Бишка”; вся она крайне страшная, глаза удивительно умные. Любит меня до беспамятства, я же ее – немного меньше» [14, с. 387].

Помимо контактов с домашними животными, дети получали и опыт общения с представителями дикой природы. Соня Быстржицкая сообщала о том, что ее брат, пока семья жила на даче, «воспитывал ворону». Птенец, вероятно, выпал из гнезда и попал в руки юных дачников. Дети кормили ее булкой, размоченной в молоке, творогом и мясом. Ворона прожила на даче до самой осени, а затем улетела [15, с. 360]. Коля Раевский рассказывал о прирученном ежике [16, с. 456], Н. Лезин – о зайце, которого в итоге отпустили в лес [17, с. 605]. Сообщали дети о найденных раненных синицах, воробьях, соловьях, которых они выхаживали дома и затем выпускали на волю.

Живя на даче или у родственников в деревне, многие ребята пробовали собирать гербарий, бабочек и жуков, камни, раковины, птичьи перья и даже яйца разных птиц. У некоторых читателей оформлялись весьма обширные коллекции. Например, Геня Трандафилов сообщал, что в его коллекции находилось около 150 видов различных насекомых. Кроме того, мальчик занимался выведением бабочек из гусениц [18, с. 395]. Подобные занятия тренировали системность мышления, расширяли кругозор, способствовали формированию исследовательского интереса.

Часто упоминались походы в лес за грибами. Некоторые читатели, даже девочки, сообщали о своем опыте рыбалки. Мальчики лет 12–13 писали, что любят охотиться [19, с. 671]. Привлекали детей и к дачным работам – вскопать грядки, посадить овощи, прополоть траву, полить всходы. Такой опыт вооружал ребят практическими навыками, которые могли бы пригодиться во взрослой жизни. Летний отдых обязательно сопровождался оздоровительными практиками – купаниями, катанием на лошадях или даже на велосипеде [20, с. 640]. Причем городские жители не рекомендовали этот вид транспорта для городских пространств. Так, сестры Лимаренко предупреждали одного из читателей: «Не советуем тебе, милый Сережа Живкович, кататься на велосипеде. Когда ты приедешь в Петербург, это будет слишком опасная игра в таком многолюдном городе. Можно попасть под экипаж, под конку и т.д. Если тебе уж так хочется, приезжай к нам в Петергоф; здесь места для катанья на велосипеде очень много» [21, с. 331].

Детское увлечение естествознанием иногда приобретало очень непривычный для нашего времени характер. Так, Саша Иванов сообщал в своем письме, что дедушка подарил ему «селитру, бертолетовую соль, стронцион, соду, серу, антимоний», из которых мальчик рассчитывал сделать «красный и желтый бенгальский огонь» [11, с. 311], а Сергей Дудицкий в ответном письме сообщал рецепты составов для фейерверков разных цветов [19, с. 672]. Вряд ли современные родители одобрили бы такое опасное увлечение. Из наиболее прогрессивных и новых, хотя и очень дорогих видов детского досуга, упоминаемых в «Путеводном огоньке», можно назвать увлечение фотографией [11, с. 312].

Дети много и с интересом читали – и сам журнал, где публиковались произведения российских и зарубежных авторов, и другие издания – сочинения А. С. Пушкина, Л. Чарской, Р. Киплинга, Д. Дефо, М. Рида, Ж. Верна, Ф. Купера, сказки Андерсена, мифы Древней Греции. Попадались письма, в которых

подписчики сообщали, что они сами тоже выпускают журналы. Так, Дима Беккер писал: «Я, мой брат Сережа, моя сестра Лида и наш товарищ Гриша издаем множество журналов. Сережа издает 3 журнала: 1-й – “Детская Мысль”, это школьный журнал, 2-й – “Веселые Товарищи”, 3-й – “Друг Людей”. Я издаю 4 журнала: 1-й – “Веселые Товарищи”, 2-й – “Горец”, 3-й – “Веселое Лето”, 4-й – “Для Малюток”. Гриша издает 3 журнала: 1-й – “Веселые Товарищи”, 2-й – “Мысли и Изречения”, 3-й – “Герои”. Лида издает 2 журнала: 1-й – “Веселое Лето”, 2-й – “Для Малюток” [22, с. 436]». Воля Малютин писал, что он, его брат, сестра и друзья издают журнал «Колокольчик», в котором «папа помещает фотографии и печатает на пишущей машинке» [7, с. 461].

Жоржик Гребнер из Москвы сообщал Федорову-Давыдову о своей «страсти к редакторству». Журнал по естественной истории, который собирался издавать мальчик, должен был стать уже девятым его детищем. Однако, как отмечал сам автор письма, «прежние [журналы – Е.Б.] никуда не годились и исчезали сейчас же, как появлялись». Но теперь дело должно было пойти, поскольку Жорж «обдумал план, и … будут сотрудники, которые … будут придавать энергии…» [23, с. 2]. Для юных издателей редактор «Путеводного огонька» размещал рецепт гектографа – желатиновой смеси, с помощью которой можно было делать оттиски с рукописей [19, с. 672].

Некоторые юные читатели увлекались коллекционированием открыток [24, с. 4] или марок [21, с. 332]. Правда, не все подписчики журнала разделяли это увлечение. Например, Ф. Богуцкий задавал редакции вопрос: «Не можете ли вы мне сообщить или кто-нибудь из читателей, какая цель собирания почтовых русских марок, бывших уже в употреблении. Я слышал, что будто бы марки отсылают в Китай, где ими оклеивают комнаты вместо обоев, а за собранные марки китайцы присылают собирателю марок чайный сервиз. Если все это, слышанное мною, правда, то, может быть, редакция знает, какой адрес, т.е. кому именно нужно отсылать марки» [7, с. 465].

Многие ребята писали о том, что они умеют играть на музыкальных инструментах – скрипке [5, с. 83], гитаре [7, с. 464], балалайке [19, с. 672], рояле [25, с. 180]. Именно для юных музыкантов журнал публиковал ноты различных музыкальных произведений. Популярным видом детского досуга были рисование и выпиливание [23, с. 2] разных фигур из дерева. Благодаря постоянным приложениям к журналу, где публиковались разнообразные материалы для рукоделия, дети с удовольствием клеили бумажные замки из деталей, собирали воздушных змеев. Ребята играли в настольные игры – шахматы [26, с. 576] и шашки [7, с. 462], лото и домино [19, с. 672]. Из подвижных игр упоминались крокет [27, с. 512], «гигантские шаги» [17, с. 605], кегли [25, с. 180], серсо [11, с. 311], «волан» [8, с. 212] (совр. бадминтон), а в качестве зимнего вида спорта – коньки [25, с. 180], лыжи и санки [19, с. 671], игра в снежки [28, с. 193]. Интересным вариантом детского досуга становился домашний театр.

Нина и Юра Кобиевы, живущие в Тифлисе (совр. Тбилиси), проводили лето в городе Темир-Хан-Шур (совр. Буйнакск в Дагестане). Там ребята со своими друзьями играли «в индейцев: мальчики изображают краснокожих, а мы,

девочки, - путешественниц-англичанок; краснокожие похищают у нас ребенка (3-летн. Леночку), и мы будто бы едем в пустыню ее отыскивать и при помощи американских солдат ее находим, а между солдатами и индейцами завязывается перестрелка из луков и игруш. пистолетов». Еще одной игрой на свежем воздухе были «Дети в лесах Флориды» – родители с детьми шли в лес, где мальчики охотились, а девочки собирали ветки для костра и помогали повару готовить походную пищу – варить кашу, кукурузу, картофель делать шашлык [29, с. 636].

Дети из обеспеченных семей писали о своих путешествиях. Вот один из заявленных маршрутов: «Я должно быть скоро уезжаю за границу. Я буду во многих местах Германии, Баварии, Богемии и Швейцарии. Раньше я поеду в Берлин, потом в Лейпциг, потом в Дрезден, потом в Мюнхен, Карлсбад, Топлиц, Мариенбад, в котором я пробуду должно быть около месяца. Затем я поеду опять в Берлин. Из Берлина – во Франкфурт н/М, оттуда – в Базель, Цюрих, Берлин, а потом в Петербург» [15, с. 360].

Путешествовали ребята и по России. Так, Маня и Леня Макаревские плавали вместе с отцом на пароходе по Волге. Ребята посетили Нижний Новгород, Казань и Пермь [6, с. 544]. А Н. Страдомский рассказывал о своем плавании по Волге из Камышина в Царицын на пароходе «Император». Из Царицына путешественники отправились в «немецкую колонию Сарепту, где мы ходили на виноградники, а на обратном пути зашли к калмыкам, кибитки которых стояли недалеко. Вечером во двор гостиницы привел татарин верблюда; я и брат сели на верблюда, и татарин покатал нас» [5, с. 84].

Георгий Комаров из Сибири сообщал о своем путешествии в Костромскую губернию: «Ехали по реке Витиму 1 день, по реке Лене 7 дней. На лошадях, на телегах до железной дороги, по железной дороге до Казани 10 дней, потом по Волге до Козьмодемьянска, по колесной дороге до купленного дома, где купили землю. Обратно приехали на Вятку, и Пермь, и Челябинск, Иркутск, по быстрой Ангаре до Балаганска, от Балаганска до Жигалова на реку Лену, 200 верст на лошадях, на пароходе до золотых промыслов» [18, с. 398]. В своих путешествиях ребята не только осматривали окрестности, но и знакомились с местной культурой. Так, например, Катя Рудакова писала: «Я живу на Аральском море, на станции железной дороги. Здесь много киргиз. Мама записала киргизскую сказку и рассказала мне» [21, с. 332]. Путешествия не только развивали кругозор детей, но и духовно обогащали их элементами культуры других народов, а также формировали полезные практические навыки.

Дети, живущие вдали от столиц, рассказывали о своих специфических видах досуга. «Курейские ученики» из Ленского края, расположенного в Сибири, писали: «До школы мы целыми днями бегали по всем закоулкам своего деревенского царства. Любимыми нашими играми было бегать на лыжах, изображая охотников и собак, гоняясь за воображаемым сохатым (лосем) в лице товарищей, ища его по гумнам и по улицам; даже зимой играли в бабки, дичились проезжающих и боялись странников-проходящих» [7, с. 463].

Читатели рассказывали редакции и о своих игрушках. Мальчики писали об оловянных солдатиках (у Сережи Моносова их было аж 236 штук! [17, с. 606]), игрушечном оружии (у 7-летнего брата Сони Силивоник имелись «пушка, сабля, ружье, лошадь и корабль» [28, с. 193]), кубиках и «блошках» [30, с. 4], девочки – о своих куклах (у Н. Тихоновой их было 13 – «Люся, Ира, Соня, Нюся, Нина, Вера, Люба, Надя, Оля, Валя, Митя, Жора и Коля» [23, с. 2]). Постепенно в детскую повседневность входили сложные механические игрушки – «электрическая машина и поезд, который двигается паром» [23, с. 1]. Иногда в переписке встречались упоминания о необычных игрушках. «Мне тети подарили маленькую жаровню, на которой я сама варю варенье», – сообщала Манюша Щуренкова [31, с. 408]. Мальчикам тоже дарили полезные подарки. Один из читателей сообщал, что, когда он выдержал вступительный экзамен в Петровский полтавский кадетский корпус «папа подарил мне микроскоп, а мама – 5 руб.» [16, с. 456].

Сообщения о каких-либо «общественных», внесемейных вариантах детского досуга встречались в письмах очень редко. Иногда читатели писали о цирке [19, с. 671], музее [19, с. 672], опере [30, с. 2], московском зоосаде [30, с. 1]. Насчет последнего Володя Возианов, написавший подробный отчет о посещении, заявил, что посещение зоосада оставляет тяжелое впечатление, «потому что все животные находятся в плену, лишены простора и свободы» [30, с. 2].

В целом следует признать, что в начале XX в. детский досуг носил ярко выраженный образовательный или воспитательный характер, формируя у детей прежде всего необходимые практические навыки и готовя их к будущей взрослой жизни.

Список литературы

1. Русаков В. О чем и как пишут дети. СПб., М.: Т-во М. О. Вольф. 18 с.
2. Родигина Н. Н. Репрезентация детской повседневности в иллюстрированном журнале для детей «Задушевное слово» // Rosyjskie dziecinstwo = Русское детство: сб. статей / ed. by K. Dudy, A. Dudka. Krakow: Ksi^garnia akademicka, 2015. S. 103–114.
3. Никонова Е., Кравченко О. Детские тексты на страницах журналов для среднего и старшего возраста в России конца XIX – начала XX веков // Детские чтения. 2023. № 1. С. 77–100.
4. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 8.
5. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 2.
6. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 20.
7. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 16.
8. Наша переписка // Путеводный огонек. 1906. № 7.
9. Наша переписка // Путеводный огонек. 1908. № 4. Приложение.
10. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 14.
11. Наша переписка // Путеводный огонек. 1906. № 11.
12. Бурлуцкая (Банникова) Е. В. Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых как источник по семейной повседневности горожан // Человек и город в историко-культурном пространстве: краеведческие чтения, посв. 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева. Оренбург, 1 декабря 2017 г.: сб. ст. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. С. 39–52.

13. Бурлуцкая Е. В. Отражение повседневной жизни девочки из семьи Дроздовых в родственной переписке на рубеже XIX и XX веков // Новый исторический вестник. 2024. № 1 (79). С. 31–63.
14. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 13.
15. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 13.
16. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 17.
17. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 22.
18. Наша переписка // Путеводный огонек. 1906. № 14.
19. Наша переписка // Путеводный огонек. 1906. № 24.
20. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 23.
21. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 11.
22. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 15.
23. Наша переписка // Путеводный огонек. 1908. № 18. Приложение.
24. Наша переписка // Путеводный огонек. 1908. № 24. Приложение.
25. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 5.
26. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 21.
27. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 19.
28. Наша переписка // Путеводный огонек. 1907. № 7.
29. Наша переписка // Путеводный огонек. 1905. № 22.
30. Наша переписка // Путеводный огонек. 1908. № 10. Приложение.
31. Наша переписка // Путеводный огонек. 1904. № 15.

Т. В. Левицкая

Юмор на страницах журнала «Циклист» (1895–1904)

В статье рассматривается специфика юмористических произведений (фельетоны, стихотворения, пословицы и т. д.), опубликованных в московском журнале «Циклист» с 1895 по 1904 г. Анализируются популярные темы и мотивы, которые трансформировались в зависимости от степени интеграции явления в повседневную жизнь. Сатирические и комические произведения не только выполняли функцию «зеркала социальных трансформаций» эпохи, но и содействовали возникновению новых ролевых моделей для представителей обоих полов.

The article examines the specifics of humorous works (short stories, poems, proverbs) published in the Moscow magazine « Cyclist» from 1895 to 1904. The analysis covers popular topics and motifs that changed in accordance with the degree of integration of a phenomenon into everyday life. Satirical and comic works not only performed the function of a «mirror of social transformations» of the era, but also contributed to the emergence of new role models for representatives of both sexes.

Ключевые слова: велосипед, журнал «Циклист», социальные изменения, юмор.

Key words: bicycle, "Cyclist" magazine, social changes, humor.

О стремительно возрастающей популярности велосипедного спорта в России 1890-х гг. свидетельствует появление специализированных журналов: «Велосипед и речной яхт-клуб» (1892–1896; дважды переименован: в 1893 – «Велосипедист», с 1894 – «Велосипедный спорт»), «Велосипед» (1892–1898), «Самокат» (1894–1907), «Циклист» (1895–1904) и др.

Одним из первых изданий, во многом определивших каноны жанра, был еженедельный журнал «Велосипед», который выходил в Санкт-Петербурге с 1892 по 1898 г. Выпуски журнала за 1892 г. были выдержаны в строгом стиле: освещались технические новинки, печатались уставы различных организаций, анонсы спортивных мероприятий, раздел с обратной связью от читателей носил сугубо информативный характер. Однако уже в следующем году тон повествования и оформление журнала изменились – значительное место занял развлекательный раздел, в котором публиковались шутки, стихотворения, фельетоны [1]. Московский журнал «Циклист» (1895–1904, издатель А. Я. Липскеров) во многом перенял юмористический стиль у петербургских веложурналов. Изначально журнал выходил еженедельно (50 номеров в год). В 1897 г. редакция попыталась сделать издание ежедневным (кроме выходных и праздничных дней, 275 номеров в год), однако поддерживать такой темп оказалось сложно, номера стали менее информативными, и в 1898 г. вернулась прежняя периодичность выпусков.

Издатель А. Я. Липскеров сделал ставку на развлекательный аспект: технических статей практически не было, спортивные новости зачастую подавались в сатирическом ключе, а доминирующее положение в журнале занимали фельетоны, юмористические иллюстрации, стихотворения. Сюжеты отличались от тысяч подобных лишь наличием спортивной тематики: именно велосипед помогал завоевать сердце возлюбленной (стихотворения «Из испанских мотивов» [2], «Страшная месть»[3], «Клятва велосипедиста Демона перед своею Тамарой» [4]), становился причиной семейного раздора (комедия «Мезальянс» [5]), спасал своего хозяина (фельетон «Велосипед-спаситель» [6], стихотворение «В дороге» [7]) или членов его семьи (фельетоны «Циклизм и спиритизм» [8], «Велосипед как охранитель нравственности» [9]). Велосипедисты в сравнении с пешеходами изображались как более быстрые, ловкие и уверенные в себе люди, которые могут легко преодолеть любые препятствия: этой теме посвящены многочисленные пословицы и поговорки (например, «Не родись богатым, не родись кудрявым, а родись велосипедистом» или «Пешеход велосипедисту не товарищ» [10]), стихотворения («Из испанских мотивов» [11]), афоризмы (пародия на поучения Козьмы Пруткова [12]). Часто публиковались фантазии на тему светлого будущего велосипедного спорта («Диалоги будущего» [13], «В стране велосипедистов» [14]). Вдохновляясь классиками, авторы без устали воспевали своего двухколесного товарища: «Чуден велосипед при тихой погоде, когда он вольно и плавно мчит своего владельца сквозь леса, поля и горы» [15, с. 21]. Велосипед нередко наделяли чертами любимого человека («Разбитая любовь» [16], «В мечтах о нем» [17]), а юмористическое стихотворение «Горе велосипедиста» представляет собой элегию на смерть верного друга:

Я горя изведал в сей жизни немало,
Немало я бед испытал.
Мне часто вдогонку полено летало,
Не раз я в канаве лежал!

Не раз надо мною и гром разражался,
И дождик холодный мочил;
Но ты, мой товарищ, все цел оставался,
От всех меня бед уносил.

И вот без руля и без шин предо мною,
Разбитый на части, лежишь!
Теперь уж, как прежде бывало, стрелою
От бед ты меня не умчишь… [18, с. 20]

Редакторы журнала с энтузиазмом следили за тем, как велосипед постепенно проникал не только в повседневную жизнь, но и в художественную литературу – они уделяли большое внимание авторам, которые затрагивали велосипедную тему в своих произведениях (например, в романе П. Д. Боборыкина «Княгиня» (1896) один из персонажей – профессор-велосипедист). Особый интерес вызвала повесть Вл. И. Немировича-Данченко «Драма за сценой» (1896), в которой была использована «велосипедная» метафора: «Его мысль точно села на удобный велосипед и неудержимо неслась вперед» [19, с. 11]. Редакция восприняла это как добрый знак новой эпохи, в которой велосипед становится значимым культурным символом, отражающим стремление к прогрессу.

Хотя российская спортивная пресса конца XIX – начала XX в. активно поддерживала интерес женщин к велосипеду, популяризация этого явления зачастую опиралась на распространенные стереотипы. Так, автор статьи «Велосипед как орудие женской эмансипации», казалось бы, выступил в защиту женщин, но тем не менее участниц женского конгресса он описал как группу «синих чулков», которые без устали критиковали мужчин и толковали «вкривь и вкось о способах “освобождения”» [20, с. 1]. Лишь тема велосипеда, который несомненно «привезет человечество» к эволюции нравов, по мнению автора, привнесла в этот хаос нотку здравомыслия. В таком же тоне написана и статья-продолжение, в которой одна из дам требовала освободить женщин «из-под ига тряпок, ленточек, кружев, блесток и всякой дряни» [21, с. 2], а другая «сума-сбродная агитаторша» [21, с. 2] предлагала идею бесплатного обучения езде на велосипеде для бедных слоев населения.

Частыми темами фельетонов и шуточных стихотворений были: использование велосипеда как инструмента для поиска партнера (например, зарисовка «Синий чулок» [22]); физическое превосходство и привлекательность велосипедисток в сравнении с «обычными» женщинами («Отказ» [23], «Советчица» [24]), споры с мужем о покупке «рациональной» одежды, водевильная путаница, когда женщин в мужской одежде принимали за мужчин («Пособник флирта» [25], «Судьба подшутила» [26]) и т. д.

В конце 1890-х гг. в обществе широко обсуждался «брючный вопрос» (в 1897 г. в Оксфорде был даже проведен «Брючный конгресс», кульминацией которого стал торжественный обед с участием более ста женщин в брюках [27, с. 165]). В 1895–1896 гг. «рациональный» костюм был одной из ведущих тем

юмористического раздела «Циклиста». Если издания, далекие от велосипедной тематики, без устали критиковали и обличали в безнравственности женщин, которые осмелились надеть брючный костюм, то спортивные журналы в основном поддерживали идею практичной одежды, правда с некоторыми оговорками – на первых порах право использовать подобный наряд признавалось только за «хорошенькими» женщинами. Нередко объектом шуток становились дамы, которые желали приобрести велосипед исключительно ради костюма. Так, например, в одном из первых номеров журнала опубликована юмористическая иллюстрация под названием «Тиранство», на которой муж выбирает супруге велосипед. Подпись к иллюстрации представляет собой негодующее восклицание женщины: «Ах, Жорж, к чему ты купил мне эту машину! Ведь ты не позволяешь мне надеть велосипедный костюм, который так нравится мужчинам!» [28, с. 1]. Велосипед и специальный костюм уверенно входили в моду, становясь неотъемлемыми атрибутами прогрессивной дамы. В одной из юмористических иллюстраций 1895 г. представлена галерея дамских нарядов, подходящих для самых разных жизненных ситуаций: «Цыганка», «Коверкот», «Гермес», «Людовик XV» и даже «Траурный костюм» [29]. В фельетоне 1897 г. «Уговорила!» [30] мужчину смущает не столько общественное мнение, сколько высокая стоимость вопроса: к немалой цене велосипеда супруга постоянно добавляет дополнительные аксессуары – костюм, чулки, украшения.

Стоит отметить, что отношение к велосипедисткам и к рациональному костюму вскоре изменилось. В рассказах 1895–1896 гг. мужья в основном выражали недовольство по поводу покупки брючных костюмов женами, беспокоясь о соблюдении приличий. Да и сами женщины не всегда были готовы пойти на столь решительный шаг. Иллюстрированный сюжет «Со ступеньки на ступеньку» наглядно демонстрирует эволюцию взглядов начинающей велосипедистки: на первых этапах женщина считает костюм неприемлемым для себя, но постепенно удобство заставляет ее забыть о предрассудках и принять новый элемент одежды как норму [31].

Со временем мужчины перестали быть центральными фигурами в принятии решений о ношении рационального костюма. Например, в фельетоне «Советчица» (1897) героиню отговаривает носить костюм не супруг, а завистливая подруга. В фантазии «Клуб холостяков» [32] первый приз в гонке завоевывает переодетая женщина. Постепенно модное увлечение принимает и старшее поколение: в фельетоне «Где молодые люди?» [33] родительницы дарят своим дочерям велосипеды, чтобы помочь им в поиске кавалеров.

Тема велосипедных костюмов постепенно исчерпала себя и перестала быть объектом шуток, уступив место другим сюжетам, например растущей популярности велосипеда среди разных слоев населения. В фельетоне «Турист» [34] высмеивался купец, который совершал прогулку на велосипеде в нетрезвом виде. Все чаще велосипедом пользовалась прислуга. Так, иллюстрацию «Наша прислуга» сопровождала подпись: «Как, барыня, вы тоже ездите на велосипеде? Стало быть, мы с вами коллеги» [35, с. 9], а в первом номере 1904 г. на вопрос удивленной барыни: «Как, вы приехали с велосипедом?» [36, с. 12] – горничная гордо отвечает, что скоро за ней заедет поклонник на автомобиле.

В начале 1901 г. в журнале «Циклист» произошли изменения: на титульной странице появился подзаголовок, который сообщал, что издание посвящено не только велосипедному, но и другим видам спорта – автомобильному, атлетическому, конькобежному, лыжному и пр. Это решение было принято из-за снижения интереса к велосипеду, который стал привычным и доступным для многих, и желания редакции привлечь новых читателей. Стоит отметить, что в номерах за 1901 г. был представлен новый раздел мод – уже для автомобилисток.

С 1903 г. журнал стал выходить раз в две недели. Это было связано с кризисом в мире велоспорта, из-за которого новостей стало меньше, а 1904 г. стал завершающим в истории журнала.

Исследование материалов журнала «Циклист» способствует более глубокому пониманию процессов трансформации общественного сознания и поведенческих моделей под влиянием спортивных практик. Юмористические фельетоны, написанные доступным и понятным широкой аудитории языком, играли важную роль в осмыслении влияния технического прогресса на повседневную жизнь людей. Они постепенно адаптировали читателей к новым реалиям, а также фиксировали изменения в семейных отношениях и новые роли мужчин и женщин в обществе.

Список литературы

1. Левицкая Т. В. «Женский вопрос» на страницах журнала «Велосипед» (1892–1898) // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 октября 2023 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева; сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2023. Ч. 2. С. 398–401.

2. Р. Меч. Из испанских мотивов // Циклист. 1895. № 3. С. 19.

3. Р. Менделевич. Страшная месть // Циклист. 1895. № 6. С. 22–23.

4. Опытный велосипедист. Клятва велосипедиста Демона перед своею Тамарой // Циклист. 1895. № 8. С. 20–21.

5. Константин Сардуненко. Мезальянс // Циклист. 1895. № 20. С. 3–4.

6. Жан Восторгов. Велосипед-спаситель // Циклист. 1895. № 12. № 5–7.

7. XIII. В дороге // Циклист. 1895. № 21. С. 23.

8. Здешний. Циклизм и спиритизм // Циклист. 1895. № 4. С. 18–19.

9. Островитянин. Велосипед как охранитель нравственности // Циклист. 1895. № 26. С. 12–14.

10. Родя и NN. Пословицы и поговорки // Циклист. 1895. № 3. С. 19.

11. Р. Меч. Из испанских мотивов // Циклист. 1895. № 9. С. 17.

12. Сафир № 2. О велосипедах и велосипедии (Из поучений Кузьмы Пруткова) // Циклист. 1895. № 10. С. 21–22.

13. Родя. Диалоги будущего // Циклист. 1895. № 21. С. 23–24.

14. Интервьюер. В стране велосипедистов // Циклист. 1895. № 24. С. 3–4.

15. Т. Велосипед (По Гоголю) // Циклист. 1896. № 26. С. 21.

16. Иотани. Разбитая любовь // Циклист. 1895. № 8. С. 6.

17. Циклист. 1895. № 19. С. 1.

18. С. Е-в. Горе велосипедиста // Циклист. 1895. № 4. С. 20.

19. Циклист. 1896. № 13. С. 11.

20. Э. Л-рг. Велосипед как орудие женской эмансипации // Циклист. № 15. 1896. С. 1–2.

21. Э. Л-рг. Еще о велосипеде как орудии женской эмансипации // Циклист. № 16. 1896. С. 1–3.

22. Циклист. 1896. № 4. С. 18.
23. К. Отказ // Циклист. 1897. № 25. С. 1.
24. К. Советчица // Циклист. 1897. № 37. С. 1.
25. Ани Ворбуд. Пособник флирта // Циклист. 1895. № 6, 7, 8.
26. Циклонавт. Судьба подшутила // Циклист. 1896. № 15. С. 4–5.
27. Кун Г. Верхом на «безнравственной повозке» – к равноправию // Историк и художник. 2007. № 1. С. 158–171.
28. Циклист. 1895. № 3. С. 1.
29. О. Ренар. Дамские рациональные костюмы // Циклист. 1895. № 23. С. 19.
30. Иже. Уговорила! // Циклист. 1897. № 114. С. 2–3.
31. Циклист. 1896. №. 7. С. 1.
32. К. М. Клуб холостяков // Циклист. 1897. № 118. С. 2.
33. К. М. Где молодые люди // Циклист. 1897. № 136. С. 2.
34. Иже. Турист // Циклист. 1897. № 70. С. 1.
35. Циклист. 1898. № 43. С. 9.

Е. Н. Крылова

Досуг и отдых на страницах столичных периодических изданий Российской империи начала XX в.

В статье рассматриваются периодические издания Санкт-Петербурга и Москвы начала XX в. о досуге и отдыхе. Проведенный анализ столичных изданий позволил выявить отдельные группы периодики, направленные на активный и пассивный досуг, саморазвитие и развлечения. Исследование проведено на основе материалов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. Автор приходит к выводу, что в начале XX в. столичные периодические издания были представлены широким спектром журналов и газет по различным видам досуга и отдыха.

The article is devoted to the periodicals of St. Petersburg at the beginning of the twentieth century about leisure and recreation. The analysis of the capital's publications carried out by the author made it possible to identify separate groups of periodicals aimed at active and passive leisure, self-development and entertainment. The study was conducted on the basis of an analysis of the files stored in the Russian State Historical Archive. The author comes to the conclusion that at the beginning of the twentieth century, the capital's periodicals were represented by a wide range of magazines and newspapers on various types of leisure and recreation.

Ключевые слова: периодические издания о досуге и отдыхе начала XX в., печать Санкт-Петербурга начала XX в., журналы и газеты о театре, журналы об охоте, журналы о моде, газеты начала XX в. о спорте.

Key words: periodicals about leisure and recreation of the early twentieth century, the press of St. Petersburg of the early twentieth century, magazines and newspapers about the theater, magazines about hunting, fashion magazines, newspapers of the early twentieth century about sports.

Изучение вопросов досуга и отдыха на страницах периодических изданий начала XX в. невозможно без понимания этимологии этих понятий. Обратимся к современным исследованиям в этой области. Г. В. Тартыгашева указывает,

что «среди широкого спектра дефиниций понятия «досуг» можно выделить темпоральный, деятельностный и аксиологический подходы, определяющие «досуг» как «часть нерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных непроизводственных обязанностей», «любую нерабочую деятельность», особую форму времяпрепровождения, где акцентируется внимание на «свободе в выборе целей, видов и способов деятельности», и для любой культуры именно это представляет ценность» [1, с. 72].

Н. М. Тарбеева указывает, что «в словарях лексема "отдых" определяется как непродолжительный перерыв в занятиях, работе для восстановления физических и умственных сил, передышка, остановка в пути с такой целью; свободное от работы время» [2, с. 268], а слово «досуг» – «время, не занятое работой, какими-либо делами» и служит для называния отдыха как смены деятельности [2, с. 272].

Среди видов досуговых практик Г. В. Тартыгашева выделяет виды досуга с позиций активности/пассивности реализации и содержания: «саморазвитие/развлечение. Пассивный досуг – это времяпрепровождение с целью восстановления сил, достижения работоспособного состояния организма, получения эмоциональной разрядки, связанный с состоянием покоя. Активный досуг воспроизводит силы человека, дает работу мышцам и психическим функциям, которые не нашли применения в труде ... Развивающий досуг включает потребление культурных ценностей, расширение культурного кругозора, воспитание чувств и проявление интеллектуальной активности» [1, с. 75]. Таким образом, можно говорить, что пассивный досуг – это отдых.

Анализ столичной повременной печати начала XX в. показал, что в тематике досуга и отдыха преобладали журналы, а не газеты. Данный вывод вполне понятен, учитывая специфику и периодичность издания данных видов печатных средств массовой информации. Из проанализированных 720 изданий Санкт-Петербурга [3], выходящих в начале XX в. было выделено 60 печатных органов [4–7], в названии которых указаны те или иные виды досуга.

Так, например, в Санкт-Петербурге издавались ежемесячные журналы «На досуге», «Досуг и дело», «Отдых христианина» и журнал, выходящий по мере наполнения «Кадетский досуг». Особое место занимают издания, касающиеся театральной жизни страны, такие как еженедельные журналы «Театр, музыка и спорт», «Театр и искусство», «Музыкально-театральный современник», журнал «Ежегодник императорских театров», «Бесплатное музыкально-театральное издание», ежемесячный журнал «Записки передвижного общедоступного театра», газета «Театральная Россия», ежедневные газеты «Театр и жизнь», «Театр», «Ежедневные театральные сведения».

Среди периодических изданий о музыке в Санкт-Петербурге представлены журнал «Русская музыкальная грамота», еженедельный журнал «Музыка для всех», ежемесячный журнал «Музыка и пение».

Были и издания, посвященные выставкам: журналы «Выставочный вестник» и «Вестник выставок».

Можно выделить серию периодических изданий о моде и шитье. Среди петербургских журналов отметим: «Искусство быть красивой», «Белье и вышивка», «Вестник моды», «Искусство портных», «Модный свет», ежемесячный журнал «Дамский мир» о моде, литературе и жизни женщины дома и в обществе.

Выходили на регулярной основе и тематические журналы об охоте: двухнедельный журнал «Наша охота», повествующий об оружейной, псовой охоте и рыбалке, ежемесячный журнал «Охота» обо всех видах охоты, еженедельный журнал «Русская охота». В Москве издавались журналы «Охотничий вестник» и «Охотничье дело» [8]. Также представлены журналы о скачках «Ипподром», «Спорт и фавориты на сегодня». Журнал «Русская охота» издавался «дважды», первый раз журнал выходил в Санкт-Петербурге в 1905, 1907 и 1908 гг. под редакцией Л. В. Колб-Селецкого, второй раз журнал с таким же названием издавался в Москве в 1910–1911 гг. под редакцией А. Г. Юзбашева.

Существовали газеты, направленные на популяризацию активного досуга «Спортивное слово», «Спорт и жизнь», «Футболист», «Иллюстрированный журнал атлетики и спорта», двухнедельный журнал «Яхта» о мореходстве и водном спорте.

Издавались журналы о садоводстве и огородничестве: ежемесячные журналы «Вестник Садоводства и плодоводства», «Плодоводство», еженедельный журнал «Прогрессивное садоводство и огородничество».

Развивающий досуг представлен категорией изданий о самообразовании и саморазвитии. Назовем здесь журналы «Домашний университет», «Самообразование», «Саморазвитие», «Популярно-научная библиотека».

Как уже было отмечено выше, развивающий досуг включает потребление культурных ценностей, расширение культурного кругозора, воспитание чувств и проявление интеллектуальной активности. В этой связи назовем такие издания, как газеты «Русское чтение», «Всемирная библиотека», «Еженедельник искусств и литературы», журналы «Художественные сокровища России», «Народная читальня», «Всеобщая библиотека», «Дешевая иллюстрированная библиотека», «Библиотека переводных романов», «Искусство и жизнь», «Вестник лучших драматических произведений французских писателей» на русском и французском языках, ежемесячный журнал «Шахматное обозрение», посвященный играм в шахматы и шашки и ежемесячный журнал по изучению немецкого и французского языков «Мой журнал».

Тема здоровьесбережения звучала на страницах ежемесячных журналов «Трезвая жизнь», «Трезвые всходы», еженедельной газеты «Трезвость», ежедневной «Маленькой газеты», журналов «Здоровье и жизнь», «Трезвость и бережливость», «Журнал русского общества охранения народного здравия».

Развлекательный досуг представлен юмористическими журналами «Юмор», «Смех для всех», «Смех и сатира».

Достаточно большое количество журналов выходило для семьи: в Москве – «Друг детей», «Семья и школа», в Санкт-Петербурге – «Дом и семья», «Верность», «Золотое детство», ежемесячный педагогический журнал о семейном

воспитании «Воспитание и обучение», еженедельный журнал для семейного чтения «Полночь», еженедельный «Семейный журнал», семейная и литературная газета «Выстрел» и др.

Остановимся подробнее на двух журналах, имеющих гендерную окраску в способе проведения досуга и отдыха. Ежемесячный иллюстрированный журнал «Искусство быть красивой» выходил в Санкт-Петербурге в 1906 г. под редакцией Ю. Громаковской. Первый номер журнала вышел 15 января 1906 г., и программа журнала включала искусство нравиться, гигиену тела, принадлежности красоты, жесты, красавиц в разных культурах, т.е. все, что связано больше с уходом за внешностью женщины, однако был в программе и раздел «Заботы об уме и сердце». А во втором номере журнала была помещена статья «Как бороться с тучностью», в которой автор указывал, что тучность служит предрасположенностью к вялости ума и предлагал «в девочке развивать любовь к серьезному умственному труду» [9], трудиться и больше гулять.

Первый номер двухнедельного журнала «Русская охота» вышел в Москве 4 декабря 1910 г. В номере отражены интересные для любителей охоты темы: полевые испытания собак, проблемы с охотничьим ружьем и способы устранения, выставка собак, награды собакам на выставке Московского общества охоты, охота в провинции и за границей [10]. В журнале активно использовались фотографии, причем практически на всех из них (23 шт.) изображены мужчины с собаками и только на трех – женщины: «Бабы – загонщицы на облаве. Из жизни Московского общества охоты», «После облавы», «Трофеи охоты» [10].

Таким образом, можно говорить, что в начале XX в. столичные периодические издания были представлены широким спектром журналов и газет по различным видам досуга и отдыха. Среди общего массива печатных изданий Санкт-Петербурга и Москвы были выделены лишь направленные на саморазвитие, развлечения, развивающий и активный досуг.

Список литературы

1. Тартыгашева Г. В. О досуге российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 69–81. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-69-81

2. Тарбеева Н. М. Анализ семантики ключевых слов отдых / досуг и repos / loisir, репрезентующих концепт ‘отдых’ в русском и французском языках // Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 266–277. DOI: 10.18522/2070-1403-2018-71-6-266-277

3. Крылова Е. Н. Периодическая печать России 1900–1915 гг. на примере столичных изданий // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. Т. 1. С. 149–156.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 776. Оп. 8. Д. 2196.

5. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2197.

6. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2198.

7. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2199.

8. РГИА. Ф. 776. Оп. 8.

9. Искусство быть красивой. 1906. №. 2.

10. Русская охота. 1910. № 1.

Н. А. Мозохина

Коллекционирование открыток как форма досуга жителей Российской империи на примерах из произведений писателей – современников Серебряного века

В статье анализируется коллекционирование открыток в начале XX в. и его отражение в художественной литературе. Коллекционирование было любительским и профессиональным. Известно очень мало имен собирателей, их перечень крайне неполон. В произведениях К. Г. Паустовского «Повесть о жизни», Д. Н. Мамина-Сибиряка «Погибельный Кавказ» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина» можно найти дополнительные уникальные сведения о коллекционировании и бытовании открытых писем.

The article is devoted to postcard collecting in the early twentieth century and its reflection in fiction. Collecting was amateur and professional. Very few names of collectors are known, their list is extremely incomplete. In the works of Konstantin Paustovsky ‘A Tale of a Life’, Dmitry Mamin-Sibiryak ‘The Perishing Caucasus’ and Maxim Gorky ‘The Life of Klim Samgin’ one can find additional unique information about collecting and circulation of postcards.

Ключевые слова: открытка, филокартия, коллекционирование, К. Г. Паустовский, Ф. Ф. Фидлер, Клим Самгин.

Key words: postcard, deltiology, collecting, Konstantin Paustovsky, Fyodor Fidler, Klim Samgin.

В конце XIX – начале XX в. иллюстрированная открытка стала одним из популярнейших типов почтового отправления во всем мире. Российская империя несколько отстала в этом процессе в связи с тем, что долгое время издание открытых писем было государственной монополией, а выпускать иллюстрированные карточки частным издателям разрешили лишь в 1894 г. Тем не менее уже в начале 1900-х гг. в России существовал разветвленный рынок иллюстрированной открытки, в основном освоенный немецкими издателями и не пересекавшийся с книжным рынком. Лишь к концу 1900-х гг. отечественные издатели заняли более-менее заметную нишу в этой сфере.

Популярность открыток была настолько высока, что о них писали стихи и рассказы, новинки рекламировали в газетах, а издательства выпускали каталоги для продавцов и покупателей. Наконец, их стали коллекционировать, и эта форма досуга развивалась в двух направлениях: серьезном собирательстве и любительском. Следует подчеркнуть, что для коллекционера-любителя начала XX в. открытка становилась коллекционным материалом обычно при условии выполнения своего основного предназначения – прохождения почты, а серьезные собиратели в основном ориентировались на «чистые» карточки.

Любительское коллекционирование проявлялось в формировании альбомов с открытками, которые стали признаком хорошего тона в высшем обществе. Как отмечалось в прессе, «каждая девица или дама из «общества» обязательно имеет альбом с открытками, и не один, который служит украшением гостиной, наравне с другими альбомами» [1, с. 3]. Их сфера интересов в ос-

новном не распространялась дальше таких популярных сюжетов, как виды природы, головки, юмористические открытки, копии с картин, цветы. На их вкусы ориентировалась большая часть издателей и торговцев открытками.

Вторая линия коллекционирования часто была связана с профессиональной деятельностью, и здесь есть имена довольно известных деятелей культуры своего времени: Ф. Ф. Нотгафта, Е. Е. Рейтерна, Н. Л. Шабельской, Ф. Ф. Фидлера, И. Я. Билибина, В. Я. Курбатова, А. Н. Бенуа. Например, Ф. Ф. Нотгафт был наиболее последовательным коллекционером изданий знаменитой общины св. Евгении и, будучи юристом по образованию, благодаря ее открыткам стал коллекционером современного искусства и вполне профессиональным искусствоведом.

Еще одной формой досуга, связанной с коллекционированием, было участие в международных филокартических клубах по обмену открытками – предшественниках современного посткроссинга. Объединяющим элементом здесь вместо интернет-сайтов были печатные журналы и представители в разных странах и городах. Их открытки можно определить по штампам с клубными эмблемами и наличию «обменных кодов» – слов, заключавших в себе более широкое значение, понятное лишь для членов клуба. Например, члены ассоциации «Космополит», видя надпись «Clotilde», понимали, что отправитель хочет получать только черно-белые видовые открытки, а надпись «Ursule» означала, что человек больше не собирает открытые письма. Русский клуб на настоящий момент выявлен только один, под названием «Russ. C», но отечественные любители обмена открытками часто становились членами иностранных клубов [2].

Необычайная популярность открытки и ее коллекционирование нашли отражение даже в произведениях известных писателей. Некоторые книги оказались ценнейшим источником по истории бытования открыток в то время, так как фиксировали те моменты, которые были хорошо известны современникам, но оказались основательно забыты. Самой содержательной в этом отношении является «Повесть о жизни» К. Г. Паустовского. Над ней писатель работал в 1940–1960-х гг., но даже спустя десятилетия его память сохранила уникальные сведения об открытках, причем автор посчитал нужным включить их в повествование, что само по себе еще раз доказывает органичное присутствие иллюстрированных открыток в быту Серебряного века.

Нашлось в повести место сюжету об издании открыток, который ценен тем, что в большинстве случаев архивы частных издательств не сохранились, и процесс выпуска иллюстрированных карточек приходится представлять по разным косвенным данным. Так, об издательской деятельности фототипии Шерер, Набгольц и К° до настоящего времени можно было составить представление только на основании анализа изданных открыток. Филокартисты установили, что фирма занималась их выпуском на протяжении всего «золотого века» открытки – с 1896 по 1918 гг., но авторство снимков не было выяснено. К. Г. Паустовский рассказывает о своем летнем приятеле в Рёвнах, под Брянском, Володе Румянцеве, который занимался фотографией и заключил договор с этим издательством, согласно которому «ездил летом по разным глухим городкам,

снимал достопримечательности, а литография издавала открытки с видами городов по этим Володиным снимкам. Открытки эти продавались в книжных киосках на вокзалах» [3, с. 103]. Подросткам очень нравился образ жизни Володи Румянцева, как он неожиданно пропадал на несколько дней и также неожиданно появлялся, рассказывая о своих поездках по провинциальной России, любовью к которой заразил и будущего писателя.

К. Г. Паустовский вспоминает о том, что открытки продавались в дощатом киоске на пристани в Ялте [3, с. 124], как ими были набиты рюкзаки у туристов [3, с. 862], о своей переписке с эсперантистами на открытках (на этом языке даже издавались специальные карточки) [3, с. 166], о том, как во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве 1905 г. на столе у его отца стояла открытка с портретом лейтенанта Шмидта [3, с. 118]. Но самым пронзительным воспоминанием, связанным с открытками, был зрительный образ места сражения на одной из линий фронта Первой мировой войны: «Я не понимал, откуда на поле боя так много рваной бумаги. Это были клочки писем, газет, открыток, книг, документов, фотографических карточек, стертых, пропитанных потом» [3, с. 298]. Тема коллекционирования открыток проходит у К. Г. Паустовского вскользь, скорее всего оттого, что сам он не был захвачен этим модным поветрием.

В произведениях других литераторов, писавших о начале XX в., новая форма досуга нашла большее отражение. Здесь в первую очередь следует выделить рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «Погибельный Кавказ». Он был написан в 1906 г. и основан на впечатлениях от кавказского путешествия писателя в 1902 г. В нем под именем «друг Фриц» выведен известный в начале XX в. филолог-германист, основатель домашнего «Литературного музея» Ф. Ф. Фидлер. Одним из разделов его музея были альбомы с открытыми письмами с портретами русских и иностранных писателей, которые он собирал в России и во время путешествий за границу [4, с. 16, 25]. Кроме того, он был ярким представителем типа филокартистов начала XX в., отправлявшихся в поездки с целью пополнения коллекции, приобретавших видовые открытки в киосках при железнодорожных станциях и отправлявших их себе же домой почтой, чтобы получить документальное подтверждение своего путешествия в виде штемпеля на адресной стороне.

Д. Н. Мамин-Сибиряк живописал о том, как «друг Фриц, как сумасшедший, выскакивал на платформу, разыскивал киоск с газетами и неистово начинал отбирать открытки с видами Кавказа. Коллекционерство было его манией, и в его архиве в Петербурге хранились тысячи открыток, вывезенных им из разных путешествий. Он не обращал внимания на звонки, и мне приходилось ловить его на платформе и силой тащить в вагон. За мои материнские заботы вместо знаков благодарности друг Фриц угрожающе рычал на меня, как рычит собака, у которой отнимают самую дорогую кость <…> На мелькавшие по сторонам чудные виды он не обращал ни малейшего внимания и по десять раз принимался пересчитывать свои открытки, сортировал их, делал на обороте таинственные заметки карандашом и прятал, оглядываясь, в свой дорожный чемодан» [5, с. 198–199]. Он узнавал посещаемые места по изображениям на

открытых письмах и сильно расстраивался, если в популярном туристском месте не встречал киоска с открытками.

В романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» описан еще один вид коллекционирования открыток, который возник с началом Первой русской революции – собирание запрещенных карточек, как правило, печатавшихся за границей и ввозившихся нелегально. Обычно такие открытки коллекционировались вместе с нелегальной литературой и запрещенными или непрошедшими цензуру изобразительными материалами. Например, в романе говорилось о том, что главный герой хранил запрещенные издания в папке, в которой наряду с открытками хранились стихи и корректуры статей, не пропущенные цензурой [6, т. 2, с. 458].

М. Горький писал: «Он даже начал собирать "открытки" на политические темы; сначала их навязывала ему Сомова, затем он сам стал охотиться за ними, и скоро у него образовалась коллекция картинок, изображавших Финляндию, которая защищает конституцию от нападения двуглавого орла, русского мужика, который пашет землю в сопровождении царя, генерала, попа, чиновника, купца, ученого и нищего, вооруженных ложками; "Один с сошкой, семеро – с ложкой" – подписано было под рисунком. Варвара достала где-то и подарила ему фотографию с другого рисунка: на фоне полуразрушенной деревни стоял царь, нагой, в короне, и держал себя руками за фаллос, – "Самодержец" – гласила подпись. Был портрет Щедрина, окруженного чудовищами, Победоносцева в виде нетопыря и еще много таких же редкостей. Самгин считал эту коллекцию опасной, но уже гордился ею и продолжал пополнять ее, как судебный следователь материал для обвинительного акта» [6, т. 2, с. 174–175].

Упомянутые М. Горьким открытки узнаются по описанию, они действительно существовали. Например, рисунок «Один с сошкой, семеро с ложкой» исполнил художник С. В. Животовский, он хранится в Государственном историческом музее. В годы революции он разошелся в несчетном количестве экземпляров на открытках, выпущенных разными издателями, в основном пожелавшими остаться неизвестными. Открытки встречаются с разнообразными вариантами оформления адресных сторон и названия на изобразительной стороне. Среди издателей, обозначивших себя – киевлянин Д. Т. Марков, белгородец Н. А. Седов и некое парижское издательство «Р. Р.» Интересно, что открытку использовали для переписки и пересылали не только в конвертах, но и в открытом виде. На настоящий момент самые ранние почтовые штемпеля у этих открыток датированы августом 1906 г., и в основном они использовались в 1906–1908 гг.

Упоминания о коллекции открыток в романе возникнут еще не раз, причем они окажутся очень важной деталью, маркирующей смену умонастроений главного героя. Писатель не забыл о ней и подробно описал ее уничтожение в 1906 г., произошедшее в результате перемены политических взглядов Самгина: «Нашел папку с коллекцией нелегальных открыток, эпиграмм, запрещенных цензурой стихов и, хмурясь, стал пересматривать эти бумажки. Неприятно было убедиться в том, как все они пресны, ничтожны и бездарны в сравнении с

тем, что печатали сейчас юмористические журналы. "Прошлое", – подумал он и, не прибавив "мое", стал разрывать на мелкие клочья памятники дешевого свободомыслия и юношеского своего увлечения <…> «сотни людей увлекались этим», – попробовал он утешить себя, разрывая бумажки все более торопливо и мелко, а уничтожив эту связь свою с прошлым, ногою примял клочки бумаги в корзине и с удовольствием закурил папиросу» [6, т. 3, с. 210–211].

М. Горький писал свою книгу с 1925 по 1936 г., поэтому в отношении некоторых деталей память его подвела. Начало собирания открыток Климом Самгиным отнесено примерно к 1897–1898 гг., когда в Российской империи только начиналось издание открытых писем, и политических открыток еще не существовало. Очень незначительное их количество имеют адресную сторону без разделительной вертикальной черты, т. е. увидели свет не позднее 1904 г. Скорее всего, появление в Российской империи нелегальных иллюстрированных карточек следует отнести к 1902–1903 гг. Поэтому Клим Самгин мог собирать эти открытки не более четырех лет до момента уничтожения коллекции, поэтому они не были его юношеским прошлом.

Коллекционирование открыток как форма досуга и в целом популярность открытых писем имели свои положительные стороны, так как в начале XX в., несмотря на развитие полиграфии и издательского дела, все еще ощущался сильный дефицит визуального ряда, сопровождавшего текстовые материалы, и за счет открыток происходила некоторая компенсация. Однако тогда собирательство редко носило научный или систематический характер. После исторических катаклизмов почти все дореволюционные коллекции распались, но со временем, и чем дальше от начала XX в., тем больше, открытка стала восприниматься как исторический источник и даже была включена в комплекс вспомогательных исторических дисциплин. Стремительное развитие филокартии и как коллекционирования, и как области научного знания началось с 1990-х гг. и продолжается до настоящего времени. Составляются каталоги открыток, изучается деятельность издателей и издательств, наконец, извлекаются из небытия имена первых собирателей, хотя в этом направлении знания пока еще слишком отрывочны и неполны.

Список литературы

1. Васильев А. Н. Культурное значение открытого письма // Открытка. 1907. № 1 (март). С. 3–4.

2. Никишин-Голандский В. А. Клубы филокартистов первой четверти XX века // Филокартист. 2023. № 1–2 (5-6). С. 66–84.

3. Паустовский К. Г. Повесть о жизни. СПб.: Азбука, 2023. 1184 с.

4. Азадовский К. М. «Рыцарь русской литературы» // Ф. Ф. Фидлер. Из мира литераторов: Характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 5–28.

5. Мамин-Сибиряк Д. Н. Погибельный Кавказ. (Из летних рассказов) // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Старинка и новинка. Сборник рассказов для детей школьного возраста. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1909. С. 197–245.

6. Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): в 3 т. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. Т. 1. 603 с. Т. 2. 733 с. Т. 3. 1021 с.

А. В. Степанов

Художественное кино русского Серебряного века как зеркало повседневной жизни

Игровые фильмы отечественных киностудий, снятые в 1910-е гг., рассматриваются в качестве источника по истории повседневной жизни того времени. Указаны факторы, повышавшие точность изображения российских реалий на экране. Исследуется информационная ценность двух кинолент – «Сумерки женской души» (1913) и «Дитя большого города» (1914).

Feature films of Russian studios of the 1910s are examined as specific pieces of evidence reflecting the then everyday life. Factors that improved fidelity of on-screen reflection of Russian realities are outlined. Two feature films – *Twilight of a Woman's soul* and *Child of a City* – are explored for their information value.

Ключевые слова: Россия, 1910-е гг., игровые фильмы, повседневная жизнь.

Key words: Russia, 1910s, feature films, everyday life.

В поисках живых визуальных свидетельств повседневной жизни России начала XX в. исследователи закономерно обращаются к кинохронике. Однако утверждение Н. М. Зоркой о том, будто в кадр тогдашних русских операторов-документалистов «волей-неволей попадали и нищие полоски крестьянской земли, и первобытные мотыги, и сохи, и полудохлые клячи, впряженные в плуг. И деревеньки, крытые не живописной, а слежавшейся соломой. Неприглядные рабочие слободки» и подобные им реалии повседневности [1, с. 12], представляется слишком оптимистичным. Анализ сохранившихся материалов показывает, что наши кинохроникеры снимали главным образом общественно значимые события (с явно выраженным интересом к похоронам знатных особ) или различные «вау-новости»: спортивные соревнования, полеты первых аэропланов, стихийные бедствия [1, с. 40–43: 2, с. 11; 3, с. 21]. Отнести подобные неординарные происшествия к *повседневной* жизни весьма затруднительно.

В таких условиях особую ценность, на наш взгляд, приобретают *игровые* фильмы, особенно «драматические». Как известно, наряду с экранизацией произведений классической литературы и чередой псевдоисторических лент [1, с. 72, 80, 86], в России 1910-х гг. выпускалось немало картин, чье действие происходило в текущем времени. При этом сами обстоятельства производства делали подобные фильмы ценным источником по истории повседневности.

Вечная спешка [1, с. 81], а нередко и скромный бюджет студий вынуждали вести съемки в естественной обстановке – в реальных городских пейзажах, в подлинных интерьерах ресторанов, гостиниц, театров и т. п. Достоверность этой натуры не вызывает сомнений, ибо подделывать ее не требовалось; напротив, авторам важно было показать свою «экранную Россию» максимально правдиво. Творцам кинодрам на сюжеты, якобы взятые из «нашей жизни», не имело также смысла отступать от правды при выборе костюмов персонажей, их

причесок, аксессуаров: в противном случае зрители могли просто не понять типаж героя. Наконец, актеры нередко играли людей знакомого им круга общества и держались в кадре относительно правдоподобно; даже современная им одежда сидела на них куда естественнее, чем, скажем, наряды новгородских бояр.

В качестве примера ценности «кинодрам» как источника по истории отечественной повседневности рассмотрим фильм «Сумерки женской души» [4]. Его в 1913 г. выпустила кинофабрика «Стар» – коллаборация студии А. Ханжонкова и компании «Бр. Пате». Сценарий фильма написал Валериан Демерт, режиссером стал Евгений Бауэр. Действие картины происходит близ года ее создания, и примет времени в ней более чем достаточно. Тем интереснее исследовать ее в качестве носителя информации о повседневной жизни той поры.

Уже первый эпизод фильма – сцена бала в доме графини Дубовской – содержит немало ценных кадров. Перед нами проходит целая череда вечерних туалетов: отделанные кружевами дамские платья с завышенной талией, подчеркнутой пояском, и весь набор парадных мужских костюмов – сюртуки, визитки, мундиры. Шляпы и шляпки дам с украшениями из перьев, вероятно, соответствуют последней столичной моде; впрочем, молодые девушки головных уборов не носят. Фильм не позволяет рассмотреть прически дам, но волосы джентльменов уложены на косой пробор, возможно с бриолином. Лица молодых гостей бритые; в то же время пожилые мужчины носят длинные расчесанные бороды или пышные усы. Обращают на себя внимание аксессуары: у дам имеются веера, но не видно даже самых скромных сумочек.

В фильме хорошо представлены не только наряды аристократов, но и костюмы их слуг. На комнатном лакее пышный сюртук, расшитый по обшлагам, груди и рукавам, темный жилет и белая сорочка с белым же галстуком-бантом. Горничная одета в платье темного цвета с рукавами по локоть; на ней белый передник, закрывающий колени и грудь. На спине передник завязан пышным бантом. Волосы горничной украшает кружевная наколка.

Первый эпизод фильма интересен и как наглядная демонстрация форм приветствия, принятых в русском высшем свете Серебряного века. Если актеры не отступили от истины, то учтивым считается короткое рукопожатие, в том числе и между дамами; гость целует руку лишь немолодой хозяйке дома. Приветствуя немолодого гостя, дочь хозяйки не только пожимает ему руку, но и чуть приседает. В свою очередь, здороваясь с девушкой, иные ее ровесники не только пожимают ей руку, но и отвешивают легкий поклон. В последующих сценах, изображающих быт «золотой молодёжи», рукопожатие как форма приветствия повторяется. Однако, когда два приятеля, принадлежащие к одному общественному кругу, встречаются после двухгодичной разлуки, один из них не только пожимает другому обе руки, но и фамильярно целует его.

На балу в доме Дубовских гости танцуют. Чтобы пригласить даму или девушку на тур вальса, кавалерам Серебряного века достаточно одного неглубокого поклона: вероятно, аристократические условности былых времен типа предварительной записи очереди на танец уже ушли в прошлое.

Фильм хорошо показывает особую сторону повседневной жизни отечественной знати: работу ее прислуги, которую мы вряд ли увидим в кадрах документального кино.

«Средь шумного бала» лакей Дубовских является по первому звонку колокольчика хозяйки. Перед выходом из дома молодого князя Дольского камердинер подает ему пальто, шляпу и трость. Когда постояльцы гостиницы садятся в такси, вышколенный швейцар кидается открывать дверцу подкатившего «мотора» еще до его остановки, а затем помогает мужчинам подняться в высокое авто. Стоило паре зрителей занять места в театральной ложе, как из-за портьеры немедленно появляется служитель и молча кладет перед ними на барьер программу спектакля и бинокль. За Верой, уезжающей из имения Дольского, послушно следует ее горничная, неся громоздкий чемодан госпожи… Во всех этих случаях прислуга проявляет неизменную готовность услужить. Она делает свою работу без лишнего подобострастия, но и без отвращения к ней. Для «низших служителей», как и для господ, такой порядок вещей представляется (по крайней мере на экране) само собой разумеющимся.

Помимо аристократов и их слуг, в фильме появляются и люди «дна». Их наряды весьма колоритны. Один из обитателей ночлежки одет в белую рубаху с отложным воротником и темную жилетку с шелковой вставкой на спине. Двое других ночлежников не снимают в помещении шапок. Еще один персонаж этой картины – подмастерье Максим Петров – носит косоворотку и все ту же жилетку; и он не расстается с кепкой, даже находясь в собственной каморке. Из-под кепки выбиваются давно не стриженные волосы. Выходя из дома, Максим надевает короткое пальто с картинной заплатой на левом локте. Впрочем, все «оборванцы» в фильме выбриты столь же гладко, как молодые аристократы.

Заметим, что повседневность «дна» общества создатели картины знали весьма условно. Так, один из обитателей ночлежки без раздумий мечет по столу игральные карты, словно задался целью просто разбросать их. Другие пьют стаканами какую-то жидкость, причем не смакуют ее, как вино или пиво, а осушают стакан залпом, словно водку, однако не закусывают и даже не «занюхивают» выпитое. Неправдоподобна бойкость, с которой Максим Петров (его сыграл автор сценария фильма) пишет записку Вере Дубовской, дабы выпросить у наивной девушки денег. Впрочем, то, как мошенник при этом мусолит чернильный карандаш, выглядит вполне натурально. Столь же неподделен вид захламленного двора бедняцкого дома с висящим на веревке бельем: это и впрямь, скорее всего, не кинодекорация, а живой уголок городской окраины.

В фильме «Сумерки женской души» есть немало других эпизодов, которые без преувеличения можно назвать уникальными для изучения русской повседневности начала прошлого века. Это, например, сцена, в которой князь Дольский просит у супругов Дубовских руку их дочери, или мелкий, проходной эпизод с посещением Дольским конторы частного сыщика. Подобных кадров не встретить ни в одной документальной ленте. Отметим лишь еще одну деталь. Таксомотор, на котором Вера уезжает из имения Дольского (похоже, это автомобиль Renault AG-1), оставляет позади себя облако светлого дыма. Сюжет

его не требует; вероятно, при съемке использовался не кинореквизит, а подлинная машина 1910-х гг., что в очередной раз свидетельствует о достоверности немалой части всего киноматериала.

Мы указали «черты времени» лишь в одной игровой ленте 1910-х гг. Внимательный просмотр других кинокартин той эпохи способен принести не менее щедрый «урожай». Например, немало информации о повседневной жизни содержит фильм «Дитя большого города» (производство «А/О Ханжонков», 1914 г., сценарист А. Вознесенский, режиссер Е. Бауэр) [5; 3, с. 89].

Фильм начинается сценой, как гласят титры, «в грязном подвале», где прошло детство будущей героини; это шокирующе натуралистическое изображение смерти в мире городской бедноты. Затем нас переносят на девять лет вперед, в швейную мастерскую: молодая работница (в исполнении Елены Смирновой), чья короткая прическа выглядит вполне современно, грустит над «Зингером». Оторвавшись ненадолго от постылой работы, девушка садится на подоконник; за окном, с неожиданно высокого для мастерской этажа, нам открывается «большой город». По сценарию его кипящие жизнью улицы должны манить белошвейку, но в реальности мы видим редкие экипажи и одиноких прохожих. Устроить для съемок «потемкинскую деревню» авторы фильма вряд ли могли и поневоле сохранили для нас кусочек подлинной России.

Зато со вкусом изображены богатые жилища и их обитатели. Реквизиторы и костюмеры студии постарались от души. На экране ковры, шторы, скатерти, множество предметов мебели, изящные люстры и бра, щедрая россыпь настольных статуэток, письменные приборы, подсвечники; мелькает даже причудливо украшенный телефонный аппарат. Интерьеры временами напоминают мебельную лавку, однако по сути не сильно отличаются от тех, что запечатлел столичный фотограф Карл Булла на серии снимков квартир питерской знати 1900-х гг. [6]. В фильме не увидеть лишь иконостаса, непременного в любом помещении, обитаемом россиянами начала XX в. Показ священных предметов на экране цензурные правила строго ограничивали [3, с. 18–19].

Снова в кадре безусые джентльмены с пробором в волосах; снова темные мужские костюмы с белым платком в нагрудном кармане; снова камердинер (пусть и в скромной одежде) приносит хозяину сюртук и помогает его одеть. В кабинете ресторана метрдотель принимает от посетителей не только заказ, но и верхнюю одежду. Трудно решить, специально ли на стене ресторанного вестибюля мелькает афиша с фамилией актрисы, сыгравшей в картине главную роль, или это чей-то недосмотр…

Примечательно, что герой этого фильма, здороваясь на улице с незнакомой девушкой явно не из приличного общества, к тому же охотно принимающей ухаживания ловеласов-бездельников, пожимает ей руку, перед этим еще и приподняв шляпу. Насколько это правдоподобно, судить трудно. По-своему уникальна, хотя, вероятно, порядком утрирована сцена кутежа в ресторане, где на эстраде выступает исполнительница восточных танцев (в ее роли снялась жена Е. Бауэра Эмма), а нетрезвая публика выделывает между столиками фигуры новомодного танго. Между прочим, в фильме мы видим другой дымящий авто

(его марку определить не удалось); подтверждается наше предположение об использовании на съемках подлинных предметов своего времени.

Различных бытовых мелочей в этой ленте еще немало. Чего сто́ит, например, манера курить, какую демонстрирует бывшая белошвейка, ставшая кокоткой: вдали от чужих глаз она вульгарно держит папиросу в углу рта и даже пожевывает ее. Впрочем, сделав последнюю затяжку, женщина выпускает дым с профессиональным шиком. В том же эпизоде интересна еще одна деталь: богатая дама пишет простым пером, часто макая его в чернильницу; видимо авторучки еще не вошли в употребление даже среди людей ее круга.

Подводя итог, подчеркнем, что отечественные «кинодрамы» 1910-х гг. способны служить ценным источником для изучения повседневной жизни различных слоев русского общества, прежде всего среднего класса (чиновничества, интеллигенции, коммерсантов) и высшего света. По специфике отражения действительности эти ленты можно уподобить «малой литературе» начала XX в., например, рассказам А. Аверченко, повестям Л. Чарской и А. Каменского, романам М. Арцибашева и А. Вербицкой (заметим, что сочинения почти всех этих авторов тогда не раз экранизировались [1, с. 121, 130]). Фильмам присущи многие аберрации раннего игрового кино, например утрирование отдельных черт облика и поведения персонажей. Для корректного использования такого источника следует применять приемы научной критики, в частности – поверку увиденного на экране другими свидетельствами той эпохи, как письменными, так и визуальными [7]. Работы здесь еще непочатый край...

Список литературы

1. Лихачев Б. С. История кино в России. Ч. 1. 1896–1913. Л.: Academia, 1927. 208 с.
2. Зоркая Н. М. История отечественного кино. XX век. М.: Белый город, 2014. 512 с.
3. Гращенкова И. Н. Кино Серебряного века. М.: Щербин. тип., 2005. 432 с.
4. Сумерки женской души. URL: https://www.youtube.com/watch?v=e8Zk21xMOyw (дата обращения: 01.12.2024).
5. Дитя большого города. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fEUTP41mnhc (дата обращения: 01.12.2024).
6. 20 интереснейших фотографий интерьеров дореволюционных петербургских квартир // Культурология РФ. URL: https://kulturologia.ru/blogs/290616/30248/ (дата обращения: 03.12.2024).
7. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

М. Ю. Петербургский

Досуг политических ссыльных Вологды начала XX в. в дневниках агентов наружного наблюдения

В статье на основе дневников агентов наружного наблюдения показаны досуговые практики политических ссыльных, расквартированных в Вологде в начале XX в. Дневники содержат сведения о местах, которые посещали ссыльные с целью развлечения и отдыха, а также о контактах, в которые они были вовлечены. Поскольку административно-ссыльные не жили в изоляции и были хорошо интегрированы в общественную жизнь города, то их быт

(за исключением нелегальной партийной работы) не отличался от быта горожан, которые были выходцами из похожей социальной среды. В связи с этим дневники агентов наружного наблюдения, осуществлявших негласный надзор над политически неблагонадежными жителями империи, могут быть квалифицированы как исключительно полезный источник по изучению городской повседневности российской провинции в целом.

The article, based on the logs of directed surveillance agents, shows the leisure practices of political exiles quartered in Vologda at the beginning of the 20th century. The logs contain information about the places that the exiles visited for entertainment and recreation, as well as about the contacts in which they were involved. Since administrative exiles did not live in isolation and were well integrated into the public life of the city, their daily life (with the exception of illegal party work) did not differ from the daily life of city dwellers who represented a similar social environment. In this regard, the logs of directed surveillance agents who carried out covert surveillance of politically unreliable residents of the empire can be classified as an exceptionally useful source for studying the urban everyday life of the Russian provinces in general.

Ключевые слова: агент наружного наблюдения, Вологда, дневник наружного наблюдения, досуг, повседневность, политические ссыльные.

Key words: directed surveillance agent, Vologda, directed surveillance log, leisure, everyday life, political exiles.

Наметившаяся к началу XX в. массовость революционного движения, образование политических партий и вовлечение в интеллектуальный дискурс большого числа людей поставили перед политической полицией Российской империи новые задачи. В частности, требовалось расширить не справлявшуюся с колоссальной нагрузкой агентурную сеть. С этой целью в феврале 1907 г. Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи издал секретную инструкцию по организации наружного (филерского) наблюдения [1]. Задачи наружного наблюдения возлагались на специальных агентов – филеров (от фр. *fileur* – сыщик). Филеры отбирались из числа политически и нравственно благонадежных, физически крепких унтер-офицеров, обладавших неброской внешностью и возрастом не старше 30 лет. Им вменялось выяснять деятельность, знакомства и сношения помещенных под наблюдение лиц. Они осваивали тактики передвижения на безопасной от наблюдаемых дистанции, обучались быстро запоминать и описывать их приметы, давали им клички на основе впечатлений, которые те производили. Филеры распределялись по наблюдательным постам, рассаживались по чайным и кофейным, в целях конспирации одевались торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами или дворниками. Филер должен был досконально знать не только «все районы города, но и время работы предприятий, форменную одежду чиновников и учащихся» [2, с. 28], а также расписание общественного транспорта, скверы и общественные сады (включая все входы и выходы из них), трактиры и пивные, стоянки извозчиков. Некоторые из филеров и сами становились «извозчиками». Иногда, чтобы не потерять ценного наблюдаемого, филер следовал за ним и за пределы города, где продолжал «вести» его в новой обстановке, по ходу изучая незнакомый населенный пункт и запоминая его специфику.

В своих рапортичках филеры фиксировали все передвижения поднадзорных лиц. Дневники наружного наблюдения (филерские рапортички) отложились в фондах губернских жандармских управлений государственных архивов многих субъектов РФ. В настоящей статье мы обратимся к фонду 108 Государственного архива Вологодской области «Вологодское губернское жандармское управление. Город Вологда Вологодской губернии – (1827–1917)». Вологодская губерния была традиционным местом административной ссылки политически неблагонадежных подданных Российской империи, а в самой Вологде таких ссыльных в отдельные периоды насчитывалось до двухсот. Филеры, закрепленные за «новыми вологжанами», пристально наблюдали за перемещением поднадзорных между значимыми для них точками, отражая информацию об их маршрутах и сетях, пространстве труда и пространстве досуга [3, с. 52, 311].

Административно-ссыльные Вологды, представленные в основном социал-демократами [4], трудились, интенсивно занимались нелегальной партийной работой, организовывали подпольные собрания, вели агитацию среди местных. А как они развлекались?

Согласно филерским рапортичкам, особое место в досуге расквартированных в Вологде ссыльных, выходцев из интеллигентной и полуинтеллигентной среды, занимает чтение. Это подтверждает и русский философ Н. А. Бердяев, отбывавший ссылку в Вологде в 1900–1902 гг.: в его окружении «были люди довольно читавшие» [5, с. 156]. Легальные в Российской империи литература и пресса были доступны в киосках [6, л. 3], книжных магазинах [6, л. 30 об.] и публичной библиотеке. Публичную библиотеку ссыльные посещали часто и проводили там продолжительное время, читая книгу в зале или отыскивая нужную для домашнего чтения [7, л. 1; 6, л. 8; 8, л. 12; л. 28; 9, л. 1]. Этот вид интеллектуального досуга служит для ссыльных социал-демократов не столько развлечением, сколько средством повышения теоретической подготовки, поскольку ссыльные старались получить в пользование значимые труды классиков философии, политической экономии и других наук.

Раз или два в неделю мужчины-ссыльные отдыхали в питейных заведениях. В числе подобного рода заведений в филерских дневниках фигурировали винные и пивные лавки (как частные, так и казенные), ренсковые погреба [10, л. 18; 11, л. 3; 12, л. 19; 13, л. 8; л. 17]. Не употребляющие спиртных напитков мужчины предпочитали проводить время в чайных [7, л. 9]. Женщины воздерживались от посещения этих заведений, но зато чаще, чем мужчины, бывали в кондитерских, булочных и ярмарочных домах, покупая там сладости навынос [14, л. 14; 6, л. 3; л. 18; л. 19].

Должное внимание ссыльные уделяли вопросам здоровья и внешнего вида. Они посещали зубоврачебные кабинеты и парикмахерские [15, л. 13; 13, л. 11; 11, л. 5], аптекарские магазины [7, л. 9]. Женщины тщательно следили за своим гардеробом. Некоторые из них были одеты в модные полусаки, их изысканный стиль отражался и в кличках, присваиваемых им филерами: «Нарядная», «Модная» и т.д. Филеры фиксировали посещения административно-ссыльными женщинами чулочных мастерских, модно-галантерейных магази-

нов [14, л. 7; 6, л. 22; 11, л. 3; 8, л. 28], из которых те выходили, вынося свертки с обновками.

Излюбленными местами для прогулок ссыльных служили Дворянский бульвар, Соборная горка и Александровский сад. В теплое время случались и водные прогулки: так, 13 мая 1912 г. 30-летняя социал-демократка, бывшая слушательница Московских фельдшерских курсов Ольга Пономарева совершила 40-минутную лодочную прогулку по р. Вологде [14, л. 22].

Не пропускали ссыльные и различные увеселительные мероприятия. 1 апреля 1912 г. высланный из Томска Арам Исаакович Иванянц по кличке «Сухой» в компании двух «реалистов» – студентов Вологодского Александровского реального училища – посетил «электротеатр «Аполло» [16, л. 35]. «Аполло», в котором демонстрировали фильмы под живую музыку, был открыт в конце 1909 г. и на момент описываемых событий являлся самым крупным кинотеатром Вологды [17; 18]. 21 июня 1912 г. в «Аполло» заходил и служащий фруктового магазина Ишмемятова, ссыльный Петр Чижиков [7, л. 22]. Примерно в этот же временной период филеры «сопровождали» в кинотеатр уже знакомую нам Ольгу Пономареву, до сеанса побывавшую в фотосалоне модного вологодского фотографа Ливерия Раевского [14, л. 20; 19]. Ссыльный по кличке «Резчик» был замечен в цирке [15, л. 5], а супруги Чучины в течение непродолжительного периода наблюдения были и на концерте в пользу учащихся, и в театре «Фантазия» [11, л. 4 об.; л. 23].

На выбор досуга, очевидно, влияли материальный достаток административно-ссыльного, круг его общения, давность приезда в город, индивидуальные ценности и предпочтения, возможность установления доверительного контакта с местными в целях политической агитации, а также семейный статус. Так, бывший учитель народного училища Федор Чучин, проживающий совместно с женой, с ней же проводил все свободное от работы в консультации присяжных поверенных время. Супруги вместе ходили по магазинам и на прогулку, и лишь иногда Чучин обедал без супруги – в эти разы компанию ему составлял студент, также из ссыльных [11]. Бессемейные ссыльные были интенсивнее вовлечены в общение в своей среде: активно коммуницировали со «своими» «Бегунья» – дочь чиновника и бывшая домашняя учительница 24-летняя Лидия Царик [6, л. 2; л. 31], а 29-летняя кременчугская мещанка Рухля Альпина, чей график был занят библиотекой и коммуникацией с товарищами по «делу», в течение дня совершала до четырех визитов в дома, где были расквартированы ссыльные [8, л. 8–8 об.].

Подведем итоги. В отличие от источников личного происхождения – мемуаров, дневников и писем, также полезных при реконструкции исторической повседневности, дневники наружного наблюдения не содержат личной рефлексии современников и предлагают исследователю чисто механическую, строго схематичную картину активности людей в социальном пространстве города. Однако эта картина наглядно показывает, вокруг каких институтов группируются интересы исследуемых социальных групп, отчетливо обозначая контуры возрастных, гендерных, профессиональных и сословных предпочтений. Из

дневников филеров мы можем установить также и круги взаимодействия поднадзорных лиц, реконструировать их «социальные сети» [20, с. 37–38]. За счёт отсутствия пристрастности достоверность отражаемых в дневниках сведений исключительно высока [21, с. 400].

Административно-ссыльные Вологды были хорошо интегрированы в городскую среду и играли значительную роль в местной общественной жизни [4]. Их сообщество не было замкнутым: они широко взаимодействовали с городской интеллигенцией, а с 1907–1909 гг., когда состав вологодских ссыльных существенно пополнили учащиеся и рабочие – с представителями всех городских слоев. И ссыльные, и коренные вологжане гуляли по одним и тем же улицам, обедали в одних и тех же заведениях, посещали одни и те же лавки, магазины и ярмарки. Быт ссыльного, за вычетом его нелегальной партийной работы, был неотличим от быта рядового горожанина. В силу этих соображений дневники агентов наружного наблюдения, осуществлявших негласный пригляд (надзор) за политически неблагонадежными жителями империи, могут быть полезны и в более широком смысле – как полноценный источник по изучению городской повседневности российской провинции начала XX в. в целом.

Список литературы

1. Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения 1907 г. // Научно-образовательный портал «Оперативно-розыскная деятельность». URL: https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/11/Инструкция-по-организации-наружного-наблюдения-1907.pdf (дата обращения: 03.11.2024).
2. Чудакова М. С. Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 22–34.
3. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
4. Вологда в последние годы Российской империи (начало XX века) // Провинциальный город Российской империи: Вологда в XVIII – начале XX века. URL: https://nason.ru/posledniegodiimperii/ (дата обращения: 02.11.2024).
5. Бердяев Н. А. Самопознание. М., Берлин: Директ-Медиа, 2016. 451 с.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 5261.
7. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5256.
8. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5280.
9. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5661.
10. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5274.
11. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5275.
12. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5257.
13. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5262.
14. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5259.
15. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5260.
16. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5281.
17. Кинотеатры Вологды // Веб-сайт Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. URL: https://www.vologdamuseum.ru/images/kinoaf/2.html (дата обращения: 02.11.2024).
18. От плавучего электротеатра до современных комфортабельных залов: история вологодских кинотеатров // Сетевое издание «Культура в Вологодской области». URL: https://cultinfo.ru/news/2016/5/from-the-floating-theatre-became-to-comfortable-an (дата обращения: 02.11.2024).

19. История фотографии на Вологодчине // Сетевое издание «Культура в Вологодской области». URL: https://cultinfo.ru/art/photography/history-of-photography.php (дата обращения: 02.11.2024).

20. Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

21. Лярский А. Б. Социальные сети петербуржца начала двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 398–415.

М. Г. Шендерюк

Досуговые практики русского зарубежья на рекламных страницах «Иллюстрированной России»

Исследуются досуговые практики русского зарубежья на основе анализа рекламных материалов журнала «Иллюстрированная Россия». Проведена типология культурно-досуговой деятельности русских эмигрантов в 1920–1930-е гг. Показано, что лидирующее место в публикациях издания занимала реклама различных видов отдыха и развлечений, т.е. преобладал рекреативный тип досуга.

In this paper the leisure activities of Russian emigrants are studied based on the analysis of advertising material of the magazine «Illustrated Russia». The typology of leisure and cultural activities of Russian emigrants in the 1920s and 1930s is presented. The article illustrates that the leading place in publications of the magazine was occupied by advertising of various types of recreation and entertainment, which means that the recreational type of leisure activities prevailed.

Ключевые слова: досуг, досуговые практики, типология досуга, журнал «Иллюстрированная Россия», рекламные страницы, русское зарубежье.

Key words: leisure, leisure activities, typology of leisure, magazine «Illustrated Russia», advertising, Russian emigration.

Обращение к материалам выходившего в Париже в 1924–1939 гг. и являющегося сегодня библиографической редкостью еженедельника «Иллюстрированная Россия» [1] позволяет получить представление о повседневной жизни русских эмигрантов в межвоенное двадцатилетие. Удалось проанализировать 146 номеров журнала за 1924, 1926, 1927, 1928, 1929, 1930, 1931, 1935, 1938 и 1939 гг. Выявленные номера представляют собой репрезентативную выборку как в количественном (всего вышло 748 номеров), так и в содержательном отношении.

Журнал достойно продолжал традиции дореволюционных иллюстрированных еженедельников для семейного чтения и отличался большим разнообразием материалов. Постоянными рубриками издания были: «Бумеранг» (сатирический отдел, выходивший с 18 номера 1925 г. под ред. Саши Черного), «В часы досуга», «Женская страничка», «Заметки репортера», «Здоровье и гигиена», «Иностранный юмор», «Кляксы пера», «Книжная полка», «Литературная неделя» (ред. Г. Адамович и В. С. Мирный), «Мировой экран», «Наши анкеты», «Огни рампы», «Парижские моды» (ред. Dedd), «По белу свету»,

«Русские в эмиграции», «Русские на чужбине (фоторубрика)», «Русские артисты за границей», «Русские художники за границей», «Русское искусство за границей», «С кодаком по белу свету», «Советский юмор», «Современная Россия», «Спорт», «Страничка для детей» (ред. Саша Черный, Валентин Горянский), «Театр и искусство». Практически каждый номер журнала содержал «крестословицы» (скрещивающиеся слова – Mots croise's, название «Кроссворды» не встречается).

Очевидно, что журнал сам по себе занимал значимое место в досуговом пространстве эмигрантской повседневности, как с блестящей иронией написал об этом Саша Черный [1, 1926, № 21, с. 10]:

…«Раз в неделю человеку
Чем-нибудь развлечься надо».
И когда в субботу утром
В щель под дверь консьерж-бездельник
Сунет вам письмо из Ковно
И журнал-еженедельник, –
На письмо поставя кофе
Или блюдце с ветчиною, –
Вы бросаетесь к журналу
С сыном, дочкой и женою…

Вместе с тем интересно проследить, какие формы досуга продвигала «Иллюстрированная Россия» на своих рекламных страницах.

Уже в первом номере журнала содержится 15 рекламных объявлений и следующее сообщение от Главной конторы «Иллюстрированной России»: «Ввиду поступающих предложений и запросов Гл. Контора вводит, начиная со следующего номера отдел "Адресный указатель", в котором будут печататься адреса русских врачей, адвокатов, инженеров, артистов и др. Каждому адресату будут предоставлены 3 строки для напечатания имени, отчества, фамилии, профессии и адреса. Цена 1-го объявления – 20 фр. За три раза – 50 фр.» [1, 1924, № 1, с. 20]. Количество печатавшихся рекламных объявлений неуклонно росло (например, в № 38 за 1926 г. их было уже 32, а в первом номере 1930 г. – 50), но в среднем печаталось 30–35 объявлений, многие из которых годами кочевали из номера в номер. Разумеется, не все из них можно однозначно отнести к сфере досуга, хотя можно размышлять над тем, является ли поход к модному портному, фотографу, ясновидящей, в кондитерскую, антикварный магазин или известный ювелирный дом досуговой практикой (в современных социологических исследованиях «шопинг» таковой является).

Следует отметить, что в социологии сегодня нет единой типологии досуга – предлагаемые отечественными авторами схемы существенно разнятся. Это и понятно, стремительно меняющиеся социокультурные реалии изменяют содержание и структуру досуговых практик. Оригинальная типология, отражающая внутреннюю связь между разнообразными видами досуга, разработана А. А. Ушкаревым, выделившим четыре типа досугового поведения: культурный, развлекательный, созерцательный и деятельный (см.: [2, с. 151]). В то же

время не утратила актуальности и получила широкое распространение типология досуга, основанная на содержательном и мотивационном разнообразии досуговой деятельности, предложенная В. Н. Пименовой, согласно которой можно выделить три типа досуга: культурно-творческий, культурно-потребительский и рекреативный [3, с. 87]. Культурно-творческий тип – это художественное и научно-техническое творчество, общественная деятельность и различные формы самообразования. Культурно-потребительский тип – потребление духовных ценностей (чтение книг, газет и журналов, просмотр телепередач, посещение кинотеатров, театров, музеев, концертов и т.п.). Рекреативный тип – различные виды отдыха и развлечений (туризм, спорт, отдых в компаниях, посещение танцевальных вечеров, кафе, ресторанов и т.п.).

Анализ содержания рекламных объявлений позволяет структурировать досуговые практики, которые предлагала «Иллюстрированная Россия» своим читателям, следующим образом.

Культурно-творческий тип досуга был представлен занятиями в различных школах, на курсах и в кружках. Ежегодно набирались ученики в русскую консерваторию в Париже, почетным председателем которой являлся Сергей Рахманинов, почетными профессорами – А. К. Глазунов и Н. К. Метнер, а директором – князь Сергей Волконский. Обучение стоило 100–150 франков в месяц для взрослых и 75–100 франков – для детей. В классы классических и характерных танцев приглашала студия Михаила Савицкого, а на курсы пластического танца – бывшая преподавательница пластики Московского Художественного театра Е. И. Рабенек. Существовали многочисленные курсы изучения французского языка, автошколы, курсы шведского массажа и «по уходу за красотой». В Институте косметики «Масо» (Institut Cosmetique «Масо») слушателей обучали приготовлению кремов, лосьонов, пудры, одеколонов и другой косметики и выдавали дипломы.

К культурно-потребительскому типу досуга следует прежде всего отнести увлечение читающей публики русского зарубежья классической и современной литературой, поэтому практически ни один номер еженедельника не обходился без рекламы книжного магазина «Знание», библиотеки А. И. Куприна, предложений подписки как на саму «Иллюстрированную Россию», так и на популярные русскоязычные газеты и журналы («Последние новости», «Руль», «Сегодня» и др.). Русских эмигрантов приглашали на ежедневные представления в театр «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева, в Национальный театр Трокадеро, где, например, 25 декабря 1928 г. состоялась премьера оперы Глинки «Жизнь за царя» под управлением бывшего директора Императорских театров Ю. Н. Померанцева [1, 1928, № 52]. Русский драматический театр проводил пушкинские спектакли в Дни русской культуры, которые с 1925 г. ежегодно широко отмечались в русском зарубежье и были приурочены ко дню рождения Пушкина (6 июня). Привлекали внимание вечера артиста художественного чтения русских классиков Б. Н. Вишневецкого в сопровождении церковного хора под управлением известного композитора, педагога и хорового дирижера Александра Чеснокова. Конечно, большой популярностью пользовался кинемато-

граф. Акционерное общество фильм «Альбатрос» приглашало зрителей на фильм с участием И. И. Мозжухина «Проходящие тени», «Celtic-cinema» рекламировало с десяток новых боевиков, драму «Паяцы», снятую по известной опере Леонкавалло, и несколько картин с участием знаменитого американского комика Гарольда Ллойда [1, 1924, № 1].

Рекреативный тип досуга состоял из занятий, направленных на поддержание здоровья, красоты и спортивной формы, и всевозможного рода развлечений. Институты красоты (Institut de beaute¢ Keva, Institut de beaute¢ «Ichy») предлагали различные методы ухода за лицом и красотой (омолаживающие процедуры, массажи, удаление морщин, угрей и перхоти). Для поддержания фигуры предлагалось приобрести пояса Руссель. Поправить здоровье можно было в Ницце, в пансионе доктора медицины Н. Н. Тугаринова, а отправиться в более далекое путешествие или вовсе переехать в Америку, или Австралию помогало Бюро путешествий «Меридиан».

Журнал не только рекламировал разнообразные соревнования и конкурсы, но часто сам их организовывал. Так, именно «Иллюстрированная Россия» выступила инициатором проведения в зарубежье конкурсов красоты. В 1925 г. (а не в 1926, как указывается в большинстве работ на эту тему) был проведен первый конкурс красоты, его победительница Лариса Попова получила титул «Королева русской колонии Парижа» [1, 1925, № 31, с. 1]. С 1929 г. конкурс стал называться «Мисс Россия». Победительницей конкурса в 1931 г. стала дочь Шаляпина – Марина [1, 1931, № 7, с. 1].

Но ведущая роль в проведении развлекательного досуга принадлежала посещению русскими эмигрантами кафе и ресторанов. Русских кафе и ресторанов было великое множество (на страницах еженедельника их представлено несколько десятков), и они были разного типа: от обычных кафе, где просто хорошо кормили и давали еду навынос до фешенебельных ресторанов («буате де нюи»), где пели и танцевали известные артисты. Знаменитый «монмартрский треугольник» составляли три русских ресторана: «Казбек», «Яр» и «Тройка». О некоторых из самых нашумевших русских ресторанов вспоминал Александр Вертинский. «На улице Комартен "Большой Московский Эрмитаж" был разрисован боярами и тройками, и кухня изобиловала исключительно русскими блюдами. В программе выступал "квартет бояр", пели Плевицкая, Морфесси, я, иногда цыгане. На Монмартре был знаменитый "Казбек" – небольшой уютный погребок, владелец которого, Трахтенберг, скупив в свое время массу серебра у эмигрантов, расставил его на полках вдоль стен, укрытых коврами. Все эти кубки, стаканы и чаши с русскими орлами выдавались иностранцам за царское серебро, спасенное эмигрантами, хотя половина этого серебра делалась тут же, на Пигале. Иностранцам очень нравилось пить шампанское из "царских кубков". Иногда в виде большого одолжения хозяин продавал гостю такой "царский" стакан или чашу за баснословную сумму.

В "Казанове" – маленьком, но очень дорогом "буате", приютившемся у подножия монмартрского кладбища, был венецианский стиль. Стены были уставлены хрупким венецианским стеклом, светящимися аквариумами, столы

тоже светились. Тут подавали бывшие гвардейские офицеры, красивые, стройные и высокие, прекрасно говорившие по-французски и по-английски, затянутые в голубые казакины с золотыми галунами. Зарабатывали они бешено. Меньше пятисот – тысячи франков им не оставляли на чай. Это были люди из "общества", и дать меньше считалось неприлично. Почти все они приезжали на работу в собственных машинах, имели красивых женщин и вне работы одевались, как лорды» [4, с. 197–199].

Очевидно, что рекреативный тип досуга занимал лидирующее место среди досуговых практик русских эмигрантов. Посещение скромного или изысканного русского заведения позволяла беженцам окунуться в атмосферу ностальгической памяти об оставленных «других берегах», «намазывая на черный хлеб изгнания зернистую икру воспоминаний» [4, с. 196].

Список литературы

1. Иллюстрированная Россия. 1924–1939.
2. Ушкарев А. А. Типология досугового поведения // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 2. С. 148–156.
3. Пименова В. Н. Свободное время в социалистическом обществе. М.: Наука, 1974. 311 с.
4. Вертинский А. Дорогой длинною… М.: Правда, 1991. 572 с.

Е. В. Никуленкова

Роман В. Н. Астрова «Круча» как источник по истории повседневности

В статье рассматривается отражение повседневной жизни учащейся молодежи 1920-х годов в художественном произведении – автобиографическом романе «Круча». Автор романа – Валентин Николаевич Астров (1898–1993) учился в Институте красной профессуры в 1922–1926 гг. В 1930-е гг. он, как и другие выпускники института, был репрессирован по делу о «бухаринской школе». Но в связи с тем, что В. Н. Астров пошел на сотрудничество со следствием, он, в отличие от других своих сокурсников, не был расстрелян. Роман впервые был издан в 1966 г. Главный герой романа, как и В. Н. Астров в первой половине 1920-х гг. учился в Институте красной профессуры. В романе много внимания уделено рассказу об учебе в ИКП, взаимоотношениям между икапистами, внутрипартийным дискуссиям. В то же время, роман «Круча» является интересным источником по истории повседневной жизни учащейся молодежи 1920-х годов – будущих «красных профессоров».

The article examines the reflection of the everyday life of student youth in the 1920s in a work of art – the autobiographical novel “Krucha”. The author of the novel is Valentin Nikolaevich Astrov (1898–1993) studied at the Institute of Red Professors in 1922–1926. In the 1930s, he, like other graduates of the Institute, was repressed in the “Bukharin school” case. But due to the fact that V. N. Astrov cooperated with the investigation; unlike his other classmates, he was not shot. The novel was first published in 1966. The main character of the novel, like V. N. Astrov in the first half of the 1920s. studied at the Institute of Red Professorships. The novel pays a lot of attention to the story of studying at the IKP, the relationship between the IKPists, and internal party discussions. At the same time, the novel “Krucha” is an interesting source on the history of the everyday life of students of the 1920s – the future “Red Professors”.

Ключевые слова: повседневная жизнь в Советской России в 1920-е гг., В. Н. Астров, Институт красной профессуры, «красная профессура».

Key words: everyday life of the 1920s in Soviet Russia, Institute of the red professorship, V. N. Astrov, “red professorship”.

В изучении истории повседневности, при определенных обстоятельствах, источником может быть и художественная литература. Безусловно, это довольно специфический и субъективный источник, так как любое произведение художественной литературы содержит вымысел, а как и все источники личного происхождения, отражает взгляд автора на происходящие события. В то же время художественные произведения хорошо помогают ощутить «дух времени», историческую обстановку, дают возможность лучше понять людей того времени и происходящие события. Конечно, это возможно только в том случае, если автор был участником описываемых событий.

К таким произведениям и относится автобиографический роман Валентина Николаевича Астрова «Круча», изданный в 1960-е гг. [1]. Главный герой романа – Константин Пересветов – молодой журналист, который в начале 1920-х гг., как и В. Н. Астров, приехал в Москву учиться в Институт красной профессуры (ИКП). В романе охватывается период с 1922 по 1927 г. Автор подробно повествует об учебе в ИКП, межличностных взаимоотношениях, работе в газете «Правда», внутрипартийных дискуссиях. Все слушатели Института красной профессуры в романе выведены под вымышленными именами. Несмотря на это, в ряде персонажей угадываются многие однокурсники В. Н. Астрова, а в главном герое – он сам. Часть преподавателей и лидеры Советского государства (И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий, М. Н. Покровский и др.) упомянуты в романе под своими собственными именами.

Валентин Николаевич Астров (1898–1993) учился в Институте красной профессуры с 1922 по 1926 г. [2, л. 1]. Во время учебы он, как и все слушатели, активно занимался педагогической и партийной работой, в частности являлся членом редколлегии журнала «Большевик» [3, с. 30]. В начале 1930-х гг. В. Н. Астров, наряду со многими другими слушателями института был осужден по делу «бухаринской школы» [4, с. 260]. Он пошел на сотрудничество со следствием, поэтому ему, единственному из «бухаринской школы», удалось пережить репрессии – все остальные были расстреляны в 1937 г. [4, с. 279–280]. После реабилитации в 1950-е гг. В. Н. Астров стал заниматься литературной деятельностью, написав трилогию автобиографических романов [1; 5; 6].

Повседневная жизнь слушателей Института красной профессуры в 1920-е гг. затронута в опубликованных источниках личного происхождения слушателей: воспоминаниях Э. Б. Генкиной, А. И. Гуковского, А. Л. Сидорова, Г. И. Григорова и дневнике И. И. Литвинова [7]. Основное внимание в этих воспоминаниях уделялось учебе и научной работе, но общее представление о досуге слушателей ИКП в 1920-е гг. из них получить можно. В этом отношении художественный автобиографичский роман В. Н. Астрова может быть интересным дополнением к названным источникам личного происхождения.

Как и в воспоминаниях, в романе В. Н. Астрова очень хорошо показана атмосфера, в которой жила учащаяся молодежь 1920-х гг. Простые люди получили возможность учиться, их отличала огромная тяга к знаниям. Поэтому значительная часть времени была посвящена учебе и работе в библиотеках. В связи с тем, что в Институте красной профессуры центр тяжести был перенесен на самостоятельную работу, много свободного времени уделялось подготовке докладов, чтению книг, дискуссиям. Дискуссии активно велись и в общежитии после учебы. «Общежитие гудело спорами о высоких материях и категориях, от проблем абстрактного труда до перспектив революции на колониальном Востоке или семьи и брака при коммунизме. Возникла ли религия в древности из страха людей перед таинственными силами природы или из авторитарных отношений общественной иерархии? Сохранится ли при социализме денежная система?... В каких пределах действует у нас закон стоимости Маркса? Отделяет ли нас от социализма десяток лет или больше?... И так без конца. Спорили на занятиях и сойдясь вечером в чьей-либо комнате, за обедом в столовке и остановившись с папиросами в коридоре или на лестнице» [1, с. 47]. Обсуждали не только научные и политические вопросы. Много спорили о художественной литературе и искусстве.

Часто слушатели ИКП посещали публичные диспуты. Например, многие ходили слушать в Политехнический музей В. В. Маяковского или «жаркие схватки» А. В. Луначарского с основателем «Живой церкви» протоиереем Введенским. Слушатели экономического отделения «не пропускали ни одной экономической дискуссии в Социалистической академии общественных наук (будущей Коммунистической академии) [1, с. 85].

Когда проходил XII съезд РКП(б), в апреле 1923 г., из слушателей института «редкий не побывал на съездовских заседаниях» [1, с. 93]. Проходили они по гостевым билетам, выдаваемым райкомами партии. «Приходили, запасшись газетой, чтобы, свернув ее трубой и приставив к уху, из дальних рядов огромного зала расслышать ораторов» [1, с. 93]. И, конечно же, не могли икаписты не посетить похороны В. И. Ленина. «Дни прощания с Лениным запомнились Пересветову, как тяжелый, бесконечно долгий сон. … Не чувствуя трескучего мороза, он с колонной трехгорцев целых восемь часов шел к гробу Ленина по московским улицам в кожанных сапогах и после этого несколько дней лежал в постели с обмороженными пальцами ног» [1, с. 198].

Много времени проводили слушатели института в библиотеках и архивах. Стремление к знаниям и любовь к книгам способствовали созданию личных библиотек. Так, главный герой каждую неделю посещал «книжный развал под Китайгородской стеной» и всегда «что-нибудь приносил в пополнение своей библиотеки» [1, с. 52].

Материальные условия жизни в Институте красной профессуры, как привилегированном учебном заведении были значительно лучше, чем в других учебных заведениях. У каждого слушателя в общежитии была отдельная комната, кормили их в специальной столовой, стипендия была «не обычная студенческая, а в размере партмаксимума заработной платы» [1, с. 15].

В романе описано, как отмечали первую годовщину существования ИКП в 1922 г., сначала было торжественное заседание в актовом зале института, затем банкет в спортзале. Банкет закончился под утро «плясками» в коридоре [1, с. 17]. Для приехавшего из провинциального городка в Москву (в романе он назван Еланском) Кости Пересветова это было необычной роскошью: «В Еланске совсем еще недавно спорили, как обставлять открывающийся партийный клуб: некоторые отвергали "нэповскую роскошь" и предлагали ограничиться деревянными лавками-топчанами. А тут – юбилей с банкетом…» [1, с. 18].

Если говорить о том, как слушатели ИКП проводили досуг в свободное от работы в семинарах, партийной и педагогической работы, дискуссий и работы в библиотеках время, то в романе В. Н. Астрова называются следующие виды развлечений.

Во-первых, занятия спортом, в данном случае баскетболом. Для икапистов был оборудован баскетбольный зал, и после занятий многие из них играли в баскетбол «два-три вечера в неделю» [1, с. 35]. Главный герой в Еланске играл в фубол и поначалу переживал, что секция баскетбольная, а не футбольная, но потом втянулся. В баскетбол «красные профессора» играли успешно и даже выиграли первенство Москвы в 1924 г. [1, с. 222].

Во-вторых, досуг часто проводили за игрой в шахматы. «Шахматная горячка» захватила молодежь в ноябре-декабре 1925 г., в связи с тем, что в это время в Москве проходил международный шахматный турнир. В нем принимали участие шахматисты с мировым именем, в том числе Х. Р. Капабланка и Э. Ласкер. «Сыграл бы я с Капабланкой, да, во-первых, он, вероятно, буржуй, а во-вторых, как пить дать обыграет», – рассуждал один из слушателей [1, с. 377].

В-третьих, посещали кино, театры, музеи. Вместе с женой главный герой бывал в Большом и Художественном театрах, Третьяковской галерее, Музее изящных искусств (ныне – Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) [1, с. 77, 119]. Однажды слушатели большой компанией сходили в кинотеатр посмотреть советский художественный фильм «Поликушка» по повести Льва Толстого с И. В. Москвиным в главной роли [1, с. 83].

В романе «Круча» сохранилась и редкая информация о посещении главным героем только что открытой «выставки» [1, с. 132]. Речь идет о предшественнице ВДНХ – Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Москве на территории современного ЦПКиО им. М. Горького. Вместе с друзьями главный герой посетил павильоны воздушной архитектуры, животноводства, полюбовался туркестанским павильоном. В здании летнего театра они «застали кусочек лекции о свиноводстве», потолкались в толпе, рассматривая американский трактор «Фордзон» – «собственных тракторов страна еще не производила» [1, с. 134]. Неприглядное впечатление на них произвел «Пензенский двор»: «Дрянной плетешок, покосившиеся колья и взаправдашний навоз во дворе живо напомнил им родную Варежку. Все было точно как на самом деле» [1, с. 133]. В заключении, молодые люди посмотрели в выставочном кинотеатре только что выпущенный первый советский приключенческий фильм «Красные дьяволята» [1, с. 134].

1 мая и 7 ноября слушатели ИКП с друзьями ходили на демонстрацию. Демонстранты шли по улицам не только с песнями, но и с плясками [1, с. 97]. 1 мая 1923 г. Москва впервые слушала праздничный первомайский радиоконцерт [1, с. 98].

Дома и в доме отдыха в свободное время молодые люди играли на рояле, пели песни [1, с. 70]. Неслучайно, переехав в Москву, супруги Пересветовы отправили из Еланска в Москву не только ящик с книгами, но и рояль. «Рояль поставили у окна, из которого открывался широкий вид на Москву-реку и будущую выставку. Вечером из комнаты Пересветовых теперь часто слышались музыка и пение» [1, с. 117].

Насыщенная жизнь требовала большой отдачи. Для того чтобы восстановить силы после огромной политической, научной, журналистской работы, главного героя (как и некоторых других «красных профессоров») отправили в дом отдыха «Марфино». Дома отдыха тогда были новшеством, и Константин Пересветов плохо представлял, что его там ожидает. Отношение к поездке было у него как к «целому месяцу идиотского времяпрепровождения» [1, с. 226]. В доме отдыха молодые люди гуляли, отдыхали, играли на рояле, в бильярд, пели песни. В то же время главный герой не забывал следить за политическими новостями, читать труды В. И. Ленина, работать над статьей (позже опубликованной в газете «Правда») [1, с. 288].

Ничто человеческое молодежи 1920-х гг. было не чуждо: они влюблялись, заводили детей, выпивали. Одним из нечастых времяпровождений было посещение пивных. Одну из пивных слушатели ИКП даже прозвали «Чингисханом», по прозвищу одного из слушателей, которого удалось в эту пивную заманить и напоить [1, с. 49]. Но не всех удавалось затащить в пивную: главный герой, например, конечно же не мог выпить пива «больше стакана» [1, с. 49].

Часто друзья, как и полагается молодым людям, дурачились: устраивали розыгрыши, давали друг другу различные прозвища, пародировали друг друга и известных государственных деятелей (М. И. Калинина или Л. Д. Троцкого). Из розыгрышей, которые устраивали слушатели ИКП, был описан розыгрыш в ночь на 1 апреля. Тогда одной из девушек вызвали по телефону скорую помощь, сказав, что она отравилась. Санитары приехали и стали ломиться в дверь, чем сильно испугали слушательницу [1, с. 82]. Кто это сделал так и осталось необнаруженным.

Таким образом, автобиографический роман В. Н. Астрова «Круча» является интересным дополнением к воспоминаниям, написанным слушателями Института красной профессуры. Он образно показывает жизнь учащейся молодежи 1920-х гг., у которой свободного времени практически не было. Их повседневная жизнь и досуг тесно были связаны с общественной жизнью. В свободное же время они предпочитали культурные формы отдыха: посещение музеев, театров, кнотеатров, диспутов.

Список литературы

1. Астров В. Н. Круча. Роман. М.: «Советский писатель», 1969. 496 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 54.

3. Тюстин А. В., Шишкин И. С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие: в 3 т. Т. 1. Пенза: б.и., 2012. 208 с.
4. Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 461 с.
5. Астров В. Н. Огни впереди. Роман. М.: Советский писатель, 1958. 490 с.
6. Астров В. Н. Уходящее поколение. Роман. М.: Советский писатель, 1989. 411 с.
7. Никуленкова Е. В. Повседневная жизнь 1920-х гг. в воспоминаниях и дневниках слушателей Института красной профессуры // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы международной научной конференции / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: Медиапапир, 2022. С. 159–164.

Ю. О. Куренкова

Журналы «Пионер» и «Костер» как источники о досуге советских школьников периода «оттепели»

В статье изучается подборка детских массовых журналов «Пионер» и «Костер» периода середины 1950-х – середины 1960-х гг. Рассматриваются атрибуты и особенности журналов, как исторических источников. Анализируется содержание номеров, с точки зрения изменения материалов, текста, иллюстраций. Описаны основные блоки публикаций. Обозначены формы и виды детского досуга, пропагандируемые в СССР. Выявлены изменения в подаче информации и рекомендациях проведения досуга.

The article examines a selection of children's mass magazines “Pioneer” and “Koster” from the mid-1950s to the mid-1960s. The attributes and features of magazines as historical sources are considered. The contents of the issues are analyzed in terms of changes in materials, text, and illustrations. The main blocks of publications are described. The forms and types of children's leisure activities promoted in the USSR are indicated. Changes in the presentation of information and recommendations for leisure activities have been identified.

Ключевые слова: СССР, «оттепель», советские школьники, детский досуг, детская периодика, пропаганда образа жизни.

Key words: USSR, “thaw”, Soviet schoolchildren, children's leisure, children's periodicals, lifestyle propaganda.

Советская власть практически с начала своего существования заботилась о всестороннем развитии личности, нацеленной на строительство будущего коммунизма. Возникли новые социально-экономические условия жизни, требовавшие новых подходов в воспитании детей и организации их времени. Дети были под пристальным вниманием, и государственная система и общественные организации формировали внутренний мир молодого советского человека. Несмотря на то что фундаментальной ценностью был труд, свободному времени уделялось немало внимания. Досуг советского человека должен был быть наполнен смыслом.

Поскольку у детей школьного возраста основным видом деятельности являлась учеба, то время вне ее могло быть посвящено разным практикам. Совет-

ские педагогические установки состояли в необходимости не праздного времяпрепровождения, а в соблюдении режима, в котором не менее двух часов отводилось на досуг, связанный не просто с отдыхом, а с полезностью.

Просветительские идеи пронизывали многие стороны жизни советского общества. Установившись с середины 1920-х гг., новые правила жизни планомерно пропагандировались через доступные тогда СМИ. Печатное слово, газеты и журналы были важным элементом не только пропаганды, но и досуга разных возрастных групп. Известно, что в СССР было несколько десятков наименований журналов и газет для детей и школьников. К стабильно и длительно выходившим и имевшим большую детскую аудиторию можно отнести два журнала «Пионер» и «Костер». Сами по себе эти журналы тоже можно отнести к элементам досуга (чтение в свободное время, как один из его элементов). Учитывая всесоюзный характер изданий с постоянно растущим тиражом, журналы можно рассматривать как один из массовых периодических источников, в том числе о досуге советских школьников. С одной стороны, видны идеологические установки власти и отношение к детскому досугу молодого советского человека, а также пропаганда определенных видов и форм этого досуга. С другой стороны, в журналах существовала обратная связь в виде писем ребят в редакцию. По ним можно отследить реальные досуговые практики, несмотря на наличие цензуры и отбор писем.

Журнал «Пионер» начал выходить с 1924 г. и существовал до конца советского периода, являясь ежемесячным литературно-художественным и общественно-политическим журналом ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Журнал развивался и как печатное издание, и как источник, формирующий взгляды советских школьников. Политические события в стране всегда отражались в нем, десятилетиями редакция отрабатывала рубрики, искала новые формы подачи материала. Досуг советского школьника отражался на страницах каждого номера в разном типе материалов. В основном их можно разделить на две группы. Одна из них – это описание увлечений, хобби, занятий в свободное время советских детей из разных уголков страны, либо от имени корреспондентов и авторов, либо от самих детей в виде писем. Встречаются такие же тематические материалы о досуге детей за рубежом как в социалистических, так и в капиталистических странах. Во вторую группу можно отнести материалы познавательного и развивающего характера, в том числе в постоянных рубриках, предназначенные для чтения в свободное время или осуществления в свободное время, т. е. как виды и формы досуга.

Журнал «Костер» имеет отличия от «Пионера», но типологически они являются периодическими детскими изданиями, рассчитанными на широкую аудиторию. Выходить он начал с 1936 г. в Ленинграде как всесоюзный ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников при издательстве «Детская литература». Его выход прерывался с 1947 по1956 гг. Изначально на страницах издания больше печатались разные литературные произведения, но со временем, особенно с 1956 г., появлялись рубрики, отчасти схожие с руб-

риками «Пионера», так же печатались письма читателей. Он уступал «Пионеру» в тираже, количестве страниц, качестве печати, иллюстративности, использовании цвета, но также был массовым и популярным журналом.

Выбор периода «оттепели» связан с тем, что оба журнала в это время стабильно печатались (примечательно, что «Костер» возобновил свой выход в июле 1956 г., т. е. после XX съезда партии). Политические и идеологические процессы, проходившие в тот период в стране, очевидно, так или иначе, затрагивали все слои населения. Интересно проследить возможное влияние процесса десталинизации даже на образ ребенка-школьника, формируемый на страницах этих изданий, поскольку в «Пионере» информации политического характера всегда уделялось немалое внимание. Хотя в журнале «Костер» политизированность была меньше выражена, сама форма и содержание материалов в обоих журналах в период 1956–1964 гг. претерпевали изменения.

В исследуемый период в «Пионере» было 80 страниц, цветная обложка, цветные вклейки, черно-белые иллюстрации или фотографии на каждой странице. Тираж в 1956 г. составлял 300 тыс. экземпляров, а у 12 номера за 1964 г. – 545 тыс. [1]. Постепенно улучшалось качество печати, добавлялся цвет в заголовки рубрик или напечатанных произведений, улучшалось качество фотографий. Цветные вклейки содержали разные иллюстрации, в том числе являющиеся необходимыми для рубрик, касающихся досуга школьника, изготовления поделок, решения головоломок, изготовления костюмов на праздники и новогодние маскарады. За указанный период цена журнала составляла 2 р. 50 к. до реформы 1961 г. и 25 к. после.

Содержание номеров можно разбить на следующие блоки: информация о пионерских делах, активности; материалы научно-просветительского характера (чаще всего о природе, технике); большое количество разных по форме и содержанию литературно-художественных произведений; информация о спорте (рассказы о видах, тренировках); информация развлекательного характера. По этим блокам видно, что если воспринимать весь журнал для чтения на досуге, то выполняются все педагогические задачи и воспитательные установки для создания всесторонне развитой личности.

По соотношению и подаче информации в этих блоках заметно, что в период «оттепели» становится меньше назидательного и строгого тона в материалах (особенно если сравнивать с номерами, выходившими до 1955/56 гг). Увеличивается развлекательная и юмористическая составляющая, она прослеживается даже в оформлении заголовков, иллюстрациях.

Некоторые литературные произведения, выходившие в «Пионере», публиковались впервые именно на страницах журнала. Например, «Алеша Птицын вырабатывает характер» Агнии Барто [2], в этом же году вышла одноименная комедия, или произведение Джанни Родари «Путешествие Голубой стрелы» [3], «Бемби» в переводе Ю. Нагибина [4]. Таким образом, ребятам предоставлялась возможность доступного чтения разных произведений, в том числе иностранной литературы.

Среди постоянных рубрик, присутствующих в каждом номере: спорт (отдельно можно выделить информацию по шахматам, разбор задач); обзор книг; обратная связь (рубрика «Почему и отчего?» с вопросами ребят); про жизнь детей в других странах; информация по личной культуре (речи, питания, одежде, поведения).

Читая страницы журнала, можно отметить, что «досуг» понимался определенным образом, в каждом номере была рубрика «В часы досуга». Она располагалась на последних страницах. В этой рубрике обычно были одни и те же формы: ребусы, головоломки, логические задачи, вопросы на смекалку, кроссворды. Иногда была информация о самоделках и фокусах, изготовлении реквизита к ним. Таким образом, в самом узком смысле, в «Пионере» досуг понимался как умственное отвлечение-развлечение, но тоже с пользой.

В 1964 г. появляется юмористическая рубрика с персонажем-роботом Смехотроном, живущим на энергии «чи» – читательских интересах. Это было похоже на поучительные истории из жизни школьников, в которых участвовал Смехотрон, по сути в виде комиксов. В рубрике упоминались письма ребят из разных концов СССР с вопросами и историями, которые рассматривал Смехотрон. В легкой развлекательной форме с визуально-текстовой подачей осуществлялось воспитание детей, приучение к оценкам ситуаций с моральной точки зрения, обучение желательным формам поведения.

«Костер» также можно рассмотреть как журнал для чтения на досуге. Он уступал по листажу «Пионеру», с возобновления выпуска в 1956 г. в нем было 56 страниц с обложкой и вклейками, но к середине 1960-х объем увеличился почти до 70. Тираж составлял сначала 100 тыс., дойдя до 300 тыс. к 1965 г. [5]. Цена была такая же, как у «Пионера». Сначала материалы были смешанными, меньше регулярных рубрик, кроме «Морской газеты» – приложения к журналу, занимавшему несколько страниц, это было существенное отличие от «Пионера». В указанной рубрике была представлена разнообразная информация о морском деле, жизни нахимовцев, изучении морей и океанов. По сути блоки информации были похожи на те же, что и в журнале «Пионер»: литературные произведения, рассказы о школе и школьниках, материалы о спорте, природе, науке и технике, развлекательная информация (стихи, картинки), головоломки, ребусы, логические задачи.

Со временем стали закрепляться другие постоянные рубрики «Знаешь ли ты, что?..», «Уголок веселого архивариуса», «Что? Где? Когда? Почему?», «Спрашивают – Отвечаем» и др. В определенной степени в «Костре» было больше публикаций, близких по содержанию мальчикам, нежели девочкам, об этом свидетельствуют истории как в «Морской газете», так и в «Клубе смелых изобретателей и отважных ребят» [6]. В журнале существовал вымышленный персонаж «КОСтя ТЕРкин» – специальный корреспондент журнала, разбиравший письма ребят. Так осуществлялась и обратная связь редакции с юными читателями.

В журнале «Костер» рубрику «Загадки веселого Румпеля» можно сравнить с рубрикой «В часы досуга» журнала «Пионер», и там, и там, печатались ребусы, головоломки, веселые задачки. Соответственно в обоих журналах позиционировалось, что досуг имеет творческое умственное содержание, но с уже элементами развлечения.

Как и в «Пионере» в журнале давались рекомендации по чтению под заголовком «Прочти эти книги». Рубрика не была постоянной, располагалась в разных частях журнала. Например, в 12 номере за 1959 г. на последней странице обложки напечатаны цветные картинки с фразами из трех книг, вышедших в этом году и рекомендованных к чтению. Среди них «Приключения мальчика с собакой» А. Остронемецкого и Н. Бромлея, «Страна багровых туч» братьев Стругацких.

В целом есть определенная содержательная схожесть двух крупных детских журналов, однако «Пионер» все же был более политизирован, структурирован, в его материалах больше прослеживается воспитательная логика, в том числе в разделении времени школьника по видам деятельности и понимании, что такое досуг.

Проанализированная подборка журналов, выходивших в период «оттепели», показала, что они могут считаться одной из рекомендованных, одобряемых форм досуга советского ребенка/школьника. В СССР досуг в этот период стал более разнообразным, коснулось это и детей. Творческий, культурно-потребительский и рекреативный типы досуга представлены в материалах обоих журналов через публикации соответствующего содержания. Это особенно заметно, если сравнивать номера «Пионера» и «Костра», выходившие в предыдущие годы, особенно при руководстве страной И. В. Сталиным. Тогда преобладали акценты на трудовые практики и творческую форму досуга. Со временем, с развитием советского потребительского общества культурное потребление, развлечение не стали считаться предосудительными. Это отразилось и в детских массовых журналах, представляющих нам изменяющиеся и официальные, и общественные установки. В середине 1960-х гг. развлекательность, юмор, большая свобода в выражении личного, новые речевые обороты заметно проявились в разных рубриках изученных журналов, раскрывающих расширение форм детского досуга.

Список литературы

1. Пионер. 1964. № 12.
2. Пионер. 1953. № 12.
3. Пионер. 1956. № 7-12.
4. Пионер. 1956. № 10, 11, 12.
5. Костер. 1965. № 1.
6. Костер. 1956. № 3, 9; 1960. № 1; 1961. № 6.

А. Д. Попова

Образ сельского клуба в советском кинематографе и письмах граждан 1950–70-х гг.*

В статье анализируется образ сельского клуба 1950–70-х гг. в массовой культуре и в письмах граждан, направляемых в органы власти и редакции периодических изданий. Использован ряд художественных фильмов и письма, сохранившиеся в архивах и опубликованные на страницах газет. Анализ фильмов показывает, что сельский клуб позиционировался как очаг культуры и общественной жизни, в котором осуществляются все основные формы досуговой и общественной деятельности. Однако анализ содержания писем выявляет мозаичную картину. Некоторые села и деревни имели уютные и удобные клубные здания, в которых организовался разнообразных досуг. Решение проблем досуга не всегда выходило на первый план среди выполнения хозяйственных задач, поэтому сельские клубы имели много проблем: нехватка керосина, транспорта, методической литературы, грамотных клубных работников.

The article analyzes the image of a rural club in the 1950-70s in popular culture and in letters from citizens sent to government bodies and editorial offices of periodicals. The author used a number of feature films and letters preserved in archives and published in newspapers. Analysis of the films shows that the rural club was positioned as a center of culture and social life, in which all the main forms of leisure and social activities were carried out. However, an analysis of the content of the letters reveals a mosaic picture. Some villages and hamlets had cozy and comfortable club buildings in which a variety of leisure activities were organized. Solving leisure problems did not always come to the fore among the implementation of economic tasks, so rural clubs had many problems: lack of kerosene, transport, methodological literature, literate club workers.

Ключевые слова: сельский клуб, досуг, письма во власть, региональная периодика, общественная жизнь.

Key words: rural club, leisure, letters to the authorities, regional periodicals, social life.

Период 1950–70-х гг. ознаменовался серьезным изменением отношения государства к сельскому хозяйству и деревне. Сельскохозяйственная отрасль перестала рассматриваться в качестве ресурса для развития города и тяжелой промышленности. В нее стали вкладывать деньги, менялось отношение к повседневным потребностям сельских жителей. К ним стали приходить такие блага цивилизации, как радио, электричество, газ, началось строительство новых школ. В этом контексте расширяются представления и о духовных потребностях сельчан. Люди, работающие в сельском хозяйстве, должны иметь возможность богато и разнообразно проводить свой досуг, и быть в этом плане ничем не хуже городских жителей. Понятно, что населенные пункты в сельской местности не могли себе позволить целую сеть культурных учреждений: несколько кинотеатров, театров, библиотек, филармоний. Все формы духовной и общественной жизни объединялись в одной локации, называемой сельским

* Статья выполнена при поддержке гранта фонда РНФ «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950–70-х годов», № 24-28-01217.

клубом. Представляется интересным проследить, какой образ сельского клуба сформировался как в массовой культуре, так и в письмах граждан, направляемые в органы власти и периодические издания.

Следует отметить, что кинематограф 1950–70-х довольно активно обращался к сельской теме, что опять же показывает изменившееся отношение к селу со стороны государства и общества. И в ряде из них сельский клуб становится и местом действия, и даже отчасти персонажем фильма. Особенно ярко это отображено в известном фильме «Дело было в Пенькове» (1957 г., реж. С. Ростоцкий). В фильме сельский клуб становится не только фоном происходящих в фильме событий, но и играет значимую роль в построении сюжетной линии. Сельский клуб появляется в первых же кадрах фильма. Однако назвать его очагом культуры трудно: им является обычная изба, весьма старая, в которой стоят даже не кресла, а лавки, на который все сидят ссутулившись, так как сидеть прямо без спинки тяжело. Единственное, что напоминает культуру – это портреты писателей на стене. Интересно показана форма работы клуба: колхозники слушают лекцию. Даже небольшого кусочка достаточно, чтобы понять тему выступления лектора: сновидения и их природа. Но также видно, что и лекция не вызывает интереса у слушателей, лектор говорит нудным голосом. Его слушают только из-за того, что какой-либо еще альтернативы нет, возможно ждут второй части вечера, например танцев. Когда проходит собрание молодежного актива, все сидят в одежде: очень холодно. Этот факт подчеркивается замерзшей в графине водой. Во второй части фильма появляется новый клуб, построенный самими колхозниками. Картинка меняется кардинально: просторный зал с удобными креслами и большой сценой, рядом с которой висят агитационные плакаты. На сцене выступает самодеятельность, солирует главный герой. При этом участники хора имеют костюмы для выступления. Также отражена и такая форма культурного досуга, как лекция, а точнее, пародия на нее: молодежный актив разыгрывает забавную сценку, в которой скучный лектор произносит банальные истины, а вокруг него лежат спящие колхозники.

В другом известном фильме «Максим Перепелица» (1955 г., реж. А. Граник) сельский клуб также является местом действия ряда важных сцен. Клуб представляет собой достаточно просторное деревянное здание. В нем имеется касса, на стене висят киноафиши, просторный холл украшен фотографиями в рамочках, хорошо обустроенная сцена с занавесом и кулисами, выделено специальное место для оркестрантов. В клубе имеется свой духовой оркестр. В фильме клуб становится местом значимого социального мероприятия: торжественного провода юношей в армию.

В фильме «Девчата» (1961 г., реж. Ю. Чулюкин) события происходят в леспромхозе. У его героев довольно современный по тем временам клуб: светлый, просторный, хорошо отапливаемый. В нем проходят танцы, можно поиграть в шахматы, почитать книгу или журнал.

Таким образом в фильмах сельский клуб представлен как центр досуга и культурной жизни сельских жителей. Основными социальными практиками являются просмотр фильмов, прослушивание лекций, танцы, занятие художе-

ственной самодеятельностью и общественных мероприятий типа торжественных проводов в армию.

Бесспорно, художественные фильмы отображают действительность в такой форме, которая потребна в данный момент власти и пропаганде. Неслучайно клуб в ряде фильмов становится местом действия: он позиционируется как главный очаг культуры и общественной жизни. И можно не сомневаться, что наличие хорошего просторного удобного клуба позиционируется как обязательный атрибут современного на тот момент села, в котором людям хорошо и комфортно живется. Однако исходя из анализа писем, которые направлялись гражданами в 1950–60-е гг. в органы власти и периодические издания, картина представляется достаточно разнообразная.

Проблема работы сельских клубов неоднократно обсуждалась на страницах газет, что опять же свидетельствует о более глубоком внимании к потребностям села. Публикации газет и обращения граждан показывают довольно мозаичную картину.

Многие публикации представляют клуб как уютное место, в котором можно разнообразно провести досуг. На страницах региональных и сельских газет регулярно появлялись заметки о работе сельских клубов, и рассказывалось, как в них проводят досуг сельские жители. Как было отмечено, наиболее распространенными формами досуга были просмотр кинофильмов, танцевальные вечера, прослушивание лекций, а также организация художественной самодеятельности. С помощью руководителя клуба, а иногда и без него, местные активисты находили желающих и способных петь, танцевать и показывать другие номера со сцены. Очень образно рассказывает об этом в своем письме в редакцию газеты «Новая жизнь» работник Ново-Санжаровского совхоза В. Школьников (Омская область). Он пишет, что мысль создать в совхозе художественную самодеятельность родилась на комсомольском собрании. Первоначально было нелегко: не хватало сборников песен, музыкальных инструментов, даже моральной поддержки со стороны односельчан не было. Однако состоялся первый концерт на 7 ноября, после чего желающих выступать со сцены стало больше. После первоого пошли и другие концерты, потом они стали неотъемлемой частью досуга совхозников. «Теперь нам нет надобности ждать концертов извне. Мы будем ставить их своими силами. А это значит, что есть в каждом селе есть возможность иметь свою самодеятельность», – делает вывод автор [1, с. 3].

Организация лекций было еще одной популярной формой работы, которая активно предлагалась «сверху». Неслучайно эта социальная практика получила отражение в фильме «Дело было в Пенькове». Лекторами могли выступать как приезжие специалисты, так и свои – учителя местной школы, ветеринар или медработник.

Анализ писем показывает, что проблем с организацией досуга на селе было достаточно много. Первая проблема, которая возникала – это отсутствие клуба или плохое состояние здания. Примерно так же, как и персонажи фильма «Дело было в Пенькове», жители целого ряда сел Омской области были вы-

нуждены смотреть художественные фильмы в холоде, так как сельские клубы не отапливались, о чем местный киномеханик писал в газету «Новая жизнь». «Только по этой причине молодежь в кино не ходит и в художественной самодеятельности не участвует», – делает печальный вывод киномеханик [2, с. 3]. Об этом же пишет и газета «Вадский колхозник» (Нижегородская область). В номере от 27 августа 1958 г. даже помещалась едкая карикатура, на которой лектор вынужден приплясывать во время лекции, так как ему очень холодно. Такую лекцию ехидно называют «верным способом внедрения танцев».

В некоторых селах клуба не было вообще. Например, жители деревни д. Поляны Вадского района Нижегородской области писали в газету «Вадский колхозник», что у них нет никакого культурного уголка, в результате кино не демонстрируют, крайне редко читают лекции. Сельский совет на просьбы сельчан не реагирует [3, с. 4]. А жители хутора Фокин 1 Белоречинского района Краснодарского края года вообще обращались в журнал «Крокодил». Причем их обращение относится к маю 1972 г. Авторы сообщают, что у них был старый клуб, но его разрушили, а новый никак не достроят, хотя в газете «Советская Кубань» даже опубликовали заметку, что клуб сдан в эксплуатацию. Но клуб не работает, хотя уже даже крышу возвели и ошкурили. Многочисленные обращения в районную и краевую газеты результатов на дали, клуб не работает. «Помогите нам пожалуйста, обещания очень надоели. Ведь кинокартину по-настоящему посмотреть негде, ни концерта, ни отдохнуть по-настоящему. Молодежь уезжает из хутора в город», – умоляли жители хутора [4, л. 96]. Региональные газеты, издаваемые в районных центрах или в отдельных селах, пестрят заметками, в которых обсуждается бедственное положение того или иного клуба, а также весьма едкими карикатурами на эту тему.

Однако это не единственное, что вызывало недовольство. Еще одной проблемой становилась нехватка работников в сфере культуры или их бездействие. Например, жители села Привольное в Крыму были вынуждены писать в местную газету «Приазовская звезда» письмо, выражающее недоумение на ситуацию с работой в клубе. Авторы сообщают, что клуб у них есть и он даже неплохой, кроме того, имеется баян и завклубом, который получает зарплату в 83 р. Однако он, точнее она, ничего не делает. Даже проводы молодых людей в армию не стали поводом снять инструмент с полки и устроить торжественные проводы [5, л. 11]. При этом в письме есть интересная деталь: заведующую клубом называют «платный завклубом» и вспоминают времена, когда во главе клубной работы стоял колхозник, не получающий за это зарплату. То есть далеко не в каждом колхозе и совхозе были выделены ставки на заведование клубом, и эта работа велась на общественных началах. Реакция на письмо была: в делопроизводстве газеты содержится официальный ответ на запрос редакции, где сказано, что заведующая клубом отстранена от работы. Аналогичные жалобы поступали в газету «Крымский комсомолец». Житель села Лобановка Джанкойского района жаловался в редакцию на комсомолку Любу, которая вернулась в свое село после обучения в культпросветшколе. Автор письма вполне логично считает, что ее ждала почетная миссия: работать для своих од-

носельчан. Но девушка придерживалась другого мнения: «Раньше она была хорошей, простой девушкой, а теперь с односельчанами разговаривает свысока отказывается для молодежи поиграть на баяне» [6, с. 3].

Еще одно пожелание сельских жителей, которое отразилось в публикациях печати, это организация культурных поездок в областной центр, например для посещения представления в театре в областном центре. Однако далеко не каждый колхоз или совхоз практиковал такие поездки. И дело было не только в расстояниях, а именно в нежелании пытаться организовать подобные вещи. Также жаловались граждане и на равнодушие руководства колхоза или совхоза к нуждам местных коллективов, нежелание выделять транспорт для агитбригады или творческого коллектива, чтобы съездить в другое село или райцентр на смотр или концерт. Так, жители села Большой Майдан сетовали в своем письме, что председатель отказывается выделять под эти цели транспорт, называя участников художественной самодеятельности бездельниками, которые вместо работы бьют баклуши [7, с. 4]. А из Лопатинского сельского клуба Нижегородской области приходили жалобы, что председатель сельсовета отказывается выделять для клуба керосин [8, с. 3].

Таким образом, обращения граждан по поводу работы сельских клубов и организации досуга на селе показывает целый ряд аспектов повседневной жизни. Анализ этих обращений показывает духовные потребности сельского населения. Люди хотели регулярно смотреть новинки кинематографа, реализовывать свои способности в художественной самодеятельности, были готовы узнать что-то новое во время интересной лекции, стремились бывать в областных очагах культуры. В то же время содержание писем и публикаций периодической печати, а также образов в художественных фильмах, показывает позицию власти. Сам факт публикаций жалоб на ненадлежащую организацию досуга демонстрирует, что вопросы культурной жизни рассматривалась как важнейшая форма работы с населением, что вполне логично, так как хорошо организованный досуг может отвлечь от пагубных пристрастий, например алкоголизма, посещений учреждений культа, что тогда тоже не одобрялось. В этом плане рекомендуемой формой работы было чтение лекций, в ходе которых пропагандировались идеологические ценности, велась атеистическая работа и в то же время прививались полезные навыки в сельском хозяйстве или бытовой жизни. Клуб рассматривался как центр общественной и духовной жизни, что отражено в художественных фильмах 1950–60-х гг., где происходят важные общественные жизни и воплощаются разные формы досуга. Однако в реальной жизни это сталкивалось с суровой действительностью: нехваткой ресурсов на всех уровнях, хозяйственные и производственные потребности руководители неизбежно ставили выше, а общая неустроенность сельской жизни порождала нехватку кадров для клубной работы.

Список литературы

1. Шильников В. Как создавалась самодеятельность // Новая жизнь. 1958. 15 января. С. 3.
2. Аксенов Г. Не нужно искать оправданий // Новая жизнь. 1958. 23 марта. С. 3.

3. Лобанов А., Деметьева Е. Слова, слова... // Вадский колхозник. 1958. 15 января. С. 4.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р. 687. Оп. 3. Д. 2181.
5. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-4332. Оп. 1. Д. 12.
6. Крымский комсомолец. 1958. 5 января. С. 3.
7. Вадский колхозник. 1958. 13 июля. С. 4.
8. Урубкова А. С больной головы на здоровую // Вадский колхозник. 1958. 27 августа. С. 3.

И. В. Рочева, В. А. Тушканова

Культурный досуг жителей Удорского района Коми АССР в 1980-е гг. в отражении районной газеты

В сатье исследуется описание в местной прессе культурного досуга жителей сельской провинции в последнее советское десятилетие на примере Удорского района Коми АССР. Районная газета широко освещала культурно-массовые и просветительские мероприятия, которые посещало население. Жители района и сами принимали участие в подготовке и проведении этих мероприятий. Политическое наполнение культурного досуга со временем уменьшалось, увеличивался этнический и местный компонент.

The study is devoted to the description of cultural leisure of rural province residents during the last Soviet decade using the example of the Udora district in the Komi ASSR. The local newspaper widely covered cultural and educational events that were attended by the local people. Residents of the district themselves took part in the preparation and holding these events. Over time, the political content of cultural activities decreased, while the ethnic and local components increased.

Ключевые слова: культурный досуг, сельская местность, районная газета, позднесоветская повседневность.

Key words: cultural leisure, countryside, local newspaper, late Soviet everyday life.

Данное исследование анализирует описание в местной прессе культурного досуга жителей сельской провинции последнего советского десятилетия на примере Удорского района Коми АССР. Материал этого района – типичной сельской глубинки – может отражать тенденции, характерные и для других регионов страны. Местная районная газета, как представляется, может быть довольно информативным источником, в котором в том или ином виде отражены различные досуговые практики жителей сельской местности.

Удорский район находится на западе Коми АССР, на границе с Архангельской областью, примерно в 270 км от регионального центра. В районе в основном находятся села и деревни, а также три поселка городского типа. Основу экономики района в позднесоветский период составляла лесная и деревообрабатывающая промышленность, сельскохозяйственные предприятия района имели животноводческий уклон. Численность населения Удорского района в 1980-е гг. составляла примерно 35–37 тыс. человек. Следует отметить, что 14,5 тыс. человек из этого числа являлись гражданами Болгарии, которые по договору с СССР работали в лесной промышленности. Они в основном прожи-

вали в поселках городского типа, специально для них построенных. В национальном составе местного населения преобладали коми (в 1970 г. – 61,9 %, в 1989 г. – 48,5 %). В конце 1980-х гг. в районе проживали представители более 30 национальностей, в том числе русские – 34,2 %, украинцы – 8 %, белорусы – 1,8 % и другие – менее 1 % [1, с. 2].

Районная газета «Выль Туйöд» («По новому пути») существует с 1930-х гг. и по сей день, публикует материалы как на коми, так и на русском языках, но коми язык преобладает. В 1980-е гг. газета выходила три раза в неделю, и ее тираж составлял более двух тысяч экземпляров. В целом издание было типичным для районных газет того времени. Выпуски газеты 1980-х, а также начала 1990-х гг. отразили перемены, которые происходили в жизни района и страны в целом и изменили некоторые явления повседневности.

Исследование показало, что газета достаточно широко отражает организованный культурный досуг жителей района. Организацией занимались в основном районные и сельские учреждения культуры – районный Дом культуры, сельские клубы, библиотеки – а также другие организации с участием актива местного населения. Значительное число мероприятий культурно-зрелищного характера было освещено на страницах газеты. Многие мероприятия такого рода были приурочены к различным государственным и местным праздникам и проходили во всех населенных пунктах. Газета ежегодно освещала празднование Дня Победы, Международного женского дня, Первомайского праздника, годовщины Октябрьской революции и т.д. Жителям предлагалось посмотреть концертные выступления работников культуры и местной самодеятельности, спортивные соревнования, конкурсы профессионального мастерства.

Тексты публикаций о мероприятиях часто похожи друг на друга, иногда повторяются целые фразы. Корреспонденты писали, что мероприятия привлекают большое число зрителей и вызывают позитивные эмоции. Интересны такие «неполитические» способы отметить 8 марта, как, например, конкурсы хозяйственных талантов женщин. Ближе к концу 1980-х гг. в традицию вошли менее многолюдные и более душевные мероприятия – организованные совместные чаепития.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. из календаря праздников исчезли Первомай и День Октябрьской революции (хотя в 1989 г., когда впервые не проводилась первомайская демонстрация, праздничные мероприятия все равно были устроены), зато появились Рождество и Пасха. Их, как правило, отмечали камерно – чаепитиями и семейными конкурсами (преимущественно светского содержания). Самые любимые праздники – День Победы и 8 марта – остались, и способы их проведения в учреждениях культуры практически не изменились. Интересно отметить проникновение модных «западных» элементов в традиционные формы празднования. Так, наряду с народными танцами дети на концертах исполняли популярную в начале 1990-х «ламбаду» [2, с. 3], а вечер на 8 марта организаторы назвали «шоу-программой» «Почти по ”Бурда моден”» [3, с. 4] – отсылая к названию модного европейского журнала с выкройками.

Практически такие же мероприятия (ярмарки, выставки, концерты, спортивные соревнования) проводились по случаю местных и региональных памятных дат. Так, в июле 1981 г. в селе Важгорт было проведено большое мероприятие к шестидесятилетию образования Коми автономии. В июле 1989 г. в районном центре, селе Кослан, широко отметили юбилей Удорского района, 22 августа 1989 г. там же организовали праздник, посвященный 68-летию Коми автономии. В освещении газетой этого праздника можно видеть редкий случай нетрадиционно грустных рассуждений корреспондента, вызванных сложной ситуацией в стране. Автор заметки Е. Русланова пишет, что во время празднования у нее возникло чувство, «как будто поют и танцуют в комнате, где лежит тяжелобольной человек». Также автор выразила надежду, что «когда-то наступит такое 22 августа, когда на сердце будет легче, на работе все хорошо и когда человеку действительно будет весело и спокойно» [4, с. 4].

Своеобразными районными праздниками в рассматриваемый период были праздники болгарские: 24 мая 1980 г. в Удорском районе отмечался «День болгарского просвещения, культуры и славянской письменности» [5, с. 2], 2 июня 1980 г. в Усогорске, поселке болгарских лесозаготовителей, торжественно отмечали значимый для болгарского народа «День Ботева». Традиционным в районе являлось празднование годовщин народного восстания в Болгарии 9 сентября 1944 г. В этот день в 1980 г. в поселке Усогорск проходил митинг, посвященный 36-летию прихода болгарских коммунистов к власти [6, с. 1]. К этому государственному празднику НРБ также был приурочен проходивший в Коми АССР с 5 по 7 сентября 1980 г. пятый фестиваль советско-болгарской дружбы. В 1991 г. болгары уехали из Удорского района, и их национальные праздники перестали отмечать.

Из описания праздников в газете видно, что еще одним видом досуга для части населения района было участие в художественной самодеятельности. Учреждения культуры привлекали местных жителей к организации концертов и спектаклей. В самодеятельности принимали участие люди разных профессий и возрастов. Это были как разовые мероприятия – участие в отдельных концертах, так и постоянные занятия в хоровых, фольклорных и драматических самодеятельных коллективах. Постоянными участниками концертов были фольклорные коллективы, народный хор, драмкружки. Так, в селе Чупрово в 1989 г. 8 марта на сцене выступил драматический коллектив со спектаклем «Олӧмлӧн бужӧдъяс» («Жизненные сложности»). В спектакле участвовали жители села различных профессий: механизатор, учительница, председатель исполкома сельсовета, кассир-счетовод, бухгалтер сельсовета, агент государственной страховой инспекции, участковый инспектор милиции [7, с. 3]. По заметкам в газете видно, что регулярное участие в мероприятиях принимали целые коллективы медицинских учреждений, учителя и ученики школ, работники и воспитанники детских садов.

В художественную самодеятельность были вовлечены и работавшие в районе болгарские граждане. В поселке Благоево был организован хор болгарских лесозаготовителей. Они выступали в соседних селах, и их концерты всегда за-

вершались исполнением песни «Катюша», и болгарскими народными танцами. В 1981 г. работали танцевальный и кукольный кружки, участниками которых были русские, коми и болгарские дети, а также кружок бальных танцев для взрослых [8, с. 2].

Во второй половине 1980-х гг. стали традиционными смотры-конкурсы художественной самодеятельности. Практиковались и выезды с концертами артистов одного населенного пункта в другой. Редкими, но долгожданными были визиты в Удорский район профессиональных артистов из республиканских учреждений культуры.

Своеобразной формой самодеятельности были агитбригады – небольшие коллективы, сформированные для выполнения определенных агитационно-просветительских задач. Такие мобильные команды в Удорском районе выполняли задачи культурного обслуживания жителей прямо на рабочих местах – в полях во время сенокоса или пахоты, на фермах зимой. Так, в феврале 1982 г. агитбригада районного дома культуры посетила фермы в нескольких селах района. В красных уголках ферм животноводы и доярки «смотрели веселый концерт, также агитколлектив хвалил передовиков производства, стыдил отстающих и любителей алкоголя» [9, с. 4]. Практика создания агитбригад сохранялась до конца 1980-х гг. [10, с. 4].

Культурно-просветительные мероприятия проводились клубами, библиотеками, музеем, а также общественными организациями – женсоветами, советами ветеранов и т.д. Газета писала о встречах и беседах социального и просветительского характера, о помощи молодым семьям, о борьбе с алкоголизмом, о сохранении народных традиций. Часть мероприятий была посвящена знакомству с культурой Болгарии. Читательские конференции, музейные экспозиции и выставки народных мастеров также предлагались местным жителям для их культурного развития.

Значительное место в этой работе занимал национальный компонент. Проводились встречи с приезжавшими в район коми писателями, чаще с уроженцами Удорского района. С 1987 г. ежегодным стал фестиваль «Коми книга», причем проводился он в разных населенных пунктах и сопровождался как традиционными концертами самодеятельности, так и литературными событиями – выступлением писателей, книжными выставками, другими просветительскими мероприятиями [11, с. 183–184].

Большое место в районной газете уделялось освещению организованных спортивных мероприятий. Спорт и физическая культура были распространенным способом проведения досуга. Также, судя по воспоминаниям местных жителей, крайне часты и популярны были посещения ими киносеансов и танцевальных вечеров, однако об этом в газете мало информации, в основном афиши и объявления.

Индивидуальный культурный досуг жителей района отражен в прессе существенно меньше. Из культурных практик, которые фигурируют на страницах газеты, удалось выявить следующие: чтение книг, журналов и газет, прослушивание радио, просмотр телепередач, охота и рыбалка, фотодело, рукоделие и

домашние ремёсла. Домашний досуг граждан нуждается в более полном исследовании, по материалам других источников, но даже скудные сведения дают понимание об изменениях, происходивших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Так, в заметке о работе районной библиотеки в 1992 г. работник учреждения пишет, что читателей стало меньше, но при этом возрос интерес к бытовой литературе: по домохозяйству, огородничеству, рыбной ловле, охотоведению [12, с. 2]. В 1993 г. в рубрике «О разном» редактор газеты отмечает, что, несмотря на рост цен на периодику, «многие спешат оформить подписку на газету «Спид-инфо», которая занимает второе место по популярности после газеты «Выль туйöд» [13, с. 2]. Новшеством в быту граждан стали видеомагнитофоны. На 1991 г. в Удорском районе было 45 киноустановок, 16 видеозалов, пять пунктов проката видеокассет [14, с. 1].

В целом районная газета отражает достаточно разнообразные способы культурного проведения досуга сельских жителей позднесоветского периода, а также изменения, которые происходили в повседневной жизни в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В описании досуговых практик проявляется многонациональный состав населения района и стремление к межнациональному сотрудничеству. Публикации показывают, что политическое наполнение культурного досуга со временем уменьшалось, увеличивался этнический и местный компонент.

Список литературы

1. Пигулин В. Сколько нас в районе? // Выль туйöд. 1991. № 144. С. 2.
2. Иванова А. Сиисны нывбабаяслы праздник [Посвятили женщинам праздник] // Выль туйöд. 1992. № 32. С. 3.
3. Дорогие односельчане! // Выль туйöд. 1992. № 28. С. 4.
4. Русланова Е. И вöлі праздник [И был праздник] // Выль туйöд. 1989. № 102. С. 4.
5. Домбровский В. Праздник честь кузя [В честь праздника] // Выль туйöд. 1980. № 66. С. 2.
6. Янов В. Пасйисны свобода лун [Отметили день свободы] // Выль туйöд. 1980. № 111. С. 1.
7. Козырев И. Сцена вылын коми спектакль [На сцене коми спектакль] // Выль туйöд. 1989. № 35. С. 3.
8. Филиппова В. Шэдöдöма öтувъя уджын [Достигнуто совместной работой] // Выль туйöд. 1981. № 88–89. С. 2.
9. Палкин А. Гажöдöны скöт видзысьясöс [Развлекают животноводов] // Выль туйöд. 1982. № 16. С. 4.
10. Арсеньева А. «Томлун» агитбригада – видзьяс вылын [На полях агитбригада «Молодость»] // Выль туйöд. 1989. № 97. С. 4.
11. Лимеров П. Ф. «Коми книга» – праздник читателей и писателей на Удоре // Арт. 2016. № 3(76). С. 180–194.
12. Федорова А. Когда чувствуешь свою ненужность // Выль туйöд. 1992. № 34. С. 2.
13. Вместо политики – эротика // Выль туйöд. 1993. № 46. С. 2.
14. Видзöдысьяс вöсна тöждысьöмöн [С заботой о зрителях] // Выль туйöд. 1991. № 92. С. 1.

К. А. Вихрова

Безделье как протест: досуговые практики персонажей Ричарда Линклейтера

В статье проводится анализ фильма Ричарда Линклейтера «Бездельник» (1990), ставшего важным культурным феноменом и отразившего дух поколения X и его отношение к свободе и социальной ответственности. Волна независимого кинематографа, к которой относится фильм, отличается вниманием к нетрадиционным нарративным техникам и глубокому изучению повседневной жизни. Кинолента Линклейтера представляет собой исследование досуговых практик, подчеркивая их роль в формировании идентичности и восприятии общества. Анализ сюжетно-образной констелляции и киноязыка «Бездельника» позволяет подчеркнуть значимость досуга как инструмента сопротивления социальным нормам и площадки для философской рефлексии.

The article analyses Richard Linklater's film «Slacker» (1990), which became an important cultural phenomenon, reflecting the spirit of Generation X and its attitude towards freedom and social responsibility. The independent cinema to which the film belongs is characterized by an emphasis on unconventional narratives and an in-depth examination of everyday life. The film is an exploration of leisure practices, emphasizing their role in the formation of identity and the perception of society. The analysis of the narrative and figurative constellation and film language of «Slacker» allows us to highlight the significance of leisure as a tool of resistance to social norms and a platform for philosophical reflection.

Ключевые слова: досуговые практики, «Бездельник», Ричард Линклейтер, постмодернизм, общество позднего капитализма.

Key words: leisure practices, "Slacker", Richard Linklater, postmodernism, late capitalist society.

Кинематограф является богатым источником материала для исследования различных социальных феноменов, включая досуговые практики. Особый интерес представляет анализ независимого кино, в котором изучение внутреннего мира человека и социальных процессов осуществляется сквозь призму нестандартных нарративов. Такие киноленты позволяют понять, как повседневные практики становятся инструментом самовыражения, сопротивления социальным нормам или, напротив, обнажают кризис идентичности.

Так, многие фильмы американского кинорежиссера, сценариста, продюсера и актера Ричарда Линклейтера (род. в 1960) посвящены феномену досуговых практик как формы самовыражения в эпоху позднего капитализма. В своем творчестве Линклейтер исследует повседневную жизнь и внутренние переживания персонажей в контексте современной культуры. Режиссер прославился минималистским подходом, вниманием к диалогам, естественности и реалистичности. Киноленты Линклейтера зачастую представляют собой «эпизоды повседневности», как будто выхваченные из жизни, раскрывающие глубокие социальные и философские вопросы. Основными темами его творчества являются поиск смысла жизни в эпоху позднего капитализма, взаимоотношения между людьми, критика потребительского общества и анализ молодежной

культуры. В центре его фильмов часто оказываются образы людей, пытающихся найти свое место в мире, разобраться в собственной идентичности и отношениях с окружающими. К числу наиболее известных работ Линклейтера относятся такие фильмы, как «Перед рассветом» («Before Sunrise», 1995), «Перед закатом» («Before Sunset», 2004), «Перед полуночью» («Before Midnight», 2013) и «Отрочество» («Boyhood», 2014).

Дебютная лента Линклейтера «Невозможно научиться пахать, читая книги» («It's Impossible to Learn to Plow by Reading Books», 1988) не вышла в широкий прокат и распространялась на DVD вместе со вторым фильмом, получившим название «Бездельник» («Slacker») [1] и ставшим манифестом новой волны независимого кино. Впервые «Бездельник» был показан в Остинском кинотеатре независимого кино в 1990 г. Съемки фильма обошлись всего в 23 тыс. долл., что отразило некоммерческий подход к созданию произведений искусства, однако фильм оказался очень популярен в прокате и собрал более миллиона долларов.

Кинокритики отмечают, что причину привлекательности «Бездельника» практических невозможно определить, хотя метод Линклейтера прост и ясен [2]. Сюжет «Бездельника», балансирующего на грани между комедией и драмой, фрагментарен: лента представляет собой набор коротких сцен, объединенных общим пространством – городом Остином, столицей штата Техас. Линклейтер сам написал сценарий, собранный из записей «о любопытных сценах, свидетелем которых стал, и обрывков безумных разговоров, которые подслушал» [3]. Съемочную группу составили его друзья и коллеги. Картина была воспринята как авангардная и экспериментальная [4]. Фильм не имел привычной для большинства кинофильмов структуры, и зрители воспринимали его как мозаичный портрет поколения X, оторванного от традиционных социальных и культурных ориентиров. Фильм стал манифестом slacker-культуры [5].

В первом эпизоде «Бездельника» на экране появляется сам Ричард Линклейтер. Он играет молодого человека, путешествующего по Остину и сталкивающегося с различными людьми, обладающими эксцентричными взглядами на жизнь. Персонаж Линклейтера объясняет везущему его таксисту концепцию фильма: происходящее очень странно, но еще необычнее его сны, в которых он видит преломленную фантазией реальность, распадающуюся на множество параллельных вариантов, которые обусловлены каждым выбором и решением, даже неосуществленным. В результате субъект оказывается в ловушке той единственной реальности, которую сам сформировал. Это отражает творческий замысел режиссера: он ставит перед собой задачу «спровоцировать аналитическую ангажированность зрителя абсолютно бессвязными кадрами, тем самым сняв с себя идеологическую ответственность, подразумевающую четкий отбор материала из всей совокупности предметов и явлений, обуславливающих появление того или иного образа на экране» [5].

Все сцены фильма строятся на квазиинтеллектуальных обсуждениях разных аспектов современной жизни, таких как искусство, культура, политика и философия. Взаимосвязь между эпизодами не всегда очевидна, что создает

ощущение отрывочности повествования: это антиистория, направленная на деконструкцию привычного типа нарративов. С другой стороны, именно формат и тематика этих рассуждений, а также единство место действия поддерживают целостность «Бездельника».

Хотя персонажи «Бездельника» обмениваются множеством идей о Боге, теорий заговоров, музыкальных предпочтений, мыслей о политической и экономической обстановке в США, семейных отношениях и даже анализах Мадонны, эти разговоры лишены четкой цели и ни к чему не приводят. Несмотря на большое количество встреч между людьми, каждый персонаж в фильме часто оказывается в изоляции, не находя взаимопонимания с окружающими. Так, романтическое приглашение на концерт или в кино оборачивается опозданием или отказом охранника пропустить героев и в результате ни к чему не приводит; эмоционально насыщенный монолог о похоронах отчима-садиста вызывает у слушателей лишь вялые кивки; сенсационная история о автокатастрофе приобретает в разговоре такую же значимость, как утренняя прогулка. Эта отчужденность подчеркивает тематику разрыва между личной свободой и социальными связями.

Очевидно, что большинство персонажей «Бездельника» не имеют постоянной занятости и предоставлены сами себе. Среди них – бывшие студенты гуманитарных специальностей и свободные художники, потому множество сцен посвящено обсуждениям о значении искусства: того, что является «настоящим искусством», и того, как восприятие искусства влияет на личную идентичность. Для героев «Бездельника» музыкальное, художественное и литературное творчество не является способом заработка или построения карьеры, скорее, это способ самоидентификации и поиска смысла. Явная бесцельность действий персонажей и их жизни в целом отражает характерное для поколения X стремление найти смысл в мире, который кажется чрезмерно рационализированным и ориентированным на культуру потребления. Большинство персонажей фильма считают себя свободными от социальных норм и обязательств. Это свободомыслие выражается в отказе от традиционных путей карьерного роста, семейных обязанностей и других «привязок».

Досуговые практики, изображенные в фильме, тесно связаны с поиском идентичности и свободой от традиционных социальных структур. В «Бездельнике» досуг не представляет собой отдых в привычном смысле, а скорее является формой существования, когда люди проводят время, обсуждая абстрактные идеи, которые редко имеют практическое применение.

Представляется, что досуговые практики персонажей «Бездельника» – это своего рода ответ на потребительскую культуру и коммерциализацию времени. Персонажи стремятся быть свободными, но их «свободное» время скорее символизирует растерянность и отсутствие настоящих целей. Линклейтер представляет досуг не как отдых от работы, а как пространство для рефлексии и поиска смысла, где в конечном счете герои оказываются не в состоянии найти ответы. Так, «Бездельник» показывает, что досуг может быть не только источником удовольствия: персонажи зачастую обсуждают навязчиво тревожащие их

болезненные вопросы, такие как смерть, сумасшествие, одиночество, расставание с любимыми и т.д. Важно отметить, что именно в этих «праздных» обсуждениях герои пытаются сформулировать свои взгляды на мир, что ставит под сомнение традиционные представления о том, как следует использовать личное время.

«Бездельник» Ричарда Линклейтера – это не просто фильм о молодежной культуре. Линклейтер показывает, как в эпоху информационного общества досуг, свободное время и отсутствие очевидных жизненных целей могут стать основными характеристиками жизни поколения X. В этом контексте досуговые практики становятся не просто способом убежать от реальности, но и инструментом для осмысления своего места в мире. Благодаря нестандартности, «Бездельник» стал уникальным исследованием формирования нового понимания времени, свободы и творчества в отсутствие социального давления и отказа от традиционных целей. Этот фильм предоставляет богатый материал для анализа форм досуговых практик и их значения в современном обществе. Как наглядно демонстрирует кинолента, индивидуализм может быть как освобождающим, так и парализующим, что подчеркивает неопределенность существования персонажей, не желающих связывать себя узами какого-либо рода.

Список литературы

1. Бездельник [художественный фильм] / реж. Ричард Линклейтер; в ролях: Р. Линклейтер, К. Кризан, М. Джеймс. США, Orion Classics, 1990.

2. Ebert R. Slacker (a Review). 23.08.1991. URL: https://www.rogerebert.com/reviews/slacker-1991 (дата обращения: 15.12.2024).

3. Canby V. Some Texas Eccentrics and Aunt Hallie. 22.3.1991. URL: https://www.nytimes.com/1991/03/22/movies/some-texas-eccentrics-and-aunt-hallie.html (дата обращения: 15.12.2024).

4. Hinson H. Slacker (a Review). 23.08.1991. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/style/longterm/movies/videos/slackerrhinson_a0a6ff.htm (дата обращения: 15.12.2024).

5. Мигурский А. «Бездельник»: труд и цивилизация. 02.04.2019. URL: https://cinetexts.ru/slacker (дата обращения: 15.12.2024).

А. А. Круталевич, Е. Ю. Михеева

Инскрипты как источник изучения повседневности (на примере книжного собрания Т. В. Ильиной в фонде научной библиотеки ГМЗ «Петергоф»)

На примере изданий, принадлежавших Татьяне Валериановне Ильиной (1934–2020) – искусствоведу, исследователю русского искусства XVIII в., – рассматривается содержание личного книжного собрания как своеобразной летописи жизненного пути. Особое внимание уделяется инскриптам, позволяющим расширить поле исследования и установить круг профессиональных и дружеских связей адресата. Таким образом, мемориальная библиотека Т. В. Ильиной как часть книжных фондов ГМЗ «Петергоф», являясь опорой в новых научных изысканиях специалистов музея, в то же время расширяет наше представление о значимости личности и масштабах профессиональной деятельности владелицы.

Using the example of publications owned by Tatyana Valerianovna Ilyina (1934–2020), an art critic, researcher of Russian art of the 18th century, the content of a personal book collection is considered as a kind of annals of life. Particular attention is paid to inscriptions that allow expanding the field of research and establishing the range of its professional and friendly ties. Thus, the memorial book collection of T. V. Ilyina, as part of the library stocks of the Scientific Library Department The Peterhof State Museum-Reserve, being a support in the new scientific research of the museum's specialists, at the same time gives an idea of the owner's personality.

Ключевые слова: Государственный музей-заповедник «Петергоф», личная библиотека, научная библиотека музея, мемориальная библиотека, инскрипты, дарственные надписи, автографы.

Key words: The Peterhof State Museum-Reserve, the Museum Scientific Library, personal library, memorial library, inscriptions, dedicatory inscriptions, autographs.

Фонд отдела «Научная библиотека» ГМЗ «Петергоф», насчитывающий около 50 тыс. единиц хранения, выполняет задачу информационного обеспечения профессиональной деятельности специалистов музея и формируется в соответствии с историко-искусствоведческим профилем комплектования. Ценными источниками информации для пользователей сегодня являются входящие в состав отраслевых отделов мемориальные библиотеки: дар коллекционеров А. А. и Р. М. Тимофеевых; тематическая библиотека А. С. Перельмана, посвященная истории игральных карт; издания из личной библиотеки Н. П. Шмитта-Фогелевича, составляющие научный аппарат к его коллекции открыток; книжное собрание исследователя русского искусства XVIII в. Т. В. Ильиной.

Важно отметить, что печатные издания в жизни коллекционера и исследователя – не только спутники досуга, но и верные помощники в собирательской деятельности: монографии, словари и энциклопедии, журнальные и газетные статьи составляют справочный аппарат, необходимый в ежедневной работе. Кроме того, содержание каждого личного собрания отражает жизненный путь и мировоззрение владельца – его мысли и устремления, круг профессиональных интересов и дружеских связей, историю поисков, разочарований или счастливых открытий.

Яркий пример – книжное собрание Татьяны Валериановны Ильиной (21.01.1934 – 26.10.2020), профессора, почётного преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета (долгое время занимавшей пост заведующей кафедрой истории русского искусства СПбГУ), переданное в дар ГМЗ «Петергоф» ее дочерью Марией Сергеевной Фоминой в 2021 г. Это книжное собрание стало началом новой главы библиографических и книговедческих исследований в библиотеке музея. Основной целью данного доклада является представление результатов изучения инскриптов мемориальной библиотеки Т. В. Ильиной, характеризующих круг общения петербургского деятеля науки в рамках изучения повседневности.

Большинство из 543 наименований, составляющих мемориальную библиотеку, так или иначе связаны с делом жизни Татьяны Валериановны – это изда-

ния по истории и теории искусства: исторические исследования, монографии, учебные и учебно-методические пособия по искусствоведению, в том числе за авторством Т. В. Ильиной; исторические и критические очерки; биографическая и мемуарная литература; сборники научных трудов. Значительную часть составляют каталоги живописных собраний, а также иллюстрированные издания: альбомы, альбомы-проспекты и несколько наборов художественных открыток.

Ядро книжной коллекции формируют русскоязычные издания; около 10 % собрания – книги на иностранных языках.

Особую ценность представляют образцы дарственных надписей (инскриптов) от друзей, коллег, студентов. Среди персон, оставивших свои автографы – известные деятели в сфере науки, культуры и искусства: художница *Ирина Константиновна Колесова*; художники *Николай Устинович Мартынов и Егор Олегович Барбазанов*; поэт и прозаик, лауреат Всероссийской литературной премии им. Лермонтова *Сергей Сергеевич Шульц* (младший); балерина, балетмейстер и педагог *Габриэла Трофимовна Комлева*; искусствоведы, исследователи и авторы многочисленных работ: доктор искусствоведения, профессор МГУ им. Ломоносова *Ольга Сергеевна Евангулова*; ее супруг и соратник, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств Российской Федерации *Игорь Васильевич Рязанцев*; доктор искусствоведения, в прошлом главный научный сотрудник Русского музея *Михаил Юрьевич Герман*; культуролог, философ, петербургский ученый *Моисей Самойлович Каган*; доктор филологических наук, основатель и первый директор Музея В. В. Набокова в Санкт-Петербурге *Вадим Петрович Старк*; доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, директор Биологического научно-исследовательского института СПбГУ *Дмитрий Владимирович Осипов* и многие другие.

Далее мы представим небольшой обзор изданий, содержащих наиболее интересные и значимые дарственные надписи.

Его открывает учебно-методическое пособие доктора искусствоведения Виктора Георгиевича Власова «*Методологические основы изучения истории искусства» (СПб., 2011)*, рецензентом которого являлась Т. В. Ильина. Тираж составляет всего 100 экз., что делает издание библиографической редкостью. Дарственная надпись от Виктора Георгиевича, краткая и теплая, стала эпиграфом к прошедшему в Научной библиотеке «ГМЗ Петергоф» литературному вечеру [1], посвященному 90-летию со дня рождения Татьяны Валериановны: *«Татьяне Валериановне с нежностью. Автор. 24.02.11»* [2].

«Альма-матер» Т. В. Ильиной, безусловно, являлся Санкт-Петербургский государственный университет. Не менее значимое место в ее профессиональной деятельности занимала Санкт-Петербургская консерватория им. Римского-Корсакова, где она преподавала более 60 (!) лет. Многие из ее студентов стали именитыми оперными и балетными режиссерами, мастерами балетного искусства. Коллективный труд *«Здесь музыка венчает танец» (СПб., 2013)*, вышедший к 50-летию кафедры хореографии, аналогично предыдущему изданию

является книжной редкостью (тираж 300 экз.). В приложениях к изданию можно ознакомиться со списком выпускников с 1967 г., темами кандидатских работ и публикациями педагогов. Один из разделов издания начинается со статьи Т. В. Ильиной, что подчеркивает ее авторитет среди коллег. Еще одной примечательной чертой данного экземпляра, безусловно, стал яркий, полный искреннего восхищения автограф Габриэлы Комлевой: *«Несравненной, немыслимо прекрасной Татьяне Валерьяновне – с обожанием. Габриэла К. [Подпись] 22 янв. 2014»* [3].

О многолетних профессиональных узах, связывавших Т. В. Ильину с Санкт-Петербургской академией художеств им. И. Е. Репина, где она в том числе состояла в диссертационном совете [4], напоминает *учебное пособие «История русской художественной критики: XX век» (СПб., 2008)* с обширной библиографией (включающей ссылки на работы Т. В. Ильиной) и ёмким предисловием. Его автор – доктор искусствоведения, декан факультета теории и истории искусств Светлана Михайловна Грачева – подарила свой труд по художественной критике пространственных видов искусств Т. В. Ильиной, сопроводив бесконечно теплыми словами: *«Уважаемой Татьяне Валериановне от Светы с самыми добрыми пожеланиями и огромной благодарностью! [Подпись] август 2010»* [5].

Среди изданий, в которых Т. В. Ильина выступала в качестве рецензента, хочется отметить очерки «*Русская художественная критика середины – второй половины XVIII века» (Москва, 1991)*, опубликованные *Аллой Глебовной Верещагиной* – в будущем доктором искусствоведения, академиком Российской академии художеств (1997) и заслуженным работником культуры Российской Федерации (1992). Ценность издания определяется не только крайне малым тиражом (всего 100 экз.) и временем публикации (одно из первых исследований, вышедших в свет под эгидой ордена Ленина Академии художеств СССР после ослабления цензуры), но и дарственной надписью: «*Дорогой Татьяне Валериановне, моему доброму рецензенту = Автор»* [6].

Вторым рецензентом издания выступила Ольга Сергеевна Евангулова. Ее автографы, как и автографы ее супруга, доктора наук Игоря Васильевича Рязанцева, многократно встречаются в книжном собрании; среди них есть издание, подписанное супругами совместно [7]. С Ольгой Сергеевной Татьяну Валериановну связывало многолетнее сотрудничество, в том числе в рамках ежегодной международной конференции «Актуальные проблемы теории и истории искусства», организатором и постоянным куратором которой была Т. В. Ильина. Экземпляр малотиражного издания, посвященного художнику-портретисту Александру Рослину – *«Исторические записки…»* за авторством *Сюзанны де Бармон* [8] в переводе Е. Е. Аратиной сопровождает письмо, из которого следует, что О. С. Евангулова, будучи научным руководителем Е. Е. Аратиной, рекомендовала выслать экземпляр Т. В. Ильиной.

В библиотеке Татьяны Валериановны сохранились автографы таких выдающихся исследователей, как Валерий Константинович Шуйский, в прошлом главный хранитель научно-исследовательского музея Российской академии художеств в Ленинграде. Являясь автором множества публикаций по истории

зодчества Санкт-Петербурга, В. К. Шуйский значительное внимание уделял изучению творческих биографий архитекторов. Венцом его исследовательского труда стала монография *«Огюст Монферран. История жизни и творчества» (СПб., 2005)*. Дарственная надпись гласит: «*Татьяне Валерьяновне Ильиной с глубоким уважением от автора. Апрель 2006 года»* [9].

Невозможно обойти вниманием многочисленные публикации доктора исторических наук Евгения Викторовича Анисимова, главного научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, научного руководителя Института Петра Великого при Институте культурных программ Санкт-Петербурга. Изучаемый им исторический период напрямую связан с основным направлением исследований Татьяны Валериановны, XVIII в. В книжном собрании представлен ряд его работ, изданных в 1980–2010-е гг., каждая из которых подписана в оригинальной, но неизменно теплой уважительной манере. На издании *«Податная реформа Петра I» (Л., 1982)* – текст посвящения: *«Глубокоуважаемой Татьяне Валериановне на добрую память от автора, который читает с большим интересом все Ваши работы и желает творческих успехов. 17.12.86»* [10].

Татьяна Валериановна Ильина обладала авторитетом, простиравшимся далеко за границы нашей Родины, о чем свидетельствуют дарственные надписи от зарубежных коллег, в том числе из Болгарии (где она проходила стажировку в начале 1960-х гг.), Туркменистана, Грузии.

Необходимо особо отметить издание *«Петр Великий на землях Бельгии» (Антверпен, 1998)* на русском и нидерландском языках, в котором представлены документальные сведения о поездках Петра Великого на территорию Южных Нидерландов (современной Бельгии). Бельгийский славист Эммануэль Вагеманс, изучавший материалы российских и бельгийских архивов, подчеркивает, что сам переводил русские тексты на нидерландский, старательно сохраняя стилистику, пунктуацию и орфографию языка документов XVIII в. Издание снабжено уникальным приложением – списком «терминов, которыми обозначали русского царя в 1717 г. в источниках на нидерландском, французском и испанском языках». Также в научный аппарат включен обширный библиографический список, который состоит из двух разделов: в первом перечислены западные, во втором – русские исследования.

Автор адресовал соратнице по цеху из России дружескую дарственную надпись на русском (NB) языке: «*Дорогой коллеге Татьяне Ильиной на память о счастье знакомства с Вами в Рубенсграде по поводу "Дней Петра Великого". С благодарностью. Эммануэль. 8.X.98»* [11]. Это посвящение – напоминание о событиях 1998 г., когда в рамках фестиваля «Дни Петра Великого» в Антверпене был установлен памятник российскому императору в память о его визите в 1717 г.

К сожалению, осветить все многочисленные дарственные надписи на страницах личной библиотеки Т. В. Ильиной в рамках одной статьи не представляется возможным. Рассмотренные выше инскрипты дают нам представление об основных вехах профессионального пути и указывают на обширную международную научную деятельность. Множество теплых слов от молодых исследова-

телей, имена которых в настоящее время известны каждому образованному человеку, свидетельствуют о воспитанном ею поколении учёных-искусствоведов. Наличие изданий с автографами одних и тех же персон, поступавших в книжное собрание в течение многих лет, говорят об умении выстраивать не только плодотворное сотрудничество, но и многолетние дружеские связи.

Таким образом, инскрипты личных библиотек являются ценным источником изучения повседневности, раскрывая новые и дополняя уже известные страницы биографии владелицы книжного собрания.

Список литературы

1. Представление мемориальной библиотеки Татьяны Ильиной в музее-заповеднике «Петергоф». URL: https://peterhofmuseum.ru/news/2024/1420 (дата обращения: 07.11.2024).
2. Власов В. Г. Методологические основы изучения истории искусства: учебно-методическое пособие СПб.: Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. 188 с.
3. Здесь музыка венчает танец: 50 лет кафедре хореографии Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова / отв. ред. А. А. Соколов-Каминский. СПб.: Композитор. Санкт-Петербург, 2013. 318 с.: фот. Публикации педагогов: с. 269–318.
4. Татьяна Валериановна Ильина (21.01.1934–26.10.2020): In Memoriam / Памяти / А. А. Карев, Е. А. Скворцова, Е. Ю. Станюкович-Денисова // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 2 (28), Июль-Декабрь. С. 179–184: фот.
5. Грачева С. М. История русской художественной критики: XX век: учебное пособие для студентов. СПб.: Институт им. И. Е. Репина, 2008. 250, [13] с.
6. Верещагина А. Г. Русская художественная критика середины – второй половины XVIII века: очерки. М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств АХ СССР, 1991. 228 с.
7. Евангулова О. С. Московская архитектура и её создатели. Первая половина XVIII века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 430 с.
8. Бармон С. К. де. Исторические записки, или Изложение отдельных фактов и событий жизни Александра Рослина / Жизнеописание Жанна-Этьена Лиотара, составленное его сыном. М.: Компания Спутник+, 2007. 145 с.
9. Шуйский В. К. Огюст Монферран. История жизни и творчества. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ – Дельта, 2005. 413 с.
10. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982. 295 с.
11. Вагеманс Э. Петр Великий на землях Бельгии. Антверпен: Benerus, 1998. 363 с.

Т. Н. Самарина

Репрезентация повседневности исполнительниц восточного танца в материалах журнала «Ориенталь» (2005–2014 гг.)

В статье речь пойдет о так называемом восточном танце, или танце живота – от англ. *belly dance (беллиданс)*; на арабском языке – *raks sharki*. Танец живота практикуется и как бытовой танец, и как сценический; хореография основана на движениях бедер, груди и живота, исполняется преимущественно женщинами в раздельном костюме, который состоит из лифа и длинной юбки, оставляя открытым живот. Танец распространен в странах Ближнего Востока и Северной Африки, вобрал в себя фольклорные традиции народов, проживающих в этом регионе. Мы предприняли попытку рассмотреть репрезентацию повседневности танцовщиц по материалам специализированного журнала о восточном танце «Ориенталь».

The article will focus on the so–called oriental dance or belly dance – from the English belly dance (bellydance); in Arabic – raks sharki. Belly dancing is practiced both as a household dance and as a stage dance; the choreography is based on the movements of the hips, chest and abdomen, performed mainly by women in a separate costume, which consists of a bodice and a long skirt, leaving the belly open. The dance is widespread in the countries of the Middle East and North Africa, has absorbed the folklore traditions of the peoples living in this region. We have made an attempt to consider the representation of the daily life of dancers based on the materials of the specialized oriental dance magazine Oriental.

Ключевые слова: повседневность, женская пресса, антропология танца, изучение танца, хореография Ближнего Востока, ориентализм.

Key words: everyday life, women's press, anthropology of dance, dance studies, Middle East choreography, orientalism.

Подобно многим другим танцам, *беллинданс* вышел за границы своего родного региона и стал практиковаться исполнителями из других стран, в частности в России, где снискал огромную популярность в 2000-е гг. Именно в этот период в нашей стране танец институализировался сначала в системе Общероссийской танцевальной организации (ОРТО), а затем в Лиге профессионалов восточного танца – обе организации занимались развитием конкурсного исполнения танца живота и популяризацией арабской сценической и фольклорной танцевальной культуры. Параллельно с этим появлялись все новые и новые школы и студии восточного танца (танец живота можно было научиться исполнять даже при фитнес-клубах), открывались магазины товаров с Ближнего Востока, издавались учебные материалы по технике и истории танца, все больше информации можно было найти на тематических интернет-форумах.

Важным событием в сообществе российских исполнителей танца живота стало появление журнала «Ориенталь», русского журнала о восточном танце, создателем и главным редактором которого была Мария Крижановская с 2005 по 2009 г., сама танцевавшая *беллиданс* и Мона Амар с 2009 по 2014 г., также исполнительница этого направления. Он выходил четыре раза в год и позиционировался как журнал для женщин (в своих статьях авторы и главный редактор обращались к «дорогим читательницам») [1, с. 102]. Впрочем, практически все «поле» восточного танца имело «женское лицо» как в плане непосредственного исполнения, так и в производстве и потреблении информации, организации мероприятий, бизнеса и другой социальной активности.

Целью настоящего исследования была попытка разобраться, как повседневность и досуг исполнительниц *беллиданса* отражены в материалах журнала «Ориенталь», который мы использовали в качестве перспективного исторического источника нереактивных данных. Ценность данного источника в том, что он создавался женщинами-танцовщицами для таких же женщин-танцовщиц, журнал являлся частицей жизни самих авторов и редакторов издания. Выборка состоит из 22 номеров журнала (с 2009 по 2014 гг.), проанализированная полуформализованным методом качественного контент-анализа, который, на наш взгляд, лучше всего позволяет исследовать те или иные репрезентации в тексте.

Теоретической рамкой данного исследования выступили гендерная теория и метод изучения повседневности посредством «женской прессы» [2; 3].

Женская повседневность традиционно связывается со сферой приватного и интимного [4, с. 86]. А. В. Белова выделила три аспекта изучения женской повседневности, на которые мы будем также опираться в своем исследовании: *«Изучение женской повседневности исходит из того, что историю повседневности интересуют, во-первых, "обычные люди" в их ежедневных взаимоотношениях и взаимосвязях, их опыты ежедневной жизни, во-вторых, особенности организации и восприятия ими того "вещного мира", в котором протекала их обыденная жизнь, и, в-третьих, ментальный склад, проявлявшаяся изо дня в день эмоциональность как выражение их индивидуальности, разнообразие женской субъективности, отношение субъективных опытов к общественному контексту»* [4, с. 94].

Занятия танцами на первый взгляд кажутся творческим процессом, однако, как и любому другому творчеству, танцу сопутствует рутина, причем, чем профессиональнее танцор, тем больше его обыденная/повседневная жизнь выстроена вокруг танцевального класса. А также выбранное танцевальное направление превращается в специфическую локальную идентичность, о которой писала А. В. Белова в контексте изучения женской повседневности: *«Особую роль играет локальная идентичность, ведь смена "локуса" – это не просто перемещение в пространстве, а изменение всей повседневной жизни, включая такие ее элементы, как устройство жилища, виды занятий и одежды, рацион и режим питания, речевая и письменная практика»* [4, с. 94]. Например, танцевальная рутина балетного артиста будет отличаться от ежедневных практик исполнителя танца живота или фламенко.

Согласно нашему исследовательскому вопросу и заданной теоретической рамки были выбраны соответствующие разделы журнала «Ориенталь», посвященные повседневности: «Мода»; «Красота и здоровье»; «Дом» (категория включает в себя подкатегории «Кулинария» и «Рукоделие»); «Практикум» – категория, описывающая как танцевальные, так и общеорганизационные вопросы *беллиданса*.

Практикум. В этом разделе журнала публиковались статьи с наиболее прикладной информацией, например описания тренировок с танцевальными аксессуарами (меч, бубен, шаль), советы по изучению языков Ближнего Востока (арабского и турецкого), техника исполнения элементов разных стилей (турецкая и египетская тряски), обзоры учебников танца живота, комментарии юриста (плагиат в танцевальной сфере), язык жестов в индийском танце, выбор музыки для выступления, аспекты работы с дарбукистами (перкуссионистами), организация концерта, самостоятельная постановка танца, классическая хореография в *беллидансе*, вопросы, связанные с возможностью записи танца на камеру. Интересно, что в описываемое время (2010-е гг.) было много конфликтных ситуаций с цифровой записью танца на мастер-классе: далеко не все преподаватели это позволяли, в отличие от сегодняшнего времени.

Мода. Авторы статей из этого раздела в основном писали о локальных брендах, изготавливающих костюмы для танца живота, ювелирные украшения, тренировочную одежду, домашнюю одежду в этническом стиле (абайя и галабея). Также можно было почитать советы о танцевальной обуви, танцевать ли босиком или на каблуках, как надевать индийское сари, мастер-классы по шитью костюма для выступления, критика конкурсных костюмов, разбор мусульманского религиозного гардероба. Важный для нас момент: чаще всего разработкой одежды занимались дизайнеры и швеи, которые сами являлись исполнительницами танца живота.

Красота и здоровье. Достаточно клишированный раздел для женского журнала, но с «ориентальной» спецификой: макияж для арабских и индийских танцев**,** уход за волосами, восточные духи, косметические процедуры, вес и телосложение танцовщицы, использование сурьмы для глаз, уход за ногами – главным инструментом танцовщицы. Все советы подогнаны под то, чтобы соответствовать образу «восточной красавицы» – длинные волосы, яркий макияж. При этом знаменитая египетская танцовщица Дина в интервью этому же журналу обращала внимание на слишком яркий макияж и костюмы русских исполнительниц, противоречащие египетскому «естественному» облику и манере. В самом «Ориентале» давались советы именно о таком ярком макияже и костюмах, которые осуждала Дина. Мы видим, что в русской традиции исполнения восточного танца преобладали элементы шоу, вычурные костюмы и аксессуары. Нельзя не отметить, что в статьях журнала встречались откровенно стереотипные утверждения о жизни женщины в арабских странах, например: *«Слабый пол на Востоке окружен заботой и вниманием, считается, что работать и кормить семью должен мужчина, а женщина должна радовать его своей красотой, стряпней и интересными рассказами. Имеющуюся массу свободного времени дамы тратят на себя: натираются маслами, мажутся кремами и красятся»* [5, с. 38].

Дом. Кулинария. Регулярная рубрика любого женского журнала, в «Ориентале» представляет собой микс из ближневосточной, индийской, кавказской и дальневосточной кухонь: восточные сладости «Хлеб богачей», розовый щербет с пряностями, тайское рагу, баранина по-турецки, турецкий рахат-лукум, индийская окрошка, хумус, мутаки с миндалем, морковная халва, картофель по-индийски и т.д.

Дом. Рукоделие. Материалов в этом разделе журнала не так много, но они довольно интересны: мастер-классы по изготовлению украшений, реквизита для танца, шкатулок с восточным колоритом, индийского подноса и т.д.

После анализа материалов журнала о восточном танце «Ориенталь» можно с уверенностью говорить о том, что его задачей было включение в повседневную жизнь своих читательниц достаточно стереотипного «воображаемого Востока», о котором писал Э. Саид в своем главном труде «Ориентализм». «Восток» аморфен и безграничен в статьях журнала – это не только Ближний Восток, родина *беллиданса*, но и Индия, Малайзия, Китай и т. д. Так как в России мода на танец живота наследует увлечение индийскими танцами еще со времен СССР, то и материалов по индийской одежде, макияжу, блюдам и декору очень много.

По Э. Саиду, сам феномен ориентализма – это система репрезентаций [6, с. 310]. *«Во всех своих романах Флобер связывал Восток с эскапизмом сексуальных фантазий. То, по чему Эмма Бовари и Фредерик Моро тоскуют, – то, чего нет в их однообразной (или пустой) буржуазной жизни и чего они хотят, – легко приходит в грезах, облаченных в восточные клише: гаремы, принцессы и принцы, рабы, покрывала, танцующие девушки и юноши, щербет, притирания и так далее»* [6, с. 296]. Все темы актуальные для буржуазной Европы XIX в., которые обозначил Э. Саид в своей работе, представлены и в журнале о восточном танце «Ориенталь». Определенно это издание было создано специально для женщин XXI в., которые ищут спасения от офисной рутины в экзотическом танце живота. Читая журнал, танцовщица получала комплексное, хоть и поверхностное, представление о «Востоке». Это были не только материалы о танцах разных стран, но и сведения о культуре, языке, музыке, кулинарии, арабской моде, интервью со звездами *беллиданса*, обзоры книг и видеодисков, анонсы танцевальных фестивалей и конкурсов, реклама магазинов с танцевальной одеждой и атрибутикой. В соответствующих разделах журнала публиковались статьи о женщинах, которые, занимаясь танцем живота и нашли себя в смежных отраслях: швеи, рукодельницы, визажистки, владелицы магазинов танцевальных товаров – их бизнес обслуживал потребности таких же женщин, танцующих *беллиданс*. Вклад этих женщин в развитие российского танцевального сообщества трудно переоценить. Несмотря на то что всплеск популярности танца живота пошел на спад, сохраняется стабильный интерес к этому направлению, и российские танцовщицы вплоть до недавнего времени были самой многочисленной «сборной» в международных соревнованиях по *беллидансу* [7]. Анализ материалов журнала «Ориенталь» безусловно может стать подспорьем для изучения историками женской повседневности истоков развития восточного танца в России.

Список литературы

1. Самарина Т. Н. Женский след в истории танцевальной культуры: по материалам русского журнала о восточном танце «Ориенталь» (2005–2014 гг.) // Женское наследие в культурах народов России и мира. Материалы XVII Международной научной конференции, 26–29 сентября 2024: в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, О. С. Мутиева, Н. Н. Гарунова. М.: ИЭА РАН, 2024. С. 101–105.

2. Штылева М. В., Пушкарева Н. Л. Повседневность мурманчанок в конце 1980-х – начале 1990-х годов глазами исследователей и журналистов // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 198–211.

3. Громова А. И. Идеал красоты в отечественных женских журналах начала XX в.: изменение паттернов контроля за женским телом // Вестник костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 33–39.

4. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

5. Гулынская М. Рисуем лицо по-арабски // Ориенталь. Русский журнал о восточном танце. № 3 (5), лето 2008. С. 38–41.

6. Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж». 2021. 558 с.

7. ПМА 1 – Полевые материалы автора. Интервью с Екатериной Луцко, Москва, школа танца «Джайран», 4 ноября 2023 г.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Н. С. Нижник

Праздник как средство социальной интеграции и маркер социальной стратификации российского общества в XVIII в.

В статье дается характеристика праздничной культуре России в XVIII в. Праздник рассматривается как средство сохранения и передачи от поколения к поколению социально значимой информации, закрепления ценностей, объединяющих социум как элементы механизмов социальной интеграции и государственного управления. В условиях десакрализации культуры особое значение приобрели праздники общегосударственного масштаба, являющиеся продолжением политики верховной власти. Праздник был призван закрепить в общественном сознании события, имеющие политическое значение. Особенностями праздничной культуры XVIII в. стали ее игровой характер, театрализация, стремление к зрелищности и эстетизации, использование достижений изобразительного, прикладного, театрального, музыкального искусств, науки и техники. Во второй трети XVIII в. празднествам для избранных было придано особое значение, общенародных забав и увеселений стало значительно меньше. Праздничная культура отразила социальные трансформации в России Нового времени.

The article is devoted to the characteristics of the festive culture of Russia in the XVIII century. The holiday is considered as a means of preserving and transmitting socially significant information from generation to generation, consolidating the values that unite society, as elements of mechanisms of social integration and public administration. In the context of the desacralization of culture, national holidays have become particularly important, which are a continuation of the policy of the supreme government. The holiday was intended to consolidate events of political importance in the public consciousness. The features of the holiday culture of the XVIII century were its playful nature, theatricalization, the desire for entertainment and aestheticization, the use of achievements of fine, applied, theatrical, musical arts, science and technology. In the second third of the 18th century, special importance was attached to celebrations for the elite, and there were significantly fewer public amusements and amusements. The holiday culture reflected the social transformations in Modern Russia.

Ключевые слова: праздник, праздничная культура, десакрализация культуры, зрелищность празднества, эстетизация празднества, XVIII век, фейерверки, маскарады.

Key words: holiday, festive culture, desacralization of culture, entertainment of the celebration, aestheticization of the celebration, XVIII century, fireworks, masquerades.

Праздник – важнейшая «первичная форма человеческой культуры» [1, с. 5], род досуга, перерыв в повседневности, представляющей «рутинную, деловую, трудовую, привычную и … обыденную жизнь» [2, с. 122]. Праздник и повседневность – характеристика разных сторон бытия, отражающая возможности перевоплощения «человека обыденного» (от природы «играющего») в «человека праздничного» и реалии смены социальных ролей.

Праздники, сохраняя и передавая от поколения к поколению социально значимую информацию, закрепляют систему ценностей, объединяющую социум, приобщают к общепринятым нормам [3; 4], выступают элементами механизмов социальной интеграции и государственного управления [5; 6].

Эпоха новой праздничной культуры в России началась в XVIII в. В условиях централизации государственной власти и формирования абсолютной монархии отличительной чертой праздничной культуры Российской империи стал светский характер. Десакрализация культуры изменила существовавшие до этого праздники: самое большое значение приобрели праздники, устраивавшиеся в честь военных побед, заключения мирных договоров, спуска на воду кораблей, тезоименитства и бракосочетания членов царской семьи. Такие праздники приобретали статус общегосударственных и рассматривались как продолжение политики верховной власти [7].

Демонстрацией новой формы торжеств стало празднование взятия Петром I Азова в 1696 г. В Москве были сооружены триумфальные ворота, устроен фейерверк, у которого теперь была задача не просто «огненной потехи», как у фейерверков, впервые появившихся при Алексее Михайловиче, а прославление военной победы. 1 января 1700 г. в Москве начала формироваться традиция празднования Нового года, ставшего гражданским торжеством, во время которого отмечались все виктории года. В Москве был сооружен и первый театр – «комедиальная хоромина». На Красной площади зазвучала светская музыка, выступали приехавшие из Европы музыканты и артисты. Однако эти начинания увеселительной культуры в древней столице приживались с большим трудом.

Новая столица – Санкт-Петербург – строилась, опираясь на европейский опыт организации пространства, общения и увеселений. Освоение новых обычаев – от ношения европейского платья и новой обстановки домов до освобождения женщины от домашнего затворничества и участия в ассамблеях – в Петербурге шло быстрыми темпами.

Культура организации и проведения праздников, формировавшаяся при Петре I, носила первоначально просветительский характер при одновременном сосуществовании элементов насилия и демократизма [8, с. 9–10]. Праздник приобретал особую роль: это было не только веселое времяпрепровождение и не только краткий период, противопоставлявшийся будням и свободный от ежедневных житейских забот, это было действие, призванное закрепить в общественном сознании конкретные события отечественной истории – успехи монарха, имеющие политическое значение. Полтавская виктория, битва при Гангуте, победа под Лесным, взятие Нотебурга становились государственными праздниками, которых не знала прежняя Россия, долгие века жившая только по церковному календарю.

Обязательные праздники, входившие в складывающийся в XVIII в официальный гражданский календарь, были «мощным средством формирования мировоззрения русского человека, его патриотизма и гордости за свою страну» [9, с. 394]. Именно поэтому организацией праздников занимался и сам Петр – начиная от активного участия в ассамблеях, где он разъяснял суть этого на пер-

вых порах непривычного действа, до собственноручного изготовления и устроения фейерверков, во время которых он, стоя в толпе, объяснял окружающим смысл каждой зажигающейся аллегорической картины [8, с. 10]. Если сначала такие торжества устраивались в честь военных побед, то со временем они все чаще становились способом прославления монарших особ [4] и показа населению и иностранцам произошедших в стране перемен, средством демонстрации роскоши дворцов вельмож, парадных выездов [10], нарядов и драгоценностей [11].

Особенностью культуры XVIII в. стали ее игровой характер, театрализация, стремление удивлять и восхищать необыкновенными «представлениями для глаз». «Изумлять зрелищем», «восхищаться зрением», «услаждать взор» были важными задачами празднеств XVIII столетия. Реформы быта, связанные со сменой одежды, брадобритием, введением европейского этикета и манер, тоже были рассчитаны на создание зрительного эффекта, усиливавшего демонстрацию необходимых представлений и ассоциаций.

Празднества открывало триумфальное шествие, а кульминацией торжеств становились фейерверочные спектакли и сюжетная иллюминация. «Огненные забавы», будучи общедоступными зрелищами, приобрели широкую популярность среди всех слоев населения. Фейерверочное искусство в России поражало очевидцев масштабностью и зрелищностью: «огненные потехи» год от года расширяли свою цветовую палитру, разнообразнее становилась конфигурация пиротехнических устройств. Фейерверки превратились в спектакли, где двигались зажженные фигуры, иллюминованные картины сменяли друг друга, взлетали в воздух ракеты и били огненные фонтаны. Фейерверки, аллегорически изображавшие итоги уходящего года, стали традицией новогодних увеселений в Петербурге. Наиболее распространенными местами для фейерверков в Петербурге служила водная гладь перед Летним садом и стрелка Васильевского острова. Именно там в 1721 г. была показана огненная феерия в честь заключения мира со Швецией.

Во всех этих увеселениях и забавах источником удовлетворения эстетико-эмоциональных потребностей человека и восприятия зрелища или празднества в целом служило зрение. Зрение как способность воспринимать внешние впечатления в XVIII столетии становилось важнейшим для всей праздничной культуры эпохи Нового времени.

Требования организации праздничных зрелищ были учтены при формировании архитектурного пространства новой столицы Российской империи. «Для главных парадов России, юбилейных и государственных торжеств нужны были парадные площади, раскрытые к Неве, для великосветских балов – изысканные просторные залы, для шествий – прямые как стрела улицы, для придворных гуляний – замкнутые каналами и ажурными оградами регулярные сады, а для народных развлечений – открытые пространства городских лугов и полей» [8, с. 20]. Город создавался как одно праздничное пространство.

Неудивительно, что в предложениях по строительству Санкт-Петербурга архитектор Ж. Б. А. Леблон в одном из первых разделов характеризовал красоту города – расположение площадей, улиц и их украшение. Временные празд-

ничные постройки должны были вписываться в архитектурные сооружения. Триумфальные арки, фейерверочные фигуры, катальные горы, пирамиды, обелиски, колонны, декорированные жилые здания создавали красочное зрелище, передающее колорит эпохи и смысл празднества, становящееся источником информации о событиях, происходивших в стране и за ее пределами.

Зрелищная культура отражала наиболее важные направления деятельности государства, приоритеты международной политики, военные и дипломатические успехи России.

Основу зрелищной культуры XVIII в. составляла система образной организации праздника, основы которой были разработаны еще в эпоху Возрождения. Подобно ренессансным процессиям, выступавшим с заранее сочиненной программой и оформлявшихся маскарадами в сопровождении музыки и пения, в 1722 г. на улицах Москвы был устроен костюмированный «морской» парад, который продолжил маскарадные увеселения, начатые в Петербурге и длившиеся около месяца, где маски катались по городу, наносили визиты друг другу, веселились на воде.

Водные увеселения – катания «невской флотилии» и костюмированные празднества на Неве – стали характерной чертой большинства праздников в Петербурге в Петровскую эпоху.

Во второй трети XVIII в. в праздничной сфере произошли изменения: стали преобладать празднества для избранных, продолжавшие поражать очевидцев своей усложненностью и пышностью, а общенародных забав и увеселений стало значительно меньше.

В числе элитарных праздников – «великий машкарад» 1731 г. в начале царствования Анны Иоанновны и апофеоз развлечений императрицы – шутовская свадьба, известная как «Ледяной дом».

Традицию роскошных элитарных праздников продолжила Елизавета Петровна, вступившая на российский престол в 1741 г. Маскарады и концерты при ее дворе, сменяя друг друга, составляли одно большое празднество – правление Елизаветы Петровны [12]. Особое место в увеселениях занимали маскарады, называвшиеся *метаморфоз*, во время которых женщины обязательно надевали мужское платье, а мужчины – женское. В устройстве празднества важной задачей была его эстетизация: все, от парадной залы и туалетов участников, до развлечений и забав, должно было услаждать взор, восхищать и удивлять императрицу и ее окружение [13].

На смену праздникам для избранных в век «просвещенного абсолютизма» Екатерины II были возвращены публичные зрелища, призванные обличать пороки, восхвалять добродетели и славить наступивший «золотой век» России [14]. Для народа устраивались забавы и увеселения: катальные горы, качели, ярмарочные гулянья. Появились и новые увеселения для избранных – рыцарские карусели или турниры [15], где дворяне соревновались в ловкости, попадая копьем в цель, поражая мечами кукол.

Маскарады и празднества в честь императрицы в своих дворцах и усадьбах устраивали вельможи: Г. Потемкин, Л. Нарышкин, П. Шереметев, П. Румянцев-Задунайский [9; 16].

Празднества XVIII в. по замыслу и оформлению были цельными действами, объединявшими в себе достижения изобразительного, прикладного, театрального, музыкального искусств. Направленные на создание зрелищного спектакля, праздничные действия были наполнены праздничными звуками: звоном колоколов, грохотом литавр и барабанов, фейерверка и артиллерийского салюта, шумом толпы, хором певчих, звучанием музыкальных инструментов, шуршанием бальных платьев. Празднества XVIII в. создавали образ эпохи, в которой воплощались идеи и фантазии современников, удовлетворяя их огромную жажду увеселений и зрелищ.

Наибольшее распространение такие празднества получили в обеих столицах, при этом в Москве количество праздничных потех было меньшим, чем в Петербурге.

XVIII в. стал временем существенных трансформаций: формировались новая государственность; новый человек по-новому познающий мир; новый менталитет, новые статусы и новые принципы общественного и индивидуального поведения. XVIII в. вошел в историю как эпоха, пронизанная театральностью и игрой, символикой жестов и предметов, как век-маскарад, как время, когда ремесло было искусством, а искусство – ремеслом, когда выдающиеся художники и мастера создавали свои произведения только ради одного мгновения – как бутафорию для празднества и развлечений. Через праздничную культуру часто воплощались в жизнь новые изобретения и научные открытия.

Праздник XVIII в. выступал как средство сохранения и передачи социально значимой информации, как элемент механизма социальной интеграции. В условиях десакрализации культуры особое значение приобрели праздники общегосударственного масштаба, являющиеся продолжением политики верховной власти. Праздник был призван закрепить в общественном сознании события, имеющие политическое значение. Особенностями праздничной культуры XVIII в. стали ее игровой характер, театрализация, стремление к зрелищности и эстетизации, использование достижений изобразительного, прикладного, театрального, музыкального искусств, науки и техники. Придание празднествам для избранных особого значения отражало социальные трансформации в России Нового времени и свидетельствовало о сложной социальной стратификации российского общества в XVIII в.

Список литературы

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.

2. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.: Наука, 1991. 371 с.

3. Манкевич И. А. Репрезентация повседневности в текстах русской культуры: информационно-коммуникационный аспект: дис. … д-ра культурологии. СПб., 2011. 455 с.

4. Манкевич И. А. «Русский дух»: репрезентация повседневности в ольфакторных текстах русской культуры. М.: Алетейя, 2013. 102 с.

5. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен: дис. … д-ра культурологии. СПб., 2004. 335 с.

6. Кибалко В. В. Понятие «праздник». Анализ определений и их осмысление // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 4(16). С. 162–171.

7. Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века: Коронации, дипломатические приёмы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М.: АиФ Принт, 2003. 398 с.

8. Стругова О. Праздник в Петербурге XVIII века // 4 чувства. Праздник в Петербурге XVIII века: [выставка государственного исторического музея с 6 июня по 10 сентября 2003 г.: каталог] / М-во культуры Российской Федерации, Гос. ист. музей; [Подгот.: Т. С. Алешина и др.]. М.: Художник и кн., 2003. С. 8–36.

9. Короткова М. В. Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2009. 776 с.

10. Одинцова Е. В. Развитие городской праздничной культуры в России в последней трети XVII – первой четверти XVIII веков: дис. … канд. ист. наук. М., 2012. 155 с.

11. Петрова Н. В. Русское ювелирное искусство в праздничной придворной культуре XVIII века: дис. … канд. искусствовед. Санкт-Петербург, 2007. 226 с.

12. Манкевич И. А. Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2004. № 1(2) / Декабрь. С. 62–75.

13. Фагурел Ю. Е. Маскарадные сани в придворных костюмированных празднествах XVIII века: атрибуция и музейное использование: дис. … канд. ист. наук. М., 2018. 285 с.

14. Махотина А. А. Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II: дис. … канд. искусствовед. М., 2011. 249 с.

15. Пыляев М. И. Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // Исторический вестник. 1885. № 8. С. 309–339.

16. Шматова Н. И. Праздничная культура московского дворянства в последней трети XVIII века: дис. … канд. ист. наук. М., 1999. 176 с.

А. А. Кальсина

Деятельность Пермского губернского земства и Пермского губернского комитета попечительства о народной трезвости по организации досуга крестьянского и городского населения Пермской губернии в начале XX в.

В статье рассматривается деятельность общественности Пермской губернии в лице Пермского губернского земства и губернского комитета попечительства о народной трезвости по организации досуга крестьянского и городского населения. В начале XX в., актуализировалась проблема борьбы за трезвость, поскольку на селе, а также в небольших городах, практически не было просветительских учреждений и мест, где бы простой народ мог провести свое свободное время. В статье раскрываются проекты Пермского губернского земства по созданию в губернии сети Народных домов, а также активная деятельность Пермского губернского комитета попечительства о народной трезвости по организации народно-певческого движения среди крестьянского населения Пермской губернии, и его активного организатора и подвижника А. Д. Городцова.

The article examines the activities of the Perm province public represented by the Perm Provincial Zemstvo and the Provincial Committee of Guardianship for People's Sobriety in organizing leisure time for the peasant and urban population. At the beginning of the 20th century, the problem of the fight for sobriety became urgent, since in the village, as well as in small towns, there were practically no educational institutions and places where ordinary people could spend their free time. The article reveals the projects of the Perm Provincial Zemstvo to create a network of People's Houses in the province, as well as the active work of the Perm Provincial Committee of Guardianship for People's Sobriety in organizing a folk singing movement among the peasant population of the Perm province, and its active organizer and ascetic A. D. Gorodtsov.

Ключевые слова: борьба за трезвость, крестьянский досуг, организатор народно-певческого движения А. Д. Городцов, народный дом.

Key words: fight for sobriety, peasant leisure, organizer of the folk singing movement A. D. Gorodtsov, People's House.

В период с 1895 по 1914 гг. земская общественность в России неоднократно поднимала вопрос об организации досуга крестьянского населения. Дело в том, что одной из острых проблем крестьянской жизни было пьянство. В Пермской губернии пьянство принимало особенно большие масштабы, и земские деятели предлагали разные формы организации досуга крестьянского населения. Движение борьбы за трезвость имело также общероссийской характер, во многих городах Российской империи при содействии земств возникали попечительства о народной трезвости, а после – и специальные губернские комитеты по делам попечительств о народной трезвости. Эти организации следили за торговлей спиртным, пропагандировали трезвый образ жизни и рассказывали о вреде пьянства, организовывали здоровый досуг для населения вне питейных заведений как в селах, так и в городах.

Тот факт, что крестьянство Пермской губернии страдает алкогольным недугом и не имеет возможности занять себя в свободное время, был отмечен на 42 очередной сессии Пермского губернского земского собрания в 1912 г. На заседании был представлен доклад «Образовательно-воспитательные учреждения Пермской губернии в борьбе с алкоголизмом», в котором на примерах была показана сложившаяся ситуация в ряде уездов Пермской губернии [1, с. 1].

Так, в селе Частые Камышловского уезда Пермской губернии, где проживало около тысячи человек, совершенно не было развлечений. Кроме винных и пивных лавок, в свободное время крестьянам некуда было пойти, народ в селе пьянствовал. Три местных винных лавки в год выручали до 100 тыс. р. Пожарная дружина села Частые, учрежденная уездным земством, ходатайствовала перед Пермским губернским земством о выделении небольшой субсидии, открыла в селе на эти средства библиотеку-читальню, и выступила с инициативой организации спектаклей местными силами, чтобы хоть как-то отвлечь население от пьянства [1, с. 10].

На Нижне-Сергинском чугуноплавильном заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии, где проживало порядка 20 тыс. чел. и имелось достаточное количество школ и грамотного населения, также не было мест для организации

досуга. В Нижне-Сергинске не было публичной библиотеки, зато прочитать две-три газеты можно было в пивной. При заводе возникло общество «Народный дом», объединяющее немногочисленную неравнодушную общественность. Общество поставило цель, способствовать населению завода проводить свободное от трудовой деятельности время более или менее полезно и разумно.

Общественные силы села Килачево Ирбитского уезда Пермской губернии описывали ситуацию с проведением досуга в их местности следующим образом: «Пьянство здесь год от года только становится больше. Народ, особенно молодежь, пьет где попало и как попало. Молодежь в свободное от работы время, и тем более, во время праздников, не знает, чем себя занять и поневоле предается пьянству, что вскоре входит в привычку и ломает человеку жизнь» [1, с. 11].

Все эти факты, приведенные в докладе губернской земской управы, встретили сочувственное отношение земских деятелей к проблеме. Пермское Губернское земское собрание постановило, несмотря на сложные экономические условия, выделить средства и способствовать организации во многих территориях и поселениях Пермской губернии сети народных домов, в которых бы крестьяне проводили бы свой досуг. Губернское земское собрание приняло решение ежегодно, начиная с 1912 г., финансировать такую сеть в размере 10 тыс. рублей. Вместе с тем было понятно, что этих денег не хватит на постройку и организацию деятельности народного дома [1, с. 1].

Проект Пермского губернского земства предполагал, что доля участия земства в строительстве народных домов должна составлять одну треть, еще третья часть средств должна быть выделена из казны, которая отпускается Комитетом попечительства о народной трезвости, и остальная часть расходов должна была лечь на плечи местных сообществ (кредитных товариществ, или крупных производственных артелей, потребительской кооперации), поскольку, именно эти группы населения на селе заинтересованы в просветительской деятельности [1, с. 3].

Проект губернского земства предполагал, что в народном доме должна быть библиотека-читальня, находящаяся в ведении уездного земства и большое помещение для театральных представлений. В большом помещении должны проводиться просветительские лекции, беседы, народные чтения, сопровождаемые волшебными фонарями и кинематографом, в большой аудитории можно было бы проводить музыкальные и танцевальные вечера и другие доступные деревенским жителям развлечения. В докладе отмечалось, что двери народного дома всегда должны быть открыты для молодежи, которая желает повеселиться и отдохнуть в выходной день, для взрослого населения, солидных домохозяев, желающих в свободное время прочитать газету, обменяться мыслями по поводу дошедшей до деревни новости, и побеседовать об общественных делах. Кроме того, в таком народном доме могли бы проводить свои собрания общественные организации, существующие в деревне: пожарные дружины, кредитные товарищества, сельскохозяйственные и потребительские общества и т.п.

Обсуждался и вопрос о том, кто же будет проводить эти образовательно-воспитательные и просветительские мероприятия. Главными, по мнению Перм-

ского губернского земства, должны были стать местные «культурные силы» деревни – священник, врач и учитель. К тому же, как отмечалось в докладе, в деревне вызревает так называемый сознательный элемент, принимающий активное участие в общественной жизни деревни [1, с. 4].

Проект организации народных домов живо обсуждался, у него было много сторонников. В губернское земство направлялись ходатайства о содействии в организации народных домов на селе. В частности, правление Нердвинского кредитного товарищества Соликамского уезда Пермской губернии задалось целью построить в селе Нердве народный дом в память 300-летия царствования дома Романовых, стоимость его была определена в 6 тыс. рублей, ходатайство о помощи было направлено в Пермскую губернскую земскую управу. Липовская пожарная дружина Оханского уезда Пермской губернии на собственные средства планировала приступить к постройке народного дома в деревне Липовка, и обратилась за помощью в Пермское губернское земство о выделении пособия размером в 150 р. В селе Косинском Чердынского уезда Пермской губернии гласным уездного земства А. Н. Быковым было организовано уставное общество «Народный дом» для организации постройки народного дома в селе Коса. Пермское Губернское земское собрание 43 очередной сессии решило удовлетворить ходатайство, выделив пособие 2 166 р, но при условии, что деньги будут выделены только в том случае, если общество само затратит на постройку народного дома две трети стоимости здания [4, с. 18]. Однако не все местные деревенские организации смогли собрать достаточное количество средств для реализации этих планов, серьезно помешала и Первая мировая война.

В губернском центре городе Перми также были собраны средства местной общественностью на организацию досуга населения, в размере 70 тыс. р. Ожидалась помощь от правительства в размере 120 тыс. р., данные ассигнования обещал лично направить С. Ю. Витте, однако с его уходом обещание оказалось невыполненным [4, с. 18]. Тем не менее народный дом для рабочих Мотовилихинского завода был построен, правда строительство растянулась на десятилетие. Строительство здания началось по инициативе Мотовилихинского общества по борьбе с пьянством в 1901 г. Средства собирались по подписке, каждый рабочий отчислял в пользу народного дома от зарплаты 3 р. в течение пяти лет. В народном доме размещалась заводская библиотека с чайной-читальней и действовал музыкально-драматический кружок. В народном доме выступали оперные и драматические артисты. Фактически народный дом стал центром культурной жизни Мотовилихинского завода. Интересно, что здание народного дома сохранилось до наших дней, в настоящее время в нем располагается пермская детская школа олимпийского резерва.

Помимо губернского земства и местной общественности, проблемы досуга рабочих и крестьян были в поле зрения Пермского губернского комитета попечительства о народной трезвости. Эта организация получала средства от казны на борьбу с пьянством среди населения, и одним из способов организации досуга населения предлагалось повсеместно в Пермской губернии развивать и поддерживать народно-певческое дело. Деньги на развитие певческого дела были выделены Министерством финансов по ходатайству управляющего Ка-

зенной палатой А. А. Фолькмана, который красноречиво пояснил, что благим делом и отвлечением от пьянства и хулиганства может стать создание в Пермской губернии народно-певческого движения. Идея А. А. Фолькмана была одобрена С. В. Витте и Пермский губернский комитет попечительства о народной трезвости в 1896 г. выделил специальное пособие 12 тыс. 400 р. на организацию хорового пения в Пермской губернии. Руководителем по устройству хоров в Пермской губернии был назначен оперный певец и общественный деятель Александр Дмитриевич Городцов [3, с. 3]. А. Д. Городцов отличался необыкновенной работоспособностью и очень любил певческое дело, благодаря его энергии в Пермской губернии было создано около 400 хоров, эта цифра превышала общее количество хоров по всей России.

Алесандр Дмитриевич Городцов был выходцем из Рязанской губернии, из семьи священника, образование получил в Московском государственном университете на юридическом факультете, но выбрал карьеру оперного певца и вскоре волею судеб оказался в Перми. Проработав какое-то время в Пермском оперном театре, он был приглашен Губернским комитетом попечительства о народной трезвости на должность смотрителя хорового дела в Пермской губернии, а практически стал основателем народно-певческого движения в Пермской губернии. В данной должности он проработал 20 лет.

А. Д. Городцов в 1896 г. создал бесплатный народный певческий класс в Перми. В первый же год в класс записалось 212 чел., занятия проходили два раза в неделю: с 20 до 23 ч. вечера и в выходные дни с 13 до 15 ч. Основной контингент – это молодежь от 17 до 25 лет. По роду занятий – писцы, приказчики, продавщицы, мастеровые, небогатое городское население. На занятиях изучалась нотная грамота, основы постановки голоса, разучивались дуэты, трио, хоровые произведения. Выступления хора происходили на народных чтениях в здании Богородицкого попечительства при Рождественско-Богородицкой церкви в Перми. В хоровой репертуар входили произведения известных русских композиторов: Аренского, Балакирева, Бортнянского, Гречанинова, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Чайковского, Мусоргского и др. [3, с. 5].

Следующим шагом деятельности А. Д. Городцова стала подготовка руководителей хоров на курсах певческой грамоты. Они были организованы на бесплатной основе и привлекли небывалое количество желающих со всей губернии. Всего было организовано 16 курсов, обычно такие курсы длились в течение месяца, проходили они каждый год в г. Екатеринбурге Пермской губернии. Так, в 1906 г. на курсы прибыло 117 чел., что превысило количество ожидаемых слушателей на 50 чел. Как отмечал в отчете о своей деятельности А. Д. Городцов, контингент курсов составляли крестьяне, мастеровые, сельские и городские обыватели – 73 чел., учителя земских и министерских школ – 23 чел., учителя церковных школ и лица духовного звания – 9 чел. Некоторые слушатели прибыли на курсы из Уфимской и Оренбургской губернии, женщин было – 57, мужчин – 60 [3, с. 5].

Большинство вновь поступивших не были знакомы с нотной грамотой, небольшая часть обучающихся была поддержана денежным пособием от своего уездного земства, однако большинству пришлось расходовать собственные

средства на проживание в Екатеринбурге. Занятия на певческих курсах проходили интенсивно с 8 утра до 14 ч дня, затем был перерыв, а с 18 до 21 ч занятия продолжались вновь. Слушатели на начальном уровне подготовки изучали нотную грамоту и приемы обучения пению. Те же, кто был более подготовлен – еще и теорию музыки – и основы гармонии, а также методику преподавания этих предметов. Для желающих, во время перерыва днем были организованы занятия по выразительному чтению. На вечерних занятиях слушатели упражнялись в регентском деле. Впоследствии, пройдя обучение у А. Д. Городцова, слушатели курсов на разных территориях Пермской губернии создавали хоровые организации. Создание новых хоров А. Д. Городцов контролировал лично, выезжая в территории Пермской губернии, он настолько был предан делу организации хоров в Пермской губернии, что семья не видела его дома месяцами.

О подвижнике вскоре стали писать столичные газеты, в частности отмечалось, что вся Пермская губерния покрыта сетью грамотно организованных музыкальных хоров, народ с удовольствием принимает участие в певческой деятельности, крестьянские хоры приходят слушать из других деревень, прошагав пешком несколько верст. «Исполнение осуществляется и в церковных храмах, и на светских мероприятиях, по торжественным дням устраиваются хоровые собрания, поют отечественных композиторов и подлинную русскую музыку. И все делается без рисовки, без позы, а предприятие, начатое А. Д. Городцовым, выросло в грандиозное национальное дело. В одном из пермских сел под открытым небом, на фоне сосен, исключительно крестьянами, была исполнена опера М. И. Глинки "Жизнь за царя"» [2, с. 4]. Сам А. И. Городцов, писал, что хоровые сцены из оперы Глинки были исполнены в 54 селениях Пермской губернии и 30 раз опера была исполнена крестьянами полностью. Информация о подвижнической деятельности по организации певческого дела в Пермской губернии и организации досуга местного населения дошла до самого императора Николая II, которую он безусловно одобрил [3, с. 15].

Таким образом, в начале XX в. в Пермской губернии различные общественные организации, Пермский губернский комитет о попечительстве народной трезвости, Пермское губернское земство остро ставили вопрос о необходимости организации досуговой деятельности среди простого народа, через развитие сети народных домов для сельского и городского населения. А деятельность Александра Дмитриевича Городцова как подвижника народно-певческого дела, выходила далеко за рамки той организации, которую он представлял.

Список литературы

1. Белдыцкий Н. П. Об организации народных домов в Пермской губернии. Пермь: Тип. Губ. земства, 1914. 20 с.

2. Боголюбов Н. Н. Эстетика и алкоголь // Рампа и жизнь. 1914. № 51. С. 4.

3. Отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1906 год (Народоведческое дело в Пермской губернии) Пермь: Типо-литография губернского правления, 1908. 45 с.

4. По Пермскому краю (хроника). Народные дома в деревне // Пермская земская неделя. 1914. № 10. С. 18.

Е. В. Дианова

Организация летнего детского отдыха в Олонецкой губернии в 1918–1920 гг.

В статье представлена информация о создании и функционировании летних детских колоний в Петрозаводском и Вытегорском уездах Олонецкой губернии в 1918–1920 гг. Рассказано о работе С. Я. Маршака и коллег С. Т. Шацкого из московского общества «Детский труд и отдых», обозначены основные формы трудового и социального воспитания в данных детских учреждениях. Также выявлены основные трудности в организации и деятельности летних детских колоний Олонецкой губернии в этот период.

The article presents information on the establishment and functioning of summer children's colonies in the Petrozavodsk and Vytegorsk districts of the Olonetsk province in 1918–1920. It tells about the work of S. Ya. Marshak and colleagues S. T. Shatsky from the Moscow society "Children's Labor and Rest", and identifies the main forms of labor and social education in these children's institutions. It also identifies the main difficulties in the organization and activities of summer children's colonies in the Olonetsk province during this period.

Ключевые слова: педагоги, детский отдых, летние колонии, трудовое и социальное воспитание.

Key words: teachers, children's recreation, summer colonies, labor and social education.

В настоящее время одной из актуальных тем в истории повседневности выступает проблема соотношения труда и отдыха, досуговой деятельности, свободного времяпрепровождения, сочетания отдыха с различными культурно-просветительными мероприятиями. Также в центре внимания исследователей находятся вопросы создания системы санаторно-курортного лечения для детей и взрослых, особенности проведения школьных вакаций в дореволюционное время, для чего устраивались специальные летние детские колонии.

Известно, что летние детские колонии появились еще во второй половине XIX в. в Западной Европе и Российской империи. Так, К. В. Ладченко, считая их «одним из видов внешкольного образования», называет ряд серьезных причин создания летних колоний. По его мнению, «во второй половине XIX в. общество начинает серьезно обращать внимание на безнадзорное положение городских детей, которые так часто попадали либо в криминальные круги, либо в медицинские учреждения», поскольку «во внешкольное время дети остаются без помощи и надзора взрослых», особенно на школьных каникулах. Кроме того, организованная отправка детей в летние колонии за город обусловлена стремлением врачей и педагогов улучшить здоровье маленьких городских жителей, нередко страдавших малокровием и туберкулезом [1, с. 180, 181].

В начале 1880-х гг. появилась первая детская колония для мальчиков из средних учебных заведений Санкт-Петербурга. В конце XIX в. благодаря усилиям благотворительных обществ и частных лиц детские колонии возникли в таких городах, как Москва, Варшава, Одесса, Киев, Воронеж, Саратов, а в первое десятилетие XX в. – в Екатеринбурге, Барнауле и других городах страны [2, с. 53, 56].

В деле организации детского отдыха широко известна деятельность Станислава Теофиловича Шацкого (1878–1934). Сначала в 1905 г. в Сущевско-Марьинском районе Москвы вместе с А. И. Зеленко он основал культурно-просветительное общество, или детский клуб «Сеттлемент» (settlement), или «культурное поселение». В 1908 г. в результате полицейских преследований клуб «Сеттлемент» был закрыт, «и никакие прошения Шацкого о возобновлении его работы не дали результатов». В 1909 г. общество возобновило свою работу под новым названием «Детский труд и отдых», просуществовав с 1909 по 1917 г. на пожертвования частных лиц [3, с. 516].

В 1909 г. во время поездки за границу С. Т. Шацкий познакомился с опытом организации детских колоний в Дании, Швеции, Норвегии и решил создать такую же колонию на родине, опираясь на гуманистические традиции отечественной педагогики. У него зародилась идея создания сельскохозяйственной колонии, где бы дети, занимаясь трудом, могли развивать свои творческие способности. По возвращении в Москву С. Т. Шацкий обратился с призывом поддержать его идею, и в 1911 г. помещица М. К. Морозова выделила безвозмездно участок земли в Калужской губернии, где на ее средства и субсидию Министерства народного просвещения была основана детская сельскохозяйственная колония «Бодрая жизнь». По планам создателей она должна была способствовать созданию образовательных и воспитательных учреждений для детей, детского сада и яслей, высшей крестьянской школы, библиотеки, краеведческого музея. Помимо этого, планировалось открытие кооперативных учреждений, курсов для взрослого населения, пункта агрономической и ветеринарной помощи. В селе Белкино выстроили «народный дом», где для крестьян проводились лекции и беседы, колонисты выступали с концертами и спектаклями [4, с. 434–435].

Деятельность сельскохозяйственной колонии «Бодрая жизнь» С. Т. Шацкого вызывала неподдельный интерес педагогов всей страны. В некоторых губерниях предпринимались попытки учреждения таких же сельских поселений для детей. Так, в Олонецкой губернии организацией детского отдыха путем создания колоний и площадок для детей различного возраста занялся дошкольный подотдел, образованный в марте 1918 г. при Олонецком губернском отделе народного образования (губоно). В подотдел дошкольного образования с 1 июля 1918 г. на должность переписчика 1-го разряда приняли Самуила Яковлевича Маршака. В 1918 г. С. Я. Маршак оказался в Петрозаводске, приехав к брату Моисею Яковлевичу Маршаку, который в то время работал в лесной промышленности Олонецкой губернии [5].

Петрозаводские педагоги решили воспользоваться опытом работы детской колонии «Бодрая жизнь», поэтому из Москвы пригласили сотрудниц общества «Детский труд и отдых» А. Л. Викторову, А. И. Худякову, О. В. Молодых. Как вспоминала А. Л. Викторова, «вооруженные педагогическими идеями Шацкого, мы приехали организовывать детскую колонию под Петрозаводском» [6, с. 123]. Первая в Олонецкой губернии летняя детская колония была устроена недалеко от Петрозаводска – в селе Деревянное Петрозаводского уезда. Место

для колонии выбрали неслучайно: старинное русское село Деревянное находится на берегу Онежского озера, вокруг – сосновые леса, что создает хорошие условия для организации активного отдыха и оздоровления детей. Сперва при участии женщин-делегаток Онежского завода отобрали 45 детей рабочих в возрасте от 8 до 12 лет, наиболее нуждавшихся в оздоровлении, и направили их на три месяца в летнюю колонию, которая действовала с 1 июня по 1 сентября 1918 г. [7, с. 509]. Потом количество колонистов увеличилось до 60 за счет сирот, беспризорных, детей местных советских работников. В колонии собрались дети не только младшего школьного возврата 6–10 лет, но и подростки до 14 лет. Для их размещения приспособили одноэтажное здание народного училища села Деревянное [8, с. 29].

В Деревянской колонии организовывались «практические занятия в огороде и на дворе». Трудовое воспитание заключалось в самообслуживании по уборке помещения, участии в приготовлении завтраков, обедов и ужинов, в работе на пришкольном огороде. 7 августа 1918 г. С. Я. Маршака назначали «инструктором по дошкольному воспитанию и устройству детских площадок и колоний с окладом переписчика 1-го разряда» [5].

Неоднократно посещавший колонию под Петрозаводском С. Я. Маршак «необыкновенно хорошо сошелся с ребятами» и педагогами, потому что «все в жизни колонии его затрагивало. И труд, и отдых, и отношения в коллективе». Маршак «мыл полы, чистил картошку. На равных правах со всеми дежурил на кухне, надевая фартук, энергично размешивал еду в котле, потом тащил вместе с другими дежурными котел в столовую, разливал порции по мискам, резал хлеб. И все это с шутками, прибаутками, с сочиненными тут же на месте стихами про расторопных и нерасторопных ребят, про еду» [6, с. 126].

Для детей устраивались подвижные игры, громкие чтения и беседы; «ребята купались, загорали, гуляли в лесу, занимались гимнастикой, чтением книг, рисованием, лепкой», по вечерам все пели песни у костра. Маршак «в свободные часы затевал с ребятами разные игры, загадывал им загадки, отправлялся с ними в лес или на Онегу». Во время прогулок он рассказывал им «о природе, о своих путешествиях», выдумывал «разные занятные истории». Вполне закономерно, что «ребята чувствовали в нем "своего", советовались с ним обо всем, доверяли ему свои тайны» [7, с. 126].

Руководителям колонии удалось обеспечить четырехразовое питание, продукты они «добывали в деревне и привозили из города» [8, с. 29]. В столовой «стоял длинный стол в виде буквы "Г", покрытый клеенкой, а вдоль него – узкие, длинные скамейки». Маршак «усаживался за стол каждый раз в новом месте – все ребята наперебой приглашали его к себе» [6, с. 125].

Первая детская колония Олонецкой губернии испытывала трудности, так как помещение оказалось тесным, но «это было в то время лучшее», что мог предоставить дошкольный подотдел Олонецкого губоно. У местных педагогов не было опыта работы, поэтому «дети с недоверием относились ко всем начинаниям и долго не могли свыкнуться с новой обстановкой. Много нужно было поработать, прежде чем в них наметились первые признаки общественности»

[8, с. 29]. С трудными подростками, большей частью городскими беспризорниками, проводили собрания, на которых обсуждалось их поведение, вырабатывались те или иные правила жизни колонистов. Тем не менее О. А. Егорова, секретарь дошкольного подотдела Олонецкого губоно, отмечала: «За время пребывания в колонии дети физически окрепли, приобрели некоторый опыт жизни в коллективе» [6, с. 510].

Летом 1919 г. организацией детского отдых занимался подотдел социального воспитания Олонецкого губоно. В Олонецкой губернии летние детские колонии были устроены в Петрозаводском и Вытегорском уездах. В Петрозаводском уезде устроили три колонии на 300 детей. В Вытегорском уезде сначала открыли 17 детских колоний, из которых, «правда, 7 вскоре закрылись из-за отсутствия материальной базы» [6, с. 511], но в оставшихся десяти колониях разместили 1 020 детей. Всего летом 1919 г. в Олонецкой губернии действовало 13 летних колоний, в которых находилось 1 320 питомцев. Для размещения воспитанников нашли подходящие помещения: «Для этой цели были реквизированы дома местных кулаков и богатеев» [9, с. 23].

Руководители колоний «установили контакт с прилегающими к ним советскими хозяйствами» и приняли «соглашение по доставке ими в колонии молочных и сельскохозяйственных продуктов». В летних колониях осуществлялся принцип трудового воспитания, колонисты привлекались к земледельческому труду в садах и огородах, работам по содержанию в порядке помещения колоний и рукоделиям. В других уездах не смогли организовать колонии «по причине происходивших там военных действий и, что важнее всего, острого продовольственного кризиса». В Лодейнопольском уезде отдел народного образования разработал смету в 500 тыс. р. на устройство местных колоний, но из-за плохого продовольственного снабжения там не смогли открыть ни одной детской базы отдыха [9, с. 24].

В 1920 г., чтобы «подкормить голодных ребятишек», детские колонии разместились в совхозах Петрозаводского уезда в деревне Бесовец, в бывшем Ионо-Яшезерском монастыре и других местах. Для школьников Петрозаводска устраивались экскурсии к водопаду Кивач, путешествия на лодках по реке Суна [10, с. 2]. Небольшие вылазки на природу вносили разнообразие в жизнь городских детей, не выехавших в детские колонии. Однако многие начинания педагогов сдерживались «очень существенными препятствиями, устранить которые они были не в силах, по крайней мере, в ближайшее время» [8, с. 13].

Таким образом, в 1918–19120 гг. педагоги Олонецкой губернии на практике применили опыт С. Т. Шацкого по созданию летних детских колоний, пригласив на работу сотрудниц общества «Детский труд и отдых». Летние колонии действовали в Петрозаводском и Вытегорском уездах. В повседневную жизнь питомцев внедрялись основы трудового и социального воспитания, их привлекали к самообслуживанию, труду на полях и огородах.

Список литературы

1. Ладченко К. В. Российские летние детские колонии второй половины XIX – начала XX веков // Проблемы современного образования. 2018. № 1. С. 180–188. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-letnie-detskie-kolonii-vtoroy-poloviny-xix-nachala-xx-vekov (дата обращения: 07.12.2024).
2. Веременко В. А. Летний организованный оздоровительный отдых городских школьников в России на рубеже XIX–XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / ред. В. В. Карпова СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 51–57.
3. Латышина Д. И. История педагогики. М.: Гардарики, 2002. 603 с.
4. Латышина Д. И. История педагогики и образования. М.: Гардарики, 2008. 526 с.
5. Евсеева Е. В. Самуил Маршак в Карелии: по материалам Национального архива Республики Карелия // Национальный архив Республики Карелия. URL: http://www.rkna.ru/index.php/component/content/article/675-deyatelnost/publikatsionnaya-deyatelnost/stati-publikatsii/2018/2445-samuil-marshak-v-karelii (дата обращения: 07.12.2024).
6. Викторова А. Л. В Петрозаводской детской колонии // «Я думал, чувствовал, я жил»: Воспоминания о С. Я. Маршаке. М.: Советский писатель, 1971. С. 123–127.
7. Егорова О. А. Дошкольные учреждения Карелии в первые годы Советской власти // За Советскую Карелию: воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск: Карелия, 1963. С. 508–513.
8. Народное образование Олонецкой губернии: ежемесячный педагогический журнал. 1919. № 3–4.
9. Положение дела народного образования в Олонецкой губернии: Доклад заведующего Губернским отделом народного образования о деятельности отдела. Петрозаводск, 1919. 112 с.
10. Олонецкая коммуна. 1920. 24 июня.

Н. Н. Кабытова

Организация досуга сельских жителей российской провинции в 1920-е гг.

В статье рассматриваются новые досуговые практики крестьян Самарской губернии в 1920-е гг. Выявляются формы и методы агитации и пропаганды коммунистических ценностей среди сельских жителей, анализируется соотношение традиций и новаций в эпоху внедрения «нового быта» в поведении различных социальных слоев населения российской провинции.

The article deals with the new leisure practices of peasants of Samara province in the 1920s. It reveals the forms and methods of agitation and propaganda of communist values among rural residents, analyses the relationship between tradition and innovation in the era of the introduction of ‘new life’ in the behaviour of different social strata of the population of the Russian province.

Ключевые слова: социокультурное пространство, крестьянская повседневность, организация досуга сельских жителей.

Key words: socio-cultural space, peasant everyday life, leisure organisation of rural residents.

Неотъемлемой частью жизнедеятельности человека является досуг, формы которого изменяются, как и все стороны жизни людей, в период перестройки

социально-политической системы государства. В 1920-е гг. определяющее влияние на формы организации социокультурного пространства как в городе, так и в сельской местности, оказывала социалистическая доктрина по воспитанию «нового советского человека». Изучение опыта реализации идеологии советской власти через различные формы культурно-просветительской деятельности, в том числе путем организации досуга, позволяет выявить истоки ментальности советских людей. На разных этапах историографического освоения проблемы советского культурного строительства названная тема затрагивалась опосредованно. В работах о жизни нэповской деревни рассматривались вопросы организации хозяйственной жизни, местного самоуправления, социокультурной сферы.

Методологические принципы особенностей изучения крестьянской повседневности были сформулированы в работе В. П. Данилова, возглавлявшего коллектив историков-аграрников [1]. Общие принципы выявления объективных и субъективных факторов, влиявших на поведение советских людей, были предложены в исследовании Н. Б. Лебиной, рассмотревшей социокультурную динамику советского общества [2]. В новейшей отечественной историографии начинается фронтальное изучение разнообразных аспектов повседневной жизни людей в разные исторические эпохи. Традиционно крестьяноведение выделяется в самостоятельный предмет исследования, рассматриваются, в том числе динамика изменений в материальной и духовной культуре населения на примерах отдельных региональных анклавов [3–7]. Комплекс исторических источников, характеризующих специфику досуговых практик крестьян Самарской губернии в 1920-е гг., сформирован на основе архивных материалов.

В истории советского общества 1920-е гг. характеризуются определенным дуализмом дискурса власти: в организации экономики допускались частнособственнические инициативы, а в политической и социокультурной сферах активно насаждались социалистические идеологемы. Культурно-просветительская деятельность советской власти в сельской местности преследовала несколько задач: добиться повышения культурно-образовательного уровня крестьянства, привить крестьянину марксистко-ленинские ценности, воспитать человека с новым советским мышлением. В связи с этим необходимо было создать развернутую сеть культурно-досуговых и образовательных учреждений. Эта работа приобрела широкомасштабный характер и продолжалась на всех этапах функционирования Советского государства. Основными культурными центрами стали избы-читальни, создававшиеся уже в первые годы советской власти. Однако в 1921–1922 гг. в связи со сложной продовольственной и финансовой обстановкой численность культурно-просветительных учреждений, особенно в районах тотального голода, значительно сократилась. В Самарской губернии постепенно, по мере восстановления народного хозяйства, стала увеличиваться и сеть изб-читален. Уже в 1923 г. функционировали избы-читальни в уездах: Самарском – 21, Мелекесском – 19, Бугурусланском – 23, Бузулукском – 17, Пугачевском – 17. Кроме того, в губернии имелось 16 изб-читален нацмен [8, л. 21]. Возникали они часто по инициативе самого населения.

Собственные помещения имело ограниченное количество изб-читален. Зачастую они размещались в обычной крестьянской избе. Иногда данные учреждения открывались при школах или сельсоветах. Были случаи, когда отведенные помещения для культурно-просветительных учреждений использовались не по назначению. Так, например, селькор под псевдонимом «Зоркий» из с. Спасское отмечал, что помещение, предназначенное для избы-читальни, занял под квартиру секретарь Спасского сельсовета [9, л. 34]. Слабость материальной базы отрицательно сказывалась на деятельности изб-читален. Отсутствие необходимого помещения, инвентаря, недостаточное количество средств не давали широко развернуть культурно-просветительную работу среди деревенского населения, выписывать необходимое количество газет, журналов, агитационно-пропагандистской литературы.

Для работы в избах-читальнях создавались постоянные кадры избачей, организовывались различные курсы деревенских культпросветчиков. Так, например, в активе Спасской избы-читальни числилось 34 чел. В него входили шесть учителей, четыре комсомольца, четыре взрослых крестьянина и крестьянская молодежь. Нагрузка работников читален была значительная. Они занимались организацией кружков, проводили беседы, зачитывали доклады на различные темы. В то же время принудительная мобилизация учителей и грамотных крестьян-красноармейцев для работы в избах-читальнях за незначительную, чисто символическую плату приводила к тому, что избачи нередко бросали свою работу [9, л. 42]. Тем не менее, несмотря на трудности в организации работы изб-читален, посещаемость в них была достаточно высокой. Жители села приходили послушать лекции, поучаствовать в беседах, узнать о текущих политических новостях. Особой популярностью они пользовались у местной молодежи. Реже их посещали взрослые крестьяне, мотивируя это недостатком свободного времени [9, л. 53]. Однако необходимо учитывать, что не все мероприятия в данных учреждениях импонировали старшему поколению. Отторжение у него, например, вызывала антирелигиозная пропаганда, а ссылались при этом крестьяне на отсутствие пользы от лекций.

Наибольших успехов избачи добились в ликвидации неграмотности путем приобщения крестьян к чтению. Так как их собственный книжный фонд был незначительным, в среднем к 1925 г. книжное имущество изб-читален составляло 150–300 книг, в них часто размещались библиотеки-передвижки [10, л. 89]. Организационной формой просветительской работы были кружки по интересам. Такие культурно-просветительские кружки, как правило, содержались на членские взносы, доходы с платных вечеров, концертов и спектаклей, пожертвования частных лиц. Так, например, в избе-читальне с. Спасское были организованы хоровая, лекционная, художественно-литературная, драматическая секции [11, л. 5]. Просветительный кружок избы-читальни в с. Березовка Самарского уезда организовал научную, драматическую, сельскохозяйственную и библиотечную секции [12, л. 12]. Особое внимание организаторы кружков уделяли распространению агрономических знаний среди крестьян, повышению уровня их общей грамотности, пропаганде современных методов и

технологий ведения хозяйства. Такие секции могли посещать все желающие, независимо от пола, вероисповедания и возраста. Не допускались в данные учреждения только лица, ограниченные в правах по суду [13, с. 55].

Через различные формы культурно-просветительской деятельности осуществлялась агитация и пропаганда, прежде всего идеологем советской власти. Во время выборов в местные советы или на революционных праздниках, проводились собрания крестьян, на которых зачитывались доклады, организовывались беседы, вечера вопросов и ответов. Агитаторы знакомили крестьян с декретами советской власти, проводили обсуждение вопросов внутренней и внешней политики государства. Помещения культурных учреждений в эти дни, как правило, украшались портретами политических деятелей, плакатами с политическими лозунгами и цветами.

Кроме изб-читален, на территории Самарской губернии культурно-просветительную деятельность осуществляли пока еще немногочисленные сельские клубы культуры. В них оборудовались комнаты для кружковой и спортивной работы, размещались библиотеки, обустраивались читальные залы. Ведущее место в деятельности клубных учреждений отводилось кружкам политического просвещения, но проводились и досуговые вечеринки. Собираясь в товарищеской обстановке, не только молодежь, но и взрослые участвовали в различных играх, танцах, коллективных плясках. Здесь же организовывались выступления физкультурников, живой газеты, постановка спектаклей [10, л. 29]. Однако материальная база подобных учреждений не позволяла в полной мере развернуть культурно-просветительную работу. Например, в с. Пестравка Пугачевского уезда при обследовании местного клуба, отмечалось, что его внутреннее обустройство было примитивным. Работал клуб только в вечернее время, помещение было довольно тесное, из мебели имелись только скамейки, а посещаемость составляла лишь 20–30 чел. [14, л. 17].

Для осуществления союза рабочего класса и крестьянства создавалась материальная база на губернском уровне, которая позволяла организовать шефство города над селом. В 1924 г. в Самаре открылся Дом крестьянина, который стал центром приобщения к городской культуре крестьянских делегатов различных форумов. На его базе за 1924 г. было проведено 28 вечеров «смычки рабочего класса с крестьянством», где присутствовало 16 390 крестьян. Были проведены беседы, касающиеся вопросов сельского хозяйства, торговли и промышленности, по санитарии и гигиене. Также организовывались экскурсии крестьян на фабрики, заводы и в красноармейские части, организовывались бесплатные походы в кино [15, с. 107].

Досуг крестьян имел свою специфику и организовывался преимущественно по окончании сельскохозяйственных работ. Большую часть времени крестьяне проводили в поле, времени посещать культурные учреждения просто не хватало. В связи с этим была развернута культурно-массовая работа в полевых условиях, где организовывались красные палатки. Их количество зависело от числа работавших крестьян. Одна палатка была рассчитана на 30–40 чел. Во время обеденного перерыва или отдыха в палатках дежурный актив (комсо-

мольцы и избач) производили раздачу книг, организацию игр, громкую читку газет, беседы. При палатке обязательно вывешивался рекомендательный список для прочтения литературы, не более чем на 2–3 книги [16, л. 65].

С повышением грамотности среди сельского населения значительное место в его досуге начинало занимать чтение книг, газет и журналов. Стационарные библиотеки в 1920-е гг. имелись только в уездных и волостных центрах, в более мелких селениях библиотечная работа была развита слабо или вовсе отсутствовала. В этой ситуации особой популярностью у крестьян пользовались библиотеки-передвижки. Уездные центральные и районные библиотеки помимо собственного села обслуживали и другие села. Так, Спасская районная библиотека, фонд которой содержал 4 134 книги, обслуживала восемь близлежащих сел и еженедельно отсылала в каждое по 20 книг [10, л. 19]. Огромную роль в развитии библиотечного дела на селе играла городская интеллигенция. Например, М.Н. Тихомиров активно проводил эту работу в селах Самарского уезда. При его содействии в глухих деревнях оборудовались помещения для библиотек, осуществлялась инвентаризация имевшейся и закупка новой литературы [17, с. 42].

Читательские предпочтения сельских жителей можно проанализировать на примере той же Спасской библиотеки. За август 1926 г. из 8 781 книги читателями были востребованы следующие произведения: антирелигиозные – 190, политические – 340, по естествознанию – 607, сельскохозяйственные – 607, беллетристика – 4 435, детская литература – 1 998 [14, л. 30]. В 1920-е гг. особой популярностью у сельского населения пользовались произведения поэтов и писателей-деревенщиков, образно выражавших мысли, чувства и настроения крестьян. Например, стихи Демьяна Бедного вообще становились народными припевками.

С середины 1920-х гг. особое место в досуговой культуре сельской молодежи начала занимать физкультура. Впервые вопрос о постановке физической культуры в деревне был поставлен на Президиуме ГСФК 31 октября 1925 г., когда были утверждены примерное положение о работе деревенского физкульткружка и методологическое указание по зимней работе. Уже к марту 1926 г. в Самарском уезде функционировало пять кружков, объединявших 155 физкультурников, в Пугачевском – шесть кружков в которых занимались 184 физкультурника. В марте 1926 г. в Самаре были проведены пятинедельные губернские курсы по подготовке инструкторов по физкультуре для села, по окончании которых 24 работника получили соответствующие удостоверения [18, л. 65].

Физкультурные кружки организовывались при избах-читальнях и школах. Ими руководили организаторы, выделенные ячейкой ВЛКСМ при совете избы-читальни. Для практической работы привлекались инструкторы по физической культуре, комсомольцы, имеющие спортивные навыки, демобилизованные красноармейцы [19, л. 12]. По замыслу организаторов физкультурного движения такие кружки должны были приобщать крестьян к спорту и ведению здорового образа жизни, а также отвлечь от аморального поведения. Для этого привлекались местные медицинские работники, которые выступали с лекциями

и беседами о пользе физических упражнений для здоровья, популяризировали навыки гигиены. Кроме того, сельские кружки физкультуры должны были организовывать спортивные площадки, катки, проводить прогулки и занятия по физкультуре, игры и соревнований среди местного населения [19, л. 45].

Организация физкультурного движения в деревне четко регламентировалась. При избах-читальнях создавался уголок физкультуры, в котором находилась специальная литература, различные диаграммы, таблицы, лозунги и плакаты [20, л. 12]. Активно проводилась пропаганда на подписку газет «Красный спорт», «Известия физической культуры», в которых содержался практический материал и хроники по всем вопросам физкультурной жизни. Газеты выходили еженедельно [20, л. 34].

В порядке «смычки города и деревни» значительную роль в развитии спортивно-массовой работы на селе сыграли городские кружки физкультуры, которые по возможности снабжали подшефные сельские кружки инвентарем и специальной литературой. Сельские кружки в свою очередь информировали шефов о проводимой ими работе [19, л. 37]. Все спортивные мероприятия, организованные местными властными структурами и общественными организациями, пользовались большой популярностью среди сельского населения. С 1926 г. стали активно проводиться спортивные соревнования между уездами. Так, в Бузулуке в мае состоялись соревнования по легкой атлетике, в которых приняла участие молодежь из Самарского, Пугачевского и Бузулукского уездов. Программа включала в себя бег на 60 м, прыжки в длину, переход по бревну, метание диска. Сельская молодежь принимала также активное участие в губернских праздниках физкультуры, на которых соревновались между собой уездные коллективы, обмениваясь опытом подготовки спортсменов [21]. В Самаре с 1 по 3 августа 1926 г. был проведен V Губернский праздник по физической культуре. К участию в нем допускалось от каждого уездного совета физкультуры по одному коллективу, состав которого регулировался: максимум составлял 20 чел., из них 12 мужчин и 8 женщин; а минимум –13 чел., из них 8 мужчин и 5 женщин [22, л. 24].

Особой популярностью среди сельского населения пользовался лыжный спорт. Местные советы физической культуры активно пропагандировали этот вид спорта как дешевый и быстрый способ передвижения зимой по бездорожным местностям. Так как фабричное производство не могло обеспечить массовый спрос на лыжи, они производились на местах из подручных материалов [19, л. 48]. Проводились коллективные лыжные соревнования и лыжный пробег, в которых принимали участие физкультурники сельских кружков [23]. И все же развитие массового спортивного движения тормозилось отсутствием материальных средств и инструкторов. Врачебный контроль за физкультурниками зачастую отсутствовал. Были случаи, когда к спортсменам вместо врача присылали ветеринарного фельдшера. При обследовании физкружка с. Михайловка Бугурусланского уезда выяснилось, что «инвентаря и литературы в кружке не хватает. Кружок не имеет специально оборудованной площадки, занятия проводятся на более-менее облагороженном пустыре. Из спортивного инвента-

ря есть только ядро, копье, 2 футбольных мяча. Занимается в кружке 37 человек – 25 мужчин и 12 женщин. Лиц специальных для ведения занятий нет, проводятся они самостоятельно. Материальных возможностей для оплаты инструктора нет» [24, л. 19].

Новым способом проведения досуга в деревне стало коллективное прослушивание радио. Радиопередачи постепенно завоевывали популярность среди сельского обывателя, так как их содержание было понятно даже неграмотным слушателям. Как правило, радиоустановки находились в сельском клубе, избе-читальне или в помещении сельсовета. Программа радиопередач включала: выпуски последних известий, трансляции концертов, тонфильмы. С 1926 г. начала транслироваться крестьянская радиогазета, освещавшая все стороны деревенской жизни. Материалом для радиопередач в основном служили письма, присылаемые самими крестьянами [6, с. 133].

Мощным идеологическим инструментом в деле просвещения крестьянства, как и всего советского народа, должен был стать кинематограф. Кино медленно, но настойчиво входило в культурную жизнь деревни. Несмотря на отсутствие денежных средств на закупку кинооборудования для сельской местности, к 1925 г. в Самарской губернии функционировали киноустановки по уездам: в Бузулукском – 3, Самарском – 2, Мелекесском – 2, Бугурусланском – 7, Пугачевском – 3. Кроме того имелось еще 5 кинопередвижек. Перед началом киносеанса показывали хроникально-документальный фильм, который освещал успехи передовиков промышленности и сельского хозяйства [10, л. 21]. Репертуар кино, в указанный период, был представлен художественными и документальными фильмами, пропагандирующими социалистические идеалы. Популярными среди крестьянского населения были фильмы: «Дорога к счастью», «Красный слуга», «Пожар на корабле», «Первые огни». Хотя репертуар кино не отличался разнообразием, показ кинофильмов как новое явление досуга, очень быстро завоевывал популярность среди крестьян. Они нередко приезжали за несколько верст, чтобы увидеть ту или иную кинокартину [10, л. 28].

Наряду с новыми формами досуговой деятельности, у крестьян продолжали пользоваться популярностью и традиционные способы проведения свободного времени. Важное место в досуговой культуре крестьянства занимали такие игры, как «Лапта», «Горелки», «Чушки», «Чижик». Стоит отметить, что подобные игры были распространены не только среди молодежи, но и среди взрослого населения.

В годы НЭПа в деревне сохранились развлечения, связанные с языческими обрядами: катание яиц на Пасху, гадание молодых девиц в ночь на Рождество, Масленица со сжиганием чучела и плясками. В зимнее время устраивались коллективные катания на санях. В праздники среди молодых людей устраивались кулачные бои [5, с. 191–195]. По-прежнему молодые люди собирались на посиделки, нередко сопровождавшиеся карточными играми, пьянками, песнями и частушками под гармошку [25, с. 741].

Академик М. Н. Тихомиров в своих воспоминаниях о самарском периоде жизни отмечал: «Тогда модным считался давно уже устаревший танец, носив-

ший название "Ту–степ", что означает два шага. Часто при въезде в село приходилось слышать этот "Ту–степ", на мотив которого распевалась такая песенка: "Карапет мой бедный, почему ты бледный? Оттого я бледный, потому что бедный. Чего тебе надо? Чего тебе нужно? Ничего не надо, ничего не нужно"» [17, с. 48]. Такая индифферентность из разоренной самарской деревни постепенно уступала место осмысленному организованному досугу.

Подводя итоги организации досуга населения сельской местности в начальный период «культурной революции» в СССР, отметим общее и особенное в этом процессе между центром и провинцией, городом и деревней. Все формы общественной жизни в 1920-е гг. определялись директивными указаниями центральной власти, направленными на воспитание новой генерации советских людей. Эти задачи выполняли различные общественные организации, формирующие через культурно-просветительские инициативы ценности коммунистической морали, выражавшиеся в коллективизме, социальной ответственности и дисциплинированности. При этом идеологические установки власти были направлены на унификацию социокультурного пространства города и деревни с учетом специфики не только общественного труда, но и организации досуга и быта населения.

Основными центрами создания общественной среды в сельской местности 1920-х гг. стали избы-читальни, на базе которых функционировали библиотечные пункты и кружки по интересам. Вся агитационно-пропагандистская работа среди крестьян организовывалась с привлечением кадров избачей и клубных работников. В досуговых практиках сельских жителей прочное место занимали коллективные мероприятия: посещение лекций и концертов, спортивные соревнования, прослушивание радиопередач и просмотр кинофильмов. Традиционные способы проведения свободного времени – игры, вечерки, посиделки – никуда не исчезли из жизни крестьян, но они приобрели камерный характер. Массовые общественные мероприятия как форма досуга стали пользоваться большей популярностью у сельских жителей.

Список литературы

1. Данилов В. П. К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни // Советская культура: история и современность / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1983. С. 376–389.

2. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 482 с.

3. Гатауллина И. А. Крестьянская повседневность: быт средневолжской деревни в 1920-е гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 1. Гуманитарные науки. С. 156–163.

4. Давыдов Д.В. Культура крестьянской повседневности 1920-х гг. (по материалам ТАССР): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2012. 497 с.

5. Лебедева Л. В. Повседневная жизнь российской деревни в 20-е годы XX века: традиции и перемены: На материалах Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 256 с.

6. Полянскова Л. Ю. Политика Советского государства по формированию нового социокультурного облика крестьянства в период НЭПа: на примере Самарской, Пензенской, Ульяновской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2009. 312 с.

7. Хисамутдинова Р. Р., Ажигулова А. И. Влияние сталинской модернизации на повседневную жизнь сельского населения // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции 2–4 апреля 2020 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 3. С. 184–188.
8. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 2588.
9. ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 151.
10. ЦГАСО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 141.
11. ЦГАСО. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 105.
12. ЦГАСО.Ф. 1252. Оп. 1. Д. 143.
13. Обзор состояния сельского хозяйства Самарской губернии и мероприятия, проведенные в 1924–1925 операционном году. Самара: б.и., 1926. 438 с.
14. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 53.Оп. 1. Д. 281.
15. Культурное строительство в Куйбышевской области. 1917–1937 гг. Сборник документов. Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. 312 с.
16. СОГАСПИ. Ф. 53.Оп. 1. Д. 418.
17. Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923 гг.). Самара: Самарский университет, 1993. 70 с.
18. СОГАСПИ. Ф.53. Оп. 1. Д. 345.
19. ЦГАСО. Ф. 3311. Оп. 1. Д. 3.
20. ЦГАСО. Ф. 3311. Оп. 1. Д. 4.
21. Волжская коммуна. 1926. 24 мая.
22. ЦГАСО. Ф. 3311. Оп. 1. Д. 5.
23. Волжская коммуна. 1927. 25 января.
24. СОГАСПИ. Ф. 9388. Оп. 12. Д. 73.
25. Коротин Ю. Н. Досуг молодежи в 20-е гг. XX века (на материалах Самарской и Пензенской губерний) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 740–743.

Е. В. Жбанкова

Досуг советских трудящихся в 1920-е гг.

В 1920-е гг. досугу советских трудящихся уделялось большое внимание. Свободное время рабочего человека должно было быть правильно организовано. Одной из самых популярных форм досуга являлась массовая пляска, признанная и теоретиками, и практиками наилучшим видом физического и идеологического воспитания. Пляска должна была занять место дореволюционного бального (салонного) общественного танца в быту советских граждан.

In the 1920s, much attention was paid to the leisure of Soviet workers. The free time of a working person had to be properly organized. One of the most popular forms of leisure was mass dancing, recognized by both theorists and practitioners as the best form of physical and ideological education. The dance was supposed to take the place of the pre-revolutionary ballroom (salon) public dance in the everyday life of Soviet citizens.

Ключевые слова: досуг, бальный танец, пролетариат, советская власть, массовая пляска, идеология.

Key words: leisure, ballroom dance, proletariat, Soviet power, mass dance, ideology.

В первые годы советской власти вопрос о досуге советских трудящихся был чрезвычайно актуален. Считалось, что одним из главных завоеваний революции является появление у трудового народа возможности отдыхать после работы. А как должен отдыхать советский гражданин? Конечно, не так, как отдыхали представители разных социальных слоев в дореволюционной России.

Тогда, до революции, одной из основных форм досуга был бальный (салонный) танец, который, конечно, не мог стать официально рекомендуемой формой проведения свободного времени для пролетариата.

Однако желание танцевать в обществе у каждого человека, особенно молодого, является почти инстинктивным и не зависит от его происхождения. Во время Гражданской войны общественный танец в целом практиковался не интенсивно. Объясняется это элементарными вещами: голодом, отсутствием тепла и света, ощущением постоянной опасности для жизни. Нелишне здесь отметить, что практика устройства публичных балов была прекращена в России еще в 1914 г. с началом Первой мировой войны, по тем же самым причинам.

После окончания Гражданской войны, а особенно с началом нэпа, ситуация в области общественного танца изменилась. Стабилизировалась обстановка, появилась целая прослойка людей, которые начинали заполнять свой досуг танцами, пытаясь освоить как классический репертуар дореволюционного бала, так и зарубежные новинки. Пролетарская и даже крестьянская молодежь следом за ними начинала танцевать эти же танцы на своих вечеринках и гулянках. Данный факт руководство Советским государством расценивало как проникновение буржуазной идеологии в пролетарскую среду и старалось принимать меры. Общественный танец стал одним из символов нэповского мелкобуржуазного, мещанского влияния и поэтому стал подвергаться всесторонней критике, каким-то отдельным запретам и гонениям. Так, например, в 1924 г. специальным постановлением Моссовета были запрещены танцы в общественных местах [1, л. 76].

В середине 1920-х гг. после работы I Всероссийского совещания по художественной работе, проводимого Главполитпросветом, после II Всесоюзного культсовещания профсоюзов и Всесоюзного совещания комсомола по клубной работе, а главное, в связи с ростом интереса молодежи к танцу, он был официально допущен в практику работы культучреждений [2, с. 5]. Сам А. В. Луначарский, нарком просвещения, неоднократно отмечал постоянное тяготение самых широких народных масс к хореографии [3].

Теперь советским идеологам нужно было найти ответ на вопрос, какой общественный танец подходит пролетариату. При общем отрицательном отношении к «салону» начинается поиск новых форм танца, который должен был соответствовать атмосфере эпохи строительства нового общества. Теперь общественный танец нужен был человеку как способ физического и даже идеологического совершенствования.

Что же танцевала на своих вечеринках советская молодежь, находящаяся в стороне от теоретических рассуждений по поводу танца? 1920-е гг. – это время фокстрота в Европе, послужившего основой для создания целого ряда модных

бальных танцев: шимми, чарльстон, линди-хоп, блэк боттом, а также блюз, слоу-фокс, квик-степ, марш-фокс, блюз-фокс и т.д., которые пользовались огромной популярностью и танцевались во всех европейских странах. Практически все эти танцы постепенно начинали исполняться и в СССР на вечеринках, в ресторанах, в кинотеатрах, на эстраде.

Пресса начала 1920-х гг. всячески разоблачала их буржуазную сущность. К примеру, некий Гайк Адонц писал о том, что «сегодняшние пляски отличаются поразительным бесстыдством, антихудожественностью, откровенно угождают половому чувству в самых животных, т.е. самых грубых, проявлениях… Если нэпман хочет развлекаться, пусть он устраивает эти танцы у себя дома… Даже в некоторых рабочих районах господа фокстротеры выступают и, кажется, пользуются успехом. Нам кажется, что пока эта зараза не проникла вглубь, мы должны раз навсегда поставить на ней крест, то есть воспретить исполнение этих безобразных танцев. В революционной Республике этой порнографии не место» [4, с. 2].

М. Горький в знаменитом фельетоне «О музыке толстых» писал: «Это музыка для толстых. Это – эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от музыки Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров, которые, наверное, тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят все дальше…» [5, с. 351].

Нарекания и обвинения в отношении бальных танцев сводились к двум направлениям: дружно ругали танцы фокстротного плана и танцы характера танго. К танго претензии предъявлялись из-за ярко выраженной сексуальности, проявляющейся в медленном сладострастном ритме. Танго сравнивали, к примеру, с народными способами усыпления маленьких детей с помощью маковой головки или намоченного в водке конца полотенца [6, л. 18].

Советские руководители в своих претензиях к современному танцу были не одиноки. Президент Французской Республики присоединился к решению европейских дворов не допускать танго на придворных торжествах, а немецкий император запретил офицерам танцевать в военной форме уон-степ, тустеп и танго [7].

Весьма интересно выглядели в новой исторической постреволюционной эпохе некоторые привычки, связанные с салоном. Издавна в России существовала практика устройства благотворительных балов.

Достойно удивления, что в 1920-е гг., оказывается, также существовала практика благотворительных балов в среде советских служащих. В журнале «Крокодил» была помещена заметка о том, что рабкоры прядильно-ткацкой фабрики «Коммунистический авангард» в пользу семьи убитого селькора Малиновского устроили танцевальный вечер. Собрано было 32 р. 50 к., из которых за музыку было отдано 32 р. Автор заметки справедливо отмечал: «Пусть рабкоры с «Авангарда» сами себя спросят: 1) стоило ли из-за полтинника пускаться в пляс; 2) неужели у рабкоров не было других средств достать для семьи убитого товарища 50 коп. помимо отплясывания по этому поводу?» [8]

Занимались организацией благотворительных балов такие организации, как Наркомпрос, Моссовет, Губрабис, МОНО, Губкомпомгол и Губполитпросвет [9, л. 1].

Тем не менее отношение к общественному танцу все время оставалось противоречивым. С одной стороны, его не допускали в практику культучреждений, но и не запрещали совсем; всесторонне критиковали, но получали отчисления с проведения балов, ругали модные западные новинки и радели за распространение современной танцевальной музыки. Например, председатель ВЦСПС, член Президиума ВЦИК М. П. Томский в одном из своих выступлений заявил, что танцевать не возбраняется даже коммунисту, если он молод, здоров и умеет танцевать. Высказывание Томского стало основой для карикатуры в «Крокодиле». В ней были изображены четыре танцующие пары с ярко выраженным портретным сходством. Подпись к рисунку гласила: «…что было бы, если бы старая гвардия умела танцевать. В верхней паре слева тт. Томский и Рязанов танцуют "хиавату" (танцуют, как известно, в разные стороны). Справа тт. Калинин и Ларин пляшут вприсядку ("Присядьте, уважаемый товарищ"). Внизу: тт. Клара Цеткин и Радек пляшут русскую (к сожалению, на немецкий манер). Рядом – т. Луначарский со своим любимым партнером Крокодилом исполняет "хавтайм" (по-комсомольски "хватай". Кто кого хватает – не выяснено)» [10, с. 13].

При всем понимании сложности и важности проблемы, вопрос о том, какой же танец должен был исполняться на вечеринках советских людей, оставался открытым. При официальной критике одних танцев, интерес к которым был огромен, пропаганде других, которые уже устарели, попыткам найти нечто совсем новое, вырисовывалась общая картина отношения к танцу как к средству физического воспитания. В качестве единственно возможной и желательной, соответствующей всем идеологическим требованиям была признана массовая форма танца (пляска). Она была названа частью физкультурной работы, которая в целом должна была служить задачам воспитания широких масс в коммунистическом духе. Лицами, профессионально занимавшимися разработкой массовых танцев, было признано, что пляской можно дать отпор аполитичности и внести в нее элементы классового воспитания [11, с. 6].

Пляска признавалась одним из средств организации отдыха трудящихся после трудового дня, т. е. выступала как важная часть досуга.

Она была названа началом воспитывающим, так как могла служить подсобным средством при организации коллектива. Благодаря согласованности движения с музыкой, пляска, по общему признанию, дисциплинирующе действовала на неорганизованный коллектив, объединяя всех участников в одном общем, точно установленном действии.

Пляска, благодаря своей эмоциональной насыщенности, должна была способствовать созданию бодрого творческого настроения, развитию координации движений. Она действовала благоприятно на органы кровообращения, на дыхательные органы, особенно в соединении с речью и пением, тем самым оздоравливающе влияя на организм.

Наконец, самое важное для реалий 1920-х гг. – пляска должна была служить целям агитации и пропаганды, должна была, так же, как и все виды массовой работы, быть оружием классового воспитания. «Мы должны использовать пляску как одно из средств воспитания нового человека, ударника и активного борца за социализм, за генеральную линию партии» [11, с. 10].

Было даже составлено так называемое «Временное положение о пляске», которым надо было руководствоваться всем клубным работникам и работникам физической культуры, контролирующим хореографическую деятельность населения. «Временное положение о пляске и танцах в клубе как факторе физического воспитания» было утверждено Пленумом Научно-технического комитета Высшего совета физической культуры (НТК ВСФК) 18 июля 1925 г. [9, л. 56], что доказывает всю серьезность отношения руководства страны к общественной хореографии и месте, занимаемом ею в общей физической культуре.

«Положение» настойчиво рекомендовало культивирование народных плясок. В том случае, все же, когда практиковались клубные (бальные) танцы, они обязательно должны были чередоваться с народной пляской. Народные пляски были поделены на три категории: пляски народов, входящих в состав РСФСР и УССР; пляски других народов, входящих в СССР (кавказские, крымские, киргизские и пр.); пляски других народов, не входящих в СССР (испанские, венгерские и пр.).

Все эти пляски делились по числу исполнителей на индивидуальные (сольные), парные и коллективные. Образцами сольных плясок назывались «Камаринская», «Барыня», «Трепак»; парных – «Во саду ли, в огороде», «По улице мостовой»; коллективных – хороводы, «Метелица» и т.п.

«Положением» категорически не допускались ни в школьных и пионерских коллективах, ни в собраниях взрослых в клубах, на вечеринках, эстраде, ни на танцевальных курсах такие танцы, как танго и фокстрот.

Из бальных, теперь клубных танцев, официально допускались на общественных собраниях и танцевальных курсах следующие: падепатинер, венгерка, падекатр, падеспань, краковяк, гейша, тарантелла, хиавата, миньон, вальс, мазурка и пр.

«Положение» сохраняло статус закона для клубной работы в области хореографии вплоть до 1930-х гг., когда перечень танцев, разрешенных к исполнению в клубе, был значительно расширен, и в него вошли и танго, и фокстрот.

В деле организации досуга молодежи в 1920-е гг. массовые танцы играли положительную роль, исполняясь на вечерах и праздниках. Большинство из них не требовали предварительной подготовки и могли быть разучены прямо в ходе мероприятия. Но все-таки какой-то процент танцев требовал элементарных хореографических знаний, которые люди получали на занятиях в кружках физкультуры, так как специальных хореографических кружков пока еще не было. Инструкторам физкультуры, которые вводили в свои уроки элементы хореографии, настоятельно рекомендовалось не прививать своим ученикам внешней красивости движения, подразумевая под этим заучивание разнообразных поз. Считалось, что подобный метод обучения развивает у ученика дурной вкус, прививает ему штамп, вырабатывает из молодежи «кривляк, идеально подра-

жающих буржуазно-мещанским кисейным барышням, или же балету самого дурного тона, подделывающемуся под те же мещанские вкусы обывателей» [12, с. 11–12].

Вместо этого путем внедрения пляски, разнообразных импровизационных танцевальных композиций надо было добиваться телесного здоровья, хорошо развитых мускулатуры и связок, подвижных и гибких суставов как основы любого красивого движения. Таким образом, массовая пляска в теории и иногда на практике действительно выглядела как серьезное физкультурное средство и хорошая форма организации досуга.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7576. Оп. 3. Д. 4.
2. Касьянова Е. В. Пути развития советской бальной хореографии. М.: ГИТИС, 1987. 207 с.
3. Луначарский А. В. Речь на юбилее Е. В. Гельцер // Культура театра. 1921. № 4. С. 56–58.
4. Гайк Адонц. Новый вид порнографии. Танец фокстрот // Жизнь искусства. 1923. № 37. С. 1–2.
5. Горький А. М. О музыке толстых // Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М.: Художественная литература, 1953. 464 с.
6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 645. Оп. 1. Д. 337.
7. Брик О. М. Судьба танца // Зрелища. 1922. № 23. С. 10.
8. Отплясывающие рабкоры // Крокодил. 1924. № 22. С. 11.
9. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 3. Д. 31.
10. Что было бы, если бы… // Крокодил. 1924. № 26. С. 13.
11. Александрова Н., Бурцева М., Шишмарева Е. Массовые агитпляски. М.-Л.: Огиз-Физкультура и туризм, 1931. 58 с.
12. Бурцева М. Е. Художественное движение. М.-Л.: Физкультура и спорт, 1930. 185 с.

И. В. Сидорчук, С. А. Данилова

К вопросу о границах нормы и аномалии в досуге советских горожан 1920-х гг.*

В исследовании рассмотрены некоторые особенности подхода к изучению досуга в 1920-е гг. через дихотомию «норма – аномалия», чье использование закрепилось в отечественной историографии раннесоветской повседневности. В условиях активного конструирования молодой советской властью новой досуговой политики существовало четкое разделение форм проведения свободного времени на поощряемые и осуждаемые. При этом те, что позиционировались как культурные, при определенных обстоятельствах легко превращались в осуждаемые и преследуемые, тогда как отношение к видам досуга, объявленным девиантными, оставалось неизменно критическим. Представляется, что это во многом было следствием торжества запретительного начала над разрешительным, в целом характерного для советской системы, и вело к ограничению роста досуговой культуры.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01790, https://rscf.ru/project/24-28-01790/

The research addresses some features of the approach to the study of leisure in the 1920s through the dichotomy “norm – abnormality”. Use of it has become established in the Russian historiography of early Soviet everyday life. While the young Soviet authorities actively constructed a new leisure policy, there was a clear division of forms of spending free time into encouraged and condemned. At the same time, those that were positioned as cultural and “reasonable”, under certain circumstances, were easily transformed into condemned and persecuted. However, the attitude towards leisure activities declared deviant remained invariably critical. It seems that this was largely a consequence of the triumph of the prohibitionist over the permissive principle, which was generally characteristic of the Soviet system, and led to the limitation of the growth of leisure culture.

Ключевые слова: история досуга, история повседневности, девиантный досуг, советская повседневность, историческая антропология, досуговедение.

Key words: the history of leisure, the history of everyday life, deviant leisure, Soviet everyday life, historical anthropology, leisure studies.

В отечественной историографии, касающейся изучения проблем культурно-антропологического развития городского социума 1920-х гг., к настоящему времени вполне прочно закрепилось представление о перспективности реконструкции раннесоветской повседневности через дихотомию «норма – аномалия». Ключевую роль в этом сыграли исследования Н. Б. Лебиной [1 и др.], во многом ставшие определяющими для развития данного направления исторической науки. Подобный подход оказался абсолютно уместен и применительно к изучению истории досуга периода 1920-х гг. [см.: 2–5]. При его рассмотрении нельзя не принимать во внимание прескриптивный и последовательный характер участия советской власти в выстраивании досуговой политики. Конечно, определение степени реального проникновения властных досуговых установок в повседневную жизнь населения весьма проблематично, однако исследователь без труда может понять, какой ответ предлагался обывателю на вопрос о том, как отдыхать правильно, а как – нет. Одновременно представляется релевантным обозначить некоторые особенности обращения к указанному подходу с учетом частой непоследовательности досуговой политики, а также ее зависимости от многочисленных социальных, политических и экономических метаморфоз.

Курс на «культурную революцию» подразумевал максимальное приобщение к поощряемым, «разумным» формам досуга, которые должны были при этом не только способствовать просвещению и воспитанию, но и по-настоящему привлекать массы, давать им отдых и развлечение. При этом обращение к ним показывает, что при определенных обстоятельствах каждая могла осуждаться. Так, одной из самых распространенных форм досуга горожан в 1920-е гг. был кинематограф – доступное, массовое и понятное зрелище, которому уделялось огромное внимание как средству культурно-просветительной работы. Согласно известным словам Л. Д. Троцкого, это «великий конкурент не только кабака, но и церкви», орудие, которым нужно овладеть «во что бы то ни стало!» [6]. Но полезным, разумеется, признавалось далеко не каждое кино. Переживая по поводу зрительского предпочтения иностранных картин, один кри-

тик писал: «Прямо зависть берет, когда какие-то неуклюжие Паты, суетливые Монти Бенисы и прочие завоевывают себе известность и симпатии у широких кругов советского зрителя и конкурируют с идеологически выдержанными советскими картинами» [7]. Считалось, что «американщина», т. е. исключительная популярность западного, и прежде всего американского кино [8, p. 48–49; 9], ведет к омещаниванию и распространению различных пороков. Доставалась своя порция критики и ряду отечественных картин, а в конце десятилетия активизировалось изъятие «идеологически непригодных фильмов» [10, л. 44 об.].

Аналогичной была ситуация с театром – далеко не все постановки признавались полезными, тогда как в целом этот вид культурного досуга безусловно поддерживался. В источниках встречается масса свидетельств о постановках на сценах как профессиональных, так и любительских театров непозволительных спектаклей и представлений [11, с. 119]. Это приносило прибыль театрам и клубам, но вызывало обсуждение и критику на заседаниях культотделов, в прессе и пр. Например, неблагополучность дела показал первый общественный межсоюзный просмотр эстрадных коллективов, организованный культотделом Московского городского совета профессиональных союзов в 1929 г.: «Тот же лапотный дуэт, с тугими остротами, традиционной скороговоркой, “ложными уходами”, карикатурным плясом “барыни”. Та же цирковая эксцентрика и акробатика и неизбежное “яблочко”» [12]. В условиях нэпа переведенные на хозрасчет театры и клубы ради выживания стремились угодить либо невзыскательным, либо консервативным вкусам публики [13, p. 107; 14, с. 45], т. е. ситуация была схожей с выбором кинокартин – процветание театра и кино зависело от симпатий улицы [15].

Одним из символов советской досуговой революции стали попытки активнейшей интеграции в повседневность физической культуры и спорта, которые считались общественно значимой деятельностью, формой социальной реализации, престижной социальной нишей, неотъемлемой частью «правильного» досуга [16]. Однако и здесь все могло быть не таким однозначным. Например, широко обсуждался вопрос о «чемпионстве» – погоне за результатом, увлечением соревнованиями, соперничестве, что считалось «накипью системы капиталистического общества», отсылкой к буржуазному спорту [17, л. 14]. Критиковалась также практика увлечения каким-либо одним видом спорта, обычно футболом или хоккеем [18, л. 34; 19, л. 74].

Большое внимание уделялось организации различного рода экскурсий, опять же в контексте их использования в рамках культурно-просветительной или оздоровительной работы. Однако, если, например, в музее, устроенном в бывшем частном дворце или усадьбе, в ходе экскурсии игнорировались темы социального неравенства, угнетения трудящихся при царизме или эксплуатации крестьян [20, л. 39–39 об.], считалось, что от нее не было пользы. Загородные поездки также признавались «бесцельными», если в них отсутствовало политическое содержание. В таком случае их могли презрительно называть «бродяжничеством», считая не просто лишенными всякой ценности, но и однозначно вредными [21].

Даже чтение могло осуждаться, например в случае с зарубежными детективными историями или бульварными романами. Тогда оно подавалось в одном ряду с такими формами досуга, как пьянство, откровенные танцы и безделье [22]. Кроме этого, чтение было пассивным досугом, и если человек проводил все свое свободное время в помещении над книгой или газетой, это не считалось правильным выбором.

Отчасти схожей была ситуация с любительским рыболовством. Энтузиастам его развития ради властной поддержки приходилось доказывать, что это не просто пассивное времяпрепровождение (да еще и в одиночестве), а здоровый, активный и полезный вид досуга на свежем воздухе, разновидность спорта [23]. Тем не менее в источниках данного периода регулярно встречается описание ловли рыбы как чего-то недостаточно уместного, что стало особенно заметно с началом индустриализации: оно могло описываться как попытка скрыться от труда, борьбы за выполнение плана и своего долга ради нехитрого развлечения [24, с. 3].

Таким образом, культурные формы досуга при определенных обстоятельствах легко превращались в девиации, т. е. начинали осуждаться и даже преследоваться. При этом такого совершенно нельзя сказать о досуговых практиках, отклоняющихся от нормы. Их набор был вполне четко описан в официозном дискурсе. С одной стороны, это те, что воспринимались таковыми и в предшествующий период. Речь идет о пьянстве (и наркотизме в целом), пользовании услугами проституток, хулиганстве, азартных играх и т. п. С другой – раннесоветская эпоха стала временем переосмысления прочно устоявшихся норм и ценностей с позиции государственной идеологии, что привело к осуждению таких форм досуга, как, например, исполнение религиозных обрядов или того, что признавалось «мещанскими пережитками» – привычки наряжаться или ходить на вечеринки с «буржуазными» танцами. Они неизменно порицались, различия могли быть лишь в степени агрессивности критики и решительности предлагаемых для их изживания мер. Отметим, что в современных исследованиях, отклоняющихся от нормы досуговых практик, подобная нетерпимость не считается корректной. В частности, говорится о том, что обращение к ним может являться безопасным для окружающих путем самореализации и выражения творческой экспрессии, например, когда речь идет о некоторых андеграундных субкультурах [25].

Подводя итог, отметим, что в раннесоветских реалиях граница между нормой и аномалией в досуге не была непреодолимой, однако только в случае с «разумными» его формами: при определенных условиях обращение к ним осуждалось. Представляется, что это во многом было следствием особенностей советской системы, в которой разрешительное начало уступало место запретительному. Активные попытки регламентации и искусственного конструирования досуговой культуры вели к ограничению ее роста, убирая из досуга главный фактор полноценного развития – высокую степень свободы действий его потребителей. Одновременно важно отметить, что одной из главных причин подобной досуговой политики было искреннее стремление власти к скорейшему повышению культурного уровня населения.

Список литературы

1. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»: Летний Сад, 1999. 316 с.

2. Ульянова С. Б., Офицерова Н. В. Фоновые досуговые практики советских городских рабочих в 1920-е гг. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. Сургут: СурГУ, 2015. С. 618–629.

3. Панин С. Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2002.

4. Бехтерева Л. Н. Эволюция культурного досуга городского населения в 1920-е гг.: региональный аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 86–91.

5. Сидорчук И. В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг. СПб.: Политех-Пресс, 2022. 608 с.

6. Троцкий Л. Д. Водка, церковь и кинематограф / Сочинения. Т. 21. Культура переходного периода. М.; Л., 1927. Т. 21. С. 22–26.

7. Не забывайте о смехе // Кино. 1926. № 48(168). 27 ноября. С. 2.

8. Taylor R. Ideology and popular culture in Soviet cinema: The kiss of Mary Pickford // Lawton A. (Ed.) The Red Screen. Politics, society, art in Soviet cinema. New York; London, 2003. P. 42–65.

9. Американщина (Из книги о кинематографии Кулешова) // Кино-фот. 1922. № 1. С. 14.

10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-896. Оп. 1. Д. 1.

11. Ворошилова Н. В., Толмачева А. В., Гуйванская Ю. А. Культурно-досуговая сфера повседневной жизни красноярцев в 1930-е гг. XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 1. С. 119.

12. Валерин С. В плену старой эстрады. На межсоюзном просмотре клубных кружков // Вечерняя Москва. 1929. № 95. 25 апреля. С. 3.

13. Mally L. Revolutionary Acts. Amateur Theater and the Soviet State, 1917–1938. Ithaca: Cornell University Press, 2016.

14. Ворошилова Н. В., Клименкова Э. А. Эволюция репертуаров театров Красноярска в 1920-е годы // Культура и искусство: поиски и открытия: сб. науч. ст. Кемерово: Кемеровский гос. ин-т культуры, 2016. С. 41–46.

15. Гудкова В. Смена караула, или Новый театральный зритель 1920-х годов // Новое литературное обозрение. 2013. № 5. С. 104–130.

16. Хорошева А. В. Физическая культура в советской повседневности в 1920–1930-е годы // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: материалы IX международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М.: РОССПЭН: Ельцин центр, 2017. С. 541–550.

17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 6276. Оп. 51. Д. 17.

18. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-202к. Оп. 2. Д. 2.

19. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-202к. Оп. 2. Д. 117.

20. ЦГА СПб. Ф. Р-4621. Оп. 1. Д. 2241.

21. На борьбу с бродяжничеством // Бюллетень туриста. 1930. № 4–5. С. 5–6.

22. Отдых с точки зрения мещанина // Культура и быт. 1932. № 15. С. 21.

23. Сидорчук И. В. Любительское рыболовство в Петрограде: интернационализм и автономия на переломе эпох // Россия в глобальном мире. 2021. № 20(43). С. 87–96.

24. А. С. Ловим рыбку // Стапель. 1929. № 18(30). 8 октября. С. 3.

25. Williams D. J. Contemporary vampires and (blood-red) leisure: Should we be afraid of the dark? // Leisure/ Loisir. 2008. Vol. 32. № 2. P. 513–539.

Т. П. Тетеревлева, Е. Е. Шурупова

«Перевоспитание заключенных трудом и культурным отдыхом»: *досуг* в структуре повседневности Соловецкого лагеря особого назначения 1920-х гг.

История Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) представляет собой важный объект исследований, благодаря своей значимости в системе ГУЛАГ и уникальным аспектам лагерной жизни. В настоящей статье освещается специфика повседневности СЛОНа, включая особенности организации нерабочего времени как заключенных, так и охраны лагеря. Рассматриваются отдельные формы досуга, взаимоотношения между заключенными и охраной, а также социальные и психологические аспекты, которые влияли на жизнь внутри лагеря.

The history of the Solovetsky Special Purpose Camp (SLON) is an important object of research due to its significance in the GULAG system and the unique aspects of the camp life. This article is devoted to the specifics of everyday life in SLON, including the peculiarities of the organization of non-working time for both prisoners and camp guards. The study examines some forms of leisure, the relationship between prisoners and guards, as well as the social and psychological aspects that influenced daily life in the camp.

Ключевые слова: Соловецкий лагерь особого назначения, красноармейцы, заключенные, история повседневности, досуг.

Key words: Solovki camp, Red Army soldiers, prisoners, history of everyday life, leisure.

В исследованиях повседневности необходимо разграничивать понятия «отдых» и «досуг». Так, категория «отдых» подразумевает удовлетворение в первую очередь биологических потребностей, а «досуг» – категория социальная, отражающая общественную и духовную сущность личности [1, с. 122–123].

В советском обществе, следовавшем марксистскому учению, пропагандировался активный отдых гражданина, в отличие от праздности «буржуя», его главного идеологического врага. Именно поэтому концепция «исправления» заключенных, заложенная на самом раннем этапе в основу советской пенитенциарной системы, предполагала не только «перевоспитание трудом, но и приобщение тех, кто подлежал такому «исправлению», к новым формам досуга, «культурному отдыху». «Советская власть не карает, а исправляет» – таков был общий лозунг 1920-х гг., и «советская тюрьма должна была заменить подавляемого арестанта царских времен заключенным, обретающим сознательность и интегрирующимся в новое социалистическое общество» [2, с. 103].

История Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) изучена довольно хорошо. Исследователи указывают, с одной стороны, на то, что именно опыт СЛОНа был положен в основу гулаговской системы [3], но, с другой стороны, делают акцент на специфике Соловецкого лагеря, заключавшейся в том числе в организации лагерной повседневности, прежде всего нерабочего времени как заключенных, так и охраны лагеря.

Одним из подразделений лагеря был так называемый культурно-просветительный отдел [4, с. 58–68], в задачи которого входила ликвидация неграмотности и предоставление заключенным в дни отдыха максимума культурных развлечений [4, с. 58], в основном через работу нескольких соловецких театров, библиотек, клубов-читален и школ.

Так, красноармейцы, служившие в охране лагеря, в свободное время должны были посещать кружки: в них числились до 85 % служащих охраны. Изначально при лагере были созданы радио- и общеобразовательный кружки, а также кружки сельсоветчиков, кооператоров, избачей (работников изб-читален), позднее к ним добавились кружки военкоров и художественной пропаганды. Командование лагеря отмечало особый интерес красноармейцев, более половины которых составляли уроженцы уездов Архангельской губернии, к сельскохозяйственному кружку. Как отмечалось, программа кружка была рассчитана «на 40 бесед – 80 часов и разработана применительно к запросам северного крестьянина. В течение летних месяцев кружком будут вестись практические показательные работы, для чего отводится участок земли и уже приобретены семена некоторых растений» [5, л. 106].

Особое внимание уделялось занятиям спортом и военной подготовкой. Последнее на фоне долгих смен караульной службы не вызывало энтузиазма у красноармейцев: «На стенках постовой будки пишут: “Нас эксплуатируют, заставляют проходить тактические занятия, а потом посылают в караул”» [5, л. 32 об.]. На Соловках существовало объединенное спортивное общество «Динамо», куда входили красноармейцы из числа охраны. Силами заключенных был также построен тир с двигающимися мишенями. Проектировал лагерный своего рода спортивный комплекс не кто иной, как известный мыслитель и публицист, а в середине 1920-х гг. заключенный СЛОНа Б. Л. Солоневич. Он так вспоминал об этом:

«Мы обошли место строящегося тира, и я дал свои соображения относительно его устройства.

¾ Падающие мишени? – с интересом переспросил командир. – Это дело. А вы беретесь это устроить?

¾ Конечно. Я бы даже сказал, что местность позволяет устроить здесь не только тир, но и спорт-городок, футбольную площадку, водную станцию на озере и ряд физкультурных развлечений. Для красноармейцев и вольнонаемных лагеря это было бы и интересным, и полезным занятием. Да и потом, это для лагеря по-ка-за-тель-но вообще...

Угрюмый чекист внимательно посмотрел на меня. /…/

Так была создана на Соловках спорт-станция. /…/ В тоскливую жизнь лагерного кремля спорт-станция вносила свою капельку радости: в праздник усталые люди приходили сыграть в городки или просто поговорить друг с другом, не боясь на открытом воздухе вездесущих шпионских ушей, а зимой – отдохнуть от гама, скученности и спёртого воздуха своих общежитий. Спортом занимались почти исключительно одни красноармейцы» [6].

Несмотря на то что «ни о какой серьезной постановке спорта среди заключенных и речи не поднималось, но станция была нужна для чекистов и, главное, являлась прекрасным рекламным штрихом в общей картине СЛОНа», тот же Солоневич написал в лагере работу «Физическая культура как метод пенитенциарии», где, по его собственным словам, «доказывал, что советская физкультура в лагере перековывает анархистские инстинкты уголовника и злобную враждебность контрреволюционера в светлый тип социалистического строителя, с соответствующим энтузиазмом, жертвенностью, дисциплиной, коллективным духом и другими необходимыми советскому гражданину качествами. Этот мой доклад был торжественно встречен начальством и напечатан в научном журнале «Криминологический Вестник» [6].

Кроме того, в свободное от несения службы время красноармейцы были обязаны посещать занятия по политическому просвещению. Для этих целей в дивизионах были организованы партшколы первой и второй ступеней, ежегодно «партпросвещение» было обязательным для красноармейцев определенного года рождения (например, в 1926 году – 1903 г.р.). Тематически занятия делились на три блока: 1) экономическая политика советского государства; 2) международное положение (в частности, «роль с[оциал] -д[емократов] как предателей интересов рабочего класса»); в) внутрипартийное положение («разоблачение внутрипартийной оппозиции») [7, л. 98].

Судя по результатам, партучеба не вызывала большого интереса: из выпускников 1927 г. партшкол первой и второй ступени лишь 2 человека получили оценку «хорошо», 20 человек «удовлетворительно», 20 человек «слабо» [7, л. 116]. Организаторы школ отмечали, что постоянные переформирования и изменение дислокации дивизионов полка, смена лекторов, перегруженность красноармейцев службой затрудняли работу школ, а «в летний период /…/ побег заключенных срывал занятия и вообще влиял на срыв всех видов работы» [7, л. 116].

«Перековка» заключенных также предполагала приобщение их к образованию, поэтому сельскохозяйственные курсы, как написано в отчете, выпустили в 1926/27 операционном году «вполне обученных сельско-хозяйственников 22 человека» [4, с. 59].

В клубах проводились лекции на всевозможные научно-популярные и общественно-политические темы. Лекторами зачастую становились сами заключенные. Так, «осужденый» Иван Булатов был назначен временно исполняющим должность заведующего школой для «дефективных детей» и читал лекции по Советской Конституции, программе РКП(б) с одобрения соловецкой партячейки [8, л. 128–128 об.].

«Культурному отдыху» заключенных формально призвана была служить и лагерная библиотека, насчитывавшая несколько тысяч книг и журналов по всем отраслям знаний. При библиотеке организовывались открытые лекции, читались научные доклады – при этом докладчиками чаще всего также были заключенные.

Д. С. Лихачев, также узник Соловецкого лагеря в 1920-е гг., писал: «Два удовольствия есть у нас в долгую ночь. Одно из них – баня... Второе удовольствие тоже уводит в мираж, в иной мир. Это удовольствие для души: Соловецкий театр» [9]. В репертуар созданного в 1923 г. Центрального театра СЛОНа, судя по публикациям в лагерной прессе (газете «Новые Соловки», журнале «Соловецкие острова»), входили постановки лермонтовского «Маскарада», «Блохи» Е. Замятина, «Детей Ванюшина» С. Найденова и др. Руководили театром профессиональные актеры, на сцене играли как профессионалы, так и любители. Если на первых порах участие в постановках было, условно говоря, формой «досуга» для заключенных, то со временем некоторых актеров стали освобождать от «общих работ» [10, с. 36].

В воспоминаниях заключенных лагерный театр получил неоднозначные оценки. Некоторыми он воспринимался как отдушина в беспросветной лагерной повседневности, некоторые видели в нем циничную саморекламу «власти соловецкой» и еще одно издевательство над заключенными. Так, по воспоминаниям А. Клингера, «К принудительному труду в "культпросвете" насильно привлекаются художественные силы из числа заключенных /…/ Эти подневольные культурные работники в правах и обязанностях ничем не отличаются от помещичьих трупп эпохи крепостного права. Их заставляют выступать в пошлых агитационных спектаклях и концертах, лубках и пьесках, идеализирующих советскую власть и лагерную жизнь» [10, с. 85].

Театральные представления выявляли, помимо прочего, и неоднородность заключенных. Все «культмероприятия» делились на бесплатные – доступные всем заключенным, и платные – для администрации, охраны и «заключенных-спекулянтами, устраивающимися и на Соловках с возможным комфортом». А. Клингер в воспоминаниях отмечал: «Эти платные спектакли снова, убийственно для самих же большевиков, подчеркивают основной мотив соловецкого быта: имеющий деньги нэпман даже в концентрационном лагере живет “как дома”» [10, с. 86].

В целом же несомненно, что основной объем времени, свободного от «общей работы», которая чаще всего представляла собой тяжелый физический труд, у заключенных занимали отдых и попытки обустроить скудный быт, где нередко не хватало самого насущного (например, заключенным не выдавались ложки, их нужно было либо покупать, либо добывать иным способом). Именно поэтому «нерабочие часы» (как правило, приходившиеся на самый поздний вечер – ночь) и «день отдыха» (воскресенье) для большинства заключенных были временем «для выполнения своих арестантских нужд: починка одежды, стирка белья, писание писем и прочее» 11, с. 294].

В среде «классово близких» уголовников нерабочее время также было далеко от «культурного отдыха». В том же Докладе о работе СЛОН за 1926/27 операционный год указаны следующие нарушения дисциплины: картежная игра, кражи, нарушение лагерного распорядка. При этом больше всего нарушений зафиксировано в Кемском пересыльном пункте [4, с. 41–42].

В этих условиях эффективность «культпросвета» и мер предотвращения «предосудительных настроений» как среди лагерного персонала, так и среди заключенных не может не вызывать сомнений. Культурно-просветительская работа и мероприятия по «перевоспитанию через труд и культурный отдых» были не в состоянии изменить морально-психологический климат лагеря.

Список литературы

1. Щепеткова И. О. Досуг как научная категория: разнообразие подходов к изучению // Дискуссия. 2015. № 6 (58). С. 121–128. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dosug-kak-nauchnaya-kategoriya-raznoobrazie-podhodov-k-izucheniyu (дата обращения: 14.12.2024).

2. Погорелов М. А. Пенитенциарные музеи в советской России в 1920-е гг. // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 103–130. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnye-muzei-v-sovetskoy-rossii-v-1920-e-gg (дата обращения: 14.12.2024).

3. Яковлева А. П. Соловецкие лагеря и тюрьма (1923–1939) // «Сосредоточили в своих руках значительную часть работ края». Доклад о деятельности Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ за 1926–1927 операционный год. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2023. С. 18–25.

4. «Сосредоточили в своих руках значительную часть работ края». Доклад о деятельности Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ за 1926–1927 операционный год. / отв. ред.-сост. Е. Е. Шурупова, А. П. Яковлева, вступ. ст. Т. П. Тетеревлева, Е Е. Шурупова. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2023. 224 с.

5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. п-5715. Оп. 1. Д. 9-а.

6. Солоневич Б. Л. Молодежь и Г.П.У. Жизнь и борьба советской молодежи. Издательство «Голос Россіи». 1937. URL: https://www.solovki.ca/camp_20/sport_station.php (дата обращения: 14.12.2024).

7. ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 9-б.

8. ГААО. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 75.

9. Лихачев Д. С. Избранное. М.: Логос, 1997. URL: https://www.solovki.ca/camp_20/theater.php (дата обращения: 14.12.2024).

10. Воспоминания соловецких узников. Т. I. Соловки: Изд. Соловецкого монастыря, 2013. 774 с.

11. Зайцев И. М. Соловки (Коммунистическая каторга или место пыток и смерти) // Воспоминания соловецких узников. Т. I. Соловки: Изд. Соловецкого монастыря, 2014. 638 с.

В. В. Коровин, Р. В. Коровин

О роли клубной работы в организации досуга курских железнодорожников (конец 1920-х – 1930-е гг.)

В статье раскрываются основные направления деятельности клуба железнодорожников станции Курск в конце 1920-х – 1930-е гг. В основу исследования положены архивные документы и материалы периодической печати. Отражены отдельные проблемы в становлении клубной работы. Представлены факты, отражающие досугово-просветительский профиль ведомственного учреждения культуры.

The article reveals the main activities of the Kursk station railway workers' club in the late 1920s – 1930s. The study is based on archival documents and periodicals. Individual problems in the development of club work are reflected. Facts reflecting the leisure and educational profile of the departmental cultural institution are presented.

Ключевые слова: клуб, железнодорожники, библиотека, кружки, газета.

Key words: club, railway workers, library, clubs, newspaper.

Вопросы отдыха железнодорожников и членов их семей занимали ведущее место в работе культурно-досуговых учреждений системы наркомата путей сообщения. Еще в ноябре 1921 г. циркулярным письмом, подписанным секретарем ЦК РКП(б) В. М. Михайловым, определялось, что «текущее положение транспорта требует усиления и оживления, новых форм культурно-просветительской работы» [1].

В 1927 г. по просьбе курских железнодорожников началось строительство ведомственного клуба, получившего имя народного комиссара путей сообщения СССР Я. Э. Рудзутака [2, л. 1]. Помещения клуба к его открытию были представлены зрительным залом, фойе, буфетом, комнатами отдыха и читальным залом библиотеки.

В течение 1928 г. на базе клуба были проведены мероприятия для 3 352 рабочих-железнодорожников и членов их семей, членами клуба стали 1 159 чел. (по роду деятельности в их число входили 307 рабочих, 393 служащих, восемь учащихся и 450 домохозяек) [3, л. 1–1 об., 6].

Активно действовали кружки изобразительного искусства, драматический, библиотечный, струнных инструментов, физкультурный, симфонический, духовой оркестр, хорового пения, кройки и шитья, в которых занимались 513 чел. [3, л. 11 об.]. Только за второе полугодие 1928 г. было проведено 388 занятий кружков. Юношеская секция клуба насчитывала 1 378 чел., включая 200 молодых рабочих Курского железнодорожного узла [3, л. 2, 14]. Коллектив общественной библиотеки им. Г. М. Бутко при клубе в короткие сроки сформировал книжный фонд, составлявший 5 тыс. экземпляров [4, л. 13–15].

В 1928 г. театралами клуба было поставлено четыре спектакля, которые увидели 3 200 зрителей, еще 1 257 юных зрителей посетили подготовленные специально для них шесть детских постановок. Работники клуба организовали 60 киносеансов для 48 308 зрителей разного возраста. Активистами клуба было проведено 14 концертов, на которых побывали 10 480 железнодорожников и жителей района [3, л. 12].

Просветительская работа клуба предполагала чтение публичных докладов на актуальные политико-правовые темы: о культурной революции и религии, трудовом праве, международном положении, о необходимости укрепления обороноспособности страны, значении рационализации производства. Их слушателями в течение года стали 4 800 чел. [3, л. 12].

Прибыль, полученная от проведения работниками клуба на платной основе культурно-массовых мероприятий, составила за год 16 237,8 р. С учетом субсидий от профсоюзов железнодорожников доходная часть годового бюджета клуба определялась суммой 21 374,30 р. За отчетный период финансовые расходы учреждения составили 21 374,03 р., включая 865,8 р. на приобретение новой литературы для библиотеки и 631,8 р., направленные для оплаты спортивного

инвентаря [3, л. 1–1 об.]. При этом правлением клуба отмечался явный дефицит средств на приобретение новых книг.

Приведенные отчетно-статистические данные свидетельствуют о том, что открытие клуба железнодорожников в Курске стало заметным явлением в культурной жизни горожан, трудившихся в транспортной отрасли.

В то же время работа нового досугового учреждения вызывала немало нареканий среди железнодорожников. Например, в заметке «О библиотеке забыли», опубликованной 12 февраля 1930 г. в узловой газете «Свободный путь», отмечалось, что 2 076 р., выделенных библиотеке в 1929 г., хватило лишь для оплаты подписки на некоторые периодические издания, не всегда пользовавшихся спросом у читателей. При этом общественная комиссия клуба фиксировала значительный процент повреждения книг библиотечного фонда [4].

Критически оценивалась зрителями организация коллективных посещений театральных постановок. Так, в заметке «Не кладите пятно культурности на Ямской комсомол», опубликованной 3 декабря 1929 г. в газете «Свободный путь», высказывалась мысль, что «организация коллективных просмотров, безусловно, хорошая вещь… Ямским комсомольцам из-за отсутствия театра в районе, особенно ценны коллективные просмотры спектаклей». Но автор заметки выразил глубокое разочарование содержанием ряда спектаклей, а также игры артистов. Жесткой критике подверглось также поведение некоторой части молодежи в зрительном зале во время спектакля. Автор призвал публику «не допускать дальнейшего бестактного поведения, применять меры комсомольского воздействия к лицам, замеченным в подобных нарушениях» [5].

В том же номере газеты «Свободный путь» справедливой критике подверглось содержание юношеских спектаклей. В частности, вместо интересных детских постановок юным зрителям была представлена пьеса А.В. Луначарского «Яд», а также демонстрировались агитационно-просветительские фильмы типа «Аборт» и «Венерические болезни» [5].

О невысоком уровне исполнительского мастерства как курских самодеятельных артистов, так и гастролеров из Ленинграда и Харькова, московских балерин рассказывалось в эссе «Вместо фельетона», опубликованном 1 мая 1929 г. в газете «Свободный путь». Низкий уровень культурного общения, недостойное поведение на концертах, проводившихся на сцене клуба им. Рудзутака, критиковались в фельетоне, опубликованном на страницах той же газеты 15 июня 1929 г. Обличались низменные, мещанские привычки и понятия, которые «сквозили» в повседневном быту и общении молодых жителей Ямской слободы. Автором двух упомянутых выше фельетонов, выступавшим под псевдонимом «Бинокль», была ответственный редактор газеты «Свободный путь» Антонина Георгиевна Киян [6; 7, л. 88 об., 118 об.].

К середине 1930-х гг. коллектив клуба оставался организатором культурно-массовой и просветительской работы среди железнодорожников. Так, 26 апреля 1934 г. в клубе им. Я. Э. Рудзутака для участников слета ударников производства состоялось выступление артистов Краснознаменного театра лилипутов Юго-Восточной железной дороги под руководством Б. М. Нежданова.

На следующий день артисты театра лилипутов показали специальное представление детям железнодорожников [8].

20 мая 1934 г. около здания клуба железнодорожников состоялось открытие нового парка. В торжествах участвовали более 3 тыс. железнодорожников Курского узла и жителей Ямского района города [9]. Завершение его планировки было проведено в 1932–1934 гг. на месте бывшего Ямского кладбища, располагавшегося возле Николаевской церкви, разобранной в 1929 г. [10, л. 4]. Как вспоминал один из активистов Ямской слободы А. В. Снимщиков, в 1923 г. комсомольцами Ямской слободы были проведены первые работы по наведению порядка на кладбище и подготовке его территории для нового парка [11, с. 163].

В железнодорожном саду были перепланированы аллеи, разбиты цветочные клумбы, посажены десятки новых деревьев. На площадке в центре парка был установлен памятник В. И. Ленину, на аллеях размещены эстрада для духового оркестра, аттракционы, игровые детские площадки, шахматные и шашечные доски, площадка для демонстрации кино, в парке открылись буфеты, которые обслуживались торговыми работниками ОРСа [9].

Вскоре парк железнодорожников стал излюбленным местом отдыха работников железнодорожных предприятий, прогулок учащихся школ и детских садов [12, л. 23]. На страницах газеты «Свободный путь» отмечалось, что саду железнодорожников требовалось дальнейшее благоустройство, особенно на садовых аллеях. Необходимо было огородить эстраду, экран для демонстрации кинофильмов. По мнению автора публикации, Летний сад при клубе должен был стать «действительным рассадником советской культуры и местом рационального отдыха» [9].

С лета 1936 г. ежегодно в парке проводились праздничные мероприятия, посвященные Всесоюзному дню железнодорожника. В ходе них чествовались передовики производства. С концертными номерами выступали артисты Курской филармонии и Дома культуры железнодорожников им. Я. Э. Рудзутака (с 1937 г. – им. Г. М. Бутко).

В этот период в клубе им. Я. Э. Рудзутака функционировали: духовой оркестр (руководитель – Н. В. Людвиковский), кружок хорового пения (руководитель – Л. И. Ингорь) и кружок бальных танцев (руководитель – С. И. Юфа) [13, л. 42 об.].

В фонде библиотеки насчитывалось более 25 тыс. экземпляров книг художественной и технической литературы. В библиотеку постоянно были записаны более 800 читателей. Но как указывала заведующей библиотекой О. А. Карпушова, библиотека своих средств не имела. Многие книги были устаревшими или пришли в негодность. В библиотечном фонде насчитывалось всего 1 674 детских книги, поэтому спрос юных читателей не всегда возможно было удовлетворить [14].

«Ни одна постановка зрелищных кружков и агитбригады клуба не обходится без музыки. Музыкальные кружки при клубе, включившись в культурно-массовый поход, борются за качественную музыку, приближают ее к производству… Музыкальные кружки участвуют в проведении клубных вечеров, высту-

пают в цехах, обогащая культурные запросы рабочих и служащих Курского узла», – отмечал в газете «Свободный путь» 14 марта 1934 г. Н. В. Людвиковский [15].

Фотография Н. В. Людвиковского и его брата А. В. Людвиковского, снятых с музыкальными инструментами в руках, была опубликована в газете «Свободный путь». Первые шаги к искусству на сцене клуба в Курске сделал известный советский джазовый дирижер и композитор, руководитель с 1948 по 1954 гг. эстрадного оркестра РСФСР, выступавшего под управлением почетного железнодорожника Л. О. Утесова, Вадим Николаевич Людвиковский (1925–1995) – сын самодеятельного музыканта Н. В. Людвиковского [16, с. 154].

К сожалению, к 1936 г. техническое состояние клуба им. Я. Э. Рудзутака в Курске стало ненадлежащим. Его помещения постоянно не отапливались, сцена продувалась пронизывающими сквозняками. В противопожарном состоянии клуб выглядел угрожающе. Многие артисты отказывались от выступлений из-за отсутствия элементарных условий, необходимых для проведения концертов.

16 февраля 1936 г. на I городской комсомольской конференции отмечалось, что клуб им. Я. Э. Рудзутака «еще не повернулся лицом к рабочей молодежи» [17, л. 55], хотя в последнее время клубные работники выявили около 240 молодых талантов, которые хорошо танцуют, поют, играют на музыкальных инструментах. На сцене клуба чаще появлялись молодые певцы, исполнители народных танцев из паровозного депо Курск [17, л. 55–56]. При этом «молодежь района по вечерам продолжала играть в карты или устраивать пьяные драки» [18, л. 37].

В мае 1937 г. Курский облисполком принял решение «О культурно-бытовом обслуживании железнодорожников Курского узла и населения Кировского района», согласно которому областному кинотресту поручалось оборудовать стационарную киноплощадку на 400 чел. в саду железнодорожников; облоно – организовать в парке новую детскую площадку; руководству горторга – открыть ларек для размещения буфета. Через Кировский райисполком выделялось 20 тыс. штук кирпича для достройки верхних этажей здания [19, л. 24–25].

6 февраля 1939 г. в статье И. Т. Строева «Работу клуба – на высшую ступень» подчеркивалось, что «культурные запросы железнодорожников Курского отделения становятся все многообразнее. Удовлетворять эти запросы призван клуб, прочно вошедший в культурный обиход каждого из нас, как место политико-воспитательной работы, отдыха и развлечения» [20].

Таким образом, клубное учреждение, открытое для курских железнодорожников в 1928 г., предоставило им возможность не только использовать активные формы коллективного отдыха, но и приобщаться к достижениям мировой и отечественной культуры, в том числе и через вовлечение в творческую деятельность.

Список литературы

1. Известия ЦК РКП(б). 1921. 1 декабря. С. 15.
2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-11. Оп. 1. Д. 79.
3. ГАОПИКО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 174.

4. Свободный путь. 1930. 12. фев.
5. Свободный путь. 1929. 3 дек.
6. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 245.
7. ГАОПИКО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 180.
8. Свободный путь. 1934. 28 апреля.
9. Свободный путь. 1934. 23 мая.
10. ГАОПИКО. Ф.П-36. Оп. 1. Д. 178.
11. В боях и в труде: из истории Курской обл. комсомольской организации: (Воспоминания, статьи, очерки, документы) / отв. ред. О. А. Клыков (отв. ред.). Курск: Кн. изд-во, 1959. 322 с.
12. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 77.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 993.
14. Свободный путь. 1933. 28 декабря.
15. Свободный путь. 1934. 14 марта.
16. Манжосов А. Н., Гладких В. К., Ильин Г. В. и др. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги. Кн. 3. 1945–1995 гг. Курск, 1996.
17. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 109.
18. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 134.
19. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 133.
20. Свободный путь 1939. 6 февр.

Е. А. Головин

Организация летнего отдыха детей железнодорожников в первое послевоенное десятилетие

В статье освещаются вопросы организации детского отдыха в ведомственных пионерских лагерях. Материал подготовлен на основе архивных документов и публикаций в отраслевой прессе. Отражена координирующая роль профсоюзов в проведении летних оздоровительных кампаний. Показана содержательная сторона пребывания детей курских железнодорожников в загородном лагере.

The article is devoted to the organization of children's recreation in departmental pioneer camps. The material was prepared on the basis of archival documents and publications in the industry press. The role of the coordinating role of trade unions in conducting summer wellness campaigns is reflected. The informative side of the stay of children of Kursk railway workers in a country camp is shown.

Ключевые слова: пионерский лагерь, летний отдых, оздоровление, кружковая работа, железнодорожный транспорт.

Key words: pioneer camp, summer vacation, health improvement, group work, railway transport.

Организация летнего отдыха детей железнодорожников – важнейший компонент ведомственной социальной политики, позволявший работавшим на транспорте родителям более качественно выполнять профессиональные обя-

занности. Разъездной характер работы вызывал дополнительные трудности в вопросах семейного воспитания, поэтому для минимизации последствий ненормированного по времени и месту исполнения производственного функционала сотрудников, их детям гарантировалось при необходимости оформление в образовательные учреждения системы МПС с круглосуточным пребыванием, а также доступ к летней оздоровительной кампании.

За содержание летних пионерских лагерей и обеспечение их деятельности в послевоенные годы несли ответственность профсоюзные организации конкретных трудовых коллективов. Координировалась эта работа в масштабах страны Центральным советом профсоюзов. Так, 1 апреля 1949 г. секретариат ВЦСПС принял постановление «Об итогах организации летнего отдыха детей в 1948 году и задачах по проведению этой работы в 1949 году». Как отмечалось в постановлении, заботясь об организации летнего отдыха детей, профсоюзные организации создали при предприятиях и учреждениях 5 401 пионерский лагерь, в том числе 2 163 стационарных пионерских лагеря и 668 детских оздоровительных площадок, в которых отдохнуло 2 090 175 детей рабочих и служащих.

Центральные, областные, фабрично-заводские и местные комитеты профсоюзов приложили максимум усилий для оборудования пионерских лагерей, подобрали около 35 тыс. квалифицированных педагогов и более 40 тыс. вожатых. По результатам летнего отдыха дети поправились, получили ряд полезных навыков, интересно и содержательно провели каникулярное время [1, л. 205–206].

В то же время некоторые комитеты профсоюзов не смогли должным образом организовать летнюю оздоровительную работу, не выполнили доведенные до них плановые показатели по количеству охваченных организованным отдыхом несовершеннолетних, не в полной мере освоили ассигнованные на эти цели средства из бюджета государственного социального страхования.

В числе аутсайдеров оказался ЦК профсоюза железнодорожного транспорта, не выполнивший план на 22 % и не использовавший 9 663,8 тыс. рублей [1, л. 206]. Кроме того, воспитательный процесс в некоторых пионерских лагерях дорпрофсожа Московско-Курской железной дороги был доверен лицам, не имевшим педагогического образования и опыта работы с детьми, и даже несовершеннолетним учащимся средних школ [1, л. 207]. Халатное отношение к подбору кадров и организации работы в лагерях приводило к несчастным случаям.

Исходя из опыта проведенной оздоровительной кампании, Секретариат ВЦСПС принял решение направить на отдых в 1949 г. 2 550 тыс. детей. Стоимость путевки в лагеря общего типа определялась суммой 388 р. 50 к., санаторного типа – 856 р. Профсоюзные организации обязывались 10 % путевок выдавать бесплатно детям погибших воинов и инвалидов Отечественной войны и труда, а также детям рабочих и служащих, получавших невысокую заработную плату, и многодетных родителей. За остальные путевки взимать плату с родителей в следующих размерах: 40 % от общего количества путевок по 90 р. за путевку, 30 % – по 150 р. и 20 % – по 180 р. За путевки в лагеря санаторного типа родителям предлагалось заплатить в среднем на 100 р. больше [1, л. 207–208].

На организацию и содержание пионерских лагерей из бюджета государственного социального страхования предполагалось ассигновать 871 млн р. Особое внимание предписывалось обратить на подбор педагогического состава, который предстояло утверждать на заседаниях профсоюзных комитетов. Заблаговременно провести их обучение на специализированных семинарах. Категорически запретить принимать на работу лиц моложе 18 лет, а также лиц, не имевших педагогического образования или опыта работы с детьми [1, л. 208].

Профсоюзные организации обязывались до 20 мая 1949 г. завершить ремонт помещений, оборудование пионерских лагерей и благоустройство территории; заблаговременно провести медицинский осмотр детей (возраст отдыхающих ограничивался 7–15 годами), направляемых на отдых. Открытие лагерей планировалось осуществить не позднее 10 июня, после приема их межведомственной комиссией. К этому времени требовалось добиться получения продуктов из подсобных хозяйств предприятий для улучшения питания сверх установленной нормы питания, установив строжайший контроль за их тщательным хранением и правильным расходованием [1, л. 208, 208 об.].

Основными задачами пионерских лагерей на 1949 г. признавались: укрепление здоровья детей, улучшение их физического развития, применение самых разных форм культурно-массовых и физкультурных мероприятий. Всю воспитательную работу предлагалось проводить на основе сочетания труда, отдыха и развивающих игр, стимулирующих разностороннее творчество и инициативу самих детей, «не увлекаясь организацией массовых мероприятий, которые утомляют детей, отнимают много полезного времени и мешают здоровому отдыху детей» [1, л. 208 об.].

В целях обеспечения безопасности детей в пионерских лагерях категорически запрещалось проводить прогулки, походы, экскурсии и купание детей без сопровождения старшего пионервожатого, педагога и врача. При этом купание разрешалось только в специально отведенных местах, группами не более 10 чел. Ни один ребенок не должен был отлучаться с территории лагеря без сопровождения вожатого или воспитателя [1, л. 208 об., 212].

Для детей работников Курского железнодорожного узла летний оздоровительный сезон 1948 г. проходил в пионерском лагере, расположенном в деревне Шуклинка под Курском, где смогли с пользой провести каникулярное время и закалить здоровье 600 мальчиков и девочек [2]. В мае 1949 г. председатель Курского райпрофсожа П. В. Бобовников информировал общественность о том, что подготовка к открытию пионерского лагеря в Шуклинке, расположенной в гористой местности, на берегу реки Тускарь, подходила к завершению.

Здесь были отремонтированы жилые и служебные помещения, готовые принять детей железнодорожников. Как сообщал профсоюзный лидер: «Во время отдыха пионеры и школьники будут проводить интересные экскурсии, для них оборудованы пляж, спортивные площадки, библиотека. Для обслуживания детей железнодорожников подобраны квалифицированные педагогические работники. В течение лета пионерский лагерь обслужит 600 детей» [3].

12 июня 1949 г. с построения пионерских отрядов на линейку началось торжественное открытие первой лагерной смены. Отрядные вожатые о готовности своих подопечных рапортовали старшей пионервожатой, которая доложила начальнику лагеря о количестве ребят, присутствовавших на открытии лагеря. От Курского райкома ВЛКСМ пионерам было вручено Красное Знамя, пронесенное перед строем под звуки государственного гимна. По окончании торжественной части воспитанники лагеря представили гостям показательную физкультурную программу [4].

К середине 1950-х гг. у юных курян, чьи родители трудились на железнодорожном транспорте, появился новый лагерь общей площадью почти 20 га. Он расположился в живописном лесном массиве недалеко от станции Блохино, принимая на отдых питомцев до 1990-х гг. Пионерский лагерь носил имя Героя Советского Союза А. М. Матросова.

С 1953 г. лагерь был развёрнут в стационарных помещениях, которые отвечали на тот момент всем санитарным и противопожарным требованиям, отличались удобством и красотой. Дети размещались в пяти палатах двух стационарных корпусов, в трех финских домиках и двух фанерных.

В течение первой смены 1956 г. в лагере отдохнули 297 чел., во второй смене – 335, в третьей – 157. Большую часть детей составляли подростки пионерского возраста, но среди отдыхающих были и дошкольники. Как следует из отчета начальника лагеря, педагогический коллектив стремился строить работу таким образом, чтобы воспитанники отдохнули, расширили свой кругозор, загорели, поправились. Большое внимание уделялось воспитанию чувства коллективизма и таких гражданских качеств, как преданность Родине и народу, трудолюбие, сплочённость, честность, мужество, упорство [5, л. 1].

Подготовка к открытию лагеря началась сразу же после заезда. Оформлялись линейка, пионерская комната, проводились выборы совета отряда и дружины. Педагогам удалось сформировать деятельный пионерский актив, который помогал проводить различные отрядные и дружинные мероприятия.

В лагере регулярно проводились политинформации и читательские конференции, было организовано ознакомление ребят с содержанием газетных публикаций. Торжественно отмечались знаменательные даты, особенно интересно прошли в лагере мероприятия, посвященные дню железнодорожника, физкультурника, Военно-морского флота.

Например, в День железнодорожника совет дружины провёл сбор «СССР – великая железнодорожная держава». Пионеры разучили массовые песни о железнодорожниках, подготовили стихи, рассказы, а затем пригласили к себе в гости железнодорожников, чтобы послушать их рассказы о профессиях транспорта, поскольку по примеру родителей многие ребята хотели стать машинистами, диспетчерами, проводниками [5, л. 2, 3].

Большое внимание уделялось и культурно-массовой работе в лагере. Ребята готовили номера художественной самодеятельности, проводили литературные, географические, исторические викторины. Устраивали аттракционы, танцевальные вечера. Обычно одновременно проводилось несколько мероприя-

тий, а загруженность школьников общественно полезной и творческой деятельностью была таковой, что свободного времени у них практически не оставалось.

Регулярно два раза в неделю демонстрировались кинокартины: «В людях», «Два капитана», «Судьба барабанщика», «Заколдованный мальчик», «Хитрость старого Ашура». Драмкружок ставил пьесы «Снегурочка», «Снежок», «Золушка». Перед юными зрителями выступали воспитанники хорового и танцевального кружков [5, л. 5].

Кроме этого, в лагере работали кружки «Умелые руки», юных натуралистов, авиамодельный, географический, краеведческий, физкультурные секции. Занятия в них проводились два раза в неделю, во второй половине дня. Почти все пионеры были охвачены кружковой работой, которая имела практическую направленность. Например, «Умелые руки» оказывали большую помощь в организации костра, оборудовании помещений, линейки. Юные натуралисты собирали гербарии, географы совершали экскурсии. Увлеченные резьбой по дереву с большим интересом выпиливали и вырезывали поделки. На занятиях ребята изготавливали наглядные пособия, учились вышивать, мастерить и ремонтировать.

Жизнь в лагере была интересной и насыщенной, в том числе благодаря игровой деятельности. Было проведены общие для лагеря игры «Пропавший отряд» и «Кто быстрее». Не давали скучать в свободное время подвижные и развивающие игры «Угадай», «Поймай мяч», «Города нашей страны» и т.д. [5, л. 5].

Большое внимание в лагере уделялось изучению природы родного края. Пионеры во время экскурсий в лес знакомились с различными породами деревьев и растениями. Совершались экскурсии на сахарорафинадный и машиностроительный заводы, вдоль реки Сейм и к ее старому руслу реки. Кроме однодневных выходов, ребята побывали в походе на Льговской селекционной станции с ночевкой в полевых условиях продолжительностью 1,5 суток [5, л. 6].

Пионеры-матросовцы активно участвовали в работе по благоустройству лагеря, в повседневном поддержании чистоты и порядка. Они сами оборудовали спортивные и игровые площадки, оформляли линейку, систематически убирали жилое помещение, стремились к красоте и уюту. Они посадили у палат цветы и заботливо ухаживали за ними.

Ребята охотно дежурили в столовой и по лагерю, это помогло им лучше сплотиться, почувствовать заботу о коллективе, о товарищах. Старшие заботились о малышах, учили их как содержать в порядке свое жилое помещение: постель, обувь, одежду, оказали маленьким повседневное внимание и заботу.

Пионеры старших отрядов оказывали помощь колхозу им. Василевского, куда ходили на прополку кукурузы, картофеля, собирали колосья, принимали активное участие в молотьбе. Дети с большим интересом относились к работе, даже маленькие требовали, чтобы их брали в колхоз на работу. Многие дети в лагере приобрели новые для себя трудовые навыки [5, л. 6–7].

Каждое утро проводилась зарядка с учетом возрастных особенностей детей, во второй половине дня обычно работали физкультурные секции (шахмат-

ная, волейбольная, футбольная, легкоатлетическая, тяжелоатлетическая и др.). Во время занятий физическими упражнениями большое внимание уделялось здоровью детей. В конце каждой лагерной смены проводились соревнования по бегу, прыжкам, метанию гранат, волейболу. Спортом в лагере занимались 95 % пионеров, лучшие спортсмены отмечались грамотами и книгами [5, л. 7.].

Приготовление пищи в лагере не вызывало нареканий, учитывались пожелания детей при приготовлении того или иного блюда. Ежедневно дети принимали душ, расположенный на территории лагеря. Купание детей в реке не проводилось в связи с плохой летней погодой. Инфекционных заболеваний и несчастных случаев в лагере не было. Все дети возвращались домой здоровыми, бодрыми и довольными отдыхом в лагере [5, л. 7].

В то же время одним из недостатков в работе лагеря, по мнению его начальника, стала неподготовленность к работе отдельных вожатых и воспитателей, что затрудняло организацию воспитательного процесса. Требовались дополнительные вложения в укрепление материально-технической базы и благоустройство территории [5, л. 8], что являлось типичными проблемами в организации летнего отдыха детей.

В целом ведомственные пионерские лагеря в первые послевоенные годы вполне успешно справлялись с возлагаемыми на них функциями. Забота о детях железнодорожников стала важным направлением отраслевой социальной политики, позволявшим в тяжелый восстановительный период сохранять и укреплять здоровье подрастающего поколения, проводя с ребятами целенаправленную и непринужденную профориентационную работу.

Список литературы

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1428. Оп. 2. Д. 165.

2. Курский железнодорожник. 1948. 15 апреля.

3. Курский железнодорожник. 1949. 29 мая.

4. Курский железнодорожник. 1949. 16 июня.

5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 56.

Н. В. Хомякова

Организация досуга советских школьников в первое послевоенное десятилетие (по материалам Южного Урала)

В статье рассмотрены особенности организации досуга советских школьников в первые послевоенные годы. На основании данных центральных и региональных архивов показаны основные направления и проблемы в организации досуга в образовательном процессе, проанализирована роль таких субъектов, как школа, семья и общественность. Сделан вывод, что ведущая функция организации досуговой деятельности заключалась в идеологическом и трудовом воспитании школьников, что позволяло воспитать патриотичную и социально-ответственную личность.

The article considers the peculiarities of leisure activities of Soviet schoolchildren in the first post-war years. Based on the data from the central and regional archives, the main directions and problems in the organization of leisure in the educational process are shown, the role of such subjects as school, family and the public is analyzed. It is concluded that the leading function of the organization of leisure activities was the ideological and labor education of schoolchildren, which made it possible to educate a patriotic and socially responsible personality.

Ключевые слова: досуг, Южный Урал, школа, трудовое воспитание.

Key words: leisure, South Urals, school, labor education.

В настоящее время происходит существенная переоценка значения досуга как социально-культурной категории в жизни общества. Досуг в современных работах выступает как сфера саморазвития личности, проявления ее сущности, способностей; как возможность самореализации и самоактуализации каждого человека, как сфера воспитания личностных и гражданских качеств, сфера расширения культурного кругозора и обмена духовными ценностями [1, с. 299].

В связи с этим определенный интерес вызывает организация досуга детей после завершения Великой Отечественной войны. Изучения исторического опыта позволяет понять, как в сложных послевоенных условиях происходило воспитание советского школьника. Проблематика организации досуга в послевоенном обществе в образовательном процессе и его влияние на развитие личности и навыков нашли свое отражение в трудах многих историков-исследователей. Эти вопросы освещались Е. Ю. Зубковой [2], М. Р. Зезиной [3], Б. Ш. Алиевой [4], Е. Г. Глух [5], А. Е. Смирницким [6] и др.

Советская образовательная система в послевоенные годы, равно как и другие социальные институты, должна была преодолеть проблемы, порожденные войной: это и нехватка зданий и помещений, и слабая материально-техническая база, и недостаток квалифицированных кадров. В центре учебно-воспитательного процесса оказались дети, сознание которых было значительно деформировано войной. Обозначенные проблемы решались медленно, поэтому в условиях «выживания» системы образования организация досуга советских детей в послевоенном обществе выступала больше в качестве второстепенной задачи в образовательном процессе, а не основной. На первый план выдвигалась функция формирования и развития нужных государству качеств и ценностей через внеучебную и воспитательную работу, а функции рекреации и развлечения, как правило, реализовывались по остаточному принципу.

3 июля 1946 г. на 1 областном съезде учителей Челябинской области заведующая челябинского городского отдела народного образования в своей речи отмечала факт невыполнения закона о всеобуче, в том числе акцентировала внимание на формализме в преподавании. Также был поставлен вопрос о выработке единых правил для учащихся и о создании единой воспитательной системы, способной объединить семью, школу и общественность. Степень и способы взаимодействия указанных субъектов воспитательного процесса определяла развитие личности и навыков.

Общественность Южного Урала в лице опекунских, шефских, попечительских советов должна была оказывать материальную помощь школам, детским домам и другим образовательным учреждениям, помогать в ремонте, оборудовать учебные мастерские. Благодаря их усилиям не только укреплялась материальная база образовательных учреждений, но и малоимущие семьи могли отправить детей в школу, получив помощь деньгами, одеждой и обувью. В результате количество детей, не посещающих школу, в первое послевоенное десятилетие существенно сократилось. И если общественная помощь была не формальной, а реальной, то взаимная выгода была весьма существенной. В первом полугодии 1945/1946 уч. года общественные организации и шефы Челябинской области передали школам 3 085 пар кожаной обуви, 2 183 пары валенок, 1 568 предметов одежды, 30 тыс. р. материальной помощи, а хозяйственные организации построили три школы. Силами комсомольцев проводились вечера, концерты, а собранные средства отчислялись в помощь детям [7, л. 3].

В 1948/1949 уч. году шефские организации и колхозы построили 35 школ в Чкаловской области, а шефы в г. Чкалове, Орске, Медногорске, Бузулуке обеспечили большую часть капитального ремонта. В ответ на такую заботу 132 835 учащихся и учителей приняли участие в сельскохозяйственных работах, выработав 5 405 300 трудодней [8, л. 3]. В 1955/56 уч. году в Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике (далее – БАССР) школы 24-х районов получили оборудование на сумму 1 041 057 р., в Чекмагушевском районе БАССР машино-тракторная станция выделила тракторов, комбайнов, инструментов школам на сумму 46 700 р., а всего по району общая сумма помощи составила 70 245 р. Школьники, в свою очередь, также оказывали шефам помощь: школы составляли планы-расписания для участия в сельскохозяйственных работах в колхозах, учащиеся один раз в неделю ходили работать на производстве [9, л. 117, 121].

Анализ архивных материалов позволяет понять, что большую часть свободного времени школьников занимала трудовая деятельность. Трудовое воспитание школьников реализовывалось через общественно-полезную деятельность, выполнение определенных работ в самой школе, оказание помощи и поддержки нуждающимся гражданам.

Широкое распространение получили полевые работы, сборы ягод, грибов и лекарственных растений, озеленение. Например, в 1949 г. в Чебаркульском районе Челябинской области 347 школьников убрали сено со 127 га, 200 чел. – картофель с 64 га, 1 384 школьников собрали 25 ц колосков, а для удобрений почвы было собрано 50 ц золы и 30 ц помета [10, л. 163].

Летний оздоровительный отдых также стал частью досуговой деятельности, направленный на оздоровление детей. Но и здесь воспитание посредством труда занимало важное место. Так, в 1951 г. в Чкаловской области работали 54 лагеря общего и санаторного типа, где оздоровились 30 288 детей. Летний отдых в лагерях сочетался с общественно-полезной деятельностью: сбор семян, сучьев, уход за цветником, уборка территории. Кроме того, в летних лагерях идейно-воспитательная работа принимала массовые формы. Важной частью

идеологической работы были проводившиеся пионерские сборы, на которых обсуждались вопросы, связанные с пионерской честью, обсуждали может ли мир победить войну, устраивали пионерские костры, тематикой которых было обсуждение политической жизни страны и политических лидеров, например, «Жизнь и деятельность Сталина» [11, л. 1, 5].

Идеологическая работа велась и посредством кружковой деятельности. В 1946/1947 уч. году в школах Челябинской области работало 3 142 кружка с общим охватом 61 097 чел. (27 % обучающихся). Среди кружков были предметные, исторические, технические, спросом пользовались юнаты. Главными объектами изучения участников кружка были вопросы политики и обсуждение идейных произведений: изучали пятилетний план, речь Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», произведения «Сын полка» и «Как закалялась сталь» [12, л. 67].

К массовым формам работы, имеющим научно-политическую и идейно-воспитательную направленность, относились доклады, лекции, политинформация, коллективное посещение театров, устройство вечеров и утренников.

Большое значение придавалось функционированию массовых молодежных организаций, таких как пионерская и комсомольская организации. Активизировать их работу должны были принятые нормативно-правовые акты: постановление ЦК ВЛКСМ «Об улучшении работы пионерской организации», принятое 13 марта 1947 г., постановление XI съезда ВЛКСМ «О работе комсомола в школе». Данные документы ориентировали на более творческие методы работы, призывали пионеров стать лучшими и выступать образцами для подражания.

Количество пионеров и комсомольцев планомерно увеличивалось. В 1947–1948 гг. в школах Челябинской области насчитывалось 82 558 пионеров и 8 861 комсомолец, в 1948–1949 гг. – соответственно 129 400 и 11 117. Благодаря работе, проводимой пионерской и комсомольской организациями, порча школьной мебели, отказы от участия в воскресниках стали происходить значительно реже. Исключительными в школах становились случаи воровства, хулиганства, драки [13, л. 58].

Те же тенденции прослеживаются и в Чкаловской области, в которой количество пионеров за два учебных года увеличилось в 1,2 раза: с 107 989 в 1947/1948 уч. года до 132 704 в 1948/1949 уч. году, а количество комсомольцев – в 1,3 раза, соответственно, с 8 577 до 11 398 чел. [8, л. 157]. Силами комсомольцев проводились вечера, концерты, а собранные средства отчислялись в помощь детям. Так, в Курманаевском районе Чкаловской области в 1948 г. райком комсомола собрал для детей 3 800 р. денежной помощи и 250 м мануфактуры [14, л. 99].

Развитие системы образования, совершенствование учебно-воспитательного процесса преследовало еще одну цель – необходимо было вернуть детей с улицы. Негативным явлением послевоенной жизни было увеличение числа беспризорных и безнадзорных детей, которые хулиганили, занимались торговлей, воровали. Приказы Министерства Просвещения РСФСР

№ 205 «Об укреплении дисциплины в школе», № 435 «Об организации педагогического надзора за школьниками младшего возраста во внеурочное время», № 39 «О мерах по устранению перегрузки у школьников общественной и другой вне учебной работы» регламентировали работу образовательных организаций в плане организации досуга школьников, но ликвидировать указанные асоциальные в первое послевоенное десятилетие не удалось.

По сообщению прокурора БАССР за 1948 г. органами МВД было задержано 1 966 безнадзорных детей, в том числе 709 учащихся школ. Стоит отметить, что не всегда педагоги беспокоились о судьбе ребенка. Так, в г. Октябрьске из школы был исключен ученик, у которого отец погиб на фронте, а мать много работала и уделять внимание воспитанию сына в должной мере не могла. Для исправления ситуации Министерство просвещения БАССР приняло приказы от 30 января 1948 г. «О работе внешкольных учреждений республики», от 28.02.1948 г. «Об улучшении работы комсомольских и пионерский организаций в школе и детских домах республики». Аналогичная ситуация складывается на всем Южном Урале. В Челябинской области за 1948 г. безнадзорных было задержано 6 345 чел., а в 1 квартале 1949 г. – 1 472 чел., среди них учащихся школ – 3 335 чел. Среди причин задержания доминировали озорство и хулиганство (5 082 чел.) и уличная торговля – 1 019 чел. 7718 детей были возвращены родителям. В Чкаловской области за 4 квартал 1948 г. было задержано 807 детей, из которых 526 были учащимися [15, л. 99, 122, 129, 130].

Понятно, что школы без поддержки семьи справиться с безнадзорностью не могли, поэтому родители должны были взять на себя часть работы по организации досуга своих детей во внеучебное время. В БАССР в 1950–1951 гг. в школах организовывались родительские комитеты, которые посещали квартиры, беседовали с родителями и ставили вопрос об оказании материальной помощи. Большую роль в организации родительского актива играли классные руководители. Например, в 11 школе города Уфы в 7 классе классным руководителем был Лабутин. Для снижения количества неуспевающих он посещал уроки, активизировал работу родительского комитета и стал посещать отстающих на дому, организовывал экскурсии, походы на лыжах, в кино [16, л. 87].

Таким образом, в послевоенное время формировалась достаточно эффективная система воспитательной работы в советской школе, позволяющая обеспечить организацию досуга детей в образовательном процессе. Благодаря совместным усилиям семьи, общественности и образовательных учреждений эффективность борьбы с асоциальным поведением детей возрастала, формировалась личность, готовая к труду и идеологически правильно «подкованная».

Список литературы

1. Ярошевич Т. М. Досуг: теоретические аспекты, структура, содержание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 299–304.

2. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: Росспэн, 2000. 229 с.

3. Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–135.

4. Алиева Б. Ш. Организация воспитательной работы в школах в послевоенное время // Кант. 2016. № 4 (12). С. 35–38.
5. Глух Е. Г. Комсомол и развитие внешкольной воспитательной работы с детьми. 1945–1975. М.: ВКШ, 1977. 125 с.
6. Смирницкий А. Е., Старикова Н. В., Шуршикова А. В., Нартымов Д. М. Проблемы организации досуга советских школьников в 1946–1956 гг. (по материалам г. Горького) // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 169–176.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 1250.
8. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Р-1893. Оп. 3. Д. 151.
9. Национальный архив республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р.-798. Оп. 9. Д. 1863.
10. ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 1403.
11. ОГАОО. Ф. Р-1893. Оп. 3. Д. 259.
12. ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 1328.
13. ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 1388.
14. НАРБ. Р-846. Оп. 3. Д. 240.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8131. Оп. 37. Д. 4784.
16. НАРБ. Ф. Р.-798. Оп. 9. Д. 524.

П. С. Потапенко

О практике организации досуга курских ветеранов в послевоенные годы

В данной статье на основе архивных материалов и данных из открытых источников приведена работа по организации досуга ветеранскими организациями Курской области на этапе их становления. Досуг представляет собой духовную и социальную деятельность в свободное от работы время. Сюда можно включать проведение различных культурно-массовых и спортивных мероприятий. Для ветеранов досуг являлся одним из ключевых элементов деятельности, во время которого проходили общение фронтовиков, обмен опытом и социализация в коллективе.

In this article, based on archival materials and data from open sources, the work on the organization of leisure activities of veteran organizations of the Kursk regionat the stage of their formation is presented. Leisure is as piritual and social activity in your free time. This can includ eholding various cultural and sports events. Forveterans, leisure was on eof the key elements of activity, during which front-line soldiers communicated, exchanged experiences and socialize din a team.

Ключевые слова: ветераны, досуг, события, работа, встречи, проведение.

Key words: veterans, leisure, events, work, meetings, holding.

В ветеранских организациях большое внимание уделялось не только деятельности внутри секции, но и работе по организации досуга. Главной задачей при организации свободного времени являлось проведение культурно-

массовых мероприятий, которые способствовали вовлечению в познавательную и творческую активность представителей преклонного возраста.

Работа по проведению досуга ветеранов проводилась по многим направлениям. Во-первых, к ним можно отнести организацию экскурсий по местам боевой славы. Так, в июле 1968 г., в канун празднования 25-й годовщины победы в Курской битве, для ветеранов секции Гражданской войны, многие из которых являлись и фронтовиками Великой Отечественной, была организована поездка в районы былых сражений на огненной Курской дуге. 5 августа 1971 г., в день освобождения городов Орла и Белгорода от немецко-фашистских захватчиков, для ветеранов была организована поездка в Прохоровку [1, л. 43–46; 2, л. 14].

В таких поездках участники войны делились воспоминаниями, увековечивали подвиги своих боевых товарищей и просто общались друг с другом. Зачастую экскурсионные поездки не носили регулярный характер, а проводились преимущественно к памятным датам и событиям, что ограничивало в некоторой степени возможности целенаправленной работы по восстановлению судеб отдавших свои жизни воинов и эпизодов битвы, а поэтому поиск недостающей военно-исторической информации продолжается сегодня активистами-общественниками.

Как следует из изученных документов, самым распространенным видом досуга ветеранов были тематические встречи и вечера. В них принимали активное участие не только представители ветеранской общественности, но и воины местного гарнизона, комсомольцы и несоюзная молодежь предприятий и учебных заведений города Курска.

Такие встречи проводились в честь самых разных событий общегосударственного и регионального уровня. Например, 20 июля 1968 г. в Летнем театре Сада имени 1-го Мая был проведен тематический вечер, посвященный 50-летию 9-й стрелковой дивизии, освобождавшей Курск от белогвардейцев осенью 1919 г. Чествование ветеранов дивизии сопровождалось награждением их почетными грамотами и концертной программой коллективов художественной самодеятельности Дома культуры железнодорожников, что позволило зрителям не только вспомнить боевую молодость, но и получить массу положительных эмоций. В этом же году состоялся тематический вечер, посвященный 25 годовщине освобождения г. Курска от немецко-фашистских захватчиков [2, л. 15–17; 3, л. 2, 4, 5, 12, 13].

Обращает на себя внимание тот факт, что тематические вечера, связанные с сохранением памяти о событиях Октябрьской революции и Гражданской войны, на протяжении 1960-х гг. занимали в деятельности ветеранских организаций даже более значимое место, чем мемориализация Великой Отечественной войны [4, л. 26; 5, л. 19–22]. В подобном подходе проявлялось уважение к здравствующим ветеранам старших поколений и отчасти находили отражение политико-идеологические постулаты того времени.

Тематические вечера становились специфическим видом досуга ветеранов. С одной стороны, это способ активного проведения свободного времени. С другой стороны, подобные мероприятия становились мощным средством пропа-

ганды собственного жизненного опыта и гражданско-патриотической позиции. Они сыграли важную роль в процессе формирования мировоззрения и воспитания в духе советской идеологии подрастающих поколений. Давали возможность получать новые знания по определенным событиям в жизни родного края и государства в целом.

К формам досуга можно отнести традиционные и тематические встречи ветеранов. Однополчане регулярно встречались в Курске и районах области, где проходила их боевая молодость. Как правило, организаторами этих встреч становились музеи боевой славы, посвященные истории конкретных соединений, воевавших на Курской земле. Например, ветераны 307-й стрелковой дивизии традиционно встречались на поныровской земле. Радушным хозяином приема почетных гостей был руководитель Поныровского музея Курской битвы, ветеран войны И. В. Бобынцев [6, с. 35, 41–44]. С 1972 по 1984 гг. проходили встречи ветеранов 280-й стрелковой дивизии, организаторами которых были следопыты клуба «Прометей» средней школы № 42 г. Курска [7, л. 11–14; 8, с. 189–190].

С 1973 по 1986 г. на традиционные встречи в Курск съезжались ветераны 62-го дивизиона бронепоездов [9, л. 107–115]. «Есть сокровенная мечта у каждого солдата: побывать еще раз в тех местах, куда забрасывала его война, посмотреть, что выросло на земле, политой кровью его боевых товарищей. Как бы ни бежало время, как бы ни складывались судьбы, но однажды сердце защемит уж очень больно, и тогда откладываем все дела и мчимся на свидание с боевыми годами, с товарищами по оружию», – делился сокровенными мыслями бывший начальник штаба дивизиона, подполковник запаса Г. Д. Паничкин [10].

Так, 6 мая 1988 г. в курском Доме культуры железнодорожников торжественным вечером «Дорогая память прожитых лет» открылась Всесоюзная встреча ветеранов бронепоездов. На следующий день участники встречи совершили поездку по местам боев на станцию Мармыжи. Один из участников встречи В. Я. Куплевахский впоследствии написал организаторам: «Большое спасибо за приглашение встретиться со своей молодостью, за возможность побывать на местах боев, поклониться памятнику павшим однополчанам...» [11, с. 235–236].

Кроме посещения памятных мест и участия в официальных мероприятиях, запланированных в рамках таких встреч, у ветеранов появлялась возможность пообщаться в неформальной обстановке, чем особенно дорожил каждый из них.

18–20 ноября 1971 г. в Риме состоялась европейская встреча участников войны, прошедшая под знаком единства бывших фронтовиков, партизан, узников концлагерей, инвалидов войны в борьбе за мир, безопасность, сотрудничество и дружбу между народами. В ее работе приняли участие делегация Советского комитета ветеранов войны и представители ветеранских организаций стран Европы. В плане осуществления предложений, выдвинутых на данной встрече, было решено провести 15 апреля 1972 г. «День европейских ветеранов, борцов Сопротивления и жертв войны за мир, безопасность, сотрудничество и дружбу». Советский комитет ветеранов войны поддержал идею

проведения такого «Дня ветеранов». Предполагалось в период с 10 по 15 апреля, по согласованию с партийными органами, провести собрания, беседы, встречи ветеранов у памятных мест. На данных мероприятиях обсуждались различные вопросы, в том числе о значении программы мира, решающей роли СССР в этой борьбе, участии советских ветеранов в движении за мир, в воспитании молодежи в духе патриотизма и интернационализма. Данная встреча продемонстрировала готовность ветеранов, разделенных идеологией, искать некий компромисс и общие подходы в деле укрепления мира [12, л. 9, 10].

Отдельно можно выделить празднование юбилеев фронтовиков. В 1970 г. было принято решение вручать памятные адреса ветеранам, достигшим возраста 70, 75 и 80 лет. Этот шаг имел важное значение в деле моральной поддержки представителей ветеранского сообщества, поскольку большинство ветеранов того времени находились уже в достаточно преклонном возрасте [13, л. 12].

Упоминание возрастных особенностей ветеранов позволяет выделить еще один вид их досуга, связанный с предоставление им путевок в санатории и дома отдыха. Например, 2 июля 1972 г. секция ветеранов Гражданской войны ходатайствовало перед председателем Курского обкома профсоюза работников госторговли и кооперации о выделении двухнедельной или месячной путевки на август месяц в дом отдыха имени Черняховского или Лебяжье для ветерана Тимофея Семеновича Зайцева, имеющего большие заслуги перед Родиной. Подобная практика была распространена для ветеранских организаций. Это давало фронтовикам возможность не только отправиться на отдых, но и проходить определенные процедуры, способствующие улучшению состояния здоровья [14, л. 12].

Одними из самых распространенных видов досуга были посещение творческих и памятных вечеров, концертов. Так, 6–8 февраля 1993 г. в Курске проводились праздничные мероприятия, посвященные 50-летию освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Для ветеранов был устроен вечер в краеведческом музее, где присутствовали руководители области и города. Фронтовики делились своими воспоминаниями, общение проходило за праздничным столом, по-домашнему, без всякой помпезности. Каждому ветерану вручили на память подарок. Народный артист СССР, лауреат Государственной премии Евгений Михайлович Беляев, в котором фронтовики узнали своего боевого товарища, танкиста, участника Курской битвы, исполнил песни «Соловьи», «Смуглянка», «День Победы».

Участники боев за Курск оказались в центре внимания и на торжественном вечере в драматическом театре. Концертную программу зрителям подарили мастера искусств из Москвы. Завершилось празднование фейерверком вечером 8 февраля на Театральной площади г. Курска [15].

Подобные мероприятия давали фронтовикам возможность общаться друг с другом, вспоминать свои военные годы, делиться эмоциями. Но, опять же, не концерты, творческие и памятные вечера проводились не на регулярной основе, а только к памятным датам и юбилеям.

Таким образом, досуг представляет собой духовную и социальную деятельность в свободное от исполнения трудовых обязанностей время. Сюда можно включать проведение различных культурно-массовых и просветительских мероприятий. Для ветеранов коллективный досуг являлся одним из ключевых элементов жизнедеятельности, во время которого проходили общение фронтовиков, обмен опытом общественной работы. Ветераны-фронтовики активно делились воспоминаниями, посещая места боев, вспоминали мужество и героизм, с которыми сражались за Родину их братья по оружию.

Список литературы

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 30.
2. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 32.
3. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 31.
4. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 41.
5. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 48.
6. Бобынцев И.В. Военно-патриотическое воспитание старшеклассников // Школа и родной край. 1967.
7. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.Р-1057. Оп. 1. Д. 36.
8. Богданов В. Л., Бугров Ю. А., Гребнев Н. И. Память, ты для сердца свята // Деятельность комсомольских и молодежных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию в 50–90-е г.г. XX века: сборник документов. Курск: ГАОПИКО, 2008. 398 с.
9. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 47.
10. Ворон Н. Встреча с юностью // Курская правда. 1973. 19 октября.
11. Ефимьев А. В., Манжосов А. Н., Сидоров П. Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Транспорт, 1992. 246 с.
12. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 2. Д. 22.
13. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 46.
14. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 51.
15. Грива Т. Низкий поклон ветеранам // Курская Правда. 1993. № 21.

С. А. Душкин

Об организации досуга молодых участников послевоенного восстановления Курска

В статье рассматриваются основные направления послевоенной организации досуга молодежи в Курской области. Представлены отдельные аспекты в организации досуга молодежи, указаны негативные и позитивные стороны при организации досуговых мероприятий.

The article examines the main directions of post-war organization of youth leisure in the Kursk region. The author of the article presented individual aspects in organizing youth leisure and pointed out the negative and positive aspects of organizing leisure activities.

Ключевые слова: досуг, организатор, молодежь, проблемы, участие.

Key words: leisure, organizer, youth, problems, participation.

Роль молодежи в достижении победы в Великой Отечественной войне детально исследована отечественными историками. Достойное отражение в научной литературе нашли подвиги, совершенные комсомольцами-героями на фронте и в тылу врага, в полной мере представлены в публикациях трудовые инициативы молодых соотечественников на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, помощь раненым в госпиталях и всесторонняя забота о фронтовиках и их семьях.

В послевоенный период роль молодежи в полноценном переходе к мирной жизни не ослабла, а только усилилась. Восстановление предприятий народного хозяйства, жилищного фонда городов и сел было невозможно без созидательной энергии молодых. Юноши и девушки, прошедшие испытание войной, как и их старшие товарищи, осознавали значимость осуществляемой ими трудовой деятельности. Учитывая преобладание тяжелого физического труда, а также повсеместное отсутствие машин и механизмов, строительно-восстановительные работы, выполняемые молодыми людьми, требовали значительных энергетических затрат, а следовательно, и полноценного восстановления способности трудиться.

Поэтому организация досуга молодых рабочих и колхозников играла такую же важную роль, как и само привлечение их к активной производственной деятельности. Отличительной особенностью послевоенного досуга трудящейся молодежи, на наш взгляд, следует считать его организованный, коллективный характер с содержательным наполнением культурно-массовыми, просветительскими и спортивными мероприятиями. Руководящие и координирующие функции в этом процессе выполняли комсомольские организации и органы разных уровней, соответствующие принципам демократического централизма.

Необходимо отметить, что распорядительные и делопроизводственные документальные материалы комсомольских органов Курской области, находящиеся на хранении в региональных архивных фондах, содержат лишь опосредованную информацию об организации досуга рабочей, сельской и ученической молодежи, участвовавшей в строительно-восстановительных работах.

Еще в январе 1945 г. Пленум ЦК ВЛКСМ поставил перед региональными комсомольскими структурами ряд задач по совершенствованию повседневной работы с молодежью. В части организации полноценного содержательного досуга комсомольцев предлагалось принять меры по оптимизации деятельности учреждений культуры (клубов, домов культуры, изб-читален, красных уголков). Настоятельно рекомендовалось активно вовлекать молодых людей в объединения художественной самодеятельности, проводить смотры и конкурсы по выявлению талантов в исполнительском искусстве, пропагандируя при этом лучшие традиции классической и народной музыки. Для реализации перечисленных задач требовалось привести в порядок дома культуры и избы-читальни на местах, заинтересовав молодежь их посещением, оказывать содействие в постановке самодеятельных спектаклей, организации концертов, создании творческих агитационных бригад, обслуживающих предприятия промышленности и сельского хозяйства, проявлять внимание к своевременному ознакомлению с прессой [1, с. 64].

Территориальным комсомольским органам и структурам управления образованием предлагалось осуществлять подготовку руководителей сельских кружков художественной самодеятельности на краткосрочных курсах при местных театрах, филармониях и клубах, а также задействовать местные ресурсы для ремонта культурных учреждений и снабжения их необходимым инвентарем.

Во взаимодействии с физкультурными организациями комсомольским лидерам предписывалось обеспечить вовлечение в занятие массовой физической культурой и спортом молодых людей, добиваясь их регулярного занятия в спортивных секциях, командах, кружках. Планировалось организовать в городах курсы по подготовке общественных инструкторов физкультуры и открыть вечерние спортивные школы для молодежи. Для сельской молодежи предлагалось создавать в колхозах коллективы физкультуры, спортивные команды, обеспечить строительство собственными силами простейших спортивных площадок и изготовление на месте спортивного инвентаря.

Особое внимание комсомольских организаций обращалось на повседневную заботу об улучшении материально-бытовых условий молодежи. Комсомольские вожаки должны были регулярно интересоваться состоянием общежитий, помогать в их своевременном ремонте, обеспечении топливом, светом, инвентарем, добиваться улучшения работы столовых. Вопросы, связанные с улучшением бытового обслуживания молодежи, предлагалось незамедлительно вносить на рассмотрение партийных советских, профсоюзных, хозяйственных органов, решительно выступая против фактов формально-чиновничьего отношения к нуждам молодых тружеников промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства [2, с. 43–44].

Работа комсомола в послевоенном Курске характеризуется активным восстановлением народного хозяйства города, пережившего 15-месячную вражескую оккупацию, выполнением и перевыполнением производственных планов, восстановлением и благоустройством городской среды. Инфраструктура города, безусловно, напрямую связана с организацией и проведением культурного досуга молодого и совсем юного поколения, еще не приступившего к активной производственной деятельности. Постепенно в процессе восстановительных работ на территории Курской области вопросы культурного досуга молодых курян приобретали все большее значение [3, л. 7].

Так, 13 марта 1946 г. на пленуме Курского городского комитета ВЛКСМ обсуждались вопросы расширения первичных комсомольских организаций, благоустройства города и, что немаловажно, варианты культурного досуга комсомольцев. Все комсомольские организации, исходя из обязательств, возложенных на них решениями пленума, обязывались организовать культурный отдых комсомольцев, практикуя показ номеров художественной самодеятельности, организацию киносеансов и массовой читки газет [3, л. 12]. Совместно с городским отделом по делам искусств из числа артистов драмтеатра, филармонии, студентов музучилища были созданы агитбригады, в обязанности которых входило проведение культурно-массовых мероприятий на комсомольских стройках и в общежитиях молодых строителей.

Вопросы бытовой повседневности как одной из форм организации отдыха также обсуждались на пленуме. В каждом общежитии были созданы бытовые советы, в обязанности которых входил контроль за работой столовых, качеством приготовляемой пищи. При участии совета решался вопрос об организации полноценного трехразового питания для молодежи, живущей без семьи, снабжении молодых строителей необходимой спецодеждой и обувью. Все вопросы, обсуждаемые в ходе работы бытовых советов, имели особое значение для молодежи, ведь от успешной организации удовлетворения повседневных потребностей зависело качество, своевременность и ход работы по восстановлению экономики региона.

Говоря о конкретных примерах организации досуга в первичных комсомольских организациях, следует отметить, что проводилась достаточно активная работа в этом направлении. Так, комсомольской организацией ремесленного училища № 17, готовившего специалистов для отрасли связи, были организованы кружки рукоделия и кулинарный, проводились коллективные читки книг, газет и журналов. Помощь учащимся, имевшим проблемы с учебой, оказывали наиболее подготовленные комсомольцы [3, л. 13]. Причины неуспеваемости отдельных учеников комсомольский актив связывал с недостаточной комплектацией библиотечного фонда, используемого в образовательной деятельности и в досуговой работе. Но подобный подход к объяснению недостатков представляется слишком упрощенным.

В 1946 г. на предприятиях и в учреждениях города Курска функционировали 75 красных уголков и семь клубов [4, л. 1]. Но, по оценке комсомольских органов, они еще не успели стать центрами массового проведения свободного времени курской молодежи, но постепенно достаточно медленными темпами все же проводилась работа, направленная на популяризацию красных уголков и клубов среди молодых работников предприятий. Причиной столь медленной популяризации данных мест признавались некомпетентность комсомольского актива в организации досуговой работы и отсутствие организованного взаимодействия комсомольских организаций с заведующими красными уголками и клубами. Руководители культучреждений, не имея необходимых ресурсов, не могли в полной мере организовать всестороннюю работу. Как правило, они работали без четкого планирования своей деятельности, что негативно сказывалось на вовлечении актива молодежи в процесс проведения лекций, докладов и других просветительских мероприятий. В результате публичные мероприятия проводились от случая к случаю. Не менее остро стоял вопрос материального обеспечения красных уголков и клубов. Большинство мест проведения досуга комсомольцев не оформлялись наглядной агитацией, в них отсутствовали литература, газеты, библиотечки-передвижки, настольные игры, музыкальные инструменты. Как правило, помещения для проведения досуга молодежи не отапливались и, как следствие, использовались не по назначению [4, л. 13].

Исходя из перечня выявленных проблем, постановлением бюро Курского горкома ВЛКСМ перед райкомами и первичными комсомольскими организациями был поставлен ряд задач, касавшихся как пересмотра кадрового состава за-

ведующих красными уголками, предлагая в качестве альтернативы кандидатов на эти должности из числа лучших комсомольцев, наиболее грамотных и хороших организаторов, так и предусматривающих помощь в организации работы самих красных уголков, включая составление планов работы, организацию дежурств и заслушивание информации о работе красных уголков и клубов. Изменение отношения к работе объектов досуга молодежи со стороны первичных комсомольских организаций, несомненно, выглядит верным решением в условиях вскрытых недостатков [4, л. 14].

Проблемы слабой обеспеченности необходимым инвентарем и имуществом, а также дефицита квалифицированных кадров были характерны и для спортивно-физкультурного сектора. Так, на заседании комсомольско-физкультурного актива города Курска 17 апреля 1946 г. обсуждался вопрос участия молодежи в спортивной жизни страны. Несмотря на упомянутые недостатки, молодые куряне активно занимались физкультурой и спортом. Например, будущие строители – студенты профильного техникума, не имея полноценной экипировки, приняли участие в соревнованиях в Туле. Несмотря на проигрыш, в новом спортивном сезоне молодежный актив техникума пообещал занять первое место. В 1947 г. на городском собрании комсомольско-физкультурного актива руководитель легкоатлетической секции Каменев выступил с докладом о участии комсомольцев в спартакиаде РСФСР, на которой молодые курские легкоатлеты командными усилиями заняли различные призовые места [5, л. 88].

Рассматривая вопросы организации досуговой деятельности комсомольцев промышленных предприятий, приведем в качестве примера отчетные данные за 1946 г. комсомольской организации завода «Сельхозмаш». Для молодых рабочих в свободное от трудовой деятельности время проводились лекции на тему «История города Курска», «Воспитании воли и характера», беседы по актуальным вопросам общественной жизни. Были организованы коллективные походы в кино, где молодые люди имели возможность ознакомиться с кинолентами «Белый клык», «Светлый путь», «Пархоменко» и «Суд народов» [6, л. 11].

В целом культурно-массовая работа, проводимая с молодыми работниками завода «Сельхозмаш», была далека от эталона рационально реализуемого непрерывного процесса организации досуга рабочей молодежи. Даже традиционные лекции и беседы проводились здесь бессистемно, при отсутствии постоянного плана проведения подобных мероприятий. Обсуждение просмотренных кинофильмов не проводилось, что в конечном счете снижало воспитательный и просветительско-эстетический эффект от увиденного. Но молодежный актив предприятия все же был заинтересован в досуговой работе, проводимой заводской комсомольской организацией. Например, на заводе удалось создать низовой физкультурный коллектив, состоявший из сорока человек. Правда, в лыжном кроссе приняли участие всего пять из них. Массового участия в кроссе тоже не было организовано. К 1947 г. была создана заводская волейбольная команда [6, л. 12]. Следовательно, перспективы расширения сферы охвата молодых рабочих общественно полезной досуговой деятельностью были вполне реальны.

Таким образом, проведя анализ документов территориальных комсомольских органов, необходимо констатировать, что рабочая молодежь региона была вовлечена в содержательное проведение свободного от трудовой деятельности времени. Курский комсомол проводил целенаправленную работу по организации досуга молодежи, испытывая при этом определенные трудности. Вполне очевидным представляется недостаток квалифицированных кадров, способных обеспечить эффективное выполнение поставленных задач. Второй вечной проблемой, с которой сталкивались организаторы молодежного досуга – слабость материальной базы, что было особенно актуально для первых послевоенных лет. К сожалению, исследованные источники не позволяют проследить обратную связь и оценить восприятие самими молодыми людьми организуемого для них досуга.

Список литературы

1. Орлова Л. Н., Мартынова М. В., Цыганкова Е. А. Просветительская деятельность в СССР середины 40-х – начала 50-х гг. XX века как составная часть идеологической работы комсомола // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 63–67.

2. Товарищ комсомол. 1918–1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 2. 1941–1968. М.: Мол. гвардия, 1969. С. 37–46.

3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-40. Оп. 1. Д. 255.

4. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 256.

5. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 257.

6. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 278.

Ф. К. Ярмолич

Досуг человека и советское общество 1950–1960-х гг.

В статье демонстрируется возможность, изучая свободное время советского человека, проанализировать основные тенденции в развитии политической, экономической, социальной и культурной сфер в СССР. Так как рамки статьи не позволяют детально изучить обозначенные области общественной жизни, то внимание концентрируется на финансовых, материально-технических и кадровых вопросах. Описываются проблемы, которые существовали в них и как власть их решала в течение 1950–1960-х гг.

The article demonstrates the possibility of analyzing the main trends in the development of the political, economic, social and cultural spheres in the USSR by studying the free time of a Soviet person. Since the scope of the article does not allow a detailed study of the designated areas of public life, attention is focused on financial, logistical and personnel issues. The problems that existed in them and how the authorities solved them during the 1950s and 1960s are described.

Ключевые слова: досуг, советское общество, советский человек, кадры, учреждения культуры.

Key words: leisure, Soviet society, Soviet person, personnel, cultural institutions.

Исследуя частный вопрос – свободное время человека, советские ученые смогли перейти к анализу более масштабных проблем из социальной, политической, экономической и культурной сфер советской повседневности [1]. Однако в силу идеологических рамок и недостаточной доступности документального материала, в полной мере изучить обозначенный комплекс вопросов, связанный с досугом, исследователи в СССР не смогли.

Российские историки, не испытывая подобных ограничений, не стали продолжать традицию изучения досуга, созданную советскими учеными, за исключением отдельных исследователей [2], и сконцентрировали свое внимание на описании структуры и организации культурно-просветительных учреждений, содержании их мероприятий, выявлении предпочтений советского человека в области досуга и т.д. Это, конечно, важно, но такой подход существенно снижает исследовательский потенциал такой области человеческой жизни, как свободное время.

Время, как считают философы, само по себе относится к такому элементу социальной реальности, которое выступает естественным интегральным фактором для значительной части общественных процессов и, несмотря на свою относительность, условность и нематериальность, парадоксальным образом не просто влияет практически на все стороны жизни общества и человека, а определяет их, выступая «метрической границей происходящих явлений» [3, с. 13]. Обладая интеграционным фактором, время предоставляет возможность комплексно изучить многие элементы советской действительности. Более того, на всем протяжении 1950–1960-х гг. партийные советские и профсоюзные структуры целенаправленно использовали досуг как инструмент, позволяющий интегрировать человека в политическую, социальную, культурную реальность. Наиболее четко это нашло отражение в Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии [4, с. 117–122, 129–132].

Все это позволяет, изучая досуговую сферу, исследовать вопросы более общего характера. В частности, по материалам учреждений культуры можно понять, с какими трудностями в целом СССР на протяжении 1950–1960-х гг. сталкивался в материально-технической, финансовой и кадровой области.

В течение 50-х и 60-х гг. XX в. центральные и региональные органы власти и управления прикладывали усилия как по развитию досуговой инфраструктуры, так и по подготовке кадров для учреждений культуры. С этой целью открывались учебные заведения, строились театры, кинотеатры, музеи и т.д., выпускался инвентарь, производились музыкальные инструменты и другое оборудование для домов культуры, клубов и центров отдыха. Несмотря на это, в повседневной жизни советского человека ощущалось недостаточное количество учреждений досуга и профессиональных работников в них.

Проблемы, которые были характерны для досуговой сферы, центральные власти видели и принимали соответствующие решения, но их реализация на региональном уровне, в связи с отсутствием финансирования или строительных материалов, не всегда происходила вовремя. В 1958 г. в Бюро ЦК КПСС по РСФСР поступила записка от министра культуры РСФСР Т. М. Зуевой, в кото-

рой отмечалось, что, несмотря на существующее распоряжение правительства о строительстве учреждений культуры, оно «в течение ряда лет не выполнялось из-за отсутствия средств» [5, л. 124, 125]. Отмеченная проблема, характерная для союзной республики, находила отражение и в рамках некоторых городов. Например, в Северодвинске Архангельской области в 1958 г. из-за отсутствия ассигнаций невозможно было приступить к строительству кинотеатров, а между тем в городе, где проживало 70 тыс. чел., работал только один кинотеатр. Не лучшим образом обстояло дело и в Архангельске. Так, несмотря на постановление Совета Министров РСФСР 1956 г. на строительство двух кинотеатров, к реализации планов не приступили даже в 1958 г. [5, л. 130].

Вместе с этим некоторые региональные власти сталкивались и с другой проблемой – невозможность освоить выделенное союзным центром на строительство финансирование, так как республика, край, область, район или города не располагали для этого необходимыми строительными мощностями. На эту проблему было обращено внимание в «Справке об итогах выполнения плана семилетки (1959–1965 гг.) по развитию и укреплению материальной базы культуры и искусства» [6, л. 1–14]. В ней отмечалось, что существующая необходимость в ряде городов РСФСР «строительства новых или реконструкции существующих театральных зданий» в том числе появилась из-за того, что местные органы культуры не смогли полностью освоить выделение им «государственных капиталовложений и нецентрализованных источников финансирования». При этом в документе подчеркивалось, что планы по развитию досуговой инфраструктуры «органами культуры выполнены со значительным превышением».

Однако такую высокую оценку пять лет спустя, в 1970 г., не смогла поддержать министр культуры СССР Е. Фурцева, отметив, что «до 1965 г. на строительство учреждений культуры ассигнаций по существу не выделялось и сеть их, особенно на селе, значительно сократилась». После аргументирования своей позиции, было высказано пожелание «увеличить капиталовложения для строительства объектов культуры союзного подчинения» [7, л. 1, 3].

Определить, кто именно из составителей двух приведенных документов прав в рамках данной статьи не представляется возможным. Следует лишь отметить, что, испытывая трудности в обеспечении населения культурно-просветительными учреждениями, власти делали многое, чтобы предоставить возможность человеку посещать театры, музеи, иные центры отдыха, но процессы демографического и социально-экономического развития страны шли настолько быстрыми темпами, что центральным и региональным органам управления не удавалось успевать за ними, что сказывалось, в частности, на развитии досуговой инфраструктуры.

Если в 1950 г. в СССР проживало 178,5 млн чел., то в 1959 г. – 208,8 млн, а в 1970 г. – 241,7 млн, т.е. за 20 лет население страны выросло на 63,2 млн. Эта тенденция проходила параллельно с активным освоением тех территорий СССР, которые ранее были малонаселенными или незаселенными вообще. Это приводило к необходимости выстраивать в этих регионах страны досуговую

сферу с нуля, что не всегда удавалось. Например, в записке секретарю ЦК КПСС А. Б. Аристову от министра культуры РСФСР А. И. Попова (23 сентября 1958 г.) обращалось внимание, что «возникновение и быстрое развитие новых городов … значительно опередили развитие городской сети профессиональных театров» [5, л. 290]. В то же время встречалась и противоположенная ситуация, когда учреждения культуры во вновь осваиваемых регионах СССР строились быстрее, чем в целом по стране. Это, в частности, было характерно для киносети РСФСР, которая в 1961 г. на территории целинных краев, областей и автономных республик развивалась более ускоренными темами, чем киносеть союзной республики в целом [8, л. 288].

Однако постройкой здания театра или клуба работа по развитию досуговой сферы не завершалась. Необходимо было центр отдыха оборудовать необходимым инвентарем. Но в этой области тоже существовали определенные проблемы. В 1950-е гг. они стояли более остро, чем в 1960-е гг., когда удалось наладить производство пластинок, музыкальных инструментов и иной необходимой техники, и мебели. Но и в 1960-е гг. полностью решить эту проблему не удалось. Так, в одних регионах страны трудности в этой сфере учреждения культуры смогли преодолеть, например в Кемеровской области [9, л. 54], а в других нет. В 1966 г. большая часть клубов Ямало-Ненецкого национального округа была оснащена «оборудованием и инвентарем кустарного изготовления» и в достаточном количестве не располагала музыкальными инструментами [10, л. 27].

Важным условием хорошего отдыха, на который рассчитывал посетитель театра или музея, и грамотной пропаганды, которую предполагала проводить власть, выступали подготовленные кадры. Однако и здесь на протяжении 1950–1960-х гг. все складывалось далеко неоднозначно.

На одну из проблем, которая была характерна для второй половины 1950-х гг., обратили внимание представители ученого совета Ленинградской государственной консерватории: «В настоящее время более трех четвертей композиторов [РСФСР] принадлежат к пожилым возрастам (старше 40–45 лет), приток молодых сил явно недостаточен, и вскоре количество действующих композиторов снизится более чем вдвое» [5, л. 272]. И это была общая тенденция, характерная практически для каждой культурной сферы страны. В 1958 г. в письме Министерства культуры РСФСР, направленном в ЦК КПСС, отмечалось, что около 600 актеров и около 680 актрис драматических театров РСФСР находились в возрасте свыше 55 и 50 лет, что соответственно требует срочной их замены молодыми исполнителями. Доказывая, что возраст в работе актера имеет важное значение, автор письма обратил внимание, что «в возрасте свыше 50 лет, после 20–25 летней работы на сцене, утрачивают свои прежние голосовые и внешние данные солисты-вокалисты театров оперы, музыкальной комедии и филармоний». В качестве причины, почему актеры, достигнув определенного возраста, продолжали играть на сцене, министр культуры РСФСР указывал, что их служба в театре была единственным источником дохода. При этом обращалось внимание представителей ЦК КПСС на то, что государство, желая решить эту проблему и освободить места для молодых актеров, в середине 1950-х гг. постановлением Совета Министров СССР установлена пенсия за выслугу лет работникам театров и концертных организаций Москвы,

Киева и Ленинграда, но «вопрос о пенсионном обеспечении творческих работников всех других театров и концертных организаций [страны] остался не решенным» [5, л. 116, 118].

Обеспечение культурно-просветительных учреждений молодыми кадрами в 1950-е гг. стало не единственной проблемой. Наряду с ней существовала другая: отсутствие работников для культурной сферы. Это было характерно, например, для Таджикской и Киргизской ССР, Бурят-Монгольской АССР середины 1950-х гг., где не было композиторов и дирижеров [11, л. 15].

Для решение кадровой проблемы власти предпринимали шаги: открывали соответствующие учебные заведения, повышали заработные платы и т. д. Но, несмотря на эти усилия, полностью ее решить в 1960-е гг. не удалось. В документах учреждений культуры обращалось внимание, что для работы молодых специалистов в клубах, музеях и т. д. не было создано благоприятных условий, поэтому они уходили работать в другие сферы, да и образовательный уровень работников учреждений досуга в целом остался невысоким.

Перечисленные проблемы в очередной раз были подняты на совещании-семинаре начальников управлений культуры обл/край исполкомов и министров культуры АССР (3 апреля 1965 г.). Участники совещания-семинара обратили внимание, что учреждения культуры и искусства РСФСР специалистами с высшим образованием укомплектованы на 25 % от имеющихся нормативов, а со специальным средним образованием – на 48 %. Помимо этого, причины другой проблемы – «огромная текучесть среди молодых специалистов, особенно, среди клубных работников», виделись не только в низких зарплатах, но и в отсутствии у молодых работников нормальных условий работы и их бытовой неустроенности [12, л. 125, 128, 129].

Таким образом, анализ досуговой сферы позволяет перейти на более широкие обобщения политической, социальной, культурной, экономической повседневности советского человека и общества.

Список литературы

1. Байкова В. Г., Дучал А. С., Земцов А. А. Свободное время и всестороннее развитие личности. М.: Мысль, 1965. 271 с.

2. Сидорчук И. В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг. СПб.: Политехпресс, 2022. 609 с.

3. Иконникова С. Н. Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1974. 147 с.

4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. а-501. Оп. 1. Д. 257.

6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 42. Д. 84.

7. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 42. Д. 134.

8. ГАРФ. Ф. а-501. Оп. 1. Д. 3403.

9. ГАРФ. Ф. а-501. Оп. 1. Д. 4647.

10. ГАРФ. Ф. а-501. Оп. 1. Д. 4971.

11. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 200.

12. ГАРФ. Ф. а-501. Оп. 1. Д. 4648.

О. Д. Попова

Письма граждан «во власть» в конце 1950-х гг. как отражение представлений о нормах и аномалиях провинциальной досуговой деятельности*

В статье анализируются письма граждан в районные периодические издания. Отмечается, что в условиях цензуры опубликованные «письма во власть» использовались как механизм формирования общественного мнения. Позитивные и хвалебные письма должны были создавать представления о различных одобряемых формах досуга: художественная самодеятельность, лекции, просмотр кинофильмов. Критические письма читателей должны осудить злоупотребление алкоголя. В то же время граждане использовали потребности в досуговых практиках как способ решения бытовых проблем.

The article analyzes letters from citizens to regional periodicals. The author shows that in the conditions of censorship of the appeal, the published "letters to the authorities" were used as a mechanism for forming public opinion. Positive and laudatory letters were supposed to create ideas about various approved forms of leisure: amateur art, lectures, watching movies. Critical letters from readers should condemn alcohol abuse. At the same time, citizens used the needs of leisure practices as a way to solve everyday problems.

Ключевые слова: письма во власть, региональная периодика, досуговые практики, общественное сознание, борьба с алкоголизмом.

Key words: letters to the authorities, regional periodicals, leisure practices, public consciousness, the fight against alcoholism.

К «письмам во власть» в настоящий момент относят обращения к государственным деятелям, в государственные структуры и средства массовой информации. Особую категорию составляют письма, публикуемые на страницах газет. Рублика «Письма в редакцию» была очень распространена в 1950–1960-е гг. Особенно много писем публиковалось на страницах региональных изданий, иногда под информацию, написанную с использованием непрофессиональных авторов и непосредственно самих писем, отводилась значительная часть номера. Говоря об опубликованных письмах, следует понимать, что в условиях жесткой цензуры тексты обращений для публикации отбирались с определенной целью, играли большую роль в формировании представлений об одобряемых и порицаемых обществом деяниях. Это касается и досуговых практик.

Советская власть сделала очень много, чтобы изменить досуг советского человека. Это связано как и с идеологическими задачами, так и научно-техническим прогрессом. К 1950–1960-м гг. досуговые практики, особенно в сельской глубинке и небольших районных центрах, претерпели значительные изменения.

* Статья выполнена при поддержке гранта фонда РНФ «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950–70-х годов», № 24-28-01217.

Публикации в рубрике «Письма в редакцию» неоднократно касались и этой проблемы. В провинции центром культурной жизни должен был стать красный уголок, клуб рабочих, сельский клуб. В этой связи очень много публиковалось писем, в которых авторы хвалили вечера, где были выступления самодеятельных коллективов, лекции инструкторов обкомов и райкомов. Например, в одном из таких писем на страницах газеты «По пути Ильича» рассказывалось о вечере в районном доме культуре, который состоял из лекции инструктора райкома ВЛКСМ, номеров художественной самодеятельности коллектива строительного участка [1, с. 3]. Можно сказать, что в этом письме был сформирован типичный идеальный образ культурного вечера жителя небольшого города или сельского поселка. Таким образом, в общественном сознании формировалась мысль, что большую роль в досуговой деятельности должны были играть самодеятельные коллективы и агитбригады, т. е. граждане должны были развлекать себя сами.

Широко пропагандировалось и занятие рукоделием как форма проведения досуга. Читатели на страницах газеты рассказывали о выставке рукоделия, которая была организована райкомом для работников государственных учреждений города Горячий Ключ. Причем автор делал акцент, что некоторые работы были представлены мужчинами, в том числе и вышивка, и вязание [2, с. 3]. В другом номере рассказывалось о курсах кройки и шитья в районном клубе культуры, и староста группы выражал благодарность преподавателю кружка за полученные навыки [3, с. 4].

В то же время нередко встречаются письма-жалобы, которые в том числе касаются и досуговых практик. Достаточно частыми были жалобы на плохую организацию работы клуба: плохое состояние самого помещения, или плохая работа заведующего клубом, отсутствие досуговой работы как таковой. Например, работник торфопредприятия «Дружная горка» жаловался в газету «Гатчинская правда», что на предприятии вообще не ведется клубная работа, за 1958 г. здесь не было прочитано ни одной лекции, не показано ни одного фильма [4, с. 3].

Кроме сетований на недостатки клубной деятельности, публиковались жалобы, связанные с другими формами досуга. Эти письма свидетельствуют о том, что в начале 1960-х гг. часть населения все еще не могла воспользоваться благами цивилизации, доступными другим. Например, рабочий В. Гавриленко жаловался в газету, что в 1957 г. подал заявку на установку радио, однако проблема встала из-за отсутствия столбов, изоляторов и проводов. Все это было предложено приобрести самим заявителям [5, с. 4].

Представляет интерес не только фактическое содержание того или иного обращения, но и идеологическая цель подобных публикаций. Советская власть выносила негативную и позитивную информацию на страницы прессы с определенной целью, безусловно, любая статья тщательно выверялась и несла не только информационную, но и идеологическую нагрузку. Как правило, после такой статьи организация должна была реагировать, и нередко после жалобы появлялась публикация под рубрикой «по следам выступлений», «меры приняты».

Целью обнародования таких негативных фактов являлось стремление переложить ответственность за какие-либо проблемы на конкретных лиц, в данном случае на зав. клубом, киномеханика председателя совхоза, ту или иную профсоюзную или партийную организацию. Положительные примеры публиковались как образец для подражания. А та или иная проблема подавалась как недоработка тех или иных лиц или конкретного социального института. Более того, авторы порой напрямую указывали кому и что надо делать. Например, читатель М. Гедйе жаловался в газету «Гатчинская правда», что городская Гатчинская библиотека находится в неудобном приспособленном помещении. Заканчивал он свое письмо словами: «Городской Совет в качестве одной из неотложных задач должен решить вопрос о предоставлении библиотеке нового более просторного помещения» [6, с. 3].

Следует отметить, что и сами авторы писем досуговую деятельность использовали как аргумент, чтобы решить насущные бытовые проблемы. Например, очень показательна жалоба жителей улиц Октябрской и Набержной города Горячий Ключ в газету «По пути Ильича» под названием «Мы хотим слушать радио». При этом весьма красноречива мотивация: «Скоро будет проводиться важная политическая кампания – выборы в Верховный Совет, а нам придется довольствоваться только газетами» [7, с. 4].

Авторы, которые направляли свои обращения непосредственно в органы власти, досуговые потребности еще шире использовали как аргумент для получения бытовых благ. Особенно часто этот аргумент шел в ход, когда заявители пытались добиться проведения электричества. Например, офицер Н. Н. Даревенко из города Тихорецка Краснодарского края, жалуясь на отсутствие электричества в доме, писал: «Вот мне завтра проводить политические занятия, я не вполне подготовлен, думаю, всегда подготовлюсь. Но просто такая обстановка, полумрак от керосиновой лампы в дремоту клонит, семья моя уже спит, время московское 18.45. Ни радио, ни телевизор не работает, только место занимает в комнате» [8, л. 67].

Одновременно письма граждан на страницах периодики использовались для борьбы с девиантными формами досуга, особенно таким как пьянство. Это проблема на рубеже 1950–1960-х гг. осознавалась в очередной раз с новой силой. Как отмечается в коллективном труде «Алкоголь в социальном пространстве советского общества», выпивка в этот период преподносилась средствами массовой информации как рост благосостояния населения, а государство извлекало выгоду от получения алкоголя. Пропагандировалась идея «культурного потребления» алкоголя [9, с. 139]. Однако на практике происходила алкоголизация населения. Письма читателей на страницах печати использовались как один из механизмов борьбы с теми, кто систематически злоупотреблял потреблением «зеленого змия» и не мог удержаться в пределах меры.

В частности, на страницах газет получали слово представители различных структур, которые на практике встречались с последствием нарастания продажи алкоголя. Такие публикации ярко свидетельствуют, что торговые точки всяческим образом старались выполнять план именно за счет продажи алкоголя в

розлив. Например, начальник линейного поста милиции станции Сиверская Ф. Шведенков выражал беспокойство, что на привокзальной площади слишком много распивочных и буфетов [10, с. 3]. Подобная проблема была и в Крыму. Старший инспектор горотдела милиции Н. Черных в статье «Еще о рассадниках алкоголизма» писал о ларьке «Пиво – воды», что торгует данный павильон с 10 утра до 12 часов ночи, его посетители регулярно устраивали драки, некоторых приходилось доставлять в медицинский вытрезвитель. При этом городской отдел милиции неоднократно обращался в горторготдел с просьбой запретить торговлю алкогольной продукции, но был получен отказ [11, с. 3].

Кроме статей представителей правоохранительных структур часто публиковались письма граждан, в которых содержались жалобы на продажу алкоголя в магазинах, на неадекватное поведение подвыпивших граждан в столовых или других местах, которые распивают алкогольные напитки, или же на посетителей клубов, которые в состоянии алкогольного опьянения нарушали общественный порядок. Например, отдыхающие курорта Алушта жаловались в газету, что магазины куротторга почти никогда не торгуют фруктами и виноградом, зато в торговле всегда есть водка и вино [12, с. 3].

Другой чтитель, В. Новиков в заметке «Привольно пьяницам на Средней улице» писал в «Гатчинскую правду», что данная улица в поселке имени Рошаля главная, по которой рабочие идут на завод, дети в школу, по вечерам превращалась в место сборища пьяниц, которые распивают купленную в магазине водку, при этом в тех же магазинах их снабжали необходимой посудой. Автор письма просил навести порядок [13, с. 3].

Еще одна характерная статья: пенсионер Кривожихин сетовал на страницах газеты «Красное знамя» Похвистенского райкома КПСС, что баня железнодорожников стала привлекать не только любителей пара, но и любителей выпить. В предбаннике отрыли ларек «Пиво-воды», который привлекал мужчин – любителей пива даже в дни, когда мылись женщины [14, с. 3]. При этом весьма интересно, что ответственность за такую инициативу автор заметки возлагал на директора бани и продавца киоска, но никак не на советскую торговую систему, которая вынуждала делать план за счет продажи алкоголя и тихо поощряла такую торговлю.

Еще одним из способов борьбы со злоупотреблением алкоголем становятся письма, в которых прямо указывалось об антиобщественном поведении или увольнении с работы за пьянку конкретного человека, рабочего конкретного предприятия. Например, в газете «Рабочий Кронштадт» неоднократно размещались карикатуры с сообщением о появлении того или иного рабочего в общественном месте в пьяном виде. Например, «рабочий Морского завода С. Н. Иванов в нетрезвом виде пришел в баню» [15, с. 4]; «Электросварщик Морского завода Б. Лемехов за пьянство уволен с завода» [16, с. 4]. «Гатчинская правда» также периодически публиковала письма о пьяных подвигах того или иного трудящегося. Например, в одном из номеров публикация под заголовком «Под парами винными…» подробно повествовала о пьяных подвигах рабочего пегелевского отделения совхоза «Верево». Завершалось данное сооб-

щение вопросом, обращенном к руководству: «Зачем держат такого безобразника в коллективе совхоза?» [17, с. 3] Редакция при этом проверила изложенные факты и в примечании отмечала, что действительно такие факты имели место, и такой рабочий существует. Представляется, что такие сообщения в районных газетах власть рассматривала как механизм действенного воздействия и воспитания. В небольшом городке, где все друг друга знают такие статьи должны были вызвать общественное порицание.

Таким образом, публикации писем граждан на страницах прессы не просто создавали информационное поле о распространённых досуговых практиках в глубокой провинции, но и были механизмом формирования представления о должных и недолжных формах досуга, призывали стимулировать различных должностных лиц заниматься организацией досуговой деятельности, при этом используя ресурсы самих трудящихся. Кружки самодеятельности, кружки творчества – это основа клубной работы. Кроме того, руководство местной власти, руководство колхозов должны были за свой счет заниматься обустройством электричества, радио в поселке. Публикация писем граждан должна была стимулировать этот процесс, поскольку на письма, опубликованные на страницах прессы, приходилось давать ответ как редакции, так и исполнительной власти.

Вместе с тем, судя по количеству писем, осуждающих злоупотребление алкоголя, видно, что это становится серьезной проблемой. Вечерний досуг со стаканом в руке уже стал рассматриваться как угроза для общества. Однако сократить продажу алкоголя, закрыть «наливайки» торговые учреждения не могли из-за опасности не выполнить план, и государство пыталось воздействовать на общество путем общественного порицания.

Список источников и литературы

1. По пути Ильича. 1958. 9 февраля.
2. По пути Ильича. 1958. 14 марта.
3. По пути Ильича. 1958. 27 апреля.
4. Гатчинская правда. 1959. 27 февраля.
5. По пути Ильича. 1958. 22 января.
6. Гатчинская правда. 1959. 31 января.
7. По пути Ильича. 1958. 5 января.
8. Государственный архив Краснодарского края Ф. Р-687. Оп.3. Д. 1701.
9. Алкоголь в социальном пространстве советского общества / В. П. Пашин и др.; ред. Н. В. Комардина. Курск: ЮЗГУ, 2011. 215 с.
10. Гатчинская правда. 1959. № 36.
11. Керченский рабочий. 1958. 7 мая.
12. Ленинский путь. 1958. 3 октября.
13. Гатчинская правда. 1959. 29 мая.
14. Красное знамя. 1959. 26 февраля.
15. Рабочий Кронштадт. 1959. 16 мая.
16. Рабочий Кронштадт. 1959. 1 января.
17. Гатчинская правда. 1959. 6 июня.

В. П. Брендель, З. З. Мухина

Поисковое движение как форма досуга молодежи

В статье рассматривается одна из форм проведения свободного времени – досуга молодежи на примере вовлечения в поисковое движение. Показано участие молодежи в экспедициях по поиску и перезахоронению останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, в создании музеев Боевой славы, что представляет важнейший элемент патриотического воспитания школьников и молодежи. Использованы материалы историко-патриотического клуба «Поиск», созданного в 1968 г. в г. Старый Оскол Белгородской области.

The article examines one of the forms of spending free time – leisure time for young people using the example of involvement in the search movement. It shows the participation of young people in expeditions to search for and reburial the remains of soldiers who died during the Great Patriotic War, in the creation of museums of Military glory, which is an essential element of patriotic education of schoolchildren and youth. The materials of the historical and patriotic club "Poisk", established in 1968 in Stary Oskol, Belgorod region, were used.

Ключевые слова: досуг, поисковое движение, патриотическое воспитание, Великая Ответственная война.

Key words: leisure, search movement, patriotic education, the Great Responsible War.

Участие в работе клуба «Поиск» и поисковом движении стало своеобразной формой досуга некоторой части молодежи Старооскольского городского округа. С 1970-х гг. молодежь города участвует в экспедициях по поиску и перезахоронению останков воинов, погибших во время военных действий летом 1942 г. и в период Курской битвы – одного из ключевых сражений Второй мировой войны по своим масштабам, задействованным силам, напряженности и последствиям. Так, «в июне-июле 1942 года… двенадцать дивизий КА в районе Старого Оскола попали в т.н. “котел”» [1, с. 360]. Здесь ежесуточно потери советских войск составляли «более 15 тысяч убитых» [2, с. 177]. Тысячи погибших солдат оставались лежать в лесах, окопах, бомбовых воронках, тела которых были присыпаны землей.

За 55 лет существования клуба «Поиск» были найдены и перезахоронены со всеми почестями тысячи останков погибших воинов, некоторым из них, числившихся пропавшими без вести, удалось установить имена. Только в 2024 г. было найдено и перезахоронено 264 воина, но лишь у восьмерых удалось установить имена. «По данным поисковиков, на 100 найденных останков погибших приходится не более 10 капсул с записками, в которых указаны имена и адреса солдат, и всего лишь пять из них удается прочитать» [3, с. 245]. Благодаря поисковикам в Старооскольском округе появились десятки братских могил и обелисков.

Поисковое движение у нас началось, когда по инициативе комсомольца, фрезеровщика Старооскольского механического завода Эдуарда Ивановича Григорьева в 1968 г. был организовал поисковый отряд, а затем и клуб «По-

иск». Вначале отряд был небольшим, состоял из 15–20 человек. Выкраивая время среди повседневных забот, они спешили в клуб. Это стало своеобразной формой реализации свободного времени, досугом молодежи. В 1970 г. в городском Доме пионеров клубу «Поиск» было выделено помещение. Поисковики еженедельно каждый четверг стали собираться и обсуждать текущие вопросы, планировать работу по организации поисковых экспедиций.

Начиная с ранней весны и до поздней осени члены клуба выезжают в экспедиции, участвуют в «Вахтах Памяти». Первые поисковики на время экспедиций брали отпуск за свой счет, на своем транспорте добирались к месту раскопок, закупали в складчину необходимое снаряжение и оборудование – лопаты, мешки и тачки. «Сотни человек прошли за это время через «Поиск», – отмечает руководитель поискового движения Белгородчины И. И. Андреев. – Количество участников поисковых походов в разные годы менялось: от 15 до 300 человек» [4]. В клуб «Поиск» приходили школьники, учащиеся средних специальных заведений, профтехучилищ, молодые рабочие. Сегодня «старшие» члены отряда приводят в клуб своих детей. Активисты клуба постепенно привлекали молодежь к поиску ветеранов разных военных частей, участвовавших в боях под Старым Осколом в 1942–1943 гг., сбору материалов и воспоминаний участников войны, созданию школьных музеев боевой славы.

В 1980-е гг. под руководством Э. И. Григорьева и других поисковиков в большинстве школ города и района были организованы музеи и уголки боевой славы. Учащиеся изучали не только боевой путь частей и соединений, но и переписывались и организовывали встречи с ветеранами, собирали их воспоминания о Великой Отечественной войне, под руководством учителей-историков создавали школьные музеи [5].

Поисковики поручали школьникам-следопытам сбор материалов о жителях города – участниках событий Великой Отечественной войны, о погибших воинах на старооскольской земле. Так, например, следопытам старооскольской средней школы № 12 г., было предложено установить шефство над братской могилой у Атаманского леса [5]. Э. И. Григорьев попросил школьников также взять в военкомате адреса погибших и написать письма их родственникам. Однако, когда они пришли в Старооооскольский горвоенкомат, просто растерялись… Там оказалось тысячи карточек погибших. Тогда они выбрали адреса только из 100 карточек погибших воинов и написали письма их родственникам [6]. Так они начали свою работу по поиску родственников, однополчан и друзей погибших бойцов и командиров Красной армии. В письмах просили рассказать о боях за Старый Оскол, прислать адреса друзей. Ответы на запросы ребят приходили разные. Часто на страницах писем можно было увидеть следы от слез: отвечали дети и вдовы погибших солдат. Но всегда во всех ответах звучали сердечные слова благодарности.

Постепенно накапливался материал по разным воинским формированиям: 10-й танковой дивизии, 55-му гвардейскому авиационному полку, 303-й Сибирской стрелковой дивизии, 267-й стрелковой дивизии, 116-й танковой бригаде [7].

Эдуард Иванович попросил следопытов подробнее разузнать о 116-й танковой бригаде, участвовавшей в освобождении Старого Оскола. Через год благодаря следопытам двенадцать семей узнали о том, что их родные и близкие погибли и захоронены под Старым Осколом. Многие из родственников побывали на братской могиле, стали почетными гостями школы и клуба «Поиск».

Результаты кропотливой поисковой работы были бережно и аккуратно оформлены в альбомах, стендах, витринах. В фонды музея поступило огромное количество экспонатов. Одними из самых дорогих были фронтовые письма к родным. В 1983 г. в школе № 12 состоялось торжественное открытие школьного музея боевой славы, на котором присутствовали ветераны 116-й танковой бригады: комиссар Г. И. Кривицкий (Киев), красноармейцы-танкисты А. С. Вохмянин (Минск) и И. П. Костоглот (Белоруссия), радистка Т. Н. Куцанкова (Москва). Юные следопыты вместе с ветеранами прошли по боевому пути этой бригады от Воронежа до Голофеевки, где погиб их комбат В. В. Селиванов. В гостях у следопытов школы № 12 побывали также ветераны 303-й Сибирской и 262-й стрелковых дивизий.

Богатый материал о героическом боевом пути 62-й стрелковой дивизии и его командире П. А. Навроцком собрали учащиеся старооскольской средней школы № 18. Почетным гостем в школе был бывший начальник разведки 89-го артполка третьего дивизиона И. Г. Ковтун.

Одним из лучших признан музей боевой славы в школе № 34. Учитель истории И. Н. Чеканов и сегодня все делает для того, чтобы досуг школьников и молодежи был направлен на патриотическое и гражданское воспитание, воспитание чувства гордости за Отчизну. Сегодня музей боевой славы является одним из самых крупных школьных музеев, где в основном представлены подлинные экспонаты военного времени.

К сожалению, за последние десятилетия многие школьные музеи были закрыты, а экспонаты, в частности архивы с письмами, были уничтожены.

Несмотря на трудности постсоветского времени, старооскольские поисковики не прекращали свою деятельность. И сегодня они стремятся увлечь школьников и молодежь поисковой работой, вызвать у них интерес к историческим событиям военных лет.

Молодежь, прошедшая через «поисковую школу», по-иному смотрит на жизнь, на историю нашей страны. «Ребята, прошедшие через наши поисковые отряды, – отмечал руководитель поискового движения на Белгородчине И. И. Андреев, считает, что поисковики – «это благородные и честные люди. Проходя дорогами героев и осознавая, как дорога была цена победы, они и сами становятся лучше, чище. Среди наших бойцов нет и не может быть наркоманов, алкоголиков или бандитов» [8].

В 1981 г. по инициативе поисковиков был открыт общественный музей боевой славы при Дворце культуры «Комсомолец». Экспонаты музея, их насчитывалось более 3 тыс., все до единого были взяты из земли, буквально с поля боя. В последние годы помещение музея боевой славы клуба «Поиск» уже не вмещало все экспонаты, найденные во время поисковых экспедиций [9, с. 179].

Сегодня старооскольский музей боевой славы имеет отдельное помещение, с двумя полноценными залами. В архиве клуба «Поиск» хранится следующее письмо: «24 июня 1995 г. Дорогие друзья! Несколько лет назад нам довелось быть на встрече в Старом Осколе. Побывали мы и в музее при ДК, который произвел на нас огромное впечатление. Прошло уже много лет, но мы всегда с восхищением вспоминаем Ваш уникальный музей, экспонаты которого взяты из земли. Пожалуй, нигде в мире нет такого. <…> Зам. председателя Совета ветеранов 6-ой стрелковой дивизии на Украине Е. Праведников» [10].

Члены клуба «Поиск» ведут переписку с различными музеями страны, получают копии документов, фотографии, которые пополняют фонды музея боевой славы.

В заключение следует отметить, что увлечение нескольких человек в 1970-е гг. превратилось в организацию, которая привлекла интерес единомышленников, школьников, студентов. За 56 лет через клуб «Поиск», поисковое движение прошли около 2,5 тыс. молодых людей. Клуб помог им подготовиться к службе в армии, найти свое место в жизни. Клуб «Поиск» и сегодня остается центром привлечения молодежи к активной форме проведения свободного времени – досуга среди части молодежи Старооскольского городского округа.

Список литературы

1. Мамаева Т. П., Пушкаренко Е. А., Шамрина Т. Р. Боевые действия на территории Оскольского края летом 1942 года как один из этапов Воронежско-Ворошиловской операции: анализ, итоги, значение // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 2 (359). С. 359–369.

2. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях, военных конфликтах: Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 415 с.

3. Андреев И. И., Брендель В. П., Попов Д. А. «Пока не похоронен последний солдат…» // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы IV Всерос. науч.-практ. конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине. М.: Издательский Дом НИТУ МИСИС, 2023. С. 242–249.

4. Андреев И. И. «Времен связующая нить…». URL: https://belstory.ru (дата обращения: 04.12.2024).

5. Мухина З. З. Это нужно живым… К сорокалетию организации поискового движения на Белгородчине. Старый Оскол: РОСА, 2008. 168 с. URL: https://БРОО ИПО "Поиск" (дата обращения: 04.12.2024).

6. Архив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСИС». Папка «Поиск».

7. Зубова А. Они еще живут среди нас: Клуб «Поиск» школы № 12 находит новые факты истории Великой Отечественной войны // Октябрьские зори. 1991. 5 февраля.

8. Деменко А. Возвращая память живущим. // Оскольский курьер. 2006. 15 мая.

9. Мухина З. З. Воспитание патриотизма (на примере деятельности клуба «Поиск») // Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны: Всероссийская научно-практическая конференция. Курск, 21–22 мая 2016 г. Курск: Издательство: ЗАО «Университетская книга», 2016. С. 176–180.

10. Текущий архив Белгородской региональной общественной организации «Историко-патриотическое объединение «Поиск». Книга отзывов, май 1995 г.

Е. Е. Кононова

Советский досуг (1985–1991 гг.)

В статье рассматриваются проблемы досуга советского населения в период перестройки. Актуальной являлась проблема отсутствия широкой сети развлекательных учреждений. В процессе проведения политики гласности массовым стало чтение газет и журналов, подтверждением чему являются цифры их тиражей. Существование большого спроса на периодические издания, а также на билеты в культурно-досуговые учреждения является результатом «культурного голода».

The article examines the problems of leisure time for the Soviet population during the period of perestroika. The problem of the lack of a wide network of entertainment facilities was urgent. In the process of implementing the glasnost policy, newspapers and magazines have become widely read, as evidenced by their circulation figures. The existence of a great demand for periodicals, as well as for tickets to cultural and leisure institutions, is the result of a "cultural hunger".

Ключевые слова: перестройка, советский досуг, «культурный голод», гласность, спрос на билеты, советский «Гайд-парк».

Key words: perestroika, Soviet leisure, "cultural hunger", glasnost, demand for tickets, Soviet Hyde Park.

Дж. Фридману, американскому политологу, принадлежит идея о порождении свободного времени технологической цивилизацией: создание и развитие с каждым днём всё более совершенных производственных машин и потребительских товаров делает возможным появление у человека времени, которое «сэкономлено» и чётко отделено от рабочего времени – свободного времени. Именно в технологической цивилизации зародился «the after-work man» – «человек после работы» [1, с. 509–510]. Французский социолог Ж. Дюмазедьер выделил три функции досуга: отдых, развлечение и развитие личности [2, с. 526–527].

Согласно ст. 41 Конституции СССР 1977 г., «граждане СССР имеют право на отдых. Это право обеспечивается… предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, дней еженедельного отдыха, а также расширением сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, развитием массового спорта, физической культуры и туризма; созданием благоприятных возможностей для отдыха по месту жительства и других условий рационального использования свободного времени» [3]. С. Ричардс, журналистка, которая совершила четыре поездки в Советский Союз в период с осени 1988 по лето 1990 гг., писала, что её внимание «привлёк баннер высотой в десять футов с надписью: «Советский человек должен помнить о своём праве на досуг» [4, с. 46].

Прежде всего выясним, существовало ли свободное время у советских граждан. Современники по-разному отвечали на данный вопрос. Так, молодой человек писал о том, что, когда он ушёл из института и устроился работать в гараж, у него даже не было времени почитать хорошую книгу, а в выходные он пытался «наверстать недельный недосып» [5, с. 87]. А жительница Ленинграда Л. Васильева отмечала: «Каждый вечер я прихожу домой в восемь и делаю ра-

боту по дому. Только после этого у меня появляется время побыть со своим мужем. Где мы можем провести это время? Сходить в музеи? Они открыты до шести. Или, может быть, в театр? Поздних представлений нет. Прогуляться по кафе? Они закрываются в восемь» [5, с. 87].

В отличие от взрослых людей молодое поколение всё больше открывало для себя, что работа – это не единственное, что есть в жизни. Так, молодой инженер работал только два дня в неделю с соответствующей зарплатой, остальные пять дней были свободными, в течение которых он мог почитать, заняться физическими упражнениями и др. По его мнению, такая трата времени была ближе к коммунистическому идеалу, нежели бесконечная работа [5, с. 87–88].

В рассматриваемый период времени актуальной была проблема отсутствия широкой сети развлекательных учреждений. Молодой человек писал о том, что многие не знали, чем заняться в свободное время. «Часто, даже если есть только одно конкретное заведение и оно вам не нравится, вы всё равно идете, просто чтобы чем-то заняться» [6, с. 196–197].

Наиболее популярной и общедоступной формой досуга среди советского населения являлись прогулки. Местами встреч зачастую были монументальные статуи, которыми были украшены городские площади и улицы. Наибольшей популярностью в Москве пользовались памятники Я. М. Свердлову и А. С. Пушкину. Английская журналистка С. Ричардс отмечала: «Иногда принятие памятника определённой группой имело в себе элемент причуды. Говорили, что молодые люди выбрали в качестве точки отсчёта статую Гоголя на Кропоткинской площади только по той причине, что у него были волосы до плеч» [4, с. 57]. Также часто местом встреч советских людей был парк имени Горького. Английский корреспондент Э. Уильсон писал, что для горожанина существуют практически бесплатные транспортные услуги, которые позволяют добраться до любого дворца или парка культуры, где можно увидеть, «как в парке Горького тёплым летним вечером… смеющиеся пары катаются на колесе обозрения» [5, с. 27].

В качестве досуга советское население любило ходить в гости. Американский антрополог, занимавшаяся повседневной жизнью перестроечной Москвы, Н. Рис описывала свой опыт посещения знакомой поэтессы, которая жила с матерью, следующим образом: «Три-четыре часа моего визита проходили на крошечной кухоньке… Маша щедро делилась со мной историями из своей жизни или из жизни своих друзей…» [7, с. 33].

В свою очередь, молодое поколение предпочитало для развлекательных целей и социализации появившиеся в 80-е гг. XX в. дискотеки, по мере возрастания популярности которых «первой официальной реакцией было их клеймение как симптома пустомыслия» [5, с. 140]. Один из советских подростков, учащийся политехнического училища писал: «Я не думаю, что дискотеки действительно решают проблему молодёжи, только то, что в то время, когда дискотеки открыты, нас на улице будет меньше, но я не думаю, что это помогает, потому что на дискотеки приходит много пьяных, и там, вероятно, происходит больше драк, чем где бы то ни было» [6, с. 196–197].

На дискотеках слушали совершенно различную музыку: от классических советских артистов, таких как Б. Окуджава, А. Пугачёва, А. Розенбаум, группа «Ласковый май» и др., до рок- и поп-музыкантов, таких как «Modern Talking», группа «Кино». Именно в период перестройки в СССР появились первые официальные записи «Битлз» и регулярные «Хит-парады» [5, с. 141–143; 8, с. 198]. Следует отметить, что такие музыкальные направления, как панк- и рок-музыка, подвергались критике за «развращения ими советской молодёжи». Однако для большинства людей, которые проводили подавляющую часть своего дня на работе, такого рода музыка являлась попыткой убежать от реальности, особенным миром.

В период перестройки в СССР появилось большое количество кафе и ресторанов, в том числе благодаря развитию кооперативного движения. Так, в 1987 г. в Москве открылся первый кооперативный ресторан «Кропоткинская», который, однако, был труднодоступен простому советскому человеку [9, с. 42]. Американские профессоры У. Таубман и Дж. Таубман, посетившие Советский Союз, писали: «Мы обедали там дважды, еда была превосходной, атмосфера очаровательной, обслуживание внимательным. Цены, однако, в два раза выше, чем в государственных ресторанах, что делает их недоступными для обывателя» [9, с. 42]. Популярными среди молодёжи были кафе, расположенные на московской улице Арбат. Необходимо отметить интересный отзыв английского корреспондента Э. Уильсона о них: «Упомянутые кафе постоянно закрываются “по техническим причинам”, и, конечно, всегда есть очереди. Даже официанты высмеивают то, что они предлагают: фруктовые соки и мороженое, возможно, кофе, если не было перебоев с поставками. Они также жалуются на посетителей, которые проводят целый час за фруктовым соком, в то время как другие стоят на улице в очереди…» [5, с. 136]. В период перестройки было открыто совместное предприятие «Советско-американская пиццерия», которое продавало пиццу кусочками или целую по всему городу. У. Таубман и Дж. Таубман писали, что там была длинная очередь, пицца с сыром стоила десять рублей, принимались и рубли, и твёрдая валюта [9, с. 46]. Таким образом, уже во второй половине 1980-х гг. благодаря появившимся возможностям советские люди стали проводить свободное время в кафе и ресторанах.

Отличным времяпрепровождением для советского человека являлось посещение выставок, например выставки-ярмарки предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства, которая проводилась в Измайловском парке в Москве и предоставляла возможность приобрести такие вещи, как матрёшки, макраме, фартуки, ювелирные изделия ручной работы и многие другие. У. Таубман и Дж. Таубман отмечали, что «…нетерпеливые толпы покупателей и ремесленников указывают на то, что ярмарка удовлетворяет потребность, хотя бы в том, чтобы чем-то интересным заняться днём в выходные» [9, с. 44]. Ещё одной регулярно посещаемой выставкой следует назвать ВДНХ, или выставку достижений народного хозяйства. Английская журналистка С. Ричардс писала: «Здесь, среди этих Тадж-Махалов XX века, построенных в честь любви между социалистическим человеком и производством, предполагалось, что довольные рабочие должны проводить часы досуга, созерцая творение собствен-

ных рук… Из всех павильонов самый великолепный был отдан советской культуре» [4, с. 225].

В процессе проведения советским правительством политики гласности у советских людей случилась «эйфория». По словам советской гражданки Л. Ковалёвой, «люди не отрывались от телевизоров, жадно читали газеты и всё обсуждали…» [10, с. 283]. Так, особенно характерной для периода перестройки формой досуга стало массовое чтение газет, подтверждением чему является количество экземпляров выпускаемых советских газет и журналов. Если в 1985 г. еженедельник «Аргументы и факты» имел тираж 1,4 млн экземпляров, то в 1989 г. цифры достигли 20,4 млн. Газета «Комсомольская правда» в 1985 г. вышла тиражом 13,2 млн, а в 1990 г. объём составил 21 млн [11, с. 182]. Следствием такого явления стало следующее: газеты распродавались мгновенно. Так, американские профессоры У. и Дж. Таубман в своём труде «Moscow Spring» писали: «В первый день, получив предупреждение купить газеты пораньше, мы заглянули в киоск по соседству в девять тридцать утра только для того, чтобы обнаружить, что единственной газетой, ещё доступной в этот час, была "Правда", и она тоже была почти распродана. Таких популярных газет, как "Социалистическая индустрия", "Сельская жизнь"… давно не было» [9, с. 128]. Однако за «дополнительную плату» была возможность приобрести специально откладываемые для таких целей газеты и журналы.

Политика гласности предусматривала разрешение публикации художественных произведений, ранее запрещённых, например, М. Булгакова «Собачье сердце», Б. Пастернака «Доктор Живаго», А. Рыбакова «Дети Арбата», В. Дудинцева «Белые одежды» и многих других [8, с. 272]. Также людям откликались произведения, касавшиеся разоблачения сталинского террора, такие как «Ледокол» В. Суворова, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург [10, с. 284]. Советский гражданин В. Кирсанов говорил, что он видел эту книгу [«Архипелаг ГУЛАГ» – Е. К.] в продаже в Югославии ещё задолго до начала «перестройки», но тогда не решился привезти её домой. Он начал её читать только в годы перестройки: «Однако я не смог её закончить. Это было слишком морально тяжело, и я не мог идти дальше» [10, с. 284].

В качестве досуга советское телевидение в рассматриваемый период времени предлагало, во-первых, новые фильмы, например, «Кин-дза-дза» (1987), «Змеелов» (1985) [8, с. 198], «Покаяние», который затрагивал проблему сталинизма и его преступлений, «Легко ли быть молодым?», посвящённый проблемам молодёжи [8, с. 268]. На две последние упомянутые картины стояли огромные очереди в кинотеатрах [11, с. 26]. Во-вторых, благодаря поступлению через средства массовой информации зарубежной информации, по советскому телевидению стали показывать конкурсы красоты [8, с. 198]. В-третьих, получают распространение молодёжные ТВ-программы, такие как «Мир и молодёжь», «12 этаж» и др. [5, с. 137], которые начали открыто обсуждать проблемы, существующие в обществе, в частности среди молодёжи, «До и после полуночи», «Взгляд», «Пятое колесо», «600 секунд» [8, с. 266], на которых обсуждались волнующие политические события, личности, процессы, например репрессии, диссидентский вопрос, наркомания и т. п.

Кроме ключевой роли государства в формировании досуга советского населения, с этой задачей справлялись улица и подъезды. Молодые люди стали выходить на лестничные площадки и внутренние дворы, по словам Э. Уильсона, «с проверенным временем русским трио “дым, бутылка и гитара”» [5, с. 138]. Также необходимо отметить и участие советских граждан в уличных собраниях и митингах, местом проведения которых в 1980-е гг. стал советский «Гайд-парк», где собирались и обычные граждане, и представители различных распространившихся в рассматриваемый период времени общественных движений и объединений. Как пишет российский историк А. В. Шубин, «“Гайд-парк” перед обкомом продолжал действовать…, приучая людей к тому, что на митинги можно ходить и обсуждать там всё, что наболело» [12, с. 197–198].

Существование огромного спроса на билеты в кинотеатры, театры, на выставки, на газеты и книги является результатом, по словам британского корреспондента Э. Уильсона, «культурного голода, о котором Запад едва ли знает» [5, с. 132]. Нехватка культурных учреждений и институтов была выявлена, когда советские граждане обнаружили наличие у себя свободного, внерабочего времени. Тогда советское правительство, осуществлявшее политику перестройки, предложило населению такие формы досуга, как посещение дискотек и танцевальных клубов, особенно распространившихся в 1980-е гг., кафе и ресторанов, ставшими популярными во многом благодаря развитию кооперативного движения, ставшие доступными ранее запрещённые книги, фильмы. Вовлечение в рассматриваемый период населения в политическую жизнь страны доказывается возросшими тиражами газет и журналов, его участием в уличных собраниях и митингах.

Список литературы

1. Friedmann G. Leisure and technological civilization // International social science journal. 1960. № 4. P. 509–522.

2. Dumazedier J. Current problems of the sociology of leisure // International social science journal. 1960. №4. P. 522–533.

3. Конституция Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г.: с дополнением, внесённым Законом СССР от 24 июня 1981 г. М.: Юридическая лит-ра, 1987. 46 с.

4. Richards S. Epics of everyday life: encounters in a changing Russia. London: Penguin, 1991. 366 p.

5. Wilson A. Living with glasnost: youth and society in a changing Russia. London: Penguin, 1988. 249 p.

6. Adelman D. The “children of Perestroika”: Moscow Teenagers Talk About Their Lives and the Future. New York: M. E. Sharpe, 1991. 256 p.

7. Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 386 с.

8. Елисеева Н. В. История перестройки в СССР: 1985–1991 гг. М.: РГГУ, 2016. 548 с.

9. Taubman W., Taubman J. Moscow spring. New York: Summit Books, 1989. 301 p.

10. Raleigh D.J. Soviet baby boomers: an oral history of Russia’s Cold War generation. Oxford: Oxford University Press, 2013. 420 p.

11. Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. 231 с.

12. Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М.: Европа, 2006. 344 с.

ДОСУГ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Т. М. Гусева

Повседневный быт пленных офицеров наполеоновской армии в уездных городах Пензенской губернии

В статье на основе данных из воспоминаний пленных немецких офицеров наполеоновской армии рассматриваются основные аспекты организации их повседневной жизни. В Пензенскую губернию было отправлено значительное число пленных солдат и офицеров. Организация проживания пленных возлагалась на местные органы, которые должны были обеспечить их всем необходимым. Хорошее отношение к военнопленным в уездных городах было напрямую связано с отношением к ним представителей городской власти.

Based on data from the memoirs of captured German officers of the Napoleonic army, the article examines the main aspects of the organization of their daily lives. A significant number of captured soldiers and officers were sent to Penza province. The organization of the prisoners' accommodation was entrusted to the local authorities, which were supposed to provide them with everything they needed. The good attitude towards prisoners of war in the county towns was directly related to the attitude of the city authorities towards them.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., армия Наполеона, военнопленные, уездные города, Пензенская губерния.

Key words: the Patriotic War of 1812, Napoleon's army, prisoners of war, county towns, Penza province.

История Отечественной войны 1812 г., кроме героических страниц, включает множество ярких моментов провинциальной жизни, связанных с формированием народного ополчения, сбором средств на ведение войны, тысячами беженцев в глубинных губерниях, волнениями среди ратников ополчения и многое другое. Еще одним интересным и важным фактором жизни провинции стало появление в 1813 г. военнопленных армии Наполеона.

В российской историографии изучению истории Отечественной войны 1812 г. уделялось достаточно пристальное внимание. Исследование же проблем, связанных с военнопленными, началось довольно поздно: в 90-х гг. XX в. появились работы, касающиеся различных аспектов пребывания военнопленных в российской провинции. Историки рассматривали вопросы их численности [1], правовые нормы российского права относительно данной категории людей [2], использование труда военнопленных [3], отношение к ним российского общества [4]. Появились исследования о пребывании пленных в различных провинциях Российской империи [5; 6]. Повседневность военнопленных если и рассматривалась учеными, то только в контексте изучения других проблем.

В XIX – начале XX в. в Германии были опубликованы воспоминания офицеров наполеоновской армии, оказавшихся в плену. Большая работа по их переводу на русский язык и опубликованию была проведена пензенским

исследователем, доктором исторических наук С. В. Белоусовым [7–9]. При его непосредственном участии был подготовлен свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края «Российская провинция первой четверти XIX в. Мордовский край глазами участников и современников Отечественной войны 1812 г.» [10], в который были включены воспоминая о пребывании плену фон Х-Л. Йелина, Ф. Ю. фон Зодена, Ф.-В-К. фон Фуртенбаха, Л. Флека, Ф. Баджи, С. Б. Пешке. Опубликованные в этом сборнике материалы были использованы для написания данной статьи.

В Пензенскую губернию было отправлено 648 военнопленных. Их разместили в губернской Пензе и уездных городах. Так, в г. Саранск прибыли 19 обер-офицеров и 12 нижних чинов [10, с. 21]. Где и как жили пленные, чем занимались, как относились к ним местные власти и жители, как был организован их быт и как они проводили досуг? На эти и другие вопросы можно найти ответы в воспоминаниях, которые оставили офицеры. В данной статье, чтобы проанализировать досуг пленных, рассмотрены воспоминания немецких оберлейтенантов вюртембергского 2-го линейного полка Христофора-Людвига фон Йелина, 4-го линейного полка Франца Юлиуса фон Зодена, размещенных в г. Саранске и баварского лейтенанта Фридриха-Вильгельма-Карла фон Фуртенбаха, отбывавшего плен в г. Краснослободске. Из записок названных офицеров можно почерпнуть наиболее интересные сведения.

От того, как складывались отношения пленных офицеров с местными жителями, зависел их досуг. По приезде в Саранск офицеры были благосклонно приняты полицмейстером Иваном Яковлевичем Евсюковым, который в первый же день пригласил всех на обед и взял с них обещание навещать его и обедать у него. Хорошее отношение со стороны полицмейстера офицеры объясняли своим немецким происхождением. Офицеры были знакомы со многими дворянами, которые «приютили у себя некоторых из нас под предлогом обучения детей немецкому языку; другие давали уроки рисования, врачи лечили. Таким образом, не смотря на свой жалкий вид, мы получили доступ в семейный круг дворян» [10, с. 263].

Архивные документы также содержат сведения о том, что дворяне брали в свои дома военнопленных немецких офицеров. Так, городничий г. Краснослободска Е. М. Заварицкий в рапорте на имя князя Г. С. Голицина, пензенского губернатора, рапортует о том, что «полковник Финкенкло, живущий в 3-х верстах от города, просит дать ему на квартиру одного военнопленного немецкого офицера». Разрешение от губернатора было получено на второй день [11, л. 62–63]. Таких рапортов о разрешении взять в свой дом военнопленных было достаточно много. Круг знакомых дворян постоянно расширялся, они приглашали офицеров посетить их имения, хорошо принимали и угощали пленных, что для них было очень важно. Кроме того, офицеры принимали участие в организованной дворянами охоте, о чем подробно пишет в своих мемуарах фон Йелин.

Большой интерес военнопленные проявляли к политической жизни, стремились к тому, чтобы узнать, о чем пишут российские газеты. Русский язык знали очень плохо, поэтому приходилось обращаться к тем, кто мог перевести

содержание прессы. В Саранске они каждый день посещали учителя родом из Курляндии, владевшего немецким языком. Рассуждая о политических взглядах и убеждениях, авторы мемуаров писали о своих политических заблуждениях, объясняя это тем, что очень доверяли Наполеону. Но при этом офицеры не забыли организовать торжество по случаю дня рождения полководца. «Несмотря на страдания и плен, все же все наши сердца были заняты Им. Его гений и талант полководца восхищали нас всех… Все страдания были забыты, и в настоящем ликовании и восторге отпраздновали мы день рождения великого человека» [10, с. 283]. 7 сентября 1813 г. офицеры отпраздновали годовщину сражения под Можайском (под Бородино). «Несмотря на наше положение, достойное сожаления, мы все же были веселы и довольны. В память о наших павших товарищах мы сказали несколько слов, шедших от сердца и уместных в данных обстоятельствах» [10, с. 285].

Офицеры становились участниками всех значимых событий небольших провинциальных городов, в том числе и ежегодной ярмарки. В Саранске она называлась Спасской, проходила в августе и продолжалась 14 дней. Ярмарка впечатлила офицеров, их поразило обилие товаров, выставленных на продажу. «Из-за бедности мы покупали немного. Все же почти ежедневно, мы посещали ярмарку, где нас радовал вид красивых еврейских, арабских и тюркских вещей» [10, с. 281]. Ярмарка была местом для новых знакомств. Зоден вспоминал, что они познакомились там с некоторыми дамами, которые впоследствии приглашали их в свое имение, расположенное в 20 верстах от города. Участие, с которым многие дворянки относились к пленным офицерам, вызывало у них чувство благодарности и восхищения этими женщинами. «В их действиях отсутствовали неблагородные намерения. Только чувство благотворительности и стремление поддержать в беде двигало их шагами. Картина недавнего прошлого представлялась нам насмешкой и проклятием. Настоящее время вручило нам людей, похожих на ангелов, способных изменить наше несчастное положение», – писал Зоден [10, с. 282].

Одновременно с саранской ярмаркой проводился большой конский базар, который удивил пленных еще больше, чем ярмарка. За городом собиралось множество людей, кто-то приходил, чтобы сделать покупку, кто-то ради любопытства. Лошадей оценивали в основном по внешнему виду. «Табун из 300–400 необъезженных лошадей, пригоняемых в город из татарских и киргизских степей, собирался на близлежащем лугу. Лошади были все без упряжи, как в дикой природе. Несколько человек, сопровождавших табун, сидели на лошадях, которые не имели ни седла, ни сбруи» [10, с. 285].

Важной стороной жизни офицеров была организация их быта. Мемуаристы в своих записках оставили интересные сведения по этому поводу. По прибытии на место назначения офицеров распределяли по квартирам, хозяева предоставляли не только крышу над готовой, но и должны были разрешать готовить на их огне. Некоторые располагались очень удачно, так в Краснослободске офицеров поселили почти в новую постройку, в маленьком домике во дворе красильщика, где они были предоставлены сами себе. «Мы занимали здесь не-

большое помещение с чуланом и имели в распоряжении хорошую печку с дымовой трубой и хорошо закрывающуюся. Внизу маленький погребок. Сени и чердак только для нас, что очень подходило для нашего домохозяйства» [10, с. 302].

Чтобы вести совместное хозяйство, военнопленные организовывали так называемые офицерские артели по три-четыре человека, на общие взносы закупали продукты. Ведением хозяйства занимался солдат, который выполнял все тяжелые работы по хозяйству. Офицеры лишь наблюдали за приготовлением еды, которую он готовил. «Для своего стола мы часто покупали зайцев, которые тут все были белыми. В город их доставляли без шкурок на телегах, и они были очень дешевы. Один обходился в 10 коп., или 3 крейцера. Рядовые русские не ели зайцев. Для нас же они были лакомым кусочком» [10, с. 286]. В воспоминаниях самарского городничего можно обнаружить такое объяснение: «Хозяева солдатских квартир не давали своим постояльцам не только посуды и воды, но даже сена и соломы, оправдываясь тем, что французы опоганят посуду, ибо они едят зайцев и никогда не крестятся» [10, с. 442]. При этом необходимо подчеркнуть, что все, кто оставил воспоминания о пребывании в российском плену, писали об очень дешевом продовольствии и тех денег, которые им выплачивали, вполне хватало не только на хорошее пропитание, но и на то, чтобы приобретать необходимые вещи и посещать питейные заведения, иногда пить кофе или чай. «Мы питались исключительно хорошо. Ни в какой другой стране невозможно жить на такие деньги», – писал Фуртенбах [10, с. 302]. Дешевизну продуктов объясняли удаленностью от губернского города, из-за чего крестьяне привозили продукты на продажу в уездный город. Фуртенбах сам занимался приготовлением еды, по этому поводу он писал: «Я ежедневно менял меню и достиг высших вершин кулинарного искусства. Наше хозяйство было лучшим, и мы питались прямо-таки деликатесами» [10, с. 303]. Кроме продовольствия, они покупали дрова, солому, свечи, смогли приобрести белье хорошего качества, изготовили соломенные тюфяки на которых спали, чем немало удивляли горожан, которые спали на голых досках.

Дворяне часто отправляли пленным повозки с продуктами, которые принимались с большой благодарностью.

Особых ограничений у пленных не было, они могли гулять по городу и его окрестностям, но не больше чем за версту от города, не должны были собираться большими компаниями. Не обремененные никакой работой, они развлекались пением, игрой на скрипке, «жили сплоченно и даже весело», много говорили о прошлом и будущем, постоянно вспоминая свою родину.

Поводя итог, необходимо отметить, что для воспоминаний, анализируемых в работе, присуща субъективность. Тем не менее П. А. Зайончковский, говоря о преобладании субъективности в оценке событий мемуаристами, писал, что «ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна» [12, с. 4]. В своих мемуарах военнопленные смогли не только запечатлеть повседневность, но и дать описание многим явлениям провинциальной жизни российского общества. Если судить по тем фактам, которые они приводят в своих воспоминаниях, можно сделать вывод о хорошо организованном досуге и

быте военнопленных в уездных городах. Возможно, так дело обстояло не везде, и у пленных возникало множество проблем, но конкретные воспоминания, анализируемые в статье, говорят об обратном. Провинциальное российское общество оказалось очень гуманным в отношении пленных армии Наполеона, многим из них предлагали остаться в России.

Список литературы

1. Бессонов В. А. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М.: Калита, 2002. С. 18–38.

2. Бессонов В. А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино: б.и., 1999. С. 12–23.

3. Миловидов Б. И. Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск: Гос. Бородинский военно-ист. музей-заповедник, 2011. С. 163–190.

4. Белоусов С. В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (на материалах Среднего Поволжья): дис. … д-ра ист. наук. 07.00.02. Самара, 2007.

5. Белоусов С. В. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии: источниковедческий аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 60–68.

6. Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Самара, 2007.

7. Зоден Ф. Ю. фон. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / подгот. публ., предисл., пер. и коммент. С. В. Белоусова. Пенза: Изд-во Пензенского государственного педагогического университета, 2006. 62 с.

8. Фуртенбах Ф. фон. Война против России и русский плен: Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. / подгот. публ., предисл. и коммент. С. В. Белоусова и С. Н. Хомченко; пер. с нем. А. А. Кузнецова. Пенза: Изд-во Гуманитарного учебно- методического и научно- издательского центра, 2008. 43 с.

9. Йелин Х.-Л. фон. Достопамятные дни моей жизни: Поход и плен в России: Из дневника нем. офицера / подгот. публ., предисл., пер. и коммент. С. В. Белоусова. Пенза: Изд-во Пензенского государственного педагогического университета, 2009. 64 с.

10. Российская провинция первой четверти XIX века.: Мордовский край глазами участников и современников Отечественной войны 1812 г. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2013. 484 с.

11. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459.

12. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 1. М.: Книга, 1976. 303 с.

Т. Ю. Шестова

Формы досуга пермяков в 1919 г. (по материалам газеты «Свободная / Современная Пермь»)

В данной статье рассматривается досуговая жизнь жителей г. Перми в период управления правительства А. В. Колчака по материалам газеты «Свободная Пермь». Охарактеризовано возрождение пермского университета, создание обществ при факультетах, отражена тематика общественных лекции профессоров в музее, проанализированы проблемы театральной труппы, продемонстрирована музыкальная жизнь Перми и проведение благотворительных балов.

This article examines the leisure life of the residents of Perm during the administration of the government of A. V. Kolchak on the materials of the newspaper "Free Perm". The revival of Perm University, the creation of societies at the faculties are characterized, the topics of public lectures by professors in the museum are reflected, the problems of the theater troupe are analyzed, the musical life of Perm and the holding of charity balls are demonstrated.

Ключевые слова: Пермское земство, Пермский университет, научные общества, музей, театр и музыка, благотворительные балы.

Key words: Perm Zemstvo, Perm University, scientific societies, museum, theater and music, charity balls.

Газета «Свободная Пермь» выходила в 1918–1919 гг., но сохранилась подписка только за 1919 г. Весной 1919 г. газета поменяла название на «Современная Пермь». Издание придерживалось партийных интересов кадетов и выходило в период нахождения региона под управлением А. В. Колчака. Название «Свободная Пермь» было актуальным на начало 1919 г., поскольку на территории Пермского края продолжались бои Гражданской войны. Название «Современная Пермь» связано с возвращением в город беженцев, оживлением культурной жизни города.

Большой блок действий был непосредственно связан с событиями Гражданской войны. В январе 1919 г. Пермская городская дума провела сбор на памятник на новом кладбище на могиле воинов Народной армии, убитых при вхождении армии А. В. Колчака в Пермь [1]. С таянием снега Пермская городская управа 6, 9 и 10 мая провела эксгумацию расстрелянных в саду Духовной семинарии, перевезла тела в анатомический театр на ул. М. Ямскую для опознания и выдачи тел для захоронения [2]. Современники отмечали посещение похорон всех известных им людей.

Три месяца подряд (январь–март) в Перми проходил вечер скорби. Его организатором был священник Морозов. Он сам был лектором, выступал хор Степанова. В вечере приняли участие и профессора Пермского университета – проф. Ю. Н. Верховский читал свои стихи, проф. Д. В. Болдырев выступил с докладом о причинах текущих событий. На вечере производился сбор на памятник. В первый раз выручка составила 4 000 р., а в феврале сбор уже достиг 14 010 р. [3; 4]. В марте мероприятие было названо «Вечер Святого креста» и прошло оно в здании общества Стефана Пермского. Пел хор кафедрального собора, были прочитаны лекции проф. Д. В. Болдырева и священника Морозова [5]. В апреле в рамках мероприятий памяти профессор Ю. Н. Верховский читал свои стихи на литературном еженедельнике.

Номер 43 «Свободной Перми» отметил попытку создания оргкомитета для празднования годовщины Февральской революции [4]. С приветственным адресом по случаю февральской годовщины от общества земских служащих к А. В. Колчаку отправился известный врач, основатель Пермского бактериологического института В. М. Здравосмыслов. В 1932 г. он был обвинен по знаменитой ст. 58 и реабилитирован в 1992 г.

Некой формой досуга становился поиск личного имущества. В январе было размещено объявление Н. Т. Полухина «Кто знает, где мое вывезенное большевиками пианино фабрики Шредера», назывался номер инструмента, который присваивался фирмой. Фабрика Шредера затем с 1922 г. называлась Фабрика музыкальных инструментов имени А. В. Луначарского. В апреле 1919 г. вдова доктора П. Н. Серебренникова искала два письменных стола, увезенные большевиками в августе 1918 [6; 4]. В феврале приняли решение, что при нахождении таких пропавших вещей, их требуется вернуть владельцу в три дня. Вещи стали подкидывать во дворы [7]. С января начал работу зал случайных вещей «на манер аукционных залов, которые были при большевиках», фактически комиссионные магазины [8].

В 1919 г. в Перми проходили и массовые мероприятия, преимущественно детские. Некой границей стал Новый год, когда 1 января для детей Перми в губернском детском саду предполагалось проведение елки [1]. Обсуждались и летние занятия с детьми железнодорожников. Планировали создать детский сад с играми и развлечениями и найм дачи на лето в Верхней или Нижней Курье, т.е. известном районе престижных дач [9]. В городе продолжали развлекаться наблюдением за полетом аэропланов [10].

За короткий период времени было открыло довольно большое количество курсов. Так, в Перми в январе начали работу музыкальные курсы М. Гильдерина, включающие рояль, обучение сольфеджио и игре в ансамбле [6]. С 21 января 1919 г. стала действовать Школа сценического искусства. Занятия шли с 18 до 21 ежедневно. Уже весной участники школы играли спектакли в Общественном саду № 18. Май в газете уже «Современная Пермь» зафиксировал рекламу уроков танцев Л. А. Пучковской по ул. М. Ямской [2]. Работали курсы стенографии [12].

В январе 1919 г. Пермский университет начал работу, предполагая, что войдет в обычный график с марта месяца. С февраля историко-филологический факультет и юридический работали в здании Кирилло-Мефодиевского училища. Учеба осложнялась отсутствием электричества по вечерам, а днем студенты зарабатывали себе на жизнь [8]. При университете создавались общества со свободным входом, такие как физико-математическое, общество исторических, социальных и философских наук, общество естествоиспытателей, юридический и педагогический кружки [9; 12; 13].

В марте в Мотовилихе был создан Народный университет, включающий три курса – общеобразовательный (арифметика, алгебра, геометрия, русский, история, физика, химия и рисование), машиностроительный (сопромат и графическая статика, детали машин, техническая механика, физика, химия, технология металлов, черчение и математика) и металлургический (металлургия, химия, физика, математика и черчение) [10].

С января в городе широкое распространение получили публичные лекции. Так, 21 января состоялась лекция В. Покровского «Творчество поэта Авербуха» в зале Общественного собрания над городской управой, билеты стоили от 10 р. до 1,50 [8]. В. Покровский был сыном первого ректора Пермского университета

К. Д. Покровского и автором «Свободной Перми» по вопросам театральной деятельности.

С марта преподаватели университета стали читать лекции на базе научно-промышленного музея. Тематика лекций был очень широкая. В марте состоялись лекции П. В. Сюзева о Пермском крае и Л. А. Зандер «Человек как хозяин вселенной», в апреле – проф. А. Г. Генкеля «Строение и жизнь растений» и проф А. М. Горовцева «Россия и Европа в XIX в.», в мае – проф. В. Н. Дурденевского «Теория социального устройства» [13; 9; 5]. В музее также разместилась архивная комиссия.

Шли лекции и на базе заинтересованных организаций. В марте в гимназии Л. В. Барбатенко выступил доктор Рахманов с докладом «Взгляд современной медицины на взаимодействие души и тела», отходя от материалистической основы. Он же провел лекцию на Фребелевских курсах «Творческая школа и нервно-психическая гигиена учащихся» о детских суицидах и детской вере, способах борьбы с детской нервностью, методах обучения нервных детей [14]. В мае было решено преобразовать Фребелевские курсы в Педагогический институт с подготовкой специалистов для работы с умственно отсталыми детьми [15].

Театральная жизнь в Перми развивалась неравномерно. В феврале в пользу первого сибирского корпуса была дана комедия «Немая жена» и показан водевиль «Первые шаги». В спектакле приняла участие балетная школа Вредена-Полевого исполнившая русский и античный танцы [3]. Это было фактически первое выступление после военных действий. Немало сплетен прошло по городу, когда председатель культурно-просветительной комиссии думы и председатель театральной подкомиссии А. А. Великопольский вступил в местную театральную труппу, чем вызвал протест в театральной комиссии. На спектакль «Василиса Мелентьева», где играл А. А. Великопольский, зал не собрался, кроме самих артистов, пришедших посмотреть на чиновника на сцене [5].

В апреле через газету театральная труппа обратилась к городской управе с сообщением о том, что кооператив артистов в 150 чел. из-за военных действий не смог выехать из Перми по завершении зимнего сезона и просит продлить контракт на весну по старым расценкам. Еще одной конфликтной ситуацией стал уход из труппы нескольких артистов, прежде всего примы Л. Борегар. Она как артистка получала оклад в 3 тыс. р. и потребовала дополнительную оплату за режиссуру труппы. Заплатить ей труппа не смогла, а при назначении другого режиссера она отказывалась подчиняться чужой режиссуре. Вторая артистка, Павлова, уехала, заключив контракт с Екатеринбургом. Вверг труппу в шок уход артиста Луканина, после чего труппа решила его ославить и «поставить в известность всю театральную Россию» [15]. В следующем номере в открытым письме пояснила свою точку зрения Л. Борегар. Она оговаривала, что группа состоит из молодежи, не умеющей играть, поэтому она очень много сил вложила в режиссуру. Смысл выступления сводился к любви к зрителям, к городу, но бесплатной работы она допускать не собиралась [16]. Последние выступления Л. Борегар в мае шли под слухи об их отсутствии, пришлось через газету уверять, что спектакли состоятся [2].

В. Покровский отмечал фактический провал опер «Кармен» и «Царь иудейский», отметив только великолепную работу оркестра. В апреле удачно прошли спектакль «Женский парламент» и бенефис «сочлена театральной труппы уважаемого Николая Антоновича Тонна в спектакле «Маскотта». В конце месяца Пермь увидела прощальный вечер В.О. Вредена-Полевого при участии всей балетной школы. Были исполнены балет «Снежинки» Чайковского, дуэт «Месть цыганки» Брамса, а также был показан дивертисмент. Оркестром дирижировал Тонни, за роялем – Нагибина. Балет основной театральной труппы состоял из пяти человек [17].

В мае городская дума анонсировала, что симфонический оркестр в 28 чел. под руководством Н. А. Тонни будет играть в саду Общественного собрания. Там же будет размещаться студия для учеников сценической школы, три раза в неделю играющей спектакли. Но Н. А. Тонни сообщил, что это будет без него, так как городские власти не заключили с ним контракт. Он уехал на летний период Екатеринбурга по контракту, выразив огорчение, что пришлось покинуть Пермь [17; 18]. На подхвате был проведен бенефис режиссера и артиста драмы В. Д. Севостьянова «Смерть и жизнь» [19].

Музыкальная жизнь проходила на нескольких площадках. В марте в пользу бедных учениц гимназии был проведен симфонический концерт. В программе были произведения Шуберта и Сен-Санса (исполнительница – артистка Мейнгард, скрипач П. Л. Федоровский) «За последнее время пермская публика давно не слышала серьёзной концертной программы» [20].

В Перми ценили Гайдна. Сначала оратория Гайдена была исполнена в гимназии Л. В. Барбатенко [21]. Следом жена начальника гарнизона А. П. Николаева устроила в здании Общественного собрания музыкально-вокальный концерт памяти погибших за Россию, а следовательно, и за Пермь. Была исполнена оратория Гайдна «Семь слов спасителя на кресте». Пели хор Степанова и певцы Петропавловского и Вознесенского хоров. В апреле прошел вечер рояль и фисгармония. Исполнители – Василенко-Левитон, Ощепкова и Тиме [21]. Сразу за ним в театре оперы состоялся патриотический концерт при участии пианистки петербургской консерватории Е. С. Игнатьевой, оперной певицы Тумановой, виолончелиста Носкова. Завершала сезон в здании Кирилло-Мефодиевского училища Русская пасха от местного общества живописи, ваяния и зодчества. Собирался половинный сбор на армию и художественное училище [17].

Большим успехом пользовались в Перми балы. Первый благотворительный концерт-бал в январе собрал около 1 тыс. чел. Исполнялись любительские номера, были заявлены танцы допоздна. Огромный интерес вызвал аукцион бутылки коньяка в условиях сухого закона. Выигравший получил ее за 1 410 р. [4].

В марте прошёл благотворительный вечер Циммерман в Благородном собрании. Сбор в 25 % предполагался на нужды армии, 75 % – на недостаточных учеников. Исполнялись пьесы «Ураган» и «Роковой дебют», предполагалось

музыкальное и балетное сопровождение спектаклей. Одновременно шел благотворительный вечер в зале губернской управы со сбором в пользу пермского стрелкового полка [5]. В пользу лазаретов прошли вечера памяти Тургенева, Чехова и Чайковского, подчеркнуто отказавшись от танцев [16]. На балу Фребелевских курсов в здании губернской земской управы присутствовали находящиеся в Перми министр финансов И. А. Михайлов и министр земледелия и кооперации Н. И. Петров. Но Пермь обратила свое внимание на концерт-бал абитуриенток женской Мариинской гимназии с участием артистов-любителей в Кирилло-Мефодиевском училище. Абитуриентки танцевали до 5 часов утра под военный духовой оркестр. Деньги от вчера пошли половина на нужды армии, половина – на лазарет имени Пепеляевых [22]. В мае костюмированный вечер «Привет весне» состоялся в здании Пермской губернской управы силами Пермской женской учительской семинарии. Вечер прошел с лотереей. В выигрыше полагалась сажень дров, письменный стол, три пары сапог и галоши [19].

В январе в Перми открывалось два кинотеатра: «Мираж» и «Триумф». Фактически сохранился только «Триумф», давший по анонсам всего два фильма [18].

Таким образом, досуговая жизнь пермяков отличалась разнообразием, учитывавшим и скорбные настроения военного времени.

Список литературы

1. Свободная Пермь. 1919. № 13.
2. Современная Пермь. 1919. № 85.
3. Свободная Пермь. 1919. № 22.
4. Свободная Пермь. 1919. № 43.
5. Свободная Пермь. 1919. № 52.
6. Свободная Пермь. 1919. № 16.
7. Свободная Пермь. 1919. № 23.
8. Свободная Пермь. 1919. № 18.
9. Свободная Пермь. 1919. № 47.
10. Свободная Пермь. 1919. № 14.
11. Свободная Пермь. 1919. № 16.
12. Свободная Пермь. 1919. № 17.
13. Свободная Пермь. 1919. № 44.
14. Свободная Пермь. 1919. № 55.
15. Современная Пермь. 1919. № 68.
16. Современная Пермь. 1919. № 69.
17. Современная Пермь. 1919. № 79.
18. Современная Пермь. 1919. № 80.
19. Современная Пермь. 1919. № 83.
20. Свободная Пермь. 1919. № 46.
21. Современная Пермь. 1919. № 72.
22. Современная Пермь. 1919. № 78.

Н. Л. Крылова

В короткие часы досуга. Русская эмиграция «первой волны» в Северной Африке

В статье рассматриваются особенности бытоустройства и организации досуга представителей русской эмиграции «первой волны» на африканской земле, попытки сохранения в иноэтничной, иноконфессиональной среде, в иной историко-культурной традиции не только национального самосознания, но и образа жизни. В условиях относительной изоляции огромное значение для них имели взаимоотношения внутри эмигрантского сообщества, консервация и трансляция традиций исторической родины.

The article is devoted to the peculiarities of the way of life and leisure of representatives of the Russian emigration of the "first wave" on African soil, attempts to preserve not only national identity, but also lifestyle in a non-ethnic, non-confessional environment, in a different historical and cultural tradition. In conditions of relative isolation, relationships within the emigrant community, preservation and broadcasting of the traditions of the historical homeland were of great importance to them.

Ключевые слова: Северная Африка, русская эмиграция, повседневность, досуг, театр, литература, музыкальная жизнь, церковь.

Key words: North Africa, Russian emigration, everyday life, leisure, theater, literature, musical life, church.

XX век – время великих переселений, приводивших в движение огромные массы народов, населявших Российскую империю. Уходили люди разных социальных сословий, вероисповеданий, национальностей. Их маршруты пролегали и через Африканский континент. Наиболее многочисленный регион расселения русских – Северная Африка. В результате высадки на берег зимой 1920 г. в г. Бизерте экипажей кораблей бывшего Черноморского императорского флота на тунисской земле оказалось более 6 тыс. человек. Морские офицеры и члены семей, матросы белой морской эскадры, гардемарины, учащиеся и преподаватели русской прогимназии составили русскую колонию в Тунисе – самую, пожалуй, крупную в то время на Африканском континенте, оставившую в истории российско-тунисских связей заметный социальный и культурный след [1, с. 17].

Семьи морских офицеров, в большинстве своем составлявшие костяк русской колонии, относились к той части русской эмиграции в Африке, которая объединяла представителей старой русской аристократии, дворянства, российской буржуазной интеллигенции (в самом широком и многофункциональном смысле последней) со всеми интеллектуальными, духовными и культурно-нравственными признаками своей эпохи и своей социальной принадлежности, включая стремление изгнанных с родины на чужбину людей во что бы то ни было сохранить в новых условиях не только свое этническое «я», национальное самосознание, социально-нравственную значимость, формировавшуюся и отшлифованную в прежней жизни не одним поколением, но и свой образ жизни.

Эти офицеры флота и штатские, инженеры, священники, врачи, педагоги, «сердцевина русского дворянства» – идеалисты и мечтатели, в большинстве своем неутомимые труженики, вынуждены были едва ли не самым примитивным образом обустраиваться и налаживать быт, чтобы кормить семью: адмиралы и капитаны военных судов тачали обувь и мастерили деревянную мебель; их жены, выпускницы институтов благородных девиц, сидели за кассами магазинов и кинематографа, работали поденщицами в зажиточных французских и арабских семьях, вдова бывшего градоначальника Санкт-Петербурга занималась штопкой их белья… Но даже в этих условиях они не изменяли образу жизни, принятому в их кругах, сумели сохранить свою «русскость» в полном объеме этого многогранного понятия. Бизерта для них, живущих в отрыве от России, стала местом паломничества, воплощением всего духовного и материального, что так или иначе связывало их с Отечеством: русский язык, православная церковь, книги, обычаи (гостеприимство, чаепития), тени умерших и их могилы…

Душой местных объединений соотечественников, как правило, были женщины. Разносторонне подготовленные, талантливые, исполненные энтузиазма и… ностальгии по привычным смолоду развлечениям, составлявшим неотъемлемый элемент их дореволюционной жизни в России, эти женщины в стесненных условиях эмиграции умудрялись возрождать культуру досуга, создавать клубы, кружки, театральные постановки, библиотеки. Так, русская музыкальная жизнь в Тунисе начиналась с небольшого русского клуба-кооператива, где в 1921 г. впервые в исполнении мадам Бестержинской прозвучала «Осенняя песня» П. И. Чайковского. С этого момента здесь регулярно устраивались музыкальные вечера, которые украшала своим меццо-сопрано мадам Зимборская [2, с. 250–251].

Литературные вечера и театральные представления как естественная и неотторжимая часть русского дореволюционного досуга устраивались даже в беженских лагерях. На самодеятельных подмостках Сфаята блистали Т. Оглоблинская и А. Куфтина. Союз русских студентов собирал соотечественников на спектакли самодеятельного театрального коллектива, на обсуждение творчества Андрея Белого и Алексея Толстого, Федора Достоевского. Организация любительских спектаклей, российских национальных праздников, ежегодные Дни русской культуры, благотворительные вечера и подобные мероприятия способствовали сохранению русской культуры и языка и в новом поколении русских изгнанников.

Вместе с Русской черноморской эскадрой в Тунис в полном составе прибыл Севастопольский морской корпус – прямой наследник Морского кадетского корпуса в России, открытого в 1752 г. в Санкт-Петербурге, уникальное учебное заведение, готовившее офицеров российского морского флота на африканской земле. Быт воспитанников корпуса можно определить как укладистый, плотный и… душевный: во что верили, что читали, какую музыку слушали и исполняли сами, в какие игры играли. За буднями гардемаринов с их жесткой военной дисциплиной и напряженными классными занятиями следовали вос-

кресные дни отдыха с обязательными церковными службами [3, с. 44–47; 4, с. 40–41], которые сделались «существенным элементом в русском африканском быте» [4, с. 64]. И праздники, главными из которых были Пасха, Новый год и Рождество и, конечно, 6 ноября – праздник Морского корпуса. Торжественный вынос знамен, молебен, безукоризненно проведенный парад, торжественный совместный обед с традиционным гусем и, наконец, бал, где играл корпусный духовой оркестр и куда приглашались дамы из Сфаята и Бизерты, французские офицерские семьи. «Нарядные пары прекрасных дам гардемарин, кадет и офицеров плавно неслись по цементному полу крепостного барака… Вальсы сменялись мазуркой, плясали Краковяк, Кадриль, Миньон, полонез, шакон и даже польку. Весело, искренно, непринужденно, как всегда у моряков» [4, с. 164].

Специально для кадетов дамами лагеря Сфаят, где расположился корпус, организовались чаепития. Об одном из них вспоминает в своем дневнике [5] поэтесса Ирина Кнорринг, некоторое время учившаяся вместе с гардемаринами: «3 сентября 1922. Воскресенье. Наши дамы решили каждое воскресенье устраивать "чашку чая" для кадет; специально для тех, кому некуда ходить в отпуск. Сегодня была приглашена 6-я рота, около 20 человек. "Чай" готовила комиссия из 3-х дам… . Напекли они сладких пирогов, накупили винограда, убрали мастерскую, накрыли столы и в 4 часа пришли кадеты. Были приглашены также и все барышни. Сначала все как-то дичились, но поневоле разговорились, и "чай" прошел очень оживленно. После чая пошли в Гефсиманский сад, играли, бегали, дурили. Уговорились после ужина устроить игры на теннисной площадке. Тут было еще веселее».

У бизертских гардемарин был и свой художественный театр с естественными декорациями: местной флорой и каменными сооружениями форта, освещаемыми корабельными прожекторами. На его подмостках ставились не только пьесы классиков (Чехова, Фонвизина), но и сценические произведения педагога Морского корпуса – В. В. фон Берга с музыкальным сопровождением другого педагога корпуса, Н. Н. Кнорринга. Спектакли пользовались неизменным успехом и скрашивали полувоенный режим жизни не только самих гардемаринов, но и всех участников театральных действ и зрителей.

Существовал в Морском корпусе и свой духовой оркестр. При корпусной церкви репетировал хор из кадет, гардемарин, дам, офицеров и служащих. Хоровое пение, сама по себе величественная красота русской православной хоровой музыки объединяла, одухотворяла, вливала в людей новые силы. *«Везде, где русские обосновывались, зарождался хор: в городах, на "Георгии", в лагерях … Беженцы, потерявшие все, порой даже уважение к самим себе, обретали чувство собственного достоинства перед Богом»* [2, с. 138].

Для многих русских образованных мужчин и женщин, изгнанных со своей родины революцией, художественная литература, публицистика, поэзия становились не просто досугом, паузами в работе, но своего рода способом духовного существования. Вообще потребность читать и писать отличала всю русскую эмигрантскую культуру, начиная с детей, которых сызмальства воспитывали в

культуре чтения. И в условиях эмиграции это было не просто «запойное» ностальгическое чтение русской классики. Люди делились впечатлениями от прочитанного со знакомыми, друзьями, устраивались коллективные обсуждения, диспуты. Работа поденщицы в богатых французских семьях Бизерты оставляла матери Анастасии Ширинской очень мало свободного времени, но та никогда не переставала читать «И еще мама очень много читала. Когда мы жили в Ревеле, кухарка, которая была эстонкой, безусловно, считала, что мама очень плохая хозяйка, потому что книжки читает…» В своих воспоминаниях она итожит: «Жизнь уничтожила многое, но не любовь к чтению» [2, с. 130].

Молодежь много танцевала. «Под аккомпанемент пианино мы танцевали то, что вся Европа танцевала в начале XX столетия: вальс и польку, но также падекатр, падепатинер, падеспань, венгерку и краковяк… Наши, еще молодые родители понимали, что девушки, гардемарины, кадеты, мечтают о балах и музыке» [2, с. 130–131]. Во всем этом присутствовала инерция воспроизведения элементов бытовой культуры досуга своего сословия, когда «за обеденный стол, как в добрые старые времена, садится по пятнадцать человек, и целый день не сходит со стола громадный самовар… Из ничего на африканской земле возрождался старый помещичий быт, такой знакомый и уютный, с привычной нерасчетливостью и щедростью, с гостями, пикниками, кучей детворы, общими поездками ко всенощной в русскую церковь» [6, с. 65].

Постепенно, в процессе сухопутного уже обустройства внутри русского эмигрантского сообщества складывалась своя иерархическая структура: некоторые семьи могли представительствовать, а стало быть, принимать визитеров и отвечать на официальные приглашения. «…Приглашали на празднества как можно больше, из матросов, кто рядом был – холостяк там, одинокий или старый боцман – их приглашал к столу тот, кто его устраивал. Ну и были такие, понимаете, совсем простые люди... У Татьяны Степановны Ланге всегда такой обдуманный стол… И вот, эти знаменитые артишоки! На Пасху. И этот боцман, которого она в Тунисе всегда приглашала на Пасху, сидит, ему что-то там предлагают, интересно представленный артишок. А он говорит: "Эти шишки ешьте сами!" Потом взял кусок от скатерти и вытерся им…» [7].

«У меня еще воспоминания начала еще 1921 года, когда мы детьми жили на русской эскадре, и в Бизерту приходили иностранные корабли, в том числе аргентинский «Президенте Сармьенте», и как все русские дамы были взволнованы, потому что они были приглашены на прием, а на приемах они уже давно не бывали… И как все молодые офицеры, которые вышли в одно из первых своих плаваний, хотели с русскими дамами танцевать. Они какое-то старое тряпье вынули, привели все в порядок… И был бал, и наши дамы собирались… А дальше было вот что. В русском посольстве (это было уже в 90-х годах) был прием, и ко мне подошел аргентинский посол, он хотел познакомиться, знал, что я пишу, как эти молодые офицеры были здесь. А на балу были и французы, и русские. И все время потом были разговоры у нас, что все танцевали с русскими, а не с француженками…» [8]. «Русские женщины, еще молодые, становясь на один вечер сами собой, не были больше вчерашними и завтрашними

прислугами, продавщицами, сиделками; они снова обретали неожиданную грацию в порыве мазурки, в вихре вальса, в элегантных фигурах падеспани» [2, с. 252].

Именно такие, привычные в общем-то для многих русских эмигрантов формы дореволюционного досуга играли значительную роль в сохранении русской культуры, в создании атмосферы взаимопомощи и спаянности. Это был один из способов демонстрации стойкости собственной культуры, готовности к борьбе за ее сохранение любым способом.

«Мы жили в таких повседневных заботах, что для бесплодных сожалений не было места» [2, с. 231].

Список литературы

1. Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сборник / сост. К. В. Махров. М.: Русский путь. 2008. 493 с.
2. Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб.: Фонд содействия флоту. 2003. 344 с.
3. Устройство Корпуса на старом бизертском форту // Кадетская перекличка. № 15. Нью-Йорк. 1976. С. 24–33.
4. Берг В. В. Последние гардемарины. Париж. Военно-морской Союз, 1931. 183 с.
5. Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2 т. Т. 1. 26 августа 1917 – 14 сентября 1926. М.: Аграф, 2009. 203 с.
6. Парчевский К. К. У рабатского самовара // Вокруг Света. 1996. № 1 (2664). С. 63–66.
7. Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта (Тунис), осень 2008 г. // Личный архив Н. Л. Крыловой. Фонд не описан.
8. Из интервью с А. А. Манштейн-Ширинской, Бизерта (Тунис), осень 2007 г. // Личный архив Н. Л. Крыловой. Фонд не описан.

Н. В. Ларин

Повседневность и досуг детей беженцев в условиях эвакуации в Рязани в период Первой мировой войны (по материалам детских приютов)

В данной статье анализируются некоторые повседневные аспекты содержания детей беженцев в приютах Рязани в период Первой мировой войны на основе ранее не публиковавшихся материалов из Государственного архива Рязанской области (ГАРО). Приводятся адреса приютов в Рязани, дается описание их бытовых практик, характеризуется распорядок жизни детей, их повседневные и досуговые занятия.

In this article, the author for the first time touches on some everyday aspects and leisure of the detention of refugee children in shelters in Ryazan during the First World War. This topic is relevant due to the discovery of new facts from the daily life of refugee children in the State Archive of the Ryazan Region (GARO). The article gives the addresses of shelters in Ryazan, their household description, the routine of keeping children in them, their daily and leisure activities.

Ключевые слова: Рязанская губерния, беженцы, дети беженцы, приюты, повседневность и досуг в приюте.

Key words: Ryazan province, refugees, refugee children, shelters, daily life and leisure in a shelter.

Одной из проблем периода Первой мировой войны является организация приютов для детей беженцев. В Рязанской губернии существовали такие учреждения, занимающиеся содержанием этой категории населения.

В Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) сохранились документальные сведения о таких заведениях. Эти документы освещают проблему детского беженства в Рязани и губернии и содержат сведения о повседневности в указанных учреждений.

Дети беженцев могли находиться в разных губерниях и содержаться в приютах. Причиной этого было то, что немало детей в дороге отстали от своих родителей, либо вовсе лишились родственников. Такие дети оказывались в различных приютах общественных и благотворительных обществ, находили кров у частных лиц и в войсковых частях [1, с. 200]. В Рязани в 1915–1916 гг. существовали приюты для детей беженцев. В первый период беженства в 1915 г. для обслуживания нужд вынужденных переселенцев был организован при городской управе Губернский комитет, вскоре получивший значение местного органа Всероссийского союза городов, от которого снабжался средствами для ведения дела.

В сентябре 1915 г. Рязанская городская управа обратилась к Общественно-педагогическому кружку от имени Союза городов с предложением оборудовать особый приют специально для призрения детей беженцев. Работа по устройству этого приюта была поручена секции дошкольного воспитания, к которому присоединилась Комиссия о бесприютных детях секции по оказанию помощи беженцам. Ввиду того, что в Рязани не было найдено подходящего помещения для большого приюта на 110 чел., секция оборудовала три приюта [2, с. 1]. Комплектовались они главным образом детьми, которых присылали из Московского распределительного пункта. Хозяйственная и воспитательная части в приюте были вверены Рязанскому Общественно-педагогическому Кружку. В городской управе было сосредоточено только канцелярское делопроизводство и отчётность [3, л. 1].

Первый приют находился по адресу: Рязань, ул. Астраханская, дом Чернобаева. Это был двухэтажный дом [4, л. 10], нижний этаж которого был занят чайной. Второй приют размещался на окраине города, на улице Рыбацкая, в двухэтажном деревянном доме Карьевой общей площадью в 271 кв. аршин. Он состоял из десяти комнат: на верхнем этаже было четыре спальни, на нижнем – комнаты воспитательницы, надзирателя, классная, столовая, передняя и кухня, в которой была еще одна маленькая комната. Третий приют располагался по адресу: ул. Садовая, дом городского самоуправления – небольшое двухэтажное здание в черте города. Нижний каменный этаж был занят приютом, верхний – деревянный – служащими военной канцелярии. Всего комнат в приюте было пять: передняя, комната надзирательницы, классная, спальная и кухня; они занимали площадь 142, 5 кв. аршин.

В общем в этих приютах содержалось 77 детей беженцев в возрасте от 3 до 15 лет. В основном они были из Холмской, Минской, Волынской и Гродненской губерний. Помывочных и бань на территории трёх приютов не было, дети

мылись в так называемых «торговых» (общественных) банях. Во втором приюте клозет располагался в сенях, он был тёплый, так как туда выходила одна сторона печки.

Распорядок дня в этих учреждениях был следующим. Во втором и третьем приютах дети вставали в 7:00 утра, в 8:00 часов пили чай. Прогулка проводилась час – с 9:30 до 10: 30, обедали в полдень, пили чай в 17:00 и после ужина, в 20:00 часов, в 21:00 час ложились спать. Практически тот же самый распорядок дня был и в первом детдоме, но в повседневности у детей присутствовала ежедневная молитва: с утра, сразу после подъёма, далее постояльцы обязаны были убраться в спальном помещении сами, и отбой у младших был в 21:00 час, у старших в 22:00 часа.

В третьем приюте младшие дети с 13 до 16 часов ходили в школу для беженцев при начальном училище, ребята среднего возраста посещали Голенченское высшее начальное училище, находились они там до 17 часов. Старшие с местными детьми обучались в столярной мастерской от Общества попечения о бедных детях Рязани. В будние и выходные дни дети кололи дрова, подметали двор, исполняли поручения заведующей и надзирателя, ходили за покупками, помогали в разных работах по приюту. Во втором приюте: «мальчики дошкольного возраста исполняют домашние работы: рубят дрова, приносят их, ходят за хлебом и другими продуктами. Девочки дошкольного возраста находятся в кухне, помогают прислуге, ходят на базар за продуктами. Моют, стирают, учатся приготовлять кушанья, катают бельё, гладят, шьют на себя и мальчиков, сами чинят бельё, вяжут чулки» [4, л. 8].

Меню ежедневного питания во всех приютах было одно и то же: утром – чай с молоком и половина булки, кто желает – черный сухарь или хлеб. Обед из двух блюд: пять раз в неделю дети получали скоромную пищу – мясные щи, суп, борщ; два раза – постную пищу: горячее по большей части с грибами, иногда со снитками или рыбой. Вторые блюда: картофель в разных видах и каша гречневая, пшенная, рисовая, крупяная, картофельные драчёны, винегрет, студень. В праздник – пироги. Ужин состоял в основном из того, что не съели на обед, или доготавливали из обеденных продуктов. Больным по предписанию врача полагались: вечерний чай с молоком, половина булки, или ржаные пышки и сухари [4, л. 4 об.].

Заведующие этих приютов искренне переживали за своих подопечных. Это можно увидеть из отчётов, которые они должны были предоставлять в Рязанскую губернскую управу. Эти женщины самоотверженно посвящали себя воспитанию детей, заботясь не только об их нравственном развитии, но и о психологическом состоянии. Они прекрасно понимали, с каким «материалом» им приходилось работать. Заведующая первого приюта, М. Ф. Лемаринье, писала следующее: «Первое время, по прибытию, дети в приюте были необходительными, дичились персонала и даже друг друга. Постепенно стирались следы тяжёлых впечатлений пережитого, дети становились доверчивее, отношения быстро наладились. В настоящее время дети полностью освоились с персоналом, охотно делятся своими впечатлениями, переживаниями, особенно любят

говорить о родных и доме» [4, л. 11]. Заведующая второго приюта, Н. Якимова 24 ноября 1916 г, в своей характеристике на детей беженцев давала им положительную оценку в желании получать дальнейшее обучение: «У девочек в особенности, так как они в большем возрасте, чем мальчики, появляется особенное желание научиться чему-нибудь, например, кройке и шитью. Вообще какому-нибудь определённому ремеслу. Знание какого-нибудь определённого ремесла обеспечило бы им путь к самостоятельному содержанию» [4, л. 8 об.]. Заведующая третьего приюта, А. Шульгина 19 ноября 1916 г. писала: «Меня беспокоит судьба детей сирот, которые находятся в приюте. Когда окончится война, куда они пойдут? Хотелось бы, чтоб за дверьми приюта они не оказались беспомощными и непригодными к жизни с пустыми руками. Окончание курса начальной народной школы ещё не открывает им дороги, мне думается, что их непременно надо обучить ремеслу. В нашем городе мало мастерских. Есть мастерские столярные при ремесленном училище, но туда не берут приютских детей, есть и ещё столярная мастерская при школе Попечения о бедных детях Рязани, но туда за недостатком места может быть принято самое незначительное число детей. Является необходимостью открытие новых мастерских, в которых могли бы поступить подростки из приюта. Желательно бы открыть слесарную или столярную мастерскую. Будущность девочек-сирот ещё более неопределённа и темна. Их также нужно обучить ремеслу, более подходящее – это открыть школу кройки и шитья. Со знанием мастерства дети сумели бы сами заработать себе пропитание» [4, л. 6].

Дети, попавшие в приюты Рязани, пережили очень много, их повседневная жизнь была очень тяжёлой: они видели ужасные картины разрушения войны; над их головами пролетали аэропланы, сбрасывали бомбы, от которых на их глазах гибли их близкие. В первые дни пребывания в приюте старшие дети очень охотно рассказывали про свои злоключения, подчас перебивая друг друга. Вспоминали родных, иногда, особенно по вечерам, перед сном грустили и даже плакали о неизвестной участи близких домашних. В целом все дети производили очень хорошее впечатление. «В детях замечалось более культурности, чем у наших местных рязанских; беженцы общительны, свободно общаются с незнакомыми, не дичатся посторонних, охотно отвечают на вопросы, вступают в беседы, вежливы, вполне правильно владеют местоимением "Вы". Между собой дети, случалось и дрались. Один, например, кусался, его прозвали: "тот, который кусается". Лексикон бранных слов среди них был очень ограничен и вращался исключительно вокруг прозвищ домашних животных "он меня ругает собакой", "австрийской жабой", "ну какой я баран". С первых же дней по приезде старшие мальчики просили работы, высказывали желание заниматься разным ремеслом. Дети охотно брались за всякую работу, быстро перенимали, чему только могли их научить, выполняли сложные поручения, им давалась иногда большая сумма денег (3–5 рублей) на покупку в магазине разных вещей, и всё в точности возвращалось: и сдача, и вещи, и счета. Наблюдения над этими детьми из отдалённых от Рязани губерний давали дамам-патронессам и заведующим «богатый материал разнообразия детской психики» [2, с. 63–66].

Досуг дети беженцев в Рязани проводили очень скромно, радуясь порой самым незначительным проявлениям заботы о них. Считая необходимым дать детям, живущим в тяжёлых условиях, оторванным от привычной обстановки некоторое развлечение, Секция по оказанию помощи беженцам Общественно-педагогического кружка предоставляла в распоряжение комиссии по приютам 100 рублей на устройство ёлки «при деятельной помощи учащейся молодёжи». Всем присутствующим предлагали чай с закуской, раздали 190 пакетов со сладостями, причём 12 пакетов отправили детям беженцам из дома «Неаполь» [2, с. 85].

Также в Рязани существовал приют «Очаг», открытый Общественно-педагогическим кружком. Это было воспитательно-образовательное учреждение, где в одинаковой степени обращалось внимание на физическое и духовное развитие ребёнка. Большое значение придавалось пребыванию детей на свежем воздухе, для чего в тёплое время очень часто предпринимались прогулки и экскурсии. В течение года дети много раз посещали Рюминскую рощу, в которой однажды удалось посмотреть полевые работы; ходили несколько раз в Борки, на обрыв, на луг, посещали Никольский сад – наблюдали за пробуждением природы, сотрудники приюта знакомили детей со всеми явлениями, происходящими вокруг них; имели возможность видеть сбор овощей в Ямской слободе; посещали Очаг общества женщин.

Досуг и образовательные мероприятия были связаны воедино. С детьми беженцев проводились беседы о приближении весны, прилёте птиц, первых весенних цветах, и многих других темах, связанных с природой и её сезонными изменениями. Эти беседы привели к тому, что кругозор детей расширился, и они стали хорошо разбираться в том, что происходит в то или иное время года; приобрели некоторые сведения о физических свойствах предмета, например, что есть тела твёрдые, прозрачные, газовые, что они из одного состояния могут переходить в другое. Ко всем беседам подбирались соответствующие сказки, песни и игры. Так, например, к беседе о весеннем разливе детям была изложена сказка «Собака рыбака», к беседе о воде – «История с самоваром», к беседе о снежных заносах – «Сен-Готардская собака». Средством для закрепления в памяти детей бесед служили все виды ручного труда: лепка, рисование и др. Дети к беседе об осени слепили вазу с фруктами, а из бумаги сделали картины «Листопад» и «Отлёт птиц». К беседе об овощах лепили овощи, плели корзины, шили мешки; к беседе о хлебе из дерева, картона, серебряной бумаги сделали плуг, борону, серп, из картона склеили мельницу, из глины слепили возвращающегося оттуда крестьянина с мешками муки. Дети приобрели полезные навыки: свободно обращались с ножницами, недурно лепили и рисовали – этому творчеству дети придавались более всего [2, с. 40, 45, 46, 47].

Таким образом, дети беженцев были вынуждены быстро взрослеть, часто занимаясь трудом, который в мирное время выполняли взрослые. Культурные и развлекательные мероприятия в приютах были редкостью. Их проведение было связано в основном с религиозными и новогодними праздниками, которые приносили немного радости и разнообразия в монотонную жизнь детей. Особые

праздники, такие как Рождество и Пасха, были светлыми пятнами в тяжелой повседневности, когда детям позволялось ненадолго отвлечься от трудностей и почувствовать себя частью чего-то большего и светлого. Эти моменты были кратковременными, но жизненно важными для поддержания духа и сохранения хотя бы искры детства в душах маленьких беженцев.

Список литературы

1. Чубаров А. И., Щербинин П. П. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 25. № 188. С. 195–202. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25188-195-202.
2. Научная библиотека Рязанского историко – архитектурного музея – заповедника (РИАМЗ) НБ РИАМЗ 37 (09) Р Г59 2862. Годовой отчёт совета Рязанского общественно – педагогического кружка за 1915 г. Рязань: Типография Тарасова, 1916 г. 123 с.
3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО) ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2642.
4. ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2410.

В. О. Левашко, Д. В. Исаев

«Сошлись мы вечером…»: досуговые занятия краснофлотцев Краснознамённого Балтийского флота в преддверии и в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

В данной статье дается анализ организации свободного времени (досуга) моряков Краснознамённого Балтийского флота накануне и в ходе советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Рассматриваются цели и содержание наполнение свободного времени краснофлотцев, способы реализации поставленных целей и задач, а также те изменения, которые произошли в организации досуга личного состава непосредственно в ходе военных действий.

This article is devoted to the analysis of the organization of free time (leisure) for sailors of the Red Banner Baltic Fleet on the eve and during the Soviet-Finnish War of 1939-1940. The article discusses the goals and content of filling the free time of the Red Navy, ways to achieve their goals and objectives, as well as those changes. Which occurred in the organization of leisure time for personnel directly during the course of military operations.

Ключевые слова: свободное время, досуг, военный комиссар, чтение, кинопросмотры, театр, спорт, выступления артистов.

Key words: free time, leisure, military commissar, reading, film screenings, theater, sports, performances by artists.

Несмотря на то что участие Краснознаменного Балтийского флота СССР в советско-финляндской войне, равно как и обстоятельства подготовки объединения к боям в отечественной исторической науке, изучены весьма обстоятельно [1–4], остаётся целый ряд вопросов, требующих своего решения. Важнейшим из них является политическая работа, проводимая на КБФ в преддверии и в ходе самой «зимней» войны. В настоящее время отдельные аспекты этой большой проблемы приобрели особую остроту в связи с проведением специальной военной операции на Украине (СВО).

Предметом анализа в данной публикации будут вопросы организации досуга краснофлотцев накануне и непосредственно в ходе военных действия.

Источниковую базу исследования составляют прежде всего политические донесения, сводки и отчёты политического состава Политического управления Краснознамённого балтийского флота.

Определимся прежде всего, что такое досуг военнослужащего. В 1920–1930-х гг. в СССР было определено понятие внерабочего времени, которое рассматривалось с точки зрения восстановления и повышения работоспособности работника [5, с. 1]. В этот же период в отечественной военной педагогике утвердилось понимание тождественности досуга и свободного времени и было сформулировано понимание, что они ценны не сами по себе. а лишь в качестве возможности для других видов деятельности. Задача военного комиссара, как военного педагога, в этой связи заключалась в содержательном наполнении свободного времени военнослужащего видами деятельности, направленными на восстановление его сил, воспитание и развитие, которые отвечали бы как социальным требованиям, так и его собственным актуальным потребностям и интересам, задачам профессионального воспитания. Для успешной реализации этой задачи следует определить следующие ключевые моменты:

– знать об актуальных потребностях военнослужащих;

– установить наличие свободного времени как базового ресурса для их досуговой деятельности;

– определить фактическую структуру среды, характерную для досуга военнослужащих; определить их предпочтения (пожелания), получив таким образом обобщенную структуру среды (или структуру идеальной среды);

– соотнести ее с возможностями, которые содержатся в социальном пространстве пункта дислокации части (корабля) и дать им оценку: как потенциала для отдыха; для развития личности; воспитательных возможностей [5, с. 3].

Таким образом, исходя из определения свободного времени (досуга) краснофлотца, прежде всего следует проанализировать второй ключевой момент, а по сути распорядок дня личного состава, тем более, что без изучения этого аспекта невозможно представить саму суть флотских будней.

Распорядок дня моряков Краснознаменного Балтийского флота определялся Корабельным уставом. До середины 1940 г. на советском флоте действовал Корабельный устав 1932 г.

В соответствии с ним распорядок дня на корабле определяло суточное расписание, утверждённое командиром корабля. Какое же место в этом расписании уделялось досугу? Под это понятие попадали два временных отрезка – послеобеденный отдых с 12.30 до 13.45 и время отдыха после ужина – с 18.30 до вечернего чая в 21.00. При этом Устав 1932 г. особо оговаривал, что в это время могут проводиться различные собрания и совещания. Таким образом на досуг у моряков оставалось в будний день не более 4,5 часов при самом удачном для них раскладе.

В октябре 1939 г. начался процесс внедрения нового Корабельного устава Рабоче-крестьянского Военно-морского флота Союза ССР [6]. В соответствии с

этим документом время краснофлотского досуга было существенным образом сокращено. Послеобеденный отдых сократился на 15 минут – с 12.00 до 13.30, а понятие свободного времени краснофлотцев исчезло в принципе, ибо теперь, согласно новому уставу с 19.00 до 21.00 должны были проходить образовательные занятия и политическая самоподготовка. Таким образом, время краснофлотского досуга сократилось практически в половину, но это в большей степени, чем раньше соответствовало выполнению ключевой задачи – обеспечить созидательное наполнение свободного времени.

Также следует отметить, что помимо будних дней были и дни праздничные, когда время досуга краснофлотцев значительно увеличивалось. Впрочем, во второй половине 1930-х гг. таких дней в советском ВМФ было немного – всего пять (годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Первое мая, день рождения И. В. Сталина (21 декабря) и два новых праздника – Новый год (отмечался с 1936 г.), и День Военно-морского флота, который начали праздновать с 24 июня 1939 г. по предложению наркома ВМФ СССР Н. Г. Кузнецова, причём дата праздника подозрительно совпала с днём рождения самого наркома [7, с. 206].

Говоря о третьем и четвёртом ключевом моментах обеспечения досуговой деятельности в РКВМФ СССР в 1930-х гг. хотелось бы отметить два важнейших фактора – сравнительно высокий образовательный уровень личного состава частей и кораблей флота и дислокация частей и кораблей в базах флота, где должна была присутствовать достаточно развитая, по советским меркам 1930-х гг., база организации досуга. В условиях военных действия эта база существенно сузится, как сузится и само время досуга военного моряка и лётчика, что неизбежно должно было поставить перед политическим составом кораблей и соединений новые, достаточно сложные задачи.

Политработники Краснознамённого Балтийского флота должны были решать задачи организации досуга военнослужащих, в соответствии с требованиями нового устава. Сразу хочется отметить, что, судя по анализу предписывающих документов Политуправления флота, эта задача основной для политработников не являлась, но тем не менее, их регулярно ориентировали на внимание к досугу личного состава. Так, Директива народного комиссара ВМФ и Политуправления РККФ № 3/СС от 15 января 1939 г., предписывала: «... не отказываясь от дисциплинарных взысканий, как одной из форм воспитания личного состава. следует положить конец их безрассудному применению.

Улучшить повседневную партийно-политическую, воспитательную работу по борьбе за укрепление дисциплины, высокое морально-политическое состояние личного состава….

Улучшить культурное обслуживание бойцов и командиров, особенно в дни отдыха и праздников» [8, л. 9–10].

Перейдём теперь непосредственно к характеристике основных видов краснофлотского досуга во второй половине 1930 – начале 1940-х гг. на КБФ. Проанализируем, прежде всего, организацию досуга моряков в праздничные дни. Основными формами работы тут становились парады и торжественные постро-

ения (кроме Нового года, естественно), беседы, праздничные вечера и концерты, в том числе и художественной самодеятельности, посещение выставок в центрах культурно-массовой работы флота, тематические показы фильмов, иногда организовывались праздничные столы и буфеты. Например в день 60-летия Сталина 21 декабря 1939 г. по Ленинградской морской базе предписывалось провести «беседы и вечера с товарищами, которые встречались с товарищем Сталиным», в доме Военно-морского флота, клубах и ленинских комнатах организовать выставки, посвященные роли Сталина в развитии флота, библиотекам организовать выставки литературы Сталина и о Сталине, организовать беседы с личным составом на десять тем, связанных со Сталиным, провести концерт и торжественный вечер, а также показ фильмов о И. В. Сталине [9, л. 18–19]. 21 декабря на всех кораблях были проведены торжественные собрания и приняты обращения к Сталину [10, л. 142].

На 7 ноября 1939 г. для личного состава Ленинградской ВМБ был устроен концерт, на организацию которого было затрачено около 1 тыс. р. [10, л. 5].

В день Военно-морского флота было принято после парадов и митингов проводить в домах ВМФ торжественные концерты с буфетами для экипажей кораблей, военных судов и корабелов.

Что касается Нового года, то он отмечался на флоте довольно скромно. Для личного состава организовывались лишь показы фильмов и проходили торжественные вечера. Интересно, что во время праздников существовала практика запрета увольнений в город [11, л. 2]. Эта «скромность» становилась причиной многочисленных инцидентов, которые стоили флоту гораздо больше, чем нормально организованный праздник. Впрочем, об этом авторы данной статьи писали уже неоднократно [12].

Переходя от праздничного к каждодневному досугу, начнём с анализа чтения. Здесь прежде всего надо сказать, о той роли, которую играла литература в сознании советской молодёжи в 1930-е гг. Объективный наблюдатель – писатель Л. Фейхтвангер отмечал: «Для читателя Советского Союза как будто не существует границ между действительностью, в которой он живет, и миром его книг. Он относится к персонажам своих книг, как к живым людям, окружающим его, спорит с ними, отчитывает их, видит реальность в событиях книги и в ее людях» [13, с. 13].

Ответ на вопрос, что читали краснофлотцы, как кажется, можно получить на основании анализа содержания флотских библиотек. Задача исследователя облегчается тем, что в январе 1939 г. прошли массовые проверки состояния книжных фондов военных частей и соединений КБФ. Для нашего анализа выберем три воинские части из состава ВВС КБФ. Выбор объясняется объективно более высоким образовательным уровнем личного и командного состава лётных частей, что крайне важно для точности работы. Итак, выборка выглядит следующим образом:

Художественная литература: в/ч 717 из 19 245 книг к ней относилось 17 150 (89 %); в/ч № 8278 из 3 820 – 2 445 (64%); в/ч № 8338 из 438 – 327 (75 %). На втором месте находилась социально-экономическая и политиче-

ская литература: в/ч № 7178 из 19 245 – 1506 (8 %), в части № 8278 из 3 820 – 473 (12 %), в части № 8338 из 438 – 58 (13 %). Помимо этого, в библиотеках находилась военно-морская, учебная и прочая литература [10, л. 1–37].

Как мы видим, в библиотеках указанных частей доминирует художественная литература. Однако анализ «чтива» моряков исключительно на основании содержании библиотек не будет точным. Мы должны учитывать и требования политических работников. Так, в 1938–1939 гг. основным направлением работы стало изучение Краткого курса ВКП(Б). Работу Е. М. Ярославского было предписано изучать не только в школах и высших учебных заведениях, но и на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в воинских частях и т. д. Политические органы флота также не остались в стороне от общегосударственного дела. При этом упор был сделан именно на самостоятельную работу. Изучение «Краткого курса» должно было стать основным времяпрепровождением личного состава в свободное время. Для оптимизации этой работы были подготовлены классы, с соответствующими лозунгами, платами, литературой. К работе с «Кратким курсом» подключились стенная и многотиражная печать. Весь личный состав получил задания по изучению отдельных частей работы. При этом политруки подошли к решению проблемы чисто формально, зачастую не обращая внимание на то, способен ли краснофлотец в силу своего образовательного уровня понять тот материал, который ему приписывалось изучить. Затем по отдельным главам должны были быть проведены теоретические конференции, но эта форма работы успеха не принесла, так как, например, в ВВС КБФ в одном случае краснофлотцы отнеслись к изучению материала недостаточно ответственно, а в в/ч 7026, прозанимавшись 8 часов и заслушав 26 чел., так и не смогли завершить конференцию [14, л. 69–74]. Тем не менее именно изучение общественно-политической литературы стало своеобразной «визитной карточкой» краснофлотского и красноармейского отдыха. Это подтверждают, в том числе и открытки того времени, которые изображают и краснофлотцев, и красноармейцев, изучающих на отдыхе именно этот вид литературы и газеты [15, л. 44, 86].

Однако данный факт не отрицает интереса краснофлотцев к художественной литературе, хотя время на её чтение у них оставалось совсем немного. К сожалению, мы не располагаем примером непосредственного влияния чтения на моряков-балтийцев в преддверии и в ходе «зимней» войны, но один «смежный» пример из Арктического флота всё же есть. На ледоколе Севморпути «И. Сталин» в 1938 г. работал уборщиком некто Петровский, ранее связанный с криминальной средой. Испробовав множество способов воздействия на недисциплинированного моряка, комсомольцы ледокола посоветовали ему причитать книгу «Как закалялась сталь». Эта книга так потрясла Петровского, что он заинтересовался чтением, стал серьёзно работать над собой и начал готовиться к вступлению в ВЛКСМ [16, л. 9]. Учитывая мнение Фейхтвангера, озвученное выше, нет сомнения в том, что чтение советской художественной литературы оказывало подобное благотворное влияние и на краснофлотцев.

Еще одним видом отдыха личного состава КБФ стоит считать просмотр кинофильмов. Кинофильмы краснофлотцы могли увидеть как в кинотеатрах, так и на своих кораблях, и в воинских частях. Кинотеатры располагались в домах ВМФ и клубах в местах базирования флота. Моряки посещали их, находясь в увольнении или в праздничные дни. Например, начальник дома ВМФ Ленвоенпорта обратился в союз кинопроката для оказания помощи в доставке новых фильмов «Четвертый перископ» и «Ошибка инженера Кочина» для демонстрации личному составу в новогоднюю ночь конца 1939 г. [9, л. 16]. Однако в виду малого количества праздничных дней в году, насладиться кинопрокатом моряки в полной мере не могли.

Кинофильмы «крутили» и на самих кораблях по вечерам или в редкие дни праздников. Например, на эсминце «Ленин» в период «ленинских дней» с 18 по 21 января было показано пять кинофильмов, в том числе («Горный марш», «Высокая награда», «Всадники», «Юность Максима») [17, с. 24]. Это почти по два фильма в сутки. Партработники 1 дивизиона тральщиков отмечали рекорд краснофлотца-электрика Гаврилова, который «утвержденную норму судоремонта выполнил на 200 %, а вечером регулярно показывал кинофильм» и т. д. [18, л. 17].

Стоит выделить определённые проблемы в организации показа кинофильмов. В Кронштадте и в Ленинграде в целом процесс был налажен, киномеханики кораблей, в основном специалисты-электрики, получали фильмы в базе кинопроката на определённый срок. Но на кораблях легких сил, базировавшихся на заграничные порты, ситуация рассматривалась как неблагополучная, фильмов элементарно не хватало.

Политические органы рассматривали кинопоказ исключительно как элемент досуговой деятельности, и поэтому не уделяли этому направлению работы должное внимание. Информация о грядущих киносеансах часто доходила до моряков с изрядным опозданием или с ошибками во времени проведения. В краснофлотской газете «Дозор» военврач Морозов жаловался, что «почему-то у нас кино или концерт приходится узнавать "святым духом" или после, когда окончился сеанс» [19]. Отмечались и другие проблемы с кинопоказами на ряде эсминцев [20, с. 151].

Большой популярностью у моряков пользовался театр. Профессиональные коллективы личный состав флота мог увидеть в доме ВМФ [9, л. 6]. Там же выступали и самодеятельные коллективы – театральная группа, а вместе с ней хореографический и хоровой кружки [11, л. 3]. ПУбалт поддерживал самодеятельность, за первый квартал 1939 г. расходы на организацию театральных постановок, концертов и спектаклей составляли 6 008 р. [9, л. 121].

Главной проблемой при организации этой работы была острая нехватка музыкальных инструментов. В ведомости музыкального имущества дома ВМФ в Ленинградской морской базе за 1939 г. в распоряжении музыкальных коллективов имелось: пианино, девять струнных, две гармони, четыре гитары [9, л. 160]. Не хватало и квалифицированных руководителей коллективов.

Личный состав лёгких сил флота и других кораблей, базировавшихся с 1939 г. на заграничные порты, неоднократно выражал недовольство тем, что им строжайше запрещено посещать театральные постановки и кино в портах базирования. «Мне доверяют водить корабль, но не пускают посмотреть какую-нибудь постановку в театр. И никакая белоагитация на меня не подействует», – жаловался товарищам краснофлотец [18, л. 58].

Особое место в системе организации досуга личного состава КБФ были различного рода спортивные мероприятия. За спорт на флоте в конце 1930-х гг. отвечали командир и комиссар корабля и части, а непосредственное руководство осуществлял флагманский специалист по физическому воспитанию (начфиз, или флагмускул, как называли их на флоте). В Ленинградской Военно-морской базе КБФ в 1937–1938 гг. регулярно тренировались три команды: футбольная и две волейбольных. Состояло в них всего 48 чел. преимущественно начальствующего состава и курсантов (пять комсостава и начсостава, 15 младшего начсостава, 28 курсантов вузов) [21, л. 15]. Впрочем, штаб флота и политуправление стремились максимально привлекать к спортивным мероприятиям и личный состав. Если в 1937 г. было проведено два общефлотских спортивных турнира, то в 1940 г. их было уже 10 (первенство по хоккею, первенство по борьбе, шахматный турнир, парусная гонка, гребная гонка, лыжные соревнования, первенство по боксу, волейбольное первенство, футбольное первенство, соревнования по стрельбе) [22, л. 86]. Часто для стимулирования интереса победителям соревнований выплачивались денежные призы. Например, в ноябре 1937 г. в честь 20-й годовщины Октябрьской революции среди личного состава флота проводились спортивно-стрелковые мероприятия с денежными призами за первое и второе место.

Такова была система организации досуга краснофлотцев в мирное время. Её основным направлением, как сказано выше, было формирование деятельности на самосовершенствование молодого моряка в духе действующих в то время идеологических установок. Однако в дни советско-финляндской войны эту систему пришлось в значительной мере модернизировать.

Кардинальным образом изменились цель и условия организации краснофлотского досуга. В условиях военных действий досуг для моряков часто был непозволительной роскошью, а на боевых кораблях, и особенно подводных лодках, в боевом походе вообще становился ругательным словом. Да и в базе, и на аэродромах на досуг часто не было времени – корабельный ремонт, зимняя оборона, модернизация боевых средств, боевая учёба, помноженные на извечные для наших вооружённых сил бытовые проблемы не оставляли морякам свободного времени. В этой связи очень важно было не проповедовать личному составу коммунистические истины, хотя это направление работы никто и не отменял, но дать возможность физической и психологической разгрузки. Моряки, лётчики и лыжники флота на войне отрывались от баз, и традиционные методы организации досуга сразу становились невозможны. Недаром военком лыжников Богданов отмечал отсутствие библиотеки, подвоза художественной литературы, неудовлетворительное снабжение газетами, отсутствие мобильной

печатной техники и киноустановки [4, л. 152]. И командование, и политсостав начали понимать, что «перегретость» моряков может привести к таким психологическим травмам, которые сделают невозможным выполнение боевой задачи в принципе. Это требовало совершенствования методики по организации досуга моряков.

«…Кто сказал, что надо бросить песни на войне?

После боя сердце просит музыки вдвойне!..»

Важнейшим нововведением стали фронтовые бригады артистов, которые регулярно посещали корабли, аэродромы и воинские части непосредственно на фронте. Главное отличие от работы в предыдущий период заключалось в том, что теперь не моряки шли к артистам, а артисты приезжали к морякам. Отработанный за дни войны репертуар давал краснофлотцам и командирам возможность сбросить боевое напряжение, но при этом ориентировал их на дальнейшую борьбу. Примером таких фронтовых выступлений более чем достаточно.

17 февраля 1940 г., когда 18-й отдельной ближнее-разведывательной авиаэскадрильи (командир капитан Ф. А. Усачёв, военком ст. политрук М. А. Сырников) была поставлена задача на разведку противника в шхерном районе с фотографированием Виролахти, вечером на аэродроме состоялся концерт ленинградских артистов, который прошёл на «ура» что позволило избежать использования иных, «традиционно русских» средств расслабления [23, л. 84].

Политрук лыжного отряда Балтфлота лейтенант Боковня вспомнил, как на базу отряда приезжал Театр КБФ и давал концерты. Бойцы элитной лыжной части восхищались не только умением артистов, но и их твердостью. Концерт шел при -30º, но многие артисты выступали в рубашках. Бойцы были восхищены их мужеством. Несколько раз в отряд приезжали писатели, проводили беседы.

В тех случаях, когда приезд артистов был невозможен, выручала самодеятельность. Известно, что люди, идущие в бой, всегда поют. В том же лыжном отряде Лосякова появились и плясуны, и чтецы, и рассказчики. К месту пришлись патефон и гармонь [24, л. 15].

На подводных лодках во время отдыха в базе самодеятельность приняла такие масштабы, что политотдел бригады «Малюток» даже рекомендовал включить в программу военно-морских учебных заведений обучение играть на музыкальных инструментах, петь [18, л. 11]. Большим подспорьем становились и радиопередачи на фронтовую тематику из цикла «Писатели на фронте», которые тоже пользовались успехом у моряков. Не оставались в стороне эффективные формы работы, оставшиеся с мирных дней – прежде всего кинофильмы, без которых досуг флота представить себе было невозможно. Месте с тем неоднократно отмечалось, что слабая подготовка командного и особенно политического состава не давала возможности грамотно организовать досуг.

Без извечно русских «косяков», вроде совместных пьянок с артистами, понятное дело, не обходилось, но об этом авторы данной публикации писали уже неоднократно [25].

Подводя итог нашему краткому анализу, хотелось бы отметить следующее: в РКВМФ свободное время (досуг) краснофлотцев в конце 1930-х гг. рассматривался как возможность для видов деятельности, направленных на самосовершенствование и развитие молодого моряка в духе идеологических установок ВКП(б) и ВЛКСМ. Досуг личного состава регламентировался корабельными уставами и претерпел в 1940 г. определённые изменения. Основными методами, направленными на решение поставленных задач, были: чтение, просмотр кинофильмов, театральная деятельность и сценическая самодеятельность, спортивные мероприятия. Общее руководство досугом краснофлотцев осуществляли политические работники и флагманские специалисты по профильным специальностям. При этом политический состав не рассматривал организацию досуга краснофлотцев как основную задачу. Для реализации досуговых мероприятий флот располагал удовлетворительной базой, хотя увеличение корабельного и лётного состава, вкупе с перебазирование флота привело к возникновению существенных проблем в этой работе.

В ходе советско-финляндской войны политическая составляющая досуга, прежде всего в воюющих соединениях, оторванных от баз, существенно сократилось. Сократились как само свободное время, так и возможности для его организации. Главной задачей стала необходимость обеспечить личному составу психологическую разгрузку, что достигалось повышением роли искусства, самодеятельности и других эмоциональных составляющих в методике организации краснофлотского досуга.

Список литературы

1. Флот в боях с белофиннами. М.-Л.: Воениздат, 1942. 56 с.
2. Жуматий Д. Боевые действия военно-морского флота в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.): учеб. пособие. М.: ВУ, 1997. 84 с.
3. Петров П. Балтийский флот. Финский гамбит. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 432 с.
4. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Боевые действия на море / под ред. А.В. Платонова. СПб.: Остров, 2002. 200 с.
5. Смирнов Р. В. Организация досуга как направление деятельности военного педагога // Научно-педагогическое обозрение. 2018. № 1(19). С. 151–156. DOI 10.23951/2307-6127-2018-1-151-156. EDN YOTBMD.
6. Корабельный устав Рабоче-крестьянского Военно-морского флота Союза ССР. М.: Военно-морское издательство НКВМФ, 1940. 380 с.
7. Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995. 256 с.
8. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ) Ф. Р. 62. Оп. 5. Д. 3.
9. РГА ВМФ. Ф. Р. 748. Оп. 1. Д. 205.
10. РГА ВМФ. Ф. Р. 34. Оп. № 6с. Д. 849.
11. РГА ВМФ. Ф. Р. 2068. Оп. 1. Д. 10.
12. Левашко В. О. «...О службе морской...» Проблемы повседневной жизни краснофлотцев Краснознамённого Балтийского флота в преддверии и в ходе советско-финляндской войны // Домашняя повседневность населения России: история и современность: Материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 07–09 апреля 2022 года. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина; Медиапапир, 2022. С. 164–170. EDN AVOQGM.
13. Фейхтвангер Л. Москва 1937. М.: Захаров, 2021. 160 с.

14. РГА ВМФ. Ф. Р. 62. Оп. 5. Д. 6.
15. Открытка «раздача газеты «Боевая красноармейская»» фото Н. Петрова и В. Тёмина заказ 2940. Тип. №1 им. Володарского. Тираж 9000 экз. (№1769); Открытка «Читка газет на привале у костра» фото Н. Петрова и В. Тёмина. Тип. №1 им. Володарского. Тираж 5000 экз. (№1570-) / Мусин М. Советско-финляндская война (30.11.1039–13.03.1940) в открытках. Выборг: Фотогородок, 2015. 98 с.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД). Ф. К-598. Оп. 2. Д. 625.
17. Левашко В. О. Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финской войны (1939–1940 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2000. 28 с. EDN ZNOFRF.
18. РГА ВМФ. Ф. Р –107. Оп. 7с. Д. 58.
19. Дозор. Л.: Политуправление КБФ, 1939–1940.
20. Левашко В. О. На Балтике, в советско-финляндскую…: морально-политическое состояние личного состава кораблей Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: монография. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. 196 с.
21. РГА ВМФ. Ф. Р-885. Оп. 1. Д. 238.
22. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 4. Д. 152.
23. РГА ВМФ. Ф. Р 65. Оп. 35. Д. 9.
24. РГА ВМФ. Ф. Р – 92. Оп. 2. Д. 600.
25. Левашко В. О. «Решительно и беспощадно наказывать всех лиц, замеченных в пьянстве...» - проблема пьянства на Краснознамённом Балтийском флоте в 1938–1940 гг. // История повседневности. 2024. № 2(30). С. 147–162. DOI 10.35231/25422375_2024_2_147. EDN PMNLDG.

Р. Р. Хисамутдинова

Досуговая повседневная жизнь фронтовиков в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается досуговая повседневная жизнь фронтовиков в годы Великой Отечественной войны на основе анализа 87 солдатских писем, дневника Валентина Чернова и воспоминаний. Сделан вывод о том, что досуговая повседневность зависела от многих факторов и была разной в зависимости от хода боевых действий, рода войск, служебного положения, принадлежности к рядовому или командному составу, близости к переднему краю.

This article examines the leisure daily life of front-line soldiers during the Great Patriotic War based on the analysis of 87 soldiers' letters, Valentin Chernov's diary and memoirs. It is concluded that leisure daily life depended on many factors and was different for everyone depending on the course of military operations, type of troops, service position, affiliation with the private or command staff, proximity to the front line.

Ключевые слова: досуг, повседневная жизнь, фронтовики, Великая Отечественная война.

Key words: leisure, everyday life, front-line soldiers, Great Patriotic War.

«Война не есть сплошная опасность, ожидание смерти и мысли о ней. Если бы было это так, то ни один человек не выдержал бы тяжесть её… даже месяц», – писал поэт Константин Симонов. Человек на фронте не только воюет. Наступает затишье – и в эти часы он занят работой, от которой во многом зависит успех в новом бою. В понятие фронтового быта или уклада повседневной жизни в боевой обстановке входит выполнение служебных обязанностей (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военным профессиям), а также отдых и досуг, в том числе и организованный.

Источниками для изучения фронтового досуга могут служить как официальные документы, так и источники личного происхождения (письма, дневники и воспоминания). Нередко документы личного происхождения и результаты интервьюирования не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки. Это еще один важный феномен войны: различия во взгляде с командных высот и из окопа.

Фронтовая повседневность, в т.ч. досуговая у каждого военнослужащего была своя. Условия, в которых солдатам приходилось восстанавливать силы, спать, принимать пищу, приводить в порядок личное оружие, были весьма разнообразны. Зависели они от времени года и климатических условий, от принадлежности к тому или иному роду войск, к рядовому или командному составу, от близости к переднему краю. Как писала фронтовой поэт Юлия Друнина: «Но по-другому было на войне –/ Не в третьем эшелоне, а в огне» [1, с. 124]. Существенно отличался досуг участников боевых действий в период наступления, обороны, отступления.

Как свидетельствуют многие воспоминания, дневники и интервью, воспоминания о доме и семье, о довоенной жизни составляли лучшую часть бесед во время отдыха и затишья на фронте. Они наполняли смыслом само бытие солдата на войне, поскольку делали бои, стрельбу во врагов и даже саму смерть не бессмысленной мясорубкой, а только средством защиты нормальной невоенной жизни. «Кровавый бой», по выражению А. Твардовского, действительно шел «ради жизни на земле».

Е. Савинов вспоминает: «Нечастые спокойные фронтовые вечера, когда мы собирались вместе у костра и пели. Пели подолгу, забывая о войне. У песен тоже была своя судьба. Они приходили с фронта нашим родным, словно боевые сводки. Если солдаты пели грустные – значит, не очень-то весело шли фронтовые дела, Если же в песнях звучали мажорные мотивы – значит весел и бодр солдат. Но песню о синем платочке пели всегда» [2, л. 227].

Из дневника Валентина Чернова, командира танкового экипажа: «13 ноября 1943 г. Время после ужина, когда всяк занимается своим делом: пишут письма, меняют подворотнички, играют в шашки и …даже в подкидного дурака, что, естественно, начальство не поощряет, травят байки, вспоминают своих погибших товарищей. Этим занята одна половина, другая – «отрабатывают сон начистоту. На миг становится тихо, и кто-то со смаком засопел, а потом громче и громче: с присвистом и хрюканьем». «В вагонах своя жизнь. Поют солдаты

свои тревожно-ласковые, задумчивые, немного грустные песни. Читают письма (в который раз!) из дому: от матерей и жен, детей и знакомых. Теплеет от этих песен душа солдата…Олег Гандурин с Иваном Романченко играют в шашки, решают застарелую задачу: кто сильнее» [3, с. 197, 228].

В двадцати трех письмах погибшего на фронте тридцатишестилетнего Василия Николаевича Калашникова (1907 г.р. – 14.11.1943), мобилизованного из Кигинского района Башкирии в сентябре 1942 г., прошедшего боевой путь с 10 октября 1942 г. по 14 ноября 1943 г., награжденного медалью «За отвагу», гвардии рядового, заряжающего артиллерийского расчета, в письмах своей жене Соне и двум маленьким деткам, нет ни одного упоминания о досуге. Во всех письмах присутствует постоянная забота о семье, детях, престарелой матери, ожидание писем из дома с просьбой жене, чтобы сфотографировалась вместе с детьми и прислала фотографию, описание своих чувств и своей тяжелой фронтовой жизни, и постоянное упоминание имени Всевышнего и вера в него. Но нет описания досуга [4, с. 292–302]. Этим отличаются письма солдат разных возрастов и письма, написанные в начале и до середины войны. Взрослые солдаты о своем досуге не пишут в своих письмах в отличие от молодых солдат, которые делятся с родными и близкими впечатлениями о прочитанных книгах, просмотренных фильмах, увиденных спектаклях, прослушанных концертах.

Советское руководство для подъема морального духа солдат и офицеров и облегчения их трудной фронтовой жизни организовывало выездные бригады артистов со всех тыловых концов страны, которые на 1,5–2 месяца выезжали на фронт и давали концерты. Так, в годы Великой Отечественной войны из Чкаловской (Оренбургской) области были организованы 17 фронтовых бригад, в десяти из которых принимали участие артисты эвакуированного в г. Чкалов Ленинградского государственного Малого оперного театра, поэтому в солдатских письмах описывается приезд артистов и радость от концертов.

Образовательный и культурный уровень молодых солдат, окончивших советскую школу, был достаточно высоким. Об этом свидетельствуют их письма, многие из которых написаны без орфографических и грамматических ошибок, каллиграфическим почерком [6, с. 115]. В письмах Константина Гавриловича Балахонова (1923–25.04.1945 г.), уроженца г. Оренбурга, мобилизованного в 18-летнем возрасте 10 ноября 1941 г., в действующей армии с июня 1942 г., в полку легендарных «Катюш», старшего радиста 59-го гвардейского минометного Гнезненского ордена Кутузова полка, погибшего 25 апреля в боях за Берлин, похороненного в Трептов-парке в Берлине, только начиная с 1943 г. находим описание его досуговой повседневности. Проанализированы 40 его писем, начиная с первого письма от 3 декабря 1941 г. и заканчивая его последним письмом родным от 21 апреля 1945 г. [5, с. 12–60]. Только в 16 из 40 писем, начиная с 1943 г. находим описание досуговой повседневности. Письмо Балахонова от 4 января 1943 г.: «Наступил 1943 г. Его я встретил не так, как ожидал. Эти дни, которые так весело проводил раньше, ничем не отличались от обычных. Позавчера смотрел кино «Антон Иванович сердится» (Мюзикл, комедия,

1941 г., режиссер А. Ивановский – ХРР), я видел его раньше, но все же посмотрел и послушал музыку с большим удовольствием. Вчера к нам приезжали артисты с довольно хорошей программой концерта. Сегодня получил, папа, твое письмо с вырезками из «Чкаловской коммуны» (Областная газета Оренбургской – Чкаловской области – ХРР) и «Комсомольской правды», которые с интересом прочел» [5, с. 24].

Из письма от 6 августа 1943 г.: «…После двадцати двух дней напряженных ожесточенных боев нам дали немного отдохнуть, и сейчас мы отдыхаем около одной деревни, которую не так уж давно отвоевали. Последние дни боев были особенно жаркими, и я никак не мог выбрать время написать вам… Вчера к нам приезжала фронтовая бригада артистов и дали хороший концерт. Получаем журналы, газеты и письма» [5, с. 29].

7 августа: «Здравствуй, дорогой папа! Вчера утром отослал Вам письмо, а вечером ты обрадовал меня свежими вестями из дома, из Чкалова, получил твое письмо от 23 июля 1943 г. из Краснопартизанского района…P.S. Спасибо папе за вырезку из «Чкаловской коммуны» Она мне очень понравилась. Я тоже слушал некоторых из этих артистов. Да! В Чкалове музыкальная жизнь поднялась (в годы войны 3 года в Чкалове с сентября 1941 г. до 3 сентября 1944 г. находился Ленинградский государственный театр оперы и балеты – ХРР). Как хотелось побывать там на концертах. Услышать Чайковского… Это самый любимый мой композитор, когда я слушаю его, у меня мурашки по спине бегут от восхищения» [5, с. 31].

Из его писем можно узнать, что он в январе-феврале 1944 г. учился в г. Ржеве по своей специальности, откуда 13 января написал письмо домой.: «Мы, радисты, сейчас занимаемся отдельно по 6 часов в день по специальности… Живем скучно. Никаких развлечений, кино, концертов – не бывает. Лишь по вечерам играет гармошка, раздаются песни. Книги есть. Прочел много мелких брошюр и «Красное и белое» Стендаля» [5, с. 35]. 25 февраля 1944 г.: «Вчера с утра съездил в Москву…Посмотрел кинофильмы «Актриса», «Два бойца», «Девид-Бек» и побывал в Политехническом музее. P.S. Позабыл сообщить вам, что вчера наблюдал салют в Москве за освобождение городов Дно и Рогачев. Очень красивое зрелище!... На улицах и площадях толпа народа, наблюдающих это замечательное зрелище» [5, с. 36].

10 марта 1944 г. Константин шлет родным горячий привет с фронта: «Вчера прибыли на место и устроились. Все получилось очень интересно. 3-го утром начали готовиться к сдаче зачета, которые должны были сдавать в тот день. Вдруг в 9 часов узнаем новость и получаем боевой приказ... За два часа погрузились на эшелон и рано утром 4-го выехали. Ехали очень быстро и почти без остановок, ну а 7-го выгрузились в Кандалакше». В письме от 14 июня отцу, матери и сестре Тамаре пишет: «…Жить мы стали немного веселее. Последние дни нас буквально засыпали «культурой». 11-го смотрели пьесу Островского «Поздняя любовь», 12-го смотрели фильм «Давид Бек» и «Джордж из Динки-Джаза». Вчера показывали эти же фильмы и пьесу Гольдони «День ошибок». Пьесу показывал фронтовой театр Туркменской ССР с участием заслуженной

артистки республики Снеговой. Сегодня приедет красноармейский джаз-оркестр, ждем на днях московских артистов и через каждые три дня кино. Жаль, что не привезут нам сюда библиотеки хорошей» [5, с. 39].

Из письма отцу 15 октября 1944 г.: «Время для прочитки присылаемого тобой материала хватает, а сейчас даже и на другую литературу. За время здешнего наступления прочел повесть Константина Симонова "Дни и ночи". Очень хорошая вещь. А сейчас после «упорных боев» овладел «Чингиз-ханом» и сейчас читаю. Тоже неплохая книга. … Из газет прочитываю армейскую фронтовую "Правду", "Звездочку" (Красная Звезда – ХРР) и изредка "Комсомолку" (Комсомольская правда – ХРР), достал журнал "Красноармеец"». Далее он просит отца: «Недавно прочитал в газете, что вышла в свет вторая книга статей И. Эренбурга. Ты её постарайся обязательно достать и сохранить. Есть ли еще у тебя экземпляр первой его статьи, а то мой здесь окончательно "зачитали". А он один из любимых моих писателей, и я не пропускаю ни одной его статьи… Из "культурки" лишь прослушать несколько лекций о текущих моментах и международной обстановке, вчера потанцевал в своем клубе, и сегодня надеюсь посмотреть кино, концерт и потанцевать. Видишь, до чего довоевались!» [5, с. 42–43].

Письмо сестре Тамаре от 1 ноября 1944 г.: «… Но сейчас вам, наверное, стала известная моя судьба. Живу в обстановке, которая мало напоминает боевую. Я уже писал об этом, не буду повторяться. В субботу и в воскресенье, скажу тебе, по секрету, "завоевываю" внимание девушек из соседнего госпиталя на танцах в нашем клубе. Танцуем под баян. Вечера проходят очень хорошо. Иногда удается посмотреть кино. Но это у нас происходит по пословице: "Не было ни гроша, да вдруг алтын". То нет-нет, а то привезут сразу несколько. Позавчера, например, забрались в клуб в 2 часа дня, а ушли в 11 часов ночи, посмотрев картины: "День войны", "Ленин в 1918 г.", "Концерт – фронту", "Живи, родная Беларусь" и киножурнал "Гимн Советского Союза". Согласись сама, что так воевать еще можно. Правда приходится очень много работать еще. Сейчас строим капитальные теплые гаражи для машин. Работа очень большая. Кроме того, приходится стоять в наряде, писать стенгазету, писать "Боевой путь", так как 7 ноября у нас, кроме праздника отмечается и 3 годовщина дивизиона, далее надо репетировать программу самодеятельности, а там еще беседы, лекции, заседания, совещания и прочее… Вот так и воюем. В общем, живем хорошо. … Костя» [5, с. 43].

В письме родным от 8 ноября жалуется, что праздники провел плохо: «Было скучно и неинтересно. 6-го у нас ничего не было. Вчера утром был парад, а после него торжественный обед. Собрались у себя в клубе все вместе. За столом было всего достаточно. Хороший обед из трех блюд, закуска, жареная свинина, водка. После обеда начались пляски, песни и так далее. Солдаты повеселели. Вечером концерт художественной самодеятельности, но танцевать было не с кем, так как госпиталь, стоявший около нас, уехал. В общем, праздником остались малодовольны» [5, с. 45]. Молодость брала свое, хотелось и с девушками потанцевать, поэтому чувствуется его разочарование отъездом госпиталя.

Письмо из города Коростень написано 30 декабря 1944 г., следующие письма от 7 и 13 января 1945 г. отправлены уже из Польши: «… Пока не воюем, но бои не за горами. Сменили несколько мест и стоим на исходной точке дороги – Берлин» [5, с. 46, 47, 48]. По письмам можно определить, что он принимал участие в Висло-Одерской наступательной операции (12 января – 3 февраля 1945 г.), в ходе которой 17 января Красная Армия освободила столицу Польши – Варшаву, 19 февраля вступила на территорию Германии. Скорость продвижения наших войск была достаточно высокой. Об этом свидетельствует коротенькое письмо К. Балахонова от 23 января 1945 г.: «… Уже далеко за Варшавой. Движемся по 60–80 километров в день и едва поспеваем за немцем, поэтому писать мне некогда. О наших делах вы, наверное, читаете в газетах. Живу неплохо. Пока все. От вас получил три открытки, остальные не могут догнать» [5, с. 49].

В письме от 4 марта 1945 г. извиняется, что давно не писал: «Чаще браться за перо не позволяла обстановка. Приходилось чаще браться за автомат, за рацию. Патроны и гранаты бывали дороже хлеба…Сегодня вырвал минуточку, чтобы коротенько сообщить вам о том, что я жив и здоров, нахожусь в своей части и по-старому воюем с конниками в Германии… Недавно послал вам заказным письмом грамоту с благодарностью товарища Сталина. Сообщите, получили ли вы её, а то я собираюсь выслать еще две…» [5, с. 52].

Несмотря на ожесточенные и тяжелые бои, молодые бойцы в перерывах между боями находили время, чтобы научиться играть на музыкальных инструментах. Об этом свидетельствует письмо Константина отцу от 11 апреля 1945 г.: «Я тебе, папа, не писал, но должен написать о своем друге – Василии Ивановиче Крылове. С ним вместе мы с 1941 г. из Елабуги. Свели нас сходство характеров, общие взгляды на окружающее. Он, как и я, любит книгу, музыку. Сам замечательный музыкант на балалайке, гитаре, мандолине, гармошке, баяне и уже здесь освоил аккордеон. Живем мы с ним очень дружно, везде всегда вместе. Сам он из Горького. Он всегда вам сможет сообщить обо мне и сделать все для меня. От него и меня хотим тебя попросить об одной вещи. Если бы ты где-либо, каким-либо образом сумеешь достать и выслать для Васи школу или самоучитель для аккордеона, то он бы был очень тебе благодарен. Он меня попросил написать об этом тебе, а я попрошу постараться достать» [5, с. 58]. В этом же письме пишет о том, что за последнее время, чуть не с дракой, достал и прочел несколько книг: «Дни и ночи» Константина Симонова (повесть), 1-й том лирических стихов Сергея Есенина и II-й том сочинения М. Сибиряка. Все понравилось, особенно, первая, так как вообще люблю тезку Симонова как в стихах, так и в прозе... [5, с. 59]. Эти письмо свидетельствуют о том, какой генофонд народа был уничтожен на войне: будущие ученые, музыканты, поэты, писатели, учителя, врачи и просто хорошие и добрые люди, которых интересовали даже в условиях жесточайшей войны проза, поэзия, книги, музыка ...

Досуговая жизнь как часть повседневной также зависела от многих факторов, в т.ч. от занимаемой должности и от места нахождения военнослужащего. Об этом свидетельствуют письма Юрия Владимирович Бутовского (27.03.1919–23.12.1986), призванного из Оренбурга в 1941 г., в действующей армии с 1942 г., гвардии капитана, помощника начальника отдела снабжения горючим 7-ой гвардейской армии, награжденного орденами и медалями. В восьми из 24 писем Ю. В. Бутовского родным и близким, написанных с августа 1943 г. по 29 марта 1945 г. и опубликованных, описывается досуговая жизнь. Эти письма свидетельствуют о том, что человек все-таки находился подальше от линии огня, работал в отделе снабжения, поэтому у него было больше возможностей и времени, чтобы заниматься организацией своего досуга. Так в письме родителям от 26 августа 1943 г. он писал: «Нами одержана еще одна замечательная победа – Харьков наш! Харьков советский! В честь такого знаменательного дня у нас 24 августа был дан концерт бригадами артистов Киевского ордена Ленина Академического театра оперы и балета им. Шевченко. Это был один из первых концертов на освобожденной украинской земле. Концерт был интересный, разнообразный и прошел с большим подъемом. Среди артистов был один заслуженный артист республики, он неплохо исполнил куплеты Тореадора из оперы «Кармен» Бизе» [5, с. 77].

Письмо от 20 января 1944 г.: «Сейчас я заводил и слушал патефон. Среди пластинок некоторые и неплохие, например: "Катя-Катюша", "Пожарный вальс", "Листья падают с клена", "Два друга", "Москва" и прочее. Сейчас я стал иметь больше свободного времени, вообще же это зависит от целого ряда обстоятельств – от "внешних" сил, как говорится в физике» [5, с. 80]. 31 июля: «Я это письмо Вам пишу из Кировограда, куда прилетел на самолете 26 июля. Прилетел по делам и завтра думаю отправляться обратно. В Кировограде 28-го июля ходил в драмтеатр и смотрел драму в 5 действиях, 6 картинах – "Лихая искра" (на украинском языке). Пьеса из жизни старого украинского казачества. Постановка была довольно удачная и сопровождалась музыкой, как и каждая украинская драма. Ходил также в кино и смотрел "Мечта" из жизни западников Украины раньше и после объединения с советской Украиной. Хотел было посмотреть в кино "Северную звезду" – американский фильм, но демонстрация уже окончилась и вместо него идет старая картина «Возвращение Максима» [5, с. 85].

В письме от 30 декабря 1944 г. сообщал о том, что живет пока на прежнем месте: «Теперь вот-вот будет взята полностью столица последнего сателлита Германии. Я собираюсь в ней тоже побывать» [5, с. 96]. 4 января 1945 г.: «Новый год встретил хорошо, в отделе, больше никуда не ходил…». Он в момент призыва учился в институте, поэтому в письме писал: «Я сейчас снова читаю Краткий Курс Истории ВКП(б). На днях достану книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», не мешает вспомнить лекции по марксизму-ленинизму (что было в институте). Я за последнее время сделал доклад и провел две беседы. Это занятие очень полезное» [5, с. 97].

Письмо от 31 января 1945 г.: «Я сейчас переехал на новое место. Вчера я смотрел кинокартину «Серенада солнечной долины» – американский кинофильм. Там есть интересные моменты из лыжного и конькобежного спорта…В свободное время упражняюсь на скрипке (у меня есть довольно хорошая

скрипка в футляре), но мне кажется, что на аккордеоне научиться играть легче… До Берлина теперь осталось всего 145 километров и это расстояние с каждым днем все уменьшается и уменьшается» [5, с. 98].

Письмо от 29 марта 1945 г.: «Недавно смотрел кинокартину «Миргород» по повести Гоголя, «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», картина очень интересная. Посмотрел также картину «Победа на юге». Недавно прочитал интересную и знакомую книгу «Дни и ночи» Симонова…» [5, с. 100].

Юрий Владимирович Бутовский вернулся живым с войны, с 1948 по 1982 г. работал судьей Оренбургского областного суда.

Таким образом, фронтовая досуговая повседневность у каждого участника войны была своя и зависела от многих факторов. Она влияла на психологию солдата, на его самочувствие.

Список литературы

1. Друнина Ю. За минуту до боя. М.: АСТ Астрель, 2012. 352 с.
2. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6002. Оп. 1. Д. 426.
3. Чернов В. А. Дорогами суровыми войны. Оренбург: Юж. Урал, 2009. 559 с.
4. Письма огненных лет. Уфа: Китап, 2005. 376 с.
5. «Тебе эти строки пишу я…»: сборник фронтовых писем (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2015. 161 с.
6. Хисамутдинова Р. Р. Солдатские письма как уникальный источник для изучения внутреннего мира человека на войне (по письмам южноуральцев) // Несломленный народ. От общей победы к общей исторической памяти (колл. монография). М.: Изд-во «Весь Мир», 2021. 704 с.

С. А. Бачевская

Партизанский досуг в период Великой Отечественной войны (на примере территории Ленинградской области)

Исследование сосредоточено на анализе особенностей отдыха в партизанских формированиях в годы Великой Отечественной войны на территории Ленинградской области. Основная цель работы – выявление специфики организации досуга, его форм и содержания, а также роли этого досуга в поддержании боевого духа и укреплении дисциплины в партизанских отрядах.

This study focuses on analyzing the characteristics of leisure in partisan formations during the Great Patriotic War in the Leningrad region. The main goal of the work is to identify the specifics of leisure organization, its forms and content, as well as the role of this leisure in maintaining fighting spirit and strengthening discipline within the partisan units.

Ключевые слова: партизаны, Великая Отечественная война, досуг, повседневная жизнь, партизанские песни, Ленинградская область.

Key words: partisans, the Great Patriotic War, leisure, everyday living, partisan songs, Leningrad region.

Досуг в основном планировался на вечера или в те моменты, когда не происходили боевые действия: партизаны всегда были готовы к борьбе, поэтому отдых чаще всего был недолгим и непостоянным [1, с. 13]. Обычно время для отдыха находили ближе к вечеру, когда завершались боевые операции или в промежутках между ними [2, л. 43].

Партизаны находили возможность для отдыха не только в лесу [3, с. 44], но также в местных селах региона: «Партизаны расположились на окраине деревни для отдыха» [4, с. 128]. «Отряды разместились в домах, а хозяйственные группы незамедлительно начали готовить горячую еду. В это время командиры групп и взводов занялись проверкой оружия… Скоро, высушившись, партизаны устроились на отдых в этих домах» [4, с. 160].

При взаимодействии с другими военными частями, например, с летчиками, партизаны иногда могли отдохнуть, находясь «в гостях» на прифронтовом аэродроме. Обычно на базе военного подразделения были доступны различные оборудования и зоны для отдыха между боями. Кинопоказы служили редким, но приятным способом развлечься, позволяя партизанам отвлечься от трудных размышлений о войне и увидеть фильм о мирной, спокойной жизни [5, с. 121].

В обычной жизни партизаны активно занимались творчеством: писали художественные произведения, включая стихи, рассказы; сочиняли песни, байки, частушки и истории. Тексты их часто хранились в сумках бойцов. Создание новых произведений зачастую было связано с важными событиями из их жизни. В период войны компилировались сборники песен и стихов, посвященные партизанской борьбе, такие как «Песни и частушки партизан» [6] и «Песни ленинградских партизан» [7]. Умение читать стихи и петь песни наизусть высоко ценилось в партизанском сообществе [8], что способствовало развитию поэтического творчества в этой среде. В своих мемуарах о действиях луговских партизан с марта по сентябрь 1942 г. Иван Дмитриевич Дмитриев приводит примеры множества любимых стихотворений: «Кто-то тихонько затянул одну из первых партизанских песен на слова нашего поэта Ивана Циммермана. Все дружно подхватили:

Среди лесов дремучих,
Среди лесных полян
Растет семья могучих
Отважных партизан...» [9, с. 172]

В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов в Санкт-Петербурге хранится коллекция фотоматериалов, относящихся к периоду с 1941 по 1944 гг. На этих изображениях, например, можно увидеть, как люди проводят свободное время, слушая музыку на грампластинках [10], а также исполняя песни под гитару [11].

В партизанской среде Ленинградской области одним из самых любимых героев был дед Роман – символ бесстрашного и стойкого старого партизана. Следует отметить, что он не был реально существующей персоной, а представлял собой вымышленный образ, созданный Иваном Васильевичем Виноградовым, партизаном 2-й Ленинградской Партизанской бригады. Его стихи и

рассказы ценились за то, что они способствовали укреплению боевого духа партизан и облегчали трудные условия их повседневной жизни [13, с. 67].

Тем не менее, стихотворения, песни и юмор не были единственными способами провести время в партизанской жизни. Творчество во всех его проявлениях оказывало психологическую поддержку и укрепляло веру партизан в окончательную победу над противником. В свободные моменты партизаны занимались различными видами ремесла: плетением корзин, резьбой по дереву и шитьем одежды. Это позволяло не только с пользой проводить время, но и создавать необходимые вещи. Например, в 2-й ЛПБ заведующим складом боеприпасов и вещевого обеспечения был скульптор Л. Н. Барбаш, который в Партизанском крае: «выкраивая свободные минуты, вытачивал из деревянных чурок очертания будущих скульптур» [14].

В качестве способа отдыха от боевых действий и моральной разгрузки участники партизанского движения часто вели дневники. Эти записи позволяют более глубоко понять моральное состояние партизан и оценить их отношения как между собой, так и с местным населением. В своем личном дневнике Михаил Георгиевич Абрамов подчеркивал: «Настроение для солдата – второе оружие» [5, с. 162]. В свободное время партизаны занимались ведением дневников, чтением книг или газет. Чтение помогало им отвлечься от войны, получать актуальные новости и расширять свои знания, так как средства массовой информации, такие как радио, были недоступны в отрядах из-за утраты связи с «Большой землёй» [5, с. 46].

Культурный досуг также способствовал предотвращению морального разложения партизан и помогал им расслабиться после тяжёлых и изнурительных боёв. Руководство партизан принимало меры против пьянства, насилия и «гуляний» среди бойцов, которые часто приводили к правонарушениям. В бригадах и отрядах неоднократно издавались распоряжения о наказании за нарушения дисциплины [15, с. 1–6].

Типографская деятельность заслуженно занимает особое место в сфере «полезного» досуга, ведь партизаны подходили к ней с душой. Их листовки и газеты служили для агитации местных жителей к борьбе с фашистами, информирования о действиях Красной Армии на фронте и поддержания боевого духа народа. Устная и печатная пропаганда была тесно связана с реальной жизнью. Как отмечал М. Г. Абрамов: «…мы получили легкую походную типографию "Лилипут", которая была удобнее предыдущей партизанской "гармошки". Шрифт, валики и краска помещены в двойной фанерный чемодан с парусиновыми лямками, что удобно для переноски на спине. Бумага идет отдельно, но она нарезана так, что прекрасно помещается в вещевых мешках» [5, с. 226]. В партизанских типографиях издавались агитационные газеты, в которых, помимо фронтовых и тыловых новостей, публиковались творческие опыты самих «народных мстителей». Так, в 2-й (с февраля 1942 г.) и 5-й Ленинградских партизанских бригадах (с сентября 1943 г.) выходили газеты «Народный мститель» и «Партизанская месть» [16, с. 260]. Для партизан создание собственных газет и журналов было не только работой, но и своеобразным способом провести до-

суг, так как процесс оформления партизанских «средств массовой информации» предполагал элемент творчества.

Жанр листовок в стиле «письма запорожцев турецкому султану» пользовался огромной популярностью, в котором партизаны иронично и насмешливо обращались к гитлеровцам, используя «красное слово». Это занятие не только поднимало боевой дух, но и обличало немцев, демонстрируя их слабость перед советскими партизанами [17, л. 57]. Различные формы досуга играли важную роль в антифашистской пропаганде и моральной поддержке партизан [18, с. 147–156], способствуя их боевой активности и являясь психологической разрядкой для участников партизанских отрядов.

Анализ источников позволил выявить ряд особенностей досуга партизанских подразделений в Ленинградской области: вечера самодеятельности [19, с. 197], работа типографий и кинопоказы. Музыка и песни оказывали значительное влияние на жизнь партизан, способствуя поддержанию их боевого духа, сплочению отрядов и созданию атмосферы единства. Партизаны также самостоятельно устраивали чтение стихотворений, анекдотов и коллективные занятия ремеслом. Патриотическая тематика стихов и кино вдохновляла партизан в их борьбе и укрепляла веру в победу.

Таким образом, досуг играл важную роль в поддержании морального духа и психологического состояния партизан, помогая им отвлекаться от тяжёлых мыслей о войне и создавая обстановку расслабленности и дружеского общения. Разнообразные формы досуга сделали жизнь партизан более приемлемой и придавали им силы для продолжения борьбы.

Список литературы

1. Афанасьев Н. И. Фронт без тыла. Записки партизанского командира. Л.: Лениздат, 1983. 185 с.

2. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. О-116. Оп. 1. Д. 348.

3. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 2. Д. 34.

4. Асмолов А. Н. Фронт в тылу Вермахта. М.: Политиздат, 1983. 302 с.

5. Михеев А. А. Записки партизана. Великий Новгород: б\и, 2014. 207 с.

6. Абрамов М. Г. На земле опалённой. Л.: Лениздат, 1968. 352 с.

7. Песни и частушки ленинградских партизан. Л.: б\и, 1943. 40 с.

8. Песни ленинградских партизан. Л.: б\и, 1944. 55 с.

9. Ковалев В. А. Очерк истории русской советской литературы. М.: АН СССР, 1954. 377 с.

10. Дмитриев И. Д. Записки товарища Д. Л.: Лениздат, 1969. 439 с.

11. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Фотодокументы. Оп. 1АР-132. Д. 178340.

12. ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Опись 1ВР-56. Д. 79611.

13. Листовка редактора газеты «За Советскую Родину» И. В. Виноградова «Беседа деда Романа, старого партизана» 20 июня 1943 г. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/176032-listovka-redaktora-gazety-za-sovetskuyu-rodinu-i-v-vinogradova-beseda-deda-romana-starogo-partizana-20-iyunya-1943-g (дата обращения: 01.09.2024).

14. Виноградов И. В. Дорога через фронт. Записки партизана. Л.: Лениздат, 1964. 367 с.

15. Виноградов И. В. Строки, пропахшие порохом. Л.: Лениздат, 1981. 327 с. Лукницкий П.Н. Ленинград действует... Кн. 3. М.: Советский писатель, 1971. URL: https://militera.lib.ru/db/luknitsky_pn/index.html (дата обращения: 20.09.2024).

16. Колотушкин В. Г. Особенности культурного досуга партизан в Ленинградской области в годы Великой отечественной войны // Ученые записки НовГУ / отв. ред. С. А. Маленко. Великий Новгород, 2019. №4. С. 1–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnogo-dosuga-partizan-v-leningradskoy-oblasti-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 01.09.2024).

17. Асташкин Д. Ю., Ковалёв Б. Н., Кулик С. В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие. СПб.: Тип. Политех. ун-та, 2018. 420 с.

18. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 2. Д. 34.

19. Сергунин И. И. Давали клятву партизаны. Л.: Лениздат, 1985. 382 с.

Ю. Н. Красникова

Повседневная жизнь и досуговая деятельность сельского населения тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Повседневная жизнь сельского населения определялась военной обстановкой и состояла в основном из тяжелого труда, свободного времени было мало. Основным источником получения продовольствия на селе стали личные приусадебные участки, а замену промышленным товарам нашли в возвращении к традиционным предметам быта и ремёслам. Досуг часто совмещался с работой: посиделки с прялкой, совместная обработка урожая, где могли петь песни или рассказывать истории, читали письма с фронта, обсуждали новости. Старались отмечать праздники, в том числе и религиозные. Также многие формы досуга были направлены на поддержку фронта: подготовка подарков для солдат, написание писем. В условиях войны досуг оставался формой сопротивления отчаянию и способом справиться со стрессом, страхом за близких на фронте.

Everyday life of the rural population was determined by the military situation and consisted mainly of hard work, there was little free time. The main source of food in the village became personal garden plots, and a replacement for industrial goods was found in a return to traditional household items and crafts. Leisure was often combined with work: gatherings with a spinning wheel, joint processing of the harvest, where they could sing songs or tell stories, read letters from the front, discuss the news. They tried to celebrate holidays, including religious ones. Also, many forms of leisure were aimed at supporting the front: preparing gifts for soldiers, writing letters. In war conditions, leisure remained a form of resistance to despair and a way to cope with stress, fear for loved ones at the front.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сельское хозяйство, повседневная жизнь, крестьянство, досуг.

Key words: Great Patriotic War, agriculture, everyday life, peasantry, leisure.

Повседневная жизнь и досуговая деятельность определялась экстремальной ситуацией, которая сложилась в период Великой Отечественной войны. Из директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. местным органам власти и аграриям ставились задачи при оставлении прифронтовых терри-

торий сдать зерно государственным органам для вывоза в тыловые районы, а скот перегнать самостоятельно, составов под эти нужды практически не выделялось [1, с. 39]. Крестьянам, в связи с этим надо было решить ряд вопросов: чем кормить и поить скот, как его охранять и др. В тыловых районах принять скот, для которого не заготовили кормов, да и стойл не хватало, не всегда могли. Птицу и мелких животных оставили на оккупированной территории – организовать вывоз в условиях быстро меняющейся линии фронта, было крайне сложно. На оккупированных территориях было разграблено или уничтожено до 110 млн голов домашней птицы (кур, гусей, уток и др.) [2, с. 250–251].

На нужды фронта передавались тракторы, лошади, транспортные средства; введен режим сокращения снабжения сельского хозяйства запасными частями, минеральными удобрениями и горючим; мобилизованы в Красную Армию и на предприятия промышленности значительная часть квалифицированных работников и мужского населения сел [1, с. 97]. После того, как были оккупированы хлебородные районы СССР, уже в конце 1941 г. снизились валовые показатели во всех категориях хозяйств по основным сельскохозяйственным культурам. Критической отметки они достигли к концу 1942 г. По продуктам растениеводства сократились не только количественные показатели, но и показатели урожайности. Особенно сильно упали валовые сборы сахарной свеклы, которые в период с 1941–1943 гг. составляли 11 % довоенного уровня. Валовый сбор по зерновым по отношению к сборам 1940 г. снизился до 59 % в 1941 г. и до 31 % в 1942, 1943 гг. [3, с. 10].

В связи с сокращением поголовья и продуктивности в животноводстве сократились показатели и по животноводческой продукции. По производству мяса сокращение ставило на конец 1943 г. более чем в три раза, а к концу 1945 г. – только 44 % от довоенного 1940 г. [3, с. 11]. Основные поставки мяса из колхозов и совхозов шли на переработку и на фронт. Сократилось производство молока и молочной продукции. Чтобы сохранить показатели, был введен запрет колхозам производить убой и продажу молодняка крупного рогатого скота в возрасте до одного года (только выбраковка) и «использовать для мясопоставок снимаемых с откорма свиней, выбракованных овец и крупного рогатого скота» [1, с. 123–124].

Только с конца 1943 г., по мере освобождения территорий, вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения, перестройки сельского хозяйства на работу в условиях существенного дефицита, валовые показатели начали расти.

Сокращение валовых показателей в сельском хозяйстве привело к острой нехватке базовых продуктов. Крестьяне стали использовать различные примеси. Из-за дефицита зерна в муку добавляли картофель. Однако картофель быстро черствел, а хлеб терял питательность. В некоторых регионах, где зерна почти не оставалось, пекли лепёшки из чистого картофеля или смешивали его с отрубями, жмыхом, лебедой. Хлеб с отрубями был грубым и плохо усваивался, а использование жмыха (отходов переработки подсолнечника, льна или конопли). вызывало проблемы с пищеварением. Люди, привыкшие к пшеничному

хлебу, воспринимали картофельные суррогаты как признак крайней нужды, что усугубляло моральное истощение.

Сахар почти полностью исчез из-за оккупации Украинской ССР, где находилось 80 % сахарных заводов СССР. Оставшиеся запасы отправляли на фронт и в госпитали. В крестьянском хозяйстве спасала пасека. Производство меда приносило в годы войны хорошую прибыль, его реализовывали на рынке. В целом, сладости и сахар в годы войны были большим дефицитом. Чаще сахар заменяли обжаренной свёклой, а заваркой служили фруктовые смеси, настои из листьев и трав, жёлуди [4].

В связи с сокращением валовых сборов в 1942 г. было принято решение о повышении обязательного минимума трудодней – не менее 100–150. Из-за нехватки кадров на селе впервые этот минимум распространили на подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет – не менее 50 трудодней в год. Ужесточалась и система санкций за нарушение трудовой дисциплины.

В условиях дефицита продовольствия, оплата по трудодням была меньше, чем в довоенное время. Исключение составляли механизаторы, «труд которых по-прежнему оплачивался согласно гарантированному минимуму (2,5 р. за трудодень и 3 кг. зерна)» [5, с. 296]. В 1942 г. было введено повышение на 50 % ставок зарплаты всем специалистам, работающим в Заполярье, что было связано с экстремальными условиями труда и стратегической важностью региона во время Великой Отечественной войны, но работники рыбной промышленности такой надбавки не получили. Несмотря на то, что в годы войны именно рыба стала основным источником белка для армии и населения в условиях продовольственного кризиса. В Ямало-Ненецком округе рыбакам-колхозникам «не выдавали ни табак, ни чай, выделяли его только охотникам» [6, с. 131]. При этом условия труда на рыбодобыче, и на обработке рыбы были очень тяжелыми. Во время путины работали без перерыва, чтобы сдать рыбу приходилось везти ее на десятки километров.

Несмотря на все сложности крестьяне отчисляли часть заработанных трудодней в Фонд обороны, что фактически означало безвозмездную работу на нужды фронта [7, с. 60].

Чтобы стимулировать повышение объемов валовой продукции сельского хозяйства, в годы войны стали популярными социалистические соревнования на селе, по примеру тех, что были распространены в промышленности в период индустриализации. Так, на соревнованиях трактористок оценивали показатели перевыполнения от плановых показателей, экономию горючего, бесперебойную работу трактора не менее 22 ч в сутки без простоев и аварий, оценивали технический уход и проводились соревнования по ремонту тракторов и сельхозмашин [8, с. 255].

Повседневность крестьян СССР во время Великой Отечественной войны была связана и со значительным вкладом в оборону страны. Они жертвовали свои финансы, передавали личные сбережения, а также приобретали облигации государственных займов. Эти средства направлялись на финансирование армии, производство вооружений и восстановление экономики.

По инициативе некоторых колхозов были созданы Фонды для оказания помощи семьям фронтовиков и военнослужащих. Активно пополнялся фонд «Лошадь Красной Армии». В Омской области создали фонд Красной армии по молоку, сдавалось молоко и в фонд «Здоровья Красной армии» [8, с. 196]. Некоторые колхозы сами становились инициаторами создания собственных фондов, в основном связанных с направлением деятельности сельхозартели. Так, колхозники Чувашской СССР к началу 1942 г. передали в Фонд обороны 400 голов крупного рогатого скота, а также более 4000 овец и свиней [7, с. 60]. Активно оказывали помощь освобождаемым территориям скотом. Рыбаки увеличивали вылов рыбы в Фонд Главного командования [9, с. 95] и в «Фонд Красной армии» [6, с. 117].

Колхозы засевали дополнительные площади сверх плана, специально выделенные для помощи армии. Урожай с этих «гектаров обороны» полностью передавался государству. Колхозы и отдельные крестьяне сдавали государству зерно, мясо, молоко и другие продукты сверх установленных планов.

Дополнительные ресурсы в обеспечении продовольствием и наполнения фондов помощи Красной армии крестьянство черпало в своих личных подсобных хозяйствах, которое в «среднем на 85–90% восполняло недостачу продуктов в общественном производстве» [5, с. 296]. Несмотря на тяжелейшие условия, крестьяне демонстрировали самоотверженность, что стало важным вкладом в Победу.

В свое свободное время колхозники оказывали помощь в обмундировании армии, в сборе теплых вещей, изготавливали полушубки, меховые жилеты, валенки, вязали носки и варежки. Каждый год они участвовали в сборе и отправке новогодних подарков на фронт.

В годы войны советское руководство пошло на смягчение прежней антирелигиозной политики, что стало частью стратегии консолидации общества перед лицом общей угрозы. Крестьяне отмечали религиозные праздники, прежде всего Пасху, «во время которой на работу в отдельных населенных пунктах не выходило до половины колхозников». Мусульмане также отмечали религиозные праздники. «В отсутствие мулл их обязанности выполняли старики, лучше помнившие религиозные традиции и обряды» [10, с. 99]. Продолжали свою деятельность представители других религиозных течений, например, русские протестанты.

Война требовала объединения усилий верующих и атеистов. «Так, настоятель церкви в станице Сергиевской Кореновского района П. И. Колосов организовал бригаду из верующих, которая убрала 35 га хлеба, за что получил премию от местного совета. Кадий Ботлихской мечети С. Мирзаев мобилизовал всех жителей аула и привлек учащихся школы для уборки урожая фруктов, чем оказал огромную услугу колхозу» [10, с. 109].

Особенностью военной, да и послевоенной повседневности стал острый дефицит с одеждой. В осенне-зимний сезон крестьяне носили ватную стёганку, хлопчатобумажные шаровары и валенки с галошами. Летом было легче – донашивали старую одежду, спасало рукоделие, все что можно было перешить,

залатать, перелицевать шло в ход. По мере возвращения в деревню с фронта, все больше распространялось ношение военной формы, донашивали шинели, ватники, гимнастерки, сапоги, юбки, пока они не приходили в негодное состояние. В качестве поощрения за победу в социалистическом соревновании можно было получить отрез ткани или пальто, что являлось действительно ценным подарком.

Во время Великой Отечественной войны возвращение к традиционным предметам быта и ремёслам в советских деревнях стало вынужденной мерой, вызванной разрухой, нехваткой ресурсов и переориентацией экономики на военные нужды. Архаизация деревенского была связана с ограниченным доступом жителей сельской местности к фабричным изделиям: керосину, металлической посуде, готовой одежде, обуви. Производство бытовых товаров было значительно сокращено – заводы переключились на выпуск оружия и амуниции. Основные мощности электростанций были также направлены на нужды промышленности, деревня снабжалась электричеством по остаточному принципу. В сёлах перестали работать механические мельницы, электродвигатели, а керосиновые лампы, при дефиците топлива, заменили лучинами (сосновые щепки, освещавшие избы). Огниво (кресало) заменяло спички, которых катастрофически не хватало.

Зерно дробили ручными мельницами и ступами, а картофель терли на самодельных тёрках, так как металлические механизмы стали дефицитом. Из-за отсутствия фабричных тканей женщины пряли шерсть и лён, ткали холсты для одежды и портянок (ими оборачивали ноги вместо носков). В оккупированных и прифронтовых районах самодельные инструменты и ремёсла стали единственным способом добыть еду и одежду. Старики, помнившие дореволюционный быт, стали учить молодёжь ткать, плести, обрабатывать лён.

Кожаная обувь стала недоступной, поэтому крестьяне плели лапти из лыка или бересты. В постановлении Тамбовского обкома ВЛКСМ была поставлена задача обеспечить грубой обувью работающих в поле и на заготовках торфа лаптями. Требовалось привлечь к заготовке лыка пионеров и школьников в свободное от учебы время. В этом же постановлении ставилась задача и сбора липы для изготовления мочала [11].

Власти поощряли самообеспечение деревни, так как были сосредоточены на снабжении армии и не могли обеспечить крестьян необходимыми товарами. В 1942 г. вышло постановление, разрешавшее колхозникам использовать часть урожая для личных нужд. Крестьяне меняли самодельные ткани, лапти или инструменты на соль, мыло или лекарства. Это оживило локальные рынки, но часто происходило вне контроля государства.

Итак, в годы Великой Отечественной войны повседневность крестьянства состояла в основном из тяжелого труда, свободного времени было мало. Но даже в таких условиях люди находили способы для отдыха и поддержания морального духа. Крестьянки проводили вечера за рукоделием или другими ремеслами, в редкие свободные часы они занимались починкой одежды. Стара-

лись отмечать праздники, в том числе и религиозные. Досуг часто совмещался с работой: посиделки с прялкой, совместная обработка урожая, где могли петь песни или рассказывать истории, читали письма с фронта, обсуждал новости. Все это являлось действенным способом справиться со стрессом, страхом за близких на фронте. Также многие формы досуга были направлены на поддержку фронта: подготовка подарков для солдат, написание писем. В условиях войны досуг оставался формой сопротивления отчаянию. Он помогал сохранять человечность, передавать традиции и поддерживать надежду на победу. Эти скромные моменты радости стали частью общего подвига тыла.

Список литературы

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 754 с.
2. Бахтияров Р. С., Фёдорова А. В. Птицеводство в годы Великой Отечественной войны // Известия Оренбургского аграрного университета. № 2. 2019. С. 250–252.
3. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.: статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1990. 118 с.
4. Повседневная жизнь в СССР во время Великой Отечественной войны. URL: https://znanierussia.ru/articles/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C_%D0%B2_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D0%B2%D0%BE_%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F_%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%9E%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B (дата обращения: 24.01.2025).
5. Кондрашин В. В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественный войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 7. № 2. С. 289–300.
6. Алексеева Л. В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. 169 с.
7. Григорьев А. Д., Харитонова С. Б. Фонд обороны и фонд Красной Армии как проявление патриотизма и гражданственности населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 59–63.
8. Алексеева Л. В. Крестьянская страда в 1418 дней: сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. 355 с.
9. Толкачева Н. В. Рыбная промышленность Камчатки в годы Великой Отечественной войны // Вестник Камчатского государственного технического университета. Вып. 33. 2015. С. 84–103.
10. Кринко Е. Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный журнал. № 1 (13). 2015. С. 98–112.
11. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО Тамбов). Ф. 1184. Оп. 1. Д. 600. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/326467 (дата обращения: 26.01.2025).

И. А. Эмирханов

Общественно-культурные аспекты повседневной жизни населения провинциального города в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам города Махачкала)

Настоящее исследование посвящено изучению различных форм культурной и общественно-политической жизни жителей города Махачкалы в годы Великой Отечественной войны, претерпевших после начала боевых действий кардинальную трансформацию. На основе разнохарактерной литературы и источников рассмотрены особенности проведения свободного времяпрепровождения в военные годы и методы воздействия на культурный досуг и духовную жизнь городского населения со стороны партийно-государственных организаций. В статье с позиций истории повседневности проанализированы структура и содержание культурной жизни горожан вне рабочего времени, исследованы мотивы, вызвавшие ее трансформацию в условиях военной действительности. Автором сделан вывод, что в исследуемый период в условиях обострения материально-бытовых проблем культурный досуг играл важную роль в поддержании морального духа жителей Махачкалы и мобилизации трудовых ресурсов на достижение победы над врагом.

This study is devoted to the study of various forms of cultural and socio-political life of residents of Makhachkala during the Great Patriotic War, which underwent a radical transformation after the outbreak of hostilities. On the basis of diverse literature and sources, the features of spending free time during the war years and methods of influencing the cultural leisure and spiritual life of the urban population by party and state organizations are considered. The article analyzes the structure and content of the cultural life of citizens outside of working hours from the perspective of the history of everyday life, examines the motives that caused its transformation in the conditions of military reality. The author concludes that in the period under study, in conditions of worsening material and household problems, cultural leisure played an important role in maintaining the morale of residents of Makhachkala and mobilizing labor resources to achieve victory over the enemy.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Махачкала, досуг, театры, радио, музеи, культурная жизнь.

Key words: The Great Patriotic war, Makhachkala, leisure, theaters, radio, museums, cultural life.

В последние годы в отечественной исторической науке широкое распространение получил метод освещения проблемы Великой Отечественной войны с позиции истории повседневности, в центре внимания которой – исследования образа жизни, материально-бытового положения и мотивов поведения людей в годы сурового лихолетья. По мнению В. Н. Очировой «исследования, направленные на изучение быта, труда, досуга, которые включены в понятие повседневность, позволяют максимально приближенно показать реальную картину жизни» в этот сложный период [1, с. 58].

Важным подспорьем для объективного анализа жизненной обстановки гражданского населения в условиях военной действительности являются региональные исследования, которые позволяют провести определенные параллели

и выявить пересечения для обнаружения общих тенденций и уникальных черт, отличающих один регион от другого. Как нам кажется, изучение различных сторон культурной и духовной жизни населения провинциального города в военные годы, на примере города Махачкалы, является актуальной проблемой, так как мы получаем возможность восстановить особенности жизнедеятельности простого человека в экстремальной обстановке.

Военная действительность стала проверкой на прочность работы культурно-досуговых учреждений Дагестана, которые превратились в идеологическое оружие в борьбе за победу над нацизмом. После начала военных действий они не прекратили работу, а основательно ее перестроили, поставив главной целью творческой деятельности мобилизацию всех ресурсов населения на разгром врага и обеспечение нужд фронта. К примеру, в центральном музее республики – Дагестанском краеведческом музее, расположенном в г. Махачкале, основными направлениями стали организация экспонатов, витрин и стендов, демонстрировавших факты зверств фашистов на оккупированных территориях, а также подвиги воинов-дагестанцев на фронтах Великой Отечественной войны. С подготовленной сотрудниками передвижной выставкой экспонатов музейные работники выезжали в трудовые коллективы различных учреждений и организаций столицы республики.

Не менее важную роль в культурно-политической жизни населения Махачкалы играло радиовещание. Стоит отметить, что после начала военных действий, в соответствии с Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г., было принято решение о сдаче населением всех регионов страны органам Наркомата связи всех радиоприемников по месту жительства. Причем нарушители этого законодательного акта подлежали уголовному преследованию «по закону военного времени» [2, с. 76]. В этой обстановке основным источником информации о положении дел на фронте и проведении различных агитационно-пропагандистских и культурных мероприятий стали радиорепродукторы на столбах основных городских улиц. «Тогда на столбах висели радиорепродукторы, – вспоминает жительница Махачкалы В. Н. Силина (Миловидова), – горожане собирались возле них и слушали сводки Совинформбюро» [3, с. 286].

Значительной трансформации подверглась работа городских театров, которые также превратились в один их основных элементов агитационно-пропагандисткой и идеологической работы с населением. Эвакуация в Махачкалу осенью 1941 г. театральных коллективов из Москвы, Ростова-на-Дону и Харькова привела к обогащению репертуара дагестанского театрального искусства. Так, Московский театр им. Еромолаевой привез с собой ряд пьес Н. Островского, У. Шекспира, М. Горькова, И. Тургенева, произведения которых стали звучать в условиях войны по-новому. Творческим коллективом за время его работы в Махачкале было дано 79 концертов и выступлений, а также сыграно 11 шефских спектаклей в Фонд Обороны [4, с. 140].

Ключевой идеей театральной драматургии Дагестана стала борьба с агрессором, вторгшимся на чужую территорию. В военные годы театры Махачкалы ставили такие пьесы, как «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, «Надежда Ду-

рова» К. Липскерова и А. Кочеткова, «Русские люди» и «Парень из нашего города» К. Симонова, «Беспокойная старость» Л. Рахманова, «Хирург Пирогов» Ю. Германа, «Батальон идет на запад» Г. Мдивани, а также произведения русских и зарубежных классиков: «Живой труп» Л. Толстого «Бешеные деньги», «Без вины виноватые» А. Островского, «Плутни Сканена» Мольера, «Как вам это нравится» У. Шекспира и др. [5, с. 131].

Одним из методов идеологического воздействия на городское население являлась наглядная агитация, для чего использовались тематические стенды, витрины, плакаты, фотоальбомы и др. С первых дней войны на улицах Махачкалы появились агитационные плакаты, призванные поднять боевой дух армии и производительность труда работников промышленности. Вначале для демонстрационных материалов использовались эскизы, которые направлялись в республику централизовано из Москвы. Самыми популярными были «Как беспощадно разгромим и уничтожим врага!», «Родина мать зовет!», «Воин Красной Армии – спаси!», «Папа, убей немца!», «Всё для фронта, всё для победы!» и др. Но в последующем дагестанские художники стали выпускать собственные плакаты и другие виды наглядной агитации, к примеру, такие как, «Дагестанцы – герои Отечественной войны» [6, с. 457]. В целом, стенды, плакаты не оставляли никого равнодушными, укрепляя надежду горожан на скорую победу над агрессором. Они содействовали мобилизации махачкалинцев на трудовые и ратные подвиги, поддерживали их боевой дух и формировали патриотическую атмосферу в городе.

Наглядная агитация должна была носить доступный и доходчивый характер, тем самым оказывая сильное патриотическое воздействие на гражданское население. В результате большое распространение в республике получили плакаты, обращенные к труженикам заводов и фабрик: «Дадим фронту высококачественную рыбную продукцию!», «Рыбники Дагестана! Дадим 8000 центнеров высококачественной рыбной продукции!», «Мы победим!», «Каждый пойманный центнер рыбы – удар по фашизму!», «Работать в любую погоду!», «Вносите в фонд средства для танков!» и др.

Не менее важную роль в идеологической работе с населением играла республиканская пресса. Для жителей Махачкалы основным источником получения актуальной информации о положении на фронте, о подвигах воинов-дагестанцев, а также примерах трудового героизма советских граждан, кроме материалов центральной прессы, являлась «Дагестанская правда». Одной из важнейших задач статей и заметок в местных газетах являлось формирование в массовом сознании народа чувства ненависти к врагу и готовности пожертвовать все ресурсы на его разгром. Примечательно, что с лета 1942 г., когда южные регионы страны были отрезаны от центра и было затруднено получение средств массовой печатной информации из Москвы, в типографии республиканской газеты «Дагестанская правда» стали издаваться всесоюзные газеты «Правда» и «Красная звезда», которые затем распространялись по всему Кавказу [7, с. 325].

Коллективы библиотек наравне с другими учреждениями культуры также вносили посильную лепту в агитационно-пропагандистскую работу среди горожан, участвуя в проведении политической информации и разъяснении причин и хода войны, а также регулярно освещая ход боевых действий и подвиги советского народа, как на фронте, так и в тылу. К примеру, работники Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина г. Махачкалы кроме того, что в 1941 г. обслужили 68 666 человек, которым выдали 130 951 экземпляров книг и периодической литературы, еще организовали 141 стационарные и передвижные тематические выставки литературы, а также провели 12 лекций и литературно-художественных вечеров с охватом 1 120 чел. [8, с. 175].

Общественно-политическая и культурная жизнь, а также досуг населения Махачкалы постоянно находились под контролем местных партийно-государственных организаций, администрации заводов, фабрик и учреждений. Регулярно во всех кинотеатрах города и промышленных предприятий показывали документальные фильмы, где отражался героизм и драматизм событий на фронте и в тылу. Популярностью среди горожан пользовались такие киноленты как «Разгром немецких войск под Москвой», «День войны», «О разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом» и короткометражные фильмы, объединенные в «Боевые киносборники» [8, с. 176].

Кроме того, работники городских учреждений культуры и сотрудники прессы читали лекции и доклады на всех предприятиях и организациях Махачкалы, причем для этой работы выделялись самые политически подкованные и подготовленные кадры. Во время перерывов на заводах и фабриках организовались групповые слушания радиоприемников, коллективное чтение газет и журналов и обсуждение положения дел на фронте.

Военная действительность обусловила кардинальную перестройку работы культурно-досуговых учреждений Махачкалы, потребовала от них большей оперативности, а также использования новых форм воздействия на человека, направленных на разгром врага и всемерную поддержку Красной армии. Их работа осуществлялась в соответствии с требованиями военного времени и контролировалась властью и общественными организациями. Учреждения культуры занимались пропагандой подвигов советских людей в тылу и на фронте, а тема патриотизма и жертвенности во имя победы стала ведущей в их деятельности.

Экстремальная военная действительность, превратившаяся в течение четырех лет в норму повседневности гражданского населения, вынуждала власти ввести ограничения в допустимое, необходимое и возможное содержание их досуга. Однако, невзирая на определенные ограничения, после рабочего дня горожане ходили в кинотеатры и библиотеки, посещали театры и концерты, читали периодическую литературу и прессу, слушали радиопередачи. В условиях обострения материально-бытовых проблем и других невзгод, культурный досуг, хоть и регулировавшийся партийно-государственными структурами, стал «отдушиной» для жителей столицы Дагестана, которые все свои моральные и физические силы отдавали на достижение победы над агрессором.

Список литературы

1. Очирова В. Н. Отечественные историки о военном детстве сибиряков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 58–64.
2. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М.: Русь, 2000. 718 с.
3. Детство, опаленное войной. Дагестан.1941–1945 гг. Воспоминания. Махачкала: Изд-во ИИАЭ ДНЦ РАН, Мавраевъ, 2015. 463 с.
4. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы. Махачкала: Изд.-полиграф. центр ДГУ, 1995. 765 с.
5. Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д. Культура дагестанского города XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 384 с.
6. Гейбатова-Шолохова З. А. Изобразительная публицистика Дагестана времен Великой Отечественной войны // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу: материалы республиканской научной конференции. Махачкала: Издательство «Наука ДНЦ», 2010. С. 455–458.
7. Ахмедов Д. М. Дагестанская периодика в годы Великой Отечественной войны // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу: материалы республиканской научной конференции. Махачкала: Издательство «Наука ДНЦ», 2010. С. 320–328.
8. Мирзабеков М. Я. Деятельность городских культурно-просветительных учреждений Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Великий подвиг Советского народа: материалы республиканской научной конференции, посвященной 66-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала: АЛЕФ, 2011. С. 170–180.

А. В. Чуриков

Стратегии выживания эвакуированных специалистов на Южном Урале (1941–1945 гг.)

В статье раскрываются особенность жизни в советском тылу эвакуированных специалистов, прибывших на Южной Урал вместе с промышленными предприятиями из временно оккупированных районов СССР. Рассматриваются их трудовая деятельность и повседневные практики выживания.

On the base of factual evidence the article deals with the specific nature of life of professional employees in soviet back areas who came to the South Ural with factories from temporary occupied area in the USSR. The author considers their working practice and daily survival techniques.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация тяжелой промышленности, эвакуация специалистов, мобилизационная модель экономики, индустриальная мобилизация.

Key words: Great Patriotic War, evacuation of heavy industry, evacuation of professional employees, model of mobilization economy, industrial mobilization.

На протяжении первой половины XX в. Россия дважды подверглась разрушительному воздействию мировых войн. И в первом, и во втором случаях для спасения населения и производственных ресурсов производилась эвакуация. Эвакуация в царской России не была масштабной и затронула ряд отдельных районов в западных губерниях, советская же эвакуация напротив, вовлекла

в свой поток огромные человеческие массы и сотни промышленных предприятий. Связанные с заводами советские специалисты оказались заложниками положения, их эвакуировали в принудительном порядке.

Один из руководителей московского завода «Электросвет» вспоминал: «Никому из нас не хотелось эвакуироваться несмотря на то, что положение в Москве становилось все более напряженным и угрожающим, что в связи с близостью фронта возрастают производственные затруднения. Никому из рабочих не хотелось покинуть Москву, в которой прожили лучшие годы своей жизни, где получили образование, где имели возможность пользоваться лучшими благами советской культуры. Переселение в чужой город, в неуютную обстановку составляло для каждого большую трагедию» [1, л. 1–2].

Народный комиссар в сталинском правительстве, А. И. Микоян, вспоминая осенние дни 1941 г. писал: «Около 10 утра решил проехать на машине по Москве и заехать на автозавод им. Сталина. Подъезжая к заводу, вижу: около заводских ворот стоят толпы рабочих. Похоже, что идет неорганизованный митинг. У самого входа на территорию завода стоит Лихачев, ругается. Я спросил, что происходит, почему собралось столько народу. Лихачев ответил, что рабочие хотят пройти в цеха работать, а он не может их туда пустить, т.к. завод заминирован. Рабочие узнали меня. Послышались вопросы: – Что происходит в Москве? – Почему правительство удрало? – Где секретарь парткома завода и секретарь комитета комсомола? – Почему никто ничего не объясняет? – Почему не пускают на завод?» [2, с. 35].

Жителей крупных столичных городов СССР, отправлявшихся в эвакуацию на Урал, более всего тревожил жилищный вопрос. Комфорт и вольготность столичной жизни многим пришлось сменить на холодные и чужие съемные квартиры, бараки и каморки, землянки и времянки. По количеству и качеству жилья уральские города намного уступали столицам союзных республик. Накануне войны крупные города Урала изменили свой архитектурный облик, но, несмотря на высокие темпы жилищного строительства, квадратных метров для населения Челябинской области катастрофически не хватало. Люди жили в бараках, землянках и общежитиях.

Эвакуированных, «стихийно» прибывающих в города Южного Урала, расселяли в ближайших населенных пунктах. Сложнее было организовать расселение специалистов, прибывавших вместе с предприятиями. Специально для инженеров и рабочих, западных и южных районов, заводы и фабрики Челябинской области должны были выстроить самые простые жилые помещения. Директор Челябинского металлургического завода Я. И. Сокол, вспоминал: «жилья у нас не было, семьи прибывших работников размещались во всех прилегающих к Челябинску населенных пунктах в радиусе до 20 км. Мы стремились хоть как-нибудь устроить их на первое время, сразу же начали строить бараки. Конечно, это были тесные помещения, в каждом из которых размещалось до 100 чел. Некоторым приходилось жить и в больших брезентовых палатках. Сооружались не только производственные здания завода, полностью строился и поселок – жилые дома, административные, социально-культурные и

бытовые здания. Уже в июне 1942 г. появились первые жилые дома из камня и кирпича, первый ряд этих домов строился на шоссе» [1, л. 7].

Вариантов расселения прибывших в эвакуацию на Южный Урал специалистов существовало, по крайней мере, четыре:

1. Заселение в отдельную квартиру, комнату в общежитии.
2. Расселение в жилых строениях упрощенного типа.
3. «Подселение» эвакуированных рабочих к местным жителям.
4. Размещение людей в неприспособленных для жилья помещениях.

В победном 1945 г. ситуация с жильем не только не улучшилась, но и стала еще более сложной. Жилищное строительство в промышленных городах Челябинской области производилось с отставанием от плана. В Магнитогорске в 1945 г. проживало 220 тыс. чел., значительная часть населения вынуждена была «существовать» в бараках, большинство из которых были ровесниками города. Три десятка тысяч рабочих продолжали жить в общежитиях с двухъярусными койками [3, л. 74].

Все эти бытовые недостатки, жилищная неустроенность, приводили к бегству квалифицированных эвакуированных рабочих из промышленных городов и рабочих поселков. Только из Златоуста осенью 1942 г. ушло 2 тыс. чел. тульских рабочих. Оставшиеся туляки «сидели на чемоданах», большинство стремилось вернуться домой, в свои квартиры. Оставаться в зиму на Златоустовских холодных квартирах рабочие не планировали [4, л. 63].

Важнейшей из проблем в устройстве эвакуированных специалистов была организация питания. Особую важность решение этой проблемы приобретало на эвакуированных заводах. Эвакуированные специалисты не имели продовольственных запасов, поэтому для них заводская столовая была единственным источником выживания.

Организация питания эвакуированных рабочих ложилась на плечи дирекции эвакуированных предприятий, профсоюзных и партийных организаций заводов. Инициативу в вопросе снабжения проявляли и сами трудящиеся. Например, работники московского завода «Электросвет», эвакуированного в г. Ашу, 4 марта 1942 г., организовали собрание с участием директора и его заместителей. Рабочие потребовали от администрации организовать нормальные жилищно-бытовые условия, открыть на территории завода магазин, нарезать участки для огородов, определить порядок снабжения рабочих промышленными и продовольственными товарами. Дирекция предприятия выполнила требования рабочих в короткие сроки [1, л. 9].

С марта 1942 г. по решению правительства начали воссоздаваться отделы рабочего снабжения – ОРСы заводов оборонной промышленности и других важных предприятий. Задачи ОРСа заключались в торговом, бытовом обслуживании и питании занятых на предприятии рабочих, инженерно-технических работников и служащих, а также членов их семей [5, с. 59].

На ряде эвакуированных предприятий отделы снабжения помогли наладить централизованную систему питания и поставки продуктов. Так, например,

было на заводе «Калибр», рабочие и служащие которого питались в заводской столовой, получали один обед в день [4, л. 77].

В подавляющем же большинстве случаев ОРСы были лишь прикрытием для воровства работников службы снабжения. Позорный случай воровства у рабочих был открыт в Златоусте. Директор завода М. Ф. Крамер обворовывал своих сотрудников на протяжении всех военных лет. Директор и начальник ОРСа Ф. П. Либин на протяжении длительного времени получали продовольственные товары из центральных фондов, распределяли между узким кругом ближайших лиц и брали себе сверх всякой потребности. За 11 месяцев 1943–1944 гг. «начальники» украли у рабочих и государства 4 тонны масла, 8 тонн крупы, 3 т сахара, 2 т хлеба, 7,5 тонн картофеля. Лично директор получил 15 кг конфет, 10 банок джема, 6 кг шоколада [6, л. 125–127].

Несмотря на значительные недостатки, заводская система снабжения выполнила свои задачи. Рабочие, прикрепленные к заводским столовым, раздаточным пунктам и магазинам, были застрахованы от голодной смерти. При этом, продовольственный набор рабочего не отличался роскошью, он содержал минимальный набор продуктов, необходимый для поддержания работоспособности человека. Примерная стоимость обедов составляла от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. для рабочих, и от 3 р. до 4 р. для ИТР [7, л. 61]. При этом средняя заработная плата сотрудника эвакуированного предприятия составляла 450–500 р. в месяц [8, л. 170].

Продовольствие было важным рычагом управления советской системы управления. Оно выступало побудительным мотивом в перевыполнении государственных планов и элементом системы наказания в случае срыва этих планов. Руководители промышленных предприятий организовывали для рабочих, выполняющих и перевыполняющих нормы: первоочередную продажу промышленных товаров, дополнительное горячее питание за счет ресурсов подсобных хозяйств, снабжение товарами широкого потребления, дешевый и быстрый ремонт обуви и предметов домашнего обихода и т.д. Трудящимся, совершившим прогул, подавались обеды по заниженным нормам. Хлебная норма сокращалась на 200 г ежедневно [9, л. 122].

Питание руководящих кадров было своего рода «визитной карточкой» закрытого слоя. Лучшие продукты питания, лучшие условия жизни, высшая степень ответственности. Высокая ответственность компенсировалась высокими благами. На каждом эвакуированном заводе, кроме столовых для рабочих, существовали столовые для инженеров, мастеров, высшего технического персонала, заводоуправления. Все эти столовые получали продуктов значительно больше, чем по установленным нормам, в то время как столовые для рабочих, продуктов получали значительно меньше установленных норм. На Кировском заводе рабочие столовые получили масла по 0,94 кг на человека, вместо 1,8 по норме, а столовые высшего технического персонала – получили по 5 кг вместо 2 кг по норме. Мясо-рыбу рабочие столовые получили по 5 кг на человека, вместо 6 кг по норме, столовые для инженеров получили по 12 кг, вместо 6 кг. по норме, а столовые высшего технического персонала получили по 26 кг на человека, вместо 6 по норме [10, л. 11–15].

Эвакуированные специалисты вынуждены были трудиться в помещениях мало пригодных для трудовой деятельности. Предприятия, прибывшие в эвакуацию, размещались в основном в неприспособленных гаражах, сараях, амбарах, складах, переоборудованных для размещения станков. Крайне низкая освещенность рабочего места вела к травмам. В большинстве случаев искусственное освещение цехов совершенно отсутствовало, печного отопления не было, электропроводка и арматура не отвечали техническим условиям [9, л. 62–66].

Территории заводов и фабрик Челябинской области были засорены промышленным и строительным мусором, межцеховые пространства были слабо освещены. Из-за плохой освещенности в 1945 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате было зарегистрировано 130 несчастных случаев. Торжественные субботники, ставшие вновь после военного «затишья» частью повседневной рабочей жизни на ММК в 1944–1945 гг., помогли очистить территорию завода от мусора, хлама, кирпича, стружек и металлолома годами копившихся на территории завода. Было вывезено строительного мусора 22 523 вагона, и окалины – 17 720 вагонов [9, л. 11–16].

Директорский корпус эвакуированных предприятий нес ответственность и за организацию медицинского обслуживания рабочих. Высокий травматизм на предприятиях в военное время и производственные отравления естественным образом ставили вопрос об организации сети лечебных учреждений на эвакуированных заводах. С начала войны сеть лечебных учреждений Челябинской области выросла. Количество поликлиник и здравпунктов увеличилось с 8 тыс. в 1941 г. до 9 тыс. в 1943 г. [11, л. 9]. Медикам военного времени в условиях огромной скученности и постоянных передвижений удалось избежать массовых эпидемий, «объять» медицинской помощью максимальное число предприятий.

Сами же медики трудились в исключительно тяжелых условиях. Медицинские учреждения в основном размещались в бараках, большая часть этих помещений была изношена и требовала замены – в Магнитогорске, Коркино и других городах. В некоторых районах области постоянное медицинское обслуживание наладить так и не удалось. В крупном рабочем поселке Уральского (г. Миасс) автомобильного завода не было больницы и заболевших возили за 10 км. Не были обеспечены больничными зданиями угольные районы области [12, л. 36].

Крупнейшее танковое предприятие СССР – Кировский завод в Челябинске ежедневно не мог досчитаться 1,6 тыс. заболевших рабочих. Основная проблема заключалась в недостатке кадров для заводской больницы. Кадровая ситуация в медицинской службе завода стояла настолько остро, что директор И. М. Зальцман вынужден был периодически обращаться в правительство с просьбой «забронировать» врачей для медико-санитарной части [13, л. 21–22].

Таким образом, исходя из наличных фактов, воспоминаний и свидетельств очевидцев, можно утверждать, что устройство эвакуированных проходило проблематично. Но вместе с тем, организовать жизнь для огромной массы специалистов по-другому, в условиях войны, было невозможно. Региональные власти и руководители предприятий использовали все ресурсы, но жизненный уровень

населения оставался на протяжении войны очень низким. После 1945 г. многие эвакуированные специалисты устремились домой, родные города в их глазах были символом довоенного благополучия и стабильности, но и ситуация в западных районах, пострадавших от боевых действий, была ненамного лучше.

Список литературы

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. К-288. Оп. 3. Д. 2.
2. Микоян А. И. В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 31–38.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 370.
4. ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 106.
5. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8300. Оп. 18. Д. 36.
7. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 239.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8115. Оп. 2. Д. 1456.
9. ОГАЧО. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 11.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 370.
11. ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 45.
12. ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 14-с. Д. 1.
13. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 285.

М. Л. Рогацкина

«Досуг» в оккупированном Смоленске (1941–1943 гг.) по материалам архива историка-краеведа Л. В. Котова

В статье рассматриваются типы «досуга» в г. Смоленске в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1943 гг. Анализ проводился на основе отчетов бургомистра Смоленска Б. Г. Меньшагина и материалов газеты «Новый Путь». Для работы был использован архив смоленского историка-краеведа Л. В. Котова. Исследование показало, что понятие «досуга» в оккупированном Смоленске относительно. С одной стороны, власть стремилась показать, что жизнь в городе налаживается, открываются театр, кинотеатры, музеи, библиотека, книжный магазин. С другой стороны, в реальности город жил в нищете, голоде, с лагерем военнопленных, гетто, каждый день происходили расстрелы, жителей угоняли в Германию. Кроме того, досуг, условия для которого формировались властями, был направлен на пропаганду идеологии новой власти.

The article examines the types of "leisure" in Smolensk during the occupation by the Nazi invaders in 1941–1943. The analysis was based on reports by the mayor of Smolensk B. G. Menshagin and materials from the newspaper "Novy Put". The work used materials from the archive of the Smolensk historian and local historian L. V. Kotov. The study showed that the concept of "leisure" in occupied Smolensk is relative. On the one hand, the authorities sought to show that life in the city was getting better, a theater, cinemas, museums, a library, and a bookstore were opening. On the other hand, in reality the city lived in poverty, hunger, with a prisoner of war camp, a ghetto, executions took place every day, and residents were driven to Germany. In addition, leisure, the conditions for which were formed by the authorities, was aimed at promoting the ideology of the new government.

Ключевые слова: досуг, Смоленск, оккупация, Великая Отечественная война 1941–1943 гг.; архив, Леонид Васильевич Котов.

Key words: leisure, Smolensk, occupation, Great Patriotic War 1941–1943; archive, Leonid Vasilyevich Kotov.

Смоленск был оккупирован 15 июля 1941 г. По воспоминаниях где-то в 19.00–19.30 ч фашисты вошли в город, в это время торговали еще ларьки, ходили трамваи. В целом город оставался в оккупации примерно два с половиной года, был освобожден 25 сентября 1943 г., а вся область 2 октября 1943 г. Фашисты видели в Смоленске «удобный плацдарм для наступления на Москву» [1, с. 9]. Здесь сконцентрировались основные силы группы армии «Центр» (весной 1943 г. на территории области размещалось 57 немецких дивизий, 65 различных штабов, 32 крупных воинских склада с фронтовыми запасами горючего, продовольствия, боеприпасов и военного имущества) [1, с. 9].

Сразу же оккупанты установили в Смоленске свой порядок (называли его «Новой порядок»). Смоленская область была включена в состав военной области Митте с центром в Смоленске (в нее входила Смоленская, Орловская, Витебская, частично Могилевская и Минская области). Во главе стоял «командующий областью» – генерал фон Шенкендорф, который имел неограниченную власть над местным населением» [1, с. 9]. В городах и районах области действовали военно-полевые комендатуры, которые опирались на гражданские управления (городские управы). Реальная власть принадлежала Военно-Полевой комендатуре (Полевая комендатура, отдел VII) и СД (Гестапо).

Сотрудников для Городской управы немецкая власть подбирала из местных жителей. («Гитлеровцы играли на народной обиде, привлекали на свою сторону пострадавших от насильственной коллективизации, репрессий 20–30-х гг. и разуверившихся в советской системе. Но часто работать в оккупационную администрацию шли за паек, льготы, потому что еврей. Но были и те, кто шел сознательно, по убеждению») [1, с. 9].

Материалом нашего исследования в данном случае стали, с одной стороны, донесения-доклады начальника города, бургомистра Бориса Георгиевича Меньшагина, которые он должен был регулярно предоставлять в Полевую Комендатуру (Гарнизонную комендатуру) и в Полицию Безопасности (СД), а с другой стороны, публикации газеты «Новый Путь». Анализ данных материалов позволяет с определенной точки зрения реконструировать жизнь оккупированного Смоленска (1941–1942 гг.), а также выявить тип «досуга» и какова была его направленность в эти сложные годы.

Мы изучали материал по копиям докладов бургомистра и документам комендатуры и СД, которые хранятся в личном архиве смоленского историка-краеведа Леонида Васильевича Котова.

Леонид Васильевич Котов, смолянин, прожил в городе всю свою жизнь. Подростком, с 12 до 15 лет, он жил в г. Смоленске – это были годы оккупации, с 1941 по 1943 г. В 15 лет, когда Смоленск был освобожден, он ушел добровольцем на фронт. Трагические события и увиденное в оккупированном Смо-

ленске наложило отпечаток на его жизнь, что и определило выбор жизненного пути. В 1953 г. Л. В. Котов поступил в Смоленский педагогический институт на исторический факультет, закончил его с отличием. В центре его научного интереса стали темы оккупации Смоленска, смоленского подполья, партизанского движения. Этим темам он посвятил всю свою жизнь до конца. Будучи уже смертельно болен, он рассказывал дочери о подлости бургомистра Меньшагина. С 1958 г. Котов тщательно собирал материал для исследования. В мае 1959 г. он был утвержден бюро смоленского обкома КПСС в должности научного сотрудника партийного архива. В 1965 г. он поступил в аспирантуру и преступил к работе над диссертацией, в 1966 г. вышла монография, единственная в своем роде, «Смоленское подполье». На протяжении всей жизни Котов формировал свой архив.

Материал архива – это сделанные лично историком копии документов, отпечатанные на машинке, лично заверенные историком своей подписью, с указанием даты, когда документ изучался. Документы собраны и переплетены. На основе исследования некоторых документов сделаны систематизированные выписки. Также в ряде случаев включены личные записи историка: его комментарии, уточнения, дополнения, вносятся дополнительные факты. Добавлены краткие исторические справки. Иногда (очень редко) введены личные воспоминания.

В целом, сформированные архивные папки предназначены для личного использования. Это своего рода подготовительный систематизированный материал для исследования, который напоминает жанр исторической летописи жизни оккупированной Смоленщины 1941–1943 гг.

В центре нашего исследования вопрос – существовал ли в оккупированном городе «досуг», в каком виде он был представлен.

Под понятием досуг мы понимаем время, свободное от каких-либо материально-необходимых занятий, незанятое время, гулянки.

Досуг в оккупированном фашистами Смоленске, безусловно, являлся относительным явлением. Жители города жили в страхе. «Ни один житель, ложась спать, не был уверен в спокойной ночи» [1, с. 4]. С первых же дней оккупации власти начали проводить идеологическую политику: всячески внушалось, что это не вражеский захват, а освобождение, 22 июня был наделен статусом освобождения России от «иудо-большевистской» власти [2].

25 июля 1941 г. (через 10 дней после оккупации города) в Смоленске была создана городская управа, она отвечала за все стороны жизни города, за условия жизни жителей. При этом городская управа была полностью контролируема оккупантами, подотчетна им. Регулярно начальник города (бургомистр) должен был отчитываться о том, что происходит в городе и в каком состоянии находятся разные хозяйственные и бюрократические отрасли. В комендатуре собрали представителей интеллигенции. Смоленская городская управа сначала состояла из 6 человек, но к 10 августа численность служащих выросла до 250 чел. Городская управа приобрела сложную структуру.

Начальником города, бургомистром, был назначен Борис Георгиевич Меньшагин. Именно он прежде всего общался с оккупационной властью – с комендатурой, Полицией безопасности (СД), с гестапо.

Меньшагин писал, что к исполнению обязанностей начальника города (бургомистра) он приступил 25 июля, а смог начать работу только с 29 июля, после того, как город перестали бомбить советские войска.

Меньшагин называл и первых работников городской управы: проф. Б. В. Базилевский (заместитель), доцент К. Е. Ефимов (ныне городской врач), проф. И. Е. Ефимов (начальник Просвещения области), доцент И. И. Соловьев (его помощник) и художник В. И. Мушкетов. По словам Меньшагина, эти 6 чел. в период с 29 июля по 1 августа «организовали Городское управление в настоящем виде».

Далее он представлял описание Смоленска, каким он им достался: покинутое жителями пожарище, жителей на улицах почти не видно. По его подсчетам осталось около 10 тыс. (вместе с детьми), а в довоенное время – 160 тыс., кроме гарнизона военных. По описанию бургомистра первоначально управа занялась расселением оставшегося населения по жилым домам. Возобновили работу электростанции и водопровода. В сентябре электростанция заработала. Открылась больница. «Дулаг-126» (один из самых страшных лагерей военнопленных) имел мельницу и хлебопекарню. Сделали баню, ее забрали для военных надобностей. В октябре отрыли типографию, в пристроенном здании к городской управе. Там начал печататься «Смоленский вестник». Создана городская бойня, она стала обслуживать воинские части. Восстановлена еще одна хлебопекарня, единственная по снабжению города печеным хлебом.

Также бургомистр отмечал, что в первые дни было мародерство со стороны оставшегося населения и жителей окрестных деревень. Городское управление приняло все меры к охране имущества, особенно это касалось предприятий (молокозавод, кирпичный завод, винокуренный завод и т.д.). Все это было передано германским войскам.

Проводились работы по восстановлению зданий. Была открыта больница (на 100 чел.), эпидемиологическая больница, венерическая больница. Восстановлена психиатрическая больница в Гедионовке на 92 больных (вскоре все будут уничтожены – *прим. М.Р.*).

Введена плата за прием врача на дому. Всего в городе было 34 врача. Создан детский Дом, Дом для инвалидов в Дрюцке. Помещения учебных заведений: мединститута, пединститута, сельхозинститута, техникума связи, педучилища, восемь школ были заняты воинскими частями. Поэтому развернуть учебную работу, несмотря на распоряжение Полевой комендатуры было невозможно. Уцелели музеи: художественный, исторический, историко-революционный, антирелигиозный. Последние два были ликвидированы. А художественный и исторический охранялись, хотя и были закрыты. Посещать их можно было только лишь с разрешения Полевой комендатуры. Издавалась газета «Днепровский вестник», прошли концерты. 10 августа был открыт для богослужения Успенский собор.

В августе городская управа стала получать муку и сельхозпродукты (овощи). На этой основе было организовано питание всех работников управления городом, русских, работавших в воинских частях и инвалидов. Питание – хлеб в основном. Открыты две столовые. Там было мясо, так как Полевая комендатура передавала субпродукты со своих боен – головы, ноги и проч. Открыты три магазина.

В первые месяцы стала выходить газета для населения «Новый путь», в которой большое внимание уделялось теме культурного досуга, который развивался в городе. Также данной теме уделялось достаточно большое внимание в работе Городской управы [3].

И в отчетах бургомистра, и в газете «Новый путь» большое место отводилось теме «Культура». Проявилось стремление показать, что город живет нормальной жизнью, власти все делают для создание культурного досуга жителей [4].

В отчетах и газете, прежде всего, говорилось о культурно-потребительском типе досуга: открытие театра, кинотеатров, работа обсерватории, проведение концертов, работа радиоузла, библиотеки, музеев, проведение лекций, открытие книжного магазина. Присутствовал и творческий тип: открытие музыкальной школы.

Так, в «Новом пути» (№ 47 (169), 17 июня 1943 г.) сообщалось, что открылся первый книжный магазин в Смоленске при содействии и помощи Б. Г. Меньшагина, который покупает и продает книги. «Инициатор открытия магазина М. А. Прощина, имевшая свой книжный магазин в Смоленске до революции (Мария Александровна)» [5].

Также в газете давалась информация о концерте («Концерт В. В. Топилина и В. П. Мирского»), который состоялся 6 июня 1943 г. в зале городского собрания. В. В. Топилин – пианист, В. П. Мирсков – вокальное пение. Исполняли Рахманинова, Шуберта, Листа, Чайковского. Далее давался восторженный отзыв о виртуозности исполнения и сообщалось, что они едут в Германию на время.

Большое внимание отводилось деятельности театра. В «Новом пути», например, публиковалась рецензия на спектакль «Не все коту масленица».

В свою очередь в отчетах бургомистра Б. Г. Меньшагина от 2 февраля 1942 г. сообщалось, что оборудован радиовещательный узел. А в отчете за 11 мая 1942 г. говорилось, что «городской радиоузел обслуживает 600 точек для немецких частей и 1070 – для гражданского населения» [5].

Меньшагин выделял и деятельность театра. В отчете от 10 сентября 1942 г. сообщалось, что 23 августа состоялось открытие народного театра. Он был переполнен, но затем посещаемость стала падать. Меньшагин объяснял это тем, что программа не обновлялась. Выделялись и проблемы: бургомистр отмечал, что выработкой программы единолично занимался представитель отдела пропаганды утер-офицер Хильмер, который совершенно не считался с пожеланиями городского управления [5].

Зато кинотеатр, по мнению городской власти, работал удовлетворительно. Так, в отчете от 19 сентября 1942 г. сообщалось, что посещаемость в кинотеатре «Луч» хорошая, «картины встречаются с интересом» [5].

В том же отчете Меньшагин писал, что помещение музея им. Тенишевой освобождено немецкими войсками, которые там находились, и вскоре состоится открытие музея для публики [5].

В докладе от 20 июня 1942 г. сообщалось, что «все оставшиеся библиотечные фонды свезены на Соборный двор, где под наблюдением работника из штаба Розенберга, доктора Нерлинга, происходит рассортировка книг. Желательно эту работу как можно ускорить с тем, чтобы разрешенные к употреблению книги были возвращены городу для устройства публичной библиотеки» [5].

Рассмотрение проблемы, как в оккупированном городе представлена тема досуга, показывает, что прежде всего фашистская власть делала акцент на «досуге», который позволял бы пропагандировать свою идеологию и создавать иллюзию гуманной системы.

На поверхностный взгляд Меньшагин предстает в отчетах, как интеллигентный человек, который стремился всем силами соответствовать должности начальника города, сделать все, чтобы облегчить в тяжелый период жизнь смолян. Однако на протяжении всех донесений-докладов Меньшагин включал (по необходимости) факты, которые указывали на совершенно другую реальность: судьба евреев; создание Гетто, а затем его уничтожение; активная борьба Меньшагина с партизанами и подпольщиками.

За внешним «досугом», условия для которого создавала власть, существовала реальность – голод, страх, наличие концентрационных лагерей военнопленных, постоянные расстрелы.

Список литературы

1. Котов Л. В. Смоленское подполье. М.: Московский рабочий, 1966. 238 с.
2. Новый Путь. 1943. № 48. 20 июня.
3. В гарнизонную комендатуру г-ну Главному Военному Советнику Ротт Администрация 2.02.1942 // Материалы оккупационной администрации г. Смоленска. (Личный архив Л. В. Котова).
4. Новый Путь. 1943. № 47.
5. Материалы Смоленской горуправы (Доклады Б.Г. Меньшагина в Полицию Безопасности ив VII отдел Комендатуры). (Личный архив Л. В. Котова).

Я. С. Аленичева

Работа и быт служащих театра им. К. П. Воскобойника, созданного на оккупированной территории Брянской области в период Великой Отечественной войны

В экстремальных условиях войны организация досуга и развлечений для населения становится порой единственной возможностью вспомнить и ощутить «нормальную» жизнь. А для немецких пропагандистов и коллаборационистов – это в первую очередь сильный ин-

струмент идеологического воздействия и морального разложения населения, оказавшегося на оккупированной территории. В данной статье автор, используя материалы фонда № Р-2608 Государственного архива Брянской области, анализирует повседневную жизнь работников художественно-драматического театра им К. П. Воскобойника, продолживших после эвакуации свою творческую деятельность на территории Беларуси. Многие архивные документы вводятся в научный оборот впервые.

In extreme war conditions, the organization of leisure and entertainment for the population sometimes becomes the only opportunity to remember and feel a “normal” life. And for German propagandists and collaborators, this is, first of all, a powerful tool of ideological influence and moral decay of the population that found itself in the occupied territory. In this article, the author, using materials from collection No. R-2608 of the State Archives of the Bryansk Region, analyzes the working and everyday life of the employees of the K. P. Voskoboinik Art and Drama Theater, who continued their creative work in Belarus after the evacuation. Many archival documents are introduced into scientific circulation for the first time.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецкая оккупация, добровольное сотрудничество с немцами, Локотское окружное самоуправление, досуг во время войны, гражданский коллаборационизм.

Key words: Great Patriotic War, German occupation, voluntary collaboration with the Germans, Lokot district self-government, leisure during the war, civil collaborationism.

С началом периода оккупации немецкие власти стали активно привлекать на свою сторону представителей творческих профессий: актеров, певцов и музыкантов, писателей и поэтов. Нацистские пропагандисты и коллаборационистская администрация понимали, насколько важную роль в идеологической работе с населением играют профессиональные творческие работники: их целью было сформировать новую идентичность человека, построенную на ненависти ко всему советскому: от личной неприязни к Сталину [1] до абстрактного жидобольшевизма. Особое внимание было уделено театру: «На оккупированной территории России существовало несколько видов театров: театральные группы при немецких пропагандистских органах, «народные театры», созданные при участии русской коллаборационистской администрации из состава профессиональных актеров, различные любительские труппы, организованные на базе самодеятельных кружков и художественных студий» [2]. В статье речь пойдет о театре, работавшем на территории Брянской области с 1942 по 1943 г. и впоследствии эвакуированном на территорию Беларуси.

12 августа 1942 г. обер-бургомистр Локотского окружного самоуправления Б. Каминский подписал приказ о преобразовании бывшего клуба конезавода в Городской художественно-драматический театр им. К. П. Воскобойника (далее – Театр). Сделано это было, «...чтобы дать возможность гражданам административного центра Локоть и окружающих его населенных пунктов в свободное от работы время иметь развлечение, а, вместе с этим, просмотреть те или другие пьесы, тесно связанные с западно-европейской культурой» [3, л. 66].

15 ноября 1942 г. Театр вместимостью 400 человек открыл свои двери для посетителей, а на август 1943 уже имел в составе 105 сотрудников, среди кото-

рых были 21 актер, четыре акробата, 22 музыканта, балетные и физкультурные группы [4, с. 89]. Судя по отчетам [5, л. 8, 9, 10], Театр активно посещало население, оказавшееся на оккупированной территории, вплоть до августа 1943 г. Кассовые сборы и мемориальные ордера из государственного банка позволяли выплачивать сотрудникам не только зарплату, но и премии. Так, 12 августа 1943 г. самая большая премия была выплачена актеру А. В. Азарченко и составила 600 р.

Спектакли часто становились предметом обсуждений в местной коллаборационистской газете «Голос народа»: в номере от 1 мая 1943 г. находим заметку «Бедность – не порок», где журналист рассказывает о том, как вырос Театр за год своей работы и как это видно на примере сценической реализации пьесы Островского. Особенно отмечалась актерская работа Залетило, Лукина и Чумакова, а также Аразченко, Петрова и Волонцевича: «По окончании пьесы многие из зрителей старались пробраться за кулисы, чтобы лично поблагодарить артистов» [6, л. 44].

Подавляющее большинство официальных документов, имевших отношение к Театру, относятся к периоду эвакуации сотрудников в город Лепель (Витебская область), а потом – в Дятлово (Гродненская область). Однако тот короткий период, доступный нам по архивным источникам, тем не менее заключает в себе интересную для исследования информацию.

Так, частично освещается судьба Григория Андреевича Капусты – первого директора Театра, возглавлявшего его с момента основания. В докладной записке бухгалтера Театра Ю. В. Полтева на имя исполнявшего обязанности директора Д. А. Нетесина от 17 сентября 1943 г. находим информацию о том, что в конце июля Г. А. Капуста получил под отчет из кассы Театра 13 тыс. р. на командировочные расходы в г. Брянск, а в начале августа – еще 15 тыс. р. из локотской конторы Государственного банка на выдачу аванса работникам, что подтверждается чеком Окружного финансового отдела. Далее читаем следующее: «...по слухам во время командировки бывший директор покончил самоубийством в своей квартире г. Брянска в вашем присутствии (*в присутствии исполняющего обязанности директора Нетесина Д. А. – прим. автора*), о чем довожу до вашего сведения и прошу подтвердить время трагической смерти Капуста Г. А., происшедшей в вашем присутствии в г. Брянске. Подтверждение ваше необходимо документально для дальнейшего суждения о задолженности, числящейся за Капустой» [5, л. 51]. Д. А. Нетесин, подтвердив смерть бывшего директора и наложив резолюцию о списании задолженности, более не сообщал никаких подробностей этой резонансной истории. Остаются неизвестными истинные причины смерти Г. А. Капусты. Хотя очевидным поводом для беспокойства кажется стремительное наступление Красной армии и страх расплаты за сотрудничество с немцами, неясным остается и факт пропажи полученных бывшим директором денег.

После смерти Г. А. Капусты директором Театра стал Дмитрий Александрович Нетесин. В отличие от предшественника, о нем сохранилось больше данных, проливающих свет на его личность и судьбу.

Впервые мы встречаем информацию о гражданине Нетесине в контексте его переезда из г. Орла и г. Локоть: он просит оплатить «...причитающиеся мне подъемные…в размере месячного оклада…кроме того, прошу оплатить командировочные в г. Орел за 15 дней» [5, л. 18], к чему Нетесин прикладывает командировочное удостоверение на немецком языке. В последующем, с сентября 1943 до мая-июня 1944 г., Д. А. Нетесин числился директором Театра. Интересную и довольно исчерпывающую характеристику (особенно в условиях дефицита иной подобной информации) находим в анонимных карандашных записках, полученных, видимо, от одного из сотрудников Театра, эвакуировавшихся в Беларусь из Локтя, ближе к концу существования труппы. В ней описывается следующее: «До войны по его (*Нетесина – прим. автора*) словам работал в Москве актером, где остались жена и ребенком. В Локоть прибыл из Орла…в Лепель из Локтя в 1-ых числах сентября 1943 года. Относился к своим сотрудникам хорошо. Был членом партии НСТРП (*имеется в виду НСТПР – Национал-социалистическая трудовая партия России, созданная руководителями Локотского окружного самоуправления – прим. автора*). В 1943 году в Лепельском театре был вечер, посвященный Новому году, где он превозносил тост за Каминского (*второй руководитель Локотского окружного самоуправления, после эвакуации – Лепельской республики – прим. автора*) и Германскую армию против иудо-большевизма» [5, л. 177]. Также анонимом рассказывается о подобном другом вечере «в казино», случившимся уже в апреле, на котором Д. А. Нетесин также превозносил комбрига Каминского, говоря, что все сотрудники Театра должны быть благодарны за его заботу, предлагал выпить за него и «основателей будущей России» [5, л. 175]. Раскрываются также подробности личной жизни директора Театра: сообщается, что он находился в сожительстве с некой Людмилой Петровой, «...но почему-то это скрывалось, а жили они в одном доме и он оказывал большую помощь ей и ее матери» [5, л. 175].

Итак, с сентября 1943 г. Городской театр им. К. П. Воскобойника эвакуировался в Лепель (Витебская область, Беларусь), о чем мы узнаем из докладной записки бухгалтера Театра Полтева на имя Д. А. Нетесина, в ней сотрудник писал: «18 августа 1943 года…кассиршей театра Оробей получено из Госбанка на выплату зарплаты работникам за август месяц 29 700 рублей…Гвоздев и Оробей выехали – вернее, собирались выезжать – на лошадях последними и до сего времени в г. Лепель не прибыли…» [5, л. 52]. Из-за того, что денежные средства «застряли» в пути, и судьба их осталась неизвестной, бухгалтер позже просил управляющего Окружной конторы Госбанка Г. Белоусова выдать сотрудникам Театра подъемные средства: с 10 сентября 1943 г. труппа в количестве 38 человек открывала новую страницу своей коллаборационистской деятельности.

Разброс величины подъемных средств варьировался в зависимости от должности: так, директору театра предполагалось выдать 1 100 р., тогда как самый низкооплачиваемый сотрудник, ученица балетной труппы Скрипкина, должна была получить всего 150.

Специально созданная комиссия из работников Театра зафиксировала пропавшее во время эвакуации имущество общей стоимостью на сумму 14 508 р., включая 11 париков, 17 флагов, 13 разных платков, 50 железных булавок, 14 холстов, парашютный материал и веревки с кольцами, а также чайные ложки, шторки, портянки, холщевые шаровары и штаны [5, л. 70] и т.д.

Судя по данным о родственниках, состоявших на иждивении у сотрудников Театра, в подавляющем большинстве они перевезли в Лепель своих жен и детей, а также тещ, матерей и отцов, иногда братьев, шуринов и племянников.

Крайне интересную информацию о социальном срезе действующих сотрудников Театра мы находим в подробной анкете, в которой указывается: ФИО, год рождения, национальность, классовая или сословная принадлежность, род деятельности, семейное положение, партийная принадлежность, подвергался ли репрессиям советской власти, чем занимался до войны, военная обязанность, адрес, приказ о назначении на должность в Театр.

Так, мы узнаем, что среди 96 сотрудников было два члена ВЛКСМ, восемь служивших Красной армии, три – в царской армии, а также пять человек, пострадавших от действий советской власти. Каким именно репрессиям и за что, в анкете не уточняется, кроме информации про бывшую учительницу, судимую за прогул.

Интересно, что самый пожилой среди работников Театра родился в 1874 г., а самый молодой в 1928, т. е. самому возрастному сотруднику на момент 1943 г., уже будучи в Лепеле после эвакуации, было 73 года, а самому юному – 15 лет. Всего среди людей, рожденных до 1900 г. в Театре было 4 чел., с 1900 до 1914 – 11, с 1914 до 1928 – 32 (*у остальных год рождения не указан или не сохранился – прим. автора*).

Рассмотрим более подробно социальные портреты работников Театра из каждой возрастной категории. Так, уже упоминаемый нами выше бухгалтер Театра *Юлий Васильевич Полтев* был 1882 года рождения, по национальности – русский, из крестьян, служил в царской армии в г. Ростове-на-Дону. Пришел работать в Театр, видимо, одним из первых, так как дата зачисления Ю. В. Полтева – 03.11.1942 и приказ имеет номер 8. Интересно, что самый первый приказ о приеме на работу датируется 10.09.1942 г. и относится к Леониду Семеновичу Сосинскому, 1909 года рождения, служащему русского происхождения, родом из Локтя. Больше, однако, данных о нем не сохранилось, поэтому для следующего социального портрета возьмем другого человека до 1914 года рождения: *Петра Леонидовича Тарасова*, 1906 года рождения, по национальности – русский, из мещан. Согласно анкете, подвергался репрессиям со стороны советской власти, служил в Красной армии, до войны работал помощником электрика. Третий анализируемый нами сотрудник, девушка, *Анна Ивановна Костричко*, 1922 г. р., по национальности – белоруска. Происхождение – из крестьян, до войны работала учительницей.

Подавляющее большинство сотрудников Театра были русскими: из 45 чел., у которых национальность указана точно, было 82 % русских, 8 % украинцев, 6 % белорусов. Однако, по мнению автора, эти данные неполные,

так как с момента эвакуации к составу Театра стали активно присоединяться местные жители города Лепеля, впоследствии – некоторые жители Гродненской области. Об этом свидетельствуют следующие цифры: из Локотского округа в Лепель приехало 38 чел., позже, согласно ведомости о выплате заработной платы в марте 1944 г., количество сотрудников составляло 82 чел., а по состоянию на 1 мая 1944 г. – 96.

По сохранившимся в архиве документам мы видим, что с сентября 1943 г. начальнику Театра поступило 39 просьб о принятии на работу, каждая из которых была удовлетворена зачислением в штат Театра. Конечно, не все эти люди были местными жителями, например среди прочих мы находим заявление Андрея Матвеевича Амфитеатрова, эвакуированного из города Дмитровска Локотского округа со следующими подробностями: «В своем городе я участвовал в симфоническом и духовом оркестрах со знанием нот: играя на скрипке и контрабасе, а в духовом – на 2 теноре и басе "e5"; в Бешенковичах (поселок в Витебской области, Беларусь – прим.автора) на скрипке в оркестре, а также в качестве актера, на что имею удостоверение» [5, л. 109]. Кроме того, в записках анонимного сотрудника Театра, который, возможно, давал показания на своих коллег, указаны 67 чел., у некоторых отмечено, откуда они приехали. Так, присоединившимися к Театру из Лепеля числятся В. Усовик, Р. М. Ткачев, М. Плавская, В. Вечерский, Ф. Долгов, а также, скорее всего, еще 12 человек [5, л. 177–180].

После эвакуации в г. Лепель руководство и служащие Театра начали заново организовывать свой быт: остро, по всей видимости, стоял вопрос о размещении сотрудников в лепельских домах и квартирах. Так, мы находим заявление без авторства, в котором сообщается, что «...в помещении Бригадного театра квартируют (занимают одну комнату) ранее эвакуированные из других районов две гражданки: Знаменская Татьяна Фед. и Изеткина Екатерина Емельяновна, никакого отношения к театру не имеющие…» [5, л. 94]. Проблемным было и продовольственное обеспечение: согласно акту от 23 ноября 1943 г., подписанному начальником Театра Л. Я. Портянским, бухгалтером Ю. В. Полтевым и раздатчиком Я. П. Либа, сообщается о краже продуктов, полученных из магазина штаба бригады «РОНА», «...из кладовой посредством подбора ключа» [5, л. 92].

Постепенно меняется название Театра: на период работы в г. Лепель существуют разные вариации его наименования: то Бригадный драматический театр им. К. П. Воскобойника [5, л. 157], то Лепельский городской театр им. Воскобойника [5, л. 158], но официальным, по всей видимости, считалось название «Лепельский бригадный театр им К. П. Воскобойника», так как именно этот вариант находим в официальном Приказе № 13 от 06.10.1943, подписанном директором Д. А. Нетесиным. В нем директор жаловался на неудовлетворительную трудовую и творческую дисциплину, отмечая «...опоздания на работу, отлучки во время репетиций, халатное отношение к работе, незнание текста роли, небрежное отношение технического персонала к перестановке декораций, невыполнение творческих заданий и т.д.» [5, л. 161].

Однако с апреля 1944 г. Театр переехал в г. Дятлово и вновь поменял название на Дятловский бригадный театр, о чем мы узнаем из заявления с просьбой о зачислении в штат Анны Захаровны Кугуниной [5, л. 91]. Там же находим просьбу, обращенную к начальнику Дятловского окружного отдела снабжения, об отпуске фуража-корма для скота сотрудников Театра: выясняется, что на 15 служащих имелось 16 коров и две козы.

Уже будучи в г. Дятлово, Д. А. Нетесин организовал для труппы гастроли: «...Согласно приказу Командира Штурмовой Бригады СС (*или 66 – прим. автора*) группа актеров и работников остальных цехов в составе…20 апреля выезжает в г. Минск на гастроли…» [5, л. 100]. Дела в Театре, судя по всему, шли трудно: несмотря на то, что зарплата продолжала выплачиваться, из запланированных к постановке спектаклей в количестве 60 (*по 10 каждый месяц – прим. автора*) с сентября по март 1944 г. было сыграно около 44 [5, л. 139]. Согласно запискам анонимного сотрудника Театра, в первых числах июня в г. Дятлово было открытие театра, на котором Д. А. Нетесин неустанно продолжал превозносить Б. Каминского, утверждая, что именно он заботится о населении и несет с собой культуру, однако: «...на концерте гражданского населения было очень мало» [5, л. 175]. Сценическим планам Театра не суждено было реализоваться: уже 3 июля началась Белорусская наступательная операция «Багратион», в результате которой к 29 августа 1944 г. территория Беларуси была освобождена от нацистской оккупации.

Говоря о коллаборационизме в период Великой Отечественной войны среди людей творческих профессий, хочется отметить, что многие люди рассматривали работу в театре как относительно мирную деятельность, позволяющую им получать продукты или корм для скота, а также пусть небольшую, но зарплату. В отношении Театра им. В. П. Воскобойника это подтверждается низким уровнем профессионализма сотрудников: при детальном анализе заявлений с просьбами о приеме на работу выяснилось, что часто в Театр шли работать по семейному принципу (например, в Театре работала дочь бухгалтера Ю. В. Полтева и чета Быковых), люди, которые не могли исполнять свои обязанности по старости (например, скрипач Амфитеатров) или не обладающие творческими навыками вообще. Конечно, среди сотрудников были и настоящие профессионалы, например, С. П. Чучейко, который «...работал в джаз-оркестре как пианист и аккордеонист в течение 10 лет» [5, л. 131], однако большинство не указывало своих компетенций при приеме на работу.

Список литературы

1. Аленичева Я. С. Формирование новой ментальности у населения, оказавшегося на оккупированной территории в период Великой Отечественной войны, на примерах художественного антисталинизма // Историко-психологические основы формирования ментальности: материалы LVI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 09 декабря 2024 г. СПб.: ООО «Полторак», 2024. С. 101–105.

2. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/index.html (дата обращения: 12.12.2024).

3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 3.
4. Ермолов И. Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941–1943. М.: Центрполиграф, 2009. 252 с.
5. ГАБО. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 50.
6. ГАБО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 2.

А. К. Гагиева

Досуг студентов средних специальных учебных заведений Коми АССР в 1941–1945 гг.

В статье представлены примеры досуговой деятельности студентов средних специальных учебных заведений Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Указывается, что, несмотря на трудности военного времени, обучающие хорошо учились, проводили свободное время с пользой, участвовали во всех мероприятиях

The article presents examples of leisure activities of students of secondary specialized educational institutions of the Komi ASSR during the Great Patriotic War, it is indicated that despite the difficulties of wartime, students studied well, spent their free time usefully, participated in all events Keywords: students of secondary specialized educational institutions, timber rafting, club, berry and mushroom picking, amateur art.

Ключевые слова: студенты средних специальных учебных заведений, лесосплав, кружок, сбор ягод и грибов, художественная самодеятельность.

Key words: students of secondary specialized educational institutions, timber rafting, club, berry and mushroom picking, amateur art.

В настоящее время изучение истории повседневности и досуга в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. выходит на новый уровень. Это связано как с переосмыслением ряда теоретических положений, касающихся вклада советского народа в Великую Победу, так и с появлением новых исторических источников и методологических подходов. К одному из них относится обоснование исследования истории семьи, общества, социальных групп, проведения свободного времени, досуга в тот или иной исторический период.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась той эпохой, когда и фронт, и тыл работали вместе ради Победы. Все население – рабочие, служащие, школьники, студенты вносили свою лепту, трудясь в тылу и побеждая на фронте.

Сегодня изучение повседневности и досуга в тыловых районах страны стало возможным, благодаря выходу в свет исследования санкт-петербургских ученых «Человек в истории: массовое сознание и повседневная жизнь российского общества». В монографии на основе вновь вводимых в научный оборот исторических источников глубоко и достоверно изучается массовое сознание и повседневная жизнь российского общества в годы Великой Отечественной войны [1].

Изучением истории повседневности в 1941–1945 гг. занимались и зарубежные исследователи. Они изучали историю Великой Отечественной войны, повседневную жизнь населения в оккупации, в районах военного управления и другое [2–4].

Изучение истории Великой Отечественной войны в российской историографии занимает особое место. Различными сюжетами военной повседневности занимались В. М. Кулиш [5], Н. Д. Козлов [6] и других авторы [7]. Активизации изучения повседневности в 1941–1945 гг. способствует появление новых работ. Так, в исследованиях Е. Ф. Кринко и других авторов на основе исторических источников представлена динамика взглядов на изучение истории повседневности во временных, методологических и языковых дискурсах [8]. При этом было указано на необходимость дальнейшего исследования поставленных проблем.

В Республике Коми также накоплен определённый опыт по изучению истории Великой Отечественной войны. В общих и специальных трудах нашли отражение подвиги уроженцев Коми АССР на фронтах Великой Отечественной войны, самоотверженная работа в тылу, созидательная роль партийных и советских организаций и другое [9–11].

Особо следует остановиться на сборниках, изданных в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, где вопросам повседневности в 1941–1945 гг. уделяется определённое внимание. Это статья Р. Л. Поповой «Из жизни служащих в годы Великой Отечественной войны», опубликованная в первом выпуске сборника «Повседневная жизнь Коми края» [12] и работа М. А. Галевой и О. Е. Бондаренко, посвященная жизни тружеников тыла [13]. В 2006 и 2010 гг. в сборнике были опубликованы воспоминания Р. М. Левановой о Великой Отечественной войне [14; 15]. Нельзя не упомянуть и работы краеведов Республики Коми. В издаваемом по итогам Всероссийских краеведческих конференций сборнике «Известия Общества изучения Коми края» представлены: воспоминания, эссе, очерки наследников Великой Победы [16]. Все указанные работы показывают героический труд работников тыла, их ежедневную жизнь, чаяния и надежды. Вместе с тем в статьях и общих работах не нашли отражение вопросы, связанные с развитием в изучаемое время образования, культуры, потребительской кооперации и т. д.

В работах О. В. Золотарева, А. М. Мацука, А. Н. Турубанова и других было обращено внимание на формирование системы среднего профессионального образования в исследуемом регионе. Авторы совершенно справедливо подчеркивали роль созданных в 1930-е гг. образовательных учреждений среднего специального образования для подготовки кадров, анализировали изменения в материально-техническом обеспечении техникумов, обращали внимание на вопросы повседневной жизни студентов и преподавателей [17, с. 72–89]. К сожалению, исследователи не ставили задачу показать повседневную жизнь и досуг учащихся и педагогов в годы Великой Отечественной войны. Данное замечание еще более актуализирует заявленную тему.

К новизне работы следует также отнести не только постановку вопроса и формулировку научной проблемы, но и впервые введенные в научный оборот исторические источники: 19 фондов, посвященных истории среднего образования Республики Коми, находящиеся в Национальном архиве Республики Коми [18]. Представленные здесь дела, а также материалы мемуарного характера, отложившиеся в музеях техникумов, являются уникальными историческими источниками [19]. Они условно делятся на две группы: делопроизводственные документы и документы личного происхождения. По принятой в российском источниковедении классификации первые относятся к директивному (постановления и решения) и организационному (протоколы заседаний) типам. В них прослеживается единообразие при подготовке документов, основанное на принципах советского делопроизводства. Сохранена однотипность формы, тяготеющей к стандартизации, и наличие законодательно установленного формуляра. Отдельно выделена постановляющая часть, а также подписи присутствующих на заседании. Некоторые из представленных источников достаточно хорошо известны, а многие из них уже опубликованы. Другая группа – документы личного происхождения имеют свою специфику, носят индивидуальный характер и могут быть использованы для демонстрации повседневной жизни учащихся техникумов и училищ г. Сыктывкара в годы Великой Отечественной войны.

Цель работы состоит в исследовании досуга студентов средних специальных учебных заведений Коми АССР в 1941–1945 гг. Для ее достижения решались следующие задачи: проследить развитие среднего профессионального образования в исследуемый период; определить вклад студентов техникумов г. Сыктывкара в дело Победы над врагом; представить досуг обучающихся в трудные военные годы.

Как указано в исследованиях А. М. Мацука, в Коми АССР к началу 1950-х гг. функционировало 13 техникумов и училищ, в которых проходило обучение 4 тыс. чел. [20, с. 9]. Подготовка специалистов велась по различным специальностям как в сфере образования и культуры, так и кооперации.

Известие о начале войны всколыхнуло все население Коми АССР. Всю организаторскую и политическую работу по перестройке народного хозяйства проводила Коми областная партийная организация ВКП(б). Уже в первые месяцы войны обком партии совместно с государственными органами разработал и принял конкретные меры по использованию всего имеющегося людского и экономического потенциала республик для нужд фронта. 19 августа 1941 г. было принято Постановление «О задачах Советов в условиях Отечественной войны и работе постоянных оборонных комиссий Советов депутатов трудящихся». Многие граждане шли на призывные пункты добровольно, не дожидаясь мобилизационных повесток. Вместе с мужчинами в военкоматы подавали заявления и студенты техникумов и училищ. Вера Софьина, учащаяся педагогического училища, написала в своем заявлении: «Прошу отправить меня на фронт в качестве медицинской сестры, так как я имею среднее медицинское образование…я горю желанием встать грудью на защиту любимой Родины».

Оставшиеся студенты, несмотря на трудности военного времени, продолжали учиться. Всего за время войны в республике было подготовлено свыше 1 300 специалистов среднего звена. В г. Ухта был открыт техникум железнодорожного транспорта, дошкольное отделение Сыктывкарского педагогического училища выделилось в самостоятельное учебное заведение. В 1943 г. было открыто Сыктывкарское музыкальное училище [11, с. 478].

В свободное от учебы время учащиеся работали на сплаве, заготавливали дрова, трудились в колхозе и т. д. В связи с тем, что сотрудники, отвечающие за доставку дров, в ряде техникумов ушли на фронт, эта обязанность легла на плечи учащихся. После занятий каждый из них должен был отработать 10 дней вместе с педагогами на лесозаготовках в 17 км от г. Сыктывкара. Лес привозился, пилился, складывался в штабеля, а затем использовался для отопления общежития и образовательного учреждения [19]. Освобождений от занятий не было, работали как девочки, так и мальчики. Была определена норма заготовок. Такая же норма определялась при работе в летнее время на сплаве. Летние каникулы переносились на сентябрь. Как указывалось в источниках, «учащиеся поднимали баграми лес из воды, и складывали в штабеля. Норма выработки составляла 200 грамм хлеба и если она перевыполнялась, а это было постоянно, то выдавалось еще 200 грамм. За отличную работу на сплаве в 1942 г. двум учащимся техникума было присвоено звание «Лучший сплавщик Коми АССР» с вручением Грамоты Президиума Верховного Совета Коми АССР, 13 учащихся стали стахановцами и получили Премии». Кроме работы студенты и преподаватели в свободное от учебы время должны были собирать и сдавать безвозмездно не менее 40 кг ягод и 15 кг грибов за сезон. Каждый учащийся работал в колхозе, убирал снег на территории техникума, дежурил в общежитии, столовой и т. д. [19].

При такой загруженности общественно-полезной работой студенты находили время для участия в культурно-массовых и спортивных мероприятиях. По воспоминаниям преподавателей, студенты активно участвовали «…в делах самоуправления, художественной самодеятельности, комсомольской работе… Комсомольская дисциплина была на самом высоком уровне» [21]. В кооперативном техникуме еженедельно проводился лекторий, куда приглашались инструкторы и лекторы горкома и обкома партии с лекциями, посвященными победам на фронте, подвигам земляков, международному положению. Большой популярностью у студентов техникума пользовались встречи с фронтовиками, вернувшимися после ранения. Студенты в свободное время ходили в кино, посещали театр. Билеты для них покупались администрацией техникумов и были бесплатными [22].

В образовательных учреждениях среднего звена работали мотоциклетный, стрелковый, хоровой, танцевальный, драматический и другие кружки. Большую роль в повседневной жизни играл спорт. Студенты становились победителями городских и республиканских соревнований по стрельбе, акробатике, гимнастике. Это укрепляло авторитет и престиж техникумов, что было особенно важно в годы Великой Отечественной войны. В техникумах практически отсут-

ствовал «отсев» студентов. Каждый старался хорошо учиться и активно участвовал в общественной жизни. Большую работу в деле организации досуга проводили и преподаватели техникумов. Примером может служить преподаватель Сыктывкарского педагогического училища А. И. Старовская, чей труд в годы войны был отмечен Орденом Ленина [11, с. 478].

Сохранившиеся отчеты, воспоминания студентов, преподавателей и выпускников, архивные документы, посвященные досугу студентов, позволяют говорить о том, что в среднем профессиональном образовании Коми АССР в 1941–1945 гг. закладывалась идея комплексного решения проблемы воспитания, образования и обучения. В ее основе лежали общественно-полезный труд, инициатива студентов и преподавателей, их вера в социалистические идеалы и Победу над врагом.

Список литературы

1. Человек в истории: массовое сознание и повседневная жизнь российского общества. Сборник научных статей к 65-летию доктора исторических наук, профессора Николая Дмитриевича Козлова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. 144 с.

2. Cerovic M. Les Infants de Staline. La guarre des partisans sovieticus (1941–1945). Paris: Éditions du Seuil, 2018. 384 p.

3. Enstad J. D. Soviet Russian under Nazi Occupation. Fragile Loyalties in World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 255 p.

4. Glantz David M. Soviet Military intelligence in War. London: Frank Cass, 1990. 422 p.

5. Кулиш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Россия. XX век. Советская историография / отв. ред. М. П. Ким. М.: Наука, 1980. С. 274–315.

6. Козлов Н. Д. Великая Отечественная война: свидетельства и оценки участников. СПб.: Издательский-полиграфический комплекс «Гангут», 2015. 544 с.

7. Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии / под общ. ред. Е. С. Сенявской. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.

8. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

9. Александров А. Н. Вклад трудящихся Коми АССР в Победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1968. 17 с.

10. Александров А. Н. В боевом союзе. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 176 с.

11. История Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2 т. Т. 2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. 704 с.

12. Попова Р. Л. Из жизни служащих в годы Великой Отечественной войны // Повседневная жизнь Коми края. 2006. Вып. 1. С. 104–113.

13. Галева М. А., Бондаренко О. Е. Фронтовые письма Великой Отечественной войны (по материалам Национального музея Республики Коми) // Повседневная жизнь Коми края. 2006. Вып. 1. С. 114–116.

14. Леванова Р. М. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне // Повседневная жизнь Коми края. 2006. Вып. 2. С. 114–116.

15. Леванова Р. М. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне // Повседневная жизнь Коми края. 2010. Вып. 2. С. 105–118.

16. Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал / гл. ред. А. К. Гагиева. 2019. Вып. 1(16), 1(18), Вып. 2(20).

17. Гагиева А. К. Исторический опыт и проблемы кооперативного образования России в 20–90-е годы XX века (на материалах Республики Коми). Саратов: Изд-во ФГОУ ВПО Саратовский ГАУ, 2004. 216 с.
18. Национальный Архив Республики Коми (далее НАРК). Ф. р-1547. Оп. 1. Д. 1-499.
19. НАРК. Ф.Ф. рр. 1258, 1283, 1538, 1541 и др.
20. Мацук М. А. Среднее специальное образование на Европейском Севере России в 1950–1980-е годы: Историография и источники. Сыктывкар: ООО Коми Республиканская типография, 2019. 173 с.
21. Музей истории потребительской кооперации РК. Оп. 1. Д. 205.
22. НАРК. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 34.

Н. Д. Козлов

Досуг детей в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии

В статье рассматриваются труды отечественных историков, посвященные проблемам повседневной жизни в военное время. Основное внимание уделено работам, раскрывающим особенности досуга детей в советском тылу. Сделан вывод о том, что до сих пор нет обобщающих трудов по данной теме, вопрос освещается на примере отдельных регионов, а досуг сельских детей, его особенности, за исключением отдельных небольших публикаций, фрагментарных упоминаний, практически не стали предметом специальных изысканий.

The article examines the works of Russian historians devoted to the problems of everyday life in wartime. The main attention is paid to the works revealing the peculiarities of children's leisure time in the Soviet rear. It is concluded that there are still no generalizing works, the issue is sanctified by the example of individual regions, and the leisure of rural children, its features, with the exception of fragmentary mentions, have practically not become the subject of special research.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историография, советский тыл, повседневная жизнь, досуг, сельские дети.

Key words: The Great Patriotic War, historiography, the Soviet rear, daily life, leisure, rural children.

Досуговая сфера в годы войны представляет интерес для исторического исследования, так как позволяет выявить особенности жизнедеятельности в экстремальных условиях, показать влияние изменений, вызванных войной, на ценностные ориентиры и гражданскую позицию, определить особенности форм досуга и внутреннего мира детей, полнее реконструировать военную повседневность.

Досуг, как и многие другие стороны повседневной жизни детей тыловых районов, обусловлен и адаптируется к историческим условиям и среде обитания. Война создает атмосферу, чрезвычайные обстоятельства и приоритеты особого рода в повседневной жизни детей: резко ухудшает жилищно-бытовое и материальное положение, питание, возможности удовлетворить минимальные насущные потребности. Сложная социально-психологическая атмосфера воен-

ного времени влияла на детское мироощущение. Несмотря на то, что старшие стремились их оберегать, она характеризовалось лишениями, тревожностью, напряжением.

Повседневной жизни населения советского тыла в годы войны посвящена обширная отечественная историография. Ее достижения и нерешенные вопросы стали предметом анализа историографических работ [1–4].

Не обошли вниманием историки и повседневную жизнь детей в экстремальных условиях войны. Многие аспекты повседневной жизни детей, несмотря на неполноту информации о страданиях и лишениях, нашли освещение в советской историографии. В трудах, посвященных социальной политике, рассматривались проблемы обеспечения продовольствием, организации деятельности учреждений здравоохранения и образования, эвакуации детей, организации и работы детских домов и другие [5–12]. Авторы этих исследований специально не ставили задачи изучения досуга детей, однако при освещении ряда вопросов фрагментарно и иллюстративно их затрагивали.

В постсоветский период российские историки стали активнее исследовать повседневную жизнь детей в годы Великой Отечественной войны**.** Эта тематика получила освещение в трудах Е. Ю. Волковой [13], В. М. Коренюк [14–15], Е. Ф. Кринко [16], М. С. Носовой [17], И. В. Ребровой [18], Н. П. Палецких [19] и других историков.

Исследователи, наряду с традиционными аспектами детской повседневности – бытовыми условиями и одеждой, питанием, учебой в школе и заботой о младших, помощью матерям в домашнем хозяйстве и трудом на предприятиях и колхозных полях, попутно стали уделять внимание играм и увлечениям, праздникам, ментальной сфере – настроениям, мечтам, эмоциональным переживаниям и ощущениям. В названных работах преобладает информативный подход в освещении вопросов.

Исключение составляют труды Е. Ф. Кринко и Н. П. Палецких, в которых акцентируется внимание на концептуально-методологических аспектах исследования повседневной жизни в экстремальных условиях военного времени, достижениях, трудностях и нерешенных вопросах проблемы.

В последние годы историки все чаще стали обращаться к исследованию досуга детей в военное время. Тематике детского досуга в годы Великой Отечественной войны посвящены исследования А. И. Агеева [20], В. И. Глущенко [21], Д. А. Вычерова [22], В. М. Коренюк [23], А. И. Назарова [24], М. С. Носовой [25], Л. П. Степановой [26], А. А. Суханова [27; 28] и другие. Большинство вышеназванных работ освещают детский досуг на региональном, а чаще – локальном уровне – в отдельных городах или селениях.

Характерной особенностью названных публикаций также является их формат. Как правило, они представляют небольшие по объему статьи или сообщения, в отдельных случаях – кандидатские диссертации.

В то же время следует отметить источниковую базу этих изысканий. Особую значимость придает им то, что при их написании авторы-историки и сотрудники музеев широко использовали, наряду с архивными и опубликованными

документами, материалами музейных фондов и экспозиций, публикации местной периодической печати за 1941–1945 гг., опубликованные воспоминания и данные опросов жителей, чье детство пришлось на военный период. Сочетание разнообразных источников, многие из которых в большинстве случаев не используются историками, позволило им не только наполнить публикации информацией, необходимой для анализа и раскрыть сущность исследуемых вопросов, но и передать психоэмоциональные переживания и ощущения детей.

Большинство авторов приходят к выводу о том, что основными структурами детской досуговой повседневности являлись семья (дом), школа, улица (двор).

Свободное время детей для отдыха и развлечений в условиях войны значительно сократилось. Авторы справедливо утверждают, что у детей, проживавших в городе, было больше возможностей для проведения досуга. Они участвовали в организованных мероприятиях в клубах, библиотеках, музеях, оздоровительных площадках при школах и в пионерских лагерях. Кроме того, они проявляли самостоятельность и находили время для игр по собственному усмотрению.

Возможности проведения досуга детей в сельской местности были существенно ограничены условиями жизни и, как справедливо считает А. И. Назаров, «несли в себе достаточно мощный пласт традиционной крестьянской культуры» [24, с. 126].

Исследования свидетельствуют, что наряду с традиционными формами, досуг детей, его организация и формы приспосабливались к военным условиям. В работах упомянутых авторов дана характеристика многих форм детского досуга в годы войны.

В большинстве случаев дети проявляли высокий уровень самостоятельности, умение к самоорганизации досуга. Вместе с тем партийно-государственные органы, включая учреждения образования, комсомольские и другие общественные организации, в контексте культурно-массовой и образовательно-воспитательной работы, организовывали коллективные формы досуга, которые отличались соответствующим идейным содержанием и военно-патриотической направленностью. В целом детский досуг способствовал и отражал, был формой и проявлением общественной консолидации и внутренней мобилизации детей.

Однако следует подчеркнуть, что досуговая сфера сельских детей, за небольшим исключением, затрагивается редко, преимущественно на региональном уровне и до сих пор не стала предметом специального обобщающего исследования. В то же время население нашей страны в период Великой Отечественной войны было по преимуществу сельским. По данным переписи за 1939 г. доля сельских жителей страны составляла около 67 %, а их доля в личном составе Красной армии в годы войны, по мнению известного исследователя истории крестьянства периода 1930–40-х гг. В. Т. Анискова, составляла от 72 до 80 % [5, с. 21]. Сельские семьи, как правило, были многодетными и соответственно доля сельских детей была выше, чем городских.

Дети военной поры стойко вынесли тяготы и лишения военного лихолетья, внесли посильный вклад в приближение Победы, а в дальнейшем трудом этого поколения была создана сверхдержава.

Список литературы

1. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
2. Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: ИМРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с.
3. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XX века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. 2014. №2 (Т. 4). С. 30–35.
4. Смирнова В. К. Повседневность как проблема современной исторической науки (на примере историографии Великой Отечественной войны на юге России) // Вестник Таганрог. ин-та имени А. П. Чехова. История и археология. 2015. URL: https://cyberleninka.ru// article/n/povsednevnost-kak-problema-sovremennoy-istoricheskoy-nauki-na-primere-istoriografii-velikjy-otechestvennoy-voyny-na-yuge-rossii (дата обращения: 29.09.2024).
5. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма.1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
6. Зинич М. С. Всенародная помощь детям в период Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1985. № 5. С. 17–23.
7. Зинич М. С. Будни военного лихолетья.1941–1945. В 2-х выпусках. М.: Международное агентство «Русская пресс-служба», 1994. 272 с.
8. Кожурин В. С. Неизвестная война: деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М: АОН, 1990. 288 с.
9. Кондакова Н. И. Война, государство, общество. 1941–1945. М.: Изд-во МГФ «Ветеран Москвы», 2002. 480 с.
10. Наумова А. Г. Забота о детях в годы Великой Отечественной войны: по материалам Пермской областной партийной организации // Ученые записки Пермского пед. ин-та. 1961. № 28. С. 108.
11. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Челябинск: ЧГАУ, 1995. 184 с.
12. Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны: Ист.-пед. исслед. М.: Педагогика, 1984. 239 с.
13. Волкова Е. Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Кострома: изд-во КГТУ, 2010. 155 с.
14. Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области). Пермь: Пермский гос. гуманит.-пед. ун-т, 2017. 293 с.
15. Коренюк В. М., Суслов А. Б. Военная повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №6 (44). С. 72–76.
16. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 г.): проблемы и перспективы изучения. URL: https://ciberleninka.ru/article/n/detstvo-voennyh-let-1941-1945-gg-problevy-i-persperrivy-isucheniya) (дата обращения: 28.10.2024).
17. Носова М. В. Повседневная жизнь детей в годы Великой Отечественной войны (на примере Омской области): дис… канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ, 2021. 235 с.
18. Реброва И. В. Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа. Вестник Пермского университета. 2014. № 2. (25). URL: https: //hisvestnik.psu/table/104-2-25 (дата обращения: 28.10.2024).

19. Палецких Н. П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 1(46). URL: https://tagil-press.ru/publikations/11402/dosugovaya-sfera-tylovoj-povsednevnosti-na-urale-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny (дата обращения: 27.09.2024).

20. Агеева В. А. Свободное времяпровождение детей и подростков в годы Великой Отечественной войны: содержание, ресурсы, особенности // Вести Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. 2015. № 4 (34). С. 180–188.

21. Глущенко Л. И. Быт и досуг детей и молодежи в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны в Муроме м Муромском районе. URL: https://museum-murom.ru/scientific-work/materialy-konferencij-museya/ezhegodnaya-otchetnaya-konferenciya/sbornik-konferencii-2014/glushenko (дата обращения: 27.09.2024).

22. Вычеров Д. А. Организация досуга детей в пионерских лагерях в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, 11–12 сент. 2020 г. В 3 ч. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. Ч. 2. С. 217–221.

23. Коренюк В. М. Детская игровая повседневность 1940–1950-х гг. (на материалах Молотовской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 80–83.

24. Назаров А. И. Досуг сельской молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 126–128.

25. Носова М. С. Особенности досуга детей в тыловом городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия общество, история, современность. 2021. Т. 6. № 2. С. 56–61.

26. Степанова Л. П. Примеры действенной помощи органов власти и частных лиц по вопросу организации учебы, работы и досуга детей и молодежи во время Великой Отечественной войны // Гороховские чтения: материалы седьмой региональной музейной конференции, 18 ноября 2016 г. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2016. С. 304–307.

27. Суханов А. А. Детский досуг в годы войны. URL: https://miassmuzey.ru/2020/05/05/детский-досуг-в-годы-войны/ (дата обращения: 27.09.2024).

28. Очирова В. Н. Отечественные историки о военном детстве сибиряков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 58–64.

М. Д. Кирчанов

Организация досуга воспитанников Ленинградского Нахимовского военно-морского училища в 1944–1955 гг.

В статье анализируется организация досуга воспитанников Ленинградского Нахимовского военно-морского училища в 1944–1955 гг. Выделяются основные формы досуга, причины их внедрения в образовательный процесс училища. Вместе с традиционными формами проведения досуга – физический труд, чтение книг, кружки по интересам, даётся характеристика и другим – танцевальные вечера, культпоходы в кино и театр, увольнение в город. Анализ источников и литературы даёт возможность изучить особенности организации досуга в Ленинградском Нахимовском военно-морском училище.

The article analyzes the organization of leisure activities for pupils of the Leningrad Nakhimov Naval School in 1944–1955. The main forms of leisure are highlighted, the reasons for their introduction into the educational process of the school. Along with traditional forms of leisure – sports, reading books, interest groups, more complex forms are characterized – dance evenings, cultural trips to the cinema and theater, dismissal to the city. The analysis of sources and literature makes it possible to study the peculiarities of leisure activities at the Leningrad Nakhimov Naval School.

Ключевые слова: военная педагогика, военно-морские учебные заведения СССР, гендерное воспитание, повседневность, досуг.

Key words: military pedagogy, naval educational institutions of the USSR, gender education, everyday life, leisure.

Усиливающийся интерес к отдельным аспектам истории закрытых детских военных образовательных учреждений в последние годы сталкивается с неразработанностью данного вопроса. В первую очередь уже с 70-х гг. прошлого века исследователей привлекал процесс организации, воссоздания системы военных учебных заведений для детей во время и после Великой Отечественной войны [1]. В последние годы фокус внимания исследователей перешел на историю повседневной жизни как дореволюционных кадетских корпусов [2], так и возрождённых Суворовских и Нахимовских училищ [3]. Цель данной работы – охарактеризовать организацию досуга воспитанников Ленинградского Нахимовского военно-морского училища с года его основания и до момента ликвидации Тбилисского и Рижского Нахимовских училищ к 1955 г., что изменило статус и отдельные аспекты работы оставшегося Ленинградского училища.

Возрождение кадетских традиций [4] в новом формате требовало переосмысления наполнения досуга воспитанников с учётом современной специфики. Кроме бытовой, учебной и воспитательной части важным аспектом работы начальства училища стала организация досуга. С одной стороны, он был необходим как психологическая разгрузка в период учёбы [2, с. 2], позволяющая отвлечься от военно-морской дисциплины, уделить время любимым занятиям. С другой стороны, грамотно организованный досуг являлся частью воспитательной системы училища, которая призвана содействовать укреплению его традиций, воспитанию детей и подростков в этих традициях [4, с. 4]. О качестве досуга как части воспитательной системы говорит тот факт, что в среде нахимовцев сформировалось братство выпускников, беззаветно любящих своё училище, с гордостью носящих звание «питона» [5, с. 43].

Можно выделить некоторые формы досуга воспитанников Ленинградского Нахимовского военно-морского училища в результате организации руководством училища и в ходе самоорганизации. В процессе работы с источниками выявлены следующие формы досуга: свободное времяпрепровождение и внеурочная деятельность воспитанников, кружки и секции в училище, библиотека, увольнение в город, танцевальные вечера и культпоходы в кино и театры.

Вспоминая давнюю флотскую мудрость «ничем не занятый матрос опасен для корабля и экипажа», руководство училища в свободное от учёбы время

привлекало воспитанников на обязательные работы, которые можно было разделить на несколько видов: авралы, уборки, благоустройство территорий.

Аврал на флоте означает работу, которую выполняет весь экипаж корабля. В Нахимовском училище обычно этим словом назывались работы по разгрузке дров или угля с баржи в целях заготовки их к отопительному сезону. Ещё в 1951 г. полковник Тишкевич, докладывая о низкой температуре в училище в период отопительного сезона, отмечал несовершенство отопительной системы: «Её всю надо менять» [6]. Следовательно, традиционным явлением в изучаемый период был разгрузочный аврал: несколько суток, сменяя друг друга, нахимовские роты разгружали тяжёлые бревна и складывали их около здания училища [7, с. 42]. Осенью училище запасалось овощами и картофелем. Так же посменно после уроков воспитанники разгружали содержимое вагонов в грузовые машины на Финляндском вокзале.

Кроме ежедневных уборок раз в неделю, как на корабле, в училище проводилась генеральная приборка – воспитанники скребли, чистили все помещения, намывали все крашенные детали и элементы (стены, двери), стекла окон, начищали до блеска полы [3]. На улице также проводились уборочные работы, в основном уборка снега, листвы, подметание территории. По свидетельствам самих нахимовцев, такие работы способствовали осознанию ценности труда и воспитывали уважение к работающим людям.

Свободное время воспитанники проводили на территории училища, готовясь к занятиям, занимаясь спортом. Так, во дворе училища были установлены спортивные площадки, где воспитанники играли в футбол, волейбол.

Альтернативой спорту во дворе училища были кружки и секции. С самого открытия училища в 1944 г. по инициативе руководства начали создаваться мастерские. Начальником мастерских до 1954 г. был капитан Н. Е. Астратов. В январе 1954 г. его сменил старший лейтенант А. Д. Сахаров. Основных задач, кроме трудового воспитания, у мастерских к 1951 г. было пять – столярная, модельная, радиотехническая, механическая, переплётная. Также было необходимо обеспечить училище наглядными пособиями, некоторыми видами мебели. Значительную роль играли мастерские и для отработки практических навыков, повторения материала.

К 1953 г. в училище действовали химический и исторический кружки [8, л. 3.], в 1948 г. силами преподавателей естествознания был создан живой уголок [9, с. 50].

Чуть позже начала развиваться художественная самодеятельность. Несколько друзей – Витя Жидких, Миша Голубев, Слава Калашников, Миша Московенко и другие решили, что им надо уметь танцевать «Яблочко», и до самого выпуска этот коллектив выступал не только в стенах училища, но и на городских площадках [9, с. 334].

Из всей художественной самодеятельности наиболее старым был музыкальный коллектив воспитанников. Созданный зимой 1944/1945 гг. данный коллектив объединил ребят, умеющих играть на музыкальных инструментах. К началу 1950-х гг. самодеятельность охватывала 80 % воспитанников [10, л. 10].

Рота, занявшая первое место, в рамках смотра художественной самодеятельности награждалась грамотой и переходящим призом – патефоном с набором пластинок. В актовом зале проводились «киновторники» – просмотр научно-популярных фильмов.

Таким образом, стоит отметить широту и разнообразие возможной внеучебной деятельности нахимовцев. Руководство училища делало все возможное, чтобы направить детскую энергию в созидательное русло.

В училище была открыта и библиотека. В 1945 г. она уже насчитывала 8 883 книги, в том числе общественно-политической – 869, военно-морской – 942, художественной литературы – 4 299, прочих – 1 640, детских – 995, брошюр – 895. За 1945 г. библиотеку посетили 7 498 раз, было выдано 9 808 книг, в том числе общественно-политической литературы – 352 книги, военно-морской – 2 156, художественной – 4 383 издания, прочих – 674, детских – 2 234 [6, л. 24]. В 1952 г. нахимовцы посетили её 13 046 раз, было выдано 26 603 книг [10, л. 10]. Ребята из старших рот брали в основном учебную литературу и приключенческие романы, рассказы, младшие акцентировали своё внимание на сказках и рассказах о море, его обителях, путешественниках и их приключениях.

Важной частью жизни воспитанников училища были отпуска к родным и близким и увольнения в город. В увольнение ленинградцев забирали родители под расписку, часто брали с собой иногородних друзей для компании. В период 1945–1955 гг. увольнение в город было недолгим, в основном нахимовцы гуляли в ближних скверах, по району вокруг училища и вокруг Петропавловской крепости [5, с. 78]. Со временем география путешествий естественно менялась – появлялись маршруты по сфере интересов, определённые кафе и столовые, пирожковые. Частыми были посещение киносеансов, зоопарка, театров, парков, музеев. Увольнения в город позволяли снять определённую эмоциональную нагрузку, улучшить своё морально-психологическое состояние.

В числе школьных предметов воспитанники нахимовского училища в течение шести лет изучали и бальные танцы [11, л. 3]. Многие воспитанники в мемуарах [7, с. 32], что подтверждается в делопроизводственных документах [12, л. 1], отмечали, что изучение бальных танцев происходило минимум по трём причинам.

Во-первых, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. считалось, что советский офицер, особенно морской, должен уметь не просто передвигаться и качаться в такт музыке, а именно красиво танцевать.

Во-вторых, занятие танцами в значительной мере укрепляло здоровье, развивало тело и умственные способности воспитанника, помогало стать увереннее.

В-третьих, занятия танцами имели и чисто практическое значение – в условиях морской качки и сложной обстановки матрос, старшина, мичман, офицер или адмирал, умеющий танцевать, чувствует себя более уверенно на палубе или надстройке корабля, так как у него более развиты чувство такта, ритма и координация.

Рубежным этапом в культурном и эстетическом воспитании с 1947 г. стали «чаи» для старших рот с балеринами и школьницами после совместных танцев.

В училище изучались как классические танцы стандартной программы [13, с. 6]: вальс медленный и быстрый, фокстрот, танго, вальс-гавот, мазурка, так и менее известные: полька, па-де-катр, шаконь, молдавеняску, па-де-патинер, краковяк, вальс-гавот. Всего за шесть лет курса по танцам нахимовцы разучивали двадцать танцев – восемнадцать бальных и два фокстротных [1, с. 197].

Отметим, что к старшим курсам воспитанники все чаще начинали задумываться о дальнейшей жизни и неизменно вставал вопрос о женитьбе. В целом «женский вопрос» [1, с. 245] никогда в училище не стоял остро: воспитанники приглашали на танцевальные репетиции школьниц и воспитанниц балетного училища. Естественно, что в условиях неравномерности общения со слабым полом были и те, кто «смущался простым словом чулок», и те, кто уже во всю бегал на свидания. Отчасти для решения именно дел амурных воспитанники старших рот использовали время увольнения в город [1, с. 300]. В конце 1948 г. началось возрождение танцевальных вечеров в Кировском доме культуры.

Значительное внимание уделялось походам в театр, оперу, на балет. Цена билета на одного воспитанника в партер часто не превышала 4–5 р., в то время как в кассе театра им. Кирова (Мариинский) цены варьировались от 16–19 р. за ложу и до 28 р. за место в партере.

Цены были доступными и обусловливались договорённостями руководства училища с администрациями театров и оптовым характером закупки билетов для государственного образовательного учреждения и личными родственными связями ряда воспитанников, через которых часто эти билеты и доставались.

Для нахимовцев поход в театр был событием, можно сказать ритуалом. Воспитанников серьёзно готовили – по ещё дореволюционной традиции офицер не мог сесть в кресло, пока не сядут старшие по званию, нахимовцам же приходилось стоять до второго звонка [1, с. 234]. По традиции воспитанники прибывали в театр в полном составе с офицерами-воспитателями, старшинами, в парадной форме, строем и с духовым оркестром, производя тем самым неизгладимое впечатление на работников и зрителей театра.

Таким образом, организация досуга воспитанников Ленинградского Нахимовского военно-морского училища носила организованный характер. Большая часть досуга была организована руководством училища. Существовала практика отправки воспитанников на обязательные работы, однако большая часть свободного времени тратилась воспитанниками на развитие художественных, музыкальных, творческих талантов, реализацию инженерной мысли и создание материальной базы училища, саморазвитие при помощи литературы. Особо отметим практику увольнение в город, так как в это время нахимовцы были предоставлены сами себе. Важным событием были танцевальные вечера и культпоходы в театры, последние, по воспоминаниям офицеров училища, служили не только культурно-эстетическому воспитанию, но и повышению авторитета училища и звания нахимовца.

Список литературы

1. Грабарь В. К. Вскормленные с копья: очерки истории детского воинского воспитания. СПб.: факультет филологии и искусства СПбГУ, 2009. 580 с.

2. Агеева А. В. Организация досуга детей и подростков в кадетских корпусах Российской империи в конце XIX – начале XX в. (по материалам журнала «Военная быль») // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015. № 1 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-dosuga-detey-i-podrostkov-v-kadetskih-korpusah-rossiyskoy-imperii-v-kontse-hih-nachale-hh-v-po-materialam-zhurnala-voennaya (дата обращения: 02.10.2024).

3. Беляев В. В. Нахимовское училище. Севастополь. URL: https://flot.com/blog/historyofNVMU/vvbelyaev-nakhimovskoe-uchilishche-sevastopol-sanktpeterburg-2009-ch4.php (дата обращения: 11.04.2024).

4. Саханский Н. Б. На службе Отечеству // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 2 (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/na-sluzhbe-otechestvu-1 (дата обращения: 07.11.2021).

5. Раздолгин А. А. Нахимовское военно-морское училище: юбилейная книга к 65-летию со дня основания. М.: Морской Петербург, Штандарт, 2009. 102 с.

6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. 8974. Оп. 1. Д. 470.

7. Иванов В. П. Нахимовцы. М.: Андреевский флаг, 1994. 120 с.

8. Филиал центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации, архив Военно-Морского Флота г. Гатчина (филиал ЦАМО РФ архив ВМФ) Ф. 903. Оп. 11227. Д. 2.

9. Раздолгин А. А. Путь в моря: Очерки о Ленинградском Нахимовском военно-морском училище. Л.: Лениздат, 1984. 144 с.

10. Филиал ЦАМО РФ архив ВМФ Ф. 903. Оп. 11227. Д. 1.

11. Филиал ЦАМО РФ архив ВМФ. Ф. 903. Оп. 2546. Д. 4.

12. Филиал ЦАМО РФ архив ВМФ. Ф. 903. Оп. 2546. Д. 16.

13. Мунтяну А. А., Пристайчук Д. О. История возникновение бального танца в России // Вестник магистратуры. 2022. № 11-1 (134). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknovenie-balnogo-tantsa-v-rossii (дата обращения: 10.05.2024).

И. И. Иноземцев

Досуговые мероприятия и их влияние на повседневную жизнь населения Ленинградской области в 1945–1951 гг.

Статья посвящена оценке досуга, как важнейшего фактора, влияющего на повседневную жизнь населения в первые послевоенные годы. Автор рассматривает проводимые ключевые мероприятия, направленные на обеспечение отдыхом трудового народа Ленинградской области. Указываются основные направления досуга на данном историческом этапе, их положительные и некоторые отрицательные моменты. В статье используется информация из архива ЦГАИПД СПб и районной периодической печати.

The article is devoted to the assessment of leisure as the most important factor influencing the daily life of the population in the first post-war years. The author examines the ongoing key activities aimed at providing recreation for the working people of the Leningrad region. The main leisure activities at this historical stage, their positive and some negative aspects are indicated. The article uses information from the archive of the Central State Institute of Internal Affairs of St. Petersburg and the regional periodical press of the historical period under consideration.

Ключевые слова: досуг, повседневность, Ленинградская область, послевоенное восстановление, изба-читальня, клуб, кинопередвижка, газеты.

Key words: leisure, daily life, Leningrad region, post-war reconstruction, izba-reading room, club, film transfer, newspapers.

Огромное значение в жизни любого человека составляет его досуг. Важен он и в мирное время, когда это становится обыденным времяпрепровождением, но особенно важным фактор досуга в повседневной жизни становится в военные и послевоенные годы. Начиная с 1945 г. большое внимание партийных и советских органов власти, а также населения было направлено на развитие культурно-досуговой жизни. Важно было обеспечить условия для отдыха населения. Привести избы-читальни и клубы в надлежащий вид, отремонтировать здания и оборудование, обеспечить топливом на осень и зиму, оформить внешний вид (вывесить флаг, устроить приусадебную площадку и т.д.), было первичной задачей в послевоенные годы. Особое внимание уделялось широкой организации художественной самодеятельности. Создавались агитбригады для культурного обслуживания колхозников на полевых работах, проведения хотя бы раз в неделю вечеров отдыха в колхозах.

Большое значение в послевоенные годы придавалось спортивно-физкультурной работе. В Райволовском (Рощинском) районе на 25 июня 1947 г. было организовано восемь физкультурных коллективов из числа молодежи поселка Райволо, Кирпичного завода и др. Также были организованы две футбольные и две волейбольные команды из числа местной молодежи. В районе было оборудовано 18 игровых площадок, из них шесть футбольных, одна баскетбольная и 11 волейбольных. За 1946/47 гг. были неоднократно проведены массовые мероприятия по физкультуре и спорту: метание гранат, лыжные соревнования, кроссы [1, л. 4].

По линии военруков в Ленинградской области проводились занятия, включавшие в себя не только физическую, но и военную подготовку, где участники стреляли из мелкокалиберной винтовки. Активно принимались зачеты по сдаче норм ГТО. В области регулярно устраивались соревнования, приуроченные к различным праздничным датам. Например, к 31 годовщине Советской армии и Военно-морского флота были проведены лыжные соревнования со сдачей норм на значки ГТО в Заборской школе ФЗО. Особенно любимым для проведения спортивных мероприятий стал Всесоюзный день физкультурника. Во Всеволожском районе в 1951 г. к этому празднику были приурочены футбольный и волейбольный турниры, легкоатлетические соревнования, которые активно посещались спортсменами и зрителями [2, с. 2].

Начиная с мая 1945 г. во всех районах Ленинградской области стала развиваться сеть культурно-просветительских учреждений. В колхозах открывались красные уголки, ремонтировались и открывались избы-читальни. Практически сразу после окончания Великой Отечественной войны на территории области начались подготовительные работы по восстановлению и открытию музеев. Так, в поселке Тайцы в 1948 г. был открыт краеведческий музей. Посетители музея могли познакомиться с историей Гатчинского района, с развитием промышленности, культуры и природных богатств этого края. В предоставлении необходимых экспонатов принимали участие учреждения и предприятия района [3, с. 172].

Важным для отдыха и проведения досуга являлись показы кинофильмов. Так, в колхозы Горчаковского и Бельского сельсоветов регулярно приезжала кинопередвижка с киномехаником З. Белозеровой. Благодаря ее добросовестной и аккуратной работе колхозники регулярно смотрели кинофильмы. В мае 1951 г. она поставила 23 картины вместо 16-ти по плану, а в июне произвела 25 сеансов. За это время 4 тыс. человек смогли посмотреть лучшие отечественные картины. Заранее развешанная реклама позволяла собрать население на просмотр кинокартин [4, с. 2].

Однако нередким было и неудовлетворительное обслуживание колхозников кинокартинами. В 1947–1948 гг. редко показывали фильмы Имоченский, Шаменский, Горский сельсоветы Лодейнопольского района. Варбинский сельсовет того же района не видел кино в течение 10 месяцев. Часто киносеансы на селе срывались из-за плохой аппаратуры или недостаточной квалификации работников. Были случаи, когда колхозникам показывались картины, имеющие 17 % годности. Массовая работа вокруг советских фильмов проводилась далеко не всегда. Не устраивались встречи с творческими работниками кино, не обсуждались просмотренные кинокартины, не собирались отзывы и рецензии от зрителей [5, л. 7, 12].

В деревнях и колхозах большое внимание уделялось избам-читальням и сельским клубам. Особенно заметно оживлялась работа в период избирательных кампаний. Агитаторы получали литературу, наглядные пособия, проводились лекции, беседы, громкие читки газет, выступления коллективов самодеятельности перед избирателями. Но и в свободное от агитационных мероприятий время клубы и избы-читальни активно использовались для культурно-досуговых мероприятий. В клубе Михалевского сельсовета работал драматический кружок, который постоянно выступал перед колхозниками. Во многих избах-читальнях устанавливались книжные витрины, выставки наглядных пособий по агротехнике, проводились короткие беседы, читки газет. Использовалась и наглядная агитация: боевые листки, плакаты, молнии, лозунги и т.д.

Артель «Новиково» Ефимовского района Ленинградской области имела в своем селе семилетнюю школу, в которой учились дети колхозников. Дети старшего возраста ездили на учебу в районный центр. Не отставали и взрослые колхозники – повышали свою квалификацию многие работники артели. Животновод В. Кушигин, доярка Т. Громова, свинарка М. Терентьева и другие работники ферм посещали курсы животноводов. Счетовод Л. Модестова проходила бухгалтерские курсы повышения счетной квалификации. Газеты и журналы стали обыденным источником информации для тружеников села. Правление колхоза выписывало журналы «Пропаганда и агитация», «Молодой колхозник», а также ряд газет. Колхозники получали 26 экземпляров различных газет. Часто в деревне устраивались доклады и беседы, которые проводили члены Озеревского агитколлектива. В деревне работал местный клуб. Дважды в месяц в клубе проводились киносеансы, проходили вечера самодеятельности. Также колхозники активно посещали библиотеку при клубе, в которой насчитывалось свыше двух тысяч книг [6, с. 2].

Но далеко не везде работа культурно-просветительских учреждений находилась на должном уровне. Корговский и Михайловский клубы открывались только для проведения киносеансов или танцев. Массовые культурные мероприятия не проводились. Как общий недостаток, характерный для многих клубов и изб-читален, следует указать недостаточный размах лекционной пропаганды. Руководители культурно-просветительских учреждений слабо привлекали местную интеллигенцию для того, чтобы они несли знания в массы колхозников [7, с. 2].

Об особо вопиющих случаях плохой работы клубов сообщалось в органы власти, а также в редакции районных и областных газет. В ответ на письмо в редакцию газеты «Ленинградская правда» о плохой работе клуба имени 1-го мая на станции Понтонная была проведена работа по выяснению обстоятельств. Проверяющим удалось установить, что имели место случаи посещения клуба молодежью в нетрезвом виде, акты хулиганства и прочее. С целью устранения этих недостатков на заседании завкома выслушали отчет директора клуба Иванова, после которого было принято решение увеличить совет клуба и привлечь больше актива на дежурство во время работы клуба и особенно при проведении массовых мероприятий [8, л. 35].

Чтобы повысить качество досуговых мероприятий, Ленинградское областное управление по делам искусств и Ленинградский облрепетком рассматривали репертуар приезжавших выступать артистов, в случае положительной оценки выдавались разрешения на право выступления в области. Однако только в 1947 г. было зафиксировано несколько случаев выступлений без такого одобрения. В Волосовском районе без разрешения выступала бригада Орлова, в Тихвинском – гипнотизер Амиар, в Павловском – бригада Анны Гудиной и другие. Контролеры отмечали, что «как правило, эти бригады преподносили зрителям пошлый, безыдейный репертуар». Имели место случаи, когда директора домов культуры и заведующие клубами из-за личных выгод предоставляли для выступления сценические площадки такого рода артистам [9, л. 6].

Исходя из вышесказанного, трудно переоценить значение культурно-досуговой жизни в послевоенные годы. Многое было сделано для того, чтобы народ плодотворно работал, но и была возможность для культурного отдыха. Потребность провести досуг с комфортом, отдохнуть после рабочего дня, всегда была актуальной для колхозников и работников предприятий.

Таким образом, можно сделать вывод, что правильно организованный досуг был очень важен в повседневной жизни населения Ленинградской области в 1945–1951 гг. и напрямую связан с экономическими показателями. В тех колхозах, совхозах, предприятиях, районах, где культурно-досуговому аспекту было уделено существенное внимание, население трудилось с большей отдачей, чем в тех населенных пунктах, где досугом пренебрегали.

Список литературы

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГИПД СПб). Ф. Р-9л. Оп. 3. Д. 223.

2. Большевистское слово. Орган Всеволожского Райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся. 1951. 22 июля.
3. История Ленинградской области газетно-журнальной строкой. «РасЦвет». 2020. 296 с.
4. Киришский колхозник. Орган Киришского районного комитета ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся. 1951. 13 июля.
5. ЦГАИПД СПб Ф. Р-396л. Оп. 5. Д. 123.
6. Колхозная жизнь. Орган Ефимовского Райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся. 1950. 3 февраля.
7. Колхозная жизнь. Орган Ефимовского Райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся. 1950. 5 апреля.
8. ЦГАИПД СПб. Ф.7-7л. Оп. 5. Д. 22.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-О-11. Оп. 5. Д. 109.

А. В. Гусев

Спортивно-массовая работа в Вооруженных силах СССР и ее роль в повышении уровня физической подготовленности и организации досуга военнослужащих

В статье рассмотрены вопросы организации спортивно-массовой работы в частях и подразделениях Вооруженных сил СССР. Раскрывается содержание и порядок ее проведения, разъяснены обязанности командиров подразделений и их заместителей. Показана направленность спортивно-массовой работы на повышение уровня физической подготовленности военнослужащих, роста их спортивного мастерства, организацию содержательного досуга личного состава в выходные и праздничные дни.

The article discusses the issues of organizing mass sports work in units and divisions of the USSR Armed Forces. The content and procedure for its implementation are revealed, and the responsibilities of unit commanders and their deputies are explained. The focus of mass sports work is shown to increase the level of physical fitness of military personnel, the growth of their sportsmanship, and the organization of meaningful leisure for personnel on weekends and holidays.

Ключевые слова: спортивно-массовая работа, воинская часть, командир подразделения, личный состав, распорядок дня, спортивный организатор, спортивная команда, досуг военнослужащих.

Key words: mass sports work, military unit, unit commander, personnel, daily routine, sports organizer, sports team, leisure time for military personnel.

Спортивно-массовая работа (СМР) в частях и подразделениях Вооруженных сил СССР была направлена на повышение уровня физической подготовленности военнослужащих, роста их спортивного мастерства, а также на организацию содержательного досуга личного состава. Она проводилась во время, предусмотренное распорядком дня воинской части, и включала: спортивные учебно-тренировочные занятия; спортивные и военно-спортивные соревнования; смотры спортивно-массовой работы; спортивные праздники; вечера и ряд других мероприятий [1, с. 120].

Порядок организации и проведения спортивно-массовой работы определялся приказом командира воинской части (полка), в котором указывались: задачи СМР; состав спортивного комитета и президиума коллегии судей; тренеры и состав сборных команд по видам спорта; спортивные организаторы подразделений; время, дни и места проведения учебно-тренировочных занятий в спортивных командах [1, с. 120]. Непосредственно за СМР в воинской части отвечал заместитель командира, он же руководил физической подготовкой и спортом [2, с. 25].

Основная спортивно-массовая работа с солдатами и сержантами организовывалась и проводилась в роте. В методическом пособии «Заместитель командира подразделения по политической части – непосредственный организатор партийно-политической работы» отмечалось: «Спортивно-массовая работа позволяет повышать физическую закалку и укреплять здоровье личного состава, способствует успешному решению задач коммунистического воспитания и боевой подготовки воинов, укреплению дисциплины, повышению боевой готовности частей и подразделений» [3, с. 128].

Командир роты и его заместитель по политической части были организаторами спортивно-массовой работы в подразделении. Плановые занятия по физической подготовке, как правило, сочетались с массовой спортивной работой, на которую отводилось 2–3 вечера в неделю. Кроме того, многие спортивные мероприятия проводились в выходные и праздничные дни, что позволяло организовывать содержательный досуг личного состава.

Заместитель командира роты по политической части выполнял следующие обязанности по организации спортивно-массовой работы:

- на основании указаний вышестоящего командования и анализа состояния СМР в подразделении вместе с командиром роты определял и ставил задачи по ее организации командирам взводов, секретарю комсомольской организации и спортивному организатору роты;
- разъяснял личному составу подразделения значение физкультуры и спорта для укрепления здоровья воинов и повышения боевой готовности войск;
- пропагандировал достижения советского спорта, спортсменов СССР и советских Вооружённых сил;
- организовывал и проводил среди военнослужащих роты социалистическое соревнование по спорту;
- планировал, организовывал подготовку и проведение основных спортивно-массовых мероприятий в роте;
- создавал в роте спортивные команды и организовывал их работу;
- организовывал подготовку и сдачу воинами роты нормативов военно-спортивного комплекса (ВСК) и норм на спортивные разряды;
- вовлекал в спортивно-массовую работу весь личный состав роты;
- пропагандировал спортивные достижения роты, популяризировал и поощрял лучших спортсменов, воспитывал у личного состава гордость за достигнутые им спортивные результаты [3, с. 129].

Для непосредственного проведения СМР в подразделении командиром роты назначался спортивный организатор, который подбирался из числа лучших офицеров, сержантов или солдат роты, активных спортсменов, способных увлечь личный состав и организовать спортивно-массовую работу.

Спортивный организатор работал под руководством командира роты и его заместителя по политической части в тесном контакте с комсомольской организацией подразделения. В его обязанности входило:

- оказание помощи командиру в проведении учебно-тренировочных занятий по физической подготовке и спорту;

- активное участие в создании спортивных команд и организации их занятий и тренировок;

- забота о подготовке и сдаче воинами роты нормативов ВСК и разрядных норм, особенно по военно-прикладным видам спорта:

- разработка предложений командиру роты и заместителю по политической части по проведению спортивных мероприятий в роте и участие в судействе ротных спортивных состязаний;

- участие в организации социалистического соревнования в роте по физической подготовке и спорту;

- разъяснение личному составу значение физкультуры и спорта, популяризация лучших спортсменов роты и предоставление ходатайств перед командованием об их поощрении;

- организация учёта спортивной работы в роте, сдачи нормативов ВСК и разрядных норм, а также ход выполнения социалистических обязательств по физической подготовке и спорту.

В каждой роте могли создаваться спортивные команды по лёгкой атлетике, плаванию, гимнастике, лыжам, стрелковому спорту, ручному мячу, волейболу и баскетболу. Работу каждой спортивной команды организовывал тренер, назначаемый из числа военнослужащих, имеющих спортивный разряд и необходимую подготовку по данному виду спорта.

Активное участие в организации спортивно-массовой работы принимала и комсомольская организация роты. На комсомольских собраниях и заседаниях бюро ВЛКСМ обсуждались вопросы примерности комсомольцев в физической подготовке и спорте, в подготовке и проведении спортивных мероприятий.

Программой деятельности комсомола в этом направлении было постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем подъёме массовости физической культуры и спорта» [4].

В ротах организовывались и проводились следующие спортивно-массовые мероприятия: спортивные соревнования по различным видам спорта на личное первенство, а также на первенство отделений и взводов; тренировки и сдача нормативов ВСК; тренировки спортивных команд и сдача норм на спортивные разряды; подготовка и участие спортивных команд роты в состязаниях на первенство части.

Для пропаганды спортивных достижений и разъяснения личному составу значения физкультуры и спорта, вовлечения военнослужащих в активную СМР

в роте проводились: беседы, лекции, викторины и другие мероприятия устной пропаганды и агитации спорта; коллективные просмотры и обсуждение с воинами кинофильмов и телевизионных передач, посвященных спорту; встречи личного состава роты с лучшими спортсменами и чемпионами; показательные выступления спортсменов и спортивных команд; подведение итогов выполнения социалистических обязательств по спорту; освещение вопросов СМР в стенной печати и наглядной агитации.

В казарме (место расположения подразделения) оборудовались стенды, посвященные спорту, на которых размещалась следующая информация: задачи и нормативы физической подготовки воинов; требования ВСК, график подготовки и ход сдачи нормативов ВСК; нормативы спортивных разрядов по военно-прикладным видам спорта; взятые социалистические обязательства личного состава по спорту и ход их выполнения; спортивные достижения роты; фотографии лучших спортсменов роты с описанием их достижений; спортивные кубки, переходящие призы и грамоты за достижения по спорту.

Спортивно-массовая работа в Вооруженных силах СССР являлась важным средством поддержания высокой боеспособности частей и подразделений, составной частью физического и нравственного воспитания всех категорий военнослужащих. Министр обороны СССР требовал дальнейшего развития спортивно-массовой работы в войсках и повышения качества физической подготовки. Спортивно-массовая работа в армии и на флоте постоянно совершенствовалась и направлялась на подготовку физически закаленных, выносливых воинов, способных преодолеть любые трудности современного боя.

Практика развития военного дела в армии и на флоте показывает, что спортивно-массовая работа по-прежнему направлена на повышение уровня физической подготовленности всех категорий военнослужащих в интересах повышения боеспособности Вооруженных сил Российской Федерации и организации содержательного досуга личного состава частей и подразделений.

Список литературы

1. Наставление по физической подготовке в Советской Армии и Военно-морском флоте (НФП-87). М.: Воениздат, 1987.

2. Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1977.

3. Заместитель командира подразделения по политической части – непосредственный организатор партийно-политической работы (методическое пособие). Рига: Изд-во РВВПУ, 1983.

4. Правда. 1981. 24 сентября.

ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

В. В. Шевцов

Досуг и будни в культуре «верхов» и «низов» дореволюционного российского общества

В статье представлена попытка концептуального исторического осмысления категорий «досуга» и «будней» в контексте европеизации русского общества XVIII–XIX вв., когда в среде российского дворянства получили распространение идеалы демонстративного расточительства и праздности, характерные для средневековой феодальной аристократии. В пореформенный период, в связи с развитием фабричного труда, урбанизацией и эмансипацией крестьянства, соответствующие модели поведения начали воспроизводиться и в народной культуре города и деревни. Так, феномен «русского барства», дуалистичный по отношению к буржуазным идеалам умеренности и накопительства, становился значимым и устойчивым поведенческим ориентиром как для обитателей дворцов, так и внезапно разбогатевших обитателей лачуг.

The article presents an attempt at conceptual historical understanding of the categories of "leisure" and "weekdays" in the context of the Europeanization of Russian society in the 18th-19th centuries, when the ideals of demonstrative wastefulness and idleness, characteristic of the medieval feudal aristocracy, became widespread among the Russian nobility. In the post-reform period, in connection with the development of factory labor, urbanization and the emancipation of the peasantry, the corresponding models of behavior began to be reproduced in the traditional culture of the city and village. Thus, the phenomenon of the "Russian haughtiness", dualistic in relation to the bourgeois ideals of frugality and accumulation, became a significant and stable behavioral guideline for both the inhabitants of palaces and the suddenly rich inhabitants of hovels.

Ключевые слова: досуг, будни, повседневность, дворянство, традиционная культура.

Key words: leisure, weekdays, everyday life, nobility, traditional culture.

Историю возможно понимать не только как последовательное изложение событий и раскрытие между ними причинно-следственных связей, но и как процесс развития таких категорий, которые определяют человеческое существование, начиная с первых социальных структур и до наших дней. Появляются и исчезают империи, развиваются технологии, однако с эпохи древнеегипетских пирамид и до эпохи социальных сетей человека неизменно сопровождает извечная дихотомия сменяющихся периодов досуга и будней, свободного и рабочего времени, отдыха и труда.

С началом петровских преобразований образ жизни дворянских верхов русского общества претерпел значительные изменения в области потребностей, внешнего вида и досуговых форм. Сфера серьезного существенно дополнилась сферой игрового, способствовавшей утверждению новых форм поведения и реабилитации веселья [1, с. 359–368]. Однако для русского дворянства освоение европейских социальных норм оставалось вторичным и подчиненным задачам

военной подготовки и государственного служения. В этом смысле Петр I лишь укрепил традиции, заложенные его предшественниками, видевшими в дворянстве прежде всего слой военных и административных служащих [2].

Вместе с тем внедрение прогрессивных изменений в социальной, экономической и политической жизни сопровождалось привнесением в Россию уже угасающей в Европе модели средневекового рыцарского, аристократического поведения, в которой ценности праздности и расточительства ставились выше стремления к производительному труду [3, с. 194–195]. В Европе этот аристократический образ жизни постепенно терял свою актуальность под воздействием Реформации, просветительской критики и развития принципов «буржуазной морали» [4, с. 99–100]. Средневековая знать уступала место «новому дворянству», которое ориентировалось на накопление богатства, хозяйственную деятельность, утилитарность и рациональное использование времени. В России же, благодаря укреплению крепостного права и освобождению от обязательной службы, дворянство получило возможность использовать свое свободное время и ресурсы для формирования субкультуры комфорта и развлечений, ориентированной на прошлые европейские стандарты.

Русское дворянство, которое в период «своего» средневековья было в основном бедным, зависимым от государства и обременённым обязательствами службы, смогло воплотить рыцарско-феодальные идеалы лишь в XVIII столетии. Именно тогда оно осознало себя как самостоятельную корпорацию, стоящую над всеми остальными сословиями и обладающую особыми привилегиями в области собственности, правосудия, управления и культуры. Дворянство приобрело финансовую независимость, освободилось от государственных обязанностей и получило широкую свободу выбора рода деятельности. В итоге область досуга, престижного потребления, воспитания внутрисословных этических норм и правил этикета стала занимать больше времени и усилий, чем хозяйственная, общественная и политическая деятельность.

Также отметим, что в дворянской субкультуре праздник не ограничивался рамками обрядовых смыслов и временных границ, характерных для традиционных обществ. Одной из ключевых особенностей праздника является временное ослабление моральных норм и усиление стихийных, эмоциональных проявлений человеческой натуры, поэтому избыток праздников в дворянских кругах приводил к падению нравственности, что дало М. М. Щербатову богатый материал для его консервативно-критического трактата [5, с. 59].

Формы самовыражения дворянства, утвердившиеся в эпоху Екатерины II, оставались узнаваемыми на протяжении всего дальнейшего существования Российской империи. Герои пиршественной культуры того времени вызывали восхищение и подражание не только у своих современников, но и в последующие годы стали символами «славных предков» для будущих поколений, чьи поступки воспринимались как воплощение настоящего «русского барства».

В XIX в. в дворянском обществе произошли значительные изменения, которые можно охарактеризовать как духовный прорыв. Если в XVIII в. оно осваивало внешние аспекты европейской культуры – мир предметов, потребностей, моделей

поведения, а также училось воспринимать и применять западные идеи, то в следующем столетии началась творческая, независимая рефлексия относительно воспринятого опыта.

Из социальной элиты начала формироваться элита интеллектуальная. Настроения этой образованной части общества были связаны с осмыслением процесса восприятия западной культуры, обостренным ощущением собственной национальной идентичности и обращением к национальным корням, а также потребностью в интеллектуальном развитии и общественно полезной деятельности.

Ярким примером таких перемен может служить биография Л. Н. Толстого. Его жизненный путь отражает культурные и психологические слои XVIII и XIX вв., демонстрируя общие тенденции развития русской культуры. В юности Толстой следовал наследию XVIII в., придерживаясь стереотипного для дворянского менталитета образа жизни. Он уделял повышенное внимание своему внешнему облику, вел разгульную жизнь молодого дворянина, живущего за счет доходов от своего поместья. Ночные кутежи, женщины, пьянство, азартные игры и угнетающая праздность – всё это предшествовало тому, как Толстой нашел своё истинное призвание. Только через личный и творческий рост «человек играющий» XVIII в. уступил место «человеку творческому» XIX в. в биографии этого великого русского писателя и мыслителя [6, с. 115–127].

Путь от дионисийского начала к аполлоновскому оказался пройден лишь малой частью социальной элиты. Большинство дворян XIX в. продолжало находиться на уровне внешнего, инфантильного воспроизведения европейской культуры, что давало повод современникам и историкам делать выводы о духовном оскудении высших слоев общества. В пореформенное время русское дворянство стремительно теряло свои экономические позиции, однако сохраняло влияние в политике и доминировало в сфере культуры и быта. В сословном обществе, где чувство социальной иерархии было обострено, а различия между высшим и низшим слоями чётко выражены, каждый нижестоящий слой стремился приблизиться, хотя бы внешне, к уровню жизни стоящих выше по социальной лестнице.

Как в XVIII в. русское дворянство подражало европейским образцам, так в XIX в. состоятельные горожане и купечество старались, насколько могли, подражать уже европеизированному русскому дворянству. Естественно, что многие из них оставались на примитивном уровне воспроизведения внешних форм, особенно учитывая, что глубокое понимание и усвоение нормативных систем дворянства требовало значительных затрат времени.

В крестьянской субкультуре отношение к категориям досуга и будней было иным. Земледельческий труд воспринимался как ценная и свободная жизнедеятельность, связанная с обустройством и расширением культурного и хозяйственного пространства [3, с. 54]. Преображая природу, крестьянин видел её как неотъемлемую часть самого себя, а не просто как объект приложения труда [7]. Погружённый в работу, крестьянин уравновешивал её праздником, когда сдержанность и сосредоточенность сменялись весельем, играми, употреблением спиртного, свободой общения между полами. Труд и отдых допол-

няли друг друга, взаимодействуя и объединяясь общими мировоззренческими установками. Сфера праздника была тесно связана с обрядовыми смыслами. Игра, будучи неотъемлемой частью праздника, вне его рамок лишалась сакральной санкции, и увлечение ей в будние дни считалось «пустой», «праздной» занятостью. Только для молодёжи, находящейся в поиске спутника жизни и оформлении брака, игровое время и пространство расширялись за счёт будничных дней [8, с. 11].

В народных сказаниях неограниченное праздничное время ассоциировалось с образом жизни «нечистой силы» и опасными, периферийными пространствами. Чертей, водяных и других «нечистых» можно было встретить на пирах, свадьбах, в кабаках и нежилых домах, где они охотно предавались таким «изобретённым» ими занятиям, как употребление вина, курение табака, шулерская игра в карты и кости [9, с. 182–183].

Развитие фабричной индустрии изменило значение труда и отношение к его результатам. Для рабочего труд становился практической деятельностью, воспринимаемой как обязанность и потерянное время жизни. Рабочий в странах с догоняющей экономикой представлял собой лишь дополнение к уже существующим средствам и условиям производства. Он был исполнителем ограниченного набора механических навыков, а его творческое и эстетическое восприятие предмета труда сводилось к минимуму [10, с. 88–91].

Результатом такой деятельности являлись чисто материальные блага – деньги и фрагмент искусственной реальности, принадлежащий промышленнику. Освобождаясь от обременительного и монотонного труда, рабочий стремился компенсировать недостаток впечатлений экстремальными, праздничными проявлениями, не связанными с обрядовыми и социальными функциями. Таким образом, сферы труда и праздника утратили взаимосвязь и приобрели противоположный характер.

Регламентированный рабочий день, ослабление семейных и общинных регуляторов поведения, праздничная атмосфера города привели к изменениям в чередовании работы и отдыха, ранее подчинённого природным ритмам. Теперь в городе время праздника могло начинаться сразу после окончания трудового дня или получения еженедельной зарплаты [11, с. 117]. Элементы праздничного поведения, такие как употребление алкоголя, обильное питание, азартные игры, сексуальная свобода, в условиях городского образа жизни становились важными ориентирами сами по себе, независимо от праздничного времени.

Как и в случае с европеизацией дворянства XVIII в., в крестьянской и городской среде модернизирующегося русского общества возникло стремление стать «полированными питерцами» [12, с. 263], т. е. воспроизвести прежде всего внешние стороны жизни социальной элиты, являвшейся носителем «европейской цивилизации».

Таким образом, возникла парадоксальная ситуация: в то время как образованные слои общества наконец проявляли живой интерес к крестьянам, народной речи, своим народным корням и серьёзно задумывались о сохранении самобытной культуры от влияния европейской цивилизации, в самой народной

среде обнаруживалась тенденция к отторжению традиционных ценностей и принятию современного образа жизни.

Начал проявляться второй этап распада русской традиционной культуры, затрагивающий теперь не только верхушку общества, но и его основную массу. Как и в Европе XVI–XVIII вв., где аристократическая и рыцарская культура адаптировались для менее требовательных вкусов горожан [3, с. 100], в России XIX в. происходила массовизация культуры высших слоёв, которая упрощалась и низводилась до уровня массового потребителя.

Несмотря на различия в ментальности, механизмы восприятия иностранных нововведений в дворянской и крестьянской субкультурах были типологически схожи и неблагоприятны – та же картина «порчи нравов» и угасания традиционных ценностных ориентиров. Крестьянство воспроизводило жизнь «по-барски» в уже устаревшем варианте XVIII в. – инфантильный экстремизм по отношению к своей культуре, стремление расширить время праздности, поверхностная «образованность», чревоугодие, щегольство в одежде, азартные игры – этот путь в свое время уже проходило русское дворянство. Среди выходцев из народа, натянувших перчатки, нахватавшихся иностранных слов и посвящавших свободное время вину и картам [13, с. 393], мы узнаем дворянских недорослей, пытавшихся воспроизвести самые привлекательные, в их понимании, стороны европейского общежития.

Переходный тип личности, от крестьянского к городскому, первоначально выглядел неприглядно. Однако же, основываясь на дворянском прецеденте, он имел перспективы, поскольку уже второе и третье поколение горожан начинали активно использовать новые возможности для интеллектуального и творческого роста.

Отметим также, что русское дворянство, несмотря на его критику и самокритику, выполнило важную культурную миссию, став проводником западноевропейского влияния в русском обществе. Именно представителями этого сословия было возведено великое здание русской культуры XIX в., во всех ее многообразных проявлениях – от искусства и литературы до образа воспитанного человека. Дворянство сделало приоритетными и такие категории развития личности, как высокий уровень образования, культура речи, владение иностранными языками, правила хорошего тона, представления о чести и благородстве. Именно в дворянской среде сфера досуга была осознана не только как сфера отдыха и развлечений, но и как сфера личностной творческой самореализации.

Список литературы

1. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

2. Андреев И. О бедном дворянстве замолвите слово… // Родина. 1997. № 9. С. 37–43.

3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 2. 559 с.

4. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. 442 с.

5. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. М.: Наука, 1983. 542 с.

6. Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск: Том. гос. ун-т, 2005. 242 с.

7. Гордон А. В. Тип хозяйствования – образ жизни – личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993. С. 113–135.

8. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 274 с.

9. Шевцов В. В. Образы игры, игрока и игральных карт в русском фольклоре // Вопросы отечественной и всеобщей истории: межвузовский тематический сборник статей. Вып. 2. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2003. С. 171–186.

10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41–174.

11. Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX вв.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 г. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1997. С. 114–130.

12. Синдаловский Н.А. Словарь Петербуржца. СПб.: Норинт, 2003. 321 с.

13. Михневич В. О. Извращение народного песнотворчества // Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. В. С. Сущинского, 1882. Т. 2. С. 377–420.

А. Г. Фот

Досуг приходского православного духовенства во второй половине XIX – начале XX столетия

В статье рассматриваются досуговые практики приходского православного духовенства. Опираясь на воспоминания представителей духовного сословия, архивные документы и материалы периодической печати автор доказывает, что ограничения на досуг священнослужителей накладывал сан. Основным развлечением было чтение и отдых на свежем воздухе. Особое место в жизни духовенства занимало празднование Пасхи.

The article deals with the leisure practices of parish Orthodox clergy. Based on the memoirs of representatives of the clergy, archival documents and periodicals, the author proves that restrictions on the leisure of clergymen were imposed by the ministry. The main entertainment was reading and outdoor recreation. A special place in the life of the clergy was occupied by the celebration of Easter.

Ключевые слова: повседневность, пореформенный период, приходское православное духовенство, досуг, пасха.

Key words: everyday life, post-reform period, parish Orthodox clergy, leisure, Easter.

Важной составляющей повседневной жизни является досуг. Грамотно организованный отдых помогает человеку легче переносить рутинность повседневных обязанностей, возложенных на него обстоятельствами. Сведения о том, как проводило свободное время приходское духовенство, достаточно скудны и в архивных документах представлены в небольшом объёме. Характерной чертой домашней жизни клириков было строгое соблюдение всех постов и других установлений Церкви относительно быта. Духовное звание

ограничивало его носителя в выборе времяпрепровождения: запрещалось ходить на ярмарки, базары и праздники [1, с. 35].

Судя по различным источникам, на селе духовенство вело достаточно уединённый образ жизни. Клирики редко ездили друг к другу, поскольку бытовало мнение, что выезды служат лишней тратой времени и средств. Сами священники в приятельских отношениях состояли нечасто, встречаясь в первую очередь по служебной необходимости, а также для того, чтобы устраивать браки своих детей.

В летние месяцы многие священно- и церковнослужители посвящали своё свободное время огородничеству и садоводству, а также часто увлекались рыболовством, сбором грибов и ягод. Кроме этого, имеются единичные упоминания участия клириков в уличных мужицких играх, к которым относились лапта, рюхи и тому подобные развлечения [2, с. 378]. Таким образом проводил, например, свой досуг священник Конаникольского прихода Орского уезда Александр Денисович Ястребов [3, л. 22].

Одним из способов заполнить свободное время было чтение. Правительство уже на рубеже XVIII–XIX вв. рекомендовало духовенству «в свободное от исправления мирских треб и служб время упражняться в чтении нужных и полезных книг, кои стараться им необходимо у себя заводить» [4, с. 606]. Упоминания о книгах встречаются в описях имущества умерших священнослужителей. Конечно, в основном это была богословская литература и подшивки «Оренбургских епархиальных ведомостей» [5, л. 2–3]. Однако пастыри интересовались и произведениями светских авторов. Так, в библиотеке протоиерея Оренбургского кафедрального собора Николая Сергеевича Сперанского значились четыре тома «Истории России» М. С. Соловьёва. Собрание сочинений Ф. М. Достоевского в двадцати четырёх томах и двенадцать томов за авторством Шекспира. Также протоиерей выписывал журналы «Новь и Нива» [6, л. 3 об.].

Библиотека регента Оренбургского архиерейского хора священника Петра Лаврова была столь обширна, что после его смерти её оценили в 1 829 р. Крупная для 1871 г. сумма [7, л. 11–11 об.]. Общепризнанным любителем проводить свой досуг за книгами был настоятель оренбургской Троицкой церкви Матвей Васильевич Любочестонов. Провожая друга и коллегу в последний путь, 13 марта 1897 г. протоиерей Владимир Сорогожский сказал: «Выписывал ты духовные и светские книги и читал их всегда с большою пользою для себя» [8, с. 316]. Прихожане также вспоминали большой шкаф, доверху набитый книгами, заваленный книгами письменный стол в маленьком кабинетчике пастыря, куда они многократно приходили за советом и утешением [9, с. 306–307].

В благополучных семьях проводили вечера в общении с близкими. Переяславский священник М. С. Альбицкий вспоминал: «Зимой по вечерам собирались к нам посиделки, подруги жены взапуски пряли, а я отращивал и сматывал пряжу» [10, с. 55].

Осень и начало зимы на селе было временем череды различных праздников (церковных, престольных, общинных), а также свадеб, в том числе и в сре-

де представителей духовного сословия. Поэтому досуг священника был заполнен подготовкой к этим событиям. Клирики и члены их семей наводили порядок в доме или квартире, шилась новая одежда и приводилась в порядок старая, заготавливались запасы на зиму (соления, варенья и т.д.). Именно осень была тем временем, когда священно- и церковнослужители гостили сами или приглашали к себе клириков соседних приходов. Чаще всего целью данных мероприятий были смотрины дочерей-невест и сыновей-женихов. Выбор осеннего сезона для устройства семейной жизни детей связан, прежде всего, с материальными вопросами, так как это время было наиболее доходным для священников.

С приходом зимы наступало скучное и единообразное времяпрепровождение, особенно в сельской местности. На это указывают различные мемуарные источники. Например, А. И. Розанов в своих «Записках» пишет: «После Крещенья – полная бездеятельность. В церкви нет ни одной книжки, денег на журналы нет: всё, что получаешь, идёт на пропитание и домашнее обзаведение <...>. И пошло моё время так: встанешь утром, попьёшь чаю да и начнёшь шагать по своей саженной комнате. Устанешь, посидишь немного, полежишь, да и опять ходишь. Надоест – выйдешь на улицу, поглазеешь на занесённые снегом мужицкие избы, поклонишься проезжающему мимо тебя мужику, иногда спросишь его, куда он едет – за соломой или в соседнюю деревню, – и опять в избу. И так протянется до обеда. После обеда сидишь себе, сложа руки, и ждешь, не дождёшься вечера. Вечером напьёшься чаю, и сидишь против жены, которая в это время что-нибудь вяжет. Целый вечер ни звука, ни дела, ни движения! Видимо и тупеешь и дуреешь. Сидишь и думаешь: к чему и зачем нас учили?» [11, с. 51]. Можно с уверенностью утверждать, что подобная ситуация была характерна для подавляющего числа сельских приходов России второй половины XIX столетия. Оребургская епархия в этом смысле ничем не выделялась среди прочих. Правда, в 90-е гг. XIX в. Оренбург мог предложить жителям особый вид развлечения – духовный концерт. На подобных мероприятиях любители церковных песнопений исполняли его вместе с хорами городских церквей: Покровской, Вознесенской и Дмитриевской. Проходили они всегда с благословления правящего архиерея, и потому священнослужители посещали концерты семьями [12, с. 202–204; 13, с. 80–82].

Наиболее оживленными в домах приходского духовенства были дни годовых праздников. В эти дни съезжались родственники и ближайшие соседи. Такие вечера с удовольствием описывал сын сельского священника, профессор Киевской духовной академии Василий Певницкий: «На новый год и Рождество обыкновенно собирались гости. Карточной игры не было и в помине. Велись дружеские весёлые беседы, допускались шутки, не выходящие из пределов приличия. Чтобы доставить удовольствие гостям отец мой пользовался и литературными преобретениями. Помню, купил он басни Крылова, которые в то время были новинкою, и для утехи гостей по выбору читал из них те или иные басни» [14, с. 438]. Выходец из семьи священника Владимирской епархии Сергей Елпатьвский красочно описывал ежегодные съезды гостей на яблочный спас. Вспоминал, что компания в их доме часто разбивались на две. Представи-

тели старшего поколения предпочитали собираться в горнице, где обсуждались епархиальные новости. Молодые люди выходили в сад. Здесь они играли в горелки и лапту, обирали с кустов ягоду и в целом весело проводили время [15, с. 115].

Итак, сельские иереи проводили свой досуг скромно, не нарушая запретов. Представители городского духовенства в свободное время нередко предавались игре в карты, хотя за азартные игры полагалось низвергать из сана [16, с. 111]. Отношение к картам в среде духовенства было как минимум компромиссным: архиепископ Гавриил (Розанов) любил развлечься таким образом в обществе певчих хора, поэт И. С. Никитин указывал на увлечение картами семинарских преподавателей, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславов полагал, что лучше играть на мелкие деньги, чем пить [17, с. 130; 18, с. 297–298; 19, с. 476–478]. Практически каждая дневниковая запись протоиерея В. Ф. Владиславлева содержит упоминание об игре [17, с. 46, 98–99, 110, 220–223, 267–268].

Играли в карты и священники Оренбургской епархии. Так, 23 февраля 1898 г. в канцелярию епископа пришёл анонимный донос на священника Свято-Троицкой церкви города Челябинска Алексея Никольского. Неизвестный сообщал епископу, что отец Никольский всячески способствует развитию у молодого учителя местной второклассной школы Ивана Стрельцова пристрастия к выпивке и карточным играм, поскольку в доме у иерея раз в неделю непременно попойка и карточная игра [20, л. 12 об.]. Как выяснилось из объяснений священника Алексея Никольского у него дома в узком семейном кругу или в присутствии близких друзей действительно иногда позволяли себе перекинуться в карты, «но игра эта никогда не носила на себе характера экзальтации» [20, л. 21]. В заключение отец Алексей добавлял: «А что до попоек, их в моём доме не было и быть никак не может» [20, л. 21 об.]. Показания иерея подтверждал наблюдатель церковно-приходских школ Тургайской области Максим Худоносов, который периодически приезжая в Челябинск по семейным делам, а иногда и служебной надобности, останавливался у Алексея Никольского, поскольку был другом его отца. В итоге дело было оставлено без последствий [20, л. 18–18 об.]. Нужно отметить, что сведения об увлечениии оренбургских клириков картами носит единичный характер.

Гораздо больше данных сохранилось о том, как приходское духовенство встречало один из самых главных христианских праздников – Пасху. Готовились к ней заранее: приобретали поздравительные открытки с пасхальными мотивами; в чистый четверг затевали большую уборку: мыли полы с дресвой, мыли окна, иногда привлекали к этому делу крестьян; заготавливали домашнее пиво, мед, квас; закупали кур, уток и гусей; обязательно пекли куличи, делали творожную пасху и красили яйца. Причём, в отличие от ежедневных хлопот по хозяйству, работали на кухне не только женщины, но и мужчины [14, с. 439]. В семье Елпатьевских, в дополнение к традиционным кушаньям обязательно выпекали свежий хлеб из белой хорошо просеянной муки [15, с. 63]. Сергей Яковлевич вспоминал: «Чем воздержнее и скуднее была обыденная пища, чем скуднее и унылее тянулись полныя труда и забот житейския будни, тем сытнее

и обильнее было праздничное угощенье, тем шумнее и веселее проходили праздники, повидимому, и хозяева и гости спешили вознаградить себя за долгое воздержание и сухояденье, за томительное однообразие повседневной жизни, – чай, который у большинства, как и у нас, пили только по воскресеньям, раз в неделю, при чем каждому на все чаепитие выдавалось по маленькому кусочку сахару, – теперь подавали несколько раз в день и даже в накладку, и уничтожались целые горы мяса и десятки цыплят, которых, кажется, для того и растили, и пустели бутылки с наливкой и выпивались целые ушаты браги» [15, с. 117–118].

Оренбургские клирики не писали о том, как встречали Пасху в кругу семьи, а сосредотачивали своё внимание на впечатлении, которое оставлял этот праздник в их душе. Особенно глубокий след оставляла Пасха в детских душах. Сын оренбургского дьякона, скрывшись за инициалами И. Н. вспоминал: «Уже с четверга Страстной недели не только в семье и в доме, но будто и в природе чувствуется приближение великого праздника. В ночь под Пасху, мы, подростки, по старому обычаю собравшись партией человек в десять, шли странствовать «на даяния», т.е. ходить из одной приходской церкви в другую. В двеннадцатом часу шли к собору, здесь поручали нам украшение храма иллюминацией, мы подбирали фонарики по цвету и разносили на крышу и колокольню <…> Радостно, трепетным испугом обдавал первый удар соборного колокола к пасхальной заутрене. Вслед за соборным великаном один за другим польются, переплетаясь, звуки колоколов городских и пригородных церквей» [21, с. 262–263].

Один из священников и вовсе посвятил эссе пасхальному благовесту в Оренбурге, настолько сильно он ежегодно радовал его сердце: «Чудно прекрасен ты, пасхальный звон, красный звон! <…> Чудится мне: то светлые духи шумною толпой несутся с небесной высоты светлые, звонкие, смеющиеся духи летят весёлую гурьбою, летят, поют.… Летят поодиночке, собираются толпами, свиваются гирляндами. <…> Льются в самую душу, и радостно в ответ им отзываются лучшие струны сердца» [22, с. 353–354]. Пасха для оренбургского духовенства – время особого единения с паствой, время, когда без усилий верится в лучшее. Пасхальные дни давали, по утверждению пастырей, особый заряд бодрости и энергии, и, несмотря на многочисленные службы, отдыхали они в этот период душой [23, с. 259–262].

Итак, на свободное времяпрепровождение клира серьёзные ограничения накладывал духовный сан. Даже подозрение в неблагоповедении влекло за собой неприятности. Потому досуг священнослужителей не отличался разнообразием. Духовенство могло проводить время за чтением, общением с близкими, рыбалкой, а также сборами грибов и ягод. Иногда в кругу близких людей пастыри позволяли себе играть в карты. Приятное разнообразие в повседневную жизнь вносили духовные концерты. Наиболее оживленными в домах духовенства были дни годовых праздников, когда в гости съезжались родственники и соседи и оставались по несколько дней. Особенно священнослужители любили встречать Пасху.

Список литературы

1. Духовный регламент Петра первого с прибавлением о правилах причта церковного и монашествующего. М.: Либроком, 2016. 1113 с.
2. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. 2-е изд. СПб.: СПБГУ, 2007. 440 с.
3. Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 173. Оп. 3. Д. 4842.
4. О наблюдении Епархиальным Архиереям за священнно и церковнослужителями, дабы они при возмущении крестьян всемерно старались отвращать их от оного № 17958 от 07.05.1797 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: собственная ЕИВ канцелярия, 1830. 1122 с.
5. ОГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 209.
6. ОГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 199.
7. ОГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 46.
8. Протоиерей В. Сорогожский. Речь, сказанная при отпевании протоиерея М. В. Любочистонова // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 7. С. 314–317.
9. Священик В. Покровский. Протоиерей М. В. Любочестонов Никролог 11 марта 1897 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 7. С. 306–309.
10. Страницы истории России в летописи одного рода. Автобиографические записки четырёх поколений русских священников 1814–1937. М.: Отчий дом, 2004. 776 с.
11. Розанов А. И. Записки сельского священника: Быт и нужды православного духовенства. СПб.: русская старина, 1882. 324 с.
12. Духовный концерт // Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 5. С. 202–204.
13. Духовный концерт // Оренбургские епархиальные ведомости. 1892. № 3. С. 80–82.
14. Певницкий В. Мои воспоминания // Руководство для сельских пастырей. 1909. Т. 1. № 17–18. С. 430–441.
15. Елпатьевский С. Я. Крутые горы. Рассказы о прошлом. СПб.: Издание Товарищества «Знание», 1904. 258 с.
16. Епископ Никодим (Милош). Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Долматинско-Истрийского. Т. 1. М.: Отчий дом, 2001. 335 с.
17. Из истории провинциального духовенства: записки священника В. Ф. Владиславлева. Тверь: СФК-офис, 2012. 301 с.
18. Никитин Н. С. Дневник семинариста. М.: Советская Россия, 1976. 160 с.
19. Ростиславов Д. И. О православном белом и чёрном духовенстве в России. Т. 2. Лейпциг: Ф. Вагнер. 674 с.
20. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1.
21. Пасхальное воспоминание // Оренбургские епархиальные ведомости. 1910. № 15–16. С. 262–263.
22. Пасхальный звон // Оренбургские епархиальные ведомости. 1913. № 13–14. С. 353–354.
23. Священник С. Васильев. Святая ночь // Оренбургские епархиальные ведомости. 1910. № 15–16. С. 259–262.

Л. Н. Пивоварова

Традиционные формы досуга крестьян Центрально-Черноземных губерний в дни церковных престольных праздников

В статье рассматриваются традиционные формы досуга крестьян в дни церковных престольных праздников в зависимости от времени года. Особое внимание обращено автором на то, что престольный праздник способствовал сохранению и укреплению семейных, род-

ственных, соседских связей и предоставлял крестьянам возможность общения со множеством различных людей, а также позволял людям сделать передышку в череде тяжелых крестьянских работ, отвлекая их от семейных проблем.

The scientific article examines the traditional forms of leisure for peasants during church holidays, depending on the time of the year. The author pays special attention to the fact that the patronal holiday contributed to the preservation and strengthening of family, kinship, and neighborhood ties and provided peasants with the opportunity to communicate with many different people, as well as allowed people to take a break in a series of hard peasant work, distracting them from family problems.

Ключевые слова: престольные праздники, крестьяне, досуг, семейно-родственные угощения, ярмарка, церковь.

Key words: patronal holidays, peasants, leisure, family-related treats, fair, church.

Наряду с великими христианскими и древними праздниками до наших дней сохранился обычай с широким размахом праздновать престольные праздники («храмовые праздники») – праздник села в память Святого или события, во имя которого назван храм, а также Святых или событий, которым посвящены церковные приделы. Храмовый праздник отмечали именно в день того святого, в честь кого был основан престол. В одном храме могло быть несколько престолов, тогда и храмовых торжеств также было несколько. В праздновании обычно активно участвовали прихожане храма, а также гости, которые приезжали на торжество из других сел и деревень.

В каждом уезде, селе Курской губернии существовал свой престольный праздник, а то и несколько в году. В народе их называли просто: Никола зимний, Никола весенний, Михайлов день и др. Так, в Старооскольском уезде Курской губернии жители с. Долгая Поляна и с. Федосеевка отмечали День великомученика и целителя Пантелеймона; в с. Сорокино – Ивана Купалы; в с. Ездоцкое – Ильин день; в с. Городище – святые бессеребреники Косма и Дамиан; с. Верхнее Чуфичево, с. Котеневка – Казанская Божия Матерь; в с. Незнамово, Воротниково – весенний и зимний Никола, Скорбящая Божия Мать (икона «Всех скорбящих радость») и т.д.

С престольными праздниками была связана традиционная форма досуга – семейно-родственные угощения. Приехать в гости к родственникам – значит оказать честь хозяевам, не приехать – означает нежелание поддерживать дружбу [1, с. 175, 176]. Ездили в гости к родственникам ближним и дальним (до седьмого колена) даже в самые далекие села. Уклонение от поездок в гости рассматривалось как нанесение обиды всему роду. Никто из гостей особого приглашения на престольный праздник не получал, но каждый должен был сам знать об этом [2].

Готовиться к престольным праздникам во всех домах начинали за несколько дней. «Важное значение придавалось предпраздничному украшению дома и двора, поскольку чистота, как и красота, являлись признаком в основном не физическим, а моральным» [3, с. 179]. В избе женщины скребли и мыли полы, вы-

метали сор, в котором по поверью мог спрятаться чертенок. Пол устилали домотканными половиками, меняли скатерти на столах, занавески на окнах на свежие и более нарядные, украшали иконы расшитыми полотенцами и, конечно, украшали храмы.

Время досуга в престольные праздники было наполнено радостью, весельем, смехом и совместными развлечениями, одетых в «добрую» одежду мужчин и женщин. Крестьяне относились к празднику как к главному событию в круговерти человеческой жизни: «Жизнь без праздника, что еда без хлеба» [4, с. 184]. «Надо праздник попраздновать, потом Господь даст сил и здоровья, все сделать успеем»; «Мы целый год трудимся для праздника», – говорили в народе [2].

В каждой семье к годовому празднику резали свиней, баранов, домашнюю птицу. Женщины пекли хлеба, блины, пироги, толкли конопляное семя, варили и жарили другие традиционные блюда, т.е. готовился праздничный стол. «Некоторые кушанья считаются непременною принадлежностью известных народных праздников и обрядов, а именно: на Маргосье (в неделю Мироносиц) – жареная курица и яичница: в день Св. Великомученика Никиты (15 сентября) – жареный гусь; в день Св. Косьмы и Дамиана (1 ноября) – жареная или вареная курица и т.д.» [5, с. 18].

Трапеза, начинавшаяся после обедни, заканчивалась поздно вечером и возобновлялась на другой день. В больших приходах престольные праздники отмечались в течение нескольких дней, а иногда и неделю. Такое продолжение считалось необходимым условием каждого престольного праздника. По обычаю праздничный обед должен был быть обильным, а разнообразие блюд значительно превосходило обычные деревенские обеды. Каждый хозяин, принимая гостей, старался следовать традиционному правилу: «Про гостя хороше, про себя поплоше»; «Встречай гостя не с лестью, а с честью» [6, с. 222].

На стол хозяева выставляли огромное количество еды, пива, водки, хмельных медов, квасов. На такие праздники крестьяне тратили последние копейки, оправдывая себя тем, что «целый год корпели, да потели, хоть день досыта попили, да поели». Обычай требовал, чтобы гости в праздник были «до сыта сыты» и «до пьяна пьяны». Так, в селе Роговатое Воронежской губернии хозяйка за праздничным столом обычно бойко говорила хозяину дома: «Ванькя, бей яйцо, лей вядро квасу – няхай люди завидуют, што мы слатка яадим!» [7, с. 190]. Самой большой похвалой для хозяина было утверждение, что гость едва добрался до постели и пришел в себя на следующий день. «Пить никого не заставляли, но просили так: Вы хоть не пейте, да рюмочку опрастайте» [8, с. 454].

Традиционные формы досуга в праздники зависели от времени года, престольные праздники были осенние, весенние, летние и зимние. Для старооскольских земледельцев Покров день – один из важных осенних праздников. В народной традиции он связан с окончанием сельскохозяйственных работ и началом зимы. «До Покрова – осень, за Покровом – зима идет», – говорили крестьяне. На Покров проходили последние хороводы на улице, если не выпадал снег. Недаром бытовала такая в народе пословица: «Покров кроет землю то листом, то снегом»; «Батюшка Покров, покрой мать землю-сыру и меня молоду» [6, с. 294].

Широко и разгульно праздновался в селе Роговатое Воронежской губернии престольный праздник, который приходился на Троицу. Жители села к «престолу» готовились заранее. За несколько дней до праздника священник с причтом ходили по селу, служили молебен в домах односельчан. В каждом доме им вручали ковригу хлеба и немного денег. Женщины перед праздником занимались уборкой и приготовлением пищи, а мужчины запасали корм для лошадей приезжих гостей и покупали водку.

«В день праздника, «чуть светает», мужики отправлялись в церковь. В этот день здесь собиралось столько народу, что «негде стоять», – приходили по 2–3 человека от каждого двора. После того, как заканчивалась служба, люди шли на базар. На Троицу в селе устраивалась ярмарка, где торговцы всех мастей, со всех волостей разворачивали свои торговые ряды со всевозможным товаром. На ярмарке мужики покупали лакомства для гостей и другой нужный товар. Засватанные парни – гостинцы невестам, чаще всего – калачи, пряники, орехи, конфеты. Женщины и молодежь просто бродили по базару, слушая крики зазывал, покупали подарки и сладости» [7, с. 203]. На ярмарке можно было встретить знакомых из соседних сел, поговорить о том о сём, просто покурить и побеседовать. С благовестом к обедне разговоры прекращались, каждый мужик должен был идти в церковь. К половине обедни часть народа начинала выходить из церкви, в основном женщины, которые спешили к приему гостей, приехавших издалека.

После завершения обедни наступало самое большое оживление торговли на ярмарке. Молодежь начинала заводить хороводы, все поздравляли друг друга с праздником, а затем спешили домой к праздничному столу. Гостей в доме всегда ждали с нетерпением, радовались их приезду, радушно и щедро угощали. За праздничным столом не только много ели и пили, но и обязательно пели.

Исследователи Курского края отмечают, что в деревнях любили петь. Не одно застолье и веселье не обходилось без русской народной песни – то веселой, то грустной, но обязательно широкой и проникновенной. Женские хоры собирались на каждый праздник. Мужчины также принимали участие в хорах, но пели в основном так называемые протяжные песни [9, с. 116]. Молодые девушки и парни чаще всего исполняли песни веселые – хороводные, плясовые, но и любили петь песни, наполненные глубоким жизненным смыслом. «В день Сошествия Святого Духа (праздник «Святой Троицы»), во всех деревнях девушки также собираются вместе и ходят в леса или сады завивать венки. Свивши венки, надевают их на головы. В иных местах девицы, повесив венок на дерево, целуют сквозь него одна другую. Здесь они поют песни, закусывают и, нагулявшись вдоволь, возвращаются в венках домой. В некоторых же селах в этом убранстве идут они к реке или широкому озеру и бросают венки в воду, и из того, куда поплывет венок или потонет, стараются узнать свою судьбу. В этот день в избах и на дворе ставят клечанье и постилают зеленую траву» [5, с. 104].

За песнями начинались хороводы, пляски и танцы, которые из хаты выплескивались на улицу. В Курской губернии народное веселье в праздники преимущественно проходило в играх и игрищах. «Молодежь, одевшись в

нарядное платье, собиралось на улице, составляла хоровод («по здешнему карагод»). «Девки и молодые бабы становятся в кружок, взявшись за руки, ходят кругом, поют хороводные песни, пристукивают ногами в такт песни, а молодые парни в среднем круге, закинув шапку набекрень, пляшут, выказывая друг перед другом свое искусство. Сюда собираются и сельские музыканты. После пения в хороводах начинается пляска под музыку. Употребительны здесь музыкальные орудия: дудка, рожок, балалайка, скрипка, гармония, гудок и «кувички» (кувички-пять тростниковых дудочек, одна другой короче и выше тоном, с одним отверстием в верхнем конце)» [5, с. 101, 102]. На широком просторе главной деревенской улицы или за околицей сходились «род с родом», «улица с улицей», участвовали в шумном веселье не только молодежь, но и старшее поколение. Особенно было шумно, когда в ход шли чугунки, крышки, косы и прочие звенящие и гремящие предметы.

Понятие праздника в крестьянской среде было неразрывно связано с понятием нерабочего дня. Крестьяне считали, что любой праздник требует к себе уважения. Но, особенно, в праздники Благовещенья, Казанской Богоматери и Ильин День, которые крестьяне считали «грозными праздниками», работать категорически запрещалось [10, с. 16, 17]. В это время занимались только необходимыми хозяйственными делами, например уходом за скотом, приготовлением праздничной еды, сбором ягод и грибов, рыбной ловлей, которые считались не работой, а забавой. «В дни: Ильи Пророка (20 июля), мучеников Кирика и Улиты (15 июля) и великомученика Пантелеймона (27 июля), крестьяне не производят в поле никаких работ, считая их строгими праздниками. Илья Пророк почитается блюстителем за уборкою хлеба; он, по мнению черни, 20 июля считает копны по полям. Крестьяне также верят, что Илья Пророк разъезжает на колеснице по небу, от чего происходит гром» [5, с. 104]. «День свят, все дела спят», – так любили говорить крестьяне. Всякий, кто работал в праздники, не соблюдая запрета на труд, подвергался общественному осуждению [9, с. 115, 117]. В воспоминаниях жителей с. Роговатое есть описание праздничных дней в селе первой четверти XX столетия: «В нашей семье соблюдали праздники, не работали, соблюдали посты» [11, с. 185, 187].

В Курской губернии, как и в других регионах России, среди русского сельского населения наиболее яркими для молодежи были и праздничные посиделки в престольный праздник, особенно в период мясоеда – «во все велико межговинье». «На это время больше всего приходилось «гостьбищ», т. е. угощений девушек у родственников или подруг в соседних деревнях на протяжении одной-двух недель» [9, с. 113].

Чрезмерное употребление алкоголя во время престольных праздников, грубость деревенских нравов являлись причиной многочисленных драк, которые возникали в деревне по поводу и без. По сообщениям корреспондентов Этнографического бюро из Центрально-Черноземных губерний драки главным образом происходили не только на улице, но и в кабаках, во время престольных праздников**.** «Драки чаще всего происходили между пьяными возле кабаков. Зеваки с удовольствием собирались посмотреть на дерущихся, подбадривая их

криками. Драки всегда кончались миром, который скреплялся совместно выпитым магарычом» [9, с. 124].

«В зимние праздничные дни часто народ собирается на кулачные бои. Эти битвы иногда происходят между крестьянами двух соседственных деревень, составляющих две враждебные партии. Ни один престольный праздник не обходился без драк между своими и чужими парнями – из других деревень, пришедшими специально с этой целью» [5, с. 111, 112].

«Разыгрывать бой начинали подростки, а взрослые мужчины, стоя вокруг, в это время обменивались колкостями, подзадоривали дерущихся. Потом в бой вступали сами: сначала силачи – один на один, затем «стенка на стенку». Войдя в раж, дрались жестоко, иногда даже доходило до увечий. Нередко дерущихся разнимали и растаскивали с великим криком женщины. Мужчин и парней, которые лежали на земле, поднимали и увозили домой на телегах» [12, с. 63]. Спиртные напитки употребляли не только зрелые мужчины, но и молодые парни. Отправляясь на гулянье и желая затеять стычку с парнями из других деревень, они в складчину покупали выпивку и распивали бутылочку для веселья и храбрости. Женатые крестьяне не осуждали парней за употребление некоторого количества спиртного по праздникам, не видели в таком их «молодечестве» особого вреда. Взрослые не только признавали это право за парнями, но и сами угощали в престольные праздники всю «парнишескую артель», зашедшую поздравить хозяев. В некоторых селениях за поздравление парни получали ведро пива и, стоя в ряд у порога избы, по очереди черпали его ковшиком и пили, произнося здравницы. Часто перед взрослым застольем парней усаживали за стол и потчевали каждого «рюмочкой» [13, с. 615, 616]. Драки воспринимались как обязательный элемент праздничного гуляния. Участие в драке знаменовало возрастную состоятельность парня, было для него одним из способов продемонстрировать свою силу, удаль, молодцеватость, имело важное значение в формировании мужского поведения.

Деревенский обычай предписывал крестьянам принимать в своем доме в праздники не только гостей, но и постучавшего в дверь усталого путника: обогреть его, накормить и утешить, если была такая необходимость. Принять странника считалось долгом христианина. Нищих и убогих встречали в доме с той же благожелательностью, что и остальных путников.

Праздники позволяли людям сделать передышку в череде тяжелых крестьянских работ, отвлекали их от семейных проблем. Престольный праздник способствовал сохранению и укреплению семейно-родственных, соседских и земляческих связей, предоставляя возможность общения со множеством самых различных людей «со стороны». Праздничная гульба с весельем, плясками, песнями, кулачными боями, борьбой позволяла людям продемонстрировать свои творческие способности, таланты, утвердить свой статус в обществе, заслужить уважение односельчан, передать свое умение более молодым. Такой вид совместного досуга снимал социальную напряженность в обществе. В сельской местности престольные праздники очень любили и продолжали праздновать их и после революции 1917 г.

Список литературы

1. Беликова Т. П. Емельянова М. И. Живые родники Староосколья: Народная традиционная культура: учебное пособие. Старый Оскол: «ТНТ», 2003 г. 336 с.
2. Архив СТИ НИТУ «МИСИС» (Архив кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А. А. Угарова (филиала) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»). Папка III. (Из беседы с уроженками с. Федосеевка Старооскольского района Белгородской области).
3. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
4. Шангина И. И., Некрылова А. Ф. Русские праздники. СПб.: Азбука, 2015. 464 с.
5. Машкин А. С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник ИРГО. 1862. Вып. 5. 119 с.
6. Мартынова А. Н., Митрофанова В. В. Пословицы. Поговорки. Загадки. М.: Современник, 1986. 512 с.
7. Юдин В. В. Роговатое. Вехи истории: исторические очерки. Старый Оскол: изд-во ООО «Оскольская типография», 2013. 544 с.
8. Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. СПб.: Искусство – СПБ, 2002. 672 с.
9. Мухина З. З., Пивоварова Л. Н. Курские крестьяне в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX века). Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2016. 280 с.
10. Климова Я. М. Праздники и обряды Белгородчины: сборник фольклорных материалов по традиционным праздникам и обрядам, народным играм Белгородской области // Праздники святого Белогорья. Вып. 2. Белгород: издание БГЦНТ, 2007. 111 с.
11. Юдин В. В. Роговатое. История в лицах. М.: Изд-во РОСА, 2024. 252 с.
12. Емельянова М. И. На Убле-реке, на Отводной поляне. Историко-этнографический очерк села Незнамово Старооскольского района Белгородской области. Старый Оскол: ООО ИПК Кириллица», 2023. 288 с.
13. Шангина И. И. и др. Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2001. 700 с.

Е. В. Годовова

Досуг в повседневной жизни казачьих станиц (вторая половина XIX – начало XX в.)

Исследование повседневной жизни казачества невозможно без изучения досуговой деятельности этой социальной группы. Опираясь на методологические возможности «новой истории досуга», можно не только узнать о том, как казаки проводили свободное от службы, хозяйственных работ и общественных дел время, но и определить свойственные им формы культурно-досуговой деятельности. Источниковой базой статьи послужили архивные и этнографические материалы, данные периодической печати, свидетельства мемуаристов.

The study of the daily life of the Cossacks is impossible without studying the leisure side of the life of this social group. Based on the methodological possibilities of the “new history of leisure”, it is possible not only to learn how the Cossacks spent their free time from service, chores and public affairs, but also to determine the forms of cultural and leisure activities peculiar to them. The source base of this article was archival and ethnographic materials, data from the periodical press, evidence of memoirists.

Ключевые слова: российское казачество, казачество, повседневная жизнь, досуг, станица.

Key words: Russian Cossacks, Cossacks, everyday life, leisure, Cossack village.

Исследование повседневной жизни казачества невозможно без изучения досуговой стороны жизнедеятельности этой социальной группы. Опираясь на методологические возможности «новой истории досуга», можно не только узнать о том, как казаки проводили свободное от службы, хозяйственных работ и общественных дел время, но и определить свойственные им формы культурно-досуговой деятельности. Источниковой базой настоящей статьи послужили архивные и этнографические материалы, данные периодической печати, свидетельства мемуаристов.

Проводы казаков на службу и встреча отслуживших давали повод гулять во всю казачью ширь, иногда это продолжалось боллше недели [1, с. 317].

В праздники мужчины, выслушав литургию и пообедав, собирались в станичное правление, если обсуждались общественные дела, или бесцельно слонялись по улицам, у домов, заполняли собой торговые лавки и питейные дома [2, с. 703–704]. Здесь нужно отметить свойственный казакам коллективизм. Казаки редко веселились или пили в одиночку. Обычно они собирались компанией и весело проводили время [3, с. 38]. Например, уральские казаки бражничали дома [4]. Во время застолья вспоминали былые времена, тяжелую, но славную свою службу, пели песни. Один, захмелев, спит, положив голову на стол. Другой идет домой, выписывая ногами вензеля и распевая: «Ходи хата, ходи печь – хозяину негде лечь» [5, с. 159].

В Рождество мужчины, женщины, юноши, девушки и дети ходили колядовать – пели песни духовного содержания (например, «Рождество твое») и, желая хозяину с семейством всего наилучшего, получали угощения [6, с. 568]. На Новый год ходили по зажиточным казакам или родственникам и «посыпали» их. Зайдя в избу, кидали немного пшеницы в передний угол и приговаривали: донские казаки – «Зароди, Боже, жито, пшеницу и всякую пашницу», а в конце добавляли «торох-поторох, дай, бабушка, пирог, а ты, дедушка, курочку»; кубанские казаки – «Трах-тарарах! Зароди, Боже, горох! Жито и пшеницу»; оренбургские казаки – «Сею-вею, подсеваю, с Новым годом поздравляю, с пашеничком, с овсецом, со скотинкой, с животом. Ты, хозяин, мужичок, полезай-ка в сундучок, доставай-ка пятачок! А не дашь пирога, то – корову за рога!» [6, с. 568; 1, с. 319; 7, с. 52–53]. Присказка по смыслу была одинакова независимо от войсковой принадлежности.

На Пасху нарядные казаки гуляли по улицам. По свидетельству С. Ф. Номикосова, у донцев это называлось делать проходку [1, с. 317]. Около поселкового правления стояла большая толпа, о чем-то споривша довольно громко, очевидно, был поселковый сход [8, с. 3]. Разряженные казаки и казачки сидели на завалинках своих изб, у ворот, грызли семечки подсолнечника, арбуза или тыквы и разговаривали [2, с. 704; 4]. Впрочем, такое времяпрепровождение было свойственно для казаков, особенно для казачек, не только в праздничные дни, но и в свободное от дел время.

На Пасху устраивали качели, около которых в течение всего праздника собравшиеся станичники играли, танцевали, пели песни и водили хороводы. Качели изготавливались из жердей на двух козлах. Одна девушка садилась на качели, ее подруга обвязывала ей большим платком ноги, чтобы подол юбки или сарафана не раздувался во время качания. Два молодых парня раскачивали казачку. Она кричала, визжала, просила, чтобы ее остановили, но молодые люди старались подбросить ее как можно выше. После того как качели останавливались, ее, раскрасневшуюся, сменяла следующая девушка [4].

Народные гулянья сопровождались песнями и танцами, которые в пореформенный период под воздействием городской культуры претерпели изменения. Фольклорные традиции сохраняли только старые казаки и казачки. Особый характер носили свадебные песни, в которых рассказывалось о прежней жизни невесты и ее безукоризненном поведении [6, с. 580], а также песни святочные и колядовальные. Пели казаки песни о военных событиях, о храбрости и неустрашимости казаков. Часть песен исполняли только девушки, в них воспевалась любовь к милому, которого называли всевозможными нежными именами, сравнивали с голубем и соколом. Пели казаки и песни безнравственного содержания, часто сочинённые для высмеивания женщины и мужчины, живущих развратно. Появление иногородних в казачьей среде, возвращение в станицу казаков и казачек, получивших городское образование, способствовало распространению в казачьей среде новых песенных жанров, например романсов [9, с. 189]. Молодое поколение обоих полов пело, большей частью искажая, романсы и положенные на музыку стихи Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Кольцова. В Николаевской станице, например, казаки научились этому от четырех проживающих здесь семинаристов [6, с. 580].

В начале XX в. появились в станицах и модные танцы. Выйдет молодой казак вечером на улицу и начинает играть на гармони французскую кадриль из русских песен. Тут же собирается молодежь и начинает отплясывать кадриль, а затем вальс и польку. Старики укоризненно покачивают головами [1, с. 318], не признавая этих танцев. По свидетельству Г. А. Солодухина, его мать смотрела на них с большим презрением и говорила: «Ну что это за танец? Это каждая репанка-дыня станцует. То ли дело вдарить казачка с удалым казаком или краковяк. Вот это, я понимаю, пляски!» [10, с. 155].

Среди развлечений на Пасху и Масленицу следует отметить и игры военной направленности. Например, имитацию сражений, в которых одна сторона изображала казаков, а другая – врагов: турок, киргиз-кайсаков, чеченцев и других воинственных соседей.

Для досуговой повседневности казачьих территорий были характерны и войсковые праздники. Например, станичное мероприятие – освящение дарованного Высочайшей властью знамени, состоявшееся в октябре 1869 г. и описанное атаманом Темрюкского отдела С. А. Венеровским [11, с. 97], эскадронный праздник в день Св. Евтихия лейб-гвардии, состоявшийся по инициативе Уральского казачьего эскадрона 6 апреля 1886 г. [12] и другие подобные мероприятия, которые служили для укрепления дисциплины, морального и воинского духа казаков.

С наступлением осенних вечеров хороводы и игры сменялись посиденками (посиделками), или вечерками. Молодые люди собирались где-либо в укромных местах, подальше от глаз стариков, пели песни, плясали, устраивали разные игры. По свидетельству современников, на вечерках собиралось много народу, поэтому девушки обычно сидели на коленях у молодых людей, и это не являлось безнравственным [9, с. 189; 4]. Влюбленная пара редко увлекалась и переходила границы выработанных обычаем отношений: девушка, потерявшая свою девственность, а также ее любовник не всегда оставались без наказания, которое часто исходило от всего общества и состояло в обязательстве прикрыть свой грех браком [2, с. 704].

Случались на вечерках и конфликты, заканчивающиеся драками. Причиной обычно была ревность. Когда же вечерка проходила без драк, то заканчивалась она далеко за полночь, и, расходясь по домам, каждый парень провожал возлюбленную под полой своей верхней одежды [9, с. 189].

Устраивали девушки посиделки и в длинные осенние вечера. Для этого они собирались дома у одной из казачек и до прихода к ним парней занимались принесенной с собой работой, но, как только приходили молодые казаки, работа сменялась любезничанием, хоровым пением, загадыванием загадок и рассказыванием сказок [9, с. 195].

В праздники или именины взрослые девицы днем устраивали «собрания», на которые приглашали всех своих хорошо знакомых подруг-приятельниц. Молодые казаки приходили без приглашения, так было принято. Устроительница собрания всех присутствующих угощала чаем с пирожными, конфетами и орехами. Гости пели песни и танцевали [13, с. 172].

Местное станичное аристократическое общество, которое составляли духовенство, торговые люди, офицеры, богатые земледельцы, учителя, в своих кругах устраивало заправские вечера на манер городских, с танцами, играми, фантами и неизбежной карточной игрой [1, с. 318].

Конечно, жизнь казаков в городах отличалась от станичного времяпрепровождения. В данном контексте интересно описание городской жизни Уральска – столицы уральских казаков, представленное Ю. Костенко на страницах «Уральских войсковых ведомостей». После майских дождей зеленели окрестные рощи и сады. В будние дни все понемногу трудились, кипучей деятельности в городе не наблюдалось. В воскресенье и по праздникам жизнь становилась более разнообразной: люди отправлялись в рощи с самоварами и закуской. Центром городской летней жизни был бульвар. К вечеру там собирались люди. Они рассаживались по скамейкам на платформе перед вокзалом, слушали музыку, а когда зажигали фонари, начинали танцевать [14].

К развлечениям казаков следует отнести и театр. На улицах и площадях под открытым небом организовывался показ народной драмы, фарса, кукольных представлений. В Уральском казачьем войске действовал войсковой театр. В 1862 г. была поставлена оперетка «Кетти и Бетти». Музыка этой оперетки принадлежала наказному атаману А. Д. Столыпину и представляла собой отры-

вок из большой оперы, музыку к которой он написал с композитором Даргомыжским [15]. На сцене уральского войскового театра были поставлены «Женитьба Бальзаминова», сочинения Островского и водевиль «Булочная» [16]. При атамане А. Д. Столыпине в Уральске появился музыкальный оркестр, и была открыта музыкальная школа [17].

В начале XX в. интерес к театру наблюдается и в казачьих станицах. Так, в станице Наурской Терской области образовался кружок любителей драматического искусства. Этого события и первого спектакля, по свидетельству очевидца, ждали все станичники. Он же отмечает, что во время спектаклей на улицах было меньше пьяных, так как деньги, которые они раньше тратили на выпивку, теперь шли на покупку билетов, сборы с которых передавались в пользу станичного училища. Говорит этнограф и о воспитательном эффекте спектаклей. Казаки, видя на сцене изображение плохих и хороших сторон казачьей жизни, своих слабостей, удач и неудач, начинали пересматривать собственное отношение к жизни [18, с. 217].

К середине XIX в. в повседневную жизнь казаков вошли библиотеки. Так, в 1858 г. в городе Уральске была открыта публичная библиотека, которая обеспечивала книгами казаков, проживающих не только в городе, но и во всем войске. В Оренбургском казачьем войске с 1882 г. по инициативе наказного атамана генерал-лейтенанта М. И. Астафьева библиотеки стали создаваться при станичных школах, позже библиотеки-читальни разместились и в станичных правлениях [19, с. 149]. Архивные документы свидетельствуют, какие книги из библиотек читали оренбургские казаки: сочинения Толстого, Гоголя, Островского, Добролюбова, Белинского, Гончарова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Чужебинского, Жуковского, Гете, Шекспира, Чарльза Диккенса, Виктора Гюго, Дюма, Чарльза Рида, Шевалье, Эмара, Кавьена, Бланке и др. [20, л. 40–46]. Кроме художественной литературы, в библиотеках можно было познакомиться с содержанием ежедневной газеты «Оренбургские губернские ведомости», сообщающей о жизни как губернии, так и страны в целом, а также можно было прочесть регулярно публикуемые приказы по Оренбургскому казачьему войску.

В станичных библиотеках Астраханского казачьего войска проводились народные чтения. Руководителями чтений и лекторами были обычно местные священники, учителя и учительницы станичных училищ. Чтения начинались и заканчивались молитвами и пением народного гимна [21, л. 459 об., 463].

В Кубанском казачьем войске основой формирования инфраструктуры библиотечного дела стали полковые библиотеки [22, с. 59]. Комплектование фондов находилось под жесточайшей военной и гражданской цензурой. Регулярно «вводились дополнительные цензурные меры для контроля за чтением нижних чинов» [23, л. 5]. В 1865 г. по инициативе войскового руководства с целью нравственно-духовного образования всего населения Кубани были учреждены первые общественные библиотеки [24]. Войсковые библиотеки были практически недоступны для широких народных масс. Кроме того, пользование

библиотеками было платным: войсковые читатели платили три рубля в год, а «невойсковые», кроме того, вносили залог в десять рублей за каждую взятую книгу [25, с. 567].

Итак, значительное место в повседневной станичной досуговой жизни занимали праздники. Причем для казачьих станиц были характерны не только общерусские, но и специфические праздники, подчеркивающие принадлежность казаков к военному сословию. В казачьих городах и крупных станицах досуговая жизнь развивалась более стремительно. Здесь в пореформенный период получили свое развитие такие культурно-досуговые формы, как театры, библиотеки, прогулки и танцы на бульварах.

Список литературы

1. Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. 774 с.
2. Липинский А. В. Троицкая станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1888. Т. 1. С. 690–732.
3. Малявкин Г. Станица Червленая Кизлярского уезда Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 117–136.
4. Савичев Н. Увеселения в Уральском войске (этнографический очерк) // Уральские войсковые ведомости. 1868. № 32.
1. Баженов А. Д. На льготе // Сибирский казак. Выпуск первый. Переиздание войскового юбилейного сборника Сибирского казачьего войска, изданного в Харбине в 1934 г. Бийск: Издательский Дом «Бия»; Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2009. С. 157–164.
5. Арканников Ф. Ф. Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. 1888. Т. 1. С. 548–617.
6. Серов А. Г. Воспоминания старожилов станицы Магнитной (старые и новые записи). Магнитогорск: ПР-Капитал, 2013. 273 с.
7. Кривощеков А. И. В плену у японцев. Рассказ из русско-японской войны. Троицк: Типография Берх, 1913. 31 с.
8. Логиновский К. Д. О быте казаков Восточного Забайкалья // Живая старина. 1902. Вып. 2. С. 182–200.
9. Солодухин Г. А. Жизнь и судьба одного казака // Джигитовка казаков по Белу Свету / составление, научная редакция, предисловие, приложения и комментарии, подбор иллюстраций П. Н. Стрелянова (Калабухова). М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 143–309.
10. Мемуары и воспоминания Генерала-от-Кавалерии Стефана Александровича Веневровского. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова. Екатерининский канал, 1908. 178 с.
11. Уральские войсковые ведомости. 4 мая 1886. № 17.
12. Жуков И. Н. Станица Ачаирская. Казачья жизнь (1880–1919 гг.) // Сибирский казак. Выпуск первый. Переиздание войскового юбилейного сборника Сибирского казачьего войска, изданного в Харбине в 1934 г. Бийск: Издательский Дом «Бия»; Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2009. С. 170–176.
13. Уральские войсковые ведомости. 27 июня 1871. № 26.
14. Уральские войсковые ведомости. 18 июня 1867. № 25.
15. Уральские войсковые ведомости. 24 сентября 1867. № 39.
16. Уральские войсковые ведомости. 22 марта 1870. № 12.
17. Востриков П. А. Станица Наурская Терской области // СМОМПК. 1904. Вып. 33. Отдел 2. С. 102–309.

18. Годовова Е. В. Педагогический состав школ Оренбургского казачьего войска в XIX – начале XX вв. // Проблемы истории Оренбургского края VIII–XX веков. К 260-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области: сборник статей / отв. ред. Ю. П. Злобин. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. С. 139–149.
19. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 167. Оп. 1. Д. 13.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 19.
21. Слуцкий А. И. К истории организации полковых библиотек в Кубанском казачьем войске // История библиотек дореволюционной России. Становление и развитие. Тез. сообщений. СПб.: Изд. РНБ, 1994. С. 55–59.
22. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2417.
23. Кубанские областные ведомости. 1865. 27 марта.
24. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: Совет. Кубань, 1996. 654 с.

Н. А. Кириков

Досуг чиновников Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

В статье предпринята попытка реконструирования досуга чиновников, служивших на территории азиатских окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автор рассматривает особенности досуга чиновников на основе мемуаров А. А. Татищева и В. Ф. Романова. Использование источников мемуарного характера позволяет определить основные структуры досуговой деятельности. Выявленные особенности досуга чиновников позволяют выделить специфические черты непредметной стороны их жизни в указанный период.

The article attempts to reconstruct the leisure time of officials who served on the territory of the Asian outskirts of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries. The author examines the features of officials' leisure based on the memoirs of A. A. Tatishchev and V. F. Romanov. The use of memoir sources makes it possible to determine the main structures of leisure activities. The revealed features of officials' leisure allow us to identify specific features of the non-visible side of officials' lives during this period.

Ключевые слова: досуг, история повседневности, структуры повседневности, чиновники, азиатские окраины.

Key words: leisure, history of everyday life, structures of everyday life, officials, Asian suburbs.

Исследование проблем, связанных с досуговой деятельностью чиновников Российской империи, представляется актуальным и важным вопросом, так как подобные работы позволяют историку заглянуть в контекст эпохи. Данное направление исследований в настоящее время является относительно новым и связано с антропологическим поворотом, сместившим исследовательскую оптику на личность и её место в истории. Необходимо отметить, что изучение жизни и быта чиновников Российской империи получает активное развитие с 1990-х гг. Так, в свет вышли работы Л. Ф. Писарьковой [1], О. В. Моряковой

[2], Е. Н. Мухиной [3], в которых историки занимались анализом жизненного пространства чиновников в период XVIII–XIX вв. Вопросы повседневности затрагивались и в исследованиях, связанных с культурой и социальными процессами российского общества XIX в. Следует упомянуть работу М. К. Чуркина [4], в которой освещается вопрос экспедиционной повседневности чиновников Переселенческого управления. В своем исследовании автор использует мемуары А. А. Татищева.

Важным методологическим аспектом является понимание особенностей повседневности в различные периоды, что позволяет более точно конструировать образ прошлого и деятельность отдельных личностей в этом прошлом. Идеи о том, что историю повседневности необходимо рассматривать как конструкт предлагали П. Бергер и Т. Лукман. Подобное конструирование реализовывалось посредством символического осмысления и объективации социокультурной модели повседневности [5, с. 12–13].

Использование эго-текстов в нашем исследовании позволит подойти к вопросу досуговой деятельности чиновников второй половины XIX – начала XX в. с позиций антропологического поворота и позволит комплексно анализировать их предметную и непредметную сторону жизни [6].

Основной исследования являются мемуары А. А. Татищева и В. Ф. Романова. Оба чиновника имеют ряд схожих черт в биографии, это и образование, полученное в европейской России и дворянское происхождение, и служба, связанная с делом освоения окраин. А. А. Татищев начал свою карьеру в 1906 г. и прошёл путь от помощника делопроизводителя до помощника начальника Переселенческого управления. В. Ф. Романов, начав свою служебную деятельность в 1898 г. в Земском отделе МВД, за два десятилетия несколько раз менял место службы, был связан с ведомством водных и шоссейных дорог и ведомством землеустройства.

Досуг чиновников можно разделить на две крупные категории: повседневная досуговая деятельность, заполнявшая свободное время чиновников, и их путешествия.

Начать рассмотрение досуговой деятельности чиновников необходимо с выделения ее ключевых компонентов. Основными составляющими жизни чиновников вне профессиональной деятельности становились: приемы разного уровня, собрания и клубы, посещение учреждений культуры.

В выбранных мемуарах воспоминания о службе и профессиональной деятельность тесно переплетены с рассказами о досуге. И у А. А. Татищева, и у В. Ф. Романова свободное от службы время часто заполнялось посещением знатных домов: «Рубан старался меня вовлекать в семейные дома» [7, с. 121]. Подобные вечера зачастую сопровождались балами. «В ту зиму (1907/8) я с еще большим чем в предыдущий год увлечением предался выездам. Должен, впрочем, сказать, что танцевал я плохо, так как из-за отсутствия слуха никогда не попадал в такт и частенько наступал дамам на ноги» [8, с. 52]. Также вечера могли сопровождаться разного рода играми, к примеру, Романов описывал игру на одном из таких вечеров у семейства Мейндорфов: «У них был свой особен-

ный жанр, так как основным занятием вечера была игра в «платок» (стоящий посредине ловит перебрасываемую окружающими завязанную салфетку) ведшаяся чрезвычайно бурным темпом» [7, с. 52]. Играли и в карты, Романов отмечал, что, даже не участвуя в самой игре, он получал удовольствия от наблюдения за собравшейся компанией игроков: «… иногда до поздней ночи просиживал за карточным столом, по обыкновению, никогда не участвуя в игре, но получая большое удовольствие и отдых от наблюдения милой старосветской кампании игроков…» [7, с. 83]. Важной составляющей вечеров становились беседы на различные темы: «Мы слушали бесконечные рассказы П. О. Ковалевского то о пребывании его в Риме, то на философско-семейные темы, всегда подкрепляемые выдержками из Толстовских произведений, часто бывали и различные, как всегда, беспорядочные политические споры, особенно с приезжавшими из провинции товарищами» [7, с. 121].

Служба на окраинах империи приводила к ситуациям, когда званные обеды и посещение знатных домов происходили в тесной взаимосвязи с профессиональной деятельностью. Так, Татищев описывал парадные завтраки у генерал-губернатора во время службы в Ташкенте «Должен сказать эти парадные завтраки в доме генерал-губернатора я откровенно любил. Не с гастрономической, конечно, точки зрения, к которой я относился всю мою жизнь равнодушно, а как известный обряд государственной службы» [8, с. 186].

Подобный досуг и в столице, и на окраинах решал задачу отдыха и заполнения свободного времени, а также мероприятия становились площадкой для профессиональной коммуникации, обретения связей, а иногда и решения вопросов, связанных с личной жизнью «Занятый днём службой, я сравнительно мало бывал на приемных днях, которые в то время кончались обычно к шести часам, –- балы и вечера были поэтому единственным местом, где я мог встречаться с выезжавшими девицами» [8, с. 52].

Одной из составляющих досуговой деятельности были и заведения культуры: театры, музеи и т.д. В своих воспоминаниях чиновники оставили упоминания о посещении столичного оперного театра [7, с. 121], Мариинского театра [7, с. 61], музеев. Так, во время своего путешествия по Италии Татищев посещает музеи Венеции и исторические достопримечательности Неаполя и Рима [8, с. 78–80]. Следует отметить, что посещение театров и музеев чаще всего было связано либо с периодами пребывания в Петербурге, либо с заграничными путешествиями, так как в условиях службы на окраинах империи досуг подобного рода обычно ограничивался в силу слабого развития там данной сферы.

Важной составляющей жизни чиновников в рассматриваемый период были путешествия. В данном случае мы говорим именно о путешествиях с туристическими целями без служебной необходимости. Следует отметить, что оба автора являлись представителями дворянского сословия и имели неплохое жалование на службе. Сами путешествия часто становились семейными, таковой являлась поездка Татищева с матерью в Константинополь и Афины [8, с. 45–47]. Осенью 1909 г. Татищев совершил месячную поездку в Италию, где посещал Венецию, Флоренцию, Неаполь, Рим [8, с. 78–80]. Все воспоминания о

путешествиях сопровождались рассказом о посещении культурных и исторических памятников, а также музеев. Интересным моментом является восприятие польских земель в структуре империи. Татищев, описывая поездку, отмечал инаковость региона: «Даже в разговорах между собой местные чиновники говорили: «У нас в царстве», «он поехал в Россию» [8, с. 81]. Да и свою поездку Татищев описывал скорее как путешествие в Европу, что проявлялось и в оценках пространства этой западной окраины, и в описании населения, где из русских только чиновники и военные [8, с. 81]. Завершая западное направление путешествий Татищева, следует упомянуть его поездки в Париж и Лондон, однако они с точки зрения наполнения были схожи с предыдущими и сопровождались походами в музеи и театры, а также встречами с родственниками [8, с. 188–189].

Следует выделить поездки Татищева в Китай и Японию. С одной стороны, они были связаны с фактором географической близости – во время нахождения автора на Дальнем Востоке, а с другой, – интересовали его с точки зрения государственного управления [8, с. 135] и рефлексии совсем недавних событий русско-японской войны [8, с. 144].

Завершая рассмотрение туристического досуга чиновников, следует отметить, что подобные варианты досуга были свойственны многим представителям русского дворянства и чиновничества и не являлись чем-то из ряда вон выходящим. Специфической чертой можно считать выезд в страны Востока, так как служба на окраинах империи с точки зрения географии упрощала посещение этих государств.

Подводя итоги анализа досуга чиновников российской империи во второй половине XIX – начале XX в., необходимо отметить, что досуг во многом подчинялся уже устоявшимся в культуре русского дворянства правилам и нормам. Так, званные завтраки, обеды и ужины, вечерние приемы и балы, существовавшие в столице, переносились на окраины империи. Периферийное положение некоторых мест службы сказывалось на доступности отдельных видов досуга. К примеру, на окраинах чиновники зачастую были ограничены в возможностях посещения театров, музеев, публичных лекций и пр. Однако и здесь иногда встречались, казалось бы, не совсем обычные виды развлечения, что иллюстрирует игра в теннис Татищевым в Ташкенте [8, с. 161]. Но несмотря на все перечисленные особенности и специфические черты, досуговая деятельность могла зависеть и от факторов, связанных с личностью самого чиновника: должностные обязанности, размер жалования, наличие связей и т. д.

Список литературы

1. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – начале XIX века // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.

2. Морякова О. В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 6. С. 14–29.

3. Мухина Е. Н. Человек толпы (портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 4. С. 34–52.

4. Чуркин М. К. Экспедиционная повседневность чиновников Переселенческого управления: практики адаптивного поведения и профессиональная идентичность (конец XIX – начало XX в.) // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 171–180. DOI 10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.171-180. EDN JLSNFP.

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 12–13.

6. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в.: в 3 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 621 с.

7. Романов В. Ф. Старорежимный чиновник: из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. / отв. ред. к. и. н. С. В. Куликов. СПб.: Нестор-История, 2019. 710 с.

8. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

В. В. Карпова

Досуг сельского учителя в России на рубеже XIX–XX вв.

В статье рассматриваются возможности организации досуга сельского учителя в России на рубеже XIX–XX вв. Отмечается недостаточное внимание, уделявшееся досуговой деятельности учителя, как общественностью, прессой, так и самими педагогами. Досуговые практики анализируются сквозь призму основных потребностей учителя, публично обсуждавшихся современниками. Отмечается, что ограниченные возможности интересного проведения досуга с целью отдыха, развлечения, самообразования нередко приводили к профессиональному выгоранию и деформациям, социальным девиациям, уходу из профессии.

The article examines the possibilities of organizing leisure activities of the village teacher in Russia at the turn of the XIX – XX centuries. Insufficient attention has been paid to the leisure activities of the teacher, both by the public, the press, and the teachers themselves. Leisure practices are analyzed through the prism of the basic needs of the teacher, which were publicly discussed by contemporaries. It is noted that limited opportunities for interesting leisure activities for the purpose of recreation, entertainment, self-education often led to professional burnout and deformations, social deviations, and retirement from the profession.

Ключевые слова: сельский учитель, народный учитель, досуг, свободное время, чтение, духовные потребности.

Key words: village teacher, people's teacher, leisure, free time, reading, spiritual needs.

Мнения ученых о том, что такое «досуг», расходятся: от отождествления понятий «досуг» и «свободное время», понимания досуга как части свободного времени, которым человек располагает по своему усмотрению, до соответствия целевых и содержательных характеристик досуга определенным качественным показателям: направленность на саморазвитие личности в свободное от работы время или праздность и развлечения, обеспечивающие «удовлетворенность жизнью, хорошее самочувствие, счастье и удовольствие» [1, с. 71–72].

Согласившись с тем, что досуг является частью свободного времени, обозначим также, что под свободным временем мы будем понимать часть нерабочего времени, остающуюся за вычетом времени, отводимого на подготовку к работе, затраты на удовлетворение физиологических потребностей (еда, сон и пр.), домашний труд и другие бытовые потребности, и выполняющую регенерационные (восстанавливающие) и генерационные (развивающие) функции. По мнению социологов, свободное время характеризуется не бездеятельностью, а активной свободной деятельностью, выбираемой по своему усмотрению; оно состоит из времени, расходуемого на необходимую общественную, творческую и иную деятельность (общественное-организованное), и собственно досуга (индивидуально-организованное время) [2, с. 10–11]. Таким образом, к досуговой мы отнесем деятельность, целью которой является активный отдых, развлечение, общение, познание, развитие способностей. Отметим, что на организацию досуга оказывают влияние социокультурная среда, интересы и потребности самой личности, материальные возможности для их реализации.

Народные учителя представляли собой довольно неоднородную в плане социального происхождения, уровня образования социальную группу, при этом обладающую схожими условиями жизни, потребностями, проблемами. По результатам Однодневной переписи начальных школ 1911 г., в них работали 153 360 учителей, из которых 126 501 (82,5 %) – в сельских школах различной ведомственной принадлежности. В целом число мужчин и женщин среди них было почти одинаковым (61 650 и 64 831 соответственно), однако в земских школах из 46 016 учителей женщины составляли 71,05 % (32 693 чел.). 59,4 % земских учительниц были в возрасте до 25 лет и лишь 10,1 % – старше 40 лет (среди мужчин – 45,85 % и 17,8 % соответственно).

Высшее образование имели 27 сельских учителей и 53 учительницы (в целом 0,06 %), а в земских школах – 4 и 34 соответственно (0,08 %). Среднее педагогическое образование получили 17 921 мужчин и 2 236 женщин (всего 15,9 % сельских учителей), среди земских учителей – 5 059 и 1 583 соответственно (всего 14,4 %). Подавляющее большинство сельских педагогов имели начальное или домашнее образование: 39 680 мужчин и 26 412 женщин (52,25 %), в земских школах эти цифры составляли 7 045 и 11 443 (40,2 %). Значительное число земских учительниц закончили гимназии (11 475, или 35,1 %) [3, с. 4]. Таким образом, как минимум половина сельских учителей либо были городскими жителями, либо какое-то время учились в городе, т.е. их становление происходило в условиях городской среды, предоставляющей иные культурные возможности, нежели деревня. Средняя деревенская учительница в начале XX в. – это, как правило, «мещанка из небогатых городских слоев, считающая необходимым воплощать свои идеалистические народнические взгляды и знающая о деревенской жизни лишь понаслышке» [4, с. 82].

На протяжении длительного времени усилиями земских деятелей и педагогов в общественном сознании формировался образ учителя-подвижника, пожертвовавшего собственным благополучием и благами цивилизации ради просвещения невежественной деревни, живущего только интересами школы и

ее учеников. Как отмечает А. П. Романов, «средний городской обыватель, временно ставший учителем, вынужден был считаться с пафосными установками создателей романтического образа, которые зачастую были его работодателями как в земстве, так и в духовном ведомстве, и не рисковал озвучивать свой частный интерес, в том числе и в воспоминаниях…» [4, с. 98]. Неслучайно мы очень редко встречаем описание досугового времяпрепровождения учителем, нечасто поднимался этот вопрос и на съездах, в периодической печати. Вместе с тем, анализируя неудовлетворенные потребности учителей, которые широко освещались, можно сделать некоторые выводы об их предпочтениях в вопросе о том, как провести свободное время и организовать свой досуг.

Помимо материальных, санитарных и бытовых проблем (низкая оплата труда, неудовлетворительные жилищные условия, холодные, недостаточно освещенные, душные школьные классы), невысокого социального статуса и недостаточной правовой защищенности, обсуждалась, как правило, возможность удовлетворения духовных потребностей народного учителя [5]. В числе духовных запросов преобладали удовлетворение потребности в чтении, включая литературные новинки, специальную методическую литературу и свежую периодику; возможность повышать образование на педагогических и общеобразовательных курсах, слушать лекции при высших учебных заведениях; посещение музеев, в т.ч. передвижных педагогических, выезд на образовательные экскурсии (они рассматривались также как отдых и развлечение). Эти пожелания, в частности, звучали на I Всероссийском съезде представителей Обществ вспомоществования учащих, проходившем в Москве с 28 декабря 1902 по 6 января 1903 г. [6, с. 91–97].

Учитывая, что в половина народных учителей не имели даже среднего образования, а уровень подготовки выпускников учительских семинарий вызывал бесконечные нарекания, потребность в повышении уровня образования учителей является объяснимой и оправданной с точки зрения профессионального роста. Однако как и представителям интеллигенции в широком понимании этого слова (лица, занимающиеся интеллектуальным трудом, обладающие определенными знаниями, которыми пользуется общество, вознаграждая интеллигента жалованьем или гонораром), учителям было присуще стремление к самообразованию и саморазвитию. Э. О. Вахтерова, основываясь на данных статистики, опросах и письмах учителей, отмечала «сознание ужаса «умственной голодовки», которую многие из учащих считают самым большим минусом из огромного числа минусов своей печальной, учительской доли» [7, с. 21].

Таким образом, одной из необходимых и предпочтительных составляющих досуговой деятельности учителя являлось чтение. Однако если у учителей городских школ имелась более широкая возможность пользоваться услугами библиотек, то у сельского учителя она была серьезно ограничена: отсутствием средств на покупку книг или оформление подписки на газеты и журналы; качеством комплектации школьной библиотеки и даже простым ее наличием; расстоянием между пунктом проживания и городом/селом, где функционировала библиотека; наконец, наличием в данном населенном пункте или ближайших

окрестностях лиц (земские служащие, помещики и т.п.), готовых предоставить что-либо для чтения. Профессор Миклашевский, изучивший 2 103 ответа учителей из 24 губерний Московскому комитету грамотности в 1897 г., отмечал отсутствие школьных библиотек в 1 350 случаях, при этом нередко имевшиеся библиотеки состояли из нескольких детских книг, старых учебников и методических руководств [7, с. 6]. В Тульской губернии в 1897 г. только 5 % школ выписывали периодические издания, самостоятельная выписка учителями книг или прессы колебалась от 1,4 до 10 % на уезд [7, с. 14]. Впрочем, такая безотрадная картина все же не была повсеместной [8]. В 1911 г. уже в 73,4 % школ страны существовали учительские, а в 13 % – народные библиотеки [3, с. II].

Э. О. Вахтерова подчеркивала, что книга для учителя одновременно является и отдыхом, и развлечением, и средством самообразования, и помощью в осуществлении его просветительной миссии в деревне, а нередко и единственным способом поддержания связи с культурным миром [7, с. 1]. Сами сельские учителя отмечали чтение как почти единственное доступное средство «разумной» организации досуга [9, с. 189].

Еще одним предпочтительным способом проведения досуга являлось общение. Однако как сами народные учителя и их современники, так и современные исследователи отмечали некоторую обособленность учителей, замкнутый образ жизни. Так, И. В. Зубков называет учителей сельских начальных школ «полуинтеллигентами», отмечая также их маргинальное положение: они не стали «своими» среди дворянства и буржуазии, но оставались чужими и для крестьян [10, с. 45–46]. Н. И. Чуркина объясняет негативное отношение к учителю в селах Западной Сибири как тем, что «он чужой там, «барич», наемник, т.к. оплачивается обществом, не имеет защиты от учебной администрации», так и высокомерием самих учителей, недовольных своим положением: «…привыкнув жить в городе Омске, эти учителя смотрят на свое назначение как на ссылку, так как в селах нет людей интеллигентных, с которыми можно было бы провести время приятно и с пользою» [11, с. 1409].

Но даже если крестьяне и готовы были принять учителя, такое общение не соответствовало его потребностям. «…как можем мы совершенствоваться, сидя одни, среди мужиков, окруженные одними своими учениками, которые, если и говорят с нами, то нашими же словами, да и думают иногда нашими же мыслями?» – восклицает учительница Смельская из Рузского уезда [12, с. 2]. Ей вторит учитель из Малороссии: «Проклятая глушь! Мертвеет душа в этой обстановке, – не с кем поспорить, нет толчков, разнородных чувств и впечатлений» [13, с. 75].

По мнению А. П. Романова, «организация школы в деревне предполагала экспансию городских представлений о времени, пространстве и воспитании необходимого для «большой культуры» человека» [4, с. 91]. Быт и представления крестьян о жизни казались вышедшему из городской среды учителю непонятными и неправильными, крестьян нужно было исправлять и учить, а не говорить с ними на равных. Конфликты с сельским населением возникали также из-за несовпадения представлений горожанина и крестьянина о религиозности и

степени свободы человека. Отсюда и стремление к общению с представителями педагогического сообщества на съездах и курсах, просьбы об организации учительских кружков, по возможности переписка с коллегами, одноклассниками.

Помимо бдительного контроля со стороны общественности, с кем общается и кого принимает у себя учитель, а тем более учительница, существовала еще одна весомая причина ограниченности знакомств: бывать у кого-то – значит и принимать у себя дома, а принимать часто было негде (тесные и неуютные комнаты при школе) и не на что (ограниченность бюджета).

По материальным причинам учителя были ограничены и в совершении экскурсионных поездок. Вятское общество взаимопомощи учителей выяснило, что за 7 лет (1896–1902 гг.) на экскурсии выезжали 83 учителя, совершив в общей сложности 126 поездок (41 по своей или соседним губерниям и 85 дальних). Средний расход на одного экскурсанта при этом составил при ближних экскурсиях 37 р., при дальних – 80 р. (при среднем окладе учителя 306 р. в год). Наиболее популярными направлениями стали Казань, Нижний Новгород, Киев, Чернигов и Соловки. При этом в качестве желаемых маршрутов чаще всего фигурировали Крым и Кавказ, а также Москва и Петербург. Главными препятствиями к путешествиям респонденты называли высокую стоимость проезда по железным дорогам и съема жилья, дорогой стол (однако именно на питании большинство экскурсантов и пытались сэкономить) [14]. На I Съезде представителей обществ взаимопомощи учителей было признано необходимым организовывать экскурсии для учителей с устройством дешевых квартир и стола и ходатайствовать об установлении льготного проезда для учителей-экскурсантов на железнодорожном транспорте и пароходах.

Отсутствие интересного досуга, по крайней мере, во время учебного года, часто объяснялось и загруженностью учителей, чрезмерным утомлением от школьных занятий, а также выполнением возложенных на них дополнительных обязанностей (организация школьного хора, заведывание школьным общежитием, уход за образцовым школьным огородом и пр.).

Отметим при этом, что нередко свое свободное время учитель посвящал общественно-значимой деятельности, например, организуя воскресные школы (курсы) для взрослых и народные чтения. Таким образом, в структуре свободного времени нередко преобладало общественно-организованное в ущерб индивидуально-организованному. В этом случае, однако, учитель, вдохновленный своей миссией, мог чувствовать себя востребованным, полезным для общества, и это самосознание как-то компенсировало отсутствие необходимого отдыха и досуга. Некоторую компенсацию могла дать и семья, однако, согласно данным Однодневной переписи, в 1911 г. только 45,14 % сельских учителей и 16,06 % учительниц состояли в браке [3, с. 4, 86].

Несмотря на то, что многие современники отмечали бедность досуговой культуры провинциальных городов по сравнению с возможностями столиц, городской интеллигенции, в т.ч. учителям открывались перспективы посещения библиотек, музеев, театров, литературно-музыкальных вечеров, участия в деятельности общественных организаций (научно-просветительских, любитель-

ских (музыкальных, литературных и пр.), благотворительных), занятий спортом, посещения праздничных гуляний и пр. [15].

Отсутствие возможности организации полноценного досуга, попытка замещения его общественно-полезной деятельностью, сходной по своему содержанию с основными трудовыми обязанностями, приводили к быстрому педагогическому выгоранию, разочарованию в себе, неверию в собственные силы, угнетенному состоянию, развитию профессиональных заболеваний и деформаций (придирчивость к детям, озлобление, рукоприкладство). В совокупности с общей неустроенностью жизни (безбрачие и духовное одиночество, безденежье, низкий уровень жизни) все это могло привести и к социальным девиациям, прежде всего, пьянству, в крайних случаях – к суициду [16]. «Нетрезвое поведение» было одной из наиболее частых причин увольнения учителей [9, с. 188]. Среди других примеров порицаемого обществом времяпрепровождения учителей назывались азартные игры, «ненормальное стремление к удовольствиям», «похождения» [17, с. 24, 26–27].

Одной из проблем народных учителей было несоответствие их потребностей в самообразовании, саморазвитии, культурном общении, удовлетворение которых было вполне возможным в условиях города, и социокультурной среды деревни, в которой они оказались по долгу службы. Неудовлетворённость теми возможностями организации досуга, которые давала деревня (походы в лес, рыбалка, ремесленные поделки и пр.), и ограниченные возможности удовлетворения духовных запросов и организации культурного досуга вкупе с материальными, бытовыми и правовыми проблемами вызывали либо разочарование, апатию, потерю интереса к работе, а часто и к жизни, либо бегство из профессии, часто сопряженное с возвращением в город, в привычную городскую среду. В меньшей степени эти проблемы касались тех учителей, которые являлись выходцами из крестьянской среды.

Список литературы

1. Тартыгашева Г. В. О досуге российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 3. С. 69–81.

2. Исаева И. Ю. Формирование готовности студентов педагогического вуза к управлению досуговой деятельностью подростков: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 161 с.

3. Однодневная перепись начальных школ в Российской империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. XVI, итоги по Империи / ред. В. И. Покровского. Пг.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1916. IV+150 с.

4. Романов А. П. Дон Кихот в русской глуши рубежа XIX–XX веков (Воспоминания сельских учителей) // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. 2002. № 2(14). С. 80–100.

5. Карпова В. В. «Учитель должен всегда учиться»: вопрос об удовлетворении духовных потребностей народного учителя на I Всероссийском съезде представителей Обществ вспомоществования учащих // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XV Всерос. науч. конф., 15 марта, 2024 г. / отв. ред. С. В. Степанов. Вып. 15. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 243–248.

6. Тулупов Н. В., Шестаков П. М. Первый Всероссийский Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания (материалы для выработки мер по улучшению учительского быта). М.: Отдел Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903. 432 с.

7. Вахтерова Э. О. Умственные запросы народного учителя и их удовлетворение: Доклад № 15 делегата Общества взаимопомощи учащих и учивших в народных училищах Лубенского уезда Полтавской губернии Э. О. Вахтеровой // Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/03 учеб. г. в Москве. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 24 с.

8. Карпова В. В. Чтение периодических изданий народными учителями в России на рубеже XIX–XX вв. // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы междунар. науч. конф., 18–19 апреля 2023 г.: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Л. М. Кобриной. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 53–56.

9. Зубков И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Новый хронограф, 2010. 528 с.

10. Зубков И. В. Общества взаимопомощи учителей в Российской Империи (1890–1910-е гг.) // Российская история. 2011. № 2. С. 45–58.

11. Чуркина Н. И. Педагогическое сообщество Западной Сибири: состав и формы влияния на социокультурное развитие региона // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1408–1412.

12. Долгоруков П. Д. Необходимость общения учителей между собой и способы его осуществления: Доклад № 7 Председателя Правления Общества попечения об улучшении быта учащих в начальных училищах г. Москвы П. Д. Долгорукова // Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Типолит. А. В. Васильева и К°, 1902. 16 с.

13. Дневник народного учителя // Русская школа. 1909. № 9. С. 57–76.

14. Филимонов А. О поездках учащих с образовательными целями: Доклад № 40 делегата от Вятского Общества А. Филимонова // Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/03 учеб. г. в Москве. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 4 с.

15. Калашникова О. В. Досуговая составляющая повседневной жизни городской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX в. // Омский научный вестник. 2008. № 2 (66). С. 26–30.

16. Зверев В. А., Потеряева А. С. О девиантном поведении в среде учительства Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. С. 214–225.

17. Говоров С. К. Брачный вопрос в быту учащих начальной школы. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1903. 51 с.

А. В. Синева

Досуг рабочих ленинградской фабрики «Скороход» в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.

Жизнь людей в эпоху сильнейшего индустриального напряжения, когда государство требовало от них мобилизации всех трудовых ресурсов, была насыщена коллективными событиями. Досуг пролетариата с приходом советской власти подвергся идеологическим и культурным изменениям, стал разнообразным и общедоступным. В статье рассматриваются виды досуга рабочих ленинградской фабрики «Скороход» в годы предвоенных пятилеток.

The life of people in the era of the strongest industrial tension, when the state required them to mobilize the entire labor resource, was full of collective events. With the advent of Soviet power, the leisure of the proletariat underwent ideological and cultural changes, became diverse and accessible to all. The article examines the leisure activities of workers of the Leningrad factory "Skorokhod" during the pre-war five-year plans.

Ключевые слова: Ленинград 1930-е гг., фабрика «Скороход», досуг рабочих, дом культуры, база отдыха.

Key words: Leningrad 1930s, "Skorokhod" factory, workers' leisure, house of culture, recreation center.

Досуговая деятельность как неотъемлемая часть жизни человека представляет научный интерес в исследовании повседневности фабричных рабочих. При этом пролетариев 1930-х гг. необходимо рассматривать исходя из следующих факторов. Во-первых, это политическая идеология власти, которая была обусловлена экономическим положением СССР, что, в свою очередь, привело к формированию рабочего класса, готового поддерживать высокий темп социалистического строительства. Во-вторых, это распространение грамотности среди пролетариев и, как следствие, повышение общекультурного уровня. В-третьих, это изменение возрастного и полового состава фабричных рабочих к 1930-м гг. Значительную часть «рабочих рук» в Ленинграде составляли женщины и молодежь [1, с. 15]. Эти факторы влияли на все стороны жизни: работу, получение образования, досуг.

Будущая обувная фабрика «Скороход» зародилась еще в 1832 г., когда немецкий предприниматель Г. Кирштен открыл в Петербурге резиновую фабрику, производящую водо- и воздухопроницаемые изделия. В середине 50-х гг. XIX в. – это производство резиновых изделий и обуви стало крупнейшим в Петербурге. В 1880-х гг. после значительного расширения и переоснащения образовалось «Товарищество С.-Петербургского механического производства обуви», которое в дальнейшем переименовали в «Скороход» [2, с. 10–13].

В переходные 1920-е гг. досуговая жизнь пролетариев, в связи с увеличением грамотности, изменяется по сравнению с началом XX в. Фабричная библиотека с филиалами в цехах уже обслуживала 2 тыс. читателей, что составляло 22 % от всех работников. К началу первой пятилетки (1928 г.) число скороходовцев, читавших газеты регулярно, увеличилось до 6,4 тыс. чел. [2, с. 285].

Переход к форсированному построению социализма сопровождался государственным регулированием распределения продуктов питания [3, с. 46]. В то же время в связи с притоком населения в город обострился жилищный вопрос. Однако историк Т. Ю. Бойкова отмечает, что именно в годы первых пятилеток населению были присущи качества трудового мужества и героической самоотверженности. «Она копила, экономила, она вприглядку чай пила, чтоб выросли заводы новые, громады стали и стекла» [1, с. 19].

В 1932 г. фабрика «Скороход» перешла на семичасовой рабочий день и, казалось бы, времени для личного досуга у скороходовцев должно было прибавиться, однако это не так. В погоне за выработкой продукции рабочие вынуждены были оставаться у станков допоздна или вовсе не уходить домой по две или три смены подряд [2, с. 320].

Свободное от станка время молодые фабричные должны были проводить за учебой в школах и ФЗУ, а их старшие коллеги осваивали грамоту в школах ликбеза. Лозунг «Ударник в учебе – ударник на производстве» подразумевал

под собой не только личное образование, но и шефство, «взятие на буксир» отстающих. К 1936 г. каждый четвертый скороходовец где-то учился [2, с. 363].

Интересно отметить, что с 1930-х гг. при попытке планирования застройки будущего соцгорода в индивидуальной ячейке жилья планируется место для личного отдыха и занятий с книгой [4, с. 40]. Как отмечает историк Н. Н. Бармина, литературные сюжеты, ставшие бестселлерами для населения в 1930-е гг., носили остро социальный характер: «Как закаялась сталь», «Педагогическая поэма», «Мать», «Поднятая целина» и др. [5].

Рабкоры фабрики выпускали ежедневную многотиражную газету «Скороходовский рабочий» (с 1928 г.), которая регулярно публиковала «технические страницы». Это были тщательно разработанные уроки по операциям с машинами, чертежами, контрольными вопросами. Для закрепления знаний проводились специальные вечера вопросов и ответов, технические викторины и «технические бои» [2, с. 347].

Помимо чтения, основным видом досуга являлось кино, которое в 1930-е гг. превалировало над театром в силу того, что классический театральный репертуар не был доступен для понимания пролетариата. Чтобы приобщить рабочих к этому виду искусства, были созданы театры рабочей молодежи (ТРАМ), постановки которых отвечали на «политические и бытовые запросы» [3, с. 551]. В 1931 г. рядом с фабрикой открылся Дом культуры кожевников, в строительстве которого принимали активное участие и скороходовцы. Шефство над самодеятельной драматической мастерской взяла на себя Ленинградская ассоциация пролетарских писателей, которые создавали пьесы с доступным сюжетом. Так, например, были поставлены несколько спектаклей с участием скороходовцев: «Зови фабком!» – театрализованный доклад о борьбе с антисемитизмом, «Мещанка» – пьеса о комсомольской семье, оперетта «Сад земли», пьеса «Сапог» и др. [2, с. 337].

В декабре 1931 г. Дом культуры посетил М. Горький. В своих письмах к С. М. Кирову в апреле – мае 1932 г. писатель тепло отзывался о художественной самодеятельности «Скорохода», об организованном театре и о начинающих фабричных драматургах [6].

Клубная работа на фабрике была разнообразной. Свой кружок организовали рабочие-художники, а фабричные шахматисты заняли одно из первых мест в союзе кожевников и завоевали право участвовать в ряде международных матчей.

Начиная с 1931 г., были организованы совпартшколы, кружки по изучению истории партии, регулярные занятия для актива. Также в 1930-е гг. в СССР массовым становится спортивное движение, основными задачами которого был не спорт высоких достижений, а здоровье населения и милитаризация. Скороходовцы вступали в ряды «Осоавиахим».

Приток на фабрику сельских жителей в 1920-е гг. и пополнение ими рядов фабричных рабочих вместе с собой принесли распространенную форму деревенского досуга – песни и пляски – в городскую среду. К середине 1930-х гг. этот вид досуга оформился на «Скороходе» в кружки: хоровой, вокальной, хо-

реографической и оркестровой направленности, а в 1937 г. при фабрике открывается филиал общегородского университета культуры.

Еще в годы первой пятилетки на фабрике были введены оплачиваемые отпуска, ударники производства награждались путевками на санаторно-курортное лечение в лечебницы Крыма и Кавказа. 50-летняя работница фабрики Е. Житенская делилась своими впечатлениями: «Я уже много пережила. В молодости я часто повторяла: хоть бы скорее умереть <…> а сейчас наоборот хочется жить и работать» [2, с. 379–380].

Молодежный состав фабрики нуждался в организованном совместном отдыхе, поэтому в 1937 г. по предложению комитета комсомола был разработан план летней турбазы. В заводской газете печаталась информация о ходе строительства: «В 30 км от Ленинграда на берегу озера Омчино в Лужском районе вырос комбинат отдыха» [2, с. 387; 7, с. 29–37]. Путевки в него, помимо прочих, получали дети скороходовцев и фабриканты, тренировавшиеся к сдаче нормативов комплекса ГТО.

В качестве одной из форм воспитательной работы партийная организация практиковала массовые экскурсии скороходовцев на индустриальные новостройки, в колхозы, на строительство жилых массивов. Созданный на фабрике радиоузел начал регулярно передавать радиогазету.

В первый год третьей пятилетки (1938 г.) фабричные затраты на организацию досуга по официальным данным оказались значительными. В газете «Ленинградская правда» сообщалось, что общий бюджет фабкома составил 1,25 млн р., из них 67,6 тыс. израсходовано на культурно-массовые мероприятия, еще 236 тыс. на Дом культуры кожевников [8].

Таким образом, на примере фабрики «Скороход» можно сделать вывод о том, что в 1930-е гг. досуг в рабочей среде стал общегосударственной задачей, приобрел коллективные черты. Повышение уровня грамотности рабочих привело к распространению среди них чтения, игры в шахматы, посещения театров рабочей молодежи и написания остросоциальных пьес, – что способствовало повышению общекультурного уровня в рабочей среде. Массовыми становятся посещение домов культуры, кинотеатров и спортивных лагерей. Через коллективную досуговую деятельность сформировался новый социокультурный феномен – советский менталитет.

Список литературы

1. Бойкова Т. Ю. Общественное сознание Ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.): автореф. … дис. канд. ист. наук: 07.00.02. СПб, 2007. 23 с.

2. История фабрики «Скороход» / под ред. Е. А. Ершова и др. Л.: Тип. им. Володарского, 1969. 573 с.

3. Лебина Н. Б. Советская Повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 552 с.

4. Милютин Н. А. Проблема строительства социалистических городов. Соцгород. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 83 с.

5. Бармина Н. Н. Жизнь советского общества в 1930-е: видеоверсия: 39:10 1:00:18 (время воспроизведения). URL: https://rutube.ru/video/8e1bd8348415730888fec7960770c17a/ (дата обращения: 03.12.2024).
6. Горький А. М. Сочинения. Т. 30 (письма № 982,1039, 1052). М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. 819 с.
7. Коновалов Б. Спортивный лагерь рабочей молодежи. Л.: ЦКВЛКСМ «Молодая гвардия», 1958. 45 с.
8. Ленинградская правда. 1938. 11 авг.

Н. В. Тихомиров

Досуг студентов КУНМЗ по материалам университетской печати

В статье рассмотрены основные формы досуга студентов Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Основу исследования составили публикации в университетской газете «Кунмзовец». Выявлены виды занятий учащихся в свободное время внутри и вне вуза. Показаны противоречия между насаждавшимися пропагандой образцами досуга и повседневной практикой.

The article considers the main forms of leisure for students of the Communist University of National Minorities of the West. The research was based on publications in the university newspaper "Kunmzovets". The types of activities of students in their free time inside and outside the university are revealed. The contradictions between the leisure patterns imposed by propaganda and everyday practice are shown.

Ключевые слова: газета, история повседневности, коммунистический университет, периодическая печать, студенчество.

Key words: newspaper, history of everyday life, communist university, periodical press, students.

История советских партийных вузов изучена мало. Имеющиеся публикации дают обобщенные представления об общественно-политической жизни СССР 1920–1930-х гг. [1–4]. Весьма скудно освещены в историографии вопросы повседневности учащихся коммунистических университетов.

Объектом нашего внимания служит повседневность учащихся Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Ю. Ю. Мархлевского (КУНМЗ). В качестве анализируемого источника использована коллекция номеров университетской газеты «Кунмзовец», хранящаяся в составе фонда РГАСПИ. Газета выпускалась силами коллектива университета с 1928 по 1935 г. и являлась в разное время печатным органом бюро вузовской ячейки ВКП(б), исполбюро, профкома и ректората КУНМЗ.

Целью издания было общее руководство внутренней жизнью университета. Для этого редакция побуждала учащихся и сотрудников писать заметки по животрепещущим вопросам внутренней жизни вуза – вскрывать недостатки, подмечать успехи, выявлять насущные трудности. Информационная ценность газеты «Кунмзовец» обусловлена ее сосредоточенностью на проблемах локаль-

ного характера, тогда как вопросы международного, общесоюзного и регионального значения были доступны студентам в материалах центральной прессы.

Публикации готовились на основе поступавших в редакцию писем учащихся, комсомольцев, преподавателей и служащих учебного заведения. Студенты выступали как индивидуально, так и от лица разнообразных комиссий, создаваемых ими (точнее, вузовской партийной ячейкой) для обследования тех или иных областей университетской жизни. Чаще всего их привлекали проблемы, присущие быту и учебе товарищей, их отношениям внутри студенческого коллектива и с работниками учебного заведения. Во многих случаях информация, содержащаяся в таких сообщениях, невоспроизводима в материалах внутренней документации КУНМЗ.

Заметное место в публикациях «Кунмзовца» занимает тема студенческого досуга. В университете молодые люди не только получали конкретные знания, но также воспитывались носителями нравственных идеалов, формирующих личность строителя коммунистического общества. Потому их занятия вне учебного времени делались предметом критического наблюдения наиболее активной и сознательной части товарищей. Партийное руководство добивалось воспитания в массах привычки «культурно» проводить свободное время в занятиях умственным и телесным совершенствованием. Руководство КУНМЗ пыталось развивать соответствующие начинания в студенческой среде.

Досуг учащихся в общем виде можно разделить по двум показателям: его связи с университетом (внутри и вне вуза) и постановке (индивидуально и организованно).

Внутри вуза (т.е. учебно-административного здания, расположенного в Петроверигском переулке) студентам были доступны различные способы культурного времяпрепровождения, для чего были выделены специальные помещения: уголок отдыха, большой зал университета и другие. Заметки в газете показывают, что молодые коммунисты по-разному относились к нахождению в названных местах. Так, если одни посещали уголок отдыха, чтобы в спокойной обстановке восстановить силы, почитать прессу или послушать сообщения по радио (впрочем, имевшийся в наличии громкоговоритель постоянно молчал), то другие шли туда за возможностью поболтать с товарищами, выкурив несколько папирос, или полюбезничать с девушками. Такие соседи вызывали раздражение у первой группы отдыхающих, которые жаловались в газету на шум, грязь от окурков и плевков и особенно – сигаретный дым. Показательно, что курение здесь воспрещалось, однако запрет, похоже, мало кого останавливал. Один из авторов писал в начале 1930 г.: «Наш уголок отдыха больше похож на кабачок, чем на место отдыха: шум, гам, пение и прочие прелести» [5, л. 24]. Особенно изводили его «артисты-свистуны» немало и, видимо, часто ему докучавшие. Другой студент с явным негодованием писал о своем посещении уголка отдыха в ноябре 1931 г.: «Дыму, окурков и чего хотите много. Весь пол ими пестрит. Люди, сидящие там и играющие, кто во что способен <…> у каждого в зубах папироса <…>. И это называется “отдых”. И это называется, люди, сидящие

целый день над книгой, пришли сюда голову освежить. Это дикари, собравшиеся в шалаше и коптящиеся вокруг костра <…>» [5, л. 72].

То же происходило в большом зале университета. «Утром студенты приходят, сидят, курят» [5, л. 68 об.], – отмечалось в заметке от сентября 1931 г. Окурки вместе с прочим мусором бросали на пол, на него же плевали.

Курение было распространено повсеместно. «У нас в университете курящие составляют большинство, – сокрушался некто Крузин, – и постольку с ними еще труднее бороться. Курят не только в коридорах и на лестницах, но есть и такие активисты <…> при случае закурят и в аудитории» [5, л. 6 об.].

Некоторые студенты покидали учебные комнаты во время занятий, чтобы перекурить в коридоре, где порой надолго задерживались, увлекшись беседой с такими же бездельниками [5, л. 11 об.]. Другие оставляли занятия, чтобы загодя занять очередь у дверей столовой перед выдачей обеда и проводили там до получаса и более [5, л. 11 об., 48]. «Ежедневная и непрерывная», «“Ударные” прогульщики», – гласили подписи под карикатурами, высмеивавшими данное явление [5, л. 16, 46 об.].

Заметная роль в организации досуга учащихся принадлежала университетскому клубу. При нем были учреждены разнообразные кружки, предназначенные для развития творческих способностей студентов. Для руководства ими нанимались платные специалисты, запись членов открывалась в начале каждого учебного года. Однако дальше работа зачастую велась кое-как или вовсе затухала. Причиной служило студенческое нерадение. Один из корреспондентов «Кунмзовца» писал: «Увидит, это, наш горе-активист свободное место на подписном листе какого-нибудь кружка – и тут же запачкает его своей фамилией» [5, л. 17]. После большинство подписантов не включались в работу и кружки чахли. Такова, например, была судьба кружка эсперанто, действовавшего с 1926 г. и к осени 1929 г. сохранившего лишь одного участника [5, л. 17]. Так же закончили кружки шахмат, радио и ряд прочих. В некоторых наблюдались «отливы и приливы», постоянного состава не было [5, л. 54 об.]. Отчетность кружков была поставлена дурно, а правление клуба не следило за состоянием дел. Так, руководители фактически прекративших работу кружков могли месяцами получать зарплату, пока об этом не дознавались представители студенчества.

Таким образом, работа общеуниверситетских кружков охватывала сравнительно малую часть учащихся. Несколько лучше обстояло дело в отдельных национальных уголках, созданных при кабинете ленинизма (в силу специфики профиля и контингента университет делился на национальные сектора), куда студентов привлекали по вечерам и выходным дням. Так, в исходе 1930/31 уч. г. при латышском уголке действовали экономический, литературный, корреспондентский, типографический кружки.

Исходя из посыла, что досуг учащихся должен быть по возможности подчинён не только духовному, но и телесному развитию, вузовское руководство пыталось вовлечь молодых людей в занятия физкультурой. При вузовском клубе был учреждён вечерний физкультурный кружок. В 1932 г. им были охвачены 75 мужчин и 10 женщин, действовали несколько баскетбольных и волейболь-

ных команд, устраивались лыжные забеги [5, л. 86 об.]. Впрочем, указанное число членов было более чем скромным относительно общего количества студентов КУНМЗ, большинство из которых весьма холодно относились к спортивным мероприятиям.

Неизменно провальными оставались попытки втянуть учащихся в массовые занятия физкультурой по утрам. Последние даже были включены в учебный план университета (назначались после побудки до начала аудиторных занятий), но посещаемость их была крайне низкой: большинство студентов предпочитало спать, как можно дольше. По этому поводу газета многажды публиковала призывы, заметки, фельетоны, клеймя и увещевая «засонь» [5, л. 1 об.], но положение в корне не менялось. Не спасло его даже соцсоревнование между учебными группами, во многом оставшееся формальностью.

Университетский клуб, кроме кружковой работы, способствовал проведению творческих вечеров, в ходе которых студенты осуществляли разнообразные сценические постановки. Примечательно, что программа выступлений далеко не всегда была выдержана в духе революционной дидактики. Так, весной 1929 г. один из авторов негодовал: «Программы халтурные. Конферансье забавляет почтенную публику “чугунно-литейными остротами”. Очаровательные пары танцуют похабно-пластические танцы на тех же подмостках, с которых говорят Ярославский и Калинин. Танцор – в изящном смокинге. Балерина прикрывает свои обнаженные прелести стыдливым кусочком газа <…> Ножки в шелковых чулках, дрыгающие в па фокстрота, очень откровенно попирают резолюции нашей ячейки о запрещении танцев на наших платных вечерах» [5, л. 3 об.]. В итоге представления о прекрасном и понимание задач творческих вечеров оставались разными у студенческой массы и партийных активистов.

Хотя вечера устраивались для учащихся и служащих КУНМЗ, в 1920-е гг. обычным явлением было присутствие на них пришлых зрителей. Здание в Петроверигском переулке, самом центре Москвы, становилось местом притяжения городской «нэпмановской» публики, охочей до развлечений. Порой студенты сами проводили в зал знакомых женщин отнюдь не пролетарской внешности, чем вызывали негодование у идейно выдержанных товарищей. «Неужели нельзя отпраздновать даже десятилетие Коминтерна без этого рода гостей?», – негодовал один из авторов [5, л. 8 об.].

Основную часть свободного времени студенты находились в общежитиях. До сооружения в 1932 г. нового здания в Петроверигском переулке они проживали в домах на Ильинке, Мясницкой, Неглинке и Большой Ордынке, а также в старом здании подле учебного корпуса. Досужие занятия обитателей общежитий были незатейливы: беседы, игра в шахматы, песни, выпивка. Некоторые порой просто резвились, бегая и скача по комнате. Кто-то водил к себе проституток или случайных подруг с улицы [5, л. 10 об.]. Находились и те, кто всё время употреблял на проработку учебного материала и дополнительное чтение [5, л. 56]. Как и в стенах университета, спутниками большинства постояльцев общежитий были сигареты. Различные комиссии и комсомольские бригады,

производившие обходы студенческих комнат, из раза в раз указывали на их прокуренность и духоту, повсеместно разбросанные окурки и прочий мусор.

Организованный досуг учащихся вне вуза включал мероприятия разного рода: митинги, кинопоказы, экскурсии. Устраивались коллективные посещения театров [5, л. 86 об.], также билеты распространялись внутри КУНМЗ индивидуально – любой желающий мог приобрести их за известную цену. Последнее, однако, оборачивалось тем, что предприимчивые студенты скупали билеты для последующей перепродажи вовне, из-за чего другие за годы обучения не имели возможности ими воспользоваться [5, л. 15].

Ребята, предоставленные вне вуза сами себе, зачастую предавались праздности, без дела бродя по городу. Газета незамысловато иллюстрировала эту привычку: рисунок изображал пустующий парк отдыха и безлюдную набережную с пришвартованной прогулочной лодкой как места культурного отдыха, невостребованные студентами; рядом была показана городская улица, вдоль которой стояла и сидела на тротуаре молодёжь [5, л. 65].

Некоторые увлекались выпивкой, порой избыточной. Показательно, что парторганизация КУНМЗ относилась к такому поведению крайне нетерпимо: если прогулы занятий, курение в неположенных местах, воровство посуды из столовой и чернильниц из библиотеки учащимся в целом прощали, то пребывание коммуниста в нетрезвом виде могло стать поводом для товарищеского суда и последующего отчисления из вуза [5, л. 114 об.].

Вопросы студенческого досуга в том или ином виде регулярно поднимались в публикациях газеты «Кунмзовец». Чаще это делалось в критическом ключе, когда поводами к написанию заметок становилось нравственно предосудительное поведение учащихся либо нарушение ими внутренней дисциплины вуза. Материалы университетской печати помогают составить представление о формах времяпрепровождения студентов и проблемах, с этим связанных.

Обращает на себя внимание то, что питомцы коммунистического университета в быту часто не соответствовали культурным требованиям, предъявляемым им партийными идеологами и руководством учебного заведения. Повседневные практики некоторых молодых коммунистов являли порой худшие примеры обывательской пошлости, борьбу с которыми должны были вести выпускники КУНМЗ. Таким образом, студенческая масса столичного комвуза была в целом далека от образцов, насаждавшихся творцами культурной революции.

Вместе с тем усилия по воспитанию новых людей – носителей передовых образцов культуры – давали заметные результаты. Творческие занятия, приобщение к разным видам искусства, телесное развитие становились частью повседневности будущих партийных и советских работников. Возмущение поведением некоторых товарищей со стороны авторов заметок свидетельствует об усвоении ими широко пропагандировавшихся представлений о гигиене, этическом поведении, умственных и нравственных качествах современного человека.

Список литературы

1. Корчагин О. В. Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (1920-е гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19. С. 120–142.
2. Леонова Л. С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.). М.: МГУ, 1972. 181 с.
3. Панин Е. В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств: 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 242 с.
4. Фильченков М. П. Из истории партийных учебных заведений // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1. С. 108–122.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 2. Д. 606.

К. С. Барабанова

Советские гельминтологи в качестве исследователей повседневности во второй половине 1920-х гг. в Сибири

В 1919 г. К. И. Скрябин провел первую специальную гельминтологическую экспедицию, которая положила начало большому и долгому пути сбора сведений о гельминтофауне Советского Союза. Участниками союзных гельминтологических экспедиций стали врачи, биологи и ветеринары. Вместе с научной работой они занимались образовательной и просветительской деятельностью. Во время своей полевой работы они собирали также сведения о повседневных привычках местных жителей. Гельминтологов интересовала местная кухня, жилища и условия работы. Все эти аспекты влияли на уровень заболеваемости.

In 1919, K. I. Skryabin conducted the first special helminthological expedition, which marked the beginning of a long and extensive journey of collecting information about the helminth fauna of the Soviet Union. Doctors, biologists and veterinarians became participants in the allied helminthological expeditions. Along with scientific work, they were engaged in educational and outreach activities. During their field work, they also collected information about the daily habits of local residents. Helminthologists were interested in local cuisine, housing and working conditions. All these aspects influenced the incidence rate.

Ключевые слова: гельминтология, Сибирь, гельминтологическая союзная экспедиция, Скрябин.

Key words: helminthology, Siberia, allied helminthological expedition, Skryabin.

В начале XX в. начала формироваться наука гельминтология, изучающая паразитических червей и заболевания, вызванные ими у человека и животных. Она стала важной частью медицины и ветеринарии. Для изучения гельминтофауны СССР были организованы гельминтологические союзные экспедиции, которые охватили всю страну. В период 1919–1967 гг. было проведено 346 экспедиций. Идея организации экспедиций принадлежала К. И. Скрябину, основоположнику гельминтологии в СССР. Дневники и отчеты экспедиций являются интересным источником для исследователей повседневности. Этот комплекс источников содержит не только сведения о вскрытии животных и людей, опи-

сания гельминтов, но и описания традиционной для разных регионов кухни, бытовых условий и санитарных проблем.

2 мая 1917 г. Скрябин возглавил первую кафедру паразитологии, открытую в Донском ветеринарном институте [1]. Первая специальная гельминтологическая экспедиция была организована в 1919 г. Несмотря на трудности Гражданской войны, институт выделил на экспедицию 500 р. За 14 дней экспедиции было проведено 300 гельминтологических обследований.

Скрябин выступал за комплексный подход в изучении гельминтофауны Советского Союза. В связи с этим в экспедицию входило обычно три отряда, где трудились биологи, медики и ветеринары. Участники экспедиции занимались не только сбором материалов, но и читали курсы по гельминтологии для врачей и ветеринаров. Пройдя их, местные специалисты могли бы не только получить общее представление о проблеме зараженности гельминтами, но и продолжить борьбу с «очервлением» местного населения и животных самостоятельно. Вместе с этим члены экспедиции брали на себя и обязательства по просвещению местного населения, читая лекции о последствиях заражения гельминтами и необходимости лечения зараженных. Особое внимание в их докладах уделялось вопросам улучшения санитарно-гигиенического состояния жилища и изменения привычного, но вредного рациона питания. Для того, чтобы понять причины «очервления», гельминтологи становились исследователями повседневности, которые особое внимание уделяли традиционной кухне, бытовым практикам и условиям работы.

В 1927 г. К. И. Скрябин организовал 50-ю Союзную гельминтологическую экспедицию в Сибирский край. Во время экспедиции медицинский отряд сосредоточился на обследовании горнорабочих Кузнецкого каменноугольного бассейна. Целью экспедиции было выяснить, есть ли в этом регионе анкилостомоз. Это тяжелое заболевание, вызванное гельминтом анкилостомой и приводящее к острому малокровию, характерно для шахтерских районов. Экспедиция стала первым опытом обследования определенной категории населения в отдельном географическом регионе [2, с. 168–170].

Во время 50-й экспедиции были обследованы представители и других профессий. Внимание специалистов привлекли рабочие Бобровского затона, который был расположен на правом берегу Оби недалеко от Барнаула. Гельминтологи сосредоточились на повседневной жизни рабочих мастерских по ремонту судов и их семей. У рабочих была столовая, в мастерских имелась вода в чистых баках, которую пили, используя бьющую вверх струю воды, а не кружки, что считалось более гигиеничным и удобным. Вместе с этим жилищные условия в затоне были крайне тяжелыми. Основой рациона жителей затоны была речная рыба и мясо, а овощи привозились из соседних деревень. Вода также была привозной. По результатам обследования было выявлено семь видов паразитов [3, л. 1–6].

Были обследованы и бакенщики, обслуживавшие «бакены», то есть сигнальные приборы, обозначавшие фарватер для пароходов. Летом они жили на своем участке реки в землянках из плетня или еловых ветвей, покрытых землей

или глиной на высоком берегу. Один из бакенщиков жил в пещере под корнями сосны на крутом берегу. Только один из обследованных жил в избушке, где была русская печь, что позволяло жить там и зимой. Во время разливов реки дома подтапливало, и семьи часто жили под лодкой на берегу реки. Не было и отхожих мест, которые заменяла река или окружающие кусты. Продукты питания доставлялись из города или окружающих деревень. Основой питания бакенщиков была речная рыба, которую зачастую ели в сыром виде. Вода для питья и готовки также бралась из реки. Общий процент инвазии паразитическими червями был равен 16,7 % (бакенщики – 12,8 %; члены их семейств – 23,3 %) [3, л. 11–15].

Не обошла вниманием 50-я Союзная гельминтологическая экспедиция ойротов и алтайцев. С помощью местного учителя И. А. Сыркашева, выполнявшего обязанности переводчика, проводились не только обследования, но и санитарно-просветительские беседы. Медицинский отряд провел экспедицию в Шорию. Одним из обследованных стал 115-летний старик, который, к удивлению специалистов, оказался полностью свободным от инвазии [2, с. 216–217]. Скрябин, подводя итоги экспедиции, отмечал, что туземное население чрезвычайно инвазировано паразитическими червями. Это было обусловлено режимом питания. Так, алтайцы потребляли недоваренное, несоленое мясо с кровью. С другой стороны, отмечалась примитивность быта, следствием чего являлось распространение в области финноза крупного рогатого скота. Наиболее распространенным было заражение бычьим цепнем [4, л. 46].

Во время 70-й Союзной гельминтологической экспедиции на Тобольский север в 1929 г., которую возглавил К. И. Скрябин, особое внимание исследователи обратили на повседневные практики хантов и манси, и в первую очередь на их кухню. Медицинский отряд возглавила В. П. Подъяпольская, а ветеринарный – А. М. Петров. К отряду также присоединился местный врач Н. Н. Плотников, который ранее в 1926 г. проходил повышение квалификации в Тропическом институте в Москве [5].

Обь-Иртышский водный бассейн является самым большим очагом описторхоза в мире. В центре внимания участников экспедиции оказалась диета, которой придерживались ханты и манси. Ее основу составляла строганина, то есть сырая рыба летом и сырое мясо зимой. Строганина готовилась из нельмы, щуки или муксуна. Рыба была заражена описторхозом, а заморозка не решала эту проблему. По итогам обследования выяснилось, что в среднем каждый из обследованных был носителем более чем одного червя. Все обследованные были больны описторхозом [6, л. 8]. Исследователи узнали, что сырым мясом и рыбой детей начинали кормить в возрасте около года. Это объясняло обнаружение зараженного ребенка младше года.

Внимание исследователей привлекли и русские, жившие в регионе. По результатам обследования рабочих консервного завода в Тобольске и его отделения недалеко от Обдорска был выявлен столь же высокий уровень зараженности описторхозом. Рабочие, которые обрабатывали нельму, язя, налима, муксуна, стерлядь и осетра, имели такую же привычку есть сырую рыбу, что и ханты и манси [2, с. 236].

Отметим, что сама экспедиция не была простым мероприятием. Так, отряд Подъяпольской чуть не погиб на Северной Сосьве. Когда они направлялись к селу Березово, их парусное судно взял на буксир катер. Внезапно поднялся сильный ветер, и веревки начали лопаться, а лодка стала поперек волны. Подъяпольская схватила запасную веревку и кинула ее на катер, где ее быстро закрепили [2, с. 235].

Союзные гельминтологические экспедиции в Сибирь во второй половине 1920-х гг. показали высокий уровень заражения гельминтами местного населения. Для того, чтобы понять причины столь высокого уровня «очервления», исследователи сосредоточили свое внимание на повседневных практиках. В первую очередь их интересовала диета. Именно из-за традиции употреблять в пищу сырую рыбу и мясо почти все население Тобольского севера было заражено описторхозом. Здесь следует отметить, что такой диеты придерживались и русские, проживавшие в Сибири.

Также гельминтологов интересовали условия проживания. Они обращали внимание на бытовые условия представителей разных профессий. Отмечались нехватка жилой площади и тяжелые бытовые условия. Антисанитария способствовала распространению гельминтов.

На протяжении всех Союзных гельминтологических экспедиций в центре внимания гельминтологов оставалась повседневная жизнь населения изучаемого региона. В дневниках экспедиций они отмечали особенности местной диеты, устройство дома, гигиенические привычки.

Список литературы

1. Москвин А. С. История Российской паразитологии. 100–лет со дня учреждения первой в России кафедры паразитологии в системе высшего ветеринарного образования // Российский паразитологический журнал. 2017. Т. 39. Вып. 1. С. 92–98.
2. Скрябин К. И. Моя жизнь в науке. М.: Политиздат, 1969. 378 с.
3. Архивы Российской академии наук (АРАН). Ф. 1659. Оп. 3. Д. 358.
4. АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 363.
5. Barabanova K. "Ob disease": Helminthological expeditions as a tool for studying the Ob-Irtysh North // Arctic Journal (2021). 74(6). P. 108–116.
6. АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 365.

А. В. Петряева

Студенческая повседневность: досуг будущих инженеров в 1960–1980-е гг. на примере Курского политехнического института

В статье рассматривается досуг студентов Курского политехнического института в 1960–1980 гг. В качестве основного источника изучения студенческой повседневности автор анализирует еженедельную газету «Политехник». Изучение выпусков газеты, в издании которой принимали участие учащиеся института, позволило выявить особенности студенческих будней в отдельный исторический период. Статья подчеркивает важность изучения советского опыта регулирования студенческого досуга для понимания современных тенденций в студенческой среде и поиска путей их улучшения.

The article examines the leisure time of students of the Kursk Polytechnic Institute in the 1960s and 1980s. The author analyzes the weekly newspaper "Polytechnic" as the main source of studying student everyday life. The study of the issues of the newspaper, in the publication of which the students of the institute took part, made it possible to identify the features of student everyday life in a separate historical period. The article emphasizes the importance of studying the Soviet experience of regulating student leisure in order to understand current trends in the student environment and find ways to improve them.

Ключевые слова: досуг, повседневность, студенческий досуг, досуг молодежи, источники изучения повседневности.

Key words: leisure, everyday life, student leisure, youth leisure, sources of studying everyday life.

Каждому временному периоду в развитии государства и человека характерны свои поведенческие модели. Рассматривая их на примере повседневной жизни отдельного региона страны, можно сделать выводы об общих, характерных для всего общества, чертах повседневности, а также выделить локальные черты, сформированные под влиянием местности.

В настоящее время в студенческой среде наблюдается спад в систематизации развлекательной культуры и досугового времени молодежи. Отсутствие общего вектора развития студенческой повседневности обуславливает необходимость изучения советского опыта регулирования студенческого досуга. Как отмечает П. В. Чернобровкина в своей работе, посвященной 70-м гг. прошлого века: «сфера досуга была частью культурной политики государства», ведь перед государством стояла задача по воспитанию человека с широким кругозором [1, с. 37].

Для изучения особенностей повседневной жизни студентов Курской области рассмотрим содержание газеты «Политехник», отражающее основные события, формировавшие будущие инженерные кадры в 1970–1980-х гг. Издание являлось органом парткома, ректората, комитета ВЛКСМ и профкома Курского политехнического института. Издание выходило еженедельно каждый вторник с июня 1973 г.

Благодаря газете коллектив узнавал о важнейших событиях в жизни страны, региона и родного института. Примечательно, что в выпусках содержались статьи совершенно разнообразной тематики: материалы о работе института, защитах дипломных работ, сессии, учебных и производственных практиках, спортивных и творческих новостях, научных исследованиях и студенческой деятельности, очерки о поездках, отчеты о работе в колхозах и в стройотрядах. Причем писали для газеты как студенты, так и преподаватели, а также иные работники института. Авторы писали в разных стилях и форматах: статьи и заметки, очерки и воспоминания, вопросы и ответы, объявления и даже задачи. Дополнялся материал фотографиями корреспондентов и из личных архивов авторов.

Тон статей тоже вызывает интерес. Не все материалы были обзорными, некоторые авторы высказывали свое личное мнение, некоторые излагали общественную позицию. На страницах газеты могли и похвалить, и поругать. Между инициативными группами студентов и руководством института порой даже возникали перепалки в следующих друг за другом номерах.

Опираясь на сведения газеты, можно сделать вывод об основных видах студенческого досуга в стенах Курского политехнического института. Так, среди студентов большой популярностью пользовались спортивные секции, театры и художественные кружки.

Кафедра физического воспитания, являясь одной из старейших кафедр института, направляла свои усилия на «воспитание «физически здоровых и сильных духом» студентов, а также развитие спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы среди студенческой молодежи и совершенствование спортивного мастерства воспитанников» [2, с. 171].

За организацию физкультурно-спортивной работы на кафедре отвечал И. П. Аникин, назначенный председателем студенческого спортивного клуба [3, л. 1].

В клубе действовали секции по баскетболу, футболу, волейболу, настольному теннису, бадминтону, лыжам, легкой и тяжелой атлетике, велоспорту, шахматам и другим видам спорта.

Спортивный клуб осуществлял спортивно-массовую и физкультурно-оздоровительную работу с обучающимися, отбирал желающих в секции, регулировал составы сборных команд, обеспечивал учебно-тренировочный и соревновательные процессы студентов.

По праву может гордиться Курский политехнический институт своей секцией велоспорта, существовавшей с момента основания института в 1964 г. Ее руководителем был выпускник Ленинградского института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, заслуженный тренер России, мастер спорта СССР Валентин Пантелеевич Сотников, воспитавший будущего олимпийского чемпиона летних Олимпийских игр в Монреале 1976 г. в командной велогонке Валерия Чаплыгина [4].

Большую роль в студенческой жизни, кроме велосипедной секции, играла лыжная секция. В 1969 г. даже создали лыжную базу, закупили лыжи и специальные мази, отвели отдельное помещение для хранения инвентаря [5, л. 4].

В 1968 г. в Курском политехническом институте открылась секция альпинистов «Эрцог». Политехники восходили на Малый Ульген-Домбай, Кавказские горы, проводили занятия в районе Северного Кавказа на плато Лаго-Наки [6].

Примечательно, что в стенах института проводились не только межфакультетские соревнования, но и межгородские. В 1980 г. в спортивном комплексе института состоялся традиционный зимний турнир по теннису. В нем приняли участие теннисисты из Москвы, Харькова и Курска [7].

Активно занимались студенты волейболом, принимая участие в соревнованиях кубка облсовпрофа (женская сборная) [8] и баскетболом. Так, например,

мужская команда участвовала в первенстве области по баскетболу [9]. Были в спортклубе секция по классической борьбе, где политехники достигали значительных успехов [10–12], и секция фехтования. В 1979 г. студенты КПИ впервые выехали на первенство РСФСР по фехтованию [13].

Достаточно популярными были туристические слеты. Факультеты представляли свои команды для соревнований по комплексу ГТО, туристической эстафете и спортивному ориентированию. Например, в мае 1981 г. в Шуклинке проходил IV туристический слет института. Победила команда механико-технологического факультета, показавшая себя быстрее всех в туристической эстафете и соревнованиях по комплексу ГТО [14].

В спортивном ориентировании наблюдались успехи студентов и на областном уровне. Так, в 1979 г. на чемпионате области по спортивному ориентированию команда Курского политехнического института в составе мастера спорта Е. Бурлака, кандидатов в мастера спорта Н. Бредихина, В. Трунова, Ю. Волохова, И. Алутина, перворазрядников Т. Яковлевой и Т. Романчиковой уверенно заняла первое место [15].

Необычный ход был придуман членами шахматного клуба для популяризации своего вида спорта. На страницах газеты публиковали шахматную задачку, а ответ, вместе с очередным заданием, давался в следующем номере [16].

Неотъемлемой частью студенческого досуга являлись творческие вечера, концерты и так называемые «Огоньки», проводимые среди студентов, проживающих в общежитии [17]. В актовом зале института проводились новогодние вечера [18], осенние балы [19] и смотры художественной самодеятельности. Студенты выступали с вокальными номерами, сценическими постановками, стихотворениями и танцами [20].

Из очерка, описывающего прошедший смотр художественной самодеятельности, посвященный 60-летию Ленинского комсомола, можно сделать вывод о том, что в КПИ студенты подобрались с разносторонними интересами и талантами. Выступали ансамбли народного и бального танцев, танцевальные дуэты, солисты, пианисты, скрипачи и виолончелисты, баянисты, исполнители юмористических рассказов [21].

Из участников художественной самодеятельности формировались творческие коллективы, представлявшие Курский политехнический институт на различных соревнованиях. Например, ансамбль «Юность-73» занял третье место в I туре городского фестиваля «Песня – в наступление!» [22].

В 1972 г. появился студенческий театр сатиры. Политехники самостоятельно ставили миниатюры известных советских сатириков, сказки, пьесы [23]. На факультете приборостроения и автоматики действовала единственная в своем роде студия пантомимы «Мираж» [24].

В стенах вуза тепло принимали гостей. Так, в мае 1974 г. на сцене актового зала выступали болгарские мастера эстрадной музыки – ансамбль «Стаккато» [25]. В апреле 1974 г. давал концерт Сумский вокально-инструментальный ансамбль «Баллада» [26]. В ноябре 1976 г. с овациями встречали вокально-инструментальный ансамбль «Атлантик» из Калининграда [27].

В актовом зале общежития еженедельно демонстрировались кинофильмы, как пропагандистской тематики, так и новейшие произведения советского и зарубежного киноискусства [28].

Кроме того, среди корпусов общежития проводились соревнования клуба веселых и находчивых [29]. Спустя десятилетия вуз возродит в своих стенах КВН уже на профессиональном уровне.

В 1979 г. состоялась первая дискотека. Студенты, по замечанию В. Кучерявых приветствовали появление дискотеки, так как она могла помочь решить проблему культурного отдыха [30]. Здесь можно было познакомиться с новыми именами советской и зарубежной эстрады, тем самым приумножив свои эстетические знания.

Таким образом, изучение повседневной жизни студентов через призму газеты «Политехник» позволяет глубже понять особенности студенческого досуга и его влияние на формирование будущих инженерных кадров. Формирование общественной активности студенческой молодежи явилось результатом сочетания мероприятий государства, общественных организаций вузов и личных инициатив студентов.

Анализ содержания газеты «Политехник», отражающей основные события в жизни Курского политехнического института в 1970–1980-х гг., показывает разнообразие тем: от учебных до спортивных и творческих новостей. Интересы студентов весьма многообразны, они лежат в различных сферах деятельности. Это классические виды спорта, альпинизм, театральная деятельность, всевозможная творческая деятельность: пение, танцы, ансамбли и хоры. В художественных кружках поражает уровень подготовки студентов: не каждый может играть на скрипке или виолончели, а Курский политехнический институт воспитал целый ансамбль скрипачей и виолончелистов.

Список литературы

1. Чернобровкина П. В. Организация досуга молодежи как социальная политика государства в 70-е годы XX в. (по материалам города Нижнекамска) // Интерактивная наука. 2017. № 13. С. 37–39.
2. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Развитие физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на кафедре физического воспитания Курского политехнического института (60–70-е годы XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. 2022. № 5. С. 168–177.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 834.
4. Первой Олимпийской победе Курска – 30 лет! // Друг для друга. 2006. № 30 (616). URL: https://dddkursk.ru/number/616/new/003621/ (дата обращения: 13.11.2024).
5. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 5.
6. Спорт мужественных // Политехник. 1981. № 37 (40).
7. Традиционный турнир // Политехник. 1980. № 9.
8. Грибов С. Спорт помогает в учебе // Политехник. 1978. № 25 (206).
9. Колесников В. Успех баскетболистов // Политехник. 1976. № 33 (132).
10. Алехин Л. Чемпион города // Политехник. 1977. № 1(142).
11. Алехин Л. Успех борцов // Политехник. 1979. № 2 (223).
12. Алываев В. Впереди-хозяева ковра // Политехник. 1980. № 2 (264).
13. Пивоваров В. Первый успех // Политехник. 1979. № 34 (255).

14. Терехова В. Слет туристов // Политехник. 1981. № 23 (326).
15. Быканов М. Чемпиона области // Политехник. 1980. № 1 (263)
16. Политехник. 1974. № 19 (38).
17. Гнездилова С. «Огоньки» зажигать самим // Политехник. 1975. № 1 (59).
18. Объявление // Политехник. 1973. № 19.
19. Горевой Д. Весело отдохнули // Политехник. 1975. № 36 (77).
20. Аленцев М. Талант есть. Теперь – за работу! // Политехник. 1974. № 36 (55).
21. Ракитская Л. Фестиваль творчества // Политехник. 1979. № 2 (223).
22. Иванова С. Дебют ансамбля // Политехник. 1974. № 15 (34).
23. Студенческий театр сатиры С. Бобрышев Политехник 25.12.1973 № 19.
24. Астрахова Л. Новогодний дебют // Политехник. 1978. № 2 (183).
25. Павлова Т. Концерт болгарской эстрады // Политехник. 1974. № 19 (38).
26. В гостях ансамбль «Баллада» // Политехник. 1974. № 14 (33).
27. Терехова В. Выступает «Атлантик» // Политехник. 1976. № 38 (138).
28. Чухно Н. Кино для студентов // Политехник. 1977. № 27 (168).
29. Закурдаев А. Проведем КВН между вузами // Политехник. 1976. № 41 (140).
30. Кучерявых В. Наша дискотека // Политехник. 1979. № 17 (236).

Л. Н. Блошенкова

Художественная самодеятельность рабочих ПО «Комигазпром» как вид досуговой практики в 70-е гг. XX в.

В статье рассматриваются вопросы культурно-досуговой повседневности рабочих промышленных предприятий газовой отрасти Коми АССР в 70-е гг. XX в. На примере развития художественной самодеятельности в Производственном объединении «Комигазпром» делается вывод о созидательной роли руководителей по всестороннему развитию человека и организации творческой повседневности рабочих.

The article deals with the issues of cultural and leisure everyday life of workers of industrial enterprises of the Komi ASSR gas industry in the 70s of the XX century. Using the example of the development of amateur art in the Komigazprom Production Association, a conclusion is drawn about the creative role of managers in the comprehensive development of a person and the organization of creative daily life of workers.

Ключевые слова: промышленное объединение «Комигазпром», художественная самодеятельность, творческая повседневность.

Key words: Komigazprom Industrial Association, amateur art, creative everyday life.

В настоящее время изучение истории досуговой повседневной жизни работников промышленных предприятий во второй половине XX в. выходит на первый план.

Это же относится и к историографии повседневности Республики Коми. Изучение повседневности в Республике Коми, несмотря на некоторые достижения, остается недостаточно разработанным направлением исторической науки. Существующие публикации, как правило, фокусируются на XIX – начале XX в., предлагая фрагментарное представление о жизни и быте населения Коми.

Хотя авторы, опираясь на введенные в научный оборот архивные материалы, описывают быт и роль общественных организаций в проведении досуга, а также достижения художественной самодеятельности на республиканских и всесоюзных конкурсах, многие важные аспекты темы остаются вне поля зрения исследователей. Например, глубокое исследование организации творческого досуга, истории и деятельности различных культурно-массовых организаций практически отсутствует. Это значительный пробел, ведь изучение этих сюжетов необходимо для полного воссоздания картины жизни коренного населения и процессов социокультурной трансформации в регионе.

Актуальность данной темы заключается в том, что в повседневности рабочих художественная самодеятельность являлась одним из самых распространенных видов досуга, так как она, как правило, включалась в общий распорядок рабочего дня трудящихся. Репетиции или концерты проводились в любое свободное от работы время. К тому же государство активно использовало художественную самодеятельность как мощное идеологическое воздействие в воспитании населения в духе коммунистических идеалов.

Целью работы является исследование становления и развития художественной самодеятельности в досуговой практике рабочих Производственного объединения «Комигазпром» в 70-х гг. XX в., на примере развития различных жанровых направлений самодеятельного народного творчества.

Программа КПСС, провозглашавшая неразрывную связь между культурным развитием населения и общественным прогрессом, утверждала, что повышение уровня культуры является основополагающим фактором для достижения коммунизма. В документе подчеркивалось, что именно культурный рост населения напрямую влияет на развитие производительных сил страны [1].

Партия считала, что необходимо планомерно создавать и размещать культурные, досуговые учреждения на территории всей страны, тем самым постепенно поднимая уровень культуры деревни до уровня города, а также обеспечить быстрое развитие культурно-досуговой жизни во вновь осваиваемых районах [1].

К 1970 г. расходы на социально-культурные мероприятия в Коми АССР составили 133,2 млн р. против 81,2 млн р. в 1966 г. Для нефтяников и газовиков того же периода культурно-просветительными учреждениями было организовано 606 спектаклей и концертов художественной самодеятельности, которые посетили около 75,7 тыс. чел. [2, с. 105].

Клубная работа имела большие резервы воздействия на широкие круги рабочих, так как главными посетителями клубов была молодежь, которая являлась основной рабочей силой для новых осваиваемых газовых месторождений северных регионов, так называемых «комсомольских строек».

10 мая 1967 г. Совет Министров СССР принял постановление № 404 «Об усилении геологоразведочных работ на газ, организации добычи природного газа на Вуктыльском месторождении в Коми АССР и о строительстве магистрального газопровода «Сияние Севера».

«История Вуктыла – это история Всесоюзной ударной комсомольской стройки, которая стала настоящей школой жизни для сотен юношей и девушек со всей страны. Но главная гордость и сила Вуктыла – трудолюбивые и талантливые люди. Сюда потянулись первопроходцы, специалисты различных профессий. В сентябре 1967 г. создана первая комсомольская организация нефтеразведочной экспедиции № 1 треста «Войвожнефтегазразведка» [3].

В этот период 1 500 комсомольцев жило в вагончиках. В поселке был всего один красный уголок. Библиотека. Самодеятельности не было. Не было и помещений для кружковой работы. Комитет комсомола нефтеразведочной экспедиции взял шефство над красным уголком – клубом – и начался набор в кружки самодеятельности.

Согласно решениям Пленума обкома ВЛКСМ на Печорский горком и райкомы комсомола была возложена миссия по организации на всех участках строительства газопровода и буровых красных уголков, обеспечению их необходимым культинвентарем, газетами, журналами, библиотеками, оказанию действенной помощи в работе клуба п. Вуктыл.

В феврале 1968 г. на сцене клуба «Геолог» состоялась первая в истории Вуктыла премьера театрализованной композиции «Мы к коммунизму держим путь» [4, с. 66].

Пик развития художественной самодеятельности в данном регионе пришелся на середину 70-х гг. XX в. Одним из мощных стимулов для активного внедрения и развития художественной самодеятельности среди рабочих послужило Постановление Министров РСФСР от 16 января 1975 г. № 35 «О проведении в 1975–1977 годах в РСФСР первого всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся». В соответствии с этим Постановлением фестиваль проводился поэтапно. Возможность выехать за пределы региона, показать свое мастерство на уровне всей страны являлась огромной мотивацией для развития творческого потенциала молодежи Вуктыла.

Основным источником освещения новостей в области культуры была периодическая печать.

Для достижения поставленной цели исследования были рассмотрены архивные сшивки газет «Ухта» и «Сияние Севера» за 1970-х гг. Используя контент-анализ, мы выявили чуть больше 20 статей, посвященных упоминаниям о художественной самодеятельности рабочих ПО «Комигазпром». В этих статьях и публикациях говорилось как о местных творческих мероприятиях Вуктыла, так и о приезжих артистах из области.

Вот примеры названий этих статей: «Звучат Вуктыльские песни» – № 76 от 17 апреля 1971 г.; «Смотр сельских талантов» – № 55 от 17 марта 1972 г.; «Концерты в рабочих клубах» – № 25 от 3 февраля 1973 г.; «Песня труду помощник» – № 42 от 26 февраля 1975 г. [5] и др.

Хотелось бы отметить, что новости по данной теме исчезли со страниц газеты «Ухта» с 1976 г. Возможно, это связано с тем, что с сентября 1975 г. на территории Вуктыльского района начинает выпускаться местная газета «Сияние Севера». Можно предположить, что «Сияние Севера» «разгрузило» газету

«Ухта» от новостей, связанных с развитием нового газового месторождения, его местных традиций, мероприятий, событий и т.д.

Что касается газеты «Сияние Севера», то ее анализ показал следующие результаты. Всего за 1975–1980 гг. было рассмотрено 739 выпусков, из них 50 статей и публикаций, упоминающих участие рабочих в художественной самодеятельности. Вот несколько названий из этого перечня: «Концертная весна Вуктыла» – № 33 от 08 апреля 1976 г.; «Из Ярославля с дипломом» – № 28-29 от 08 марта 1977 г.; «Песня и труд – рядом идут» – № 24-25 от 02 марта 1978 г.; «Смотр народных талантов» – № 40 от 05 апреля 1979 г.; «Соревнуются творческие бригады» – 81 от 08 июля 1980 г. [6].

В газетных материалах отмечались не только успехи и достижения коллективов и участников художественной самодеятельности, но и выявлялись имеющиеся проблемы. Так, например, не везде и не всегда рабочие полевых партий и рабочих поселков имели возможность читать хорошую художественную литературу, нерегулярно доставлялось кино на некоторые буровые.

Среди проблем можно отметить: нехватку помещений для репетиций; отсутствие или нехватку музыкальных инструментов; несвоевременную доставку тканей и фурнитуры для пошива костюмов. Все перечисленные факторы негативно сказывались на творческом настрое артистов. Результатом также было снижение мотивации к участию в художественной самодеятельности и нарушение трудовой дисциплины в некоторых коллективах.

В воспоминаниях ветеранов отрасли отмечалось, что концертные номера иногда приходилось репетировать прямо на рабочих местах или в кабинете председателя объединенного постройкома т. Козлова.

Вот пример одной из подобных репетиций:

«Плотник Алексей Букреев в болотных сапогах, брезентовой куртке. Он прямо со смены. Сидит он на стуле председателя постройкома с баяном. Посреди кабинета черноглазая тоненькая девушка в ситцевом платье – инженер планового отдела СУ-7 Ася Поплавская.

– Теперь повторим «дробушку». Хорошо, Ася, только надо плавнее руками. Это же очень русское движение – широкое и плавное.

И опять вместе с баяном, подпрыгивая в своих болотных сапогах, показывает, каким должно быть движение «дробушка». Пол кабинета, видимо, наспех скроенный, заходил ходуном, шкаф – словно кто толкнул его, двинулся к середине кабинета. И сразу же застучали – и слева, и справа – из соседних кабинетов.

– Ничего, Ася, – садясь на председательский стул и поправляя ремень баяна, сказал Букреев. – Пусть, Ася, развалится этот шкаф и потолок заодно. И все инженеры, и прорабы, и все управление возмутится. И тогда они сделают пристройку к клубу – для занятий нашего хореографического кружка. А разве поработаешь – если не спляшешь? как ты думаешь, Ася? А сейчас, Ася, повторим «гармошечку», не забыла? Так. Так. Получается! Молодчина, Ася!» [4, с. 79].

К 1980-м г. ситуация значительно улучшилась. Во всех клубах строительных поселков художественная самодеятельность стала постоянно действующей. У каждого строительно-монтажного управления или буровой существовал свой коллектив художественной самодеятельности, огромным успехом пользовался на Вуктыле ТЮЗ.

На предприятии регулярно проводились смотры-конкурсы среди работников подразделений. Основными задачами этих конкурсов являлись духовное воспитание работников, выявление талантливых исполнителей, повышение уровня идейно-политической работы в самодеятельных коллективах, рост исполнительского мастерства. У каждого коллектива или исполнителя были свои поклонники и благодарные зрители, которые всегда поддерживали коллег на всех проводимых мероприятиях. Мероприятия старались делать разноплановыми, организаторы старались удивить зрителей новыми, увлекательными, задорными, тематическими номерами и мероприятиями – от КВНа до смотра патриотической песни. Режиссеры и «массовики-затейники» постоянно старались повышать уровень своего профессионализма, учились, перенимали опыт от более квалифицированных коллег.

В целом, говоря о художественной самодеятельности как части программы активизации творческого досуга работников ПО «Комигазпром» во второй половине XX в., необходимо отметить, что руководители предприятия уделяли определенное внимание культурному развитию своих работников через приобщение к художественной самодеятельности, поддерживали появление новых направлений художественной самодеятельности и оказывали финансовую поддержку творческим коллективам, создавали благоприятную инфраструктуру для развития клубных и досуговых формирований. Наличие коллектива художественной самодеятельности на каждом заводе и фабрике города, за которым следили руководители клубов и профсоюзов, было обязательным. Художественная самодеятельность являлась неотъемлемой частью как производственного процесса, так и досуга рабочих ПО «Комигазпром» в 70-е гг. XX в.

Список литературы

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. III. М.: Госполитиздат, 1962. С. 229–335.

2. Максимова Л. А. Рабочие нефтегазовой промышленности Коми АССР в годы восьмой пятилетки. 1966–1970: дис. … канд. ист. наук. Ленинград, 1984. 260 с.

3. Седых А. Д. История развития газовой промышленности. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ООО «ИРЦ Газпром», 2008. 347 с.

4. Жогова Л. В., Векшина Т. А., Шаманаева И. В. Вуктыл. Дороги, которые мы выбираем. Сыктывкар: ОАО «Коми республиканская типография», 2006. 703 с.

5. Архивный отдел администрации МО «Ухта». Ф. 69. Оп. 1. Д. 13, 32, 39.

6. Архивный отдел администрации МО «Вуктыл». Ф. 21. Оп. 1. Д. 6, 10, 14, 17, 21.

Ю. М. Павленко

Учительские клубы как форма проведения досуга педагогов СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Статья посвящена изучению учительских клубов как формы досуга советских педагогов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Изучаются цели учительских клубов, их функции, типичные мероприятия, темы обсуждений и культурные инициативы, реализуемые в рамках клубов. Анализ особенностей деятельности учительских клубов позволил выявить причины их популярности и значение как важного социального и образовательного явления.

The article is devoted to the study of teachers' clubs as a form of leisure for Soviet teachers in the late 1980s and early 1990s. The goals of teachers' clubs, their functions, typical activities, topics of discussion and cultural initiatives realized within the framework of the clubs are studied. The analysis of the peculiarities of teachers' clubs' activities allowed to identify the reasons for their popularity and their significance as an important social and educational phenomenon.

Ключевые слова: учительские клубы, досуг педагогов, учитель, творчество, самодеятельность, повседневность.

Key words: teachers' clubs, teachers' leisure, teacher, creativity, amateurism, everyday life.

В конце XIX – начале XX в. повсеместно начинают складываться педагогические объединения и союзы, в которых обсуждались вопросы о материальном положении учительства, методических разработках, реформах народной школы и др. [1, с. 6]. Появляются съезды народных учителей, где педагоги участвовали в дискуссиях, составляли планы по укреплению учительских объединений и т. д. [1, с. 8]. С течением времени съезды эволюционировали в профсоюзные организации, главной задачей которых было обеспечение соблюдения трудовых прав учителей [1, с. 27].

Наряду с этим происходит формирование творческих коллективов учителей. В конце 1980-х гг. на базе «Учительской газеты» возрождается клуб творческой педагогики «Эврика», который стал для учителей возможностью опубликовать и обсудить свои новаторские идеи в педагогике на страницах газеты [2, с. 206]. Впоследствии «Эврика» превратилась не просто в рубрику газеты, но и стала местом реальных встреч педагогов в разных городах страны, на которых обсуждались вопросы перспективы развития школьного образования, предложения по созданию особых методик преподавания, освоение альтернативных образовательных систем, кадровые перспективы и др.

Творческий клуб «Эврика» способствовал решению педагогических проблем и в то же время укреплял межличностные связи между учителями, которые стремились к поиску единомышленников и друзей для реализации собственных творческих талантов [3, с. 5]. В этот период в СССР усиливался процесс демократизации, что способствовало появлению различных общественных объединений. Учительские клубы стали своеобразным ответом на новые вызовы времени. Появлялись такие учительские объединения, целью которых было не обсуждение школьных проблем, а отдых, отвлечение от повседневных проблем, восстановление сил, удовлетворение собственных творческих инициатив [3, с. 5]. В условиях меняющегося общества педагоги ощутили важность не только образовательного процесса, но и своего личного досуга в кругу коллег.

Учительские клубы представляли собой неформальные объединения, в которые входили учителя различных специальностей. Они проводили регулярные встречи, на которых возникали дружеские взаимоотношения и укреплялись профессиональные связи. Клубы часто действовали на базе школ или районных

методических центров. Во многих городах страны учительские клубы действовали в домах культуры и носили названия «Дом учителя».

В Москве такой Дом учителя осуществлял свою деятельность в старинном особняке П. В. Зубова. В 1989 г. на базе Дома функционировало большое количество клубов для педагогов, которые появлялись из отдельных «временных» кружков [4, с. 4]. Из кружка по вязанию был организован клуб прикладного творчества, для членов которого проводились встречи с модельерами, посещение художественных выставок, разговоры о доме, о воспитании собственных детей. Кружок рисования был реорганизован в народную изостудию, где учителя рисовали не только ради собственного удовольствия, но и на благо обществу – коллекция самодеятельных картин клуба была передана жителям города Павловский Посад, в совхозе «Вороново» из данной коллекции создали картинную галерею [4, с. 4].

Также существовал клуб поющих учителей, на выступления которых собирались коллеги, друзья, школьники и обычные любители самодеятельного творчества. Об одном таком концерте вспоминала О. П. Копылова, директор Дома: «Вывесив афишу концерта, которую нарисовали наши учителя из изостудии, мы не ожидали увидеть такой аншлаг! Было много зрителей из числа друзей выступавших, но больше всех поразили те, кто узнал о концерте из афиши и после завершения провожали бурными аплодисментами». Кроме того, в Доме существовали клубы икебаны, макраме, гитаристов, историков, писателей, литераторов и др., которые также успешно осуществляли свою деятельность. Сами учителя о Доме отзывались так: «Дом стоит. Дом действует. Он полон жизни, с каждым днем всё больше и больше собирая вокруг себя учителей. Своей работы мы уже без него и не мыслим. Он стал нашим советчиком и другом» [4, с. 4].

В Санкт-Петербурге одним из мест организации учительских клубов был Дворец культуры работников просвещения (Юсуповский дворец). Во Дворце осуществлялись различные виды досуговой деятельности для всех жителей города, но главной целью всегда оставалась работа с педагогическими кадрами. Продолжительное время существовали такие объединения учителей, как клуб молодого учителя «Собеседник»; клуб школьных преподавателей музыки «Камертон»; клуб «Театралы», в котором педагоги города ставили спектакли и проявляли себя в качестве актёров; клуб ветеранов педагогического труда; клуб «Литератор»; народный коллективный хор учителей и ещё более 10 творческих объединений педагогов [5, л. 16].

Во Дворце для учителей предоставлялась полная свобода творчества и всевозможная поддержка. У клубов имелась четкая организационная структура, руководитель, иногда прописывались устав и правила. В уставе клуба «Призвание», который был направлен на поддержку и менторство для молодых педагогов, только входящих в профессию, были прописаны цели, задачи, время проведения, формы взаимодействия [6, л. 12–12А]. Предполагалось, что на встречах учителя будут играть в имитационные деловые игры, устраивать вечера песен, поэзии, приглашать различных ученых для дискуссий, ленинградских

писателей и т. д. В октябре 1992 г. на базе данного клуба состоялось выступление кандидата психологических наук Н. А. Даниличевой, которое было посвящено вопросам психологического состояния педагогов [6, л. 30–32].

Идея создания клуба психологической поддержки учителей исходила от самих учителей и была поддержана руководством Дворца. 18 января 1991 г. состоялась его презентация [7, л. 37]. В клубе педагоги получали психологическую помощь, участвовали в тематических семинарах, учились управлять стрессом и методикам саморегуляции. Просуществовал клуб не так долго, поскольку у Дворца были финансовые трудности и обслуживание клуба выходило за рамки бюджета [7, л. 53]. Несмотря на непродолжительное время существования клуба и его скорое закрытие, помощь в клубе получили десятки педагогов.

Успешно функционировал клуб «Театралы», который объединял под своим началом педагогов, увлечённых театральным искусством. Как гласит устав, цель клуба – развитие творческих способностей учителей и создание платформы для обмена идеями и опытом театрального мастерства. В 1990 г. клуб представил зрителю такие постановки, как «Али-баба и сорок разбойников», «Завтра была война», «Ревизор». Зачастую несколько ролей играл один и тот же человек, поскольку клуб хоть и был популярным, но был и дефицит актерского состава. Все декорации и всё необходимое для проведения спектаклей учителя изготовляли своими руками, а также прибегая к помощи коллег из других клубов [8, л. 11–11 а].

Как отмечалось ранее, учительские клубы создавались и на базе школ. Сообщения о создании таких клубов появлялись в «Учительской газете». В 1986 г. учителя из Бодайбинского района Иркутской области организовали клуб лыжников [9, с. 2]. В 1987 г. поступило сообщение из города Ашхабада, где учителя объединились для создания игрушек крючком [10, с. 3]. В 1988 г. в г. Вильнюс прошел турнир между клубами шахматистов-учителей [11, с. 5]. В 1989 г. учительница иностранного языка из г. Киев Г. И. Парфилова, как руководитель клуба интернациональной дружбы, в заметке «Предлагаю дружбу и переписку», просила совета у организаторов самодеятельности по сценическому искусству и режиссуре [12, с. 3].

Воспоминания учителей о своих творческих и досуговых практиках ещё раз подчеркивают значимость клубов в повседневной жизни учителя. Например, А. Е. Кораблёва о клубе, в котором она состояла, вспоминает так: «Изначально не хотела туда идти, не особо я люблю шить и делать что-то руками. Пришла однажды и больше не смогла уйти, бывало, так с девчонками засидимся и заболтаемся, что уже и вышивка не нужна была. Отдыхали головой, собирались каждую первую субботу месяца, иногда не получалось, конечно, но даже все домашние знали, что по субботам я со своими «вышивальницами», мы так с девочками друг друга прозвали» [13].

Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. популярной среди учителей формой проведения досуга были учительские клубы, которые функционировали во многих городах страны. Вследствие того, что клубы, которые функционировали на базе дворцов культуры, не получали финансовой под-

держки от государства, многие из них к 1993 г. прекратили свою работу. Однако массовое и повсеместное проведение учителем своего совместного досуга в кругу коллег не прекратилось.

Список литературы

1. Страницы истории профсоюзного движения в системе образования России. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 100 с.
2. История общественно-педагогического движения «Эврика» (составитель М. Н. Мельникова) // Вопросы образования. 2006. №3. С. 205–223.
3. Богуславский М. Педагогическое сообщество: недавнее и далекое прошлое неформальных движений в России // Первое сентября. 2000. № 48. С. 5.
4. Хлебникова Т. Дом на Таганке // Учительская газета. 1989. № 35. С. 4.
5. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-364. Оп. 3. Д. 79.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-364. Оп. 3. Д. 143.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-364. Оп. 3. Д. 142.
8. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-364. Оп. 3. Д. 146.
9. Самойлов Д. Лыжню! // Учительская газета. 1986. №31. С. 2.
10. Гордиевич А. И. Ждём и вас! // Учительская газета. 1987. № 70. С. 3.
11. Городецкий В. Не сложно – красиво! // Учительская газета. 1988. № 121. С. 5.
12. Парфилова Г. И. Предлагаю дружбу и переписку // Учительская газета. 1989. № 48. С. 3.
13. Полевые материалы автора. Результаты опроса Ю. М. Павленко учителей Ленинграда, которые работали в школах города в изучаемый период времени.

Д. В. Щукин, А. А. Рябова

Трансформация идентичности: культурные течения и субкультуры в пространстве повседневности России 1990-х гг.

В статье анализируется рост и развитие молодежных субкультур в России в 1990-е гг., ставших важной частью социальной жизни после распада Советского Союза. Этот период характеризуется массивным влиянием западной культурной продукции, что стимулировало формирование новых и усиление существующих субкультурных движений. Рассматриваются такие направления, как рок, панк (включая эмо- и ска-панк), готы, рейв и хип-хоп, описываются их особенности, влияние заимствованных западных элементов и уникальные черты, которые приобрели эти субкультуры в России.

The article analyzes the growth and development of youth subcultures in Russia in the 1990s, which became an important part of social life after the collapse of the Soviet Union. This period is characterized by the massive influence of Western cultural products, which stimulated the formation of new and strengthening of existing subcultural movements. Such trends as rock, punk (including emo and ska-punk), goths, rave and hip-hop are considered, describing their features, the influence of borrowed Western elements and the unique features that these subcultures have acquired in Russia.

Ключевые слова: 1990-е гг., история, молодежь, досуг, культурные практики, Россия, субкультура, идентичность.

Key words: 1990s, history, youth, leisure, cultural practices, Russia, subculture, identity.

Эпоха 1990-х гг. в России стала ареной значительных изменений, охватывающих политическую, экономическую и социальную сферы. Эти изменения оказали глубокое воздействие на культурные практики и общественные настроения, создавая уникальную атмосферу переходного периода, которая ярко проявилась в жизни молодого поколения. В условиях стремительной перестройки классовой системы и активного поиска молодежью своего места в обществе на первый план вышли личные достижения и профессиональные успехи. Переход к рыночной экономике принес как новые возможности, так и вызовы, обострив социальное неравенство и усилив конкуренцию.

С падением Железного занавеса молодежь 1990-х гг. окунулась в западные культурные влияния, которые стали важным элементом в формировании новой идентичности. Процесс заимствования западных ценностей происходил через призму местного культурного опыта, что приводило к разнообразию предпочтений и стремлений молодого поколения. Музыка и субкультуры заняли центральное место в этом процессе, служа важными средствами для самовыражения и поисков идентичности. 1990-е гг. в России стали ключевым периодом для формирования и развития молодежных субкультур, отразившим резкие социальные и культурные изменения, произошедшие после распада Советского Союза. Возникновение и развитие таких движений, как панки, рейверы, готы и прочие, стало значимым явлением, преобразовавшим культурный ландшафт постсоветской России.

Формирование и развитие молодежных субкультур в России началось еще с 1980-х гг., а молодежные движения существовали и ранее, но носили фрагментарный характер. После распада СССР достигает расцвета молодежное «контркультурное» движение – так называемая «Система» (неформальное сообщество людей, общим для которых был пассивный протест против существующей государственной системы) [1]. Это движение предоставляло пространство для самовыражения, творчества и мысли, тем самым привлекая внимание значительной части молодежи. Некоторая часть молодежи «нашла себя» в противопоставлении «Системе», видя в этом своеобразный способ самоидентификации и возможность выделиться на фоне общего конформизма. Появлялись и развивались уже имеющиеся различные группы и объединения, которые делали акцент на своеобразную моду, музыку и стиль жизни, зачастую черпая вдохновение из западных субкультур.

Наиболее заметными и активно развивающимися субкультурами 1990-х гг. стали рокеры, панки, готы, рейверы и хип-хоп сообщества.

Панк – это изначально контркультура, позднее ставшая субкультурой. Панки уже имели свою базу еще с советских времен, но с наступлением 1990-х они получили «второе дыхание». В это время на российской сцене начали выделяться такие направления, как эмо-панк и ска-панк, каждое из которых принесло что-то свое в культуру.

Ска-панк – это особое направление в музыке и культуре. Оно связано с анархическими и нигилистическими идеями, которые были против обычных устоев общества. В начале 1990-х в России ска-панк приобрел черты отдельной

субкультуры, данное направление являлось крайне левым и очень политизированным. Наиболее известные представители отечественного ска-панка, такие как «Distemper», нашли свою аудиторию среди молодежи, делая акцент на энергичных живых выступлениях и лирике, затрагивающей как социальные, так и личные темы. Большое внимание субкультура ска-панка уделяет общечеловеческим ценностям добра, взаимопомощи, взаимовыручки, позитивного жизненного настроя.

Эмо-панк, или просто эмо, возник как поджанр хардкор-панка, отличаясь более меланхоличными и личными текстами, затрагивающими темы эмоций, внутренних переживаний и сложных отношений [2]. В 1990-е гг. эмо начало набирать популярность и в России, хотя его распространение было ограниченным по сравнению с Западом. Российские группы этого направления вдохновлялись зарубежными коллективами, такими как Rites of Spring и Sunny Day Real Estate, и старались добавлять собственные элементы в музыку. Одними из самых заметных российских групп, работавших в жанре эмо-панк, являются группа «Психея» и «Два капитана» [3]. Характерным для российской эмо-сцены было влияние местной музыкальной и культурной специфики, отражение социальных и политических реалий того времени. В сознании россиян «эмо» представляются как грустные подростки в полосатых колготках и кедах, с мягкими игрушками, приколотыми на розовые рюкзаки, пирсингом и длинными челками. Представители данной субкультуры должны были находиться в депрессии и выражать свои эмоции как можно более открыто.

К середине 1990-х «Система» распалась на отдельные группы – в то время появились первые готы. Готы – это романтико-эскапистская субкультура, возникшая как отклик на дух времени и поиски нового эстетического выражения [2]. В России 1990-х гг. готическая субкультура обрела своих поклонников на фоне общественных перемен и стремления к самовыражению. Готы, с их мрачной эстетикой и романтическим взглядом на мир, предложили альтернативу мейнстримовой культуре и смогли объединить людей с общими интересами в музыке, искусстве и философии. Они черпали вдохновение из литературных произведений о сверхъестественном, таких как «Дракула» и «Франкенштейн» [4]. Важное значение имели мистические символы и подражание западной рок-музыке, причем растущей популярностью пользовались группы «Агата Кристи» и «Пикник».

Рейв является нигилистической субкультурой, ориентированной на будущее, которая иногда выглядит эгоистичной и отрицающей реальность и окружающую среду. Однако русский рейв отличается от интернационального: он не отрицает прошлое или историю, а скорее использует национальные и традиционные символы. Это объединяет последователей в единстве музыки, стилей и ощущений. В условиях неожиданного коллапса системы в 1990-х гг., в которой росли молодые люди, произошло смешение ценностей. Родители учили их жить в стабильной системе, которая вдруг разрушилась. В результате возник кризис личности, так как исчезли прежние представления о добре и зле. Столкнувшись с неограниченной свободой, молодежь оказалась в замешательстве, что привело

к появлению рейва. Российский рейв значительно отличается от берлинского или лондонского. Он ориентирован на общество больше, чем на эскапизм, приверженный западными рейвами. Gagarin Party – первый крупный русский рейв, который состоялся 14 декабря 1991 г. в павильоне «ВДНХ» в Москве [5]. Изначально данное мероприятие было задумано как фестиваль «космической музыки», представляющий электронную музыку. Рейвы стали символом независимости и движения против консервативных и устаревших социальных норм. Для многих рейвы ассоциировались с идеями свободы, дистанционирования от официозной культуры и поиском идентичности через музыку и танец. Российские рейверы уверенно относятся к прошлому и обществу, поддерживая баланс и стремление к более высокому уровню, что объясняет использование космических символов в их культуре.

Распространение хип-хоп-культуры на глобальной арене, в том числе в России произошло преимущественно в 1990-е гг., когда данный жанр вышел за рамки андеграунда, одновременно с развитием таких музыкальных стилей, как панк. На момент глобального признания хип-хоп обладал выраженной леворадикальной философией, с течением времени склонной к усилению и часто приобретавшей экстремальные формы, включая пропаганду насилия и криминального образа жизни, а также граффити, граничащего с вандализмом. Молодежь активно вовлеклась в MC-битвы, граффити и брейкданс. Подростков привлекала возможность самовыражения через музыку и танец, в которых не существовало жестких правил и предписаний. Ключевым событием в формировании андеграундного движения стало создание Сергеем Булавинцевым (Bust A.S.) сообщества D.O.B. Community, из которого вышли такие артисты, как «Рабы Лампы», «Гюндик и Jeep», «DL Пахан» и многие другие [6]. Примечательно, что в 1990-е гг. многие артисты исполняли рэп на английском языке, считая его более подходящим для речитатива. Хип-хоп стал одним из самых заметных явлений молодежной культуры, формируя один из новых образов русского города и его молодежи.

Таким образом, влияние субкультур имело глубокое социально-психологическое значение в повседневности исследуемого периода. Они предоставляли молодежи необходимые каналы для самовыражения через уникальный внешний вид и нетрадиционное поведение. Внешний вид, будь то тяжелые ботинки или яркая косметика, стал способом выражения внутреннего мира и принадлежности к определенной социальной группе. Субкультуры помогали формировать альтернативные сообщества, обеспечивая платформы для социального взаимодействия и эмоциональной поддержки. Они оказались не просто альтернативными течениями, но и значимыми культурными феноменами повседневности эпохи «лихих 90-х». Влияние западной культуры, сопровождаемое адаптацией к местным условиям и особенностям, породило уникальные формы самовыражения, способные к развитию и эволюции в новых условиях глубокой транформации российской идентичности конца XX в.

Список литературы

1. Сербаев Р. А. История субкультур в России // Шаг в науку. 2019. № 3. С. 146–148.
2. Абросимов В. В. Punk not dead?: ретроспективный анализ субкультур в России // Политика и общество. 2021. № 3. С. 48–54.
3. Эмо и альтернатива нулевых (начало). Новая Культура. URL: https://vk.com/wall-4423_24397 (дата обращения: 08.11.2024).
4. Субкультура готы в советское время. Разновидности готических направлений. URL: https://deziiign.com/project/a169ca90ea284d9cafc5790dedb249d2 (дата обращения: 08.11.2024).
5. Азелицкий О., Иванов К., Стогов И. Рейв. СПб.: Амфора, 2008. 284 с.
6. Эй, диджей! История хип-хопа в СССР и России. URL: https://histrf.ru/read/articles/ey-didzhey-istoriya-hip-hopa-v-sssr-i-rossii (дата обращения: 15.11.2024).

СТОЛИЧНАЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ДОСУГОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

И. Р. Соколовский

Запретные развлечения: «зернь» в Сибири XVII в.

В статье рассматривается такое явление, как «зернь» – азартная игра, похожая на игру в кости. Выясняется, что она часто заполняла досуг всех категорий населения (крестьян, служилых людей, работников, торговцев). Правительство всеми мерами боролось с этой формой проведения досуга, но не по религиозным, а скорее по экономическим соображениям – азарт доводил игроков до полного финансового банкротства и толкал на путь преступлений. Показано, что эта форма проведения досуга в ее крайних формах была характерна не только для русского населения, но и для других жителей Восточной Европы.

The article discusses the phenomenon of "zern'" – a gambling game similar to dice. The author demonstrates that the game often filled the leisure time of all categories of the population (peasants, service people, workers, merchants). The government fought this form of leisure by all means, but not for religious, rather for economic reasons, because gambling brought players to complete bankruptcy and pushed them to the path of crime. The article shows that this form of leisure in its extreme forms was characteristic not only of the Russian population, but also of other residents of Eastern Europe.

Ключевые слова: Сибирь, XVII век, казаки, литва, зернь, проиграться.

Key words: Siberia, 17th century, Cossacks, litva, zern', lose.

Известный и рано ушедший из жизни историк Сибири XVII в. Е. В. Вершинин так характеризовал распространённые развлечения мужской части русского сибирского сообщества в этот период: «круг развлечений мангазейцев был традиционным для Московской Руси – посещение квасных изб и бань, в которых можно было играть в шахматы и азартные игры – зернь и карты» [1, с. 317]. По его же замечанию, «более интересным местом для игры в зернь являлись, конечно, государевы кабаки» [1, с. 317]. В описании приключений кн. Артемия Шейдякова в 1634 г. отмечается, что «зернь» входила в обычный состав «потех», включая баню, женщин, шутов, причем поклонники таких «забав» не смущались никаким религиозным календарём [2, с. 310]. Сочетание этих развлечений нередко приводило к тому, что увлекшиеся игроки «проигрались в зернь «“донага”» [1, с. 238].

Были ли те, кого азартные игры привлекали больше всего? Кажется, это были те, у кого были деньги: прежде всего «дети боярские», «казаки», другие «служилые люди». На это указывало еще постановление Стоглавого собора в середине XVI в., что они «зернью играют и пропиваются, ни службы не служат, не промышляют, и от них всякое зло делается: крадут и разбивают и души губят» [3, с. 83; 4, с. 83]. О подобном же образе жизни в Красноярске конца XVII в. писал С. В. Бахрушин [5, с. 77], а в Москве П. В. Седов [6, с. 39]. Г. Ф. Миллер

писал, что в Тобольске и Берёзове «унимать» от «зерни и карт», требовалось «и литву, и казаков, и стрельцов» [7, с. 404]. П. Н. Барахович упоминает такие категории населения, как «казаки и их братья и дети, и племянники и внучата и захребетники», расширяя круг поклонников азартных игр не только на три поколения казачества, но и на их зависимых людей [8, с. 55].

Можно предположить, что тяга к азартным играм связана не только с наличием денег, но и с периодами длительного безделья: «Только приезжают в Енисейский острог, воруют, – жаловались енисейцы, – и промышленных людей грабят и зернью играют и живут в Енисейском недель по 5 и по 6 и по 10, а запасов своих сами на себя не возят, а уметываются, государь, на нас, холопей твоих» [5, с. 138], поэтому «отписку, полную жалоб на красноярских служилых людей, направил в Москву енисейский воевода Осип Оничков в 1643 г.; Он сообщал, что красноярцы приходят “по вся годы” по 100 человек, “зимуют неведомо по какому указу, ставятца на дворах служилых и посадских, чинят тесноту немалую”, играют в зернь» [8, с. 254].

Тем не менее, государство постоянно стремилось унимать от азартных игр разных крестьян, людей без особенного праздного досуга. С. М. Соловьев писал о документах, которые дают представления об играющих в зернь крестьянах в ту же середину XVI в. [3, с. 93]. Но крестьяне продолжали играть в азартные игры и дальше, и уже при Борисе Годунове им робко намекалось, что «крестьяне, кому можно про себя питье держать в своих домах, и они бы держали про себя, а не продавали; а которым крестьянам случится к праздникам или поминкам пива сварить и вина скурить, и они бы о том вам докладывали...», но главное, чтобы в зернь не играли [3, с. 299]. В середине XVII в. поручные записи запрещали крестьянам этот вид азартных развлечений [9, с. 327] «зернью и карты и всякою зерновою игрою не играли» [10, с.90; 11, с. 119]. В конце XVII в. в Красноярском остроге «люди устроены в пашенных крестьянех, и те люди, взяв твое государево жалованье, ссуду, деньги и семенной хлеб, и сошники, и серпы, и косы и всякой пашенной завод, пропивают на квасу беспрестанно, да зернью проигрывают» [5, с. 95] «крестьяне государеву пашню пахали сполна без недопашки, а зернью б не играли» [8, с. 226]. И в начале XVIII в. от крестьян требовали поручную запись, чтобы им «и зернью и карты не играть» [12, с. 161].

В XVII в. (в октябре 1605 г.) в зернь играли работные люди [13, с. 396] «…зернью и карты и какою закладною (азартною) игрою не играть» обязывались покрученики, отправлявшиеся на охоту [9, с. 339]. От этого обещали воздерживаться приказчики, признавая над собой имущественную власть хозяина товара, «или почну бражничать и зернью играть» [14, с. 144]. Вовлекались в игру и духовные лица [15, с. 83].

Тяга к азартным играм распространялась и на нерусское население. Агенты правительства отмечали, что западные европейцы на русской службе «а емлют от того деньги, и те денги пропивают и зернью проигрывают и тем от государевой службы отбывают, и з бедности бьют челом государю о корму» [16, с. 78]. И. Р. Соколовский отмечал, что за «воровство и зернь» два «иноzем-

ца» присланные в 1634/35 и 1635/36 гг., были «отставлены от службы» в «детях боярских» и переведены в «пешие казаки» [17, с. 90]. Те же крестьяне учили играть в зернь и пить водку представителей аборигенных народов [18, с. 200], что правительство, разумеется, стремилось запретить [19, с. 163].

Забава это была настолько распространена, что историк, не зная, куда «гулящий человек» дел деньги, смело предполагает: «и проиграл их, должно быть, в карты или в зернь» [19, с. 303].

Бороться с этим злом должны были служилые люди, «и зернь и воровские неуказные карты велеть вынимать безо всякого опасения» [12, с. 177], но, учитывая все вышесказанное… Например, когда одного такого деятеля хотели наказать за зернь батогами, за него «заступались его товарищи, приходя “сокопом и шумом”, “никакого плута бить батоги не дадут”» [9, с. 327].

Кроме физических наказаний, обязательств и поручных записей [20, с. 253] «и государева служба служити, а не воровата, корчмы и блядни не держати, и зернью не играти, и не красти, и не розбивати и не збежати», полный текст которых напечатан Г. Ф. Миллером [7, с. 362], государство пыталось применить другие меры воздействия. Азартным игрокам не выдавали государево жалование [21; 22, с. 265], люди, которые совершили преступления «проигравшись», подвергались ссылке «в украинные города» [10, с. 23; 23]. За ними должен был надзирать воевода [24, с. 170].

Наконец, правительство, как бы доведенное до отчаяния, решилось на своего рода легализацию: «С одной стороны, наказы сибирским воеводам содержали статью, запрещавшую игру в зернь служилым людям, ... С другой стороны, зернь могла отдаваться на откуп, и тогда в городе появлялась «зерновая изба», приносившая доход государевой казне» [1, с. 317], например в Сургуте [25, с. 286]. Однако, в Красноярске в 1635 г. население добивалось отмены такого «откупа» в 32 рубля в год, так как «опричь красноярских служилых людей играть зернь некому» [8, с. 280].

Самая главная причина борьбы с азартными играми была не религиозная [25, с. 309], а финансовая, чтобы игроки «оружия и платья не проигрывали и проигрався с твоей государеви службы... не бегали» [8, с. 405]: «все ссыльные люди, которые в службе, взяв твое государево денежное и хлебное жалованье, проживают на квасу ежегодно и зернью проигрывают», а должностных лиц азарт толкал на путь преступлений [5; 26, с. 143; 27, с. 72].

Отметим, что трудно было удержаться еще и потому, что даже на волоке «еще до устройства его для обслуживания нужд проезжих людей, на волоку возникла «волоковая баня» с буфетом, где продавались «кислый квас и сусло», и игорным домом для игры в зернь, в «картяные» и «всякие закладные игры» [25, с. 120]. С такой инфраструктурой трудно было проповедовать воздержание.

Н. Н. Оглоблин считал, что причинами игры в «зернь» была бездомность, бессемейность, низкий уровень культуры, что порождало стремление «погулять», «добраться до “хмельнаго зелья“, “питья табаку“, игры “в зернь”...» [28, с. 197].

Однако если мы посмотрим на другие примеры, мы увидим, что, например, во время смуты «Палицын переехал через реку в самые таборы козацкие; здесь одни козаки преспокойно пили, другие играли в зернь» [3, с. 682], однако точно так же вели себя и граждане Великого княжества Литовского: «литва входить в город, казну многую пропивать и платьем одеваться, потому что было множество у нее золота, серебра и жемчугу, после разграбления славных городов Ростова, Костромы, монастырей Пафнутьевского, Калязинского и других, где они раки святых рассекали, сосуды и образные оклады грабили, было у них также множество пленников, женщин, девиц и отроков; Когда все это они проворовали и проиграли в зернь и пропили, то стали грозить...» [2, с. 345].

Таким образом, «зернь» – азартная игра, похожая на игру в кости, была очень распространенной формой проведения досуга различных категорий населения в XVII в. Мы показали, что в азартные игры играли не только «служилые люди», но и разные категории зависимого населения, а также аборигены и иностранцы. Она часто не только заполняла досуг, но и становилась реальной страстью многих людей. Правительство боролось с этой формой проведения досуга, но не по религиозным, а скорее по экономическим соображениям. Борьба с ней началась в середине XVI в. и продолжалась до начала XVIII в. Игроков брали на поруки, наказывали физически, ссылали, отдавали в монастырь под начало, лишали жалованья, но все меры имели весьма ограниченный успех. Игры доводили игроков до того, что они лишались имущества, даже одежды. Иногда она толкала их на путь преступлений: присвоение казенного имущества и финансовых средств, растраты и подлоги. В XIX в. существовал публицистический подход к объяснению причин этой игры – семейная и хозяйственная неустроенность. Однако, мы видим, что эта азартная игра бытовала и среди других жителей Восточной Европы («казачества» и «литвы»). Видимо, для объяснения ее популярности надо искать другие причины.

Список литературы

1. Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.

2. Соловьев С. М. История России с древнейших времён: в 15 книгах: Книга 5. Т. 9. М. Издательство социально-экономической литературы, 1961. 758 с.

3. Соловьев С. М. История России с древнейших времён: в 15 книгах: Книга 4. Т. 8. М. Издательство социально-экономической литературы, 1960. 782 с.

4. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII в. М.: Наука, 1978. 417 с.

5. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. Научные труды Бахрушин Т. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 257 с.

6. Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.

7. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 607 с.

8. Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии: Енисейский и Красноярский уезды: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016.

9. Бахрушин С. В., Токарев С. А., Сафронов Ф. Г. Якутия в XVII веке: очерки. Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. 441 с.

10. Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск. Якутское книжное изд-во, 1967. 96 с.

11. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Ленинград: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1967. 538 с.

12. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское обл. гос. Изд-во, 1949. 593 с.

13. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Наука, 1999. 630 с.

14. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. Статьи по экономической, социальной, и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 297 с.

15. Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке: Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2020. 392 с.

16. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М.: Древлехранилище, 2004. 341 с.

17. Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. Новосибирск: Сова, 2004. 209 с.

18. Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Историко-филологические науки. Серия историко-филологическая. 1950. Т. 112. С. 23–210.

19. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.

20. История Урала с древнейших времён до 1861 г. Екатеринбург: Наука, 1989. 608 с.

21. Чистякова Е. В. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. // Русское государство в XVII веке: новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 254–272.

22. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975. 248 с.

23. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М. Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 432 с.

24. Глазьев В. Н. Городовое воеводство второй половины XVII в. // Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып. 8. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 165–175.

25.Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVII–XVIII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 376 с.

26. Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 324 с.

27. Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета 2018. 142 с.

28. Оглоблин Н. Н. Женский вопрос в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1890. Т. 41. С. 195–207.

В. И. Белошеева

Визиты и званые обеды как элементы домашнего досуга в воспоминаниях столичного дворянства конца XVIII – первой половины XIX в.

В статье характеризуются виды домашнего досуга дворян Санкт-Петербурга в конце XVIII – первой половине XIX в. – визиты и званые обеды. На основе воспоминаний современников исследуемого периода проводится анализ праздничного досуга столичного дворянства. Особое внимание уделяется изменениям организации визитов и обедов в

Петербурге конца XVIII – первой половины XIX в.: по месту, времени, продолжительности и количественному составу участников. Для конца XVIII в. были характерны открытость, масштабность, торжественность визитов и званых обедов, но к середине XIX в. данные элементы повседневности обрели иное значение – проявились черты скромности, замкнутости приёмов.

The article describes the types of home leisure of the nobles in Saint-Petersburg at the end of the 18th – the first half of the 19th century- visits and invited dinners. Based on the memories of modern period studied, an analysis of festive leisure of the capital nobility is performed. Special attention is paid to changes in the organization of visits and dinners in Petersburg at the end of the 18th - first half of the 19th century: place, time, duration and number of participants. The openness and magnitude of dinners were characterized for the end of the 18th century, but by the middle of the 19th century these elements of everyday life got another meaning, the features of modesty and insularity appeared.

Ключевые слова: дворянство, Санкт-Петербург, визиты, званные обеды, воспоминания современников.

Key words: nobility, Saint-Petersburg, visits, lunches, memories of contemporaries.

Повседневная жизнь петербургских дворян конца XVIII – первой половины XIX в. не ограничивалась публичными мероприятиями. Юрий Михайлович Лотман в своей работе классифицировал домашний досуг представителей высшего сословия на праздничный и будний [1, с. 356]. Визиты и званые обеды являлись одними из праздничных форм проведения домашнего досуга столичного дворянства. Они сопровождались встречами с родственниками, знакомыми и времяпрепровождением с ними.

Одним из аспектов дворянского досуга были визиты. «Целью посещений было сблизить людей и установить между ними дружественнейшие сношения, нежели те, которые родятся от временных взаимных выгод или дел» [2, с. 38–43].

Различали несколько основных видов визитов: 1) деловые; 2) по случаю приезда; 3) для «изъявления участия»; 4) поздравительные; 5) родственные [2, с. 153–154]. Деловые визиты [3, с. 242] и визиты по случаю приезда [4, с. 52] являлись одними из распространённых форм и совершались регулярно. Сами визиты продолжались не более 30 минут. Приглашения на них обязательно должны были быть высланы не позднее чем за неделю до встречи. Такие визиты обязательно предполагали ответную реакцию: дворянин, которого посетил гость, был обязан в течение трёх-пяти дней совершить взаимный визит к нему домой [1, с. 40].

Особой разновидностью визитов были поздравительные, включавшие в себя празднование именин, дней рождения хозяев. По воспоминаниям Л. Ф. Сегюра, в конце XVIII в. в России «было введено обычаем праздновать дни рождения и именин всякого знакомого лица, и не явиться с поздравлением в такой день – было бы невежливо. В эти дни никого не приглашали, но принимали всех, и все знакомые съезжались» [5].

Для уведомления о визите составлялись индивидуальные визитные карточки. На уголке визиток первой половины XIX в. было принято писать сокра-

щения, свидетельствующие о желаемой цели визита. В руководстве «Хороший тон» отмечались следующие виды обозначений: ««P.p.» (pour presente) – представиться; «P. c» (pour condoléance) – выразить соболезнование; «P.p.p.» (pour prendre part) – выразить участие; «P.p.c.» (pour prendre congé) – проститься в связи с отъездом; «P.f.» (pour feliciter) – с целью поздравить или «P.r.» (pour remercier) – отблагодарить» [6, с. 298]. С помощью них хозяин мог узнать или указать не только дату визита, но и его цель.

По воспоминаниям современников, в конце XVIII в. визиты могли отдаваться во время принятия туалета хозяином [7, с. 52]. В начале XIX в. можно выделить следующую классификацию визитов: 1) деловые, которые проводились после завтрака; 2) приятельские, проводимые после обеда; 3) дружеские. Встречи с друзьями начинались как правило в восемь-девять часов вечера [3, с. 9]. Проводиться данные встречи могли в личном кабинете хозяина, в спальне или непосредственно в гостиной.

Родственные визиты могли включать в себя «взаимные визиты по праздникам, при переезде в новый дом или квартиру либо при отъезде заграницу» [8, с. 128]. В исследуемый период в мемуарах дворян отмечалось, что визитам как к ближним, так и к дальним родственникам уделялось большое внимание: «Забыть поздравить с именинами крестную мать или крестного отца, не прийти во время отъезда кого-либо из них, не проводить их с пожеланием благополучного пути, в воскресенье, перед началом Великого поста, не прийти к крестному отцу и матери «проститься» на Великий пост, обменявшись хлебом-солью», – считалось верхом невежества» [9, с. 315].

После свадьбы молодожёны обязаны были также совершить визиты ко всем родственникам, что приводило к временной усталости: «Мы сделали много визитов, что меня вконец утомило, но, благодарение Богу, они все окончены, теперь их принимаю ежеминутно, и это также довольно скучно» [10, л. 54].

Стоит отметить, что за один день петербуржцы могли нанести более пяти визитов. По воспоминаниям А. Ф. Тютчевой: «С утра она усаживалась вместе со своим многочисленным потомством в огромную карету, которая перевозила всю семью в различные концы города, из дома какой-нибудь родственницы в дом добрых знакомых или богатого и гостеприимного покровителя. Чай пили у одних, обедали у других, ужинали у третьих» [11]. Следовательно, визитная культура петербургских дворян стала неотъемлемой частью их домашнего досуга.

В случае непредвиденных ситуаций, в частности, ухудшения здоровья, хозяева имели право не посещать и не принимать гостей. Так, например, в письме С. М. Боратынской отмечается: «Я веду очень уединенную жизнь, будучи или беременною, или кормя детей, – что освобождает меня от визитов; мы тоже мало кого принимаем у себя: ... так как моя свекровь почти всегда находится в состоянии глубокой ипохондрии и не любит видеть у себя гостей» [10, л. 96].

Таким образом, исходя из материалов источников личного происхождения, визитная культура Петербурга конца XVIII – первой половины XIX в. включала в себя многообразие индивидуальных встреч, которые занимали большую часть обычного дня столичного дворянина и являлись одной из его светских обязанностей.

Нередко визиты могли организовываться с целью приглашения на «званый обед». Так, в своих мемуарах современник вспоминал о визите, нанесённом книготорговцу, который праздновал переезд магазина и пригласил к столу более 120 человек [4, с. 142].

В Петербурге в конце XVIII – начале XIX в. существовала дворянская традиция – приглашать гостей заранее на основное блюдо. Так, Анна Петровна Керн вспоминала, что «мать его (А. С. Пушкина), Надежда Осиповна, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник» [12, с. 39]. Приглашали гостей на обед и в случае праздников и именин [4, с. 95].

В источниках личного происхождения указывалось о такой характерной черте петербургских обедов, как хлебосольство, выражавшееся в обилии стола и гостей. В конце XVIII века особым гостеприимством отмечались дома С. С. Апраксина, А. Г. Орлова, Ю. В. Долгорукова, П. И. Одоевского, Строгановых и других. Адам Чарторыжский в своих мемуарах отмечал: «Дом Строгановых имел свои особенности. … В его доме говорили о Вольтере, о Дидро, о парижском театре, обсуждали достоинства картин великих мастеров – и, наряду с этим, здесь же накрывался огромный стол, и к обеду являлись гости без всякого приглашения, прислуживала целая вереница рабов, а беспорядок в делах выдавал происхождение этих сибирских богатств» [13, с. 40]. По-другому такие обеды называли парадными, поскольку их мог посетить любой человек, не имея особого приглашения.

Во время больших «парадных» обедов заранее приглашённых гостей, получивших визитные карточки, рассаживали согласно этикету: мужчины чередовались с женщинами. Места зачастую обозначались именными карточками. Первым делом за стол садились дамы, после мужчины [6, с. 200–201].

Для привлечения гостей хозяева составляли нестандартное меню блюд. Эта особенность в дворянской повседневной культуре сложилась еще в середине XVIII в. [14, с. 169]. Наполнение стола зависело от предпочтений хозяев дома. Если хозяин придерживался русского уклада жизни, то к столу подавали традиционные блюда. Если же хозяин увлекался западной культурой, повара готовили по французским или английским рецептам [8, с. 98–99].

Преимуществом парадных обедов считалось не только поднятие авторитета хозяев дома, но и обмен, распространение мыслей, взглядов по определённой тематике. В воспоминаниях петербургских дворян отмечалось, что темы разговоров были разнообразны, но они никогда не касались личной жизни, чего-то сокровенного в жизни дворянина. Мужчины в основном вели диалог о политике, философии, религии, литературе, а женщины – о детях, модных лавках, театральных представлениях, аксессуарах, домашнем хозяйстве [8, с. 95]. Таким образом, общение, проводимое в дворянском кругу в исследуемый период, способствовало просвещению столичного общества.

Отличительной особенностью визитов и обедов в правление Павла I являлась напряжённость и торжественность приёмов, о которых в своих записках

отмечал Ф. Ф. Вигель [15, с. 64]. Общение на них велось на обширные темы, а встречи проходили преимущественно в хорошо обставленных гостиных.

На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. обеденное время постоянно смещалось. В столице оно подстраивалось под распорядок дня императора. Так, например, в первый период правления Екатерины Алексеевны обед начинался около часа дня, позже он «сместился к половине третьего» [7, с. 104]. При Павле I, который являлся сторонником раннего начала дня, обед переместился на 11–12 часов дня. Но уже в «Положении» от 26 октября 1833 г., который был разработан обер-гофмаршалом К. А. Нарышкиным, пунктом № 3 определялось: «Время обедов назначать в 4 часа, а для ужинов в 10 часов» [16, с. 9]. Следовательно, парадные обеды к правлению Николая I достаточно сильно сместились во времени и плавно переходили в ужин. Заканчивались такие обеды уже ближе к вечеру или ночи и сопровождались такими элементами дворянского досуга, как разнообразные игры, обсуждение ключевых тем дня, прогулки по парку.

На смену парадным обедам в середине XIX в. пришли семейные, которые проводились в «небольшом кругу избранных» [17, с. 31]. Они начинались примерно с четырех часов до пяти в то время, когда глава семьи возвращался домой. Согласно этикету, «когда обед не церемонный, и за ним присутствуют родственники и приятели, то все глубокие тарелки для супу ставились обыкновенно перед хозяйкою, которая в таком случае сама разливала суп, а лакей разносил его по сидящим за столом» [18, с. 26]. В данном случае демонстрировалась особая роль хозяйки дома, которая считалась хранительницей очага. В руководстве о правилах светской жизни отмечалось, что «хозяйка дома должна задать тон, который должен господствовать в нём» [6, с. 48].

За семейным же столом обсуждались темы более серьезные, которые касались непосредственно семьи. Но в присутствии посторонних разговор переходил на более обширные темы, такие так, например, погода, путешествия за границу, новости высшего общества и мире. По воспоминаниям Фаддея Венедиктовича Булгарина, за столом «пожилые люди разговаривают о погоде, повышениях и наградах. Дамы о современных происшествиях в гостиных, о моде и о Москве. Девицы разговаривают или со своими кавалерами, или между собой, о всякой всячине» [19, с. 12].

Званые обеды могли устраиваться и в литературных кружках того времени. Из воспоминаний современников можно наблюдать, что отличительной особенностью данной разновидности обедов было то, что они сопровождались беседами и обсуждениями литературных и научных тем [20, с. 195–199]. Однако для них, как и для типичных обедов первой половины XIX в., было характерно присутствие небольшого круга лиц, сплотившегося за счёт интересов.

Таким образом, на основании источников личного происхождения было выявлено, что в конце XVIII – первой половине XIX в. для дворянской среды были характерны такие элементы домашнего времяпрепровождения, как визиты и званые обеды. Визиты имели разную направленность, а их средняя продолжительность не превышала получаса. Хозяин дома был обязан совершить

ответный визит к своему гостю. Домашний досуг дворян Петербурга состоял из каждодневных посещений, начиная с деловых визитов к коллегам, заканчивая визитами к ближайшим знакомым или родственникам, что сформировало специфическую визитную культуру столицы.

Для конца екатерининского правления петербургскому дворянству были свойственны богатые парадные обеды, описанные в воспоминаниях современников. Организовывались они зачастую зажиточными дворянами, которые имели высокий авторитет в обществе, а попасть на обед мог даже простолюдин. Однако, исходя из анализа мемуаров первой половины XIX в., подобные застолья потеряли свою актуальность. Большинство представителей столичного дворянства стали выбирать вместо них тихие, скромные и уютные обеды в кругу близких людей или же единомышленников.

Список литературы

1. Соколов Д. И. Светский человек, или Руководство к познанию светских приличий и правил общежития, принятых хорошим обществом. М.: Тип. Вед. Московской гор. полиции, 1847. 142 с.
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: Искусство – СПб., 1994. 398 с.
3. Греч Н. И. Записки о моей жизни с портретом. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1886. 588 с.
4. Дельвиг А. И. Полвека русской жизни: воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870. М., Л.: Academia, MCMXXX, 1930. Т.1. 597 с.
5. Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. 1785–1789. СПб.: Типография В. Н. Майкова, 1865. URL: https://royallib.com/book/segyur_lyudovikfilipp/zapiski_grafa_segyura_o_prebivanii_ego_v_rossii_v_tsarstvovanie_ekaterini_ii_17851789.html (дата обращения 05.09.2024)
6. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной / сост. Юрьев, Владимирский. СПб.: Тип. и лит. Тиханова, 1889. 419 с.
7. Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Живая история: Повседневная жизнь человечества, 2008. 636 с.
8. Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 304 с.
9. Карпов В. П. Харьковская старина: из воспоминаний сторожила (1830–1860 гг.). Харьков: Тип. «Юж. Края», 1900. 519 с.
10. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2.
11. Головина В. Н. В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: ТД Алгоритм, 2016. URL: https://royallib.com/book/golovina_varvara/v_tsarskom_krugu_vospominaniya_freylin_doma_romanovih.html (дата обращения: 04.09.2024).
12. Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989. 480 с.
13. Чарторижский А. Мемуары. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 304 с.
14. Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.
15. Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Артель писателей Круг, 1928. Т. 1. 377 с.
16. Половцов А. А. Дневник Государственного секретаря. Т. 2. 1887–1892. М.: ЗАО Центрполиграф, 1966. 637 с.

17. Лотман Ю. М. Великосветские обеды: панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 2006. 318 с.

18. Бурнашев В. П. Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварихи, кухарки, скотницы и птичницы, содержащая в себе: наставления и руководства по всем отраслям городского и сельского хозяйства, извлеченные из 40, 50 и 60 летних опытов русских хозяек Борисом Волжиным: с присовокуплением домашней бухгалтерии и описания дамского гардероба и наставления кроить и шить всякого рода платья и другие уборы: с рисунками. СПб.: Изд. книгопродавца Василия Полякова, 1842. Ч. 1. 438 с.

19. Булгарин Ф. В. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. 98 с.

20. Булгарин Ф. В. Сочинения Фаддея Булгарина. СПб.: в типографии Александра Смирдина, 1830. Ч. 3. 257 с.

В. В. Бавыкин

Досуг непривилегированного населения Санкт-Петербурга первой половины XIX в.

В статье исследуются досуговые практики столичного непривилегированного населения первой половины XIX в., в лице государственных крестьян-отходников, крепостных крестьян, отправленных в город на заработки, мещан и чиновников из простолюдинов. Общим их досугом являлись сплетни, аккумулирующиеся у мелочных лавок хозяйками и кухарками. Мещане, крестьяне, отходники и крепостные крестьяне чаще всего развлекались в кабаках, спаиваемые в рамках государственной политики винокурения. А вот непривилегированные чиновники имели по сравнению с ними более широкую палитру досуговых практик: празднества, хобби, лодочные прогулки и т.п.

The article examines the leisure practices of the metropolitan unprivileged population of the first half of the XIX century, in the person of peasants of the outgoing, serfs sent to the city to work, burghers and officials from the commoners. Their common leisure was gossip, accumulated by housewives and cooks at small shops. Petty bourgeoisie, peasants, and serfs often had fun in pubs, soldered within the framework of the state policy of distilling. But unprivileged officials had a wider range of leisure practices compared to them: celebrations, hobbies, boat trips, etc.

Ключевые слова: досуг, история повседневности, Санкт-Петербург, непривилегированное население, гендерная история.

Key words: leisure, the history of everyday life, St. Petersburg, the unprivileged population, gender history.

Непривилегированная часть населения Санкт-Петербурга состояла из различных социальных групп, обладавших отличительными особенностями досуговой повседневности, однако, если обобщить, их можно поделить на несколько больших общностей: государственные крестьяне-отходники, помещичьи крестьяне, направляемые в города, мещане (в том числе иностранного происхождения) и чиновники, процент которых приближался к одной трети от всех жителей столицы [1, с. 34].

Общими развлечениями всех простолюдинов Петербурга являлись сплетни, особенно, как упоминают авторы, «этой эпидемической болезни подвержены женщины». Местом централизации сплетен являлись мелочные лавки, где собирались хозяйки и кухарки и обменивались различного рода информацией. Продолжая тематику сплетен, важно отметить, что на Петербургской стороне жили или хотя бы имели знакомых слуги вельмож. Они имели колоссальную популярность, так как снабжали простой люд подробностями частной жизни тех, кто «едят на золоте и фарфоре» [2, с. 248–249].

Основным и практически единственным досугом крестьян-отходников, крепостных и мещан был питейный досуг.

Окончательно утвержденная с 1767 г. откупная система с первых же лет своего существования проявила тенденцию к сильным злоупотреблениям и беспощадному спаиванию народа. Откупщики делали все, чтобы стимулировать население к покупкам спиртного. В результате к 1856 г. годовая продажа «питий» дала 151 289 909 р., из которых в казну поступило около половины, что до поры до времени обеспечивало поддержку государством деятельности откупщиков. Исследователи характеризуют период откупной системы следующим образом: «пьянство и разврат царил всюду, настоящий демон алкоголя царствовал над народом … весь хлеб, который не съедался – пропивался» [3, с. 53–56].

Помещики первой половины XIX в. были ярыми борцами за трезвость, так как от работоспособности их крепостных зависел их доход [3, с. 57]. Соответственно, пока крепостные находились при помещиках, за ними старались следить, чтобы они не злоупотребляли зеленым змием. Но вот те крестьяне, которым посчастливилось отправиться в город на заработки, оказывались предоставлены сами себе и при первой возможности устремлялись в кабак.

Похожая ситуация проявлялась и с государственными крестьянами-отходниками. Для них приезд в столицу имел сезонный характер: «летом до осеннего сбора урожая в Петербург устремляются на заработки крестьяне Архангельской, Вологодской и прочих малоземельных губерний» [1, с. 27]. Они опять же освобождались от внутрисемейного контроля, общины и имели собственные деньги, которые они могли потратить так, как считали нужным.

Досуг мещан во многом был схож с чиновничьим досугом, описанным ниже, и они также ходили в гости, праздновали именины и церковные праздники, однако не зря еще с тех времен возник фразеологизм: пьян как сапожник – то есть ремесленник, типичный представитель мещанства, а также пословица: «русский человек пьет с радости и горя» – просто потому, что это одно из единственных доступных увеселений [5, с. 23].

Питейные заведения заманивали к себе простонародье живописными вывесками. Например, на Сенной площади была пивная лавка, вывеска которой изображала «бутылку, из которой пиво переливалось пышущим фонтаном в стакан, а под этим рисунком была лаконичная надпись: "Эко пиво!"» [6, с. 335]. В самих заведениях не только придавались беспорядочному потреблению спиртных напитков. Играли в различные азартные игры, рассказывали анекдо-

ты, общались на задушевные темы и т.п. Питейный дом был таким же важным мужским центром городской жизни, как и мелочная лавка для женщин.

Самым распространенным алкогольным напитком простолюдинов было простое вино («водка» на момент первой половины XIX в. – хлебное вино), а пиво и мед составляли уже некоторую роскошь, поэтому их потребление было несравненно меньше, чем потребление вина [1, с. 101]. При этом всем надо отметить, что женщин в подобные заведения было запрещено впускать, что подтверждается на основании архивного материала [7, л. 1].

Говоря о чиновниках, стоит подчеркнуть, что речь идет исключительно о чиновниках самых низких рангов, так как в большинстве своем именно они имели непривилегированное происхождение. Низкий чин предполагал низкую заработную плату, что отражалось на финансовом благополучии. Именно поэтому чиновник низкого ранга являлся маленьким бедным человеком, образ которого охарактеризован в русской литературе первой половине XIX столетия в произведениях «Медный всадник» и «Шинель». Фактор бедности во многом и определял выбор досуга данной социальной группы.

Среди чиновников были и те, кто по той или иной причине поддался своим слабостям и оказался в алкогольном плену. Как правило, они теряли свое место на службе, бросали семью и перебивались, странствуя из одного питейного заведения в другое. Однако это скорее частные случаи, и массового своего проявления эта практика не получила [5, с. 16].

В первой половине XIX в. бедное чиновничество в большинстве своем селилось на Петербургской стороне [2, с. 201]. Параллельно с этим среди жителей Петербурга свирепствовала «дачемания»: богатые горожане уезжали за город, в другие страны или даже за границу, а бедняки – на Петербургскую сторону, так как она мало чем отличалась от деревни [2, с. 212]. Соответственно, как минимум, летом непривилегированная часть столицы стекалась на Петербургскую сторону, и их досуг зависел от увеселительных заведений этого района города.

Как писали современники первой половины XIX столетия, на Петербургской стороне нет ни театров, ни цирков, ни зоопарков (зверинцев), «способствующих убить праздное время за деньги» [4, с. 131]. Однако потребность в досуге у жителей Петербургской стороны присутствовала ровно такая же, как и у жителей других частей столицы. Проблема только в том, что их желания не совпадали с их возможностями, в частности финансовыми. Как только возникла возможность – «какой-то старый весельчак устроил было театр на Петербургской стороне» [4, с. 131], сразу случился аншлаг, так как, вероятно, цена на билеты была ниже, чем, например, в центральных театрах. Тем не менее, вскоре по неопределенной причине импровизированный театр закрылся, унеся с собой данную форму досуга непривилегированных жителей Петербургской стороны.

Основным видом досуга исследуемой социальной общности являлось празднование церковных красных дней и локальных торжеств (именины, свадьбы, частные семейные радости) [2, с. 229]. Однако порой «праздники» имели нестандартный генезис. Как уже было сказано ранее, значительная часть жителей Петербургской стороны являлась чиновниками, соответственно, служила в

Сенате, располагающемся относительно их места обитания на другой стороне Невы. Глубокой осенью, когда начинались первые заморозки, иногда случался рекостав – период, когда река уже начала замерзать, но лед еще не окреп, и поэтому переправа была невозможна. В таком случае у чиновников, проживавших на Петербургской стороне, начинался неопределенный отпуск, во время которого было принято ходить в гости, устраивать вечеринки с разнообразной едой и напитками, игрой в преферанс, танцами и музыкой. Подобный отпуск мог продлиться от нескольких дней до недели и более, в зависимости от силы мороза [2, с. 238].

Описание вечеринок Петербургской стороны мы можем почерпнуть из публицистических очерков первой половины XIX в. На подобных празднествах зачастую присутствовала музыка, однако инструменты и исполнители отличались от тех, которые были в богатых домах столицы. Бедным горожанам было не по карману нанимать немецкого франта, поэтому было принято просить либо знакомых порой за небольшое вознаграждение, либо родственников. Хотя зачастую играла хозяйка и ее дочери, попутно меняясь на протяжении вечера с какой-нибудь родственницей или приятельницей [4, с. 143–145]. Выбор музыкального инструмента зависел в первую очередь от того, что было в доме: фортепьяно, скрипка или хотя бы гитара, хотя она скорее была распространена на холостяцких вечеринках [2, с. 238].

Развлечения, представленные на подобных вечерах, имели выраженную гендерную дифференциацию. Музыка в первую очередь была предназначена не для эстетического удовольствия музицирования, а для танцев. Причем публицисты первой половины XIX в. писали о них как о женской забаве [3, с. 146]. Также на вечеринках или различных торжествах пили чай, алкогольные напитки, кушали вкусные блюда, которые можно отнести к праздничной еде: пастила, пирог с угрём и визигой и пр. Мужчины играли в карты, в частности в преферанс, при этом данное занятие противопоставлялось поеданию в компании женщин пастилы, вероятно, выступающей лишь примером любого другого возможного лакомства [2, с. 238–242].

Однако одними праздничными вечерами чиновничий досуг не ограничивался. Ввиду своего бедственного финансового положения многие чиновники занимались рукоделием, но из-за предрассудков общества первой половины XIX в. они стыдились этой деятельности и продавали результаты своего труда за бесценок, что можно назвать хобби, так как денег это занятие приносило мизерное количество. Среди хобби непривилегированных чиновников можно отметить и коллекционирование, например, кактусов или редких цветов [2, с. 247].

Также информацию о досуге чиновников мы можем подчерпнуть из «Медного всадника»: «или чиновник посетит, гуляя в лодке в воскресенье» [8, с. 63]. Соответственно, в выходные и праздничные дни чиновник, вероятно со своим семейством, мог совершать лодочные прогулки по водным артериям Санкт-Петербурга и его округов.

Итак, досуговые практики во многом зависели от гендерной принадлежности. Общим досугом непривилегированных жителей Санкт-Петербурга были

сплетни. Основным видом развлечений у мещан, крестьян отходников и крепостных крестьян был питейный досуг. Непривилегированная часть чиновничества обладала более широким спектром досуговых практик: празднества, хобби, лодочные прогулки и т. п.

Список литературы

1. Пушкарев И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. Ч. 3. СПб.: Тип. С.-Петербургского губернского правления, 1841. 168 с.
2. Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов (с политипажами) / под ред. Н. Некрасова. Ч. 1. СПб.: Издание книгопродавца А. Иванова, 1844. 304 с.
3. Бородин Д. Н. Кабак и его прошлое. СПб.: Санкт-Петербургская коммерческая типолитография Виленчик, 1910. 98 с.
4. Петербург в русском очерке XIX века / сост., авт. предисл. М. В. Отрадин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 375 с.
5. Тайны Петербургской стороны от 1702-го по 1908-й год / сост. Л. Ф. Соловьев. СПб.: А.А. Григорьев, 1908. 27 с.
6. Пыляев М. И. Замечательные чудаки и оригиналы. СПб.: А. В. Суворин, 1898. 446 с.
7. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 479. Оп. 9. Д. 125.
8. Пушкин А. С. Медный всадник. Петербургская повесть. М.: Проспект, 2023. 64 с.

М. А. Виноградова

Особенности организации досуга душевнобольных Санкт-Петербургской городской больницы Святого Пантелеймона в 1897–1904 гг.

В статье рассматриваются особенности организации досуга душевнобольных, акцентируется внимание на ключевых причинах, обуславливающих необходимость проведения досуговых мероприятий для пациентов. Исследуются изменения, произошедшие в подходах к организации досуга, рассматриваются различные формы свободного времяпрепровождения. обозначаются проблемы, с которыми сталкивалось руководство больницы в ходе организации культурно-развлекательных мероприятий.

The article examines the peculiarities of organizing leisure activities for the mentally ill, focusing on the key reasons that determine the need to conduct leisure activities for patients. The changes that have occurred in approaches to organizing leisure are studied, various forms of free time spending are considered. The problems that the hospital management faced during the organization of cultural and entertainment events are identified.

Ключевые слова: северо-запад, Санкт-Петербург, организация помощи душевнобольным, Пантелеймоновская больница, досуг.

Key words: north-west, St. Petersburg, organization for helping the mentally ill, Panteleimonovskaya Hospital, leisure.

Известно, что окружающая среда оказывает большое воздействие на психику человека, поэтому надлежащее устройство быта и организация досуга могут как значительно повлиять на процесс восстановления душевного здравия, так и, наоборот, усугубить недуг. На протяжении исторического развития в Российской империи забота о душевнобольных долгие годы находилась на крайне низком уровне. В то время внимание уделялось скорее изоляции больных от общества, нежели созданию условий для их реабилитации и социализации. По этой причине устройство быта пациентов и организация досуга отходили на задний план, а сами больные становились объектом строгого надзора и лишались любой активности, что отнюдь не способствовало их выздоровлению, а, напротив, обостряло текущие заболевания.

В ходе становления и институционализации психиатрии в Российской империи во взглядах и подходах русских врачей-психиатров произошла эволюция, и во главу угла встали гуманистические подходы организации психиатрического призрения. В эти же годы стала осознаваться и роль среды как фактора, обуславливающего генезис и течение болезней, что привело к пониманию как важности повседневной жизни больных и их досуга, так и к осознанию влияния, которое досуг оказывал на психическое состояние пациентов.

Центром преобразовательной деятельности врачей-психиатров стали Петербургские больницы для душевнобольных, а рубеж XIX–XX вв. периодом, когда досугу в психиатрических лечебницах уже уделялось внимание повсеместно.

Разумеется, организация досуга сильно разнилась в каждой больнице и наибольшего развития достигла в Петербурге, однако даже в столице процесс организации свободного времяпрепровождения пациентов отличался в зависимости от статуса больницы, её контингента и финансирования. Рассматривая организацию досуга в Пантелеймоновской больнице, необходимо отметить, что эта больница принимала пациентов на общественных началах. По этой причине большую часть контингента заведения составляли буйные хроники, опасные и недисциплинированные больные, которым требовался особый уход. Однако при этом больница была частью частной лечебницы имени Александра III, расположенной по соседству, в связи с чем имела статус не самого рядового заведения [1, с. 332].

Дотации, тем не менее, были весьма скудны, поэтому руководству приходилось выкручиваться всеми возможными способами, стараясь обеспечить приемлемый уровень содержания пациентов [2, с. 7]. Большую помощь больнице оказывало благотворительное общество, которое помогало финансово в проведении различных мероприятий, устраиваемых руководством в стенах заведения [2, с. 210].

Несмотря на состав пациентов и малое количество денежных средств, руководство больницы осознавало всю важность досуга в жизни душевнобольных. Как отмечалось в отчете о деятельности больницы за 1897–1901 гг., в организацию жизни больных были положены не только лечебные цели, но и по преимуществу воспитательные [2, с. 114]. На первом месте для достижения по-

ставленных целей, по мнению главного врача заведения, стояла система нестеснения, «разумные» развлечения, и как можно более частое общение больных со здоровыми, что довольно просто было устроить именно в ходе проведения развлекательных мероприятий на территории больницы [2, с. 114].

Посещение больными таких мероприятий строго регламентировалось лечащим врачом на основе дневника состояния пациента, в который надзиратели ежедневно заносили информацию о состоянии больного. Среди пунктов дневника были вопросы о сне, аппетите, припадках, поведении, работах и занятии и пр. [2, с. 72].

Таким образом, анализируя данные дневников состояния, врачи могли составить оптимальные планы для проведения как больших торжественных сезонных мероприятий, так и для тех занятий, которые не зависели от сезона и осуществлялись в течение всего года [2, с. 73]. Поэтому, несмотря на все существующие сложности, досуг пациентов был довольно разнообразным.

Как уже было упомянуто вскользь, досуг можно было подразделить на сезонный (лето/зима) и текущий, который осуществлялся на протяжении всего календарного года.

Рассматривая мероприятия зимнего периода, стоит отметить, что зимнее время года было более спокойным для пациентов в связи с погодными условиями. Холода и короткие световые дни не позволяли проводить на улице много времени, а в самой больнице, за неимением специализированного помещения для мероприятий, устраивать масштабные торжества было достаточно сложно. Тем не менее для массовых мероприятий зимнего периода использовалась одна из спален 12 павильона (мужского) несмотря на то, что она совершенно не удовлетворяла санитарным требованиям проведения мероприятий, так как была небольшой и в ней отсутствовала вентиляция [2, с. 114].

Одним из главных зимних праздников было Рождество, которое отмечалось организацией праздничной елки с раздачей подарков, приобретенных на средства благотворительного общества. Примечательно, что подарки выбирались по указанию самих больных, а средняя сумма затрат на подарки составляла порядка 100–125 рублей ежегодно [2, с. 210].

Другим традиционно зимним праздником была Масленица. Отмечалась она с размахом, гуляниями во дворе клиники, чаепитием и катанием на «вейках» [3, с. 64]. Обычно в катаниях принимали участие спокойные пациенты, мужчин участвовало больше, но женщины также стремились принять участие в забавах. Так, например, в 1903 г. на вейках каталось 75 мужчин и 37 женщин [4, с. 78].

Времяпрепровождение в летний период было куда разнообразнее. Среди масштабных летних мероприятий необходимо выделить важный непосредственно для больницы праздник, а именно – день Святого Пантелеймона (покровителя больницы). Обычно мероприятия, посвященные этому дню, проходили во дворе, с массовыми гуляниями. Иногда больницу посещали представители церкви и проводили праздничные богослужения и торжественные молебны. Так, в 1902 г. состоялся визит епископа Константина, который провёл

архиерейское служение и посетил больных, не имевших возможности лично присутствовать на празднике [5, с. 78].

Также в летние дни, в зависимости от погодных условий и состояния пациентов, празднования могли проходить более масштабно, чем обычно. Например, в 1902 г. празднование дня Святого Пантелеймона включало в себя не только гуляния, но и танцы, военную музыку, гармонистов, граммофон и разнообразные угощения [5, с. 78]. Другим праздником, который отмечали в стенах Пантелеймоновской больницы, был день основания Петербурга. В этот день обычно устраивались танцы, чтения и приглашался военный оркестр [4, с. 78].

Помимо важных массовых праздников летом проходил ещё ряд интересных мероприятий, с течением времени ставших традиционными для лечебницы, а именно, театральные представления и литературно-музыкальные вечера. Специально для этого на территории больницы был построен дощатый театр, который вмещал около 300 чел. [2, с. 114]. В театральных постановках принимали участие как сами служащие, так и больные, однако женщины в постановках участвовали редко. Показы проводились ежегодно, и за период 1901–1904 гг. было разыграно более 10 пьес и постановок, среди которых были «Женитьба» Гоголя, «Разбойник» Сторожевского, «Я помню чудное мгновение» Ларина [3, с. 64], 2-е действие из оперы «Марта», 1-е действие из оперы «Русалка» и др. [5, с. 78]. Кроме театрализованных представлений и литературно-музыкальных вечеров каждое воскресенье летом устраивали танцы под рояль с чаепитием и приглашали бродячих музыкантов.

На все массовые мероприятия, будь то елка или танцы, руководство клиники старалось приглашать как можно больше посторонних – родственников пациентов и служителей больницы. При этом в больнице существовало правило посещения мероприятий: здоровым посетителям было запрещено приглашать на танцы кого-либо, кроме пациентов. Это было связано с тем, что при проведении празднеств подобного характера руководство клиники преследовало не только цель устроить досуг пациентам, но и старалось способствовать их социализации. Так, в 1902 г. количество посетителей мероприятий достигало уже 500–600 человек (включая самих пациентов).

В обычные (не праздничные) дни многие больные отпускались как на городские мероприятия, так и на гуляния в соседний парк, в особенности летом, для сбора ягод, грибов, цветов [5, с. 79]. Были разрешены групповые прогулки от 1 до 5 чел., массовые же прогулки были прекращены, после одной из прогулок, в которой принимало участие около сотни подопечных Пантелеймоновской больницы, в связи с жалобами местных жителей [2, с. 115]. Руководство больницы очень расстроило произошедшее, так как пациенты вели себя очень хорошо и спокойно, а прогулки способствовали улучшению самочувствия больных. Тем не менее данный случай скорее был обусловлен толпой и большим скоплением душевнобольных в одном месте, нежели негативным отношением соседей-дачников [5, с. 40]. Летом также разрешалось гулять в больничном саду в течение всего дня и осуществлять совместные прогулки мужчин и женщин.

Таким образом, можно увидеть, что сезонный досуг пациентов больницы Святого Пантелеймона был довольно разнообразным и включал в себя как несколько важных праздников, так и не праздничные, но массовые мероприятия, главной целью которых было социализировать больных и дать понять окружающим, что больные, находящиеся в комфортной среде, мало отличаются от здоровых.

Помимо сезонных забав и мероприятий в Пантелеймоновской больнице был организован досуг, которым больные могли заниматься в течение всего года. Одним из таких способов свободного времяпрепровождения являлось чтение. В больнице Пантелеймона была собственная библиотека с фондом книг, которая располагалась в 9 павильоне и для которой каждый год выписывались еженедельные и ежемесячные газеты и журналы [2, с. 113]. Также в беспокойных отделениях имелись свои «библиотечки», начиная с 1899 г., которые состояли из старых и потрёпанных книг и журналов, что было не жалко отдавать беспокойным больным. Число экземпляров в библиотеке постоянно росло и к январю 1904 г. достигло 1 248 наименований в 1 978 томах книг и журналов [4, с. 76]. Другим занятием больных было пение, а больничный хор певцов успешно функционировал на протяжении многих лет. Те, кто не умел петь, могли аккомпанировать певцам игрой на балалайках.

Кроме чтения и пения душевнобольные свободное время проводили за разнообразными играми, для которых в учреждении были два рояля, скрипки, балалайки, гармоники, аристоны, шашки, шахматы, бильярд, домино, карты и пр. [6, л. 1].

Таким образом, во второй половине XIX в. в ходе развития и институционализации психиатрической помощи в Российской империи важную роль стали отводить досугу пациентов. Считалось, что наряду с трудом и системой нестеснения качественное и интересное времяпрепровождение способствует облегчению течения душевных болезней и проявлений душевного недуга. При организации досуга руководство психиатрических лечебниц сталкивалось с рядом проблем, главными из которых были ограниченность в финансах и отсутствие подходящих помещений в здании больницы для проведения массовых мероприятий. Тем не менее руководство больницы старалось решать встающие перед ним проблемы и находить выход при помощи привлечения благотворительных обществ, устройств мероприятий на свежем воздухе и ремонте в здании, чтобы создать подходящие условия больным.

Досуг пациентов подразделялся на сезонный и текущий. В каждый из периодов (зима-лето) проводились как массовые и торжественные праздники, которые отмечались с размахом, так и более камерные мероприятия. Среди них можно выделить день Святого Пантелеймона, Рождество, день основания Петербурга, театральные и литературно-музыкальные вечера, танцы, гуляния и пр. К текущему досугу относились чтение, пение, разнообразные настольные игры (шашки, шахматы, лото и пр.).

Привлечение к досуговым мероприятиям сторонних людей (родственников пациентов и персонала) способствовало снятию стигмы с душевнобольных,

влияло на отношение населения к душевным болезням, а также способствовало социализации больных. Количество посещающих празднества в заведении постоянно росло, и, несмотря на контингент больницы, несчастных случаев или проблем с поведением на самих мероприятиях было весьма мало, что свидетельствует о том, что подобный подход оказывался действенным и способствовал купированию болезней на определённый промежуток времени, облегчению симптомов, а также позволял больным ненадолго почувствовать себя такими же, как все остальные люди вокруг.

Список литературы

1. Александрова Е. Л. Северные окрестности Петербурга. Историческое прошлое. СПб.: Лики России, 2008. 640 с.

2. Отчет по Санкт-Петербургской городской больнице Св. Пантелеймона для душевнобольных за 1897–1900 гг. СПб.: Типо-литография Шредера, 1901. 211 с.

3. Отчет по Санкт-Петербургской городской больнице Св. Пантелеймона для душевнобольных за 1901 г. СПб.: Типо-литография Шредера, 1902. 101 с.

4. Отчет по Санкт-Петербургской городской больнице Св. Пантелеймона для душевнобольных за 1903 г. СПб.: Типо-литография Шредера, 1904. 120 с.

5. Отчет по Санкт-Петербургской городской больнице Св. Пантелеймона для душевнобольных за 1902 г. СПб.: Типо-литография Шредера, 1903. 142 с.

6. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 389. Оп. 1. Д. 2946.

К. В. Купченко, Д. К. Купченко

Библиотечная деятельность в малых городах Смоленской губернии в XIX – начале XX в. как форма досуга провинциальной повседневности

В представленной статье на основе архивных данных и других источников рассматриваются вопросы организации форм досуга в российской провинции на примере развития библиотечной деятельности в малых городах Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Показано, что доступные для населения библиотеки в регионе начинают создаваться с 60-х гг. XIX в. В городах, уездах открываются публичные, народные библиотеки, организуются народные чтения. Активная роль в этом направлении принадлежала общественной инициативе, местным обществам. Отмечается, что развитие различных форм библиотечного дела способствовало организации досуга и развитию просвещения населения.

The presented article based on archival data and current sources considers issues of organization of forms of leisure in the Russian province on the example of development of library activity in small cities of Smolensk governorate in the second half of XIX – early XX century. It is shown that libraries available to the population in the region start being created from the 60s of the 19th century. In cities, counties open public libraries, organized popular readings. The active role in this direction was played by the public initiative, local communities. It is noted that the development of various forms of library business has contributed to the organization of leisure and the development of public education.

Ключевые слова: Смоленская губерния, библиотечное дело, досуг.

Key words: Smolensk province, library business, leisure.

С 60-х гг. XIX в. в России начинают создаваться народные библиотеки, доступные для населения. Однако, уже первые попытки их открытия отметились определенными трудностями, препятствующими их массовому распространению: обязанности библиотекарей возлагались на школьных учителей, что требовало от них выполнения дополнительных обязанностей, отсутствовали специальные помещения и необходимые книги, особенно в уездных городах, финансирование было недостаточным.

Тем не менее, уже с 1 сентября 1861 г. в Дорогобуже на пособие от городских властей начала действовать публичная библиотека [1]. В 1865 г. на основании разрешения министра народного просвещения была открыта общественная библиотека в Рославле [2, л. 5, 6]. С 1885 г. она размещалась в доме городского клуба.

Однако тот факт, что посещение библиотек было платным, играл определенную роль – большинству населения из-за невысокого материального положения пользоваться их услугами было практически невозможно. Например, стоимость годового абонемента в библиотеки уездных городских общественных собраний, библиотеки в городских и сельских школах составляла до 10 р. в год, что было непосильно для большинства населения [3].

Но в связи с неослабевающим интересом к чтению был поднят вопрос об открытии в губернии бесплатных народных библиотек и читален. Инициаторами их открытия выступали Петербургский комитет грамотности, комитеты попечительства о народной трезвости, общественные объединения и частные лица.

Согласно утвержденным Министерством внутренних дел в 1890 г. «Правилам о бесплатных народных библиотеках-читальнях и о порядке надзора за ними» народные библиотеки должны были быть прикреплены к местным школам. С 1890 г. в Комитете грамотности при Московском обществе сельского хозяйства была создана библиотечная комиссия, а в 1892 г. Комитет обратился к земствам с циркуляром о необходимости поднять культурный уровень народа путем внешкольного образования, что послужило толчком к ассигнованиям на открытие народных библиотек в ряде земств.

Однако их учреждение было затруднено из-за необходимости согласования с властями и духовным ведомством. Кроме того, министерством был утвержден каталог книг, преимущественно религиозно-нравственного содержания, но пользующиеся наибольшим спросом читателей произведения научно-популярного и исторического содержания в утвержденный перечень включены не были. Оставались без ответа и многочисленные ходатайства о его расширении.

С 1 декабря 1896 г. по инициативе местной интеллигенции, собравшей на благотворительных спектаклях и лотереях необходимые средства, открылась

бесплатная библиотека-читальня в городе Красный, Смоленской губернии. В отчете библиотеки отмечалось, что брать книги для чтения могли все желающие не только в самом Красном, но и читатели из окружающих деревень, которых в 1897 г. было уже 676 чел. [3], что составляет достаточно значительное число для малого провинциального города.

Газета «Смоленский вестник» в 1899 г. сообщала, что начальником губернии разрешено открыть в Поречье под ответственность местного предводителя дворянства В. П. Райского бесплатную народную библиотеку. На день открытия в библиотеке насчитывалось всего 8 книг. Располагалась она в помещении попечительства о народной трезвости, штат состоял из заведующего и нескольких сотрудниц. Работала библиотека с читателями (в первый год их насчитывалось 100 чел.) ежедневно до 5 часов вечера. Книгами пользовались не только жители города, но и крестьяне из окрестных сел.

Также отметим, что еще с 80 гг. XIX в. (в соответствии с положением от 27 декабря 1876 г.) в Российской империи в целях повышения общей грамотности населения проводились мероприятия по организации народных чтений [4, л. 49, 50, 65]. Подобные мероприятия, несмотря на достаточно высокую плату (до 2 р. за одно посещение), проводились каждое воскресенье, имели образовательное значение и пользовались большой популярностью: в каждом собрании участвовало до 400 чел. [4, л. 97, 105, 108].

Народные чтения состояли из двух отделений: т.н. «серьезного» (исторического, научного или духовно-нравственного) и «легкого» (повести, рассказы, стихотворения). Лекторами были школьные учителя, а также приглашенные специалисты. Чтения могли быть общеобразовательными, научными по прикладным отраслям или смешанного типа. Сопровождались опытами по физике, химии, географии, показом глобуса, карт, минералов. Всегда большой посещаемостью отмечались чтения на медицинские темы. Одним из главных условий чтений являлось устное изложение темы, применительно к языку, интересам и уровню развития слушателей.

Разрабатывался также проект организации воскресных и праздничных литературно-музыкальных мероприятий с чтениями исторических и географических материалов, исполнением музыкальных композиций.

В начале XX в. организация народных чтений на время приостановилась по причине особой подозрительности властей к любым массовым собраниям. К 1904 г. комитет Министерства народного просвещения установил новые правила народных чтений. Теперь они должны были производиться строго по печатным материалам, вошедшим в утвержденные каталоги: произведения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и др., причем только с разрешения губернатора и согласия министра внутренних дел.

Бесплатные библиотеки-читальни в уездных городах Смоленщины массово стали появляться только к рубежу XIX–XX в.: в 1899 г. в губернии было 96 библиотек, из них 33 были созданы за счет земств, 24 – за счет частных лиц, 19 – по инициативе уездных комитетов попечительств о народной трезвости, 9 были открыты при волостных правлениях [5], 5 – по инициативе духовенства

[6, л. 92]. В 1909 г. в губернии было уже 137 народных библиотек, существовавших на средства уездных земств или попечительств народной трезвости, 111 смешанных народно-школьных библиотек, существовавших на средства уездных земств и на субсидию, получаемую через дирекцию народных училищ [7]. К 1913 г. в губернии действовало уже 263 бесплатные библиотеки, библиотеки-читальни, как в самом Смоленске, так и в уездных городах [8, с. 43; 9, с. 77].

Вклад в развитие народных библиотек внес также издатель-просветитель Ф. Ф. Павленков, завещавший капитал для устройства 2 тысяч сельских народных библиотек. На средства мецената в Смоленской губернии были открыты Скачковская библиотека Духовщинского уезда, Акуловская, Гривская, Мамонтовская, Песоченская библиотеки в Сычевском уезде [10].

Обязанности библиотекарей исполняли в основном школьные учителя (59 %), священники (9,5 %), волостные писари (9,5 %), отдельные лица, проявлявшие «интерес к делу библиотекаря» (15,8 %) [10, с. 3].

Но необходимо отметить, что оплата труда библиотечных работников в разных уездах Смоленской губернии колебалась от 25 до 60 р., а в большинстве случаев их труд не оплачивался вовсе. Поэтому обязанности библиотекарей выполнялись, в основном, энтузиастами, стремящимися привить народу привычку к культурному досугу.

Народные библиотеки призваны были стать центрами культуры на селе. При них устраивались различные курсы, народные увеселения, организовывались чтения, некоторые библиотеки брали на себя функции книжных складов и магазинов, а также «образовательных элементарных музеев».

К 1911 г. были выработаны основные принципы библиотечной организации: бесплатность пользования, доступность для желающих, содержание. Тогда же была утверждена «библиотечная сеть», которая (согласно проектам Всероссийского съезда по библиотечному делу и Общеземского съезда по народному образованию) должна была формироваться по т.н. «районному» принципу и включать центральную, уездную, районные, сельские и передвижные библиотеки. Единственным препятствием здесь оказались министерские предписания: «Об условиях заведования народными библиотеками, помещающимися в земских школах и комплектования их по правилам от 9 июня 1912 г.», по которым основные вопросы их организации должны были согласовываться учредителями с местной администрацией. Книги предоставлялись библиотекам только по заранее утвержденному инспекцией списку, состав библиотечных фондов был строго регламентирован. Однако его реализация к 1917 г. завершена не была вследствие финансовых и внутриполитических сложностей, и земства финансировали содержание уже существующих библиотек.

Большую часть фонда любой народной библиотеки составляла художественная (43 %) и религиозно-нравственная литература (12,5 %), работы по истории, географии (20,7 %), сельскому хозяйству (5,6 %), юриспруденции (4,4 %), естественная и медицинская литература (5,9 %), газеты и журналы (7,9 %) [10]. Книги представляли собой преимущественно маленькие брошюры,

включавшие отдельные произведения как классиков русской литературы, так и малоизвестных авторов, религиозные материалы.

По статистическим данным самыми активными читателями были подростки 10–15 лет (45,9 %), читатели-мужчины преобладали над женщинами – 27,5 % и 3,5 % соответственно.

Отмечались и определенные несовершенства в деятельности народных библиотек. При отсутствии специальных зданий под библиотеки-читальни их открывали при чайных, при школах, изредка – в специально арендованных помещениях, зданиях волостного правления, в доме местного помещика, и даже в церковной сторожке. В лучшем случае библиотека имела отдельную комнату для работы и зал для чтения. Также в 1913–1916 гг. активно обсуждались вопросы преобразования бесплатных народных библиотек в публичные (где взималась абонентская плата) как не реализовавшие в полной мере свои возможности [9, с. 83].

Подводя итоги библиотечной деятельности в Смоленской губернии в рассматриваемый период, можно отметить, что открываемые библиотеки, читальни и т. д. способствовали сфере просвещения, однако следует отметить, что, несмотря на предпринимаемые меры, большая часть населения региона попрежнему оставалась малограмотным.

В конце XIX в. три четверти населения Гжатска было неграмотным, хотя 34,5 % мужчин и 21,7 % женщин владели грамотностью, что являлось одним из самых высоких показателей в губернии. Согласно переписи 1897 г. число грамотных в Вязьме составляло 55 %, доля грамотных среди городского населения Дорогобужа составляла 57,7 %. Грамотных мужчин в Рославле было 31,4 %, женщин – всего 16 %. Три четверти населения Ельни было неграмотным. По уровню грамотности Ельня и Поречье были самыми последними среди уездных городов региона [11, с. 20]. Но, тем не менее, уровень образованности и грамотности на Смоленщине, в сравнении с соседними губерниями, был достаточно высоким.

В целом, можно констатировать, что развитие библиотечной деятельности в конце XIX – начале XX в. в малых городах Смоленской губернии способствовало как реализации возможности проведения досуга в провинции, так и формированию и развитию системы народного просвещения, внешкольного образования.

Список литературы

1. Положение о публичной библиотеке при Дорогобужском уездном училище // Смоленские губернские ведомости, 1864. 11 сентября. С. 1–2.

2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 102.

3. Отчет по Краснинской бесплатной библиотеке-читальне: С кратким обзором деятельности библиотеки-читальни за первые 5 лет ее жизни. Красный: Типография Г. О. Илютовича, 1903. 23 с.

4. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 384.

5. Материалы по статистике, промышленных, торговых просветительных учреждений, типографий, издательств, библиотек / сост. Э. А. Вольтер. СПб.: Б. и., 1899. 192 с.

6. ГАСО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 88.
7. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. Смоленск: Электро-типо-лит. Я. Н. Подземского, 1912. 340 с.
8. Обзор Смоленской губернии на 1913 г. Смоленск: губернская типография, 1914. 85 с.
9. Матвеев М. Ю. Деятельность земских народных библиотек // Библиотековедение. 1997. № 2. С. 77.
10. Бесплатные народные библиотеки-читальни Смоленской губернии по сведениям, собранным в 1905 г. Смоленск: Смолен. губ. земство, 1905. 25 с.
11. Куро Т. И. Состояние школьного дела в Смоленской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции (1907–1917 гг.) / Из истории народного образования на Смоленщине: сборник статей / ред. коллегия: А. П. Рыжков и др. Смоленск: Б. и., 1970. 128 с.

К. А. Тишкина, Т. В. Тишкина

«Народные библиотеки-читальни им. А. В. Потаниной» в Иркутске

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования и деятельности в Иркутске народных библиотек-читален, организованных в память известной исследовательницы и общественной деятельницы А. В. Потаниной (1843–1893). В работе учреждений большое участие принимала местная общественность. Стабильная финансовая поддержка оказывалась городским самоуправлением. Несмотря на ряд трудностей, с которыми приходилось сталкиваться библиотекам-читальням, период их длительного функционирования свидетельствует о потребности населения в такого рода учреждениях.

The article is devoted to the consideration of the process of formation and activity of the People's Libraries-Reading Rooms in Irkutsk, organized in memory of the famous researcher and public figure A. V. Potanina (1843–1893). The local community took a great part in the work of the institutions. Stable financial support was provided by the city government. Despite a number of difficulties that the libraries-reading rooms had to face, the period of their long-term functioning testifies to the population's need for such institutions.

Ключевые слова: А. В. Потанина, Иркутск, библиотека-читальня, пожертвования.

Key words: A. V. Potanina, Irkutsk, library-reading room, benefaction.

Исследовательница малоизвестных районов Центральной Азии Александра Васильевна Потанина скончалась во время экспедиции в Китай 19 сентября (1 октября) 1893 г. В Иркутске в зале музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСО ИРГО) 27 октября 1893 г. состоялось панихида, на которой присутствовало много людей, лично знавших А. В. Потанину. Правитель дел ВСО ИРГО Д. А. Клеменц выступил с речью, в которой отметил заслуги исследовательницы. Тогда же была озвучена идея увековечивания памяти А. В. Потаниной в виде устройства в Иркутске бесплатной библиотеки-читальни.

Средства, оставшиеся от пожертвований на венок (40 р.), стали начальным капиталом для формирования учреждения. Учительницы А. А. Ошуркова и

А. А. Белозерова, выяснив необходимые требования для открытия бесплатных библиотек и читален, приступили к сбору денежных пожертвований для реализации задуманного проекта. Часть средств поступила от проведения благотворительных акций (лекций, спектаклей). Всего, в том числе благодаря крупному пожертвованию Ю. И. Базановой, удалось собрать 2 392 р. Для библиотеки-читальни было предоставлено помещение в здании городской управы. Мебель была пожертвована городским головой В. П. Сукачёвым [1, с. 2].

На основе Устава Санкт-Петербургского комитета грамотности был составлен Устав библиотеки-читальни. Деятельность учреждения осуществлялась в соответствии с решениями общего собрания его членов. В состав общества могло войти лицо, внесшее единовременно 25 р. или оплатившее ежегодный взнос – не менее 3 р. Единовременный взнос в 100 р. давал право стать почетным членом библиотеки-читальни. Первое собрание состоялось 8 сентября 1896 г. На должность ответственного попечителя была избрана А. А. Белозерова.

Обряд освящения помещения библиотеки-читальни состоялся 27 октября 1896 г. На мероприятии присутствовали генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, городской голова В. П. Сукачёва, члены совета библиотеки-читальни и т.д., пел хор учеников городского училища. А. Д. Горемыкин выступил с речью, в которой «… указал на значение библиотеки в деле развития населения…». Генерал-губернатор заявил о желании содействовать ее работе [2, с. 1].

10 ноября 1896 г. Иркутская бесплатная народная библиотека-читальня была открыта для публики, первоначально на общественных началах в ней трудились «… по очереди учительницы, учителя и др. интеллигентные лица» [3, с. 1]. Режим работы составлял: по будням – с 10:00 до 13:00 и с 16:00 до 20:00; в воскресенье и праздничные дни – с 15:00 до 19:00. Книжное собрание насчитывало «611 названий, в 895 томах», кроме этого было выписано «6 названий современных изданий» [1, с. 2]. Книги выдавались читателям и на дом при оплате залога от 20 к. до 2 р. На ежегодное содержание учреждения требовалось 1 000 руб. В эту сумму входили оплаты труда сотрудников (библиотекаря, сторожа, уборщицы), приобретения новых книг и журналов, канцелярские расходы и проч. Деятельность учреждения обеспечивали ежегодная субсидия в 200 р. от городского самоуправления, членские взносы и проценты от положенного на счет в банк капитала [1, с. 2].

Библиотека-читальня с первого дня работы привлекла большое внимание населения города, к 13 декабря 1896 г. значилось 268 пользователей [4, с. 2]. В марте 1897 г. на общем собрании членов Иркутской бесплатной народной библиотеки-читальни отмечалось уменьшение числа подписчиков. Это объяснялось недостатком книг и актуальных периодических изданий. Согласно «Правилам о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними» от 15 мая 1890 г. существовал ограниченный круг литературы для выдачи читателям [5, с. 149]. В начале 1905 г. члены совета библиотеки-читальни подняли вопрос о необходимости ходатайства в Министерство народного просвещения об обновлении книжного каталога. Одним из аргументов являлся тот факт, что ре-

комендованные для публичных библиотек издания 1860–1870-х гг. уже являлись биографической редкостью и их было сложно приобрести [6, л. 12 об.]. В декабре 1905 г. вышел Высочайший указ, который отменял правила 1890 г. Это способствовало существенному обновлению книжного фонда библиотеки-читальни.

Весной 1897 г. на заседании совета членов библиотеки-читальни обсуждался вопрос об открытии книжной лавки и книжного склада для распространения книг, преимущественно среди сельского населения Иркутской губернии. Такое учреждение появилось в мае 1898 г. Сотрудники склада предлагали свои услуги по формированию школьных и народных библиотек, помощь в приобретении и пересылке необходимых изданий и т. д. Торговля книгами осуществлялась в помещении склада на Мелочном базаре, в лавке В. В. Жарникова и А. С. Первунинского [7, с. 1].

С открытием библиотеки-читальни было направлено письмо Иркутскому генерал-губернатору для ходатайства в Министерство внутренних дел о присвоении учреждению имени А. В. Потаниной. Однако эта инициатива не была поддержана. В 1900 г. советом членов библиотеки-читальни вновь был поднят этот вопрос. Учреждение создавалось в память об Александре Викторовне и многие люди целенаправленно вносили пожертвования на специальный счет «капитал читальни имени А. В. Потаниной». В 1901 г. от Министерства внутренних дел было получено разрешение. Это дало возможность совету членов библиотеки-читальни получить с банковского счета накопленные средства в размере 1 626 р. 75 к. [8, л. 3 об.].

Деятельность Иркутской бесплатной народной библиотеки-читальни была также ориентирована на открытие библиотек в разных районах города. В начале марта 1897 г. на общем собрании членов учреждения обсуждался вопрос о создании в Рабочей Слободе отдела библиотеки-читальни. Для этой цели было выделено 500 р. Книжный фонд планировалось пополнять, помимо дубликатов, пожертвованными изданиями. Уже 29 марта 1897 г. в газете «Восточное обозрение» было опубликовано объявление о вакансии на должность библиотекаря в создаваемом Ремесленно-Слободском отделении. Библиотека-читальня была открыта 17 мая 1898 г. на Знаменской улице в доме Яковлевой. В торжественный день генерал-губернатор А. Д. Горемыкин пожертвовал на работу отделения 100 р. [9, с. 1]. В 1905 г. учреждение переехало в помещение рядом с Казанской церковью.

29 декабря 1899 г. в предоставленном городскими властями доме на Русиновской улице было открыто Нагорное отделение библиотеки-читальни. Однако данное помещение не соответствовало критериям общественной библиотеки, и совет принял решение о строительстве отдельного здания. Участок под строительство был выделен городской думой [8, л. 3 об.]. Все работы обошлись в 3 500 р. Часть средств – 1 138 р. 86 к. – была выручена от благотворительного представления оперы «Гугеноты». 26 октября 1900 г. Нагорное отделение библиотеки-читальни вновь было открыто, уже в собственном помещении. В 1899 г. появилась новое отделение в городском предместье Глазково.

В связи с преобразованиями в работе Иркутской бесплатной народной библиотеки-читальни учреждение, действовавшее в помещении городской управы, стало именоваться Городским отделением. В конце 1905 г., из-за того, что здание было приспособлено под госпиталь, отделение переехало в комнаты Городской Публичной библиотеки. Все отделения действовали как единая организация под названием «Народные библиотеки-читальни им. А. В. Потаниной».

После 1905 г. в работе библиотек-читален наметился упадок. Новые книги не приобретались, количество читателей заметно сократилось. Было закрыто Ремесленно-Слободское отделение. После смерти председателя совета П. А. Титкова в 1913 г. был вскрыт факт растраты денег, которые были ассигнованы городским самоуправлением для библиотек-читален [10, с. 2]. По инициативе общественности работа учреждений была восстановлена. На 1 января 1915 г. общее число книжного фонда в библиотеках-читальнях – Нагорного и Городского отделений – составило 7 011 томов. Количество читателей на 1 января 1915 г. было 433 чел., а к концу года выросло до 477 чел. В ноябре 1915 г. также активизировалась деятельность Глазковского отделения. За 10 дней работы учреждения в него записалось 150 чел., а книг было выдано 468 экз. [11, с. 2].

Библиотеки-читальни, несмотря на небольшие финансовые средства, старались приобретать литературу на актуальные темы того времени – кооперация и война. Из-за большого количества читателей детского и подросткового возраста приоритетными для закупок стали книги для этих категорий населения. Среди посетителей библиотек большой популярностью пользовались произведения А. И. Куприна, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. Н. Толстого, А. К. Дойла, И. С. Тургенева и т.д. Ряд читателей интересовался сочинениями А. А. Аверченко, Е. Н. Чирикова, М. П. Арцыбашева, Л. А. Чарской и других писателей, а также детскими периодическими изданиями («Путеводный огонек», «Задушевное слово»), но в библиотеках-читальнях экземпляров этих изданий не имелось [12, л. 2 об.].

В библиотечный фонд поступали и частные пожертвования. Так, например, в 1916 г. гражданин Худяков передал в Нагорное отделение собрание сочинения Ф. М. Достоевского. Как отмечалось в отчете библиотеки-читальни: «… в полном виде соч. Достоевского до сего времени не было, а спрос на него большой» [13, л. 2].

Рост числа читателей свидетельствует о востребованности учреждения. В январе 1917 г. количество подписчиков Нагорного отделения составляло 882 чел., а уже к концу года их число выросло до 1 067 чел. Глазковское отделение к концу 1917 г. посещало 1 182 чел.

В годы Гражданской войны «Народные библиотеки-читальни им. А. В. Потаниной» испытывали значительные финансовые трудности. В 1924 г. Нагорное отделение переехало. В новом помещении разместился весь объединенный книжный фонд библиотек-читален. Учреждению было присвоено имя В. И. Ленина (с 1967 г. – Центральная городская библиотека). В 2002 г. библиотеке вновь было возвращено имя А. В. Потаниной [14, с. 88].

Список литературы

1. Иркутск, 3 ноября // Восточное обозрение. 1896. № 130.
2. 27 октября в 11 часов // Восточное обозрение. 1896. № 128.
3. 10 ноября открыта… // Восточное обозрение. 1896. № 134.
4. Подписчики народной библиотеки-читальни // Восточное обозрение. 1897. № 6.
5. Яновская Е. В. Отражение истории бесплатных народных библиотек в материалах Государственного архива Ярославской области // Музей. Памятник. Наследие. 2020. № 2(8). С. 148–162.
6. Государственный архив Иркутской области. Ф. 446. Оп. 1. Д. 56.
7. Открытие книжного склада // Восточное обозрение. 1898. № 52.
8. Государственный архив Иркутской области. Ф. 446. Оп. 1. Д. 33.
9. Открытие отделения // Восточное обозрение. 1898. № 58.
10. Народные библиотеки-читальни имени А. В. Потаниной // Сибирь. 1915. № 259.
11. Бесплатные народные библиотеки-читальни имени А. В. Потаниной // Сибирь. 1915. № 281.
12. Государственный архив Иркутской области. Ф. 446. Оп. 1. Д. 101.
13. Государственный архив Иркутской области. Ф. 446. Оп. 1. Д. 97.
14. Константинова Л. И. А. В. Потанина и библиотека ее имени в трудах Н. С. Романова // Шестые Романовские чтения: «Я всю жизнь собирал все об Иркутске»: посвящ. 150-летию со дня рождения Н. С. Романова и 360-летию Иркутска. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. С. 85–88.

Е. П. Баринова

Ресторанные заведения в досуговых практиках жителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.

В статье анализируется развитие индустрии ресторанного бизнеса в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. На примере деятельности самарских предпринимателей выявлена востребованность услуг ресторанных заведений, их место в досуговых практиках горожан. Доказано, что, несмотря на финансовые трудности, предприниматели находили способы сделать свои заведения популярными, предлагая широкий спектр услуг и удобств жителям российской провинции, что мотивировало их к проведению досуга в ресторанных заведениях.

The article analyses the development of the restaurant business industry in the Russian province in the second half of the XIX – early XX centuries. On the example of Samara entrepreneurs' activity the demand for services of restaurant establishments and their place in the leisure practices of townspeople is revealed. It is proved that in spite of financial difficulties, entrepreneurs found ways to make their establishments popular, offering a wide range of services and facilities to the inhabitants of the Russian province, which motivated them to spend leisure time in restaurant establishments.

Ключевые слова: городское пространство, досуговые практики, трактирные заведения, рестораны, реклама, предприниматели.

Key words: urban space, leisure practices, taverns, restaurants, advertising, entrepreneurs.

Досуговые практики горожан разнообразны как по формам, так и по содержанию. Рестораны, трактиры, питейные заведения были местом времяпрепровождения населения не только в праздники, но и будни, что неизменно привлекало к различным аспектам данной темы внимание исследователей. Мотивация потребления спиртных напитков и питейная культура населения стали изучаться уже во второй половине XIX – начале XX в. [1; 2]. В советской историографии рестораны и трактирные заведения царской России оценивались лишь с точки зрения их негативного, разлагающего воздействия на трудящихся. В современной исторической науке достаточно подробно изучена проблематика потребления алкогольных напитков и функционирования питейных заведений [3–5], правовое положение заведений общественного питания [6], этапы их развития [7; 8], особенности застольной и бытовой культуры еды [9]. Однако индустрию ресторанного бизнеса, ее место в городском пространстве исследователи чаще всего рассматривают на примере столиц – Москвы и Санкт-Петербурга [10; 11]. Между тем данная форма проведения досуга играла важную роль и в повседневных практиках жителей российской провинции. Комплекс исторических источников, характеризующих специфику досуговых практик жителей Самары, сформирован на основе материалов периодической печати и делопроизводственных источников.

Индустрия ресторанного бизнеса в провинции прошла длительный путь развития. В первой половине XIX в. в Самаре, как и в большинстве уездных городов, развивался трактирный промысел. Но после того, как Самара в 1851 г. стала губернским центром, прежние владельцы трактиров и новые предприниматели, преимущественно купцы, стали открывать в городе рестораны, что, безусловно, являлось более высоким уровнем развития как общественного питания, так и досуговых практик.

Несмотря на достаточно развитую систему питейных заведений и трактиров, на всероссийском уровне вплоть до 1861 г. не существовало общих законодательных или нормативных актов, которые бы регулировали деятельность трактирных заведений. В каждой местности действовали свои уставы и положения, что порождало различные сложности, с которыми сталкивались предприниматели при открытии подобных заведений и их дальнейшем функционировании. В 1861 г. было принято единое «Положение о трактирных заведениях». В нем было дано определение «трактирных заведений», определены виды и формы их деятельности, а также налоговые обязательства. К содержанию трактирных заведений с платежом акциза допускались представители различных сословий: купечества, мещанства, крестьянства [12, с. 70–71].

Величину среднего акциза, собираемого с трактирных заведений, устанавливала городская дума, а его раскладкой занималась избранная из владельцев трактирных заведений раскладочная комиссия. Для открытия трактирного заведения необходимо было подать аттестат о принадлежности к тому или иному сословию и прошение об открытии заведения на определённом месте в городскую думу. Свидетельство на право торговли возобновлялось ежегодно [6, с. 22]. Разрешение на использование в ресторане музыкальных инструментов,

размещение бильярдных столов, проведение концертных номеров необходимо было получать в полиции. Местные власти подобные разрешения часто давали не очень охотно [6, с. 32]. Положение о трактирном промысле от 8 июля 1893 г. закрепило изменения в трактирном промысле, добавило новые виды заведений, ввело ограничения по времени их работы, а также изменило механизм работы раскладочной комиссии и сбора акциза [13, с. 2–9]. Государственное регулирование трактирного бизнеса преследовало цель упорядочения многообразных форм предприятий питания.

Не секрет, что индустрия общественного питания – достаточно рискованный вид бизнеса. Предпринимателям для получения стабильного дохода необходимо было сделать свой ресторан известным, превратить его в центр притяжения. С какими же сложностями сталкивались предприниматели? Что способствовало популярности того или иного заведения общественного питания?

В Самаре первый ресторан появился в 1853 г. Его открыл купец Е. Н. Аннаев в собственном, вновь построенном доме, при гостинице на Алексеевской площади. Он долгое время был самым популярным местом отдыха в Самаре. По-видимому, на открытие ресторана Егора Никитича сподвигло то обстоятельство, что с 1852 г. он стал хозяином самарской виноторговли, переданной ему И. И. Макке и начал активно развивать свой бизнес [14, с. 45–48]. Очевидно, что открытие ресторана являлось дополнительным каналом сбыта для продаваемой им продукции. Популярность гостиницы и ресторана, до 1880-х гг. считавшихся лучшими в Самаре, позволила Егору Никитичу использовать их в качестве источника денежных средств для других направлений бизнеса. В частности, в 1860 г. он сдал гостиницу в аренду на несколько лет заведующему помещениями театра Н. В. Сапфирову, так как нуждался в оборотных средствах на строительство кумысолечебницы. В 1882 г. гостинично-ресторанный комплекс приносил купцу 15 000 р. ежегодного дохода. В 1886 г. он заложил его купцу П. С. Аржанову за 60 000 рублей в год, но в 1890 г. гостиница с рестораном вновь находилась во владении Е. Н. Аннаева. В 1856 г. в Самаре работало уже 5 ресторанов, в 1862 г. – 12 ресторанов и 142 постоялых двора. В 1874 г. на ул. Дворянской в доме купца М. И. Назарова был открыт ресторан купца Н. П. Краснова. В 1885 г. его кухня была признана в «четверке лучших по Самаре» [15].

Модернизационные процессы в экономике в начале XX в. и как следствие рост благосостояния отдельных городских слоев населения способствовали трансформации досуговых практик повседневной и праздничной жизни, предоставили новые возможности для горожан. Увеличилось количество разнообразных заведений общественного питания, расширился круг потребителей данной формы досуга, изменился их социокультурный облик. К 1911 г. в Самаре насчитывалось 11 автономных ресторанов, а при гостиницах было открыто 57 заведений [16, с. 47]. Рестораны предполагали не только изысканную кухню, но и целый ряд увеселений. Они становились центром общественной жизни: в них назначали деловые встречи и праздновали юбилеи и знаменательные события.

Появились кабинеты, где можно было уединиться для решения различных дел: от любовных свиданий до переговоров.

К началу XX в. внешний облик заведений все больше стал походить на европейский. Следуя за столичной модой называть рестораны по фамилии владельца, европейских городов и достопримечательностей, самарские предприниматели заимствовали названия популярных в столичных городах заведений («Аквариум», «Яр», «Европейская», «Россия», «Метрополь», «Ренессанс»), тем самым позиционируя столичный уровень сервиса. Некоторые рестораны были названы в честь тех или иных городов: «Бристоль», «Венеция», «Сан-Ремо», «Ташкент», «Ницца». Часто рестораны и трактиры назывались по фамилии их владельцев, например, рестораны «Портнова», «Дикушин», «фон Вакано» и т. д. Небольшую часть самарских ресторанов называли по месту их размещения. Наибольшее количество ресторанов находилось на центральных улицах губернского города – Дворянской, Саратовской, Панской, Предтеченской. Сам факт размещения бизнеса на Дворянской улице означал высокий уровень социального статуса его владельца. Престижным было посещение подобных заведений и для горожан, ведь упоминая о том, что он обедал или ужинал в известном ресторане, человек автоматически поднимал свой социальный статус, позиционировал свое положение в светском или деловом обществе.

Распорядок работы самарских ресторанов утверждался городскими властями. Они начинали обслуживать клиентов с 10:00, чаще – с 11:00, и работали до 2:00 ночи. Позже они стали работать дольше. Так, ресторан при гостинице Егора Никитича Аннаева приглашал своих посетителей с 9:00 до 24:00. А в 1900 г. тот же ресторан сдвинул график работы уже до 02:00. Обычно графики большинства ресторанов Самары того времени совпадали [16, с. 47].

В начале XX в. владельцы ресторанного бизнеса стали активно рекламировать свои заведения в периодической печати. Так, в 1900 г. можно было увидеть объявление: «В ресторане гостиницы Аннаева обеды с 13.00 – 18.00, ужин до 2 часов ночи. В рекламных объявлениях подчеркивались не только качество изготовляемой пищи и ее стоимость («превосходная кухня под управлением московского повара, и к тому же с умеренными ценами»), но и обстановка в нем – наличие тропических растений в помещении [17, с. 23]. Ресторан «Центральной гостиницы» заманивал посетителей разнообразием морских блюд, которые можно получать «ежедневно от 11-ти ч утра до 3 часов пополудни» [18]. Некоторые рестораны даже публиковали в газетах меню для своих будущих посетителей, подробно описывая блюда, которые они могли заказать себе на обед: «Блинчики гречневые, бульон с перловой крупой, мозги под кисло-сладким соусом, компот из яблок» или «Бульон с фрикадельками; слоеные пирожки с фаршем из щуки, заливное из головки телячьей, фаршированная капуста по-французски, говядина – филе, шпигованная трюфелями и анчоусами, пирожное со взбитыми белками или берлинское пирожное» [19]. Отметим, что в рекламе акцентировалось внимание горожанина на качестве еды, приемлемых и даже «дешевых» ценах, а также предоставляемом сервисе. Предприниматели старались привлечь как можно больше посетителей.

Для того, чтобы горожане стали активными посетителями ресторана, владельцы бизнеса пытались создать в каждом ресторане свою неповторимую атмосферу. В фешенебельной гостинице «Европейская» находился ресторан П. А. Батулина. В 1895 г. гостиница вместе с рестораном были проданы купцу И. Я. Корнилову. А затем в этом же доме в 1908 г. сыном Е. Н. Аннаева – Павлом Егоровичем – была открыта гостиница с рестораном под тем же названием «Европейская». В ресторане была открытая летняя терраса, а также отдельные кабинеты. Для посетителей играли дамский струнный оркестр и пианист. В домах 115–117 по Дворянской улице, принадлежавших крупному владельцу самарской недвижимости нотариусу Евдокиму Юрину был открыт своеобразный бизнес-центр того времени: доходный дом, гостиница, кинематограф и ресторан. В 1908–1913 гг. ресторан и гостиница «Центральная» принадлежали братьям Ивановым. Ресторан считался одним из лучших в Самаре, он имел «оркестрион, отдельные кабинеты, бильярды. ... Кухня под управлением московского повара» [20]. В нем часто проводились благотворительные и танцевальные вечера с беспроигрышной лотереей в пользу общества попечения бедных, Мариинского приюта, детей воинов, новогодние вечера, концерты. В 1913 г. Ивановы из-за высоких налогов продали ставшую нерентабельной гостиницу, а с принятием «сухого закона» переместили алкогольный склад в частный погреб, разграбленный при погроме 5 ноября 1916 г.

На углу Дворянской и Панской улиц была расположена гостиница «Россия» с одноименным рестораном, в 1904 г. она сменила название на «Бристоль» и переехала в новое помещение. В 1911 г. при ней открыли новый ресторан, а в 1910 г. начало работать кафе-кондитерская «Жан», под руководством И. П. Грегуара [21, с. 341–342]. Н. П. Аннаев, вспоминая свое детство, так описывал ее: в кондитерской было «два входа: первый вел в помещение, где за мраморными столиками пили шоколад, второй вел в собственно кондитерскую, где за зеркальным окном красовались торты и висели на ленточках пасхальные яйца» [14, с. 178].

Знаменитым рестораном того времени был «Эрмитаж» (Дворянская, д. 60), владельцем которого был мещанин В. П. Юрин. На углу Саратовской и Панской находился ресторан «Метрополь», гости которого восхищались дружелюбной обстановкой и шикарной кухней вплоть до 2 часов ночи. Данное заведение ежедневно давало обеды и ужины, предоставляя все удобства: роскошный зал, гостиную, семейные кабинеты. Содержателем гостиницы и ресторана, который находился при ней, был Ястребцев [22, с. 251]. Ресторан с модным названием «Венеция» на углу Саратовской и Предтеченской был предназначен «для тех, кто желает хорошо, вкусно и не дорого покушать, а также и выпить свежего пива». Во время обедов и ужинов там играла «шикарная музыка под управлением виртуоза скрипача З. М. Каца [23]. Не менее популярным заведением был ресторан «Эльдорадо» «с ежедневно играющим дамским польским струнным оркестром с 2-х до 4-х часу дня и с 9 часов вечера до 2 часа ночи» [22, с. 256]. Владелец ресторана «Бристоль» в 1912 г. открыл на его базе кулинарную столовую, в которой, по сути дела, организовал для посе-

тителей продажу комплексных обедов и ужинов: «Ежедневно обеды и ужины от 12 до 2 часов ночи. Из 2-х блюд 35 копеек, из 3-х блюд 45 копеек, из 4-х 65 копеек». Причем он гарантировал как вкус блюда, особо отмечая свежесть провизии и ее «приготовление только на сливочном масле», так и полный комфорт для посетителей [24]. 6 октября 1906 г. на улице Самарской, 95 были открыты концертный зал и ресторан «Аквариум». Это одно из самых знаменитых зданий города в стиле модерн, построенное по заказу братьев Ивановых. «Аквариум» был центром веселья и кутежа. В ресторане давал представления театр варьете, пели цыганский и казачий хоры. В отдельных кабинетах проходили деловые переговоры и тайные любовные свидания.

Содержание ресторанов было достаточно затратным видом бизнеса. Средний годовой акциз в пользу городской казны с трактирных заведений оставался неизменным и составлял до 1893 г. 600 р. [25, с. 460]. Из-за большого акциза, который приходилось платить государству, нередко страдали и посетители самих трактирных заведений: «…публика наших трактиров и гостиниц постоянно жалуются на непомерно дорогие цены на кушанья, которые предлагают в заведениях. Дороговизна эта ничем не оправдывается: цены на продовольственные запасы в настоящее время сравнительно со существовавшими в то же время в прошлом году, стоят умеренные – на одну треть дешевле прошлогодних…Обыкновенно, наши трактирщики, когда им говорят о дороговизне кушаний, любят ссылаться на дороговизну прав торговли и содержания повара» [26]. О недостатке денежных средств у предпринимателей, необходимых порой для уплаты ежегодного трактирного сбора, свидетельствуют многочисленные прошения содержателей о предоставлении тех или иных льгот, поданные в городскую управу или трактирную комиссию. В большинстве случаев городская управа отклоняла подобные прошения, так как доход от трактирных заведений составлял внушительную часть городского бюджета. После принятия Положения о трактирном промысле от 8 июля 1893 г., бюджетная комиссия городской думы, установив общую сумму сбора в размере 50 тыс. р., определяла сумму акциза в зависимости от категории трактирных заведений от 600 до 3 500 р. [27, с. 441–442]. Сумма налогового бремени постоянно росла, что побуждало даже известных рестораторов ликвидировать свой бизнес. Вступление Российской империи в Первую мировую войну сократило сферу ресторанного дела. Введение в 1915 г. сухого закона еще больше подорвало коммерческую деятельность предпринимателей. К тому же, из-за инфляции сильно выросли цены на продукты питания и напитки [8]. Многие рестораны были закрыты, а здания переоборудованы под военные нужды. Сильно пострадали владельцы самарских ресторанов в результате погрома 5 ноября 1916 г.: налетчиков больше всего интересовали винные запасы хозяев заведений.

Трактирный бизнес в российской провинции развивался стремительно, в 1862 г. в Самаре насчитывалось всего семь трактирных заведений, а к 1914 г. уже около 2 500. Топография расположения трактирных заведений Самары показывает, что они располагались во всех частях города, однако наиболее известные рестораны находились на Дворянской улице. Владельцы бизнеса для

привлечения горожан в свои заведения использовали рекламу, предлагали своим посетителям высокий уровень обслуживания. Стараясь привлечь горожан в качестве потенциальных посетителей именно в свой ресторан, они использовали различные средства, направленные на повышение привлекательности заведения. Чаще всего рестораторы гарантировали «превосходную кухню», музыкальное сопровождение, высокий уровень сервиса, однако использовались и нестандартные решения для привлечения посетителей и увеличения потенциальных клиентов ресторанов. Для горожан, особенно представителей деловых кругов и светского общества, посещение ресторана становилось повседневной досуговой практикой.

Список литературы

1. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань: Молодые силы, 1914. 282 с.
2. Петрищев А. Ф. Из истории кабаков в России. Пг., М.: Задруга, 1917. 30 с.
3. Травер П. В. История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 1. Об истории кабака на Руси и трактира в России // История и современность. 2013. № 1. С. 90–109.
4. Бочаров В. В. Русская празднично-питейная культура и власть (антропологический аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 178–192.
5. Долгих Е. В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. №5/6. С. 14–63.
6. Долгих Е. В. Правовое положение заведений общественного питания России в 1861–1918 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5. С. 14–41.
7. Малышкина Е. А. Эволюционный путь развития индустрии общественного питания в дореволюционной России// Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 2 (60). С. 72–78.
8. Долгих Е. В. Сфера общественного питания в годы Первой мировой войны // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: материалы международной научной конференции. СПб.: Алетейя, 2021. С. 188–199.
9. Демиденко Ю. Б. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века. М.: Центрополиграф, 2011. 285 с.
10. Хмельницкая И. Б. Столичный досуг в начале XX века: Петербург и Москва: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 286 с.
11. Коцюба Л. В. Соотношение традиций и новаций в истории ресторанного дела России: вторая половина XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 195 с.
12. Положение о трактирных заведениях 4 июля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1863. Т. 36. Отд. 2. № 37198.
13. Положение о трактирном промысле: 8 июня 1893 г. М.: Ф. А. Куманин, 1893. 10 с.
14. «Читателя найду в потомстве я...». Документы личного фонда краеведа Н. П. Анна-ева / сост. Н. В. Галыгина. Самара: ООО «Слово», 2022. 344 с.
15. Самарская газета. 1885. 18 января.
16. Алексушин Г. Придорожные «ямы», или будешь в Самаре – обязательно зайди в «Ниццу» и «Санремо»: Из истории Самарских ресторанов и трактиров // Самара. 2003. № 3. С. 47–48.
17. Календарь Самарской губернии на 1902 год. Самара: издание Самарского губернского статистического комитета, 1902. 208 с.
18. Самарская газета. 1884. 12 февраля.

19. Самарская газета. 1912. № 39.
20. Савинкова Р. А. История гостиничного дела в Самарской губернии // Самара и губерния. 2004. № 4. URL: https://sgubern.ru/articles/10815/10816/?ysclid=m57be5h299941257116 (дата обращения: 09.09.2024).
21. Алексушина Т. Ф. Самара, улица Дворянская. Самара: Офорт, 2009. 777 с.
22. Адрес – календарь Самарской губернии на 1908 год. Самара: издание Самарского губернского статистического комитета, 1908. 207 с.
23. Самарская газета. 1911. № 39.
24. Голос Самары. 1912. 20 сентября.
25. Журналы заседаний Самарской городской думы за 1893 год. Самара: б.и., 18993. 615 с.
26. Самарская газета. 1884. 18 января.
27. Журналы заседаний Самарской городской думы за 1898 год. Самара: паровая тп. Хорош А. И., 1898. 804 с.

Е. Н. Морозова

Новые формы досуга: вокзалы как акторы городской российской повседневности (конец XIX – начало XX в.)

Статья посвящена новым формам досуговых практик, возникших на рубеже веков и связанных с появлением вокзалов. Новый вокзальный уклад превращал вокзалы в своеобразные «культурные гнезда», центры коммуникации, где формировались элементы досуговой коммерческой культуры. Все это делало вокзалы значимыми акторами российской городской повседневности.

The article is devoted to new forms of leisure practices that emerged at the turn of the century and were associated with the emergence of railway stations. The new railway station structure turned railway stations into unique “cultural nests”, communication centers, where elements of leisure commercial culture were formed. All this turned railway stations into significant actors of Russian urban everyday life.

Ключевые слова: повседневность, столица, провинция, досуг, развлечения, вокзал, железные дороги, поезд, ресторан.

Key words: everyday life, capital, province, leisure, entertainment, railway station, railways, train, restaurant.

К числу неклассических направлений в гуманитарных науках можно отнести проблематику досуга и развлечений, которая в последнее время представляет собой самостоятельную область в исторических и междисциплинарных исследованиях. Об этом свидетельствует значительное количество публикаций, появившихся в конце XX – начале XXI в.: монографий (С. Ю. Малышевой [1], Е. Д. Уваровой [2]) и статей, посвященных различных формам досуга и развлечений (И. В. Сидорчука [3], О. Н. Яхно [4] и др.)

Однако эта проблематика настолько обширна и многогранна, что неизбежно существование неких лакун, требующих внимания исследователей. К таким малоизученным сюжетам относится изучение функций вокзалов как важных

акторов в повседневной жизни города, сыгравших большую роль в формировании нового городского культурного ландшафта.

Пореформенный период в России – время промышленного переворота, и так называемого «железнодорожного бума», «железнодорожной лихорадки». Развитие железнодорожного дела привело к строительству вокзалов и пристанционных зданий. Неповторимым обликом славились Северный вокзал в Москве с архитектурными мотивами северорусских губерний в убранстве, Царскосельский в Петербурге, где главным композиционным приемом стали витражи. Но и в провинциальных городах, на крупных железнодорожных станциях вокзалы представляли собой произведения искусства. В частности, самобытными чертами в неорусском стиле был известен вокзал в Саратове (архитектор П. М. Зыбин). Его вокзальные здания (в Ртищеве, Аткарске, Курдюме) отличались зрелищностью, эмоциональностью, некоторой театральностью в стилистике модерна [5, с. 108–109].

С форсированным строительством вокзалов появляются новые поведенческие модели и определенный вокзальный уклад, который становится формой досуга, развлечением для пассажира.

Железнодорожные вокзалы унаследовали традиции «воксалов» – увеселительных садов, пользовавшихся большой популярностью в столицах и провинции. Уникальным явлением, положившем начало новым вокзальным традициям, стал знаменитый Павловский вокзал [2, с. 40–44]. Его притягательность как «первой российской филармонии» с течением времени только возрастала, и даже в конце XIX в. «в Павловск как в некий Элизий, стремился весь Петербург, и смена дирижеров за пультом стеклянного павловского вокзала казалась “сменой династий”, а свистки паровозов и железнодорожные звонки мешались с патриотической какофонией увертюры двенадцатого года» [6, с. 44–45]. Возникновение этого уникума в дряхлеющем «полу-Версале» являлось знаковым событием в социокультурном пространстве России. Музыкальным концертам предшествовали прогулки публики по железнодорожному дебаркадеру Павловского вокзала. Этот променад давал возможность явить себя, свое семейство во всей красе, раскланяться со знакомыми, увидеть членов императорской фамилии, модных дам, выходящих или садящихся в поезд. Особый интерес вызывало появление лиц, пользовавшихся скандальной известностью (как, например, графини Н. С. Брасовой). Променад представлял своего рода маскарад, подиум, где публика являла свой общественный статус путем демонстрации роскошных одежд, мехов, дорогих аксессуаров.

Подобную же картину можно было увидеть в дачных пригородах столицы, где вся жизнь была сосредоточена возле вокзалов, и «главным развлечением было гуляние по платформе со стороны отбытия поезда в Петербург». В Дудергофе «станция была веселенькая, дачная, с деревянной резьбой, выкрашенная желтой краской». Вокруг вокзала вращалась вся дачная жизнь. К вечеру здесь «собиралась молодежь: барышни с кружевными зонтиками, кавалеры»: «прибегали юнкера во всем своем военном блеске. Стучали каблучки, звякали шпоры». Это была ярмарка невест, являвших лучшие наряды, демонстриро-

вавших хорошие манеры, умение вести светскую беседу, танцевать, и «мамаши», пользуясь случаем, «высматривали дочкам женихов» [7, с. 191, 198]. Вокзалы, вокзальный уклад, новые поведенческие привычки становились важным каналом межличностной и групповой коммуникации.

В провинции строительство железной дороги и появление станционных зданий являлось событием чрезвычайным, менявшим весь издревле сложившийся традиционный городской уклад; вокзал становился культурным центром, где сосредотачивались основные формы досуга городской публики: «На станции совсем иной мир: живой, бодрый, городской» [8, с. 332]. Станционные вокзалы, по выражению Дон-Аминадо, являлись «китами», на которых стояли провинциальные города, и именно им было «присуще шестое чувство» – чувство железной дороги, когда названия станций и полустанков таили неизъяснимую поэзию, колдовство и «великое очарование» [9, с. 202].

Прогулки по железнодорожному дебаркадеру становятся стандартным времяпрепровождением и в маленьких уездных городках: «Широкая платформа полна гуляющих, нарядно одетых молодых мужчин и женщин. – писал современник о променаде на Аткарском железнодорожном вокзале. – Это привычка горожан, усвоенная с тех пор, как проведена железная дорога». На привокзальной площади был разбит «чудесный городской сад с прекрасными цветниками и тенистыми аллеями, открытой сценой», на которой «постоянно играл духовой оркестр артиллерийского дивизиона» [10, с. 11].

Крупные железнодорожные станции являли собой культурно-досуговые центры, притягивающие молодежь из соседних уездных городков. Известный график Н. Кузьмин, бывший ученик реального училища г. Сердобска, вспоминал, что реалисты, желая избавиться «от тоски школьных будней», добирались до железнодорожной станции Ртищево в течение часа для того, чтобы встретить там скорый поезд из Москвы. «Нам нравилась эта хлопотливая суета большой станции, освещенные окна вокзала, белый свет еще диковинных в ту пору электрических фонарей, гудки паровозов, лязг маневровых составов», – писал мемуарист. Наконец, «швейцар у входа гремел колокольцем и объявлял о скором прибытии московского поезда», который подкатывал, сверкая огнями. Для молодых людей начиналась «жизнь из романа»: они вспоминали литературные произведения, рассматривая пассажиров. Для них «румяный, белозубый барин с белокурой бородкой» был вылитым Стивой Облонским, а кавалерийский офицер с «малиновым звоном шпор» под руку с красивой дамой в соболях, под черной вуалеткой, заставлял воскресить в памяти «железнодорожную встречу» Вронского с Анной Карениной в Бологом [11, с. 187].

Исследователи справедливо отмечают коммерциализацию досуговых практик [12]. Для привлечения пассажиров и городского населения на вокзалы предпринимались различные меры. Уже Павловский вокзал был предприятием абсолютно нового типа: все увеселительные заведения принадлежали Правлению железной дороги. Оно проводило целый ряд рекламных акций для того, чтобы привлечь публику в этот модный пригород Северной Пальмиры: в 1880-е г. были наполовину снижены цены на железнодорожные билеты на концертные

вечера. Такой порядок продолжался до 1902 г. Поезда ходили каждые полчаса [7, с. 209]. Правление заботилось и о пассажирах с детьми. Для того чтобы их занять, при вокзале были устроены бесплатные площадки для детских игр и занятий спортом «с гимнастическими снарядами, качелями, коньками на роликах» [13, с. 2].

Коммерциализация досуговых практик особенно была заметна в курортных районах. В Сестрорецк провели железнодорожную ветку, вдоль которой «пролегала застекленная галерея, где в ветреные и ненастные дни прогуливалась публика». Это был центр курортной жизни, которым владело Правление железной дороги. Оно получало большие дивиденды от продажи билетов за проезд многочисленных пассажиров. Значительный доход приносили ресторан и кафе, билеты на симфонические концерты, проходившие в большом концертном зале, танцевальные вечера под звуки военного оркестра, которым дирижировал Берестовский. «Публики было много, – отмечалось в мемуарах. – Все старались прифрантиться». Для привлечения публики проводились костюмированные балы, «выдавались призы за красоту, за лучшее исполнение танцев». Любителей спортивного отдыха зазывали на теннисные корты [7, с. 208, 267].

Самой доходной статьей «вокзального» досуга стали вокзальные буфеты и рестораны, которые с одной стороны, привлекали пассажиров, с другой – в пространство вокзалов вовлекались и местные жители. Только за аренду буфетов, по официальным данным, в 1896 г. было выручено более 400 тыс. р. [14, с. 274]. Эти вокзальные учреждения общественного питания притягивали пассажиров, которые на остановках посещали буфеты и покупали необходимую снедь (часто по завышенным ценам). А для путешествующих, ждущих пересадки, буфеты являлись местом, где можно было скоротать время до прибытия своего поезда.

Вокзальные рестораны предназначались для местной публики или транзитных пассажиров, т.е. для тех, кто имел время, не торопясь, вкусно поесть, оценить необычную атмосферу этих заведений: пышный интерьер, множество экзотичных растений, затененные абажуры, рыдающие звуки музыки, завораживающее пение цыганского хора. В пространстве ресторана неотъемлемую часть составляли зеркала и окна. Последние играли особую роль: они не столько отгораживали от внешнего мира, столько создавали новые ощущения магии, неизвестности, когда мимо ресторанных окон проносились или останавливались поезда. Ресторанное пространство создавало не только ощущение праздника, но и придавало некую маскарадность всему происходящему.

Рестораторы старались привлечь и развлечь публику разнообразным алкоголем, хорошей кухней. Содержателем павловского ресторана был известный ресторатор Кулон. Один из лучших ресторанов Петербурга находился в Царскосельском вокзале. С. А. Черневский, режиссер московского Малого театра, традиционно в выходной день «по порядку обходил все московские вокзалы: кофе пил и читал газеты на Петербургском, пирожки ел на Рязанском, обедал осетриной и суточными щами на Курском, чай пил на Брестском» [15, с. 34]. Владельцы ресторанов, располагавшихся в зданиях провинциальных вокзалов,

также старались завлечь публику обширным меню, искусно приготовленными блюдами, привлекательным интерьером, вышколенной обслугой. В вокзальном ресторане Ртищева, по свидетельству современника, «ярко горели электрические люстры», «татары-лакеи расставляли на белой скатерти под большими пальмами столовые приборы и разливали по тарелкам дымящийся борщ. Громадный никелированный самовар кипел и выпускал клубы пара» [11, с. 185].

Естественно, посетителями ресторанов являлись пассажиры первого и второго класса, «модно одетые дамы», в лайковых перчатках, благоухавшие французскими духами «Coeu de Jeaneettee»; солидные господа, военные и штатские, в накинутых на плечи шубах, в форменных фуражках «с генеральскими околышами и внушительными кокардами», «в котелках и шапках дорогого меха», которые «самоуверенно садились за стол, небрежно сминая белоснежные накрахмаленные салфетки» [9, с. 204; 11, с. 185–186].

Праздное времяпрепровождение в ресторане являет собой пример наслаждения жизненными благами. Недаром исследователи отмечают не только стандартизированность развлечений в конце XIX – начале XX в., но и их характерную черту – гедонизм как основную ценность и смысл жизни [16, с. 43].

Кроме форм досуга с гедонистическим началом, вокзалы создавали определенное культурное поле. К привокзальному пространству тяготели гостиницы, лавки, магазины, трактиры, культурные и учебные учреждения. В Саратове недалеко от вокзала были построены Общедоступный театр (на месте сада развлечений А. Сервье) и корпуса Саратовского Императорского Николаевского университета, чьи здания, спроектированные К. Л. Мюфке, до сих пор являются украшением города. На многих вокзалах существовали книжные киоски, в которых можно было купить весь спектр легально выпускавшихся газет, и дешевые книги «Универсальной библиотеки», издававшей произведения известных отечественных и модных зарубежных авторов [11, с. 187].

Развлечения на вокзалах как новая форма досуга, возникла в связи с развитием технического прогресса, строительством железных дорог. Новое времяпрепровождение стало более доступным, но, тем не менее, развлечения на вокзале, как и другие формы досуга, выполняло социально-маркирующую функцию по отношению к более обеспеченным и престижным социальным группам [16, с. 41].

Вокзалы становились важнейшими акторами городской повседневности, изменяя социокультурный ландшафт города как с точки зрения эстетической, так и с точки зрения становления индустрии досуга в конце XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Малышева С. Ю. Праздный день, досужий вечер: культура досуга российского города второй половины XIX–XX века. М.: Академия, 2011. 198 с.

2. Уварова Е. Д. Как развлекались в российских столицах. СПб.: Алетейя, 2004. 280 с.

3. Сидорчук И. В. Досуг в пространстве городской повседневности Санкт-Петербурга позднеимперского периода (основные характеристики и особенности развития) // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 10. С. 159–164.

4. Яхно О. Н. Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 74–84.

5. Терехин С. Века и камни. Памятники архитектуры Саратовской области. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1990. 152 с.

6. Мандельштам О. Четвертая проза. М.: Интерпринт, 1991. 240 с.

7. Засосов Д. А., Пыпин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1991. 271 с.

8. Бунин И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. 720 с.

9. Дон-Аминадо. Парадоксы жизни. М.: Обновление, 1991. 307 с.

10. Минх Н. Воскресенье у деда. Рассказы. М.: Современник, 1981. 270 с.

11. Кузьмин Н. Круг царя Соломона. Страницы былого. М.: Детская литература, 1970. 218 с.

12. Сидорчук И. В. Цели и перспективы истории досуга // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. Т. 8. URL: http://www.cocionauki.ru/autors/sidorchuk_i_v/ (дата обращения: 02.12.24).

13. Царскосельское дело. 1909. № 19.

14. Морозова Е. Н. Вокзалы: место встречи развлечения и искусства (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Развлечение и искусство: сборник статей / под ред. Е. В. Дукова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 264–279.

15. Щепкина-Куперник Т. Л. Из воспоминаний. М.: Всероссийское Театральное Общество, 1959. 500 с.

16. Захаров А. В. От Homo к lurdens к Homo Entertaining // Развлечение и искусство: сборник статей / под ред. Е. В. Дукова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 28–55.

С. В. Степанов

Общественные собрания и культурно-просветительские организации в городах Петербургской губернии на рубеже XIX – начала XX в.

В данной статье на основе опубликованных делопроизводственных документов и краеведческой литературы, архивных материалов из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга прослежена история деятельности общественных собраний и других культурно-досуговых организаций в уездных городах Санкт-Петербургской губернии: Луга, Новая Ладога и Шлиссельбург и безуездного дворцового города Гатчины.

In this article, based on published office documents and local history literature, archival documents from the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the history of the activities of public meetings and other cultural and leisure organizations in the district towns of the St. Petersburg province: Luga, Novaya Ladoga and Shlisselburg and the district-less palace town of Gatchina is traced.

Ключевые слова: Уездная культурная среда, общественные собрания, городской досуг, Петербургская губерния, культурно-просветительская деятельность.

Key words: District cultural environment, public meetings, city leisure, St. Petersburg province, cultural and educational activities.

Увеличение процента грамотности и развитие образования в городской среде в уездных центрах губерний России, появление с 1880-х гг. наряду с дво-

рянскими закрытыми клубами общественных собраний и других культурно-просветительских общественных организаций для образованного городского населения во второй половине XIX в. свидетельствует о демократизации культуры, распространении разнообразных форм досуга среди населения: пения, музицирования, чтения книг и газет, проведения балов, игр в бильярд и т. д.

В настоящее время в отечественной историографии исследователи в регионах изучают местную культурную жизнь и организацию локальными сообществами досуга как на общероссийских материалах: В. Н. Козляков, А. А. Севастьянова, И. С. Розенталь, так и в отдельном городе: С. Ф. Аманов, А. Б. Гуларян, Е. В. Миронова, Н. Л. Семенова и др. [1–6].

В ходе российской модернизации во второй половине XIX – начале XX в. активизировалась общественная жизнь горожан, возросло число и значение городских ассоциаций и клубов. Массовое открытие общественных собраний 1880-х г. было подготовлено законодательными инициативами. Так в 1874 г. был утвержден «Нормальный устав общественных собраний» установивший правила салона, работавшего легально по приему привилегированных членов (кроме женщин и учащихся) для организации развлечений. Клубы, или, как их называли в русской юридической литературе и практике, «общественные собрания», в отличие от салонов, имели свой устав, списки членов, обязательные членские взносы и органы самоуправления, цели и программу [7, с. 9].

Среди общественных и культурно-досуговых инициатив в уездных городах выделим общественные клубы и общества, содействующие культурному развитию и образованию.

Первым городом столичной губернии, где появилось закрытое дворянское культурно-просветительское общество стал безуездный город Гатчина в Царскосельском уезде. Гатчинское благородное собрание было открыто в 1844 г. Первоначально оно располагалось в съёмном частном доме, а в 1851 г. был куплен дом на Новой (позже Ксенинской, ныне Леонова) улице [8, с. 141]. Оно просуществовало до 1854 г., на основании устава ему разрешено было устраивать лотереи, давать концерты и даже прямо принимать пожертвования для устройства в Гатчине детского приюта для бедных юных горожан. Участие в организации лотерей принимала императрица, вырученные деньги от трех лотерей положили под проценты в Санкт-Петербургский опекунский совет, но собранной суммы не хватило на устройство приюта [9, с. 180–181].

В феврале 1882 г. был утвержден устав Гатчинского общества любителей пения и музыки, задачей которого было «возможное общими и взаимными усилиями развитие и усовершенствование музыки, как вокальной, так и инструментальной» [10, с. 1]. Члены общества собирались в нанимаемом помещении для спевок. Общество состояло из членов – активных, пассивных (слушателей) и почетных. Для организации деятельности уставились вечера, где собирались с сентября по май члены, с благотворительными целями устраивались концерты [10, с. 5–7]. Общество не просуществовало продолжительного времени.

В 1883 г. в городе было открыто Гатчинское общественное собрание (Багговутовская (ныне К. Маркса) улица, д. 32/6), расширив круг допущенных лиц к

развлечениям собрания. Основной целью общественного собрания было «доставление членам приличного развлечения и пользования чтением газет, журналов и книг» [11, с. 1]. Лица, посещавшие собрание, делились на два типа членов: действительные и почетные. В члены общества не принимали: лиц женского пола, несовершеннолетних, за исключением имеющих классный чин; воспитанников учебных заведений, нижние воинские чины и юнкера; ограниченные по суду в правах и ранее исключенные из общества [11, с. 1–2].

Членом общества можно было стать лишь по рекомендации другого члена, вновь принятые вносили плату 15 р., затем через полгода 10 р. Ежегодная плата составляла 15 р. [9, с. 180–181]. Периодически проходили семейные вечера и балы, на них каждый из мужчин мог пригласить лишь двух дам. На такие мероприятия приглашали посторонних гостей [9, с. 180]. В собрании можно было приходить ежедневно до 1 часа ночи, для членов были доступны бильярдная и карточные комнаты. Периодически устраивались балы и музыкальные вечера. За пребывание ночью брали плату с членов: за полчаса – 30 к., час – 90 к., а за три часа – 28 р. 80 к. [11, с. 4].

При доме собрания была сделана пристройка для зрительного зала. Постоянной театральной труппы не существовало, антрепризы ставили силами местных любителей, кроме того, в летние месяцы приезжали гастролеры из Петербурга.

С 1909 по 1914 г. в здании общественного собрания размещалось общество «Просвещение» (предс. Е. И. Балышева (?-1914), которое проводило публичные лекции по различным вопросам, организовывало общеобразовательные и подготовительные курсы, познавательные экскурсии на Путиловский завод, в Пулковскую обсерваторию. При обществе была создана библиотека. Деятельное участие в жизни общества принимал писатель В. А. Тихонов, который принимал участие как актер в постановке собственных пьес. Доход от этих постановок шел в казну общества. К 1914 г. в обществе насчитывалось 74 члена, председателем был Н. А. Колпаков, секретарем Ю. Ф. Ламберт, казначеем А. Е. Смирнов [12].

В начале XX в., в Гатчине стали открываться кинематографы, так в 1908–1911 г. на улице Михайловской (ныне Красной) начал работать кинематограф «Parisien», позже переименованный в «Новый мир». В 1912–1922 гг. работал кинотеатр «Модерн». С 1 апреля 1913 г. в Общественном собрании был снят зал для третьего в Гатчине кинотеатра «Гатчинский городской кинематограф» [8, с. 142–143]. В феврале 1914 г. редактор-издатель газеты «Гатчина» Ф. К. Шмидт и Вигоне открыли в большом и светлом подвальном помещении здания вторую типографию в городе «Гатчина» [13].

В конце XIX – начале XX в. в городке открывались общества, объединения и кружки, целью которых было объединить людей, связанных общими интересами и талантами, ставившими перед собой задачи повышения уровня культуры и просвещения жителей городов. Среди них были: Общество любителей природы (осн. в 1911), местное отделение Общества ревнителей русского исторического просвещения (осн. в 1897 предс. Н. И. Кутепов), музыкально-

драматический кружок (осн. в 1900 г.) а также различные благотворительные общества [14, с. 1].

Другим примером яркого развития местной культуры был уездный город Луга. В 1875 г. в городе было открыто Лужское общественное собрание. Согласно уставу, его задачей было «средства к прятному и полезному препровождению времени и возможные удобства общественной жизни» [15, с. 1].

Собрание устраивало для своих членов и гостей событий: маскарады; семейные обеды, танцевальные и литературные вечера и драматические представления. Для организации досуга правление выписывало книги, газеты и журналы, приглашало лиц для чтения лекций. Членами общества могли быть только мужчины совершеннолетнего возраста, не допускались лица женского пола, а также учащиеся, юнкера, лица лишенные членства в обществе или ограниченные по суду в правах [15, с. 7].

Среди представленных видов досуга для членов общества были: танцевальные вечера и игры. На основании устава при проведении игр не допускались азартные (банковская игра и рулетка), причем при проведении игр не разрешалось членам-зрителям учить игре и указывать на ошибки, если таковое происходило, то человек платил проигрыш вместо игроков [15, с. 11].

В целях организации чтения как вида досуга «выписываются разного рода газеты и периодические издания преимущественно на русском языке, а также приобретаются лучшие сочинения по различным отраслям науки и литературы». Выдавалось не более двух книг и журналов срок на один месяц. [15, с. 12].

В декабре 1905 г. Лужское общественное собрание расположилось в специально построенном доме Шмелевой на углу по Большой Маркизской и Тверской улиц, д. 2/3 [16, л. 1]. На первом этаже находились дамская и мужская уборная, зала для танцев и спектаклей, гостиная и раздевальная. На втором этаже была буфетная, столовая, карточная и биллиардная [16, л. 36–38].

В 1906 г. была устроена сцена для спектаклей, что вызвало недовольство властей в виду противопожарной опасности в деревянном здании, рядом склад с бутафорией и декорацией, есть только один выход [16, л. 11]. В мае 1907 г. старшине собрания Мицкевичу было дано предписание о прекращении театральных постановок. В 1908 г. после переустройства было получено разрешение на устройство танцевальных вечеров и концертов [16, л. 46].

В Луге в начале XX в. осуществляли деятельность русские и эстонские культурно-просветительские общества: Эстонское благотворительное общество образования в городе Луге (предс. Сурматс), Лужское общественное семейное собрание (предс. Альянаки). В городе имелось два кинематографа: «Прогресс» (осн. в 1912. влад Яшинин) и «Сатурн» (осн. в 1909. влад. Л. С. Сиряченко-Шевченко) [17, с. 168–169; 18, с. 141–142]. Существенный вклад в развитие местной культуры внесло Лужское отделение Санкт-Петербургского общества народных университетов (осн. 1907, пред. Ф. Ф. Чудинов), в котором участвовал писатель А. А. Тихонов-Луговой. На его собраниях выступали петербургские и лужские интеллигенты Ф. В. Советов, врач И. В. Лившиц,

И. А. Покровский [18, с. 142–146]. В начале XX в. в Луге действовали театры: Ограновича (осн. в 1895), театр Е. В. Артемовой (осн. в. 1914) [18, с. 131–137].

В удаленном от столичного центра уездном городе Новая Ладога в 1868 г. появился Новоладожский общественный клуб, на основании устава цель клуба определялась как «доставление обществу приличного и приятного препровождения» [19, с. 1]. Постоянные члены клуба и посетители приходили сюда на обеды и балы, слушали музыку, играли в карты, домино и бильярд. На деньги, вырученные от членских взносов, в клубе приобретали книги и периодическую печать, а любители чтения могли удалиться в специальную комнату. Порядок поддерживался дежурным старшиной. Клуб располагался в доме городского головы М. А. Старикова, а затем его дочери баронессы А. М. Фитингоф на Николаевском пр. (ныне К. Маркса, 21).

Как отмечал краевед, учитель Николай Петрович Марков, автор книги «Новая-Ладога, уездный город С.-Петербургской губернии, в современном его состоянии» (Остров, 1891): «Игра в карты наиболее употребительное развлечение в течение осени и зимы. Существует общественный клуб, но и в нем преобладают карты. Другими развлечениями Ладога очень бедна <…>» [20, с. 27]. В клубе выступали небольшие (5–6 человек) труппы актеров, фокусники давали представления во время Успенской ярмарки (23 августа–10 сентября) Летом 1913 г. каждые 3–4 дня шли бенефисы Санкт-Петербургской труппы под руководством П. К. Бондаренко [21, с. 23].

В 1899 г. в городе был устроен барак для устройства спектаклей при уездном комитете Попечительства о Народной трезвости, о театральных постановках подробно писала местная газета «Озерный край» в 1913–1914 г. [22, л. 2]. В 1909 г. в городе появился музыкально-драматический кружок [23, л. 1–3]. В 1915 г. открыла Н. Д. Леонова открыла кинематограф на Николаевском проспекте, 23 [24, л. 1–3].

В близком к столице уездном городе Шлиссельбурге был свой клуб – Шлиссельбургское общественное собрание, ставились любительские спектакли. С 1913 г. на третьем этаже во вновь выстроенном доме Ревекки Венеаминовны Шкилевской по Благовещенскому проспекту стало размещаться Шлиссельбургское общественное собрание. Досуг был представлен биллиардной комнатой, залом для показа спектаклей на 200 чел. [25, л. 1, 7 об.].

В данной статье на основе характеристики создания и деятельности общественных собраний, форм досуга: кружков, кинематографа в Гатчине, Луге, Новой Ладоге, Шлиссельбурге показано создание на рубеже XIX–XX вв. местной городской культурной среды, что было существенным развитием городского пространства в начале XX в. Среди популярных форм досуга на рубеже XIX–XX вв. было посещение общественных собраний, где играли в карты и биллиард, устраивались танцевальные вечера и любительские спектакли, читали книги и газеты, музыкальные кружки, с 1900-х г. стал набирать популярность кинематограф, количество кинозалов увеличивалось до Первой мировой войны.

Список литературы

1. Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. Т. 1. Общественно-культурная среда. С. 125–203.
2. Розенталь И. С. Клубы и развитие российской общественности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 374–431.
3. Аманов С. Ф. Культурная жизнь уездного города на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Костромской губернии) // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1000-летию с благоверной кончины князя Владимира / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль: б.и., 2016. С. 398–404.
4. Гуларян А. Б. Организация досуга в Российском дореволюционном провинциальном обществе по архивным документам и материалам в конце XIX – начале XX вв. // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 270–281.
5. Миронова Е. В. «В этом центре, как в глубокой яме, тихо и безнадежно спокойно…»: общественная жизнь в уездном городе Лаишеве // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. № 1. С. 78–86.
6. Семенова Н. Л. Формы досуговой повседневности в первой половине XIX в. // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 98–109.
7. Павлушина А. А., Финогентова О. Е., Никифоров С. М. Законодательное регулирование деятельности общественных собраний (клубов) в Российской империи в XVIII – конце XIX в. // Вопросы экономики и права. 2013. № 2. С. 7–11.
8. Родионова Т. Ф. Гатчина: страницы истории. 2-е изд., доп. и испр. Гатчина: СЦДБ, 2006. 240 с.
9. Столетие города Гатчины, 1796 11/XI 1896 г. / сост. под ред. С. Рождественского. Гатчина [СПб]., 1896. Т. 1: Исторические сведения. [4], III, 323, 94 с.
10. Устав Гатчинского общества любителей пения и музыки: Утв. 4 февр. 1882 г. Б.м., 1882. 8 с.
11. Устав Гатчинского общественного собрания: Утв. 12 авг. 1883 г. СПб.: б.и., 1883. 9 с.
12. Фотокопия документа Гатчинского дворцового ведомства. Отчет о деятельности Гатчинского общества «Просвещение» за 1913–14 гг. // Музей Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. ГКМ КП-6654. V-3512. URL: https://union.lenoblmus.ru/entity/OBJECT/117312 (дата обращения: 25.12.2024).
13. Кислов В. А. Дом № 32 на Багговутовской (К. Маркса) улице Дом Общественного Собрания. Дом Красной Армии // Владислав Кислов. Страничка гатчинского краеведа. URL: https://kraeved-gatchina.de/ocherki/utrachennye-doma-staroy-gatchiny/dom-obshchestvennogo-sobraniya/ (дата обращения: 25.12.2024).
14. Карпов Н. Н. На память о юбилейном вечере Гатчинского музыкально-драматического кружка: 1900 30/11 1910: В древнерусском стиле: Былинная песнь... Гатчина: изд. Кружка, 1910. 4 с.
15. Устав Лужского общественного собрания: Утв. 28 нояб. 1875 г. СПб.: б.и., 1889. 23 с.
16. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб). Ф. 256. Оп. 27. Д. 570.
17. Памятная книжка С.-Петербургской губернии, на 1914/1915 гг. / Изд. С.-Петерб. ГСК. СПб.: С.-Петерб. губ. тип., 1914. [6], XXVII, [5], 82, 547 с.
18. Хрисанфов В. И. Незнакомая Луга: очерки истории города начала XX века. Луга: Изд-во Голубева, 2013. 195 с.
19. Устав Новоладожского общественного клуба. СПб.: б.и., 1868. 12 с.
20. Марков Н. П. Новая-Ладога, уездный город С.-Петербургской губернии, в современном его состоянии. Остров: Тип. А. С. Степановой, 1891. 29 с.

21. Новая Ладога / А. В. Берташ, А. Ф. Векслер. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 145, [2] с.
22. ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 26. Д. 77.
23. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 9930.
24. ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 33. Д. 144.
25. ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 31. Д. 691.

Д. А. Мельникова

Тотализатор в Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX в. широкую популярность в России приобрели испытания лошадей, являющиеся источником дохода для коннозаводчиков, спортсменов, обществ поощрения коннозаводства, коннозаводского ведомства, лиц и учреждений, участвовавших в организации данного вида спорта. В 1876 г. новым источником дохода становится тотализатор – предмет дискуссии в общественных кругах вплоть до начала событий Первой мировой войны. Главный вопрос, который требовалось решить: является ли тотализатор источником дохода или приносит больше вреда, чем пользы. В данной статье на основе архивных документов и публицистических работ рассматриваются основные этапы истории тотализатора на скачках и рысистых бегах в Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в.

In the second half of the 19th century, horse trials became widely popular in Russia, which are a source of income for horse breeders, athletes, horse breeding promotion societies, horse breeding departments, persons and institutions involved in the organization of this sport. In 1876, the sweepstakes became a new source of income, which became the subject of discussion in public circles until the events of the First World War. The main question that needed to be solved was whether the sweepstakes was a source of income or did more harm than good. Based on archival documents and journalistic works, this article examines the main stages of the history of the horse racing and trotting sweepstakes in the Russian Empire in the last quarter of the XIX – early XX century.

Ключевые слова: тотализатор, азартная игра, Главное Управление государственного коннозаводства, благотворительность, скачки, рысистые бега.

Key words: sweepstakes, gambling, General Directorate of State Horse Breeding, charity, horse racing, trotting.

Одним из распространенных современных азартных развлечений является тотализатор, который подразумевает заключение пари на исход спортивных состязаний. Впервые тотализатор появился в России в 1876 г., «получив по почину графа А. Н. Нирода, свое осуществление на скачках» при Царскосельском скаковом обществе и быстро завоевав интерес зрителей [1, с. 64]. Первый билет на тотализатор был приобретен Императрицей Марией Федоровной. Интересно отметить, что в 1722 г. Петр I признал необходимым учредить «закладные скачки, как меру полезную для поощрений разведения лошадей» [2, с. 30]. В 1877 г. тотализатор был учрежден при Московском скаковом обществе, в 1880 г. на скачках в Царстве Польском, а в 1881 г. при Императорском Санкт-

Петербургском обществе рысистого коннозаводства [3, л. 6]. К 1908 г. тотализатор существовал в 29 рысистых и 21 скаковом обществах [4, л. 28]. Система тотализатора в Российской империи в последний четверти XIX в. выражалась в том, что в дни проведения конных испытаний публика допускалась на особые места на ипподроме с платой за вход не ниже одного рубля. За полчаса до начала первого испытания открывались специальные кассы для приема закладов «в виде продажи билетов по цене не ниже, чем в десять рублей каждый» [2, с. 31].

К последней четверти XIX в. в Российской империи под руководством Главного Управления государственного коннозаводства (далее – ГУГК) существовала система конных испытаний – скачек и бегов [5]. Кроме них в систему входили состязания рабочих и крестьянских лошадей. Для рассматриваемого нами вопроса в первую очередь имеют значение бега и скачки, которые по определению Управления государственного коннозаводства относились к «высшим испытаниям». Система конных испытаний Главного Управления государственного коннозаводства включала и общества поощрения коннозаводства, которые являлись организаторами состязаний по регионам, также распределяли, назначали призы, рекомендованные или строго установленные коннозаводским ведомством [6]. Тотализатор являлся «официальным посредником от имени общества поощрения коннозаводства между отдельными сторонниками разных состязающихся лошадей» [2, с. 31].

Как отмечали современники-публицисты: «Тотализатор в своих функциях выполняет две важные задачи: во-первых, он отдает для нужд такой крупной отрасли сельского хозяйства, как коннозаводство, весь свой доход, извлекаемый в виде процентных отчислений с оборотов взаимных закладов публики, во-вторых, тотализатор парализует азарт в неизбежной при всяких условий игре на ипподромах и ограждает интересы публики от злоупотреблений» [2, с. 32–33].

На рубеже XIX–XX вв. в рядах общественности поднимается вопрос о «развращающем … нравственность влиянии тотализатора и … воздействия его на преступность» [2, с. 33]. 7 мая 1886 г. гласным Московской городской Думы С. Н. Мамонтовым было подано ходатайство о воспрещении тотализатора, объяснялось это тем, что «игра на тотализаторе, имея крайне азартный характер, привлекает… все слои населения … не исключая даже воспитанников школ и гимназий» [3, л. 8 об., 9]. В том же году в Москве был принят ряд ограничительных мер для игры в тотализатор. В первую очередь к игре в тотализатор не допускались воспитанники учебных заведений, и первое время данная мера оказывала благотворное действие, но «потом была парализована тем, что с одной стороны стали образовываться компании играющих, а с другой – действия самих обществ…», которые стремились увеличить свои обороты путем увеличения скакового сезона (с 1 мая по октябрь), назначения розыгрыша лучших призов в праздничные дни и широкого распространения посредством афиш сведений о скачках среди всех слоем населения [3, л. 10].

3 сентября 1889 г. в Москве на скаковом ипподроме произошли беспорядки: «Публика недовольная стартами, потребовала выдачи денег обратно и, получив отказ, бросилась на трибуны, переломала столы и стулья, побила стекла,

кассовые будки, заборы…», а для «успокоения ее был вызван полицейский резерв» [3, л. 6]. Вследствие этого тотализатор был временно закрыт в Москве «… по предоставлению исполнявшего обязанности Московского Генерал-Губернатора князя Голицына, причем на всеподданейшей записке об изложенном бывшего Министра Внутренних Дел статс-секретаря Дурново последовала Высочайшая отметка Императора Александра III "Эти тотализаторы огромное зло и безобразие и развращают не только публику, но и администрацию скаковых обществ…"» [3, л. 6, 6 об.]. Требовалось пересмотреть правила на тотализаторе. По результатам совместной работы МВД и ГУГК, к игре на тотализаторе допускались посетители, заплатившие не менее одного рубля за билет, запрещалось участие воспитанников учебных заведений, утверждалось число скаковых и беговых дней в году для каждого общества, что согласовывалось с МВД и ГУГК. Не допускалось открытие тотализатора в праздничные дни: Новый год, Богоявление, Пасху, Сретение Господне, Благовещение, четверг, пятницу и субботу страстной недели [4, л. 29].

Вопрос о запрещении тотализатора также обсуждался в Петербурге. В 1890 г. в городской Думе было выслушано предложение гласного Худякова «об обложении тотализатора сбором в пользу города» [3, л. 12], но Финансовая комиссия не нашла оснований к возбуждению данного ходатайства. Только в 1898 г. Санкт-Петербургская Дума постановила «… ходатайствовать об упразднении тотализатора на происходящих в черте города конских бегах …» [3, л. 12 об.].

В 1898 г. главноуправляющим коннозаводского ведомства была назначена особая комиссия по выработке для всех скаковых и беговых обществ однородных правил для закладов в тотализаторе. Проектированные правила были разосланы по обществам «для предоставления их соображений». Из представленных рядом обществ объяснений «оказалось, однако» что введение подобных, одинаковых для всех обществ, правил встретило бы на практике значительные затруднения, в виду того, что по условиям каждого ипподрома и роду производимых на нем испытаний лошадей, каждому обществу необходимо иметь некоторые специальные положения, которые для другого общества являлись бы неудобоприменимыми. Действующие правила были оставлены без изменений.

Дискуссия о вреде тотализатора продолжалась. Главный аргумент против закрытия тотализатора в начале XX в. – «прекращение крупнейшего дохода скаковых Обществ поведет к сильному сокращению призов на скачках, а это совершенно убьет чистокровное английское коннозаводство, отчего, ко вреду нашей кавалерии, сильно понизятся качество и сорт русской ремонтной кавалерийской лошади» [4, л. 12]. Против тотализатора выступили жители Московской губернии. Гласные Московского губернского земского собрания в количестве 49 человек «вошли в губернское земское собрание с заявлением, в котором они предлагали возбудить ходатайство о закрытии и недопущении тотализатора в пределах Московской губернии» [4, л. 12]. В заявлении отмечалось, что игорный азарт, вызванный тотализатором, «в высшей степени

гибельно отзывается на хозяйственном и нравственном благосостоянии жителей губернии» [4, л. 12].

Доводы сторонников тотализатора сводились к следующему. Во-первых, тотализатор являлся источником средств для развития отечественного коннозаводства. В 1880 г. на восьми скаковых ипподромах участвовало 132 лошади, было разыграно призов на сумму 168 747 р., а в 1898 г. насчитывалось уже 33 ипподрома, на которых скакало – 915 лошадей и было разыграно – 1 512 004 р. [4, л. 13]. На 24-х рысистых ипподромах в 1880 г. бежало 372 лошади и разыграли – 110 667 р. В 1898 г. бежало 1 518 лошадей, разыграно – 1 367 037 р. [4, л. 13]. Во-вторых, тотализатор давал заработок большому количеству людей, служащих на ипподромах, а также ремесленникам (шорникам и экипажным мастерам), торговцам фуражом, чернорабочим, подрядчикам, поденщикам [4, л. 13]. Благодаря тотализатору, имели доход владельцы недвижимости около ипподромов. За 15 лет около Ходынского поля в Москве возник целый городок, выстроены большие здания, открылись мастерские, магазины, лавочки, проложены улицы и была проведена конно-железная дорога. Ценность земли вокруг Московского ипподрома выросла с 60 к. до 30 р. за квадратную сажень с конца XIX в. к 1902 г. [7, л. 99]. В-третьих, тотализатор способствовал уничтожению тайной игры. При осуществлении тотализатора игра велась только на наличные деньги. Сторонники также отмечали, что тотализатор не является азартной игрой, так как для участия требуется знание лошадей, число ставок ограничено числом заездов, число скаковых и беговых дней ограничено; благодаря высоким ставкам игра доступна только состоятельным лицам [4, л. 13 об.].

В противовес плюсам тотализатора его противники отмечали следующее: «для развития коннозаводства нет надобности ни в крупных призах, ни в столь значительном их количестве …», «уничтожение тотализатора может только несколько сократить, но отнюдь не убьет нашего чистокровного английского коннозаводства», «суммы, выдаваемые на призы, совсем не служат для поощрения коннозаводства, так как попадают в карманы не самих заводчиков, а лишь некоторых промышленников спорта, или ловких иностранцев-предпринимателей, наживающих себе при этом огромные состояния…», «тотализатор разоряет населения крупных городов, отражаясь особенно гибельно на лицах неимущего класса…», «благодаря тотализатору увеличивается число преступлений» [4, л. 13 об., 14, 14 об.].

В период с 1895 по 1901 гг. только в Москве из-за тотализатора было совершенно 24 преступления: 1 кража, 1 мошенничество, 17 растрат, 3 подлога и 2 убийства. «Иван Обухов служил приказчиком по мучному лабазу Мостовского. Увлекся тотализатором и растратил несколько сот рублей хозяйских денег. С целью скрыть эту растрату он совершил подложное условие. Суд приговорил Обухова в тюрьму на 4 месяца» [7, л. 155]. «Жена полковника Жозефина Шефлер и наездник мещанин Максимов судились за сбыт фальшивых купонов. Шефлер объяснила, что, проиграв более 50 тысяч рублей на тотализаторе она вполне подчинилась влиянию наездника Максимова, который ее игрой, вытягивал из нее все … и в конце концов принудил сбывать те купоны, выручку от

размена которых от нее отбирал. Шефлер оправдана, а Максимов обвинен и приговорен к тюремному заключению на 2 мес.» [7, л. 156 об.].

Несмотря на явную опасность, исходящую от тотализатора, запрета так и не последовало, но в 1911 г. были изданы новые правила, в соответствии с которыми не допускались ставки ниже 10 руб., а с каждого билета удерживалось 10,5 %, из которых 9% в пользу общества, 1,25 % для ГУГК и 0,25 % в распоряжение города, где действовал тотализатор «для усиления его средств на больничное и благотворительное дело» [8, л. 6]. В 1913 г. был утвержден список допустимых расходов от процентов с тотализатора для ГУГК. Некоторые из них: выдача субсидий на призы провинциальных скаковых и рысистых обществ; устройство и содержание отдельных случных пунктов; издание скаковых и рысистых календарей; содержание школы наездников в с. Хреновом Харьковской губернии; устройство бактериологической станции и на мероприятия по борьбе с эпизоотиями у лошадей и т. д. [8, л. 24, 24 об.].

Возвращаясь к новым правилам от 1911 г., важно отметить, что деятельность Императорских обществ поощрения коннозаводства находилась под контролем наблюдательных комитетов, в которые входили: представители от ГУГК, МВД и местного городского общественного управления [8, л. 57 об., 58]. Открытие тотализатора осуществлялось по ходатайству общества [9, л. 5].

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война требовала серьезных материальных затрат для обеспечения фронта. Поиск источников новых средств не мог не затронуть и конные испытания, в частности тотализатор. В феврале 1916 г. был введен временный, сроком до окончания войны, налог в пользу казны на тотализатор и взимался «в дополнении к ныне установленным со стоимости тотализаторских билетов удержанием» [8, л. 4]. Размер налога определялся:

1) для билетов, приобретаемых на ипподромах Императорских Московских и Петроградских обществ поощрения рысистого коннозаводства в 4,5 % со стоимости каждого тотализаторского билета;

2) для билетов, приобретаемых на ипподромах прочих скаковых и беговых обществ – в 2,5 % с каждого билета.

«Сверх предусмотренных…отчислений, в доход казны» обращалась одна девятая часть установленного в пользу Императорских обществ: Московского и Царскосельского поощрительного скаковых и Московского, и Петроградского беговых, удержания в размере девяти процентов со стоимости каждого тотализаторского билета [8, л. 4].

Вплоть до конца существования Российской империи тотализатор продолжал практиковаться на отечественных ипподромах. Дискуссия о вреде и пользе азартного увлечения осталась незакрытой. В последней четверти XIX в. тотализатор волновал общественность и представителей чиновничества именно с точки зрения моральной стороны, чему способствовала политика Александра III. Попытки предотвратить аморальное воздействие тотализатора на население каждый раз встречали возмущение со стороны представителей обществ поощрения коннозаводства, для которых тотализатор являлся одним из главных источников дохода. Однако в начале XX в. представители власти стали

рассматривать тотализатор также, как возможность получить дополнительные средства. Так 0,25 % от налога на тотализатор были назначены в пользу благотворительности, а с 1916 г. за счет нового налога часть средств из стоимости тотализаторского билета были направлены на нужды армии.

Список литературы

1. Велихов Л. А. Исторический очерк деятельности Императорского С. Петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства, 1861–1911 = Альбом в память пятидесятилетнего юбилея Императорского С. Петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства, 1861–1911. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. [2], 239, [143] с.
2. Беговые и скаковые испытания в связи с вопросом о тотализаторе. Петроград: Тип. Брокгауз-Ефрон, 1916. 61 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3525.
4. РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 226
5. Мельникова Д. А. Система испытаний лошадей при Главном Управлении государственного коннозаводства (1843–1917 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 3(31). С. 149–163. DOI 10.32516/2303-9922.2019.31.11.
6. Мельникова, Д. А. Общества поощрения коневодства Российской империи во второй четверти XIX - начале XX в // История повседневности. 2018. № 3(8). С. 76–92.
7. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 4142.
8. РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3212.
9. РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 659.

Т. И. Трошина

Традиция «дачного отдыха» в провинциальном городе (на примере Архангельска в первой половине XX в.)

Несмотря на схожесть форм «дачного отдыха», которые в сравнительно короткий период времени путем заимствования распространились среди широких слоев городского населения, присутствуют и региональные различия. На примере традиции сезонного летнего отдыха жителей города Архангельска исследуются корни таких различий, связанных с сохраняющимися земляческими связями населения.

Despite the similarity of the forms of “dacha recreation”, which in a relatively short period of time spread among the broad layers of the urban population by borrowing, there are also regional differences. On the example of the tradition of seasonal summer recreation of Arkhangelsk city residents, the roots of such differences are investigated, which are connected with the remaining land ties of the population.

Ключевые слова: культура дачного отдыха, история повседневности, Архангельск, городское население, социальные контакты, бытовая традиция, урбанизация, рурализация.

Key words: dacha culture, history of everyday life, Arkhangelsk, urban population, social contacts, household tradition, urbanization, ruralization.

«Дачный отдых», первоначально выражавшийся в выездах дворянских семей на лето в загородные поместья, описанный в самых идеалистических тонах русскими писателями, остается в центре исследовательского интереса историков культуры и городской повседневности. Интерес к этой теме связан так же с изучением процессов урбанизации, распространением городской культуры на сельскую местность, а также, в определенной степени, процессов рурализации, в плане возрастания стремлений жить ближе к природе, подальше от «шума городского».

Методологически исследования «дачной культуры», все более и более приобретавшей массовые формы городской культуры, опираются на теорию диффузии культурных ценностей. Традиция «летних дач» в столицах и в районах помещичьего землевладения была скопирована с поместной жизни дворян, а для буржуазии стала доступной в пореформенный период, в связи с высвобождением пригородных крестьянских земель [1]. История дачного отдыха на территориях, где не было традиции помещичьих усадеб, привлекла меньше внимания, и в основном ограничивалась описанием подходящих для летнего отдыха пригородных мест [2; 3]. Общим было то, что загородный летний отдых становился особо привлекательным для людей, не имеющих возможности выехать семьей на модные отечественные и заграничные курорты, а также для «служащих» дачников, заинтересованных в загородном доме недалеко от города и места своей работы. Первую половину XX в., и даже – весь XX в. исследователи «дачной культуры» назвали «первой, романтической волной дачной колонизации», когда «и деревня была жива, и городские дачники чувствовали себя в ней органично» [4, с. 115].

В Архангельске курортная тема была так же популярна. Город был многонациональным, существовала культурно достаточно устойчивая западноевропейская диаспора (так называемые «архангельские немцы»), поэтому существовали «немецкие» курорты (с соляными и солнечными ваннами в приморской деревне Сюзьма, стремившиеся копировать европейскую традицию, впрочем, не слишком успешно). Схожим с «немецкими» своими формами «коллективного отдыха», и отличающиеся от более привычных для русских «индивидуальных» форм дачного отдыха, стал курорт в с. Ненокса, о чудодейственных свойствах грязей и минеральных водах расположенного рядом урочища Куртяево ходили давние слухи, подтверждаемые и медиками. История северных курортов, получивших толчок в начальный период Первой мировой войны, которым, к сожалению, воспользоваться полностью так и не удалось, автором уже описана [5].

Традиция собственно «дачного» отдыха здесь, на крайнем севере европейской России, имеет свои особенности. И связаны эти особенности с малонаселенностью края, устойчивыми общинными связями, довольно поздней (несмотря на «древность» города, ведущего историю с 1584 г.) урбанизацией и чрезвычайно медленным процессом роста численности постоянного городского населения. Имея различные льготы (например, освобождение от рекрутской службы), торговые крестьяне не стремились переходить в купеческое сословие,

тем самым, не отрываясь от своих сельских корней. Большинство крупных промышленников начала XX в. были таковыми в первом, редко во втором поколении, оставаясь «благотворителями» для своих близких и далеких деревенских родичей, и имея в родной деревне свой дом.

В архивных источниках, в мемуарной литературе, в синхронных газетных публикациях сведений о загородном отдыхе практически нет (исключение составляет активное обсуждение возможных курортных мест, особенно активизировавшееся в начале Первой мировой войны). Информация, положенная в основу данной статьи, была собрана автором в 1980–90-е гг. у городских старожилов и у сохранивших память о «городских дачниках» сельских жителей. Этот меморат хранится в научном архиве Архангельского краеведческого музея, и содержащаяся в нем информация в отношении дачной традиции частично была уже использована автором в газетной публикации [6, с. 6] и в телевизионных передачах о повседневной жизни дореволюционного города. Такой способ популяризации темы позволял будировать интерес горожан, стремившихся добавить свои подробности к этой, казалось бы, забытой уже странице городского быта, что позволяло, путем расширения информантов, уточнять отдельные вопросы для создания более полной картины.

Анализ такого нестрогого источника, как воспоминания людей, бывших в изучаемую эпоху детьми, или даже слышанных от старших родственников историй, перепроверка этих сведений с помощью других данных о повседневной жизни горожан позволили восстановить подробности дачного отдыха, выявить его истоки конкретно для городской культуры Архангельска.

Явление, когда городская семья, или часть семьи (как правило, мать или бабушка с маленькими детьми) проводят летне-осенний сезон за городом, в Архангельске существовало до 1960-х гг., «перерастая» затем в более привычный нам дачный отдых, совмещающий работу на участке. Разумеется, определенная часть горожан копировала, в соответствии с теорией диффузии, подобные формы отдыха у более «высоких» слоев общества. Это и заимствование западного «отдыха на водах» (характерно для «архангельских немцев», местной интеллигенции и чиновничества), и свойственное части русской аристократии стремление проводить время при монастырях и в других святых местах. Для этого была выстроена целая гостиничная инфраструктура, в том числе, и в Архангельской губернии. Здесь излюбленными местами были Соловецкий, Николо-Карельский и Антониево-Сийский монастыри, а также – лечебные воды при Пертоминском монастыре и урочище Куртяево (где находилась часовня) неподалеку от посада Ненокса. Первоначально горожане выезжали туда со всем имуществом, позднее предприимчивые монастырские руководители приступили к строительству благоустроенных гостиниц, обеспечению зажиточных паломников питанием и необходимыми услугами.

Что касается остального городского населения, в основном выходцев из окрестных сел, вряд ли деревенский отдых был для них привлекателен. Сам город, хоть и был губернским центром, позволял жить «по-деревенски». Привычными для Архангельска, где розничная торговля появилась только на рубеже

XIX–XX вв., были довольно обширные городские усадьбы, где располагались огороды и садово-ягодные посадки; здесь же держали домашний скот и птицу. Вместе с тем, учитывая, что многие горожане были в недавнем прошлом отходниками, традиция держать семью (жену с детьми) в деревне, где жизнь была дешевле, сохранялась достаточно долго. Первое время это было связано с необходимостью платить крестьянские подати, и семья оставалась как бы гарантией для сельской общины, что владелец надела будет выполнять свои обязательства. Затем, стали отправлять в деревню детей «на лето» к деревенским родственникам.

Со временем горожане и их односельчане все более отделялись друг от друга, их различали уже и занятия, и культурно-бытовые формы, и социально-имущественное положение. Но земляческие отношения сохранялись. Например, в городские семьи было принято брать прислугу из своих родовых деревень. Горожане как бы несли ответственность за принятую девушку или мальчика. Их близкие могли быть уверены в надлежащем «присмотре». Да и горожанам надежнее было взять в дом горничную или «мальчика» из знакомой семьи. Мальчик подрастал и начинал собственный трудовой путь, или возвращался в деревню. Девушку рано или поздно родители «просватывали», и та уезжала на родину, унося с собой приобретенные в городе навыки и знания.

Массовый «выезд» горожан в деревню был связан не с желанием пожить на природе, а с трудными временами. Это началось в Первую мировую войну, и продолжалось несколько лет после ее окончания. Уходя в армию, мужчины отправляли семью в деревню. Если с ней уже ничего не связывало, отправляли в семью бывшей горничной или няньки, которые воспринимались как «свои».

В 1920-е и 30-е гг. прежние связи реанимировались. Архангельск к тому времени становился все более промышленным центром, усиливался квартирный кризис, и выезд в деревню на 2–3 месяца рассматривался как важное условие сохранения здорового образа жизни. Если семья могла позволить себе взять прислугу, то предпочитали продолжать традицию поддержки «своих» – деревенских знакомых и родственников.

Подобные связи сохранялись и в 1950-е гг., когда, благодаря улучшению условий быта, сокращалась потребность в домашней прислуге. Однако, почти у каждого горожанина были «свои» в деревне. Пока живы были «бабушки», которые поддерживали связь со своими деревенскими няньками и их потомками, традиция снимать дом или часть дома у них в деревне продолжала жить. Но постепенно она вытеснялась общественным отдыхом (в санаториях и пансионатах), а затем и собственными дачными «сотками» и щитовыми домиками.

Список литературы

1. Белов А. В. Культура дачного отдыха в окрестностях Москвы (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник славянских культур. 2014. № 1(31). С. 18–29.

2. Дегтярев Д. С. Дачные местности в пригородах Томска в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1 (88). С. 99–103.

3. Бурлуцкая (Банникова) Е. В. Дачный отдых в Оренбургской губернии пореформенного периода // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (26). С. 84–97.

4. Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103–128.

5. Морозова О. М., Трошина Т. И. Небархатный сезон отечественного курортного дела // Вопросы культурологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2023. Т. 100. № 1. С. 63–68.

6. Трошина Т. И. «Ах, эти дачные романы»: летний отдых архангелогородцев до революции // Архангельск. 1996. 25 июня. С. 6.

О. А. Рашитова

Досуг жителей провинциального Ямбурга в начале XX в.

В начале XX в. досуг жителей города Ямбурга стал более разнообразным благодаря открытию народного дома. В культурно-просветительские мероприятия были вовлечены самые широкие слои населения. Расквартированный воинский полк в Ямбурге был неотъемлемой частью городского культурного пространства.

At the beginning of the 20th century, the leisure time of the residents of Yamburg became more diverse due to the opening of the National House. The broadest segments of the population were involved in cultural and educational events. The military regiment stationed in Yamburg was an integral part of the urban cultural space.

Ключевые слова: народный дом, земство, просвещение, библиотека, Царицынский полк.

Key words: People's House, zemstvo, enlightenment, library, Tsaritsyn regiment.

В начале XX в. Ямбург представлял собой типичный провинциальный город, в котором проживало более четырех тысяч человек. В воскресные и праздничные дни горожане посещали Екатерининский собор, гуляли в парке, устаивали велопробеги до соседней Нарвы, по вечерам ходили в гости, играли в карты, обсуждали городские новости. Жизнью протекала размеренно и спокойно со своими проблемами, мелкими интригами, сплетнями, печальными и радостными событиями. Досуг ямбуржцев не многим отличался от досуга других провинциалов, но все же существовали в городе и свои особенности.

Начиная с 1832 г., в Ямбурге были расквартированы военнослужащие, и вплоть до революции 1917 г., они составляли значительную часть населения. Многолетнее нахождение военных оказало значительное влияние на социально-экономическую и культурную жизнь уезда. Местное население сдавало квартиры в наем, оказывало различные услуги военнослужащим, что давало дополнительный заработок, а значимые полковые события превращали повседневные будни жителей города в яркие и запоминающиеся дни.

Располагавшийся в Ямбурге 93 Иркутский полк во время русско-турецкой войны принимал участие в обороне Шипки. Как только был получен приказ о мобилизации, полк стал пополняться воинами из запаса. 8 августа прошел смотр полка, который собрал множество ямбуржцев. В этот день городское об-

щество организовало богатые и сердечные проводы. Пир шел всю ночь, гремел оркестр и «пелись удалые песни». На следующий день после молебна полк отправился в поход [1, с. 78].

Во время военных действий Ямбургский дамский комитет собрал для офицеров и солдат подарки, которые были переданы на фронт в январе 1878 г. В посылках офицерам были отправлены тёплые вещи, чай, сахар, табак, для нижних чинов – мыло, суконные портянки, белье, а для лазарета – корпию, косынки, бинты.

Горожане с воодушевлением готовились к возвращению полка. Со всего уезда 5 октября на железнодорожном вокзале собрался народ. Ямбуржцы с радушием и восторгом встречали победителей. Почти каждая винтовка у воинов украшалась венками и зеленью, на знаменах красовались ленты и венки. Ехавший впереди адъютант полка прапорщик А. Л. фон Гейне едва удерживал массу гирлянд и цветов, которыми его увенчала толпа. Город был украшен флагами, перевит гирляндами, на главной улице была сооружена Триумфальная арка. По мере приближения к казармам росла толпа и усиливались приветственные крики [1, с. 80]. После благодарственного молебна городская и уездная депутация поднесли полку хлеб-соль на серебряном блюде с адресом от обывателей города.

Накануне Первой мировой войны в Ямбурге дислоцировался 146-й Царицынский полк 37-й пехотной дивизии. Военные оказывали большую помощь в благоустройстве Ямбурга. В 1903 г. на территории древней крепости Ям солдаты Царицынского полка посадили новые аллеи деревьев. Так возник полковой сад, сразу полюбившийся горожанам стройностью тенистых аллей и музыкой духового оркестра. Несмотря на то, что сад носил официальное название «Полковой сад 146-го Царицынского полка», на его территорию нижние чины полка не допускались. Об этом строго предупреждала табличка, прикреплённая у входа: *«Солдатам и собакам вход воспрещён!».* Лишь однажды это правило было нарушено, когда Ямбург провожал в 1914 г. на Первую мировую войну своих сынов [2, с. 11].

Определенный вклад был внесен и в образовательную сферу. Благодаря усердию полкового священника и командира полка, при церкви Георгия Победоносца в разное время действовали две бесплатные школы грамоты, в которых обучались дети военных и беднейших жителей Ямбурга.

Хор певчих полковой церкви считался лучшим в Ямбурге. Он состоял из низших чинов полка и учеников школы грамоты. Хор покорял слушателей своими концертами в офицерском собрании и доме Ямбургского попечительства о народной трезвости.

Был в городе официальный публичный домом для «господ офицеров». Земский доктор Петр Николаевич Прохоров пытался найти поддержку у общественности и хлопотал о закрытии заведения, так как считал, что его служительницы тлетворно влияют на отроков и юношество. На защиту этого заведения встало военное ведомство, которое считало его необходимым для поддержания «боевого духа» и профилактики «смут» в расквартированном в городе полку.

Воинская часть оказывала влияние на экономическую, социальную и культурную жизнь Ямбурга, неоднократно становилась организатором увеселительных мероприятий, в которых участвовала большая часть населения.

В начале XX в. чтение прессы было частью досуга горожан. Своей газеты в Ямбурге не имелось, она издавалась в Нарве с 10 января 1898 г. Первым редактором стал Иван Михайлович Лазаревич-Шепелевич. «Нарвский листок» печатал правительственные вести, новости Нарвы и Ямбурга, известия о мировых событиях, статьи по сельскому хозяйству, местной промышленности и торговле, театральные вести, имелся и литературный раздел.

В небольшом, провинциальном городе, где все друг друга хорошо знают, резко бросался в глаза алкогольный досуг жителей. Для многих подобное времяпровождение являлось нормой, с которой не хотела мириться передовая общественность. Была поставлена задача отвлечь местное население от употребления спиртного. В 1898 г. возникло Ямбургское уездное попечительство о народной трезвости, объединившее элиту города.

Деятельность попечительства началась с открытия в Ямбурге библиотеки-читальни с чайной и столовой, находившейся в центре города в доме купца Новгородкина. Детище попечительства занимало семь просторных комнат. Народные чтения и танцевальные вечера весьма охотно посещались простым народом, но помещение не могло вместить всех желающих и в 1901 г. члены попечительства решили выстроить народный дом – общественное здание для проведения досуга городских и сельских жителей.

Открытие состоялось в августе 1904 г. во время ярмарочных дней. Чайную народного дома посетили до 3 000 чел. Порция чая с двумя кусками сахара стоила там 3 копейки, долька лимона – 1 к, порция супа с мясом – 6 к, порция каши без масла – 3 к. Но не все шло гладко с окультуриванием народных масс. Многим крестьянам был привычнее досуг с обильным возлиянием горячительных напитков, нежели читка журналов и книг в библиотеке или лекции с «волшебным фонарем и туманными картинками». Разбирая итоги ярмарочной недели, земский врач Прохоров отмечал факт всеобщего пьянства и предложил закрыть на время ярмарок винную и пивную торговлю. Во время праздника мертвецки пьяные люди валялись в сточных канавах и на площадке возле самого народного дома, бесчувственные тела лежали также около пивной палатки на ярмарочной площади. Финалом таких праздничных загулов становились разбитые головы, нанесение ран собутыльникам и нередко даже убийства [3, с. 9].

Народный дом стал главным досуговым центром Ямбурга. В нем располагались чайная и любительский оркестр балалаечников, а в 1905 г. открылась первая публичная земская библиотека, для отвлечения внимания населения от питейных заведений. Активное участие в организации библиотеки приняли граф Георгий Николаевич Сиверс – предводитель ямбургского дворянства и Петр Петрович Зальцер – председатель Ямбургской земской управы. Устав бесплатной народной библиотеки-читальни в Ямбурге был утвержден еще в 1899 г. [4]. К 1914 г. Ямбургское земство имело в своем ведении 22 народные библиотеки, и рассматривало вопрос о передаче ему еще 31 библиотеки попечительства о народной трезвости.

В конце декабря 1909 – начале января 1910 г. в Петербурге состоялся Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. В работе съезда принимал участие земский врач, доктор медицины Петр Николаевич Прохоров. Он выступил с докладом «Сравнительная оценка мер борьбы с алкоголизмом в Ямбургском уезде и в Норвегии».

Непосредственно о Ямбургском уезде докладчик сказал следующее: «Книжки и брошюры, проповеди, дома трудолюбия, попечительства о народной трезвости из чиновников, чайные, народные дома, различные развлечения, все это не дало в Ямбургском уезде, как и в других местах никаких результатов. Пьянство не только не сократилось, но пошло усиленными темпами. Увеличилось количество драк и убийств, а посылка стражников с целью водворения порядка на праздниках пивных и храмовых, оказалась мерою отрицательной, так, как и эти охранители порядка любят выпить» [5, с. 1052].

Доктор считал, что абсурдом является устраивать чтения о вреде пьянства и тут же открывать с молебнами винные лавки. Петр Николаевич предлагал школе принять деятельное участие в отрезвлении народа. Он считал, что духовенство, учителя и врачи, представители общественного управления и администрация должны совместно противостоять пьянству. Доклад Прохорова произвел впечатление на участников съезда. Одним из пунктов резолюции было следующее: «Съезд предлагает начать энергичную борьбу с пьянством в России с Ямбургского уезда» [6, с. 110–111].

В марте 1910 г. новым заведующим народного дома был избран член уездного комитета Попечительства о народной трезвости, городской судья Николай Константинович Жуков. В 1915 г., ссылаясь на Высочайшую резолюцию Государя и публично цитируя ее, Жуков внес в уездный Комитет предложение навсегда запретить торговлю спиртными напитками в Ямбурге и Ямбургском уезде.

В предреволюционные годы деятельность народного дома была поставлена достаточно широко. В начале 1911 г. открылся кинематограф «Модерн» нарвитянина Бреннера, премьерой совсем не жизнерадостного фильма «Похороны Л. Н. Толстого» и лентой «Семирамида». После кинематографического сеанса в зале состоялись танцы, действовала «летучая почта», а вместо оркестра лихо наигрывал один местный гармонист. Господин Бреннер поставил рядом с народным домом балаганчик, разместил в нем динамо-машину добывающую электричество, провел провода в зал и подвесил лампочки. Такой иллюминации в стенах народного дома ямбуржцы прежде никогда не видели. Как и предполагалось, был полный зал публики. Владелец демонстрировал недорогие, но интересные ленты и планировал в дальнейшем продлить аренду помещения [2, с. 9].

Нередко в стенах народного дома проходили чтения для учащихся министерских и земских училищ, церковно-приходских и сельских школ. Эти чтения сопровождались показом туманных картинок. Учеников угощали чаем, булкой и сладостями. Часто организовывались детские постановки, а также устраивались многочисленные рождественские елки. Как сообщал в начале 1912 г. «Нарвский Листок», настоятель ямбургского Екатерининского собора о. Дмит-

рий Люцернов организовал в народном доме елку для бедных детей города. В маленьком Ямбурге с четырьмя тысячами взрослого населения набралось 450 бедных детей. Батюшка организовал для них бесплатный кинематографический сеанс, а затем малышню развлекали играми, хороводами и танцами. По окончании елки всем были предложены сладости.

По инициативе доктора П. Н. Прохорова в 1907 г. было создано Ямбургское общество «Просвещение» куда вошло 76 чел. из всех сословий. Благодаря стараниям и пожертвованиям общественности были собраны средства на строительство среднего учебного заведения. Министерство торговли и промышленности взяло шефство над учреждением в устав были внесены изменения, в результате которых училище стало коммерческим. 29 августа 1910 г. новое здание распахнуло свои двери для учеников.

Среди обучающихся постоянно организовывались различные мероприятия. В 1911 г. тематический вечер был посвящен М. Ю. Лермонтову, а в следующем году организован вечер памяти А. С. Пушкину. Ученики с удовольствием играли в самодеятельных спектаклях, на просмотр которых приглашались и родители. 15 апреля 1912 г. была показана комедия В. Крылова «Первая мух». После постановки были организованы танцы по музыку духового оркестра 146-го пехотного Царицынского полка.

В 1914 г. был организован Ямбургский спортивный кружок. 22 июня был устроен 1-й спортивный праздник, в программу которого вошли состязания по легкой атлетике и футбольный матч между 1-й командой Ямбургского спортивного кружка и 1-й командой из Нарвы (береговой) [7, с. 458].

Интересен отзыв о Ямбурге Игоря Северянина:

Всегда-то грязный и циничный,
Солдатский, пьяный, площадной.
С культурным краем пограничный,
Ты мрешь над лужскою волной…

Нельзя согласиться с такой характеристикой города. Мероприятия, проводимые народным домом для простых обывателей, были нацелены на пропаганду здорового образа жизни. Просвещенная часть общества боролась с проблемами винопития, принимала активное участие в культурно-просветительских мероприятиях, благотворительной деятельности. Досуг содействовал насыщенности повседневной жизни горожан и консолидации городского населения.

Список литературы

1. Абрамов В. В. Нарвский рубеж в годы войны и мира. М.; СПб.: Альянс-Архео. 2009. 460 с.

2. Белобородов А. Сердце города // Восточный берег. 2004. 9–15 июня. № 23(529). С. 11.

3. Белобородов А. Н. Во благо простого народа // Восточный берег. 2023. № 35. С. 9.

4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 254. Оп. 1. Д. 9107.

5. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. С.-Петербург. 28 дек. 1909 г. – 6 янв. 1910 г.: в 3 т. Т. 3. СПб.: б.и., 1910. С. 1052–1061.

6. Прохоров Б. Б. Жил-был доктор. М.: Издательское товарищество АдамантЪ, 2007. 159 с.

7. Веселовский Б. Б. Исторический обзор деятельности земских учреждений С.-Петербургской (ныне Петроградской) губернии. (1865–1915 гг.). Петроград: Петрогр. губ. земство, 1917. 621 с.

А. В. Шуршикова

Досуг нижегородцев в первые годы нэпа (по материалам периодической печати)

В статье рассматриваются наиболее распространенные формы досуга нижегородцев в первые годы нэпа. Изучаются новые праздники, активно внедряющиеся в городскую среду и призванные заместить традиционные религиозные торжества. Автор уделяет внимание девиантному поведению и девиантным формам досуга разных слоев городского населения и обозначают причины данного явления. В результате был сделан вывод о наиболее распространенных формах городского досуга и их связи с новыми идеологическими установками и социально-бытовой стороной городской жизни.

The article examines the most common forms of leisure for Nizhny Novgorod residents in the early years of the NEP. New holidays are being studied, which are actively being introduced into the urban environment and designed to replace traditional religious celebrations. The author pays attention to deviant behavior and deviant forms of leisure of different strata of the urban population and identifies the causes of this phenomenon. As a result, a conclusion was made about the most common forms of urban leisure and their connection with new ideological attitudes and the social and everyday side of urban life.

Ключевые слова: городская повседневность, досуг, структура городского населения, культурно-просветительская работа, идеология, периодическая печать, новая экономическая политика, театр, кино, девиантное поведение.

Key words: urban daily life, leisure, urban population structure, cultural and educational work, ideology, periodicals, new economic policy, theater, cinema, deviant behavior.

Повседневность городского обывателя безусловно включала в себя работу, занимавшую значительную часть времени, которое к тому же строго регламентировалось. Значительную часть повседневных практик составляли бытовые дела, которым ежедневно необходимо было уделять время. Однако помимо работы и дома в начале 1920-х гг. жители города нуждались в отдыхе и развлечениях.

Изменившиеся условия жизни привели к полному перевороту в сфере развлечений и отдыха. Досуг теперь приобрел важную отличительную особенность – коллективность, поскольку именно массовость мероприятий обеспечивала их усвоение и закрепление в общественном сознании. Все большую популярность набирало проведение совместных вечеров, посещение выставок и лекций, концертов и секций [1, с. 181].

Стоит также отметить, что молодое поколение начала 1920-х гг. уделяло больше времени самообразованию и разнообразию досуга в отличие от старших поколений. Рабочие стали больше читать, в основном политическую литературу (Ленина, Маркса, Энгельса). Однако несмотря на рекомендации, согласно статистическим данным библиотечного отдела Главполитпросвета за 1921–1922 гг., молодежь в библиотеках обращалась к приключенческим романам различных авторов, а девушки зачитывались произведениями Л. А. Чарской, чьи книги были запрещены цензурой [2, с. 277]. Приведенные данные свидетельствуют о сохранении интереса к художественной литературе.

Можно сказать, что данное явление приводило к своеобразной политической борьбе государства за «молодые умы», поэтому часто в привычной форме художественной литературы выпускались произведения, включавшие идеологический подтекст [3; 4, с. 40; 5, с. 19].

В еженедельном журнале «Искусство и сцена» регулярно можно было встретить статьи о литературе, рекомендации о новинках в данной области и прочесть произведения нижегородцев в прозе или в стихах [6, с. 15–18].

Чтение играло важную роль в самообразовании населения, однако, результаты опроса, проведенного в 1925 г. в крупных городах, свидетельствуют, что 75 % городской молодежи чтению более предпочитала поход в кино [7, с. 293]. Однако стоит отметить, что посещение кинотеатра не было одинаково доступно всем горожанам. И. Б. Орлов, проводя анализ среднего уровня жизни городских жителей в СССР, выделил три категории семьи: первая – так называемая «рабочая целина», к которой чаще всего относились семьи, сохранившие дореволюционный быт; вторая – «первые борозды», а именно семьи, увлеченные новой революционной культурой; третья – «новь», где быт семей уже целиком и полностью был подвержен веяниям нового времени [1, с. 105]. Семьи двух первых категорий редко посещали кино и театр. Во всякого рода общественных мероприятиях участие принимали в основном мужчины. Семьи третьего типа больше всего времени уделяли общественной работе. В этом случае нередко жены не отставали от своих мужей и посещали всевозможные собрания женотделов. Кинотеатры в крупных городах страны только начали появляться. В Нижнем Новгороде в начале 1920-х гг. действовал кинотеатр «Палас» (ныне «Орлёнок»), в котором можно было посмотреть «Продавцов душ» и «Прожигателей жизни». Также работал кинотеатр «Художественный», располагающийся на улице Свердлова, где ставили киноленты «Записки преступника» в двух сериях, «Белая роза» и др. [7, с. 19].

В городе были и другие места, где можно было культурно провести время. Например, музеи и библиотеки. В первой половине 1920-х гг. в Нижнем Новгороде насчитывалось 39 музеев различных категорий, библиотек же к 1921 г. было 787. С увеличением количества библиотек росло и число литературы, которую в 1923–1924 гг. читало 52 859 чел., а уже через год количество читателей выросло до 96 тыс. [1, с. 175].

С начала реализации новой экономической политики учреждения «зрелищного характера» снимаются с государственного финансирования, поэтому

многие театры приходили в состояние запущенности. Вскоре Губоно решило создать аппарат художественной работы на началах хозрасчета. С целью привлечения в театры рабочего класса вводилась чековая система. Работникам можно было приобрести билеты в кредит и со скидкой до 30 % [1, с. 180].

В Нижнем Новгороде развивалась и музыкальная сфера. В 1923 г. вновь начал свою работу симфонический оркестр. В этом же году музыканты стали готовить программы, включавшие произведения Римского-Корсакова, Чайковского, Бетховена, Моцарта, Дебюсси и др. [1, с. 14–15].

Неотъемлемой частью культурного просвещения нижегородцев первой половины 1920-х гг. являлись лекции, выставки, кружки и курсы. Особой популярностью пользовались кружки и курсы, посещение которых подразумевало обучение какому-либо профессиональному навыку, например, стенографии [8; 2, с. 300].

Неотъемлемой частью досуга горожан стали партийные или секционные собрания, которые включали не только обсуждение насущных вопросов, но и публичные доклады, творческие воскресники, спектакли-концерты. Например, для членов сельскохозяйственной секции в «Доме Союзов» в комнате № 10 проходили доклады А. А. Писнячевского на тему «Вредители сельскохозяйственных растений». Вход на такие мероприятия был свободным для членов профсоюза и «вообще для всех интересующихся» [9].

Все вышеперечисленные виды досуга составляли повседневность будних и воскресных дней. От них существенно отличались официально установленные праздничные дни. Новые государственные праздники стали механизмом утверждения идеологии и находились на особом счету и контроле. Их развлекательная программа была расписана по часам и районирована [1, с. 200]. Безусловно, одними из самых торжественных с 1918 г. стал день Великой Октябрьской революции. Организация этого мероприятия требовала детальной проработки программы на два дня празднования и включала торжественные заседания, шествия, митинги и собрания [10, с. 9]. Обширная развлекательная программа для горожан приходилась на 7 ноября. К 10 утра по городским районам назначался сбор членов профсоюзов и в 11 ч начиналось шествие со знаменами к площади Революции, а потом к улице Свердлова (Большой Покровской). Уже вечером все члены профсоюзов и красноармейских частей могли посетить бесплатные спектакли и концерты [11, с. 277].

Другим праздником, предназначенным для замены традиционного и в недавнем прошлом значимого религиозного праздника Рождества Христова, стало так называемое комсомольское рождество. В выпуске газеты «Молодая рать» от 18 января 1923 г. подробно описан этот праздник. Вечер открывался лекцией товарища Николаева, который «ошарашил буйную публику» тезисом, что Христа не было. Как пишут авторы заметки, лекция прошла на ура и докладчика засыпали вопросами и аплодисментами. Далее следовала «пьеска Рождество попа Сергия» и раздача подарков. Однако этим вечер не закончился, позже последовало сорокаминутное шествие. «При ярком свете факелов и фейерверков, руководимые «Красной звездой», прошли комсомольцы и беспартий-

ная молодежь до комсомола и обратно. Толпа пела «Молодую гвардию». «Интернационал» и «Карманьолу». С криками «ура» был сожжен бог Саваоф, который был сделан из соломы и под седого старика – раскрашенный нашими художниками. Праздник удался и еще более сплотил нашу Сормовскую организацию» [12, с. 13–15].

Помимо комсомольского рождества также праздновалась и комсомольская пасха [13]. Этот воскресный день сопровождался разного рода досуговыми мероприятиями. Для рабочих «Красного Сормова» и жителей города (до 1928 г. населенный пункт Сормово имел статус города) было организовано три центра празднований – Гортеатр, клуб «Металлистов» и помещение Сормовского ЕПО. Вечер открывала просветительская сатирическая лекция о «Христианской пасхе». После лекции слушателей ждали кино и танцы [4, с. 133].

В период массовой антирелигиозной кампании, направленной согласно декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 г. на изъятие церковных ценностей и дискредитацию церкви, как общественного института, особое значение приобретало приобщение молодежи к культуре нового общества [2, с. 40]. Традиционные ценностные ориентиры необходимо было заменить на новые, коммунистические. Это осуществлялось посредством внедрения новой праздничной культуры взамен старой, а также активной антирелигиозной пропагандой в средствах массовой информации. В газетах печатались разоблачающие статьи о религии и священнослужителях, сатира, высмеивающая Бога и верующих в целом. В газете «Молодая рать» появилась регулярная рубрика «Уголок юного безбожника», где на примерах из местной жизни обесценивалось значение церкви [11, с. 277].

Однако политика идеологического воспитания горожан посредством организации новых досуговых практик не всегда давала желаемый результат. В начале 1920-х гг. отмечается рост девиантного поведения. Как отмечает И. Б. Орлов, в первые года нэпа существовало две стороны досуга одновременно – официальная и теневая [1, с. 181]. Новая экономическая политика стимулировала возрождение азартных игр. В ноябре 1921 г. была официально разрешена продажа игральных карт. Во многих крупных городах Советской России появились игорные клубы [7, с. 299].

Но все же одним из самых распространённых среди девиантных форм досуга был алкоголизм. Пьянство в повседневности русского общества не было чем-то новым и диковинным, однако государственная идеология построения нового советского общества не включала торговлю алкогольной продукцией, как основу экономического благосостояния советских граждан, относясь к ней, как к способу получения «легких денег». Уже в марте 1922 г. на XI съезде РКП(б) В. И. Ленин поставил вопрос о категорическом недопущении «торговли сивухой» ни в частном, ни в государственном порядке [1, с. 327]. Иными словами, большевистская власть считала алкоголизм пережитком прошлого, от которого нужно было избавляться. Но дело в том, что в целом пристрастие к спиртным напиткам было частью повседневной культуры. Ни один праздник, ни одно застолье не обходилось без пламенных речей, запитых крепким алкоголем [2, с. 26].

В «Нижегородской коммуне» за 1922 г. дается яркая характеристика распространению пьянства среди сормовских рабочих: «Сегодня получка! С утра несется из уст в уста эта реплика. Под шум ее Сормово, как будто оживает в этот день. Завод. Полдень… Около окна становится «черед» за получкой. …Агенты самогонного треста тоже не дремлют. Они везде, где только возможно, предлагают «на ушко» свои изделия: изюмную и сахарную, нахваливая их качество. Горе тем, кто к ним попадет на удочку. От получки останется одно воспоминание и головная боль…» [14].

Таким образом, пьянство было девиантной формой досуга, распространенной в рабочей среде, что отрицательно сказывалось и на бытовой жизни горожан, и на городской среде в целом.

С пьянством пытались бороться. Законодательством устанавливалось наказание в виде лишения свободы – не менее трех лет «со строгой изоляцией, конфискацией всего имущества и поражением в правах на срок до пяти лет» [15].

Итак, в повседневности нижегородцев периода нэпа были представлены многие формы досуговых практик. Городская культурная среда была хорошо развитой. В Нижнем Новгороде были библиотеки, музеи, театры и кинотеатры. Их деятельность, литературный фонд и репертуар были подчинены веяниям времени и строго обусловлены классовым идеологическим подходом. Возможно, не каждый городской обыватель мог себе позволить посещать кино или театр, однако в городской среде всегда была альтернатива в виде бесплатных культурно-просветительских мероприятий. Большая часть из них была идеологизирована и направлена на формирование новых ценностей и культуры нового коммунистического общества. Однако, в период реализации новой экономической политики у нижегородцев пользовались популярностью и девиантные и не поощряемые властью досуговые формы. В рабочей среде было распространено пьянство и обращение к услугам «жриц любви», нэпманы проводили свободное время в ресторанах, бильярдных и кабаре. Данные формы досуга актуализировались напряженным рабочим процессом, необустроенным бытом пролетариата и излишками денежных средств, занятых в частном секторе «хозяев».

Список литературы

1. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления: монография. М.: ВШЭ, 2010. 316 с.

2. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева»: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. 316 с.

3. На местах // Нижегородская Коммуна. 1922. № 54. 7 марта. С. 4.

4. Голотик С. И., Данилин А. Б., Евсеева Е. Н., Карпенко С. В. Советская Россия в 20-е гг.: НЭП, власть большевиков и общество // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 122–181.

5. Деревенские частушки и Комсомол (Бытовая картинка) // Молодая рать. 1923. № 6. 11 марта. С. 19.

6. Возрождение симфонического оркестра // Искусство и сцена. 1923. № 1. Январь. С. 14–15.

7. Шульц Ф. Ф. Десять лет советской власти в Нижегородской губернии 1917–1927 / под ред. О. Л. Рывкина, предисловие А. И. Муралова. Нижний Новгород: Издание Нижгубисполкома, 1927. 221 с.

8. Как мы проводили Комсомольское Рождество // Молодая рать. 1923. № 2. 18 января. С. 3.
9. VII губернская конференция профессиональных союзов // Нижегородская Коммуна. 1922. № 50. 2 марта. С. 1.
10. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 359 с.
11. Кулинич Н. Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2010. 375 с.
12. Литературная страничка // Искусство и сцена. 1923. № 2. Январь. С. 15–18.
13. Уголок Без Божника. Комсомольская Пасха // Молодая рать. 1924. № 17. 11 апреля.
14. По клубам // Искусство и сцена. 1923. № 7. Март. С. 9.
15. Уголовный кодекс 1922 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757375 (дата обращения: 07.12.2024).

И. М. Трень

Организация культурно-досуговой деятельности в Инстербурге (Черняховске) и Черняховском районе в послевоенные годы

В статье исследуются основные вопросы организации культурно-досуговой деятельности в Черняховском районе в послевоенные годы. В ней представлена характеристика деятельности различных культурно-досуговых учреждений в Черняховском районе в 1945 г. и в послевоенное десятилетие. Отражены достижения и недостатки в работе клубов и библиотек в городе и на селе.

The article is devoted to the main issues of organization of cultural and leisure activities in Chernyakhovsky district in the post-war years. It presents the activity of various institutions of cultural and leisure activities in Chernyakhovsky district in 1945 and in the postwar decade. The achievements and shortcomings in the work of clubs and libraries in the city and in the countryside are reflected.

Ключевые слова: Черняховский район, изба-читальня, агитпункт, библиотека, клуб, красный уголок.

Key words: Chernyakhovsky district, hut-reading room, agit-point, library, club, red corner.

Рассматривая Черняховск с точки зрения досуговой деятельности, можно говорить о развитии в нем трёх направлений: культурно-досугового, спортивно-досугового и семейно-досугового. Остановимся на культурно-досуговой деятельности. По определению А. Ю. Мухина, «...культурно-досуговая деятельность – это процесс приобщения личности к культурным ценностям, осуществляемый в свободное время посредством саморазвития» [1, с. 68]. Рассмотрим учреждения и людей, организовывавших культурный досуг в 1945 г. и в первое послевоенное десятилетие в Черняховске.

В юбилейный год окончания Великой Отечественной войны хочется начать разговор именно с 1945 г., когда Черняховск еще назывался Инстербургом. В 1945 г. на территории Инстербурга располагалось много госпиталей. Организацией культурного досуга раненых бойцов занимались клубы. Приезжали также концертные бригады. Приведем несколько примеров. С 23 февраля по 15 мая 1945 г. в Инстербурге дислоцировался эвакогоспиталь № 1789. Начальником клуба в нем служил (с 1944 г.) старший лейтенант Али Карем-оглы Новрузов. В наградном листе на старшего лейтенанта Новрузова от 16 мая 1945 г. указывалось: «Умело и разумно организовывает досуг раненых путем организации: концертов самодеятельности, демонстрации кинокартин, игр, читальни и библиотеки, наглядной агитации и т. д.» [2].

С 28 февраля по 9 мая 1945 г. в Инстербурге был размещен также эвакогоспиталь № 4230. Должность начальника клуба эвакогоспиталя занимал капитан Василий Васильевич Фоменко. В наградном листе на получение ордена Красной Звезды указывалось: «В результате энергичной работы по развертыванию культурного обслуживания раненых красноармейцев и офицеров в Восточной Пруссии организовал два радиоузла, бесперебойное демонстрирование кинокартин – более 100 сеансов ежемесячно, большое количество концертов самодеятельности для раненых и личного состава» [3].

В составе фронтовой концертной бригады Дома Красной Армии 3-го Белорусского фронта перед ранеными и работниками госпиталей выступали: артист оригинального жанра (иллюзионист) Михаил Давыдович Ошерович (Ошель) и артист и певец Михаил Васильевич Подымов. В наградном листе на М. Д. Ошеровича отмечалось: «Несмотря на свой возраст тов. Ошерович непрерывно разъезжает с фронтовой концертной бригадой, приспособил свой сложный реквизит к фронтовой обстановке и выступает с множеством номеров иллюзии и манипуляции в любых условиях» [4]. В наградном листе на М. В. Подымова говорилось: «Тов. Подымов высококвалифицированный мастер вокального искусства и заслуженно пользуется огромным успехом у фронтового зрителя. Арии из русских классических опер, русские народные песни в исполнении т. Подымова широко популярны на фронтах и т. Подымов непрерывно работает над совершенствованием своего репертуара» [5].

Орденом Красной Звезды был также награжден член фронтовой концертной бригады 3-го Белорусского фронта артист балета Григорий Яковлевич Хумыш-Ротбери. В наградном листе отмечалось: «К своей работе на фронте т. Ротбери относится с огромной преданностью, работая безотказно в любых трудных и ответственных условиях фронтовой обстановки, демонстрируя высокие образцы танцевального искусства» [6].

После окончания Второй мировой войны восточнопрусский Инстербург сменил название на Черняховск Калининградской области. Рассмотрим как организовывалась работа различных учреждений культурно-досуговой деятельности в городе и на селе.

Основными местами для организации досуга были клубы, библиотеки, красные уголки. В самом городе Черняховске осуществляли свою работу Дом

культуры, Дом пионеров, городская библиотека, ДК железнодорожников, кинотеатр «Ударник». Благодаря работе учреждений досуга жителям Черняховска удалось познакомиться с ведущими театральными и концертными коллективами, исполнителями страны из Москвы и других городов России. Наиболее талантливые жители Черняховска показывали свои достижения на смотрах художественной самодеятельности.

Одним из первых учреждений досуга, открытых в городе Черняховске, стала городская библиотека. Директором библиотеки была назначена Антонина Михайловна Егорова. Она вспоминала: «Под библиотеку было выделено помещение во дворе здания горисполкома. Была сделана вывеска. Вначале функционировал только читальный зал, в котором мы начали подшивать газеты, раскладывать журналы. … В одной из воинских частей было заказано оборудование (библиотечный прилавок) и два стеллажа. Через некоторое время стал работать областной бибколлектор. Я ездила туда на попутках за книгами. … При Черняховской городской библиотеке было организовано две группы курсов библиотечных работников для сельских библиотек. Девушки, окончившие курсы, работали заведующими сельскими филиалами» [7].

С 1948 г. библиотекарем абонемента работала Ольга Николаевна Дорошко. По её воспоминаниям мы также узнаем о работе Черняховской библиотеки: «Помещение в то время не отапливалось, замерзали чернила, работали в верхней одежде. Несмотря на такие условия, читателей было много. Проводились читательские конференции, диспуты, обсуждения книг, встречи с калининградскими писателями».

В газете «Сталинец» 1951 г. помещена статья заведующей районной библиотеки М. Трушкиной. Из этой публикации можно узнать об увеличении книжного фонда и значительном росте читателей: «В 1947 году здесь насчитывалось 5 950 экземпляров книг, а в 1951 году число их возросло до 12 500. …у нас ежегодно появляются сотни новых читателей. Так по сравнению с 1948 годом их число увеличилось более чем в два с половиной раза» [8, с. 3].

В газете «Сталинец» активно освещалась работа и сельских библиотек. Из статьи М. Пучкова, зав.отделом культпросвет работы райисполкома, мы узнаем, что в Черняховском районе «… работает 7 сельских библиотек, книжный фонд которых возрастает с каждым годом. Если в 1947 году в сельских библиотеках насчитывалось 3 483 книги, то в 1950 году книжный фонд увеличился до 17 369 экземпляров. Ежегодно возрастает число читателей. В 1947 году в сельских библиотеках было 595 читателей, а в 1950 году их число увеличилось до 3 305 человек. За 1950 год библиотека выдала 43 721 книгу. …За год организовано 198 книжных выставок, проведено 876 громких читок, 55 лекций и докладов». Автор статьи указывает также на недостатки в работе сельских библиотек: «Основным недостатком является слабое продвижение в массы естественно-научной и сельскохозяйственной литературы». Другими проблемами сельских библиотек являлись: «слабый рост читателей, выдача книг только в стенах библиотек, отсутствие проведения читательских конференций,

бедность литературной базы библиотек. Важно организовать передвижные библиотеки, которые могли бы обслуживать самые отдаленные участки» [9, с. 3].

Заведующий библиотекой Калужского сельсовета Г. Графов рассказывал о достижениях за 1949 г.: «…Калужская библиотека насчитывает 460 читателей, которым выдано в течение года 7 тысяч книг. …Колхозники особенно живо интересуются литературой по вопросам передовой агробиологической науки… (43 книги на сельскохозяйственные темы прочитал Петр Алексеевич Шолухин)… В течение года мы провели с читателями 260 громких читок новинок художественной и сельскохозяйственной литературы, организовали свыше 30 книжных выставок, при библиотеке состоялись 14 лекций и докладов на политические темы» [10, с. 3].

Удачно осуществлялась работа в библиотеке посёлка Свобода. Об этом свидетельствует заметка неизвестного автора: «Большой популярностью среди населения пользуется Свободненской библиотека (заведующая тов. Беленкова). Здесь насчитывается 500 читателей. Это колхозники сельхозартели имени Тельмана, рабочие и служащие совхоза № 21. В этом году книжный фонд библиотеки пополнился новыми книгами. Колхозники охотно посещают свою библиотеку. Здесь они могут почитать газеты, журналы с пользой отдохнуть» [11, с. 3].

В этом же номере газеты был опубликован график-маршрут работы кинопередвижек на март 1952 г. Киномеханик т. Лайков должен был показать фильмы «Щедрое лето», «Далеко от Москвы», «Советская Эстония» бригадам колхоза им. Ленина, бригадам колхоза «Путь к коммунизму» и в других местах.

Наряду с библиотеками культурно-досуговой деятельностью в Черняховском районе в послевоенные годы занимались избы-читальни. Заведующая избой-читальней колхоза им. Тельмана А. Хрущева писала: «Помещение избы-читальни хорошо оборудовано, все здесь напоминает о предстоящих выборах в Верховный Совет РСФСР…. Приходят сюда и молодежь, и пожилые колхозники послушать радио, почитать газеты и журналы…. При избе читальне имеется библиотека, в которой насчитывается 380 книг, организованы хоровой и драматический кружки, которые выступят в день выборов с большой концертной программой, работает стол справок» [12, с. 3].

Большое участие в организации досуга на селе принимали партийные и комсомольские организации. Про деятельность «красных уголков» в колхозе им. Ленина была написана заметка М. Машкова. «В трех полеводческих бригадах колхоза им. Ленина созданы красные уголки. Подобраны и утверждены на бюро партийной организации заведующие. Все красные уголки снабжены музыкальными инструментами, политической и художественной литературой. Лучше других организовал работу заведующий красным уголком четвертой бригады комсомолец Николай Веселов. Он систематически проводит с колхозниками беседы, громкие читки газет, новинок из художественной литературы. Через установленный в красном уголке радиоприемник организует коллективное слушание радиопередач. Выступлений ученых и передовиков сельского хозяйства. С середины января во всех бригадных красных уголках будут демонстрироваться кинокартины» [13, с. 3].

Перед выборами в Верховный Совет РСФСР активная работа была налажена в агитпунктах. В. Коновалова рассказывал про вечер в агитпункте совхоза №8. «Комсомольцы и молодежь ко дню выборов в Верховный Совет РСФСР готовят обширную программу…. Самая большая работа предстоит участникам драматического кружка. … В совершенстве владеет игрой на гармонике комсомолец Александр Богомолов. Сейчас он разучивает попурри из советских кинофильмов. Совхозная молодежь готовит всенародному празднику достойную встречу» [14, с. 2].

В статье заведующего районным отделом культпросветработы М. Пучкова освящались вопросы подготовки клубов и библиотек Черняховского района к работе в зимних условиях. «Черняховский район располагает несколькими видами культурно-просветительных учреждений. У нас работает районный Дом культуры, районная библиотека, 15 сельских клубов, 7 сельских библиотек, 5 профсоюзных клубов, большое количество красных уголков в МТС и бригадах.

На содержание этих очагов культуры государство отпускает большие средства. Так, для сельских клубов и библиотек выделены 217 тыс. р., 84 тыс. р. отпущено районной библиотеке и Дому культуры. Однако финансирование культурно-просветительных учреждений проходит неудовлетворительно. Из 217 тысяч рублей сельскими Советами израсходовано всего лишь 114 000. Особенно плохо снабжаются средствами клубы и библиотеки в Загорском, Краснополянском, Каменском и Калужском сельских Советах. … Особое место в работе культурно-просветительных учреждений занимает наличие различного культинвентаря, оборудования и литературы. Однако во многих клубах, библиотеках и красных уголках ощущается резкий недостаток в настольных играх, музыкальных инструментах, литературе, не хватает столов и стульев» [15, с. 3].

Таким образом, материалы наградных приказов и газет позволили нам проследить становление культурно-досуговой деятельности в Черняховске и сельской местности в 19451–1952 гг., а также её достижения и недостатки.

Список литературы

1. Мухин А. Ю. Сущностная характеристика понятия «культурно-досуговая деятельность» // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 2 (12). С. 68.

2. Новрузов Али Карем-оглы. Орден Красной Звезды. Наградной лист // Память народа 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie25349243/?static_hash=51543020669c4a226b28d67220d5f358 (дата обращения: 08.11.2024).

3. Фоменко Василий Васильевич. Орден Красной Звезды. Наградной лист // Память народа 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie25349319/?static_hash=be8f9772de11759be3646c2553d7a16d (дата обращения: 08.11.2024).

4. Ошерович Михаил Давыдович. Орден Красной Звезды. Наградной лист // Память народа 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46014128/?static_hash=addb75938cd6794abc898e759bc4b9b7 (дата обращения 08.11.2024).

5. Подымов Михаил Васильевич. Орден Красной Звезды. Наградной лист // Память народа 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46014130/?static_hash=addb75938cd6794abc898e759bc4b9b7 (дата обращения: 08.11.2024).

6. Хумыш-Ротбери Григорий Яковлевич. Орден Красной Звезды. Наградной лист // Память народа 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46014134/?static_hash=addb75938cd6794abc898e759bc4b9b7 (дата обращения: 08.11.2024).
7. История // Центральная библиотечная система г. Черняховск. URL: http://cherniahovsk-cbs.ru/%d0%b8%d1%81%d1%82%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%8f/ (дата обращения: 08.11.2024).
8. Трушкина М. Читатели и книги // Сталинец. 1951. 14 апреля. С. 3.
9. Пучков М. Улучшить работу сельских библиотек // Сталинец. 1951. 6 февраля. С. 3.
10. Графов Г. Растет спрос на литературу // Сталинец. 1950. 25 января. С. 3.
11. В сельской библиотеке // Сталинец. 1952. 4 марта. № 28 (580). С. 3.
12. Хрущева А. Людно по вечерам в колхозной избе-читальне // Сталинец. 1950. 25 января. С. 3.
13. Машков М. В красном уголке, где заведующим комсомолец // Сталинец. 1952. 8 января. № 4 (556). С. 3.
14. Коновалова В. В агитпункте // Сталинец. 1951. 6 февраля. С. 2.
15. Пучков М. Своевременно подготовить клубы и библиотеки к работе в зимних условиях // Сталинец. 1952. 20 сентября. № 116 (668). С. 3.

Е. В. Пахомова

Столичные артисты на оренбургской целине в первые годы ее освоения

В статье дается описание гастролей столичных артистов в целинных районах Оренбуржья в 1950-е гг. Особое внимание уделяется повседневным аспектам творческих поездок. Описан состав выездных гастрольных бригад. Одновременно с этим рассматривается репертуар столичных творческих коллективов, их помощь самодеятельным коллективам.

The article is devoted to the tours of the capital's artists in the virgin areas of Orenburg region in the 1950s. Special attention is paid to the everyday aspects of creative trips. The author describes the composition of the visiting touring teams. At the same time, the repertoire of the capital's creative teams and their assistance to amateur groups are being considered.

Ключевые слова: гастроли на целине, целинная кампания, артисты, Оренбуржье.

Key words: virgin land tours, virgin land campaign, artists, Orenburzhye.

В середине XX в. сугубо сельскохозяйственное понятие «целина» наполнилось романтикой покорения необъятных степных просторов. Однако освоение целины – это, в первую очередь, тяжелый труд. Первые годы массовой освоенческой кампании стали настоящим испытанием для целинников. Помимо вполне ожидаемых трудностей производственного характера, они столкнулись и с другими, не менее важными проблемами. Определяющим фактором повседневной жизни на новых землях стала сплошная бытовая неустроенность. В связи с этим особое значение на целине приобрела проблема полноценного отдыха переселенцев.

Несмотря на трудности первоначального периода, вопросы организации свободного времени целинников находились под контролем представителей местной власти, различных общественных организаций, а также шефствовавших предприятий. Буквально с первых дней в едва созданных хозяйствах была налажена работа библиотек, кружков художественной самодеятельности, спортивных секций и пр. В полевых условиях молодежь устраивала посиделки у костра, на которых пели песни, читали стихи и т.п. По мере появления клубов на целине стали проводиться вечера танцев.

Однако по-настоящему знаменательным событием на целине становился приезд артистов, особенно столичных. Например, невероятный ажиотаж среди работников совхоза «Комсомольский» Адамовского района Оренбургской (в то время Чкаловской) области летом 1955 г. вызвал приезд Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Само хозяйство было организовано за несколько месяцев до этого. И место будущей центральной усадьбы представляло собой скопление палаток и вагончиков, не было ни одного капитального строения. Несмотря на походные условия жизни, узнав о прибытии артистов из знаменитой «Александринки», многие целинники оставили свои повседневные занятия, переоделись в выходные наряды и потянулись к наспех собранной сцене [1, с. 104–105].

А для артистических коллективов в рассматриваемый период гастроли в отдаленных регионах были явлением обыденным. С началом целинной кампании в расписании большинства советских артистов появилось посещение районов освоения новых земель. Многие коллективы неоднократно приезжали в целинные регионы. Так, летом 1956 г. в Оренбуржье прибыла бригада Московского государственного академического малого театра. Для них это была уже пятая поездка на целину, поскольку к этому времени театр уже побывал в Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Кустанайской, Курганской и Челябинской областях [2].

В настоящее время трудно судить о том, каким образом формировались бригады для поездок на целину. Вероятнее всего, никакой избирательности здесь не было, и вопрос решался сугубо административным методом: поскольку гастроли являлись частью общего рабочего процесса, то и участие в них являлось строго обязательным. Как правило, выездные бригады объединяли в своем составе несколько десятков человек. Среди участников выездных бригад были не только молодежь и начинающие артисты, но и именитые, заслуженные мастера.

Гастроли в районах освоения новых земель не были увеселительной поездкой. Выездные бригады передвигались по степным просторам в основном на автобусах, которые помимо самих артистов перевозили их реквизит и все то, что требовалось для выступлений. Артистка Литературно-драматического театра Всероссийского театрального объединения Вера Леоненко, побывавшая в Оренбургском крае в 1954 г., отметила в своих записках: «За всю поездку мы редко знали, где проведем ночь. Каждый день новое место, иные условия. То недостроенный домик без окон и дверей, то классы пустующей летом школы,

то клуб… А утром снова в путь» [3, с. 172]. Артистам приходилось приспосабливаться к непростым степным условиям. В. Леоненко написала по этому поводу: «Жара и пыль в степи – удовольствие не из приятных, но при наличии воды в чайниках, очков, а иногда вуали или марли, закрывающей лицо, все это легко переносимо. Труднее, когда идет дождь… Машины застревают, и приходится ждать, когда "провянет"» [3, с. 175].

Выступления артистов были практически ежедневными, иногда приходилось выходить к зрителям дважды в день. Так было в тех случаях, когда в дневные часы (как правило, во время обеденного перерыва) артисты давали концерты где-то на полевых станах, а затем проезжали еще десятки километров и вечером (после завершения рабочего дня) показывали спектакли уже в другом месте [3, с. 171].

В самом начале целинной кампании, когда в новых совхозах еще не появились клубы, выступления проходили «на свежем воздухе». И на полевых станах тракторных бригад, и на центральных усадьбах хозяйств сооружались импровизированные сценические площадки. Артист Московского государственного академического малого театра Б. Горбатов вспоминал, что за время гастролей приходилось выступать и на дощатых подмостках, и в кузовах грузовых автомобилей и пр. [4, с. 20]. А руководитель группы Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина Евгений Березницкий упоминал о том, что артисты в качестве театральных подмостков использовали даже стенные панели щитосборных жилых домов [5].

Некоторые артисты (например, чтецы, певцы, музыканты и др.) для выступлений не нуждались в создании каких-то особых условий. Им достаточно было более или менее приспособленной сценической площадки. Зачастую они выступали в кузовной части грузовых автомашин (для этого опускали борта) или просто на открытой местности. Но для театральных коллективов жизненно необходимо было создание настоящей сцены, позволявшей разыгрывать представления и одновременно скрывать от зрителей закулисные «рабочие» моменты. И Академия архитектуры СССР специально для гастролей творческих коллективов в районах массового освоения целины разработала удобную портативную сценическую площадку, позволявшую буквально в открытом поле, в течение нескольких минут не только собрать и разобрать сцену, но и сменить декорации [6].

Артисты вспоминали, что иногда в степи был такой сильный ветер, что занавес на сцене просто не выдерживал. Поэтому приходилось делать «световой занавес»: установленные на сцене рефлекторы разворачивались лампами в сторону зрителей, ослепляя их; это давало возможность артистам скрыть закулисную «кухню» и менять декорации [3, с. 171].

Для представления на открытом воздухе чрезвычайно важно было правильно выбрать место для сцены. Во-первых, необходимо было, чтобы голоса артистов для лучшей слышимости направлялись по ветру. Считалось большой удачей, если получалось хотя бы, с одной стороны, загородить сцену каким-то капитальным строением от прямого степного ветра. Во-вторых, площадку для

выступления старались не размещать в непосредственной близости от дорог, так как от них поднималась пыль. В-третьих, сцена должна была хорошо освещаться. Проблема освещения в каждом отдельном случае решалась по-разному, в зависимости от конкретных условий. В дневное время, при естественном освещении артисты размещались так, чтобы солнце не слепило зрителей, и им было комфортно смотреть представление. В вечернее время сцену освещали с помощью совхозных электрогенераторов. А когда это было невозможно, использовали фонари, свет фар тракторов, автомашин или автобуса, на котором приехали артисты и т. д. [3, с. 171, 174; 4, с. 20].

Подготовка к выступлениям зачастую тоже проходила в непростых условиях. Сценические костюмы на «плечиках» развешивали где только можно было (в том числе на сельскохозяйственных машинах). Гримировались артисты «где придется» – в автобусе, на котором они прибыли, около него, на ящиках с оборудованием, прибывшим в совхоз, в палатках и пр. Для нагрева утюгов собирали сухие прутики, траву и, конечно, кизяк. Щипцы для завивки париков грели на керогазе, лампах, утюгах и т. п. [3, с. 173].

Имели свою специфику и «походно-полевые» зрительные залы. Во время выступлений артистов зрители сидели «на чем придется» – на табуретах, досках, траве и пр. Примечательно, что на целине концерты и спектакли вместо традиционных 60–80 минут длились по 2–3 часа. Число зрителей могло варьироваться от 20 до 2 тыс. чел. [7].

Чтобы посмотреть выступления столичных артистов, люди съезжались со всех окрестностей и использовали самый разный транспорт – самосвалы, автомашины, мотоциклы, велосипеды, а порой осликов и волов в упряжке.

Артисты привозили насыщенные творческие программы. В 1954 г. одними из первых в Оренбургский край прибыла московская бригада Гастрольбюро СССР. В ее состав входили Заслуженная артистка РСФСР Елена Межрауп (сопрано), Народный артист Мордовской АССР Илларион Якушев, артистка Московской государственной филармонии – Вера Липовецкая (художественное слово) и Федор Пичуев (соло на баяне). Концертная программа включала произведения русских и зарубежных композиторов, песни советских композиторов, а также русские, украинские и мордовские песни [8; 9].

В 1956 г. на целине побывали артисты московской эстрадной бригады. В нее входил вокальный квартет, состоявший из артистов Н. Балакина (тенор), Л. Рыбкина (тенор), Я. Пионского (баритон) и М. Зайденера (бас). В их репертуаре были русские народные и шуточные песни, произведения советских композиторов. Лейла Акоева представляла публике романсы и песни советских композиторов. А. Клибанова выступала с аккордеоном. Артистка Московской филармонии Мария Сахнина работала в жанре художественного слова, а Игорь Хоменко – в оригинальном жанре.

В 1957 г. из Москвы приехали артисты эстрады Всероссийского гастрольно-концертного объединения. Специально для этой поездки была разработана концертная программа. Артистка Алла Смирнова выступала с музыкальными фельетонами, сатирическими куплетами и пародиями. Студент Московского

училища циркового искусства Б. А. Гаврилин работал в оригинальном жанре. В сценке «Неудачное свидание» он жонглировал разными предметами и исполнял сложный эквилибристический номер [10].

Выступления театральных коллективов были более разнообразными в содержательном отношении. Основную часть гастрольного репертуара театров составляли сценические постановки. Помимо этого, театральные коллективы предлагали вниманию целинников и концертные программы.

Летом 1954 г. в Оренбуржье гастролировал Московский литературно-драматический театр. Во время гастрольных выступлений целинники увидели постановки пьесы С. Антонова «Посланец мира», фрагменты трагедии Ф. Шиллера «Разбойники», инсценировки по рассказам А. П. Чехова, а также сцены из драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». Ведущие роли в них исполнили К. В. Вахтеров, Ирина Осипова, Вера Леоненко, Нина Мирина, Д. Кротман, Александр Гусев, Алексей Беляев и др. Концертная программа московских артистов включала русские народные песни, песни советских композиторов, художественное чтение [6]. В 1955 г. артисты Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина привозили комедию В. Катаева «День отдыха» [5].

В 1956 г. артисты Малого театра познакомили целинников с комедией «Веселый гость». В постановке были заняты актеры Н. Аниканова, И. Верейский, А. Вертоградов, В. Головин, Ю. Колычев, Н. Новак, Б. Попов и Е. Рубцова. Также московские артисты подготовили большую концертную программу. В нее вошли отрывки из спектаклей «Волки и овцы» и «Правда хорошо, а счастье лучше» по произведениям А. Н. Островского, сцены из пьесы В. В. Маяковского «Клоп», «За тех, кто в море» Б. Лавренева, спектакля «Любовь Яровая» К. А. Тренёва, инсценировка рассказа А. П. Чехова «Жених и папенька». В программу были включены сценические номера артистки вокального ансамбля Малого театра Светланы Морозовой (лирические песни), чтеца Б. Попова, артиста Большого театра СССР солиста М. Борисова, артистки Московской государственной эстрады аккордеонистки Фриды Сусловой и др. [2].

В 1959 г. на оренбургской целине прошли гастроли Московского театра сатиры. Его представляли лауреат Сталинской премии Г. Иванов, артисты Г. Степанова, Б. Рупге, М. Давыдов, В. Байков, А. Овечкин, К. Ильин. Вместе с ними прибыли артисты Всесоюзного гастрольно-концертного объединения Л. Месин-Поляков и В. Несонова. Учитывая ограниченный состав бригады, артисты не могли продемонстрировать целиком спектакли, которые успешно шли на столичной сцене. Поэтому в концертную программу вошли отдельные сцены постановок, рассчитанные для показа на любых сценических площадках, вплоть до полевых станов. Это были отрывок из комедии П. Дьяконова «Свадьба с приданным» (за эту постановку творческий коллектив во главе с заслуженным деятелем искусств Б. Равенских был удостоен Сталинской премии), сцены из пьесы Дыховичного «Свадебное путешествие» и комедии В. Шкваркина «Чужой ребенок», отрывок из постановки В. Дыховичного и М. Слободского «Где эта улица, где этот дом?», эстрадная сцена из произведения Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Помимо этого, концертная программа

включала художественное чтение, миниатюры, жанровые песни и музыкальные номера [11].

Неотъемлемой частью гастрольных поездок являлась просветительская работа. В частности, члены театральных коллективов выступали перед целинниками с лекциями на общественно-политические темы, также по истории русского театра, жизни и деятельности ряда драматургов (например, таких как А. П. Чехов и др.) [6]. Одновременно с этим артисты оказывали помощь самодеятельным коллективам, раскрывая им некоторые секреты театрального искусства [5; 11].

В целом благодаря гастролям столичных коллективов повседневная жизнь целинников становилась более яркой и насыщенной. Многие переселенцы именно на целине увидели лучшие постановки ведущих московских и ленинградских театров, а также творческие программы крупных концертных организаций страны. Встречи со столичными артистами во многом способствовали преодолению специфической территориальной изоляции, стиранию «барьеров» между «большой землей» и регионами освоения новых земель.

Список литературы

1. Подвиг на целине: Летопись освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области / авт.-сост. В. М. Малыгин. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1961. 272 с.
2. Чкаловская коммуна. 1956. 7 июня.
3. Леоненко В. Из дневника актрисы // Артисты у новоселов целины. Из опыта участников выездных бригад театров: сб. ст. / сост. А. Р. Крупнов. М.: Искусство, 1955. С. 170–178.
4. Горбатов Б. Под открытым небом // Огонёк. 1956. № 39. С. 20–21.
5. Чкаловская коммуна. 1955. 22 июня.
6. Комсомольское племя. 1954. 28 июля.
7. Чкаловская коммуна. 1954. 11 сентября.
8. Чкаловская коммуна. 1954. 12 июня.
9. Чкаловская коммуна. 1954. 15 июня.
10. Чкаловская коммуна. 1957. 4 апреля.
11. Чкаловская коммуна. 1959. 30 августа.

Н. С. Байкалов

Организация досуга жителей молодых городов Забайкалья во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.*

В статье рассмотрены изменения в организации досуга населения молодых городов Забайкалья в период перестройки и распада советского государства. Проанализированы решения, которые принимались в области культурной политики, основные направления деятельности местных учреждений культуры, результаты и последствия преобразований. В заключении сделаны выводы о переходе учреждений культуры от культурно-просветительской работы к коммерческой деятельности, что повлияло на структуру досуга горожан, усилив тенденции его интимизации и приватизации.

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01656, https://rscf.ru/project/24-28-01656

The article examines changes in the organization of leisure activities for the population of young cities in Transbaikalia during perestroika and the collapse of the Soviet state. The decisions made in the field of cultural policy, the ways and forms of adaptation of local cultural institutions to changing conditions, the results and consequences of these reforms are analyzed. In conclusion it claims the transition of cultural institutions from cultural and educational work to commercial activities, which has affected the structure of leisure time of local residents, strengthening the trends of its intimacy and privatization.

Ключевые слова: досуг; молодые города; перестройка в СССР; культурно-массовая работа.

Key words: leisure; young cities and towns; perestroika in the USSR; cultural and mass work.

В послевоенный период территории Сибири и Дальнего Востока вовлекаются в масштабные инфраструктурные и индустриальные проекты, в ходе реализации которых формируется сеть новых городов и поселков. На карте Забайкалья появились два молодых города – Краснокаменск (1969) и Северобайкальск (1975).

Советские и партийные органы уделяли много внимания культурно-просветительской и массовой работе в районах нового хозяйственного освоения. Учреждения культуры должны были создавать условия, способствовавшие адаптации трудовых мигрантов на новом месте, вовлечению населения в общественную деятельность, распространению государственной идеологии, коммунистическому воспитанию молодёжи, передаче опыта и традиций старших поколений.

Министерством культуры РСФСР разрабатывались единые комплексные планы культурного обслуживания новостроек, организовывалось шефство ведущих эстрадных и театральных коллективов, музеев, библиотек и прочих учреждений культуры над новыми поселениями. Центральное место в культ-массовой работе занимала художественная самодеятельность. При государственных и профсоюзных клубах градообразующих предприятий складывались творческие коллективы: вокально-инструментальные ансамбли, народные театры, танцевальные и вокальные объединения, которые участвовали в фестивалях и смотрах самодеятельного художественного творчества. С 1970 г. в Краснокаменске проходили ежегодные фестивали трудовых коллективов «Слава труду» [1, с. 200–215]. По данным отчетов отдела культуры в 1986 г. коллективы художественной самодеятельности Краснокаменска охватывали 4 500 чел. [2, л. 31].

Северобайкальск как один из крупнейших населенных пунктов в зоне Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) являлся центром самодеятельного творчества строителей и железнодорожников. Всесоюзную известность получил фестиваль искусств «Огни магистрали», ежегодно проходивший в притрассовых населенных пунктах БАМа, фестиваль любительских театров «Театральная весна на БАМе», движение агитхудожественных бригад и пр. [3, с. 364].

С середины 1980-х гг. клубная самодеятельность пошла на спад. На IV Пленуме дорпрофсожа восточносибирских транспортных строителей (1985) отмечалось, что между мероприятиями клубы стоят под замками, а не работают постоянно. В летнее время большинство сотрудников одновременно уходят в отпуск, и культурная жизнь в городах и поселках полностью останавливается [4, л. 16–17]. Руководитель ДК в Северобайкальске также вспоминал о плохо организованной работе профсоюзных клубов города: «Здесь было пять домов культуры, и везде замок висел. Что-то теплилось, где-то как-то было. Обидно, что люди так работали, а отдых им не организовывали. Человек должен восстанавливать свои силы, физическая усталость одно, но самое главное – духовная усталость» [5].

Согласно данным обследования общественного мнения строителей западного участка БАМа, полностью удовлетворенными условиями проведения досуга являлись 29,3 % молодых строителей и 30,6 % представителей старших возрастных групп. Было установлено, что просмотр кинофильмов чаще других упоминается среди мотивов посещения учреждений культуры (73,4 %). Среди других общественных форм проведения досуга выделялось посещение вечеров, танцев (30,9 %). Довольно редко фиксировались посещения клубов для занятий в кружках (11,8 %) [6, с. 85].

Во второй половине 1980-х гг. резко снизилось число участников художественной самодеятельности. Большинство опрошенных работников считали, что их досуг стал значительно беднее и во многом однообразнее. Среди причин, мешающих частому посещению клубов, они, как правило, называли загруженность работой, обилие дел по дому, трудности ухода за детьми [7, с. 98].

Исследователи истории позднесоветской культуры говорят о постепенном процессе «интимизации» общества, т.е. о сдвиге центра мироощущения из общественной среды в личную. Человек стал стремиться проводить больше свободного времени с близкими людьми, уходить от вмешательства в свою жизнь официальных структур [8, с. 56–57]. В самом досуге большинство занятий стали относиться к сфере приватного: чтение, просмотр телепередач, прослушивание музыкальных произведений, прием гостей, посещение друзей, отдых в кругу семьи. В результате интимизации отмирали такие регламентированные формы культурно-просветительской деятельности как лекции и беседы, устные журналы, сокращались прокатные функции клубов, уменьшалось число участников художественной самодеятельности и т. д. Повышение уровня благоустройства городов-новостроек, появление постоянного электроснабжения, расширение зоны телерадиовещания и прочие факторы повышали привлекательность домашнего досуга.

Изменения в работе учреждений культуры происходили медленно и, как правило, базировались на внешне обновленных, но по содержанию во многом прежних формах. По мнению Л. М. Салаховой, несмотря на то что в стране к середине 1980-х гг. сложились условия, вызвавшие демократические изменения, ситуация в области культурной политики оставалась практически прежней, что видно по комплексным программам развития культуры [8, с. 73]. В поста-

новлении ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» от 12 июня 1985 г. отмечалось, что в работе учреждений культуры «слабо учитываются возросшие запросы различных категорий населения». Клубы критиковали за утрату «тесной связи с трудовыми коллективами» [9].

Чтобы остановить общий спад в культурно-массовой работе, в молодых городах региона началось создание культурно-спортивных комплексов (КСК), представлявших собой добровольные объединения учреждений культуры и спортивных организаций. Другим нововведением стали любительские объединения творческой направленности, которые были призваны заменить кружки художественной самодеятельности. В перспективе предполагалось создание небольших клубов по интересам для перевода общения граждан в публичное пространство. В качестве таких объединений оформлялись прежние самодеятельные кружки или популярные у населения танцевальные вечера и дискотеки. Например, в 1986 г. Северобайкальский любительский клуб «Космос» организовывал дискотеки «Горячая пятерка Стаса Намина», «Элтон Джон», «Новинки советской эстрады» [10, л. 85].

Однако несмотря на все рапорты об успешном внедрении указанных изменений, на деле эффективность преобразований часто была заметна только по отчетам чиновников. Как отмечает И. В. Нарский, управление культурой к концу советского периода превратилось в замкнутую и неподдающуюся реформированию систему. Данная система стала настолько самодостаточной, что «игнорировала стихийное производство культурных феноменов», утратила способность управлять культурными процессами и измеряла эффективность деятельности культучреждений по формальным количественным показателям отчетной документации [11, с. 97].

Самым значительным нововведением периода стал перевод клубных учреждений на самоокупаемость. Основными статьями доходов являлись прибыль от демонстрации кинофильмов и продажа билетов на танцевальные вечера и дискотеки. Остальные культурные мероприятия традиционно оставались бесплатными. По воспоминаниям работников профсоюзных клубов деньги собирали на накрытие праздничных столов при проведении новогодних огоньков, однако эти средства в официальных документах не проводились и как прибыль не рассматривались.

В конце 1980-х гг. многие профсоюзы и базовые предприятия молодых городов стали отказываться от содержания своих клубов. В отчете Северобайкальского городского отдела культуры читаем: «Практически не ведется работа в ДК «Дружба», не существует театра рабочей молодежи «Вдохновение», так как администрация поезда, профком и совет трудового коллектива приняли решение не содержать ДК и его работников… Нет никакого помещения у ансамбля «Северный Байкал», который репетирует в подвале горисполкома, требуются помещения для городского ДК, библиотеки, школы искусств и музея» [12, л. 28].

Дискотеки, превратившиеся в один из основных источников прибыли, воспринимались руководящими органами неоднозначно. С одной стороны, в условиях сокращения доходов от кинопроката и общего снижения посещаемости клубов оформляемые как «танцевальные объединения» или «вечера отдыха» дискотеки помогали достигать плановых показателей по прибыли и охвату населения культурно-массовой деятельностью. С другой, дискотеки в СССР рассматривались как канал распространения идеологически «вредной» западной музыки [13, с. 131]. Попытки установить контроль над программами и репертуаром дискотек, в основном, сводились к критике на различных собраниях и в печатных СМИ, а также к организации работниками отделов культуры, образования и комсомольских организаций формальных рейдов и «музыкальных патрулей», не имевших официальных полномочий [14, p. 255–266]. Преимущественно под санкции таких рейдов попадали несовершеннолетние. Например, в опубликованном письме выпускницы Нижнеангарской средней школы упомянут следующий эпизод: «Администрация школы совместно с милицией частенько устраивали рейды по дискотекам. Мы, конечно, разбегались со скоростью тараканов при неожиданном включении света на общежитской кухне. Кто, как и где доставал записи, сильно никто не распространялся. Но при желании можно было иметь все: и закрытые концерты Высоцкого, и «Машину времени», и Элтона Джона, и «Битлов», и любых итальянцев. А также Smokie, ABBA, Baccara, Runaways и даже Genghis Xhan…» [15, с. 247–251]. Как отмечают исследователи, руководство многих профсоюзных учреждений культуры не было заинтересовано в ужесточении контроля над дискотеками, поскольку их закрытие или даже приведение репертуара в соответствие с предъявляемыми требованиями могло привести к снижению доходов учреждения [13, с. 132; 16, с. 77].

Наряду с дискотеками с распространением видеоаппаратуры и видеокассет повсеместно при клубах стали открываться видеосалоны. В одном только Северобайкальске в 1989 г. функционировало 15 видеосалонов [17, л. 55]. Если по отношению к дискотекам отделы культуры занимали «умеренную» позицию, то видеосалоны вызывали единогласное осуждение чиновников. Председатель городского совета народных депутатов Северобайкальска с возмущением докладывал, что «дома культуры СМП-575, 581, 607 стали очагами бескультурья», «обирают своих же работников сверх нормативов оплаты за видео». Вместо установленного по городу 1 р. клубы взимали 1,4 р., используя при этом билеты «неустановленного образца» [17, л. 55]. Руководители клубов оправдывались тем, что главная цель их учреждений – «содержать себя», что вынуждало сместить акценты в работе на организацию дискотек и видеосалонов.

Таким образом, в конце рассматриваемого периода в понимании основных задач учреждений культуры происходит эволюция: от советского культурно-просветительского проекта к коммерческому предприятию. Досуг окончательно выходит из-под контроля советских государственных и общественных организаций, превратившись в частную сферу жизни горожан, что станет основой формирования новой модели культурного развития городских сообществ в постсоветский период.

Список литературы

1. Город с горячим сердцем. Живая история Краснокаменск: Администрация городского поселения «Город Краснокаменск», 2019. 304 с.
2. Архивный отдел администрации города Краснокаменск Забайкальского края. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 350.
3. Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж. Исторический опыт развития культурно-просветительских учреждений новых городов Бурятии в 1950–1980-е годы // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. С. 354–367. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-354-376.
4. Архивный отдел администрации города Братска Иркутской области. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 384.
5. ПМА: интервью с муж., 56 лет, Северобайкальск, 2004 г.
6. Белкин Е. В., Шереги Ф. Э. Формирование населения в зоне БАМ. М.: Мысль, 1985. 70 с.
7. Аргудяева Ю. В. Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М.: Мысль, 1988. 174 с.
8. Салахова Л. М. Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири в сер. 50-х – 80-е годы: опыт Братско-Усть-Илимского ТПК. Братск: ГОУ ВПО «БрГУ», 2005. 222 с.
9. О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений в РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР от 15 августа 1985 года № 357 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901700171 (дата обращения: 17.11.2024).
10. Управление культуры и архивного дела Северо-Байкальского муниципального образования Республики Бурятия. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 113.
11. Нарский И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: культурная история советской танцевальной самодеятельности. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 751 с.
12. Архивный отдел администрации города Северобайкальск Республики Бурятия. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 29.
13. Шадрин В. О. Советские дискотеки и Советское государство: неуправляемый объект управления // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 4. С. 128–135.
14. Ward Chr. Rockin’ Down the Mainline: Rock Music during the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984 // Youth and Rock in the Soviet Bloc: Youth Cultures, Music, and the State in Russia and Eastern Europe / ed. W. J. Risch. Lanham: Lexington Books, 2014. P. 255–266.
15. История Северо-Байкальского района / Т. П. Темникова. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2015. 600 с.
16. Давыдов С. Г. Дискотечное движение в СССР эпохи «застоя» // Современная научная мысль. 2014. № 2. С. 73–78.
17. Архивный отдел администрации города Северобайкальск Республики Бурятия. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 157.

Ю. Н. Варфоломеева

Поэтическое творчество как форма досуга в молодых городах Забайкалья (на примере г. Северобайкальска)*

В статье исследуется поэтическое творчество как форма досуга в одном из молодых городов Забайкалья – Северобайкальске, возникновение которого неразрывно связано с возведением Байкало-Амурской магистрали. Поэзия стала отдушиной для строителей, геологов,

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01656, https://rscf.ru/project/24-28-01656.

учителей и представителей других профессий, попавших в новые суровые условия жизни и труда. В советский период основными темами выступили перекликающиеся, как правило, романтизированные темы Родины, БАМа, любви, дружбы, природы, труда. К перечисленным темам в постсоветский период добавились тема ностальгии по героическому прошлому, гордости за подвиг и современный обновленный город.

The paper is devoted to poetry as a form of leisure in one of the young towns of Transbaikalia – Severobaikalsk, the emergence of which is inextricably linked with the construction of the Baikal-Amur Mainline. Poetry became an outlet for builders, geologists, teachers and representatives of other professions who found themselves in new harsh conditions of life and work. In the Soviet period, the main themes were echoing, as a rule, romanticized themes of the Motherland, BAM, love, friendship, nature, labor. In the post-Soviet period, the listed themes were supplemented by the theme of nostalgia for the heroic past, pride in the feat and a modern renovated city.

Ключевые слова: Байкало-Амурская магистраль, форма досуга, молодые города Забайкалья, город Северобайкальск, поэтическое творчество, темы поэзии.

Key words: Baikal-Amur Mainline, a form of leisure, young towns of Transbaikalia, Severobaikalsk, poetry writing, poetic themes.

Строительство Байкало-Амурской магистрали в 1970–1980-е гг. выступило важнейшей предпосылкой активного развития Сибири и Дальнего Востока. В ходе постройки БАМа возникло более 300 городов, поселков и железнодорожных станций, которые должны были обеспечить эксплуатацию дороги, а также вовлечь в народнохозяйственный комплекс малоосвоенные северные территории [1, с. 208].

Северобайкальск выступил одним из важнейших поселений. Возникший в 1974 г. как палаточный лагерь, Северобайкальск становится с 1980 г. городом республиканского подчинения. В целях упорядочения системы культурного обслуживания и организации досуга населения БАМа в 1974 г. была создана Междуведомственная комиссия по вопросам координации культурного обслуживания строителей БАМа [2, л. 117–123], которая составила единый комплексный план культурного обслуживания строителей, установила порядок направления творческих бригад в районы БАМа – только по согласованию и с разрешением координационной комиссии. Министерством культуры были разработаны предложения комиссии Совета Министров РСФСР культурного строительства в регионе [3, с. 71]. Минкультуры РСФСР разработал план культурного обслуживания строителей на 1975 г., в который были включены Минкультуры РСФСР, всесоюзное общество Знание, Союз писателей СССР, ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, союз журналистов, союзконцерт [4, л. 5].

Союз писателей РСФСР развернул на БАМе масштабную работу, в результате чего организовывались выездные пленумы союза, дни российской литературы на БАМе с участием популярных советских писателей и поэтов Ю. Бондарева, В. Солоухина, Е. Евтушенко, В. Афанасьева, В. Распутина, семинары молодых драматургов Сибири и Дальнего Востока.

В 1976 г. в населенных пунктах БАМа прошли Пушкинские дни, ставшие впоследствии традиционным мероприятием. В 1977 г. на Пушкинских днях возникла идея регулярного обучения молодых самодеятельных авторов в форме общетрассовых семинаров [5, с. 110–112]. Кроме того, было решено проводить конкурсы на лучшее поэтическое произведение о БАМе. В результате был собран сборник стихов «Стыковка», где представлено 40 бамовских поэтов.

В начале 1980 г. был выпущен коллективный сборник стихотворений «Песни над магистралью», в который вошли стихи поэтов Бурятии о БАМе: С. Ангабаева (Размышление у Байкала», Каждый миг мой сейчас…» и др.), А. Бадаева («Песня молодых строителей БАМа»), М. Самбуева, «Триптих с берегов Ангаракана», «Размышления у подножья Северо-Муйского хребта» и др.), М. Шиханова («Из таежной тетради») и др. Кроме того, в сборнике читатель встретил стихи геологов-изыскателей и строителей: Г. Кибанова («На зимнике», «Рыбаку-геологу»), В. Латыпова («Вопрос Леонардо да Винчи»), Т. Немовой («Родина», «Ты на лыжах пробеги…», «Сон в тайге» и др.), П. Лосева («Просека») и др. [6].

Книга вышла тиражом в 5 тыс. экземпляров. Исследователи не раз подчеркивали, что БАМ – это не только стройка, но школа жизни, место, куда молодежь ехала за романтикой, восхищалась суровой красотой природы, находила верных друзей и любовь, поэтому основными темами сборника выступили тема Родины, любви, дружбы, природы, труда. Все они пересекаются между собой, образуя единое поэтическое пространство. Поэзия стала отдушиной для строителей, геологов, педагогов и представителей других профессий, попавших в новые суровые условия.

Тема БАМа присутствует в творчестве каждого автора: А. Бадаев «Песня молодых строителей БАМа», Д. Жалсараев «Первопроходцы БАМа», В. Лоргоктоев «БАМ» и др. Тема труда нередко романтизируется, неразрывно связываясь с темой БАМа, акцентируя внимание на профессиях, востребованных в условиях строительства магистрали: Т. Немова «Шоферам БАМа», Г. Кибанов «Рыбаку-геологу», М. Самбуев «Рассказ поварихи», Е. Юшин «После работы»:

В моих ушах пилы певучий звук.
Работа кончилась, а шум не прекратился.
……
Дымит костер. Курю. Стихи пишу.
И руки тихо чешутся от ссадин [6, с. 84].

Рассматривая лирику о БАМ, Е. В. Зырянова констатирует несколько ключевых концептов, реализующихся в произведениях советских авторов: БАМ, стройка, природа, молодость, романтика, судьба [7, с. 429].

В постсоветский период Северобайкальск остается одним из центров поэтического творчества, в 2004 г. в городе образовано литературное объединение «Контакт». Основными авторами выступили В. М. Анисимов – почетный транспортный строитель, инженер-строитель, Ю. Аникин – проходчик, участник рекорда по проходке горных выработок, С. Акимова – редактор и корреспондент первого радиовещания на Бурятском участке БАМа, О. И. Ажичакова –

преподаватель геометрии, Е. Авдеев – пилот, перевозчик грузов на БАМ, Т. Ветрова – режиссер межшкольного поэтического театра [8].

К ранее отмеченным темам прибавляются ностальгические настроения, например в стихотворении Ю. Аникина «БАМ живет»:

БАМ по-прежнему в сердце живет,
Здесь бегут поезда, громыхая.
И морозное утро встает
Над моим зачарованным краем [8, с. 13].

Произведение этого же автора «Десять лет спустя» также содержит ностальгические мотивы, подчеркивается значимость БАМа для жизни советской молодежи:

Где палатки стояли –
Поднялись города.
Это молодость наша –
Это наша судьба! [8, с. 17]

Тема родного города неразрывно связывается с БАМом:

Северобайкальск, с каждым годом становится краше,
Ты – мечта воплощенная наша,
Ты – дороже почетных наград –
Северобайкальск – город-сын,
город-друг,
город-брат.
Комсомольскую молодость
Вместе с БАМом в сердцах нам хранить.
(Т. Ветрова «Мой город» [8, с. 55])

Мой город, он сроднился с БАМом
В дороге трудной на восток.
(С. Акимова «Мой юный город пахнет бором… [8, с. 23])

В своих произведениях и автобиографиях поэты Северобайкальска подчеркивают свою особую роль в жизни страны, БАМа, родного города, в текстах чувствуется гордость за свой подвиг, нынешний город, подчеркивается, что удивительный край проявил поэтический талант у людей совсем иных профессий:

Не пугаемся холода,
И работать умеем, и жить.
(Т. Ветрова «Мой город» [8, с. 55])

Жить нельзя вполнакала,
Надо все до конца.
Ярче солнца горели
Молодые сердца.
(Ю. Аникин «Десять лет спустя» [8, с. 17]).

Мы – бамовцы, мы так с тобой привыкли
Гордиться тем, что сделали мы сами.
(С. Акимова «Мы сразу знали – будет новый город» [8, с. 22])

В теме природы постоянно фигурируют два основных мотива – тайги и Байкала: В. Анисимов «Гляжу в окно», «Прощание с Байкалом», Л. Рудковская «Байкал! Меня к тебе вела судьба», Г. Русских «Есть тихий мир возле бездны Байкала», «Байкал», О. Ажичакова «Весенний день на Байкале», М. Минеева «Я живу у Байкала» и др.

Поэтическое творчество стало для строителей БАМа неким особым миром, который позволял осмыслить происходящее, сохранить красоту момента, авторы постоянно подчеркивают, что этот удивительный край способствовал не только тому, что люди могли трудиться на гране человеческих сил в жесточайших природных условиях, но и творить, дружить, любить. Основными темами советского период выступали темы Родины, БАМа, любви, дружбы, природы, труда. В постсоветский период добавляются темы ностальгии, гордости за собственный подвиг.

Список литературы

1. Байкалов Н. С. Северобайкальск: город в первом поколении // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Альманах-исследование / отв. ред. М. Я. Рожанский. Иркутск: ОАО Иркутская областная типография № 1, 2002. С. 207–210.

2. Российский государственный архив экономики. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 3392.

3. Власов Г. П. Социально-демографические процессы в новых районах освоения Сибири. Братск: Изд-во БрГУ, 2014. 162 с.

4. Государственный архив Амурской области. Ф. Р-2080. Оп. 1. Д. 23.

5. Вербицкий Ю. С., Пьянков В. Д., Сущевич В. А. Правда о БАМе. БАМ глазами участников его строительства. М.: АСМО-пресс, 2010. 288 с.

6. Песни над магистралью. Стихи поэтов Бурятии о Байкало-Амурской магистрали. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1980. 88 с.

7. Зырянова Е. В. Концепт «БАМ» в русском языковом сознании (на материале стихотворений о БАМе) // «Огни магистрали»: исторический опыт и стратегии развития регионов Сибири и Дальнего Востока (к 50-летию начала строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали): сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием / науч. ред. Н. С. Байкалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, 2024. С. 427–433.

8. Судьба моя – БАМ: сб. стихов. Иркутск: Облмашинформ, 2004. 256 с.

Сведения об авторах

Аксенова Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина; e-mail: marina.v.aksenova@gmail.com

Акользина Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-филологического образования, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина; e-mail: akolmarina@yandex.ru

Аленичева Яна Сергеевна, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: alenicheva.spb@yandex.ru

Бавыкин Вячеслав Васильевич, студент факультета истории социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: slav-bav@yandex.ru

Байкалов Николай Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, зав. лабораторией региональной истории, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова; e-mail: baikalov@bsu.ru

Барабанова Ксения Сергеевна, кандидат исторических наук; e-mail: barabanova13@gmail.com

Баринова Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева; e-mail: rfnz25@yandex.ru

Бачевская Софья Александровна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: sofya.bachevskaya@yandex.ru

Белошеева Виктория Игоревна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: belosheevaviktoria@yandex.ru

Блошенкова Любовь Николаевна, старший преподаватель кафедры документоведения, истории и философии, Ухтинский государственный технический университет; e-mail: bloshenkova83@mail.ru

Брендель Виктория Петровна, ассистент кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»; e-mail: kovtun2004@mail.ru

Бурлуцкая Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: ida777@yandex.ru

Варфоломеева Юлия Николаевна, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, доктор филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова; e-mail: yulvar83@mail.ru

Виноградова Мария Александровна, независимый исследователь; e-mail: ranorom7@mail.ru

Вихрова Ксения Александровна, старший преподаватель, Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица; e-mail: r2654256@gmail.com

Власов Тимофей Викторович, аспирант, Псковский государственный университет; e-mail: timafey13@gmail.com

Воробьева Анастасия Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук; e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Коми республиканская академия государственной службы и управления; e-mail: gngkol2@mail.ru.

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: godovova@mail.ru

Головин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет; e-mail: golovin007@mail.ru

Гусев Александр Викторович, доктор исторических наук, заместитель председателя Костромского регионального отделения Академии военных наук РФ, академик РАЕ, Академия военных наук РФ; e-mail: gusev.aleksandr@list.ru

Гусева Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия; e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Данилова Светлана Александровна, студентка, Высшая школа международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; e-mail: pr.sv.03@mail.ru

Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Душкин Сергей Александрович, аспирант, Юго-Западный государственный университет; e-mail: serezha.dushkin65@yandex.ru

Жбанкова Елена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, профессор факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: evzhbankova@mail.ru

Ильевцев Тимофей Александрович, аспирант аспирантской школы по историческим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики; e-mail: tilevcev@hse.ru; t_a_ilevtsev@mail.ru

Иноземцев Игорь Игоревич, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: iiinozemcev@gmail.com

Исаев Дмитрий Владимирович, студент факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: odores2010@yandex.ru

Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Кальсина Алла Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: kalsina.alla@mail.ru

Карпова Вероника Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: nika7676@mail.ru

Кириков Никита Алексеевич, магистрант 2 курса факультета истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет; e-mail: nik.kirikov.2002@mail.ru

Кирчанов Михаил Дмитриевич, студент факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: mr.kirchanov@bk.ru

Козлов Николай Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, e-mail: koznik49@yandex.ru

Кононова Елизавета Евгеньевна, магистрант, Белорусский государственный университет; e-mail: kononowva@mail.ru

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор, Юго-Западный государственный университет; e-mail: vlavikor@yandex.ru

Коровин Роман Валерьевич, аспирант, Юго-Западный государственный университет

Красникова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: julia2404@mail.ru

Круталевич Анна Александровна, библиотекарь, научная библиотека ГМЗ «Петергоф»; e-mail: mikheeva.ntb@rambler.ru

Крылова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, e-mail: hellennak@yandex.ru

Крылова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт Африки РАН; e-mail: krylovanl@yandex.ru

Купченко Дарья Константиновна, студентка, Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии; e-mail: kupcenko1509@gmail.com

Купченко Константин Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и математических наук, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия; e-mail: svkup100@yandex.ru

Куренкова Юлия Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогического университета; e-mail: klementina57@rambler.ru

Ларин Николай Васильевич, соискатель кафедры истории России и методики обучения истории и обществознания, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина; e-mail: niklar1991@mail.ru

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: v.levashko@lengu.ru

Левицкая Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный редактор, Национальный научно-образовательный центр «Большая российская энциклопедия»; e-mail: levitskaia.t@gmail.com

Мельникова Дарья Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; e-mail: darya.a.melnikova@yandex.ru

Михеева Елена Юрьевна, заведующий отделом, научная библиотека ГМЗ «Петергоф»; e-mail: annnnnnnet@gmail.com

Мозохина Наталья Александровна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора документальных фондов, Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина»; e-mail: natalymoz@mail.ru

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; e-mail: morozovaen@mail.ru

Мухина Зинара Зиевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»; e-mail: mukhiny@mail.ru

Нижник Надежда Степановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России; e-mail: n.nishnik@bk.ru

Никуленкова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Павленко Юлия Михайловна, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; ассистент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: julja-pavlenko00@mail.ru

Пахомова Елена Витальевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: e-v-pahhomova@yandex.ru

Перекрестова Софья Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора Славянского фонда ОФО, Библиотека Российской академии наук; e-mail: perekrestova_sofya@mail.ru

Петербургский Михаил Юрьевич, соискатель кафедры отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: mpeterburgsky@gmail.com

Петряева Александра Викторовна, аспирант, юрисконсульт II категории, Юго-Западный государственный университет, e-mail: AKalugina9@gmail.com

Пивоварова Лидия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»; e-mail: lidia.pivovarova@yandex.ru

Попова Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина; e-mail: a.d.popova@mail.ru

Попова Ольга Дмитриевна, профессор, доктор исторических наук, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина; e-mail: od-popova@mail.ru

Потапенко Павел Сергеевич, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет; e-mail: potapenko.paulus@yandex.ru

Рашитова Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, преподаватель, Академия реставрации и дизайна; e-mail: Rahitova2@mail.ru

Рогацкина Марина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и журналистики, Смоленский государственный университет; e-mail: marina.lk.00@mail.ru

Рочева Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; e-mail: irina.rocheva@yandex.ru

Рябова Алина Андреевна, бакалавр, Институт культуры, истории и права Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина; e-mail: Alina.riabova.05.18@yandex.ru

Самарина Татьяна Николаевна, младший научный сотрудник, ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; e-mail: fareeda-j@yandex.ru

Сидорчук Илья Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор, Высшая школа международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; e-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

Синева Анета Викторовна, магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: Aneta.Sineva@yandex.ru

Соколовский Иван Ростиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; e-mail: sokolowski@yandex.ru

Степанов Аркадий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет; e-mail: pastenovas@mail.ru

Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории России, заведующий научно-образовательным центром краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: kptloorg@yandex.ru

Тетеревлева Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, Северный (Арктический) государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: t.teterevleva@narfu.ru

Тишкина Ксения Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет; e-mail: ksetishkina@mail.ru

Тишкина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет; e-mail: tvtishkina@mail.ru

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Травкин Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: trawkin09@yandex.ru

Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: tatr-arh@mail.ru

Трень Ирина Михайловна, учитель английского языка, гимназия № 2 г. Черняховска; e-mail: irina-tren@mail.ru

Тушканова Виктория Алексеевна, учитель истории и обществознания, гимназия им. А. С. Пушкина г. Сыктывкар

Фот Алёна Гергардовна, кандидат исторических наук, Оренбург ООО Контроль климат, архивариус; e-mail: fotalena@mail.ru

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Хомякова Надежда Викторовна, кандидат исторических наук, первый заместитель директора по учебной работе, Бузулукский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета; e-mail: zam@bgti.ru

Чугаева Ирина Григорьевна, доцент, кандидат педагогических наук, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: irinachugaeva555@mail.ru

Чуриков Артём Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Магнитогорская государственная консерватория им. М. И. Глинки; e-mail: artem-churikov@ya.ru

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Томский государственный университет; e-mail: totleben@yandex.ru

Шендерюк Марина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь; e-mail: m.shenderyuk@gmail.com

Шестова Татьяна Юрьевна, доктор исторический наук, доцент, профессор кафедры теории и практики управления, Пермский филиал РАНХиГС; e-mail: shestova-t@mail.ru

Шурупова Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник; e-mail: shurupova_el@rambler.ru

Шуршикова Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и ВИД, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; e-mail: annashurshikova@yandex.ru

Щукин Денис Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; e-mail: dionysios@yandex.ru

Эмирханов Исмаил Асланович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, e-mail:historik2008@yandex.ru

Ярмолич Федор Кузьмич, кандидат исторических наук, доцент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова; e-mail: f.k.1985@mail.ru

About Authors

Aksenova Marina Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Language Professional Communication, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin; e-mail: marina.v.aksenova@gmail.com

Alenicheva Yana Sergeevna, Postgraduate, Pushkin Leningrad State University; e-mail: alenicheva.spb@yandex.ru

Bavykin Vyacheslav Vasilyevich, Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: slav-bav@yandex.ru

Baikalov Nikolay Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Regional History, Buryat State University named after D. Banzarov; e-mail: baikalov@bsu.ru

Barabanova Ksenia Sergeevna, Candidate of Historical Sciences; e-mail: barabanova13@gmail.com

Barinova Ekaterina Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History and Historiography, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev; e-mail: rfnz25@yandex.ru

Bachevskaya Sofia Aleksandrovna, 5th-year Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail:sofya.bachevskaya@yandex.ru

Belosheeva Victoria Igorevna, 5th-year Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail:belosheevaviktoria@yandex.ru

Bloshenkova Lyubov Nikolaevna, Senior Lecturer, Department of Documentation, History and Philosophy, Ukhta State Technical University; e-mail: bloshenkova83@mail.ru

Brendel Victoria Petrovna, Assistant Professor of the Department of Humanities, Starooskolsky Technological Institute named after A. A. Ugarov (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Technological University "MISIS", e-mail: kovtun2004@mail.ru

Burlutskaya Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: ida777@yandex.ru

Varfolomeeva Yulia Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Associate Professor, Dorzhi Banzarov Buryat State University; e-mail: yulvar83@mail.ru

Vinogradova Maria Aleksandrovna, Independent Researcher; e-mail: ranorom7@mail.ru

Vikhrova Ksenia Aleksandrovna, Senior Lecturer, St. Petersburg State Academy of Art and Design named after A. L. Stieglitz; e-mail: r2654256@gmail.com

Vlasov Timofey Viktorovich, Postgraduate, Pskov State University, e-mail: timafey13@gmail.com

Vorobieva Anastasia Evgenievna, Senior researcher, Candidate of Phychological Sciences, Associate Professor, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Gagieva Anna Kapitonovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, State Komi Republican Academy of Public Administration and Management; E-mail: gngkol2@mail.ru

Godovova Elena Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: godovova@mail.ru

Golovin Evgeny Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Constitutional Law, Southwestern State University; e-mail: golovin007@mail.ru

Gusev Alexander Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Deputy Chairman of the Kostroma Regional Branch of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Economics; Academy of Military Sciences of the Russian Federation; e-mail: gusev.aleksandr@list.ru

Guseva Tatyana Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher – Head of the History Department, Research Institute for Humanities under the Government of the Republic of Mordovia; e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Danilova Svetlana Alexandrovna, Student, Higher School of International Relations Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; e-mail: pr.sv.03@mail.ru

Dianova Elena Vasilievna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Petrozavodsk State University; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Dushkin Sergey Aleksandrovich, Postgraduate, Southwestern State University; e-mail: serezha.dushkin65@yandex.ru

Zhbankova Elena Vasilievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor, Lomonosov Moscow State University; e-mail: evzhbankova@mail.ru

Ilyevtsev Timofey Aleksandrovich, Postgraduate of the Postgraduate School of Historical Sciences, National Research University “Higher School of Economics”; e-mail: tilevcev@hse.ru; t_a_ilevtsev@mail.ru

Inozemtsev Igor Igorevich, Postgraduate, Pushkin Leningrad State University; e-mail: iiinozemcev@gmail.com

Isaev Dmitry Vladimirovich, Student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: odores2010@yandex.ru

Kabytova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Kalsina Alla Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: kalsina.alla@mail.ru

Karpova Veronika Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: nika7676@mail.ru

Kirikov Nikita Alekseevich, 2nd year Postgraduate, Faculty of History, Philosophy and Law, Omsk State Pedagogical University; e-mail: nik.kirikov.2002@mail.ru

Kirchanov Mikhail Dmitrievich, Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: mr.kirchanov@bk.ru

Kozlov Nikolay Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University, e-mail: koznik49@yandex.ru

Kononova Elizaveta Evgenyevna, Postgraduate, Belarusian State University; e-mail: kononowva@mail.ru

Korovin Vladimir Viktorovich, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor, South-West State University; e-mail: vlavikor@yandex.ru

Korovin Roman Valerievich, Postgraduate, South-West State University

Krasnikova Yulia Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History for Teaching at the Natural Sciences and Humanities Faculties, St. Petersburg State University; e-mail: julia2404@mail.ru

Kroutalevitch Anna Alexandrovna, Librarian of the Library and Information Services Sector of the Scientific Library Department, Peterhof State Museum-Reserve; mikheeva.ntb@rambler.ru

Krylova Elena Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Advertising and Public Communications Department, Pushkin Leningrad State University, e-mail: hellennak@yandex.ru

Krylova Natalia Leonidovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences; e-mail: krylovanl@yandex.ru

Kupchenko Darya Konstantinovna, Student, St. Petersburg branch of the State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy" named after V. B. Bobkov; e-mail: kupcenko1509@gmail.com

Kupchenko Konstantin Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Mathematical Sciences, Smolensk State Agricultural Academy; e-mail: svkup100@yandex.ru

Kurenkova Yulia Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: klementina57@rambler.ru

Larin Nikolay Vasilyevich, Candidate of the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Ryazan State University; e-mail: niklar1991@mail.ru

Levashko Vadim Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.levashko@lengu.ru

Levitskaya Tatyana Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Scientific Editor, National Scientific and Educational Center “Great Russian Encyclopedia”; e-mail: levitskaia.t@gmail.com

Melnikova Darya Andreevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, St. Petersburg State Agrarian University; e-mail: darya.a.melnikova@yandex.ru

Mikheeva Elena Yuryevna, Head of the Scientific Library Department, The Peterhof State Museum-Reserve; e-mail: annnnnnnet@gmail.com

Mozokhina Natalia Aleksandrovna, Candidate in Art History, Senior Researcher of Documentary Collections Sector of The Gatchina Palace and Estate Museum; e-mail: natalymoz@mail.ru

Morozova Elena Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History and Historiography, Institute of History and International Relations, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky; e-mail: morozovaen@mail.ru

Mukhina Zinara Zievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities, Starooskolsky Technological Institute named after A. A. Ugarov (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Technological University "MISIS", e-mail: mukhiny@mail.ru

Nizhnik Nadezhda Stepanovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: n.nishnik@bk.ru

Nikulenkova Elena Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University; e-mail:elena_na2004@mail.ru

Pavlenko Yulia Mikhailovna, Postgraduate, Pushkin Leningrad State University; Assistant of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: julja-pavlenko00@mail.ru

Pakhomova Elena Vitalievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: e-v-pahhomova@yandex.ru

Perekrestova Sofya Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Sector of the Slavic Fund of the OFO, Library of the Russian Academy of Sciences; e-mail: perekrestova_sofya@mail.ru

Peterburgsky Mikhail Yuryevich, Candidate of the Department of Russian Medieval and Modern History, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov; e-mail: mpeterburgsky@gmail.com

Petryaeva Alexandra Viktorovna, Postgraduate, Legal Adviser of the II category, South-West State University, e-mail: AKalugina9@gmail.com

Pivovarova Lidia Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Stary Oskol Technological Institute named after A.A. Ugarov (branch) of the National Research Technological University «MISIS»; e-mail: lidia.pivovarova@yandex.ru

Popova Anna Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Ryazan State University named after S. A. Yesenin; e-mail: a.d.popova@mail.ru

Popova Olga Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ryazan State University named after S. A. Yesenin; e-mail: od-popova@mail.ru

Potapenko Pavel Sergeevich, Postgraduate of the Department of Constitutional Law of the South-western State University; e-mail: potapenko.paulus@yandex.ru

Rashitova Olga Anatolyevna, Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Academy of Restoration and Design; e-mail: Rahitova2@mail.ru

Rogatskina Marina Leonidovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University; e-mail: marina.lk.00@mail.ru

Rocheva Irina Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin; e-mail: irina.rocheva@yandex.ru

Ryabova Alina Andreevna, Bachelor, Institute of Culture, History and Law, Yelets State University named after I.A. Bunin; e-mail: Alina.riabova.05.18@yandex.ru

Samarina Tatyana Nikolaevna, Junior Researcher, Federal State Budgetary Scientific Institution of the Order of Peoples' Friendship, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences; e-mail: fareeda-j@yandex.ru

Shestova Tatyana Yuryevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Management, RANEPA Perm Branch; e-mail: shestova-t@mail.ru

Sidorchuk Ilya Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; e-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

Sineva Aneta Viktorovna, 2nd year Master Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: Aneta.Sineva@yandex.ru

Sokolovsky Ivan Rostislavovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: sokolski@yandex.ru

Stepanov Arkady Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ivanovo State University; e-mail: pastenovas@mail.ru

Stepanov Stanislav Vyacheslavovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, Head of the Scientific and Educational Center for Local History Research, Pushkin Leningrad State University; e-mail: kptloorg@yandex.ru

Teterevleva Tatyana Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Northern (Arctic) State University named after M. V. Lomonosov; e-mail: t.teterevleva@narfu.ru

Tishkina Ksenia Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University; e-mail: ksetishkina@mail.ru

Tishkina Tatyana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University; e-mail: tvtishkina@mail.ru

Tikhomirov Nikita Vadimovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian State Humanitarian University; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Travkin Sergey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University; e-mail: trawkin09@yandex.ru

Troshina Tatyana Igorevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work and Social Security, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; e-mail: tatr-arh@mail.ru

Tren' Irina Mikhailovna, English Teacher, Gymnasium No. 2, Chernyakhovsk, e-mail: irina-tren@mail.ru

Tushkanova Victoria Alekseevna, History and Social Science Teacher, MAOU "Gymnasium named after A.S. Pushkin"

Fot Alyona Gergardovna, Candidate of Historical Sciences, Orenburg OOO Climate Control, Archivist; e-mail: fotalena@mail.ru

Khisamutdinova Ravilya Rakhimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Khomyakova Nadezhda Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, First Deputy Director for Educational Work, Buzuluk Humanitarian and Technological Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», e-mail: zam@bgti.ru

Chugaeva Irina Grigoryevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural State Pedagogical University; e-mail: irinachugaeva555@mail.ru

Churikov Artem Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Magnitogorsk State Conservatory named after M. I. Glinka; e-mail: artem-churikov@ya.ru

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University, e-mail: totleben@yandex.ru

Shenderyuk Marina Gennadyevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Independent Researcher; e-mail: m.shenderyuk@gmail.com
Shurupova Elena Evgenyevna, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve; e-mail: shurupova_el@rambler.ru

Shurshikova Anna Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia and Foreign Affairs, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin; e-mail: annashurshikova@yandex.ru

Shchukin Denis Vasilyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Historical-Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin; e-mail: dionysios@yandex.ru

Emirkhanov Ismail Aslanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov; e-mail: historik2008@yandex.ru

Yarmolich Fyodor Kuzmich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the First Saint Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov; e-mail: f.k.1985@mail.ru

Электронное научное издание

ДОСУГ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Материалы международной научной конференции,
3–5 апреля 2025 г.

Ответственный редактор
Веременко Валентина Александровна

Редакторы: Е. С. Дмитриева, Т. Г. Захарова, Е. Н. Куликовская, В. А. Паршутина
Технический редактор Н. П. Никитина
Техническая обработка Н. П. Никитина

Подписано к использованию: 17.04.2025
Заказ № 2025
Тираж 100 экз.
Объем издания: 4 Мб
1 CD-ROM

Минимальные системные требования
ПК (AMD, Intel, 1,5 Ггц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM;
Adobe Acrobat Reader

Программное обеспечение, использованное для подготовки издания:
MS Office, Adobe Acrobat DC

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10
www.lengu.ru; pushkin@lengu.ru: тел. +7 (812) 451-91-76